

Священное Писание

в толкованиях святителя Иоанна Златоуста

Том II

Псалмы

Тропарь
святому Иоанну Златоустому,
глас 8-й

Уст твоих, я́коже све́тлость огня́,
возсия́вши благода́ть, вселе́нную
просвети́: не сребролю́бия ми́рови
сокро́вища сниска́,
высоту́ нам смиреному́дрия показа́,
но твоими словесы́ наказу́я,
о́тче Иоа́нне Злато́усте,
моли́ Сло́ва Христа́ Бога
спасти́ся душа́м на́шим.

Священное Писание
в толкованиях
святителя
Иоанна Златоуста

Том II

«Ковчег»
Москва
2006

По благословению
Высокопреосвященного Сергия,
Архиепископа Тернопольского
и Кременецкого

Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Том II. Беседы на псалмы. — М.: «Ковчег», 2006. — 736 с.

ISBN 5-98317-084-8

Подписано в печать 06.03.06. Формат 60×90[1]/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 46 п. л. Усл. печ. л. 29,67.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Тираж 3000 экз. Заказ 2575

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Красина, 7

Оптовая и розничная книжная торговля

Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

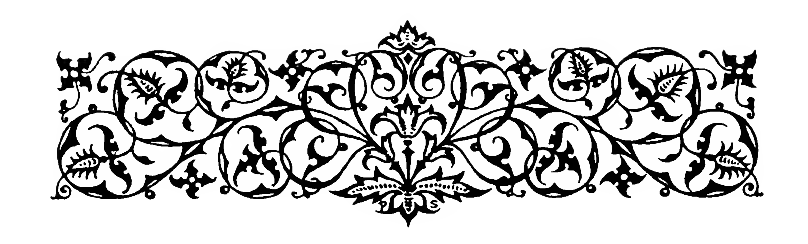
Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕСЕДЫ НА ПСАЛМЫ

БЕСЕДЫ НА ПСАЛМЫ

Предлагаемые в настоящем томе Беседы святого Иоанна Златоуста на Псалмы Давида принадлежат к лучшим его творениям, и происхождение их относится к наиболее цветущему периоду его проповеднической деятельности в Антиохии (с 393 по 397 годы), хотя окончательная форма этим беседам могла быть придана и позже. Можно думать, что великий учитель последовательно дал в своих беседах толкование на *всю Псалтирь*, но до нас дошли они не все, так что и начинаются они прямо с изъяснения 3-го псалма.

НА ПСАЛОМ 3

Псалом Давиду, внегда отбегаше от лица Авессалома сына своего. Господи, что ся умножиша стужающии ми (ст. 1, 2).

Цари воздвигают победные статуи в честь военачальников, одержавших победу; также начальники выставляют победоносные изображения и столбы в честь возниц и борцов, и заставляют вещество надписью, как бы устами, возвещать победу. Другие излагают похвалы победителям в книгах и письменах, желая показать, что в похвалах сами они сильнее тех, кого хвалят. Ораторы и живописцы, резчики и ваятели, народы и начальники, города и селения удивляются победителям; но ни-

кто не начертал изображения в честь бегущего и невоевавшего, как (делает) теперь Давид, – потому что говорится: *псалом Давиду, когда он убегал от лица Авессалома сына своего.* И когда беглец удостаивается похвал? Когда изгнанник заслуживает надписи? Беглецов ловят, письменно объявляя о них, а не прославляют надписями. Но узнай, брат, причину такого надписания (псалма) и сохрани свою душу; пусть это повествование послужит тебе к исправлению жизни; пусть это гонение на праведника будет ограждением для ума твоего. Узнай, почему Давид был гоним Авессаломом, дабы тебе, утвердившись на этом, как бы на основании, созидаться страхом Божиим, – потому что как здание без основания бывает непрочно, так и писание, если не видишь цели его, не приносит пользы.

Блаженный Давид в настоящем псалме имел целью научить добродетельной и целомудренной жизни, никогда не делать зла и не презирать законов Божиих, чтобы согрешивший не потерпел того же, что потерпел он сам. Давид бежал от сына своего, потому что удалился от чистоты; бежал от сына, потому что нарушил целомудренное супружество; бежал от сына, потому что убежал от закона Божия, который говорит: *не убий, не прелюбы сотвори* (Исх. XX, 13). Он ввел в дом свой чужую агницу, убив ее пастыря, и агнец из собственного дома его стал бодать своего пастыря; он внес войну в чужой дом, и из собственного дома его восстала против него война. Это не мое умствование, но изречение Божие; а где изъясняет Бог, там никто противоречить не может. А что действительно против Давида восстал сын его за то, что он убил Урию и взял жену его, о том послушай Бога, Который сказал Давиду через пророка Нафана: *аз* помазах *тя в царя над Исраилем, и* избавих *тя от руки Сауловы: и дах ти* все *господина твоего, дом* Саула *и Иудин: и еще, мало ти есть, приложу тебе к сим. И что яко*

презрел еси Господа, *еже сотворити лукавое пред* лицем моим? *Урию Хеттеанина убил еси мечом, и жену его поял еси себе в жену. И ныне не отступит меч от дому твоего* во *век* (2 Цар. XII, 7–10). Ты рассек мечом чужой дом, а я приготовлю меч на тебя в твоем доме: *се аз воздвигну на тя злая от дому твоего,* не откуда-нибудь извне, но *от дому твоего* (2 Цар. XII, 11). Откуда источник греха, оттуда и бич наказания. Итак, потому он бежал от сына, что сделался беглецом и изгнанником по отношению к заповеди Божией. *Псалом Давиду,* когда он убегал *от лица Авессалома сына своего.* Лучше показать причину войны, чем повествовать о самой войне, дабы нам, увидев падение праведника, самим предостеречь себя от падения и избежать подобного наказания. Многие ведь и ныне ведут войну в домах своих: один встречает войну от жены, другой осаждается сыном, иной терпит неприятности от брата, иной от слуги, – и каждый мучится, досадует, сражается, причиняет войну и поражается войной; но никто не думает, рассуждая сам в себе, что, если бы он не посеял грехов, то не возросли бы в доме его терния и волчцы, – если бы не подложил искр греховных, то не воспламенился бы дом его. А что домашние бедствия суть плоды грехов и что исполнителями наказания грешнику Бог назначает домашних его, об этом свидетельствует Божественное Писание, которого нет ничего достовернее. С тобой ведет войну жена, при входе твоем встречает тебя, как дикий зверь, изощряет язык свой, как меч? Прискорбно, конечно, что помощница сделалась противницей; однако исследуй самого себя, не замышлял ли ты в юности чего-нибудь против какой-нибудь женщины, и вот оскорбление женщины отмщается женщиной и чужую рану врачует собственная жена твоя. Хотя сама действующая не знает этого, но знает врач – Бог. Он действует на тебя ею, как железом, и как железо не знает того, что делает, а знает

совершающий железом врачевание – врач, так и здесь, хотя жена поражающая и муж поражаемый не знают причины поражения, но Бог, как врач, знает, что полезно. А что злая жена есть бич за грехи, об этом свидетельствует Божественное Писание; оно говорит, что грешному мужу дастся злая жена (ср.: Сир. XXV и XXVI). Она дастся ему, как горькое лекарство, истребляющее греховные соки. А что и нападения от детей суть также наказания за грехи, тому свидетель Давид, гонимый сыном своим Авессаломом за беззаконную связь, как показывают вышеприведенные слова. И что братья враждуют против братьев также за грехи, о том свидетельствует книга Судей. Когда некоторые из колена Вениаминова соблудили с наложницей путешественника и она, не перенесши безмерной обиды, умерла, одиннадцать колен начали войну против одного; но так как одиннадцать колен отступили от Бога и прелюбодейно обратились к идолам, то все одиннадцать были побеждены одним коленом, и притом многократно были побеждаемы им одним, между тем как над ним одержали только одну победу, – и братья воевали с братьями, потому что Бог за грехи их разрушал средостение греха (см.: Суд. XIX и XX). Когда одно колено соблудило с женщиной, а одиннадцать колен прелюбодейно обращались с идолами, то и те и другие были истреблены Богом, как написано: *потребил еси всякаго любодеящаго от тебе* (Пс. LXXII, 27). Таким образом братья воевали с братьями за грехи. Когда братья нападают на тебя, то не столько сетуй на них, сколько смотри на самого себя и тщательно исследывай, за какие грехи братья сделались твоими врагами. Впрочем, не все за грехи терпят нападения от братьев. Так, Иосиф терпел нападения от братьев, но совсем не за грехи; и Иов подвергался наветам жены, но совсем не за грехи. У большинства людей домашние бывают врагами по при-

чине грехов. Бывает, что и друзья за грехи обращаются во врагов, и прежде любившие начинают ненавидеть и отвращаться, потому что Бог попускает такую ненависть между ними по известным Ему причинам. Так о египтянах написано в псалме сто четвертом: *преврати сердце их возненавидети люди его* (Пс. CIV, 25). А Бог не попустил бы ненависти, если бы прежде любовь их не была порочной. Кому любовь служила к погибели, тому ненависть делается побуждением к добродетели. И рабы и подчиненные часто восставали на господ своих за грехи их. Так, посмотри, когда Адам еще не согрешил, тогда и звери служили и подчинялись ему, и он нарицал имена им, как рабам своим; а когда он запятнал лицо свое грехом, тогда звери не узнали его, и из рабов сделались его врагами. И как домашний пес служит тому, кто его кормит, боится и трепещет его, а если вдруг увидит его с лицом, запачканным сажей или покрытым чужой маской, то бросается на него, как чужого, и покушается растерзать его, так было и с Адамом: доколе он сохранял чистым лицо свое, созданное по образу Божию, дотоле звери подчинялись ему, как рабы, а когда он запятнал лицо свое непослушанием, то они не узнали в нем господина и стали враждовать против него, как чужого. Таким образом и восстание рабов бывает воздаянием за грехи. Праведен был Даниил, и львы признали владычество его; они видели его не вкусившим греха и оставили непричастным наказанию (см.: Дан. VI, 22). Согрешил солгавший пророк, и встретил его лев на пути и умертвил (см.: 3 Цар. XIII, 24); он запятнал себя ложью, и лев не узнал его. Если бы лев увидел в нем пророка, подобного Даниилу, то почтил бы его; но он нашел лжепророка, и потому напал на него, как на чужого; владыка солгал — и раб отвергнул владычество его. Но что я говорю о домашних бедствиях, если и самое тело наше, которое всего ближе и

любезнее нам, — если и оно порой враждует против нас, когда мы согрешаем, отмщая нам горячками и другими болезнями и страданиями, — если и раболепствующее тело наказывает владычествующую душу, когда она согрешает, не потому, чтобы оно хотело этого, но потому, что делать так заповедано ему? Об этом свидетельствует Христос, Который сказал исцеленному расслабленному: *се здрав еси: ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. V, 14). Итак, узнав, братья, что войны от домашних, родных и рабов, и болезни телесные большей частью бывают за грехи, будем истреблять источник зол — грех. Когда не текут потоки страстей, тогда реки вод Божиих веселят душу. Давид взял замужнюю жену, как чужое царство (ведь для всякого мужа единодушная жена есть царство, и не столько царь любит порфиру и диадему, сколько муж любит жену), — за то сын собственной жены его восстал на него, как тиран, намереваясь отнять царство у отца. Он взял насилием, и сам подвергся насилию; согрешил тайно, и обличен явно; ранил себя втайне, и при всех испытал на себе руку врача, по слову Божию: *ты сотворил еси втайне, аз же сотворю явно и пред солнцем сим* (2 Цар. XII, 12). Впрочем, злоба Авессалома не достигла цели, и справедливо, — дабы отцеубийцы не приняли поступка его за правило отцеубийства; но, послужив как исполнитель наказания, он был сам убит как осужденный. Как на зрелищах дикие звери на одних нападают, а другими сами убиваются, — так Авессалом, напавши на Давида, был убит Иоавом (см.: 2 Цар. XVIII, 14), и на высоком дереве повис тот, который превозносился перед отцом; удержан был растением тот, который восстал против корня; в ветвях запуталась ветвь, которая отломилась от отеческого расположения; удержан был за голову тот, который домогался овладеть головой родителя; висел как плод от растения тот, который хотел

истребить виновника естества своего; поражен был в сердце и убит в то самое место, где замышлял убийство.

Тогда можно было видеть удивительное зрелище: едучи на лошаке, он был удержан густыми ветвями дерева за густые волосы, и ветви держали за волосы тирана, причиняя ему самому боль в том самом месте, на котором он хотел носить отеческую диадему. Можно было видеть, как Авессалом висел между небом и землей. Небо не принимало его, – потому что если оно отвергло первого возмутителя – диавола, то как оно могло принять второго возмутителя? Земля отвращалась от него, не терпя осквернения от ног отцеубийцы, – потому что если она поглотила Дафана, говорившего против Моисея, если разверзла уста свои на того, кто разверз уста свои на зло (см.: Чис. XVI), то как она могла снести ноги, устремившиеся против родителя? Итак, когда Авессалом висел высоко на дереве, подошел к нему военачальник Иоав и вонзил три стрелы в сердце бессердечного, и таким образом поразил его в то самое место, где было вместилище беззакония. И, когда тот висел высоко на дереве, Давид воспел ему прекрасную надгробную песнь: *видех нечестиваго превозносящася и высящася яко кедры, ливанским и мимо идох, и се не бе* (Пс. XXXVI, 35, 36). *Псалом Давиду, внегда отбегаше от лица Авессалома сына своего.* Он убегал от сына не потому, что боялся, но потому, что опасался убить его; он сам щадил его, как сына, но бывшие с ним не пощадили бы его, как возмутителя. Вот почему Давид, будучи гоним сыном и поносим за него Семеем (см.: 2 Цар. XVI), сам великодушно переносил все; но так как многие соблазнялись о нем, особенно возмутившиеся вместе с Авессаломом восстали против него, как бы оставленного Провидением, и говорили: ныне Давид оставлен, совершенно лишен всякой помощи; ныне Бог отступил от него, как некогда от Саула; как тогда Он отступил от

Саула и был с Давидом, так ныне отступил от Давида и обратился к Авессалому; восстанем и нападем на него; нет для него спасения в Боге, — так как они говорили такие речи, то Давид, скорбя более об этом, нежели о дерзких поступках сына, вопрошает Бога: *Господи, что сия умножиша стужающии ми?* Я осажден искушениями, окружен потоками зол, на меня сошел дождь бедствий, пришли реки врагов, подули ветры злых духов, и напали на дом мой, стараясь отлучить от Тебя душу мою; но, утвержденный на камне веры, я не падаю, а припадаю, чтобы узнать: *Господи, что сия умножиша стужающии ми?* Тот, который от меня, против меня, но Ты — со мной. Против меня ведет войну моя утроба, мой народ следует за Авессаломом, мое войско вооружается против меня, мои овцы сделались волками, агнцы — львами, ягнята — бешеными собаками, и овны — бодливыми волами; но я скорблю не о себе, а оплакиваю их погибель (Тебе Спасителю воссылаю благодарность, потому что Тебе подобает слава и держава ныне и присно и во веки веков. Аминь).

НА ПСАЛОМ 4

Внегда призвати ми, услыша мя Бог правды моея (ст. 2)

1. Пророк говорит это не для того, чтобы только мы знали, что он был услышан, но чтобы мы научились, как и мы, призывая Бога, можем быть скоро услышаны, и еще прежде окончания молитвы получить просимое. Пророк не сказал: после того, как я призвал, Он услышал меня; но: *внегда призвати ми*. Так и Сам Бог обещал, сказав некогда призывающему Его: *еще глаголющу ти, речет: се приидох* (Ис. LVIII, 9). Подлинно, не обилие слов умоляет Бога, но душа чистая и являющая добрые дела.

Вот почему тем людям, которые живут порочно, а надеются умолить Бога обилием слов, смотри, что говорит Он: *аще умножите моление, не услышу вас: егда прострете руки, отвращу очи мои от вас* (Ис. I, 15). Итак, молящемуся прежде всего нужно иметь твердую веру, и тогда просимое непременно получится. Потому-то и пророк не просто сказал: *услыша мя,* но с прибавлением: *правды моея,* выражая свою твердую веру в Бога и то, что он всегда с ней приступал к Нему. Никто пусть не думает, будто он превозносится, когда говорит это. Он говорит это не с тем, чтобы превознести самого себя, но чтобы предложить некоторое наставление и увещание, весьма полезное для всех. Дабы кто-нибудь не сказал: он был услышан, потому что был Давид, а я не буду услышан, потому что я мал и незначителен, — он внушает, что и его Бог слушает не без причины, и тебя не слушает не напрасно и случайно, но всегда Он внимательно смотрит на дела. Если ты имеешь дела, которые могут ходатайствовать за тебя, то ты непременно будешь услышан; и напротив, если ты не имеешь их, то хотя бы ты был Давидом, ты не будешь в состоянии умолить Бога. Как любостяжательные не смотрят ни на достоинство других людей, ни на иное что, а только на их богатство, и, надеясь через них сделать все, обращаются к ним одним, — так и у Бога, любящего правду, кто приступает к Нему с ней, тот не отойдет, не получивши ничего, и напротив, кто приступит к нему без нее, или осквернившись противоположными ей пороками, тот, хотя бы просил тысячу раз, не будет иметь никакого успеха, потому что не имеет с собой того, что может умолить Его. Поэтому, если ты хочешь иметь какой-нибудь успех перед Богом, приступай к Нему, взяв с собой правду. Под именем же *правды* разумей здесь не часть добродетели, но всю добродетель всецело. Так праведен был Иов, имевший всю добродетель человеческую; он был

не таков, чтобы от одного порока воздерживаться, а другому предаваться. И мы называем те весы правдивыми, которые всегда одинаковы, которые не только золото могут взвешивать верно, а свинец не верно, но одинаковы по отношению ко всяким веществам; равным образом и меру мы называем правдивой ту, которая всегда одинакова. Так и Иов был праведен, будучи одинаковым во всем. Не в имуществе только он соблюдал эту праведность, но и во всем другом, никогда не преступая меры. О нем никто не может сказать, что в имуществе он любил справедливость, а в обращении с ближними преступал меру, показывая себя гордым и надменным. Он весьма тщательно избегал и этого, почему и говорил: *аще же презрех суд раба моего, или рабыни, прящимся им предо мною; еда не якоже и аз бех, и тии быша* (Иов. XXXI, 18, 15)? Ведь это величайшая неправда — быть гордым и надменным.

2. Как любостяжательным мы называем того, кто хочет присвоить чужое и не довольствуется своим, так и надменным называем того, кто требует себе от ближнего больше, чем сколько ему следует, кто себя считает достойным всякой чести, а другого бесчестит. А это бывает не от чего другого, как от неправды. Что это действительно от неправды, видно из следующего. Бог создал как тебя, так и его, и все даровал тебе и ему равно и одинаково. Почему же ты отвергаешь его, лишаешь чести, которую даровал ему Бог, не допускаешь его к участию в благах, но все присваиваешь себе, и не только в имуществе, но и в чести делаешь его бедным? Бог даровал обоим вам одинаковую природу, удостоил одинаковых преимуществ, одинаково создал, — потому что слова: *сотворим человека* (Быт. I, 26), относятся вообще ко всему роду человеческому. Почему же ты лишаешь его отцовского имущества, приводишь в крайнюю бедность и присваиваешь себе принадлежащее всем? Но

не таков был блаженный пророк; потому он и говорил с дерзновением: *услыша (мя Бог) правды моея.* Так и Павел часто ставит себя на вид, не превозносясь и не надмеваясь, но представляя себя примером для других, например, когда он говорит: *хощу да вси человецы будут, якоже и аз,* по воздержанию (1 Кор. VII, 7). Так и Давид, по требованию обстоятельств, поставляя на вид свое мужество, являвшееся в нем при помощи Божией, говорит, что он и медведей умерщвлял и львов ловил, также не превознося самого себя, — да не будет, — а внушая через это доверенность к себе.

Но, может быть, скажет кто-нибудь: если я имею правду, то какая нужда и молиться, когда она одна может сделать все, и когда Подающий знает, в чем мы имеем нужду? Нужда потому, что молитва есть немаловажный союз любви к Богу, производит в нас навык собеседования с Ним и руководит к любомудрию. В самом деле, если обращающийся с необыкновенным человеком получает великую пользу от частого с ним обращения, то тем более — постоянно беседующий с Богом. Но мы не знаем, как следует, пользы от молитвы, потому что не внимаем ей со всем усердием и не упражняемся в ней по законам Божиим. Когда мы намереваемся говорить с кем-нибудь из людей, которые выше нас, то приводим в надлежащий порядок и внешний вид свой, и походку, и одежду, и все, и потом уже вступаем в разговор; а когда приступаем к Богу, то зеваем, почесываемся, оборачиваемся во все стороны, бываем небрежны; преклоняем колена, а сами блуждаем (мыслями) по площади. А если бы мы приступали с надлежащим благоговением и как подобает беседовать с Богом, то мы узнали бы, еще прежде получения просимого, сколь великую пользу мы получаем от молитвы. Человек, который научился беседовать с Богом, как подобает беседовать с Богом, делается ангелом: так душа его отрешается от уз

плоти, так ум его возвышается и переселяется на небо, так он презирает все житейское, так он становится перед самым престолом царским, хотя бы он был бедным, хотя бы рабом, хотя бы простолюдином, хотя бы неученым. Бог требует не красоты речи и не слов изысканных, но красоты души; и когда она возгласит угодное Ему, то получит все. Видишь ли, какое здесь удобство? У людей, от желающего подойти к кому-нибудь, требуется быть красноречивым, уметь льстить всем окружающим начальника и придумывать много иного, чтобы лучше быть принятым. А здесь не нужно ничего, кроме одной бодрственной души, и нет никакого препятствия приблизиться к Богу. *Бог приближаяйся аз есмь, глаголет Господь, а не Бог издалеча* (Иер. XXIII, 23). Следовательно, от нас зависит быть далеко от Него, а Он всегда находится близко. Но что я говорю: здесь не нужно красноречия? Часто бывает не нужно и голоса. В самом деле, если ты скажешь лишь в сердце своем и призовешь Его, как должно, то Он и тогда скоро услышит тебя. Так Он услышал Моисея; так услышал и Анну (см.: Исх. XIV, 15; 1 Цар. I, 13). Нет при Нем воина, который бы отгонял приходящих, или копьеносца, который бы оттягивал время и говорил: теперь не время, теперь нельзя войти, приди после, но когда бы ты ни пришел, во время ли обеда, во время ли ужина, в самую ли полночь, Он стоит и слушает; хотя бы ты призвал его на площади, хотя бы на пути, хотя бы в спальне, хотя бы стоя перед начальником в судилище, ничто не препятствует Ему услышать прошение, если ты призовешь Его, как должно. Нельзя сказать: я боюсь приступить и просить, — мой враг предстоит перед Ним. Здесь нет и этого препятствия, потому что Он не слушает врага и не отвергает твоего прошения, но всегда и постоянно ты можешь беседовать с Ним, и нет к тому никакого затруднения; здесь не нужно, чтобы вводили

тебя придверники, домашние распорядители, надзиратели, стражи, или друзья, но когда ты приступишь сам собой, тогда особенно Он и услышит тебя, — тогда, когда ты не будешь просить никого другого.

3. Не столько мы умоляем Бога, прося через других, сколько сами от себя. Так как Он желает преданности от нас и делает все, чтобы мы доверяли Ему, то когда видит, что мы делаем это сами от себя, тогда особенно и внимает нам. Так Он поступил и с хананеянкой: когда Петр и Иаков ходатайствовали за нее, то Он не удовлетворил прошению; а когда она сама продолжала просить, то Он скоро даровал ей просимое (см.: Мф. XV, 22). Если Он, по-видимому, несколько и медлил, то поступил так не для того, чтобы эта жена ждала, но чтобы она получила больший венец и продолжением просьбы более приблизилась к Нему. Будем же и мы с усердием обращаться к Богу; научимся, как совершать такое обращение. Не нужно ни ходить в музей*, ни издерживать деньги, ни нанимать учителей, ораторов или софистов, ни тратить много времени, чтобы научиться такому собеседованию (с Богом); но достаточно только захотеть, и это искусство приобретено. И в этом судилище ты можешь говорить не только за себя самого, но и за многих других. И какая цель этого искусства собеседования? Возношение молитвы.

Нужно приступать к Богу с бодрственным умом, сокрушенной душой и с потоками слез, не просить ничего житейского, желать будущего, молить о духовном, не испрашивать зла врагам, никому не помнить зла, исторгать из души своей все страсти, и таким образом приступать с сердцем сокрушенным и смиренным, оказывать совершенную покорность, изрекать языком

* Музей — здание, посвященное музам, или место, назначенное для ученых занятий, училище.

своим благословения, не быть причастным ничему порочному, не иметь ничего общего с общим врагом вселенной, то есть диаволом. Того, кто говорит с царем о других и в то же время имеет общение с его врагами, наказывают даже внешние (гражданские) законы. Поэтому и ты, если хочешь говорить (с Богом) о себе и других, старайся особенно о том, чтобы не иметь ничего общего с общим врагом вселенной. Таким образом ты будешь праведным; а будучи праведным, ты будешь услышан, имея правду своей заступницей. *В скорби распространил мя еси*, говорит пророк. Не сказал: Ты прекратил скорби, или: Ты избавил от искушений, но: Ты сподобил меня устоять и *распространил мя еси*. Действительно, мудрость и сила Божии открываются особенно из того, что Он не только прекращает скорби, но и в продолжение их подает великое спокойствие. Это и силу Божию показывает, и впадающих (в искушения) делает более любомудрыми, когда и дается простор, облегчающий скорбную душу, и не прекращается скорбь, возбуждающая его от лености и избавляющая от всякого усыпления. Но как, скажешь, может быть в скорби *распространение*? Так, как было в печи с тремя отроками, как было в львином рве с Даниилом (см.: Дан. III, 24; VI, 22). Бог тогда не погасил пламени, и однако сделал, что они были на свободе; не умертвил львов, и однако сделал, что он был в безопасности; хотя и там в печи огонь оставался сильно горевшим, и здесь звери оставались зверями, но праведники наслаждались великим спокойствием. Впрочем, можно разуметь *распространение* и иначе, именно: когда душа, огорчаемая искушениями, освобождается от страстей и других многих болезней, тогда она особенно наслаждается спокойствием. Многие, пользуясь благоденствием, предаются безрассуднейшим и мучительным для души их страстям — корыстолюбию, сластолюбию и многим другим поро-

кам; а подвергшись скорби, освобождаются от всего этого и находятся в *распространении.* Как страждущие горячкой, если будут удовлетворять своим неуместным пожеланиям, то есть употреблять в изобилии пищу и вино и тому подобное, то будут чувствовать большее стеснение; а если захотят немного испытать скорбь и потерпеть, то получат великое спокойствие; когда отвергнут то, что производит стеснение, тогда будут наслаждаться совершенным здоровьем, – так бывает и здесь. Ничто обычно не доставляет такого спокойствия, как скорбь, отклоняющая от всех забот житейских. Что было с иудеями, когда они терпели скорби и когда наслаждались благоденствием? Не больной ли, расслабленной и непостоянной душе свойственно говорить следующее: *сотвори нам боги, иже пойдут пред нами: Моисей бо сей, иже изведе нас от земли Египетския, не вемъ, что бысть ему* (Исх. XXXII, 1)? И напротив, не любомудрой ли и свободной от житейских страстей душе свойственны те слова, которые они высказывали в молитве во время скорбей и которыми приобретали себе благоволение Божие? И этот самый пророк (Давид), когда благоденствовал, то как страдал, угнетался и мучился порочным пожеланием! А когда подвергался скорби, тогда, вы знаете, каким он наслаждался спокойствием: тогда не воспламенялся в нем огонь (страсти), но всякий такой пламень угасал. Подлинно, ничто не причиняет нам столько страданий, как усилившиеся в душе страсти. Все другие бедствия действуют отвне, а эти рождаются внутри: отсюда и происходит особенно великое мучение. Хотя бы весь мир огорчал нас, но если мы не огорчаем сами себя, то ничто не будет для нас тяжким. Следовательно, от нас зависит – испытывать скорби или не испытывать скорбей.

4. А чтобы ты удостоверился и апостольским изречением, какое происходит *распространение* от скорби,

послушай самого Павла, который о плодах скорби говорит: *скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит* (Рим. V, 3–5). Видишь ли неизреченное *распространение*? Видишь ли пристань веселья? *Скорбь*, говорит, *терпение соделовает.* Что может быть спокойнее человека терпеливейшего и могущего легко переносить все? Что может быть сильнее человека опытного? Что может сравниться с происходящей отсюда радостью? Три радостные последствия, говорит апостол, происходят для нас отсюда: терпение, опытность и надежда будущих благ. О них любомудрствует теперь и пророк, когда говорит: *в скорби распространил мя еси.* Сказав: *услыша мя Бог*, он говорит, в чем он услышан, именно: не касательно имущества, — потому что ничего подобного он не просил, — не в том, чтобы одолеть врагов, — потому что он не просил и этого, — но касательно спокойствия, бывающего среди скорбей. *Ущедри мя и услыши молитву мою.* Что говоришь ты? Выше ты упомянул о правде, а здесь говоришь о милосердии и снисхождении: какая же здесь может быть последовательность? Великая и весьма сообразная с вышесказанным. Хотя бы мы сделали бесчисленное множество добрых дел, мы бываем услышаны по милосердию и человеколюбию (Божию); хотя бы мы достигли самой вершины добродетели, мы спасаемся по милости (Божией). Отсюда мы научаемся, что и при правде нам нужно иметь сердце сокрушенное. Ведь и грешник, если будет молиться со смирением, которое есть частный вид добродетели, может успеть во многом, и праведник, если приступит с гордостью, лишится всех благ. То и другое доказали примеры мытаря и фарисея (см.: Лк. XVIII). Вот почему нужно знать и способ молитвы. Какой же способ — молиться? Научись этому от мытаря, не постыдись иметь его своим учителем; он сделал это дело так совершенно, что простыми слова-

ми достиг всего. Так как душа его была хорошо настроена, то и одно слово было достаточно — отверсть ему небо. Как же она была настроена? Он признавал сам себя недостойным, ударял себя в грудь и не смел даже возвести очей на небо. Если и ты будешь молиться таким же образом, то молитва твоя будет легче пуха. Если грешник посредством молитвы сделался праведным, то представь, сколь велик будет праведник, если научится возносить такую же молитву. Вот почему пророк и здесь не указывает просто на самого себя, но на свою молитву. Выше он указывал на правду, а здесь — на молитву: *ущедри мя*, говорит, и *услыши молитву мою*. Так и Корнилий был услышан потому, что ее имел своей предстательницей: *молитвы твои и милостыни твои,* было сказано ему, *взыдоша пред Бога* (Деян. X, 4). И действительно, услышаны бывают дела и добродетели, но молитвы не всякие, а только молитвы, совершаемые по закону Божию. Что же это за молитвы? Молитвы, в которых испрашивается то, что даровать прилично Богу, в которых не испрашивается от Него ничего противного законам Его. Но кто, скажешь, так дерзок, чтобы просить Бога об исполнении противного законам Его? Тот, кто просит Его против врагов своих, — потому что это несогласно с постановленным от Него законом. Он говорит: прощайте должникам вашим (см.: Мф. VI, 12), а ты Его Самого, повелевающего тебе прощать, призываешь против врагов своих. Что может быть хуже такого безумия? Молящемуся должно иметь вид, мысли и чувствования униженного просителя: зачем же ты принимаешь на себя другой вид, вид обвинителя? Как ты можешь получить прощение собственных грехов, когда просишь Бога, чтобы Он наказал грехи других? Поэтому, пусть будет молитва твоя смиренной, мирной, имеющей вид приятный и добрый. Такова молитва, совершаемая с кротостью, а не направленная против врагов. Противоположная же

этой молитва подобна какой-нибудь пьяной и безумной женщине, бешеной и свирепой. Потому и недоступно для нее небо. Не такова молитва, совершаемая с кротостью; она имеет в себе нечто благопристойное и приветливое, достойное царского слуха, приятное, благозвучное и стройное. Потому она и не изгоняется со зрелища, но бывает увенчанной; она имеет золотые гусли и золотую одежду. Потому она и доставляет удовольствие судье и своим видом, и взором, и голосом; потому никто и не изгоняет ее из обителей небесных. Она наполняет радостью все это зрелище; она есть молитва, достойная небес, она есть язык ангельский, так как не говорит ничего горького, но все благоприятное; когда она приступая просит за оскорбивших и обидевших, тогда и ангелы предстоя слушают ее с великим молчанием, а когда она умолкла, то они не перестают восклицать в честь ее, превозносить ее похвалами и удивляться ей. Будем же и мы возносить такую молитву, и тогда, конечно, будем услышаны. Когда мы приступаем к Богу, то не будем думать, что это — обыкновенное зрелище; здесь собрание целой вселенной, или — лучше — горних сонмов небесных, и среди них сидит сам Царь, готовый слушать нашу молитву. Будем же стараться, чтобы она соответствовала зрелищу. Пусть ни один игрок на гуслях или певец на лире, которые бывают так тщательны, когда выступают на сцене, и так боятся, чтобы не произвести какого-нибудь неприятного звука, не превзойдут в этом нас, когда мы намереваемся вступить на зрелище ангелов. А нашим орудием пусть будет язык, не произносящий ничего неприятного, но все стройное и благозвучное, с надлежащим настроением души; и приступая к Богу, прося и умоляя Его, будем ударять в струны наши за врагов своих, — тогда услышана будет наша молитва и за нас самих.

5. Такая молитва пристыжает злых духов, такая молитва дает нам дерзновение (перед Богом), такая молитва посрамляет диавола и прогоняет его. Подлинно, не столько боится диавол человека, прогоняющего его и изгоняющего из другого человека, сколько того, кто укрощает свой гнев и преодолевает свою раздражительность, — потому что и это последнее есть злой дух, весьма свирепый, и таких людей надобно назвать более несчастными, нежели одержимых бесом. В самом деле, беснование не ввергает в геенну, а гнев и злопамятство лишают самого царствия небесного. Если мы таким образом составим свою молитву, то и мы в состоянии будем с дерзновением говорить Богу: *услыши молитву мою*. Такой молитвой ты принесешь пользу и поможешь не только себе самому, но доставишь радость и слушающему ее Богу, испрашивая сообразного с Его повелениями; потому Он скоро и услышит тебя. Это достойно звания сынов Божиих, это особенно сообщает нам отличительный признак (учеников Христовых). *Будите милосерди*, говорит Господь, *якоже отец ваш небесный* (Лк. VI, 36); и еще: *молитеся за творящих вам напасть, яко да будете* подобны Отцу вашему, *иже есть на небесех* (Мф. V, 44, 45). Что может сравниться с такой молитвой? Она делает нас подобными не ангелам, или архангелам, а самому Царю небесному. А кто сделался подобным Царю, насколько то возможно, тот, представь, какое может иметь дерзновение в молитвах. *Сынове человечестии*, говорит пророк, *доколе тяжкосердии; вскую любите суету и ищете лжи* (ст. 3)? К кому он обращает речь? Кому делает обличение и предлагает совет? Кого называет сынами человеческими? Людей, живущих порочно, наклонных ко злу. Что же? А мы разве не сыны человеческие? По природе мы сыны человеческие, но по благодати — нет, мы сыны Божии. Этот дар будет у нас цел, если мы сохраним в себе образ Его,

соблюдаемый добродетелью, так как тем, которые сделались сынами Божиими по благодати, нужно выражать этот образ и жизнью. А что, действительно, он называет сынами человеческими людей, преданных заботам житейским и наклонных ко злу, о том послушай: *видевше же*, говорит Писание, *сынове Божии дщери человечи* (Быт. VI, 2). Но, скажешь, здесь говорится противное? Нет, сынами Божиими оно называет здесь тех людей, которые прежде были добродетельными и были удостоены чести от Бога, но потом изменились, сделались худшими и потеряли честь свою. Чтобы усилить их обличение, оно и напоминает об их чести, внушая, что величайшая вина быть такими и происходить от таких людей и ниспасть до такого зла. И еще говорит Бог: *аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси: вы же яко человецы умираете* (Пс. LXXXI, 6). Посмотри на мудрость пророка. Показав наперед Божию силу, помощь, премудрость, благость и человеколюбие, как Он подает успокоение в скорби, как Он милостиво внемлет, пророк потом, представляя распространившиеся между людьми пороки и силу нечестия и как бы задыхаясь от скорби, обращает речь к живущим порочно и почти так говорит: имея такого Бога, столь благого, столь человеколюбивого, столь сильного, как вы уклонились к нечестию? И смотри, какой вместе с гневом исполнено увещание его и кротости, какого любомудрия. Что говорит он? *Сынове человечестии, доколе тяжкосердии?* Здесь он выражает сильное огорчение свое и от продолжительности времени. Ведь если и вначале невнимательность к благодениям Божиим есть преступление, то какое может быть прощение тому, кто столько времени остается слепым в отношении к истине? А что значит: *тяжкосердии*? Жестокосердые, плотские, привязанные к земле, склонные ко злу, преданные порокам, развращенные сладострастием: таков именно человек

плотской. Обличая жизнь их, он указывает и источник нечестия, внушая, что это в особенности и препятствует им усваивать высокое учение. Ничто так не делает сердце жестоким, как порочное пожелание, пристрастие к житейскому, привязанность к земле. Такое сердце справедливо можно было бы назвать грязным; потому он и назвал его тяжким и вместе указал в нем источник зол, что, занимая (в человеке) место возницы, оно не только не удерживает коня вожжами, но и само увлекается и низвергается, и, тогда как ему следовало бы окрылять плоть, устремляться в высоту и восходить на небо, оно увлекается вниз тягчайшим бременем своих болезней. А когда таков возница или кормчий, то где надежда спасения? *Аще свет*, говорит Господь, *иже в тебе, тма есть, то тма кольми* (Мф. VI, 23)? Когда кормчий предается пьянству и подражает непостоянству волн и ветров, то как спасется корабль?

6. Что же может сделать душу легкой? Превосходная жизнь, – такая, чтобы не увлекаться ничем здешним, и даже ног своих не привязывать ни к чему стремящемуся и увлекающему вниз. Из вещественных предметов одни обыкновенно стремятся вниз, как например, камни, деревья и все подобное; а другие вверх, как, например, огонь, воздух, пух, легкий по своей природе. Если какую-нибудь из вещей, стремящихся вниз, привяжешь к вещи легкой, то нисколько не помогут ей ни крылья, ни воздух, потому что тяжесть нарушает равновесие, перетягивает и преодолевает. Подобным образом, кто имеет ноги, отяжелевшие или наполненные дурными соками или поврежденные какой-либо другой болезнью, тому нисколько не помогут прочие части тела, как бы они ни были легки. Если же так бывает с предметами вещественными, то тем более с сердцем. Поэтому не будем делать его тяжким, чтобы оно не потонуло, подобно кораблям, имеющим слишком много балласта.

А это зависит от нас. Сердце таково не по природе; по природе своей оно создано легким и стремящимся вверх, а мы вопреки природе делаем его тяжким. Потому-то и пророк осуждает нас; а если бы это было от природы, то он не осуждал бы. Как ходить нам свойственно от природы, а если мы обременим свои колена, то происходит противное природе от препятствий, которые мы наложили на себя, так обыкновенно бывает и с ногами души, то есть помыслами. *Вскую любите суету и ищете лжи?* Здесь, кажется мне, он указывает и на идолослужение, и на порочную жизнь. В самом деле, суетным называется все тщетное, что на деле не таково, каково по названию. Так у язычников много богов по именам, а на деле нет ни одного. Так и в других вещах: богатство по имени – совсем не богатство на деле, слава по имени – совсем не такова на деле; владычество по имени – и остается таким по одному только названию. Кто же так безумен, чтобы домогаться названий, не заключающих в себе ничего существенного, и гоняться за предметами пустыми, которых нужно избегать? Не таковы ли и удовольствия и благоденствие жизни? Все это не ложь ли и обольщение? Укажешь ли ты на славу, или на богатство, или на власть – все суета. Вот почему и Екклесиаст говорит: *суета суетствий, всяческая суета* (Еккл. I, 2). Потому и пророк скорбит, видя такое безрассудство в жизни. Как тот, кто увидел бы кого-нибудь убегающим от света и гонящимся за тьмой, сказал бы: для чего ты делаешь это безумное дело? – так и он говорит: *вскую любите суету и ищете лжи? И уведите, яко удиви Господь преподобнаго своего* (ст. 4). Другой переводчик говорит: но *уведите, яко удиви**.

---

* Неизвестный переводчик, упоминаемый у Оригена в Экзаплах.

Видишь ли мудрость пророка? Как он приводит людей к богопознанию? Самым очевидным образом и самым ясным способом, поставляя на вид самого себя. Я, говорит, служитель истинного Бога; поэтому от меня познайте Его силу, могущество, промышление. Это – немаловажное средство к богопознанию. Пророк иногда объясняет это, касаясь созданий, когда говорит о промысле Божием и, обращаясь к солнцу, к небу, к земле и воздуху, из порядка в вещах видимых проповедует о Создателе; а иногда раскрывает это, касаясь Его служителей и обстоятельств, случавшихся с ним самим. Так было с Авраамом. Мы знаем, говорили (ему хеттеи), что *царь от Бога ты пришел к нам* (Быт. XXIII, 6). Откуда вы знаете? Из победы, из трофеев, из сражений. Так было и с иудеями. Чудеса, совершавшиеся с ними, привели в страх всю землю, как и блудница иерихонская говорила тогда: *нападе страх ваш на ны и трепет* (Нав. II, 9). Итак, один путь (богопознания) – со стороны созданий, а другой и яснейший – со стороны служителей Божиих; и такое учение Бог издревле сеял в каждом поколении. Так египтян научал Он посредством Авраама, персов посредством его же*, измаильтян и многих других посредством его потомков, а посредством Иакова других, живших в Месопотамии. Видишь ли, как жители всей вселенной научались, если хотели, от святых? И еще прежде их потоп и смешение языков достаточно могли пробуждать души их. В самом деле, чтобы событие со временем не пришло в забвение, самое место получает от него название; именно Вавилон называется так от смешения языков, дабы слушатель, руководствуясь названием, восходил к началу событий и познавал силу Божию. Так и все жители Запада научались всему,

---

* То есть когда Авраам жил в Гераре. Соседних с Гераром жителей святой Иоанн Златоуст называет персами.

входя в торговые сношения с египтянами. Впрочем, в древние времена и вначале в этой части вселенной было немного народов; большая часть людей и народов обитала в странах восточных. Так и Адам вышел оттуда, и потомки Ноя жили там, и после столпотворения жили там же, и по большей части обитатели были на Востоке. Бог же воздвигал им учителей в каждом поколении – Ноя, Авраама, Исаака, Иакова, Мелхиседека. Потому и пророк напоминает живущим порочно события, происходившие со святыми, и говорит: *уведите, яко удиви Господь преподобнаго своего.* Что значит: *удиви*? Сделал удивительным, известным, знаменитым, славным того, кто был предан Ему. Таким образом от служителя Божия и событий, бывших с ним, познайте силу Господа. Не сказал только: даровал блага, но: *удиви*, выражая, что даровал с великой славой, с совершенной неожиданностью. Так было и с Авраамом: Бог не только возвратил ему жену неприкосновенной, но и сделал его знаменитым; даровал ему не только то, что он не потерпел ничего неприятного, но и то, что он сделался славным в Египте. Одно было с ним за его праведность, то есть что он не потерпел ничего неприятного, а другое для пользы слышавших, то есть что он чудным образом и сверх чаяния вышел оттуда (см.: Быт. XII). То же было с тремя отроками, то же – с Даниилом во рве львином, то же – с Ионой во чреве китовом, всегда Бог спасает со славой, но не всех вообще, а *преподобнаго.*

7. Видишь ли, как пророк, научая богопознанию, вместе с тем преподает наставление к добродетельной жизни, внушая, что надобно возлагать надежду спасения не только на благость Божию, но и на доброту собственных дел? *Господь услышит мя, внегда воззвати ми к нему.* Сказав, что Господь *удивил* (преподобного), он не останавливается на этом, но открывает и другой вид благополучия. Какой же? Тот, чтобы иметь Бога посто-

янно своим поборником, помощником и всегдашним покровителем. Не однажды, говорит, Бог делает это, и не дважды, и не трижды, но всегда, когда мы призываем Его. Смотри и здесь опять, с какой это бывает скоростью. Как выше он говорил: *внегда призвати ми, услыша мя Бог правды моея* (ст. 2), – так и здесь говорит: *внегда воззвати ми к Нему.*

Почему же, скажешь, многие бывают не услышаны? Потому, что просят бесполезного. В таком случае быть неуслышанным лучше, чем быть услышанным. Поэтому, будем ли мы услышаны, не станем радоваться этому; будем ли не услышаны, станем прославлять Бога и за это. В самом деле, когда мы просим бесполезного и бываем неуслышаны, тогда от самого неполучения того, чего просим, мы получаем пользу. А иногда мы просим нерадиво; тогда Бог медлительностью подаяния научает нас большему усердию в молитве, – и это немаловажная польза. *Аще убо вы*, говорит Господь, *умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш*, умеющий давать и знающий, когда давать и что давать (Мф. VII). И Павел просил и не получил, – потому что просил бесполезного (см.: 2 Кор. XII, 8); и Моисей просил, но Бог не услышал и его (см.: Исх. XXXII, 32). Итак, не будем отступать, когда мы бываем неуслышаны, не станем унывать и ослабевать, но будем продолжать просить с усердием, потому что Бог делает все на пользу. *Гневайтеся и не согрешайте, яже глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитеся* (ст. 5). Что я прежде сказал, то скажу и теперь. Так как пророк хочет вести слушателей к богопознанию, то старается освободить души их от болезней. Он знал, что развратная жизнь служит препятствием к надлежащему принятию высокого учения. Это выразил и Павел, когда говорил: *не могох вам глаголати, яко духовным, но яко плотяным* (1 Кор. III, 1); и еще: *яко младенцев во Христе, млеком вы напоих, не брашном*

(1 Кор. III, 2); и еще: о *немже многое нам слово и неудобь сказаемое глаголати: понеже немощни бысте слухи* (Евр. V, 11). Также Исаия говорит: *мене ищут людие сии, и разумети пути моя желают, яко людие правду сотворившии и суда Бога не оставившии* (Ис. LVIII, 2). И Осия говорит: *сейте себе в правду, просветите свет ведения* (Ос. X, 12). И Христос, поучая, говорил: *всяк, делаяй злая, ненавидит света, и не приходит к свету* (Ин. III, 20); и еще: *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не* ища (Ин. V, 44); и еще: *сия рекоша родителя его, яко бояшася жидов, не будут отлучени от сонмища* (Ин. IX, 22); и еще: *мнози же вероваша в него, но фарисей ради не исповедоваху* (Ин. XII, 42). И везде можно видеть, что развратная жизнь служит препятствием к надлежащему принятию учения. Как гной, скопившийся в светлом зрачке глаза, ослепляет и помрачает свет его, так и ум, занятый пороками, помрачается и ослепляется в душе нашей.

Вот почему и пророк, зная это, говорит: *гневайтеся, и не согрешайте.* Он не уничтожает гнева, который бывает и полезен, не отвергает негодования, которое бывает полезно, когда направлено против людей неправедных и нерадивых, но отвергает несправедливый гнев и безрассудное негодование. Как Моисей, начиная речь о нравственности, прежде всего поставляет заповедь: *не убий* (Исх. XX, 13), так делает и этот пророк, и еще тем более, чем более известны были ему правила благочестия. Тот запрещает убийство, а этот истребляет самого виновника убийства — гнев, который есть корень и источник этого зла. Поэтому и Христос, желая истребить гнев, говорил: *гневаяйся на брата своего всуе, повинен есть геенне огненней* (Мф. V, 12). Видишь, какое там и здесь ограничение: *гневайтеся, и не согрешайте; гневаяйся всуе,* — потому что можно гневаться и справедливо. Так и Павел разгневался на Елиму, и Петр на Сапфиру

(см.: Деян. V, XIII). Я даже не назову этого просто гневом, но любомудрием, попечением, распорядительностью. Гневается и отец на сына, но потому, что заботится о нем. Напрасно гневается тот, кто хочет отмстить за себя самого; а кто хочет исправить других, тот – смиреннее всех. Так и Бог, когда о Нем говорится, что Он гневается, гневается не для отмщения за Себя Самого, но для исправления нас. Будем же и мы подражать Ему: мстить таким образом есть дело божественное, а мстить иначе – дело человеческое. Впрочем, Бог не тем только отличается от нас, что Он гневается справедливо, но и тем, что в Боге гнев не есть какое-нибудь страстное раздражение. Итак, не будем и мы гневаться напрасно. Гнев внедрен в нас не с тем, чтобы мы грешили, но чтобы останавливали и других согрешающих, не с тем, чтобы он сделался в нас страстью и болезнью, но чтобы служил врачевством от страстей.

8. Представь, как велико зло – порок, если при нем врачевство делается ядом, если тем, чем нужно врачевать раны других, мы наносим раны себе; это подобно тому, как если бы кто-нибудь, взявши железо, чтобы отсечь гнилые части у других, напрасно поразил самого себя и нанес себе раны по всему телу, или если бы кормчий потопил судно теми самыми веслами, посредством которых нужно было останавливать напор буйных ветров. Таков и гнев: он полезен для того, чтобы пробуждать нас от сонливости, чтобы сообщать бодрость душе, чтобы производить в нас сильнейшее негодование за обижаемых, чтобы делать нас взыскательными к обижающим. Потому и говорит пророк: *гневайтеся, и не согрешайте.* Если бы это было невозможно, то он и не заповедал бы этого, потому что никто не заповедует невозможного. Таким образом, дав апостольскую заповедь и евангельское мудрое наставление, сказав то же, что и Христос, он присовокупляет другое

наставление и говорит: *яже глаголете в сердцах вашиx, на ложах ваших умилитеся.* Что означают сказанные слова? Они кажутся неясными. Во время, следующее за ужином, говорит, когда ты отходишь ко сну, когда готовишься лечь на постель, когда в отсутствии всех наступает великое спокойствие, когда никто не беспокоит и бывает глубокая тишина, ты начинай суд совести, требуй от нее отчета, и какие имел в течение дня порочные помыслы, задумывая обманы, или строя козни ближнему, или допуская развратные пожелания, все это во время такого спокойствия выставь на вид, поставь совесть судьей этих порочных помыслов, истребляй их, суди, наказывай согрешающую душу. Таков смысл слова: *умилитеся*; иначе сказать: истязайте, сокрушайте все то, что в течение дня вы говорили в сердцах ваших; то есть все, какие вы имели, порочные помыслы на ложах ваших во время этого спокойствия терзайте и наказывайте; когда ни друг не беспокоит, ни слуга не досаждает, ни множество дел не развлекает, тогда и давайте себе отчет в жизни своей за протекший день. И почему он не говорит о словах и делах, но о порочных помыслах? Это – преизбыток его наставления. В самом деле, если должно наказывать порочные помыслы, чтобы они не перешли в дело, то тем более должно сокрушаться душой о таких делах и словах. Это пусть будет каждый день, и не прежде засыпай ты, человек, пока не размыслишь о грехах, совершенных тобой в продолжение дня; тогда, без сомнения, в следующий день ты будешь не так скор на подобные предприятия. Как ты поступаешь с деньгами, не пропуская и двух дней без требования отчета от слуги, чтобы не произошло замешательства от забвения, так поступай и с делами своими каждый день; вечером требуй от души отчета, осуждай грешный помысел, повесь его как бы на дереве, наказывай и повелевай, чтобы впредь не делать подоб-

ного. Видишь ли превосходное врачевание, — как он употребляет врачевство и предупредительное и исправительное? Наставление не впадать в грехи служит вместо врачевства предупредительного, именно слова: *гневайтеся и не согрешайте;* а слова: *яже глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитеся* — вместо врачевства исправительного. После совершения греха он еще прилагает врачевство, зависящее от самого согрешившего. Будем же употреблять такое врачевание, не представляющее никакой трудности. Если же душа твоя не терпит воспоминания о грехах, стыдясь и смущаясь, то скажи ей: нет тебе никакой пользы от того, что ты не будешь вспоминать об них, а напротив — еще великий вред, потому что, если ты не будешь вспоминать о них сама по себе теперь, то грехи твои будут открыты перед глазами всех тогда; если же ты будешь помышлять о них теперь, то и от них скоро избавишься и в другие не легко впадешь. В самом деле, душа, боясь вечернего суда, чтобы опять не подвергнуться такому же испытанию, осуждению и наказанию, бывает медлительнее на грехи; и такова польза от этого испытания, что, если мы будем так поступать постоянно только в течение одного месяца, то приобретем себе потом навык к добродетели. Не будем же пренебрегать таким благом. Кто ставит себя перед этим судилищем здесь, тот не подвергнется тяжкой ответственности там. *Аще бо,* говорит апостол, *быхом себе рассуждали, не быхом осуждена были: судими же, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся* (1 Кор. XI, 31, 32). Итак, будем делать это, чтобы нам не быть осужденными. *Пожрите жертву правды, и уповайте на Господа* (ст. 6). Видишь ли последовательность превосходного совета? Видишь ли совершенное наставление? Укорив слушателей за грехи, сделав их менее скорыми на подобные дела, устроив неподкупное судилище и потребовав отчета в жизни, он потом руководит

их к совершению добродетели. Недостаточно ведь только воздерживаться от зла, но должно стараться и делать добро. Потому-то он далее и предлагает такое увещание: *уклонися от зла, и сотвори благо* (Пс. XXXIII, 15). Подлинно, и несовершение добродетели подвергает наказанию, а не только совершение пороков. И те, которые не напитали алчущего, не напоили жаждущего и не одели нагого, — они не хищничали, не предавались любостяжанию, не брали чужого; но так как они не творили милостыни, то предаются за это наказанию вечному и мучению бесконечному. Отсюда мы научаемся, что воздержание от зла не доставляет нам спасения, если вместе с тем не будет приобретения добра и совершения добродетели.

9. Вот почему и пророк, отклонив слушателя от пороков через сердечное сокрушение, сделав его способнейшим к совершению добродетели, смягчив жестокость души и сделав ее нежной от внутреннего сокрушения, начинает речь о правде и говорит: *пожрите жертву правды, и уповайте на Господа.* Что значит: *пожрите жертву правды?* Приобретайте правду, приносите правду; тот дар Богу — величайший, та жертва Ему приятна, то приношение весьма Ему благоугодно, которые состоят не в заклании овнов и тельцов, но в совершении праведных дел. Видишь, как издревле предызображается жизнь Церкви и вместо жертв чувственных требуются духовные. Правдой же он называет здесь, как я выше сказал, не частный вид добродетели, но добродетель вообще, равно как и праведным человеком мы называем того, кто имеет всю добродетель. Эта жертва не нуждается ни в деньгах, ни в ноже, ни в жертвеннике, ни в огне, она разлагается не в дым, смрад и пепел, но совершается только сердцем приносящего ее. Для нее ни бедность не служит препятствием, ни недостаток средств — остановкой, ни место, ни что-нибудь дру-

гое подобное; но где бы ты ни был, ты можешь приносить ее, будучи сам и священником, и жертвенником, и ножом, и жертвой. Таковы жертвы разумные и духовные: они совершаются с большим удобством, не имея нужды ни в каком внешнем приготовлении. *И уповайте на Господа.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *и веруйте Господу.* Кто праведной жизнью приобрел себе милость и благоволение Господа, тот имеет в Нем величайшего поборника, непреоборимого помощника, получает от Него великое содействие. Видишь ли плод этой жертвы, являющийся тут же? Видишь ли сокровище благ, тотчас происходящее от нее? В самом деле, кто имеет Бога своим помощником, тот кого будет бояться? Никого. И это немаловажная добродетель — надеяться на Него и быть уверенным в Нем. Вместе с правдой пророк требует от нас и этой добродетели — быть уверенным в Боге, надеяться на Него, не полагаться ни на что житейское, но, отрешая себя от всего подобного к Нему, прилепляться мыслью. Действительно, предметы настоящей жизни подобны сновидениям и теням, и даже того ничтожнее; они лишь только являются, и уже исчезают, и при самом явлении причиняют много беспокойств имеющим их; а надежда на Бога вечна, неизменна, неподвижна, неизменчива, способна доставить совершенную безопасность и сделать непобедимым того, кто содержит ее тщательно и с надлежащим расположением. *Мнози глаголют: кто явит нам благая? Знаменася на нас свет лица твоего, Господи* (ст. 7). Окончив наставление касательно нравственности, приведши к богопознанию и употребив все меры к пробуждению души заблуждающихся, и особенно из происходившего с ним самим и из промышления о святых доказав попечение о нас Божие, пророк представляет некоторое возражение, предлагаемое людьми более слабыми и грубыми, и говорит: *мнози глаголют: кто явит*

нам благая? Не те немногие, честные и доблестные, которые умеют любомудрствовать, говорят это, а толпа беспорядочная, невежественная, безрассудная. Что же означают слова: *кто явит нам благая*? Есть люди, которые, или клевеща на промысл Божий, или по любви и привязанности к удовольствию, спокойствию, богатству, славе и власти, говорят так: где блага Божии? Я нахожусь в бедности, болезни, несчастье, терплю крайние бедствия, клеветы, злословия; а другой – в благоденствии, роскоши, власти, славе и богатстве. Одни из них только ищут этих благ, оставляя без внимания блага истинные, то есть добродетель и любомудрие; а другие, как я выше сказал, клевещут из-за этого на промысл Божий и говорят: где промысл Божий, когда в жизни существует такой беспорядок, когда столь многие терпят недостатки, бедность и крайние бедствия? Где доказательство Божия о нас попечения? Но говорящие таким образом делают то же самое, как если бы кто-нибудь среди самого ясного и чистого полдня искал увидеть солнца и сомневался в его свете. Это и показывает пророк и, тотчас же предлагая разрешение, говорит: *знаменася на нас свет лица твоего, Господи*. Не сказал: *явился*, не сказал: *возсиял*, но: *знаменася*, – выражая, что подобно тому, как начертанное на открытом лице бывает очевидно для всех и ни от кого не может укрыться, и лица, озаренного светом и отражающего лучи, никто не может не узнать, так невозможно, говорит, не узнать и промышления Твоего; как свет назнаменованный, то есть напечатленный и начертанный на лице, бывает ясен для всех, так и промышление человеколюбия Твоего. Светом он называет здесь покровительство, попечение, содействие, промышление. Сказав это, он далее приводит и доказательство. Какое же? *Дал еси*, говорит, *веселие* в сердце мое. Укорив людей безрассудных, он заимствует доказательство промысла Божия от людей

благоразумных и здравых, и говорит: *дал еси веселие в* сердце мое, то есть научил меня любомудрствовать, презирать предметы житейские, знать предметы истинные и постоянные, возвысил меня добрыми надеждами, руководил к будущей жизни, прежде наслаждения благами окрылил меня надеждой благ. Хорошо так сказал он.

10. В самом деле, если тот, кто надеется получить наследство или достигнуть высокой власти, не только во время получения, но еще прежде действительного получения, оживляется надеждой и во все это время приходит в восторг от ожидания, то представь, в каком состоянии должен быть тот, кто ожидает царства вечного и бессмертного и благ таких, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. II, 9). Поэтому он и говорит: *дал еси веселие в* сердце мое. Это было действие величайшего промышления Божия, что Он еще тогда приготовил и сообщал такое благо. Если же люди более грубые, плотские и привязанные к земле не внемлют этому, то уже не от Обещавшего, а от их невежества происходит недовольство и смущение. И не сказал просто: *дал еси веселие*, но: *в сердце мое,* выражая, что веселье его происходило не от внешних предметов, не от рабов, не от золота и серебра, не от одежд, не от роскошного стола, не от величия власти, не от великолепия жилища. Это – веселье не сердца, но одних только глаз. Многие из приобретших эти блага даже считают жизнь не в жизнь, носят в душе своей печь огорчений, истощаясь от множества забот и терзаясь непрестанным страхом. А мое, говорит он, веселье не в этом, а в разумном сердце, бестелесной душе, помышляющей о бестелесном. Если радуют тебя блага настоящие, то и из них уразумей промышление Божие; но тем более научайся из благ будущих, чем они превосходнее, постояннее и неизменнее. Если то, что ты

пользуешься богатством и благополучием, убеждает тебя в существовании промысла Божия, то тем более богатство небесное пусть приводит тебя к такому убеждению. А если ты скажешь: почему те блага только в надежде и неизвестны? — то я скажу, что мы верующие считаем эти ожидаемые блага более известными, нежели блага видимые: таково убеждение веры. Если же ты еще скажешь: почему мы не получаем воздаяния здесь? — то я скажу, что здесь время трудов и подвигов, а там — венцов и наград. И это было делом промышления Божия, что труды и подвиги определены для настоящей жизни краткой и скоропреходящей, а награды и венцы отложены до жизни бессмертной и нестареющей. Но так как многие слабы душой, то Бог даровал им и чувственные блага. Таким образом, например, Он руководил народ иудейский. У них и богатство текло, и жизнь продолжалась до старости, и не было никаких болезней; истребление врагов и глубокий мир, трофеи и победы, доброчадие и многочадие, и все тому подобное было даруемо повинующимся Богу. Но когда пришел Господь наш Иисус Христос, призывающий нас на небо, убеждающий презирать блага здешние, внушающий любовь к благам тамошним и отторгающий нас от всего житейского, то справедливо блага настоящие сокращены и все богатство заключено в благах будущих, так как мы сделались совершенными. Подобным образом детей, пока они малы, отцы забавляют обувью и одеждой, золотом и ожерельями; а когда они вырастут, то, оставив это, дают им нечто другое, большее, как то: право голоса в судилище, знатность в городе, известность при царских дворах, начальство и власть, отклоняя их от всякого детского честолюбия. Так точно поступил и Бог: желая отклонить нас от предметов малых и детских, Он обещал блага небесные. Поэтому не прилепляйся к благам непостоянным и скоропреходящим и

не будь малодушным. Впрочем, Он не совсем лишил тебя и этих благ. Так как существам, облеченным плотью и живущим в теле, невозможно быть и без них, то Он обильно подает нам и их. Вот почему и пророк, рассудив высоко и любомудро об этом виде промышления Божия и сказав: *дал еси веселие в* сердце мое, присовокупляет следующее: *от плода пшеницы, вина и елеа своего умножишася.* Этими словами он касается также немалой части промышления Божия, открывающегося в предметах видимых. Когда он говорит о пшенице, вине и елее и изобилии их, то разумеет и дожди, и благосостояние времен года, и недра земли возвращающей и рождающей, и течение воздуха, и восхождение солнца, и перемены луны, и хоры звезд, и лето, и зиму, и осень, и весну, и искусство земледельца, и пригодность орудий, и множество других приспособлений, так как, если бы все это не содействовало, то плоды не могли бы образоваться и достигнуть зрелости. Таким образом, когда он называет пшеницу, вино и елей, то подает мудрому повод заключать от части к целому, открывая море промышления Божия, видимого в предметах чувственных.

11. Вот почему и Павел в одной речи своей, рассуждая о промысле Божием, отсюда же заимствует доказательство и говорит: *дожди дая и времена плодоносна, исполняя пищею и веселием сердца наша* (Деян. XIV, 17). Пророк, не желая говорить излишнего, не упоминает о всем другом, о плодах земных, о плодах древесных, о родах растений, о родах семян, о родах трав, лугов, цветов, садов, и тому подобном, и употребляет собирательные названия предметов, необходимых для нашей жизни, давая через них разуметь и другие. Все это Бог не только подает нам, но подает с изобилием и каждый год. А если иногда и сокращает свои дары, то и этим опять показывает свое промышление, пробуждая многих от лености и заставляя их просить этих благ от Него. Если

же некоторые говорят, что подавать дожди не дело Бога, но идолов, то мы спросим их: откуда это известно? Скажут: поэты говорят, что Зевс подает дожди*. Но они же сами говорят, что он и прелюбодей, и растлитель детей, и отцеубийца, и другие приписывают ему не меньшие преступления. Но это, скажут, несправедливо. Следовательно, несправедливо и то, что он подает дожди. Если ты принимаешь последнее, то необходимо должен принять и первое; а если отвергаешь первое, то вместе с тем и последнее. Мы, представляя свидетелей силы Божией, обыкновенно принимаем все, что они говорят о Нем. Поэтому тебе необходимо нужно допустить, что Зевс и прелюбодей, и все прочие преступления, какие они приписывают ему, и отсюда убедиться, что подобные преступления несвойственны силе божественной, и следовательно, он – не Бог. Но, хотя бы вы и не хотели принять этого, такая басня падает сама собой и такая ложь обличает сама себя и совершенно опровергает поэтов. А когда опровергнуты они, то, очевидно, и все ваши рассуждения теряют силу. Ведь и самые имена богов они изобрели и назначили, как сказал один из ваших же философов (Платон в Кратиле). Если же, оставив их, ты прибегнешь к иносказанию, то я спрошу тебя: что же такое Зевс? Пламенеющая сущность, говорят, часть, находящаяся выше воздуха, которую называют эфиром, потому что она горит и жжет. Следовательно он есть не какое-нибудь разумное и свободное существо, а неразумное. Воздушная сущность не имеет ни разума, ни смысла, как всякому известно, и всякий знает это, хотя бы он был нечувствительнее камней. Таким образом Зевс уничтожается и существо его исчезает. И если Зевс *есть* воздух, а воздух есть то,

* Гомер в Одиссее рапс. 14-й, Феокрит в идиллии 4-й, и другие.

что мы сказали, то и басня теряет свою силу. Если же он есть воздух, то он не был чьим-нибудь отцом и не рождал какой-нибудь сущности, как сочиняют (поэты), например солнца, которое называют Аполлоном и сыном Зевса; ведь и солнце не имеет никакого смысла, ни рассудка, ни ума, но и оно есть вещественное произведение, управляемое и водимое законом, которому Бог в начале подчинил его. Впрочем, дождь происходит и не из эфира, а из облаков, получающих воду или из моря, или из вод, носящихся превыше неба, как говорят пророки. Если же ты не веришь пророкам, то мы можем представить ясные и очевидные признаки, которые совершенно доказывают, что они были богодухновенны и не говорили нам ничего от самих себя, но по вдохновению от божественной и пренебесной благодати. В самом деле, все, сказанное ими, исполняется и все оправдывается событиями, посмотришь ли на ветхозаветные или новозаветные предсказания. Так, все, сказанное пророками об иудеях, исполнилось, и это исполнение очевидно для всех, равно как и сказанное о Христе в Новом Завете; это особенно и доказывает, что Писание того и другого Завета божественно. Если же оно божественно, то и все, сказанное в нем о Боге, истинно. Поэтому не сомневайся в промысле Божием, но удивляйся Его попечению, как Он, несмотря на то, что между людьми есть и злые и добрые, всем предоставил вселенную и солнце и подает дожди. А если Он оставляет некоторых в бедности и нищете, то оставляет для того, чтобы исправить душу их и сделать ее более любомудрой. Вы знаете, хорошо знаете, что богатство для невнимательных служит средством к порокам, а бедность есть мать любомудрия, и это каждый день открывается на опыте. Сколько бедных гораздо благоразумнее и мудрее богатых, и даже здоровее телом, так как бедность правильно устраивает их тело и душу? *В мире*

вкупе усну и почию, яко ты, Господи, единаго на уповании вселил мя еси (ст. 9). Вот и другой немаловажный вид промышления Божия, состоящий в том, что преданные Богу наслаждаются миром. *Мир любящим закон твой, и несть им соблазна* (Пс. CXVIII, 165). Обыкновенно, ничто так не доставляет мира, как познание Бога и приобретение добродетели, истребляющие внутреннюю борьбу страстей и не попускающие человеку быть в войне с самим собой. Подлинно, если кто не наслаждается таким миром, то, хотя бы отвне окружал его глубочайший мир, хотя бы никакой враг не нападал на него, он несчастнее всех во всей вселенной, на которых нападают враги.

12. Не так жестоко ведут войну скифы, фракийцы, сарматы, индийцы, мавры и другие дикие народы, по своему обыкновению, как гнездящиеся в душе непристойные помыслы и порочные пожелания, любовь к богатству, желание власти, привязанность к предметам житейским. И действительно так, потому что та война – внешняя, а эта – борьба внутренняя. А что бедствия, рождающиеся внутри, гораздо хуже бедствий, происходящих отвне, и обыкновенно причиняют большой вред, это можно видеть во всем. Так дерево больше повреждают черви, зарождающиеся внутри, и крепость и здоровье тела больше расстраивают болезни, зарождающиеся внутри, – чем случающиеся снаружи; и города разрушают не столько внешние враги, сколько домашние: так точно и душу обыкновенно не столько заражают бедствия, нападающие отвне, сколько болезни, зарождающиеся внутри. Но кто, имея страх Божий, совершенно прекратит эту войну, обуздает страсти, задушит различных зверей – порочные помыслы, и не дозволит им скрываться внутри, тот будет наслаждаться чистейшим и глубочайшим миром. Этот мир Христос, пришедши, даровал нам (см.: Ин. XIV, 27); этого мира

и Павел желал верующим, повторяя в каждом послании: *благодать вам и мир от Бога Отца нашего* (1 Кор. I, 3; Гал. I, 3 и др.). Кто имеет этот мир, тот не боится не только врага и варвара, но и самого диавола, а посмеивается над всеми полчищами злых духов, бывает благодушнее всех людей, не обременяется бедностью, не изнуряется недугами и болезнями, и не смущается никакими другими человеческими, неожиданно случающимися, бедствиями, потому что он имеет душу, способную перенести все это мужественно и весьма легко, душу крепкую и здравую. Дабы вам убедиться, что это справедливо, представим пример. Пусть будет какой-нибудь завистник, и пусть никто не восстает против него: какая ему от того польза? Он восстает сам против себя, изощряет на себя помыслы, опаснейшие всякого меча, раздражается всем видимым, мучится при виде каждого встречающегося ему человека, и не чувствует ни к кому доброго расположения, но считает всех вообще своими врагами. Какая же ему польза от внешнего мира, когда он сам неистовствует и беснуется, как общий враг человеческого рода, и ходит везде, нося внутри себя такую войну, бесчисленное множество копьев и мечей, и желая лучше подвергнуться тысяче смертей, чем видеть кого-нибудь из подобных себе существ пользующимся добрым мнением и благополучием? Также предавшийся страсти к богатству носит в душе своей бесчисленные войны, брани и смятения, находится в страхе и беспокойстве и не может быть в хорошем расположении духа ни на малейшее время. Но не таков тот, кто освободился от страстей; напротив, он пребывает в тихой пристани, наслаждается любомудрием и не подвергается никакой подобной неприятности. Потому-то и пророк, наслаждаясь сам этим даром промысла Божия, говорил: *в мире вкупе усну и почию*, выражая, что для человека, не имеющего этого мира, не открыта даже

общая всем пристань, но заграждена и она, пристань сна и ночи. Страсти нарушают даже отдых, даруемый природой, и совершенно преодолевают силу сна своим жесточайшим насилием. Преданные зависти, ненависти, любостяжанию и хищению, нося с собой всюду войну и имея внутри скрывающихся врагов, куда бы ни пошли, нигде не могут избежать этой борьбы, хотя бы они оставались и дома, хотя бы лежали на постели, подвергаются туче стрел, смятению, которое сильнее всяких волн, терпят убийства, вопли, стенания и другие бедствия, которые гораздо жесточе случающихся на войне. Но не таков праведник: он и бодрствуя наслаждается спокойствием, и во время ночи с великим удовольствием предается сну. А что значит: *вкупе*? Сосредоточившись, говорит, в самом себе, углубившись в самого себя, не развлекаясь бесчисленными заботами, не помышляя о делах того или другого, не рассеиваясь помыслами своими по всей вселенной, но помышляя о самом себе, о том, что полезно мне и что особенно пристойно человеку. *Яко ты, Господи, единаго на уповании вселил мя еси.* Смысл слов его следующий: упованием благ будущих и надеждой на Тебя я обуздал все мои страсти. Подобным образом и Павел говорит: *еже бо ныне легкое печали по преумножению в преспеяние* вечную *тяготу славы соделовает нам, не смотряющим нам видимых, но невидимых* (2 Кор. IV, 17, 18). Действительно, нет никакого трудного дела, которое не сделалось бы легким при надежде на воздаяние от Бога. Поэтому он и говорит: *на уповании вселил мя еси.* И слово *единаго* немалую заключает силу наставления.

13. Что значит *единаго*? Значит: без людей порочных. Я наслаждаюсь, говорит, этим миром перед Тобой и живу наедине, избегая людей развратных. И весьма справедливо. Как тела часто погибают от заразы испорченного воздуха, так точно и душа часто

терпит вред от общения с людьми порочными, и как здоровый глаз, взирая на больного, поражается, и страждущий чесоткой сообщает свою болезнь и здоровым, так точно случается часто и с душой от общения с людьми порочными. Поэтому и Христос заповедал не только избегать таких людей, но и отвергать их: *аще же*, говорит Он, *око твое десное соблажняет тя, изми е и верзи от себе* (Мф. V, 29), разумея в этой заповеди не глаз, – так как что худого может сделать глаз, когда душа находится в здоровом состоянии? – но друзей, близких к нам, сделавшихся как бы нашими членами и вредящих нам, повелевая не дорожить их дружбой, чтобы безопаснее соделывать собственное спасение. Поэтому и сам пророк далее говорит: *не седох с сонмом суетным, и с законопреступными не вниду* (Пс. XIV, 4). И Иеремия ублажает того, кто *сядет наедине и возмет ярем в юности своей* (Плач. III, 27, 28). Также и в Притчах много говорится об этом и убедительно внушается всем, что нужно не только уклоняться, но и бежать от людей, советующих злое, и не обращаться с ними. В самом деле, если предметы вещественные часто повреждаются у нас от прикосновения к чему-нибудь худому, то не тем ли более существа свободные? Цвет и здоровье тела принадлежат нам от природы, но случается, что и они портятся от постороннего, противного им влияния, также аппетит – от природы, но и он часто теряется у нас от болезненного состояния; можно видеть и много других подобных случаев. Если же изменяются естественные отправления, то зависящие от свободного произволения – тем более, чем более они способны ко всякой перемене. Поэтому не будем считать маловажным вредом общение с дурными людьми, но прежде всего другого станем избегать таких людей, хотя бы это были жены, хотя бы друзья, или кто бы то ни был. Оно губило и великих мужей, каковы Соломон и Сампсон, оно

развратило и целый народ иудейский. Обыкновенно, не столько причиняют вреда дикие звери, сколько порочные люди; те явно производят свои ядовитые действия, а эти нечувствительно и неслышно каждый день распространяют заразу, мало-помалу ослабляя силу добродетели. Потому и бесстыдный взгляд запрещается Господом: *иже*, говорит Он, *воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. V, 28): так легко и скоро сообщается зло! А ты когда намереваешься поселиться в городе, то много стараешься узнать все о тамошнем климате, не вреден ли, не сыр ли, не сух ли он; когда же дело касается души, то нисколько не стараешься узнать тех, которые имеют войти в общение с ней, но просто и без разбора вверяешь ее всем. Какое же, скажи мне, можешь ты получить прощение, оказывая такое к ней презрение? Почему, думаешь ты, сделались дивными и славными мужи, обитающие в пустынях? Не потому ли, что они убегают от шума и торжищ и поселились вдали от дыма, поднимающегося среди хлопот житейских? Подражай им и ты, стараясь найти пустыню среди города. А каким образом это возможно? Если ты будешь избегать людей порочных, если будешь следовать добродетельным. Таким образом ты достигнешь большей безопасности, чем обитающие в пустынях, – не одним удалением от людей вредных, но и общением с полезными. Если ты будешь избегать людей порочных и следовать добродетельным, то приобретешь двоякую пользу: и умножишь дела добродетельные, и сократишь дела порочные. Итак, чтобы это было, будем поступать так, внимая псалмопевцу, который говорит: *яко ты, Господи, единаго на уповании вселил мя еси.* Здесь я окончу слово, полагая, что предложено достаточное объяснение этих изречений, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 5

В конец, о наследствующем, псалом Давиду*

1. Наперед рассмотрим, какое это наследство и относится ли оно и к нам; потом покажем время, когда оно даруется. Подлинно, безрассудно было бы, в том случае, когда по завещанию отказано нам имущество, разведывать и хлопотать о нем, как о принадлежащем нам наследстве, искать письменных доказательств, издерживать деньги, справляться с законами, списывать с них копии и оказывать всякое старание; а здесь, когда лежат уже перед нами духовные завещания и открыты все книги, оставаться нерадивыми и беспечными, — когда притом предлагается наследство невещественное. Итак, приступим, раскроем письмена, приникнем к написанному и посмотрим, под какими условиями предоставлено нам это наследство и какова сущность его. Господь оставил нам наследство не просто, но под некоторым условием. Под каким же именно? *Любяй мя*, говорит Он, *заповеди моя соблюдет* (Ин. XIV, 21, 23); и еще: *иже не приимет креста своего и вслед мене грядет* (Мф. X, 38) — и многое другое, что написано в Завете. Исследуем и время, когда мы должны получить такое наследство. Это время не настоящее, а будущее, или лучше, и настоящее и будущее: *ищите*, говорит Господь, *царствия Божия, и сия вся приложатся вам* (Лк. XII, 81); но полное наследство получится тогда. Так как настоящая жизнь скоропреходящая и мы здесь находимся еще в состоянии несовершенном, то подобно мирским законодателям, которые вручают отцовское имущество уже совершеннолетним наследникам, поступает и Бог с нами. Когда мы достигнем зрелости мужа и в меру пол-

---

* Слова *в конец* нет в славянском; но в еврейском, греческом 70-ти толков. и у святого Златоуста есть.

ного возраста и переселимся в жизнь нетленную, тогда Он и вручит нам это наследство. Между тем Он сделал распоряжение и здесь, оставил нам письменное удостоверение и сказал, что́ мы должны делать, дабы получить наследство, дабы не потерять и не лишиться его. Если же кого-нибудь устрашает то, что мы еще не совершенны, и сказанное мной приводит в сомнение, то пусть он послушает Павла, который, беседуя о веке настоящем и будущем, говорит: *егда бех младенец, яко младенец глаголах, яко младенец мудрствовах, яко младенец смышлях: егда же бых муж, отвергох младенческая* (1 Кор. XIII, 11), и еще: *дондеже достигнем еси в мужа совершенна, в меру возраста* (Еф. IV, 13). В настоящей жизни, говорит он, мы воспитываемся здешним миром, как бы кормилицей; а когда приготовимся войти в дом Господень, тогда, сбросив одежды тления и облекшись в нетление, переселимся в другую жизнь. Тот же Завет многим угрожает лишить их наследства, если они сделаются недостойными по написанным условиям. Посмотрим теперь, каково это наследство. *Ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. II, 9). Как же мы можем в настоящей жизни получить в свою пользу то, что превосходит даже наше разумение? Потому оно и сохраняется для нас там. И посмотри на великое промышление Божие: для настоящей жизни Он назначил труды, чтобы тяжесть их облегчалась краткостью времени; а блага сохранил для будущего века, чтобы воздаяния продолжить вечно в жизни нестареющей. Эту жизнь Он называет также царством. Хотя это не может быть выражено словом, но, сколько мы способны слышать, Он изображает будущее состояние, называя его то царством, как я сказал, то браком, то владычеством, и такими блистательными, употребляющимися у нас, названиями приводя нас к разумению будущего, то вечной славой, бессмертным блаженством, жизнью с Хри-

стом, с которой ничто не может сравниться. Какие же условия Церкви или, лучше сказать, этого наследства? Такие, которые не представляют ничего трудного. *Елика аще хощете*, говорит Он, *да творят вам человецы, то и вы творите им* (Мф. VII, 12). Видишь ли, что Он не предписал ничего странного, но то же, чего и прежде требовала природа? Как ты хочешь, говорит Он, чтобы поступали с тобой ближние, так и сам поступай. Хочешь, чтобы хвалили тебя? Хвали сам. Хочешь, чтобы у тебя не похищали? Не похищай сам. Хочешь быть в чести? Почитай других сам. Хочешь получить милость? Оказывай милосердие сам. Хочешь быть любимым? Люби сам. Хочешь не слышать о себе худого? Не говори ничего такого сам. И заметь, какая точность в выражениях. Он не сказал: *елика аще хощете, да творят вам, и вы не творите*, но: *елика хощете*. Так как к добродетели ведут два пути, из которых один состоит в удалении от пороков, а другой в совершении добродетелей, то Он предлагает последний, ясно указывая через него и на первый. Первый путь Бог открыл, когда сказал: что ненавидишь, не делай другому (см.: Тов. IV, 15), а последний Он ясно указал, сказав: *елика аще хощете, да творят вам человецы, и вы творите им*.

2. Есть и другое условие. Какое же именно? Любить ближнего, как самого себя. Что может быть легче этого? Ненавидеть – тяжело и сопряжено с беспокойством; а любить – легко и удобно. Подлинно, если бы Господь сказал: вы, люди, любите зверей, – такая заповедь была бы трудна; но когда он заповедал людям любить людей же, к чему и однородность, и единство происхождения и естественное влечение служат великим побуждением, то какая может быть здесь трудность? Это бывает и у львов и у волков, и их сродство природы располагает к взаимной приязни. Поэтому, какое мы можем иметь оправдание, если не станем привлекать к себе любовью

однородных с нами, тогда как укрощаем львов и приучаем их к своему дому? Не видите ли, как многие для получения наследства гоняются и ухаживают за стариками, будучи сами людьми молодыми и здоровыми, и постоянно сидят около них, перенося все неприятности старческого возраста, от подагры, расслабления и других болезней, сопровождающих старость? Между тем там только одна надежда на богатство, и притом надежда неверная, а здесь небо, и прежде неба благоволение Божие. В надписании псалма сказано: о *наследствующем.* Кто же это наследствующий? Церковь и все члены ее; о ней говорит Павел: *обручих вас единому мужу деву чисту представити Христови* (2 Кор. XI, 2); и Иоанн: *имеяй невесту жених есть* (Ин. III, 29). Но у жениха обыкновенного после первых дней брака ослабевает сила любви, а наш жених остается непрестанно любящим нас и непрестанно усиливает свою любовь. Выражая это, Иоанн и называет его женихом, так как у жениха любовь бывает особенно сильна. И Церковь он назвал невестой не поэтому только, но и потому, что желает всем нам быть одним телом и одной душой, по добродетели и любви. И как невеста все делает для угождения жениху, таковы должны быть и мы во всю жизнь. Как невеста с того самого дня, как поселится в брачном чертоге, заботится только об одном, как бы угодить жениху, так точно и мы в продолжение всей настоящей жизни должны заботиться об одном, как бы угодить Жениху и сохранить благонравие невесты. Об этой невесте упоминает и Давид, когда говорит: *предста царица одесную тебе, в ризах позлащенных одеяна, преиспещрена рясны златыми* (Пс. XLIV, 10, 14). Хочешь ли видеть и обувь ее? Послушай Павла, друга женихова, который говорит: *обувше нозе* во уготовании *благовествования мира* (Еф. VI, 15). Хочешь ли видеть и пояс ее, составленный из правды? Он же научит тебя: *препоясани*, говорит он,

чресла ваши истиною (Еф. VI, 14). Хочешь ли видеть красоту ее? И это можешь узнать от него: *неимущу скверны или порока* (Еф. V, 27). Послушай, что говорит о ней и Премудрый: *вся добра еси, ближняя моя, и порока несть в тебе* (Песн. IV, 7). Хочешь ли видеть и ноги ее? *Коль красны*, говорит апостол, ноги *благовествующих мир, благовествующих благая* (Рим. X, 15). И то поистине дивно и поразительно, что Он, украсив ее таким образом, не пришел во всей своей славе, чтобы преизбытком своей красоты не поразить и не изумить ее, но приходит, облеченный в ту же одежду, какая у невесты, *при-искренне приобщается* такой же *плоти и крови*, какая у нее (Евр. III, 14), и не ее призывает горé, но Сам свыше приходит к ней, соблюдая и здесь закон, по которому жених приходит к невесте. Об этом и Моисей говорит: *сего ради оставит человек отца своего и матерь, и прилепится к жене своей* (Быт. II, 24); и Павел говорит: *тайна сия велика есть: аз же глаголю во Христа и во церковь* (Еф. V, 32). Пришедши в жилище ее и найдя ее нечистой, грязной, обнаженной, запачканной в крови, он обмыл ее, умастил, напитал, одел одеждой, лучше которой невозможно найти. Он сам становится для нее одеждой и, взяв ее, таким образом отводит к себе. Вот та, которой уготовано наследство. Что же говорит о ней пророк? Многое. Он есть защитник ее, и предсказал и предвозвестил ей многое из того, что предстоит ей, например касательно жениха, брака и благ, ожидающих ее. Так и здесь он говорит о ней, и в самом начале, подобно ораторам, говорящим в судах, замечает, о ком он произносит справедливую речь, именно: о наследствующей. Чего же просит наследствующая? Послушаем. *Глаголы моя внуши, Господи* (ст. 2). Жениха называет она Господом; это свойственно благоразумной невесте. В самом деле, если и у нас, имеющих одно естество, бывает так, то есть жена называет мужа своим господином, то тем более (это

прилично) между Церковью и Христом, Который и по естеству своему есть Владыка. Вот почему она называет Его здесь Господом не только как жениха, но и как владыку, и располагает Его к выслушанию ее просьбы. Так как ей предстоит (получить) наследство, а это наследство действительно получится только в таком случае, если она точно исполнит заповеданное, то она просит и умоляет Его быть ей помощником, чтобы достигнуть обетованных благ и не лишиться наследства. Поэтому она и говорит: *глаголы моя внуши, Господи,* и говорит это с дерзновением, так как просит того, что и Сам Он желает даровать ей; а кто стал бы просить того, что недостойно дарующего, тот не мог бы таким образом просить милости. Когда кто молится против врагов, или против людей, причинивших ему какое-нибудь зло, то это – слова не человека, а диавола. В самом деле, если клятва от диавола, – *лишше же сею,* говорит Господь, *от неприязни есть* (Мф. V, 37), – то очевидно, что и молитва против врагов происходит от него же. Итак, когда ты будешь говорить: *глаголы моя внуши,* то говори так, как свойственно говорить человеку кроткому и человеколюбивому и не имеющему ничего диавольского.

3. *Разумей звание мое. Званием* пророк называет здесь не звук голоса, но расположение души. Так и Моисей, хотя он молчал, Господь сказал: *что вопиеши ко мне* (Исх. XIV, 15)? Не сказал: о чем молишься Мне, но: что взываешь ко мне, – потому что Моисей приступал к Нему с сильным расположением души. А дабы ты видел, что и здесь Он говорит не о вопле, но о расположении души и напряженном обращении к Богу, он не сказал: услышь вопль мой, но что? *Разумей,* то есть познай. Так пророк, хотя употребляет человеческие слова, но в самых человеческих словах точно выражает, что он хочет сказать. *Вонми гласу моления моего* (ст. 3). Опять разумеет глас внутренний. Так взывала и Анна (см.: 1 Цар. I, 13). Не

сказал просто: вонми гласу молитвы моей, но: *моления моего,* – потому что молящийся должен быть и по внешнему виду и по внутреннему расположению смиренно умоляющим. Умоляющий не употребляет слов обвинителя, а кто молится против врагов, тот больше обвинитель, нежели проситель. Видишь ли, как пророк благоустроил молитву и сделал ее достойной принятия? Так и мы, когда молимся и желаем быть услышанными, то наперед устроим, чтобы наша молитва была молитвой, а не обвинением, по примеру псалмопевца, и тогда уже будем воссылать ее к Богу. *Царю мой и Боже мой* – слова, часто употребляемые пророком; но еще больше они составляют преимущество Авраама, о котором Павел говорит: *темже не стыдится Бог, Бог нарицатися их* (Евр. XI, 16). То же выражение употребила и наследствующая Церковь, и сделала это по любви. Она не сказала просто: Царь, но: *Царю мой и Боже мой,* показывая любовь свою. Потом она излагает и причины, по которым просит, чтобы Он услышал ее. Какие же это причины? *Яко к тебе помолюся, Господи.* Но кто же, скажешь, Богу не молится? Многие только кажутся молящимися Богу, а сами делают это на показ людям. Не так поступает она; но обращается к Самому Богу, забывая все человеческое. *Заутра услыши глас мой* (ст. 4). Видишь ли усердие и душевное сокрушение? В начале дня, говорит, я совершаю это дело. Пусть выслушают это те, которые приступают к молитве после бесчисленного множества дел. Не так поступает она, но в начале дня начатки его отдает Богу. *Яко подобает,* говорит Премудрый, *предварити солнце на благодарение тебе, и к востоку света тебе поклонитися* (Прем. XVI, 28). У царя ты не допустил бы, чтобы кто-нибудь низший тебя прежде тебя поклонился ему; а здесь, когда солнце уже поклоняется Богу, ты еще спишь, уступаешь первенство твари, не предупреждаешь всех творений, созданных

для тебя, и не воздаешь Ему благодарности, но, вставая и умывая лицо и руки, душу свою оставляешь нечистой. Или ты не знаешь, что как тело очищается водой, так душа – молитвой? Итак, омой прежде тела душу свою. К ней пристало много пятен порока: смоем их молитвой. Если мы таким образом оградим уста свои, то положим доброе основание дневной деятельности. *Заутра предстану ти и* воззрю. Предстану тебе, говорит, не переменой места, но делами. Такой человек может быть близко к Богу; а быть близко, или далеко от Него – зависит от самого человека, – потому что Бог везде. *Предстану ти и* воззрю, *яко Бог не хотяй беззакония ты еси* (ст. 5). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *и узрю (ахощаш), яко Бог не хотяй беззакония ты еси. Не приселится к тебе лукавнуяй.* Здесь пророк указывает на идолов, потому что языческие боги радовались таким людям, и всякому беззаконию, и всем делам порочным. *Не приселится к тебе лукавнуяй*: не будет, говорит, любезен Тебе, не будет близок к Тебе. *Ниже пребудут беззаконницы пред очима твоима* (ст. 6). Здесь он показывает, что Бог ненавидит зло и научает желающих приближаться к Нему – благоустраивать себя таким образом, потому что иначе невозможно быть близко к Богу. Если к человеку доброму не может быть близок тот, кто отличается от него своими нравами, то тем более к Богу. А что злые не могут быть близки к людям добродетельным, послушай, как говорят они о праведнике: *тяжек есть нам и к видению* (Прем. II, 15). Так, Иоанн, находясь в темнице и никому не показываясь, был несносен для Иродиады, хотя эта женщина была так далека от него; и после смерти он тяготил совесть того, кто был тогда тираном. Итак, не думайте, чтобы кто-нибудь из живущих добродетельно терпел зло, хотя бы на него и нападали злые; терпят зло делающие зло. *Возненавидел еси вся делающие беззаконие, погубиши вся глаголющие лжу: мужа кровей и льстива гнушается*

Господь (ст. 7). Это говорится не для того, чтобы мы только слушали, но чтобы, часто слыша это, научались сообразоваться с нравами Жениха и делаться близкими к Нему. Если же этого не будет, то мы лишимся вышней помощи, чего хуже ничего быть не может.

4. *Возненавидел еси вся делающия беззаконие,* – хотя бы то был раб, говорит, хотя бы свободный, хотя бы царь, и кто бы ни был, потому что не по внешним достоинствам, а по добродетелям Бог обыкновенно избирает Себе друзей. Но так как многие из людей грубых считают ни во что быть в ненависти у Бога, то послушай, как он присовокупляет и страх наказания: *погубиши*, говорит, *вся глаголющия лжу*, – обращая речь к более грубым грешникам. Наказание не ограничится одной ненавистью Бога, хотя и это – невыразимое наказание; но Он погубит всех, говорящих ложь. И первое ужасно, и быть в ненависти у Бога страшнее геенны, но это сказал он для способных понять, а для более грубых присовокупил и второе. Итак, не смущайся, человек, не беспокойся, когда видишь, что некоторые говорят ложь, похищают, предаются любостяжанию, и не претерпевают ничего худого: сказанное непременно сбудется, потому что таков Бог по естеству Своему, – Он отвращается от пороков, всегда ненавидит и не терпит их. Под *глаголющими лжу* пророк здесь разумеет живущих порочно, совершающих дела неправды, преданных удовольствиям, невоздержанию, любостяжанию; все это он обыкновенно называет неправдой. *Мужа кровей и лстива гнушается Господь:* здесь говорит о человеке, склонном к убийству, хитром, лукавом, имеющем на языке одно, а в душе другое, показывающем снаружи вид скромности, а на самом деле свойства волчьи, чего хуже ничего быть не может. От врага явного не трудно остеречься; а тот, кто скрывает свое лукавство и между тем действует злобно, будучи не легко уловим, может совершить

много худого. Вот почему и Христос повелел бодрствовать, когда явятся такие люди, потому что они *приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы* (Мф. VII, 15). *Аз же множеством милости твоея вниду в дом твой* (ст. 8). Так как в состав Церкви входили и такие люди – язычники, волшебники, убийцы, чародеи, лжецы, лицемеры, а она сказала, что Бог ненавидит и отвращается их, то, желая показать, что она не по праву и не за добрые дела свои, но по человеколюбию Божию избавилась от них и введена во внутренние покои Его, присовокупляет: *аз же множеством милости твоея вниду в дом твой*. Чтобы кто-нибудь не сказал: как ты, сделавшая то и то, получила спасение? – она показывает, каким образом она получила спасение, именно, что она спасена по великому человеколюбию, по неизреченной благости Божией. Но бывают люди неизлечимо больные, которые не принимают и милости, как, например, иудеи. Благодать и милость, хотя бы благодать и милость, но и они спасают лишь желающих и принимающих благодать, а не упорствующих и нежелающих принять этого дара, каковы были иудеи, о которых и Павел говорил, что они, *неразумеюще Божия правды, и свою правду ищуще поставити, правде Божией не повинушася* (Рим. X, 3). Сказав о том, что принадлежит Богу, далее она говорит и о том, что принадлежит ей. *Поклонюся ко храму святому твоему в страсе твоем* (ст. 8). Когда я получу благодать, говорит, тогда представлю должное и с моей стороны, принесу тебе такую жертву: *поклонюся ко храму святому твоему в страсе твоем*, – не так, как многие из молящихся, которые в это время почесываются, зевают, дремлют, но, говорит, со страхом и трепетом. Кто молится таким образом, тот отлагает всякое зло, располагается ко всякой добродетели, приобретает себе благоволение Божие. *Господи, настави мя* в правде Твоей, *враг моих ради* (ст. 9). Сказав во славу Богу, что Он ненавидит зло, что

Он человеколюбив и промышляет о нас, — сказав о своем спасении и о том, каким образом она спасена, — сказав, что сделала и она по получении спасения, именно, что она отвратилась от зла и прилепилась к добродетели, — подав добрые надежды и живущим порочно, что и они могут получить милость, если захотят исправиться, она потом обращает речь свою в прошение и говорит: *Господи, настави мя* в правде Твоей. Этим она научает слушателя прежде всего воссылать славословие Богу и благодарить Его за полученные благодеяния, а потом просить, чего желает, и опять благодарить за то, что получит. Но посмотрим, чего она просит. Не житейского ли чего-нибудь? Не временного ли? Не скоропреходящего ли? Не о богатстве ли говорит она? Не о славе ли? Не о власти ли? Не об отмщении ли врагам ее? Ничего такого не просит она. Чего же? *Господи, настави мя* в правде Твоей, *враг моих ради*. Видишь ли, что она не просит ничего временного, и как она испрашивает вышней помощи. Ведь идущие таким путем особенно нуждаются в этой помощи. *Правдою* же называется здесь добродетель вообще. И хорошо она сказала: *правдою Твоею,* — потому что есть и человеческая правда, правда по законам внешним, но правда малозначащая, не имеющая совершенства и полноты и основывающаяся на человеческих соображениях. А я, говорит, прошу твоей правды, которая нисходит от Тебя и которая возводит на небо; прошу и помощи, чтобы приобресть эту правду.

5. Хорошо также она сказала: *настави*, потому что настоящая жизнь есть путь, имеющий нужду в высшем наставлении. Если мы, намереваясь войти в город, нуждаемся в человеке, который указал бы нам путь, то тем более, намереваясь войти на небо, имеем нужду в высшей помощи, которая бы и показывала путь, и утверждала, и руководила, потому что есть много распу-

тий, которые отклоняют от пути. Поэтому мы должны держаться десницы Божией. *Враг моих ради.* Многие, говорит, восстали на меня враги, желая отклонить меня от этого пути, ввести в заблуждение и вывести на другой путь. При таких злоумышлениях, при таких соблазнах, руководи Ты меня Сам; я имею нужду в Твоей помощи. Впрочем, если руководить есть дело Божие, то быть достойным руководства десницы Божией есть дело нашего усердия. Если сам ты будешь нечист, то не поддержит тебя десница Божия, — если, например, ты будешь любостяжателен, или иметь какую-нибудь другую нечистоту. *Исправи пред тобою путь мой*, то есть сделай его для меня известным, ясным, знакомым, сделай его прямым для меня. Другой переводчик говорит: *уравняй предо мною путь твой*, то есть сделай его удобным, легким (Симмах). *Яко несть во устех их истины, сердце их суетно* (ст. 10). Мне кажется, здесь он говорит и о тех, которые находятся в заблуждении, осуждая уста и сердце, как чуждые всего доброго, и о тех, которые живут порочно. *Гроб отверст гортань их*: разумеет или то, что они склонны к убийству, или то, что они произносят мертвящие и зловонные учения. Впрочем, не погрешит и тот, кто гробом отверстым назовет уста, произносящие срамные слова, потому что это зловоние, исходящее из гниющей души, гораздо хуже чувственного зловония. Таковы же уста корыстолюбцев, которые не произносят ничего здравого, а одни убийства и хищения. Итак, да не будут уста твои гробом, но пусть будут сокровищницей. Сокровищницы весьма много отличаются от гробов тем, что последние портят то, что принимают, а первые сохраняют. Поэтому имей и ты всегда пребывающее богатство любомудрия в устах, а не зловоние какое-нибудь и гнилость. И не просто сказала: *гроб*, но: гроб *отверст*, чтобы лучше выразить их отвратительность. Такие слова

следует скрывать; а они произносят их и таким образом еще больше обнаруживают болезнь свою. С мертвыми телами мы поступаем иначе, предаем их земле; а они поступают со своими словами наоборот, и что следовало бы скрывать в глубине сердца и подавлять, то они произносят, причиняя вред многим и предлагая на всеобщее позорище. Будем же, увещеваю вас, отгонять от себя таких людей. Если мертвые тела мы погребаем вне города, то тем больше нужно отгонять куда-нибудь далеко произносящих мертвые и срамные слова и не желающих скрывать их, потому что такие уста — зараза для целого города. *Языки своими льщаху.* Вот и другой вид зла. Одни скрывают коварство в душе своей, произнося слова льстивые, а другие так злы, что самые слова помрачают своей злобой и строят козни и обманы. *Суди им, Боже, да отпадут от мыслей своих* (ст. 11). Заметь и здесь кротость молитвы. Не сказала: накажи; но: *суди им* и прекрати злобу их; сделай злоухищрения их безуспешными. А молиться, чтобы не преуспевали злые дела их, значит — молиться об их же пользе. *По множеству нечестия их изрини я,* яко *преогорчиша тя, Господи* (ст. 11) — то есть я нисколько не забочусь о том, что делается со мной, но скорблю о том, что касается Тебя. Подлинно, любомудрой душе свойственно — не мстить за оскорбление себя, но сильно восставать против оскорбления Бога. Между тем многие поступают напротив, оставляя без внимания касающееся Бога и с великой силой мстя за себя. Не таковы святые, но они сильно восставали против оскорблений, касающихся Бога, а касающиеся их самих оставляли без внимания.

И да возвеселятся вси уповающии на тя (ст. 12). Вот и плод молитвы: и те делаются лучшими и отстают от пороков, и другие получают великое удовольствие, видя их перемену, обращение к лучшему и успешное

исправление. *Во век возрадуются, и вселишися в них.* Вот самая постоянная радость. Другие радости бывают нисколько не лучше водных потоков, лишь только являясь и тотчас исчезая, а радость по Боге бывает продолжительна и тверда, надежна и постоянна, не нарушается никакими неожиданными обстоятельствами, но еще более возвышается от самых препятствий. Так апостолы подвергались битью и радовались (см.: Деян. V, 40); Павел терпел скорби и ликовал, готовился умереть и призывал других к участию в своей радости: *но аще,* говорил он, *и жрен бываю о жертве и службе веры вашея, радуюся и сорадуюся всем вам. Такоже и вы радуйтеся и сорадуйтеся мне* (Флп. II, 17. 18). Кто радуется таким образом, с теми обитает Бог. Вот почему и она говорит: *во век возрадуются, и вселишися в них.* То же самое выражал и Христос, когда, желая показать неизменяемость этой радости, говорил: *паки узрю вы, и радости вашея никтоже возмет* (Ин. XII, 22). И Павел говорит еще: *всегда радуйтеся, непрестанно молитеся* (1 Сол. V, 17, 18). *И похвалятся о тебе любящии имя твое.* Этим только и можно хвалиться, этому только радоваться, этим только восхищаться. А кто хвалится вещами житейскими, тот нисколько не отличается от людей, веселящихся во сне.

6. Да и есть ли, скажи мне, в вещах человеческих что-нибудь такое, чем бы можно было хвалиться? Сила ли телесная? Но она не составляет достоинства, зависящего от нашего произволения, и потому хвалиться ею мы не можем; притом она скоро ослабевает и теряется, а нередко даже служит во вред имеющим ее и пользующимся ею не так, как должно. То же надобно сказать о красоте и благообразии, о богатстве и власти, о роскоши и о всех предметах житейских. Но похвала от Бога и любовь к Нему – вот украшение, которое лучше всего, – вот отличие, которое превосходит тысячи диадем,

хотя бы удостоившийся этого находился в узах. Это украшение не уменьшается ни от болезни, ни от старости, ни от перемены обстоятельств, ни от неблагоприятных времен, ни от самой смерти, но делается тогда еще блистательнее. *Яко ты благословиши праведника* (ст. 13). Так как многие, имеющие подобное настроение и особенно преданные добродетели, подвергаются осуждению и осмеянию, то чтобы кто-нибудь из людей более слабых не падал духом, посмотри, как пророк укрепляет душу его: *яко ты*, говорит, *благословиши праведника.* Какой вред оттого, что люди и вся вселенная презирают его, если Владыка ангелов восхваляет его и прославляет? Точно так же нет никакой пользы от того, если бы все, живущие на суше и на море, прославляли, а Он не благословлял. Поэтому будем всегда стремиться к тому, чтобы Он нас прославил, чтобы Он нас увенчал. Если будет так, то мы станем выше всех, хотя бы мы находились в бедности, хотя бы в болезни, хотя бы в крайне стесненных обстоятельствах. Так и блаженный Иов, сидевший на куче нечистот, покрытый гноем ран и бесчисленным множеством червей, терпевший невыносимые страдания, презираемый рабами, оскорбляемый друзьями, врагами и женой, доведенный до бедности, голода и неисцельной болезни, был блаженнее всех. Почему? Потому, что Бог благословил его, говоря: *человек он непорочен, праведен, истинен, благочестив, удаляяйся от всякия лукавыя вещи* (Иов. I, 1). — *Господи, яко оружием благоволения венчал еси нас.* В заключение пророк опять произносит благодарность, воссылая благодарственное славословие Богу. Что значит оружие благоволения? Оружие превосходное, оружие по сердцу Божию, оружие самое благонадежное. Смысл этих слов следующий: Ты оградил нас самой лучшей помощью. Другой переводчик (Акила) говорит: *увенчаешь его*, относя это к праведнику таким образом. Ты увенчаешь его,

праведника, то есть твое благоволение служит ему вместо оружия, и оружия превосходного; или так: Ты ограждаешь праведника самой лучшей помощью, так что ни доблести его не лишаются безопасности, ни безопасность его не лишается славы. Подлинно, кто может быть сильнее, кто доблестнее человека, охраняемого вышней десницей? Этот венец сплетается из милости, как сам Давид говорит в другом месте: *венчающаго тя милостию и щедротами* (Пс. CII, 4). Он сплетается и из правды, как говорит Павел: *прочее соблюдается мне венец правды* (2 Тим. IV, 8). Он есть и венец благодати, как другой писатель говорит: *венцем же благодатей защитит тя* (Притч. IV, 9). Он есть венец славы, как говорит Исаия: *будет венец надежды, сплетенный славою* (Ис. XXVIII, 5). Этот венец имеет в себе все – и человеколюбие, и правду, и благодать, и славу, и красоту; он есть дар Божий, приносящий разнообразную благодать. Он есть и венец нетления, как говорит Павел: *они же да истленен венец приимут, мы же неистленен* (1 Кор. IX, 25). Таким образом смысл приведенных слов следующий: Ты окружил нас безопасностью и славой. Таковы дары Божии – крепки и прекрасны; таковы венцы Его. У людей же бывает не так, но кто в славе, тот не в совершенной безопасности; а кто в безопасности, тот не всегда в славе; то и другое у них не легко соединяется, а если и соединяется, то скоро разрывается. Например, люди, облеченные властью, знатные и славные, не находятся в безопасности, но по тому самому, по величию славы своей, они особенно и стоят на опасном месте; люди отверженные и презренные, находясь в безопасности по своей неизвестности, не пользуются честью, но по тому особенно, что находятся в безопасности, не имеют почестей. А у Бога не так, но то и другое, и безопасность и слава, соединяются в высочайшей степени. Поэтому, представляя величие

этих благ, и прежде всего то, как велико благо — быть угодным Богу, в чем заключается и оружие, и слава, и безопасность и множество других благ, с терпением будем проходить предстоящий нам подвиг, не будем никогда падать духом и оставаться без оружия. В этом роде войны невозможно воину оставлять оружие, но только тогда оканчиваются труды, когда оканчивается зрелище; а зрелище оканчивается тогда, когда душа отрешается от тела. Итак, пока мы в здешней жизни, нам нужно постоянно бороться, и сидя дома, и выходя на торжище, и вкушая пищу, и в болезни, и в здоровье. Даже время болезни бывает особенно временем этой борьбы, когда болезненные чувствования со всех сторон тревожат душу, когда скорби осаждают ее, когда диавол стоит и подстрекает сказать какое-нибудь недоброе слово. Тогда-то особенно и нужно держать себя в безопасности, ограждаться броней, щитом, шлемом и другим оружием, и непрестанно благодарить Бога. Это страшные стрелы для диавола, это смертельный удар для злого духа, за это особенно даруются светлые венцы. Так и блаженный Иов, — ничто не препятствует нам опять обратиться к нему, — за то особенно сделался славным, за то стал знаменитым, за то удостоился венца, что он во время искушений, болезни и бедности показал неизменную душу и непоколебимое сердце, и воссылал Богу благодарственные славословия, эту духовную жертву. Жертвой были слова его, которые он произносил: *Господь даде, Господь отъят: яко Господеви изволися, тако и бысть: буди имя Господне благословенно во веки* (Иов. I, 21). Так всегда будем поступать и мы, в искушениях, в бедствиях, в огорчениях, непрестанно прославляя и благословляя Бога, потому что Ему подобает слава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 6

Господи да не яростию твоей обличиши мене, ниже гневом твоим накажеши мене (ст. 2)

1. Когда ты слышишь слова: *ярость и гнев*, в отношении к Богу, то не разумей под ними ничего человеческого: это – слова снисхождения. Божество чуждо всего подобного; говорится же так для того, чтобы приблизить предмет к разумению людей более грубых. Так и мы, когда беседуем с варварами, употребляем их язык, или когда говорим с младенцем, то лепечем подобно ему, хотя бы сами были мудрецами, снисходя к его малолетству. И что удивительного, если мы поступаем так в словах, когда поступаем так же и в делах, кусая руки и показывая вид гнева, чтобы исправить ребенка? Точно так и Бог употреблял подобные выражения, чтобы подействовать на людей более грубых. Он, когда говорил, заботился не о Своем достоинстве, но о пользе слушающих. В другом месте, внушая, что гнев несвойствен Ему, Он сказал: *мене ли тии прогневляют; еда не себе самих* (Иер. VII, 19)? Неужели ты хотел бы, чтобы Он, беседуя с иудеями, говорил, что Он не гневается и не ненавидит злых, так как ненависть есть страсть, – что Он не взирает на дела человеческие, так как зрение свойственно телам, – что Он и не слышит, так как и слух принадлежит плоти? Но отсюда вывели бы другое нечестивое учение, будто все совершается без промысла. Избегая подобных выражений о Боге, многие тогда совершенно не знали бы, что есть Бог; а если бы не знали этого, то все погибло бы. Когда же введено учение о Боге в таком виде, то скоро следовало и исправление его. Кто убежден, что есть Бог, тот хотя имеет и не надлежащее о Нем понятие и полагает в Нем нечто чувственное, но со временем убедится, что в Боге нет ничего такого. А кто убежден, что Бог не промышляет, что Он не забо-

тится о существующем, что Его нет, тот какую получит пользу от бесстрастных выражений? Вот почему Бог, побеседовав с ними сначала таким образом и внушив им понятие о бытии Его, потом мало-помалу очищал их, возводя к истинному учению, говоря о Себе возвышеннее, упоминая и о Своем бесстрашии. Так другой пророк говорит: (Бог) *не взалчет, ниже утрудится* (Ис. XL, 28). И тот самый пророк, который сказал, что Бог гневается, далее, желая внушить, что Божество бесстрастно, присовокупляет: *мене ли тии прогневляют, еда не себе самих* (Иер. VII, 19)? И тот, который сказал, что Бог обитает в храме, сам говорит потом: *не человек в тебе свят, и не вниду во град* (Ос. XI, 9), то есть Я не ограничиваюсь местом. Если Он не опроверг всего подобного, то и сказанными словами благоразумнейшему дал понять, что Кто свободен от самых обыкновенных страстей, без которых невозможно жить, Тот тем более свободен от других. Поэтому и говорит пророк: *еда будеши, яко же человек спяй* (Иер. XIV, 9)? И часто он говорит о бесстрастии Божием. Таким образом и здесь, если слышишь о гневе, не разумей страсти. В самом деле, если люди, преданные любомудрию, по возможности воздерживаются от гнева, то тем более Существо неизменное и нетленное, неизреченное и непостижимое. Не видишь ли, что и врачи, отсекая или прижигая, делают это не по гневу, а с целью исправления, не потому, чтобы они гневались на больных, но из сострадания к ним и для избавления их от болезней? Итак, когда пророк сказал: *да не яростию твоею обличиши мене,* то сказал следующее: не накажи меня за грехи мои, не отмети мне за беззакония мои. *Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь* (ст. 3). Такое воззвание должны произносить все мы, хотя бы мы совершили тысячи добрых дел, хотя бы достигли самой высокой правды. Потому и он впоследствии говорит: не *оправдится пред тобою всяк живый*

(Пс. CXIII, 2); и еще: *аще беззакония назриши, кто постоит* (Пс. CXXIX, 3)? И Павел говорит: *ничесоже в себе всем, но ни о сем оправдайся* (1 Кор. IV, 4). И другой говорит: *кто похвалится чисто имети сердце; или кто дерзнет рещи чиста себе быти от грехов* (Притч. XX, 9)? Итак, все мы имеем нужду в милости, но не все достойны милости, потому что она, хотя и милость, ищет достойного, как Сам Бог сказал Моисею: *помилую, его же аще милую, и ущедрю, его же аще щедрю* (Исх. XXXIII, 19). Поэтому, кто сделал что-нибудь достойное милости, пусть говорит: *помилуй мя;* а кто лишил себя возможности получить прощение, тот напрасно будет говорить: *помилуй.* Если бы милость простиралась на всех, то никто не был бы наказан; но она делает некоторый выбор, ищет достойного и способного принять ее.

2. Часто многие бывали виновны в одних и тех же грехах, и получали неодинаковое наказание, потому что различные причины имели на них влияние. Если угодно, остановимся теперь на этом предмете. Согрешили все иудеи, когда поклонились идолу, и однако не все получили одинаковое наказание, но одни пали, а другие получили прощение. В грехах принимается во внимание не только сущность дела, но и душевное расположение, и время, и повод, и действия, следующие за грехом, именно: остался ли кто во грехах, или раскаялся, случайно ли согрешил, или по обольщению, или с намерением. И многое другое принимается во внимание — и различие времени, и общественное устройство. Например, грешили жившие в Ветхом Завете, грешат и живущие в Новом; но те и другие получают неодинаковое наказание, а последние — более тяжкое. Это показывает и Павел, когда говорит: *отвергся кто закона Моисеова, без милосердия при двоих или триех свидетелех умирает: колико, мните, горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый, и кровь заветную скверну возмнив* (Евр. X, 28, 29)?

Словами: *колико, мните, горшия сподобится муки,* он выражает усиленное наказание. Грешили жившие прежде закона, грешили и жившие под законом; но первые подвергаются наказанию более легкому. Показывая это, Павел говорит: *елицы бо беззаконно согрешиша, беззаконно и погибнут, — беззаконно,* то есть не тяжким, но более легким образом, — и *елицы, в законе согрешиша, законом суд приимут* (Рим. II, 12). Почему? Потому, что одни имеют своим обвинителем природу, а другие вместе с природой и закон; те, которые получили большее наставление, подвергнутся и большему наказанию. Также и достоинства лиц имеют влияние на это, как можно видеть из жертвоприношений. За весь согрешивший народ приносилась такая же жертва, какая за одного священника. Это показывает, что чем выше достоинство лиц, тем тягчайшее полагается им наказание за грехи. Вот почему простая женщина прелюбодействовавшая умерщвлялась, а дочь священника сжигалась. И по другим обстоятельствам бывает прощение, или усиление наказания, — когда, например, согрешивший терпит здесь наказание, а другой наслаждается удовольствиями. Последний получит большее наказание там, а первый меньшее, если здесь не воздаст всего. Объясняя это, Христос представляет Авраама говорящим богатому: *восприял еси благая твоя, сей же злая: нене же сей утешается, ты, же страждеши* (Лк. XVI, 25). Этот получил полное наказание в тех страданиях, которые терпел он здесь; другие же получают не полное, но отчасти, потому и там наказываются легким образом. Также от большего или меньшего знания происходит различие наказания, как говорит Господь: *раб ведевый волю господина своего, и не уготовав, биен будет много: не ведевый же, ниже сотворив, биен будет мало* (Лк. XII, 47, 48). И многое другое можно представить такое, что производит различие в наказаниях и различие в милости и человеколюбии.

Посмотри и на первозданных людей. Согрешила Ева, согрешил и Адам, совершив один и тот же грех; оба вкусили от плодов древа, но оба получили неодинаковое наказание. Совершил убийство Каин, совершил его и Ламех; но один помилован, а другой наказан. Некто собирал дрова в субботу, и не получил прощения; а Давид совершил убийство и прелюбодеяние, и удостоился прощения. Займемся же исследованием этого, потому что гораздо лучше исследовать, чем заниматься пустословием и провождением времени в собраниях на площадях. И весьма полезно не только найти разрешение этого, но даже искать его, хотя бы и не нашли. Принудим же себя заниматься этим и проводить в этом все время. Итак почему (нужно обратиться к вышесказанному), почему из всех иудеев, сделавших тельца, одни были наказаны, а другие нет? Потому что одни раскаялись и, несмотря на природу, по благочестивой ревности убивали своих близких, а другие остались во грехе, грех был равный, а последствия неравные. Почему Адам и Ева наказаны неодинаковым наказанием, хотя грех их был один и тот же? Потому что не одно и то же — быть обольщенным от жены или от змия. Потому Павел и назвал это обольщением: Адам, говорит он, *не прелстися, жена же прелстившися в преступлении бысть* (1 Тим. II, 14). Почему и собиравший дрова не получил прощения? Потому что нарушить заповедь, лишь только данную, было великим преступлением; притом нужно было и другим внушить великий страх. То же было с Ананией и Сапфирой. Так и мы, когда согрешаем, будем смотреть, достойны ли мы милости, сделали ли что-нибудь такое, за что бы получить помилование, покаялись ли, сделались ли лучшими, отстали ли от греха. Ведь и спасение раскаявшегося есть дело милости. Так и псалмопевец здесь испрашивает спасения за слезы, за рыдания: *измыю*, говорит он, *на всяку нощь ложе*

мое, слезами моими постелю мою омочу (ст. 7), то есть за сокрушение. *Смятошася кости моя, и душа моя смятеся зело* (ст. 3, 4). Говорит это не вдруг, но наперед указывает на слабость природы: *помилуй мя,* говорит, *Господи, яко немощен есмь.* Так он сказал, внушая, что одной немощи природы недостаточно, потому что, если бы этого было достаточно, то мы все бы спаслись, так как все мы — люди.

3. Впрочем, если сказать точнее, то, может быть, пророк и не это разумеет здесь, а указывает на немощь, происходящую от искушений, представляя и в этом немалое основание к получению милости и снисхождения. То же выразил он и далее в словах: *обетшах во всех вразех моих* (ст. 8). Ведь и скорбь, переносимая с благодарностью, может служить основанием к великому снисхождению и делать Бога милостивым к нам. Ее-то, кажется мне, он и разумеет здесь, когда говорит: *исцели мя, Господи, яко смятошася кости моя, и душа моя смятеся зело.* Не сказал: отпусти мне, или: прости мне, но: *исцели;* просит, чтобы исцелены были прежние раны. Под *костями* здесь разумеет он всю силу; под *смятением* — поражение, наказание, мучение. *Исцели мя, Господи, яко смятошася кости моя, и душа моя смятеся зело.* В деле врачевания сходятся три, или — лучше — четыре или даже пять предметов: врач, искусство, больной, болезнь и сила лекарств, и у них бывает некоторое сопротивление и борьба: если вместе с врачом, искусством и лекарствами будет действовать и воля больного, то болезнь побеждается; а если больной не станет действовать вместе с ними, то он усилит болезнь свою; или, если при своей слабости станет действовать против врача, лекарств и искусства, то погубит себя. Так точно бывает с нами и здесь, или — лучше — не так, но гораздо удивительнее. У врачей часто, несмотря на то, что больной действует согласно с болезнью, искусством и

лекарствами, не бывает никакого успеха, потому что, когда ослабевает природа, тогда и искусство недействительно, и сила лекарств исчезает по какой-то причине. У Бога же не бывает так, но, если ты станешь действовать вместе с Врачом, то всякая рана непременно исцелится, потому что здесь не человеческое искусство, которое может оставаться недействительным, но божественная сила, которая побеждает и природу, и болезни, и пороки, и всякое зло. Поэтому и пророк, прибегая к Богу, как врачу, со слезами говорит: *исцели мя, Господи, яко смятошася кости моя.* Впрочем, некоторые полагают, что он говорит здесь о том смятении, которое происходит от греха, потому что, как в то время, когда сильные ветры нападают на море, все возмущается, песок из глубины поднимается вверх, и плывущие подвергаются опасности, так точно и у нас здесь душа возмущается, тело содрогается, все наполняется смятением, наша ладья совершенно расстраивается, распространяется великая тьма и великое смущение, и все волнуется, сбившись со своего места. Это особенно бывает во время порочных пожеланий, гнева и несчастий. От всего этого и душа и кости приходят в смятение, и взор низвращается, и глаза смотрят беспорядочно. Как кони, когда возница приходит в смущение, несутся в беспорядке, так и у нас, когда расстраивается ум, все приходит в беспорядок, все низвращается и сбивается со своего пути. При этом нужно сказать и то, как происходит такое смятение. Оно происходит в душе не так, как в море – от напора ветров, от какого-нибудь неожиданного случая, – но от нашей беспечности. Подлинно, мы сами бываем причиной того, есть ли оно в нас или нет. Именно: когда возбуждается похоть, то печь не разгорится, если ты не подложишь огня, если не дашь ему пищи; а эта печь не разгорится, если ты не станешь засматриваться на благообразные лица, если

не станешь гоняться за другими красотами, если не станешь ходить на зрелища нечестия. Если ты не будешь утучнять плоти пресыщением, если не будешь потоплять ума в вине, то не поднимется этот пламень, не разгорится эта печь, не рассвирепеет этот зверь, не погибнет от него, как от буйных ветров, чистота души. Итак, скажешь, этого достаточно для избежания пламени греха? Нет, одного этого недостаточно, а нужно присовокуплять и нечто другое: непрестанные молитвы, общение со святыми, сообразный пост, постоянное воздержание, надлежащие занятия, и прежде всего другого страх Божий, памятование о будущем суде, невыносимых наказаниях и обетованных благах. Соблюдая все это, ты можешь обуздать рассвирепевшую похоть и остановить волнующееся море. *И ты, Господи, доколе; обратися, Господи, избави душу мою, спаси мя ради милости твоея* (ст. 4, 5). Пророк непрестанно говорит: *Господи*, приводя это слово, как некоторое право на снисхождение и милость. И действительно, величайшая наша надежда в неизреченном Его человеколюбии, в том, что Он так готов оказывать снисхождение. А слово *доколе* есть выражение человека не оскорбленного или негодующего, но скорбящего, сетующего и изнемогающего под бременем искушений.

4. *Обратися, Господи, избави душу мою.* О двух предметах говорит здесь пророк; о том, чтобы Господь обратился и чтобы избавил душу его. Праведники особенно заботились о том, чтобы Господь примирился с ними, был милостивым и благосклонным к ним и не отвращался от них. За этим следует и другое: чтобы избавлена была душа. Не так поступают многие из людей, особенно более грубые, – они ищут одного только, как бы устроить свое настоящее благополучие. А праведники, напротив, заботились о том, как бы получить спасение души, драгоценнее которой для них не было ничего.

Яко несть в смерти поминаяй тебе: во аде же кто исповестся тебе (ст. 6)? Посмотри, сколько он приводит причин ко спасению. *Яко*, говорит, *немощен есмь; яко смятошася кости моя,* так как я прошу этого у *Господа; яко несть в смерти поминаяй тебе,* – выражая этими словами не то, будто наше бытие оканчивается с настоящей жизнью, – нет, он знал учение о воскресении, – а то, что после отшествия отсюда покаяние уже не может иметь места. Так и богач исповедовал грехи свои и раскаивался, но это не принесло ему никакой пользы по неблаговременности (см.: Лк. XVI). И девы желали получить елей, но никто не дал им (см.: Мф. XXV). Поэтому и пророк просит, чтобы здесь были омыты грехи его, дабы перед страшное судилище он мог предстать с дерзновением. Далее, желая научить, что при Божием человеколюбии должны быть и наши собственные усилия, – потому что, если бы мы указывали и на немощь свою, и на смятение свое, и на благость Божию, и на все то, что он сказал, но не приложили должного с нашей стороны, то не было бы нам никакой пользы, – посмотри, что присовокупляет он: *утрудихся*, говорит, *воздыханием моим, измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (ст. 7).

Пусть выслушают живущие в низком состоянии, какое покаяние приносил царь, облекавшийся в порфиру; выслушаем это и мы, и умилимся. Он не только трудился, но утруждался воздыханиями, не только плакал, но слезами омывал постель свою, и не один, два или три дня, но каждую ночь; и не о прошедшем только говорит, но и о будущем. Не думайте, что он, сделав так однажды, потом предался покою, нет, он всю жизнь, постоянно поступал таким образом, – не так, как мы, которые часто, сделав это какой-нибудь один день, или даже не сделав ни однажды, предаемся смеху, роскоши и удовольствиям. Не так он поступал, но проводил жизнь в посто-

янных слезах. Будем же и мы подражать его исповеданию. Если мы не захотим плакать здесь, то по необходимости должны будем воздыхать и плакать там; притом там без пользы, а здесь с пользой, там со стыдом, а здесь с великим благоприличием. А что это непременно будет, о том послушай, как говорит Христос: *ту будет плач и скрежет зубом* (Мф. VIII, 12). Не испытают этого плачущие здесь, но они получат великое утешение; *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. V, 4); *горе вам богатым, яко восприемлете утешение ваше* (Лк. VI, 24). Пусть выслушают имеющие золотые кровати, какая была кровать у царя, — не украшенная драгоценными камнями, не испещренная золотом, но омытая слезами. Для него ночи были ночами не отдохновения, а воздыханий и слез. Так как днем развлекало его множество забот, то время, которое все употребляют на отдых, он делал временем исповедания, проливая тогда самые горячие слезы. И всегда хорошо — плакать, но особенно во время ночи, когда никто не препятствует этому дивному удовольствию, когда желающий может предаваться ему с полной свободой. Испытавшие понимают, что я говорю, знают, какую радость доставляют эти источники слез. Эти слезы могут угасить неугасимый пламень, ту реку, которая течет перед судилищем. Вот почему и Павел три года плакал день и ночь, исправляя чужие недостатки (см.: Деян. XX, 31); а мы и о своих не плачем, но, предавшись смеху и сластолюбию, ночью погружаемся в глубокий сон. У нас, когда одни предаются сну, подобию смерти, другие бодрствуют бодрствованием, которое хуже смерти, размышляя в это время о барышах и доходах и устраивая козни другим. Не таковы истинно бодрствующие, но они возделывают души свои, окропляя их слезами, как дождем, и возвращая семена добродетели. Никакому пороку и разврату недоступно ложе, принимающее такие слезы.

Проливающий эти слезы нисколько не думает о земном, избавляет душу свою от всякого беспокойства и делает ум свой светлее солнца. Не подумайте, что я говорю только монахам; это увещание относится и к мирянам, и к ним еще более, нежели к тем, потому что они особенно имеют нужду в врачевствах покаяния. Кто плачет таким образом, тот встанет с душой, превосходящей тихую пристань, отвергнув все страсти; исполнившись великого веселья, он пойдет в дом Божий с дерзновением; с ближним он будет беседовать с удовольствием, потому что в нем не гнездится гнев, не воспламеняется ни похоть, ни сребролюбие, ни зависть, и ничто подобное. Это ночное стенание и слезы прогоняют все это, как бы диких зверей, скрывающихся внутри. *Смятеся от ярости око мое* (ст. 8). Видишь ли сокрушенную душу? Высказав покаяние, пророк опять говорит о страданиях, о смущении души, о страхе, происходящем от представления гнева Божия.

5. Под *оком* он разумеет здесь око духовное, ту распознавающую и разумную способность души, которая обыкновенно возмущается от представления своих грехов. Так как он постоянно имел перед глазами свои прегрешения и представлял гнев Божий, то проводил жизнь со страхом и не в беспечности, как живут многие, но в подвигах и сокрушении. Такое смятение есть источник спокойствия; такой страх есть залог безопасности; предающийся такому волнению предотвращает всякую бурю, а не имеющий такой души подвергнется страшному крушению. Как судно, ненагруженное и предоставленное течению буйных ветров, скоро потопляется, так и душа, живущая беспечно, подвергается бесчисленным страстям. Потому и блаженный Павел, выражая такое страдательное состояние души, сказал: *иже в нечаяние вложшеся предаша себе студодеянию в делание всякия нечистоты в лихоимании* (Еф. IV, 19). И как корм-

чий, пока тревожится заботами о плывущих, всем доставляет спокойствие, а когда освободит себя от забот и заснет, то производит великое смятение, так точно и человек, предаваясь подвигам, страху и трепету, доставляет душе своей спокойствие, а предаваясь сну беспечности, потопляет ладью. *Обетшах во всех вразех моих.* Что значит: *обетшах*? Я изнемог, говорит, от врагов моих. Подлинно, жизнь наша исполнена подвигов и окружена бесчисленными врагами, которые бывают еще сильнее, когда мы впадаем в прегрешения. Поэтому нужно делать все для того, чтобы избежать рук их и никогда не входить с ними в общение; это — залог величайшей безопасности для нас. Указывая на сонм этих врагов, Павел говорит: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, к миродержителем тмы века сего* (Еф. VI, 12). Если же таков сонм наших врагов, то нужно всегда и постоянно быть вооруженными и избегать поводов ко грехам. Ничто так не делает нас ветхими, как грех. Потому и Павел, заповедуя предохранять себя от происходящей отсюда ветхости, говорит: *не сообразуйтеся веку сему, но преобразуйтеся обновлением ума вашего* (Рим. XII, 2). Итак, если ты сделался ветхим от греха, обнови себя покаянием. *Отступите от мене вси делающии беззаконие, яко услыша Господь глас плача моего. Услыша Господь моление мое, Господь молитву мою прият* (ст. 9, 10). Немаловажен и этот путь к добродетели, чтобы избегать людей порочных. Этого требует от нас и Христос, и притом с такой силой, что повелевает отвергать даже друзей, столь близких к нам, как необходимейшие члены, если они соблазняют нас и общение с ними приносит нам какой-нибудь вред. *Аще око твое соблажняет тя,* говорит Он, *изми е, и аще рука твоя соблажняет тя, усецы ю и верзи от себе* (Мф. V, 29, 30), — разумея здесь не члены телесные, — нет, — но близких друзей, которых дружбу должно отвергать, если она не приносит пользы

ни им, ни нам, а причиняет вред. Таким образом, упражняясь в добродетели, и сам пророк не только не искал подобных обществ, но тщательно удалял их от себя.

6. Вот плод покаяния, вот польза от слез! Душа, сокрушенная таким образом, не предается уже никакой страсти. Так будем поступать и мы. Если человек, причиняющий нам вред, будет даже облечен в диадему, не станем дорожить и дружбой, потому что нет ничего хуже человека, преданного порокам, хотя бы он был царем; и напротив, нет ничего выше человека, стяжавшего добродетель, хотя бы он был узником. *Яко услыша Господь глас плача моего.* Не сказал просто: *яко услыша глас мой,* но: *глас плача моего.* Видишь ли, как обильно выражает он и свои действия, и глас, и плач, называя здесь голосом не звук вопля, но душевное расположение, и плачем — не только слезы глаз, но и слезы души? Кто предается покаянию и бывает услышан Богом, тот легко может достигнуть и этого блага — избегать общения с людьми порочными. *Да постыдятся и смятутся вси врази мои, да возвратятся и устыдятся зело вскоре* (ст. 11). Это желание заключает в себе великую пользу, то есть чтобы они устыдились и возвратились назад, потому что если идущие худо устыдятся и возвратятся назад, то отстанут от пороков. Как мы, видя человека, стремящегося к пропасти, удерживаем его от дальнейшего стремления и говорим: «человек, куда ты стремишься? — перед тобой пропасть», так точно и пророк желает, чтобы злые возвратились назад. Так и взбесившаяся лошадь, если кто-нибудь скоро не удержит ее, скоро погибает. Так и врачи с великой поспешностью стараются остановить дальнейшее распространение яда какого-нибудь ядовитого животного, часто заражающего все тело, пресекая происходящий от него вред. Так точно будем поступать и мы, будем с великой поспешно-

стью истреблять в себе порок, чтобы эта болезнь, развиваясь, не усилилась. Греховные раны, будучи оставляемы в пренебрежении, делаются больше, и не ранами только ограничиваются эти болезни и немощи, а рождают бессмертную смерть, тогда как, будучи исторгаемы вначале и когда еще малы, они не сделаются и великими. Смотри: кто старается не обижать, тот не будет ссориться; кто не знает ссор, тот будет сохранять дружбу; кто сохраняет дружбу, тот не будет иметь врагов; кто не имеет врагов и питает любовь, тот исполнит всякую добродетель. Не будем же пренебрегать началом зол, чтобы они не возросли больше. Иуда, если бы остановил свое сребролюбие, не дошел бы до святотатства; а если бы удержался от этого, то не достиг бы величайшего зла. Потому и Христос запрещает не только блуд или прелюбодеяние, но и нескромный взгляд, истребляя порок в самом корне, чтобы легче можно было преодолеть его (см.: Мф. V, 28). Так Бог поступал и с иудеями, хотя более чувственно и прообразовательно, – потому что говорил к людям плотским, – однако поступал. Как и каким образом? Он не дозволял делать между рабочими животными какого-нибудь смешения различных родов (см.: Втор. XXII, 10); не дозволял есть кровь бессловесных животных (см.: Лев. XVII, 10); не дозволял удерживать залогов после вечера (см.: Втор. XXIV, 12), – предотвращая таким образом важные преступления, именно: первым – мужеложство, вторым – убийство, третьим – жестокость и бесчеловечие. А ныне все делается открыто и с великим бесстыдством; потому и извратилось все. Итак, когда в тебе зародится малая страсть, не смотри на то, что она мала, но представь, что она, будучи питаема, производит величайшие бедствия. В доме, когда мы видим загоревшимся малый клочок льна, то смущаемся и поднимаем шум, потому что смотрим не на начало, а от начала заключая к

концу, беспокоимся и бегаем, чтобы погасить пожар. Но сильнее огня распространяется в душе порок; поэтому нужно предупреждать его. Если мы останемся беспечными, то труднее будет исправление. То же можно видеть и на корабле: плывущие не тогда начинают беспокоиться, когда море уже чрезмерно взволновалось, но когда видят, что оно готово взволноваться. Не будем же оставаться беспечными при малых грехах, но станем истреблять их с великой силой, чтобы избегнуть больших, и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 7

Псалом Давиду, егоже воспет Господеви о словесех Хусиевых, сына Иемениина

Господи Боже мой, на тя уповах, спаси мя от всех гонящих мя, и избави мя (ст. 1, 2)

1. Следовало бы так хорошо знать Писания и исторические события, чтобы нам не нуждаться в пространном их изложении; но так как одни, занимаясь делами житейскими, другие, предаваясь беспечности, не слыхали об них, то необходимо изложить пространно предмет этого псалма. Слушайте же внимательно. Какой предмет этого псалма? *Псалом Давиду, его же воспет Господеви.* Другой переводчик (Акила) говорит: *псалом о неведении Давиду.* Третий (Симмах): *неведение Давиду*, и вместо Хусия (Акила) читает: *Ефиоплянина.* Но сказанное и теперь еще неясно, потому что вы не знаете истории. А так как мы должны не обличать только, но и учить, то необходимо рассказать самое событие. Итак, нужно

прежде всего сказать, кто был этот Хусий, сын Иемениин, и какие были слова его, за которые Давид воспел Богу этот псалом?

У Давида был сын, Авессалом, юноша непокорный и развратный. Он восстал некогда против отца и, изгнав его из царства, из дома и отечества, сам вместо него овладел всем; не постыдился ни природы, ни воспитания, ни возраста, ни предшествовавших событий, но был так жесток и непокорен, уподобляясь более зверю, нежели человеку, что, расторгнув все эти препятствия, попрал самые законы природы и наполнил все смятением и ужасом. Да, тогда все было нарушено: законы природы, стыд перед людьми, благоговение перед Богом, человеколюбие, милосердие, благодарность за воспитание, уважение к старости. Если он не хотел уважать Давида, как отца, то должен был бы уважить его, как старца, если не уважал седины, то должен был бы постыдиться его, как благодетеля; если и не за это, то должен был бы постыдиться его, как не сделавшего ему никакой обиды; но страсть властолюбия изгнала из него всякий стыд и из человека сделала зверем. И, тогда как блаженный Давид, родивший и воспитавший его, скитался в пустыне, по чужой земле, как изгнанник, беглец и переселенец, испытывая все происходящие отсюда бедствия, он наслаждался благами отца. Когда дела находились в таком положении, когда и войска были на стороне Авессалома, и города покорились этому тирану, некто Хусий, человек честный, друг Давида, остался верным своей дружбе к нему, несмотря на перемену обстоятельств, и, увидев его скитающимся в пустыне, разодрал свою одежду, посыпал голову свою пеплом, и плакал горько и искренно; и так как не мог сделать ничего другого, то предлагал ему утешение своими слезами. Он был друг не обстоятельств и власти, а друг добродетели; потому и при перемене власти он не

изменил дружбе. Давид, видя такое участие его, сказал ему: правда, все это показывает в тебе друга, искренно расположенного к нам, но это нисколько не поможет нам, а нужно посоветоваться и рассудить, как бы окончить постигшие нас бедствия и найти какой-нибудь способ – избавиться от несчастных обстоятельств. Сказав это, он дает Хусию такой совет: поди к моему сыну, прими на себя вид его друга и сообщи мне его намерения, а совет Ахитофела сделай тщетным. Этот Ахитофел тогда управлял тираном, был сведущ в воинском деле и искусен на войне и в сражениях, – почему Давид и боялся его больше, нежели самого тирана: так он был искусен! Выслушав это, Хусий повиновался, он не подумал ничего малодушного, или недостойного мужа, и не сказал: что, если я буду схвачен? Что, если будет открыто мое притворство? Что, если будет обличено мое лицемерие? Ахитофел искусен; может быть, он откроет и это, изобличит меня, и я погибну тщетно и напрасно. Ничего такого он не подумал и отправился в лагерь тирана, возложив во всем надежду на Бога и подвергнув себя опасностям. Все это сказано мной не для того только, чтобы восхвалить Давида, но чтобы показать и бедствия, которые потерпел он, и другое полезное, что можно извлечь из этой истории. Так, многие часто спрашивают: почему праведные бедствуют, а порочные наслаждаются спокойствием? Здесь можно найти ответ. Праведник был в несчастном положении, а злодей, отцегонитель, враг и противник самой природы – в счастье и царских чертогах. Но ни этот отсюда не получил никакой пользы, ни тот – святой не потерпел вреда; напротив, этот подвергся большим скорбям, а тот просиял еще светлее, сделавшись от скорби более чистым, как золото в горниле.

2. Отсюда научись, во-первых, не смущаться при подобных бедствиях, если ты видишь, что они случают-

ся и с праведниками, во-вторых, не изменяться, смотря по обстоятельствам, но помнить законы дружбы; в-третьих, решаться и на опасности для добродетели; в-четвертых, и среди несчастий сохранять надежду, ожидая помощи от Бога. Так и Хусий тогда не смотрел ни на войско, ни на страх перед тираном, ни на множество коней, ни на ряды воинов, ни на покорение городов, ни на пустыню, одиночество и слабость Давида; но видел только одно – неодолимую помощь Божию и Его благоволение, и, сообразно с этим рассуждая о той и другой стороне, нашел одну слабой, а другую сильной. Один поступал несправедливо, а другой сохранял справедливость; поэтому он, став не туда, где много людей, но где помощь добродетели, таким образом удостоился благоволения Божия. Говорю это для того, чтобы и мы с праведными, хотя бы они были слабы, имели общение, а неправедных, хотя бы они были сильны, удалялись, – потому что порок, хотя бы он имел на своей стороне всю вселенную, слабее всего, а добродетель, хотя бы она оставалась одинокой, сильнее всего, – имея на своей стороне Бога. В самом деле, кто может спасти того, против кого действует Бог? Кто может погубить того, кому помогает Бог? Все это понимая и не теряя надежды, Хусий пошел туда, куда был послан, и, пришедши и увидев приближающегося тирана, подошел к нему. Этот, внезапно увидев его и будучи ослеплен властолюбием, не стал тщательно испытывать его, но, насмехаясь и укоряя, сказал: ступай *со другом твоим* (2 Цар. XVI, 17), не назвав даже имени последнего по ненависти и великой вражде. Хусий, нисколько не смутившись и не испугавшись, отвечал: когда Бог был с ним, тогда я был на его стороне; а так как теперь Он с тобой, то следует служить тебе. Это возбудило гордость тирана, и в надменности, не исследовав ничего тщательно, – потому что человек легкомысленный верит

всякому слову, как и случилось с ним, — и предавшись врагам, он немедленно ставит его между своими приближенными, причисляет к первым своим друзьям. Все это устроил Бог, присутствуя и управляя событиями. Потом, когда было совещание касательно войны и когда другие предлагали различные мнения о том, следует ли тотчас же напасть, или немного помедлив, Ахитофел, искусный в советах, приступив и изложив свое мнение, предложил такой совет: теперь же нападем на отца твоего, утружденного и смущенного; если мы не дадим ему нисколько отдохнуть, то возьмем его; если теперь нападем на него, неприготовленного, то это не составит для нас никакого труда (см.: 2 Цар. XVII, 2). Выслушав это, тиран приглашает Хусия, лицемерно перешедшего на его сторону, и делает его участником в совещании, — хотя, по здравому смыслу человеческому, не следовало человеку, лишь только явившемуся, оказывать такую честь и удостаивать его такого доверия, чтобы советоваться с ним в столь важных делах, но, как я сказал прежде, когда Бог устраивает, тогда и трудное становится легким, — призывает Хусия, предоставляет ему право голоса и предлагает сказать свое мнение о предмете совещания. Что же Хусий? Никогда, говорит он, не ошибался Ахитофел. Видишь ли мудрость этого мужа? Он не вдруг отвергает мнение Ахитофела, но после похвалы ему. Выразив сначала удивление ему, как подававшему в прежние времена благоразумные советы, потом уже и осуждает настоящий его совет. Он говорит следующее: удивляюсь, как теперь ошибся Ахитофел, потому что совет его, по моему мнению, неполезен; если мы нападем теперь, то отец твой, как раздраженный медведь, полный гнева, отчаявшись в своей жизни и сражаясь с полным негодованием, не будет думать о собственном спасении и устремится на нас с великой силой; если же мы немного помедлим, то

нападем с большей готовностью и с большей безопасностью, и без всякого труда, легко, как бы поймав в сети, возьмем его. Авессалом одобряет это мнение и говорит, что оно более полезно для него. Между тем Хусий говорил это, желая дать Давиду время приготовиться, ободриться и собрать войско. Опровергнув таким образом мнение Ахитофела, он тайно послал некоторых людей к Давиду и уведомил его, что тиран одобрил его мнение, доставляющее Давиду победу. Так действительно и случилось: Давид, воспользовавшись временем и приготовившись, сам напал и одержал победу. Ахитофел, по своему благоразумию и опытности, поняв это и заключив отсюда о последствиях, то есть что такой совет будет гибелен для Авессалома, и не перенесши оскорбления, отправился домой и, взяв петлю, удавился, и таким образом покончил жизнь свою.

3. Узнав все это, Давид пишет настоящий псалом, вознося в нем благодарственные песнопения Богу и весь успех в борьбе возлагая на Него. Поэтому и в начале говорит так: *Господи Боже мой, на тя уповах, спаси мя* (ст. 2), не на Хусия и не на человеческую мудрость, не на его благоразумие и не на свой ум, но *на тя.* Так будем поступать и мы, и если какое-нибудь доброе дело будет сделано нам людьми, будем благодарить за это Бога, хотя бы благодеяния были оказаны нам через нас самих, или через других людей. Если мы станем поступать таким образом, то не будет для нас ничего тяжкого, ничего трудного. Так точно поступает и Давид, и как бы так говорит: не на слова Хусия я возлагаю надежду спасения, но на Твое содействие. И смотри, с каким душевным расположением он говорит теперь, равно как и всегда. Он не сказал: Господи Боже, но: *Господи Боже мой,* как и в другом месте говорит: *Боже, Боже мой, к тебе утренюю* (Пс. LXII, 1). Он обращался с просьбой к Богу, и подобно всем другим, и особенно — по преизбытку

любви к Нему. Так поступает и Бог в отношении к праведным: будучи общим Богом всех, Он называет себя особенно Богом праведных: *аз Бог Авраамов и Бог Исааков и Бог Иаковль* (Исх. III, 6). И посмотри на любомудрие пророка, сказав: *Господи Боже мой, на тя уповах,* он не прибавил: накажи противника моего, погуби врага моего, но что? Просит только о себе и говорит: *спаси мя,* то есть не попусти мне терпеть зло *от всех гонящих мя, и избави мя.* Заметь, как он и среди страданий не называет по имени отцегонителя, уважая природу и в несчастье, видя в нем сына и во время борьбы, не забывая родительских чувств и в опасностях. Так он был чадолюбив и человеколюбив, или — лучше — так был любомудр! Не столько необходимость природы сделала его таким, сколько кротость души, и все дело он приписывал больше войску, нежели тирану; и потому говорит: *спаси мя от всех гонящих мя, и избави мя.* Видишь ли, как незлобно он упоминает и о них? Не сказал: спаси мя от воюющих против меня, от расхищающих мою собственность, от пресыщающихся моими царскими сокровищами, но: *гонящих мя. Да не когда похитит яко лев душу мою, не сущу избавляющу, ниже спасающу* (ст. 3). Впрочем, он и войско собрал, и многих имел на своей стороне; почему же он говорит: *не сущу избавляющу, ниже спасающу?* Потому, что и содействие целой вселенной он считал ни за что, если бы не получал помощи свыше, равно как при этой помощи не считал себя одиноким, хотя бы оставлен был всеми. Вот почему он и говорил: *не спасается царь многою силою, и исполин не спасется множеством крепости своея* (Пс. XXXII, 16). Некоторые, принимая эти слова в переносном смысле, говорят, что *лев* и *гонящие* означают диавола и злых духов. Пророк, видя, что сын увлечен диаволом и находится в его власти, просит, чтобы не случилось того же и с ним самим, и указывает причину, почему сын подвергся этому. Какая же это при-

чина? Нечестием, говорит он, отвратил от себя помощь Божию; поэтому и прибавляет: *не сущу избавляющу, ниже спасающу*. А что львом в Писании называется диавол, о том послушай, как оно говорит: *супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. V, 8). И сам пророк в другом месте говорит: *и поперши льва и змия* (Пс. XC, 13). Этот зверь принимает различные виды; но, если мы будем бодрствовать, то и лев и змий будет ничтожнее всякого праха, и никогда прямо не нападет на нас, а если и нападет, то будет попран, потому что вы будете, сказал Господь, *наступати на змию и скорпию* (Лк. X, 19). Он ходит, как лев, с великой яростью, но если нападет на имеющих Христа, и крест на челе, и огонь Духа, и светильник никогда не угасающий, то не в состоянии будет даже взглянуть на них, но, обратившись назад, убежит и не посмеет возвратиться. А дабы тебе убедиться, что сказанное мной – не пустословие, посмотри на Павла. Он также был человек, и, однако, этот лев так боялся его, что бегал от одежд и тени его. И неудивительно, он не мог выносить благоухания Христова, исходившего и распространявшегося от Павла, не мог взирать на светильник добродетели. *Господи Боже мой, аще сотворих сие, аще есть неправда в руку моею* (ст. 4). Всегда нужно помнить, что должно не просто только молиться, но молиться так, чтобы быть услышанным. Молитва недостаточна для получения желаемого, если мы не будем воссылать ее так, как угодно Богу. И фарисей молился, но не получил пользы; и иудеи также молились, но Бог отвращался от молений их, потому что они молились не так, как должно молиться. Поэтому нам заповедано молиться такой молитвой, которая могла бы быть вполне услышана. Это пророк выразил и в предыдущем псалме, где не только просил быть услышанным, но вместе с тем сделал все должное и со своей стороны. Что же такое? Именно: *измыю на всяку нощь*

ложе мое, слезами моими постелю мою омочу; еще: *утрудихся воздыханием моим;* еще: *отступите от мене вси делающии беззаконие;* и еще: *смятеся от ярости око мое* (Пс. VI, 6–9).

4. Все это, а именно: рыдания, слезы, воздыхания, удаление от людей порочных, страх и спасение суда Божия, достаточно для того, чтобы быть услышанным от Бога. И в другом месте пророк сказал: *услыша Бог правды моея, в скорби распространил мя еси* (Пс. IV, 2). Чтобы быть услышанным от Бога, это зависит от следующих условий: во-первых, если мы достойны получить просимое; во-вторых, если мы молимся согласно с законами Божиими; в-третьих, если молимся непрестанно; в-четвертых, если не просим ничего житейского; в-пятых, если просим полезного; в-шестых, если исполняем должное и со своей стороны. Таким образом многие были услышаны: Корнилий был услышан за жизнь (см.: Деян. X, 4), сирофиникиянка – за постоянство в молитве (см.: Мк. VII, 26), Соломон – за предмет прошения: *занеже,* сказано было ему, *не просил еси богатства, ниже душ враг твоих* (3 Цар. III, 11), мытарь – за смирение (см.: Лк. XVIII, 14), другие – за другое. Как от этого зависит – быть услышанным, так быть неуслышанным – зависит от противного тому, хотя бы молящиеся были праведники. Кто был праведнее Павла? Но когда он просил бесполезного, то не был услышан: *о сем,* говорит он, *трикраты Господа молих, и рече ми: довлеет ти благодать моя* (2 Кор. XII, 8, 9). Кто также праведнее Моисея? Но и он не был услышан, и ему Господь сказал: *довлеет ти* (Втор. III, 16); он просил о том, чтобы ему войти в землю обетованную, но это было бесполезно, потому Бог и не попустил ему. Кроме того, мы бываем не услышаны еще и по другой причине, именно – когда молясь не оставляем грехов своих. На это указал Бог, когда сказал об иудеях Иеремии: *не молися о людех сих: еда не видиши, что сии творят* (Иер. VII, 16)? Они, говорит,

не отстают от нечестия, а ты просишь за них? Но я не услышу тебя. Также, когда мы просим чего-нибудь против врагов, тогда не только не бываем услышаны, но еще оскорбляем Бога. Молитва есть врачевство; и если мы не знаем, как должно приложить это врачевство, то не получаем от него никакой пользы. Но посмотрим, что говорит пророк в словах молитвы: *Господи Боже мой, аще сотворих сие.* Что значит: *аще сотворих сие?* Я страдаю, говорит: но разве я восставал против отца, разве я сделал такое беззаконие? И здесь опять он не решается назвать по имени беззаконника, но сетует и стыдится за сына. Как благородный человек, если увидел бы жену свою прелюбодействующей, не решился бы назвать греха ее по имени, так точно поступает и он; не говорит: разве я восставал против родителя, разве я был отцегонителем, но: *аще сотворих сие.* Что я, говорит, упоминаю об этом? Что за добродетель – не быть отцегонителем, чего никто не увидит и между дикими зверями? *Аще есть неправда в руку моею.* Не говорю о той неправде; но и никакой другой неправды не найдется в руках моих. Он говорит это не по гордости, но будучи вынужден указать на добрые дела свои. Впрочем, сказанное еще не так важно, как то, что следует далее. Что же такое? *Аще воздах воздающим ми зло* (ст. 5), говорит. Слушайте внимательно. Сказанное в этих словах – немаловажно. Хорошо – не обижать; но гораздо лучше и достойнее любомудрой души – не мстить за обиды. Хотя закон дозволял это, повелевая исторгать око за око, и зуб за зуб (см.: Втор. XIX, 21), хотя мщение не было нарушением закона, но он был так любомудр, что не только не нарушал закона, но во многом превосходил закон и восходил выше пределов его, так как он не считал достаточным для добродетели не переступать пределов заповедей. Как апостол Павел, позволяя от *благовестия жити,* сам не жил, но проповедовал Евангелие безвозмездно

(см.: 1 Кор. IX, 14), так и блаженный Давид, несмотря на то, что закон дозволял мстить за обиды, не оставался в этих пределах, но превосходил их. От нас же требуется — не только не мстить врагам, но и благодетельствовать им: *молитеся за творящих вам напасть, добро творите,* сказал Господь, *ненавидящим вас* (Мф. V, 44). Для Давида немаловажно было — не мстить, но гораздо выше заповеди закона; поэтому он и говорит: *аще сотворих сие, аще есть неправда в руку моею, аще воздах воздающим ми зло.* В отношении к сыну, конечно, препятствовала этому сама природа; но оскорблял ли я, говорит, когонибудь, или мстил ли другим? Какое же прощение, какое оправдание можем иметь мы, которые после пришествия Христова не достигаем меры живших в Ветхом Завете, тогда как от нас требуется это с большим избытком? *Аще не избудет,* сказал Господь, *правда ваша паче фарисей, не внидете в царствие небесное* (Мф. V, 20). Как живший под законом и делавший добро неравен жившему до закона и делавшему то же, так и живущий под благодатью неравен жившему под законом, но и по времени есть между ними великое различие. Павел, объясняя это в отношении к пороку и в отношении к добродетели, смотри, как много удивляется одним и как считает достойными других большого наказания: *егда бо языцы,* говорит он, *не имуще закона, естеством законная творят, сии закона не имуще, сами себе суть закон* (Рим. II, 14).

5. Видишь ли, как он хвалит и прославляет делавших добро без закона? Посмотри же, как он считает достойными большого наказания согрешающих под благодатью в сравнении с грешившими под законом: *отверглся кто,* говорит он, *закона Моисеова, без милосердия при двоих или триех свидетелех умирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый и кровь заветную скверну возмнив* (Евр. X, 28, 29)? А грешивших прежде закона считает он достойными меньшего нака-

зания в сравнении с грешившими под законом: *елицы*, говорит, *беззаконно согрешиша, беззаконно и погибнут,* то есть будут наказаны легче, не имея своим обвинителем закона, а одну только природу, *и елицы в законе согрешиша, законом суд приимут,* то есть будут наказаны тяжелее, имея своим обвинителем, кроме природы, и закон (Рим. II, 12). *Да отпаду убо от враг моих тощ, да поженет убо враг душу мою, и да постигнет, и поперет в землю живот мой, и славу мою в персть вселит* (ст. 5, 6). Видишь ли дерзновение праведника и чистейшую совесть его? Если бы он не был совершенно уверен в себе, он не обрекал бы себя на такие бедствия.

Смысл слов его следующий: если я обижал, если я мстил, то пусть случится со мной то и то. Он сам на себя произносит приговор и просит судить его и наказать не по мере, но гораздо больше заслуженного, обрекает себя на наказание, какого и закон не назначал ему. Посмотри, каково это наказание: *да отпаду убо*, говорит, *от враг моих тощ, да поженет убо враг душу мою, и да постигнет и поперет в землю живот мой, и славу мою в персть вселит,* то есть пусть погубит меня с бесславием и бесчестием, пусть истребит вместе с жизнью моей и славу мою. Что значит: *и славу мою в персть вселит?* Это значит: пусть унизит, пусть попирает ногами, пусть я сделаюсь добычей врагов. Кто может быть нечестивее Авессалома, бесстыдного и необузданного оскорбителя, который преследовал отца своего, притом такого отца, так кроткого и смиренного? Что же? Воздавал ли Давид злом — делавшим ему зло? Помнил он зло? Никогда. Если рассмотришь историю Саула, то такой ответ сделается для тебя совершенно ясным. В самом деле, того, который после тысячи благодеяний, трофеев, побед делал ему зло, строил против него козни, каждый день старался умертвить его, он, захватив в свои руки один, два и много раз спящим, как бы заключенным в темнице и не

имевшим с собой стражи, пощадил, хотя многие советовали поразить и умертвить его, удержал свой гнев, хотя знал, что, оставляя ему возможность избежать смерти, он сохранит себе неприятеля и непримиримого врага. Но ни воспоминание прошедшего, ни страх будущего и ничто другое подобное не побудило его решиться на убийство. Он руководился любомудрием, удерживал свою руку, обуздывал свой гнев и предпочитал лучше подвергаться опасностям и козням, лишиться отечества и свободы, чем поразить и умертвить врага, который враждовал против него напрасно и без причины, который после бесчисленных благодеяний угрожал ему смертью. И из многого другого можно видеть любомудрую его душу. Потому-то он и обрекал себя на многие и тяжкие бедствия, как то: остаться без успеха, быть побежденным врагами с великой для себя опасностью, подвергнуться бесславной смерти, и притом — что ужаснее самой смерти — испытать это от врагов; потому он и употреблял все меры, чтобы после смерти оставить о себе добрую память. Между тем, смотри, на какие бедствия он обрекает себя: трудиться без пользы, предоставить победу над собой врагам, умереть, и притом не обыкновенной смертью, но так, чтобы и память о нем истребилась, — смертью бесславной. Конечно, он не обрекал бы себя на все это, если бы по совести не был совершенно уверен в себе. Если же он имел врагов, то это — не его вина; он сам не подавал к тому поводов. Какой подал он повод ко вражде сыну? Какой — Саулу? Когда сын сделал достойное наказания, он не возвратил ли и не принял ли его, подвергнув временному вразумлению? А Саула, угрожавшего ему смертью, он не спас ли, имея его неоднократно в руках своих (см.: 2 Цар. XIV, 21; 1 Цар. XXIV, 7)? Поэтому не на то смотри, имел ли он врагов, а на то, сам ли он сделал их врагами своими. И Христос запо-

ведал не то, чтобы не иметь врагов, — это не в нашей власти, — но не ненавидеть их; в этом мы властны, а в том — нет. Быть ненавидимыми напрасно — зависит не от нашей воли, но от ненавидящих. Так злые люди обыкновенно ненавидят добрых без причины и напрасно. Так и Христа ненавидели напрасно, как Он Сам говорит: *возненавидеша мя туне* (Ин. XV, 25). И апостолы имели врагов — лжеапостолов, и пророки — лжепророков. Не о том должно заботиться, чтобы не иметь врагов, но чтобы не иметь их справедливо, или по своей вине, чтобы нам, хотя бы мы тысячекратно были ненавидимы, самим не ненавидеть и не отвращаться от других, потому что в этом и состоит вражда — в ненависти и отвращении. Когда я бываю ненавидим, а сам не ненавижу, тогда другой имеет меня врагом, а не я его. Если я молюсь за него, если желаю благодетельствовать ему, то как я могу считать его врагом? Вот почему и Павел говорит: *аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте* (Рим. XII, 18).

6. Итак, будем исполнять должное с нашей стороны, и тем самым заслужим достаточную похвалу. Что же нужно с нашей стороны? А вот пример: тебя такой-то ненавидит и обижает? Ты люби его и благодетельствуй ему. Тебя он бесчестит и поносит? Ты благословляй и хвали его. Но он и после этого не прекращает вражды своей? В таком случае он доставляет тебе большую награду. Подлинно, злые люди, чем упорнее продолжают вражду, несмотря на наше расположение к ним, тем славнее приготовляют нам награды и тем слабее делают самих себя. Кто ненавидит и не прекращает вражды, тот мучится, истощается, проводит жизнь в постоянной войне; а кто выше этих стрел, тот стоит вдали от треволнений, доставляет себе, а не врагу величайшую пользу и, стараясь примириться с ним и не враждовать, избавляет себя от войны и ссоры. Итак,

будем избегать вражды с другими и исторгнем корень ее — тщеславие и сребролюбие, потому что всякая вражда происходит или из пристрастия к деньгам, или из тщеславия. Если же будем выше этих страстей, то будем и выше вражды. Оскорбил ли тебя кто-нибудь, — переноси мужественно; не тебя он оскорбил, а самого себя. Ударил ли тебя кто-нибудь, — не поднимай десницы своей; он в то же время ударил себя самого, поразив тебя рукой, а себя гневом, и приобретши себе дурное мнение от всех. Если же это кажется тебе трудным, то представь, что кто-нибудь в бешенстве разорвал твою одежду, и скажи: кто потерпел зло, — ты ли, подвергшийся этому, или он, сделавший это? Очевидно, он. Хотя тут у тебя разорвана одежда, но сделавший это потерпел большее зло, чем пострадавший, потому что у кого разорвано сердце, — что производит гнев, — тот потерпел не гораздо ли больший вред, чем ты, не испытавший ничего такого? Не говори, что одежда — твоя; он еще прежде разорвал свое собственное сердце. Как болезнь — желтуха не может обнаружиться, если желчь не разольется и не выступит из своих пределов, так и гнев не сделается неумеренным, если не разорвется сердце. И как ты, видя страждущего желтухой, хотя бы он сделал тебе тысячи зол, не пожелаешь взять на себя болезнь его, так поступай и с гневом. Не соревнуй, не подражай злобе, но жалей того, кто не обуздывает в себе этого зверя и прежде всех вредит и губит самого себя. А что действительно такие люди вредят самим себе, это можно слышать от многих, которые, стараясь прекратить вражду, убеждают враждующих так: пощади самого себя, ты вредишь самому себе. Такова злоба: она вредит только тому, кто питает ее, и низвращает все. Итак, желая отмстить другим, не будем лишать сами себя тихой пристани. Если бы кто-нибудь, претерпевая кораблекрушение и утопая, стал поносить тебя, стояще-

го на земле, то, конечно, ты не оскорбился бы и не сошел бы с земли, чтобы утонуть вместе с ним. Так рассуждай и здесь: кто оскорбляет и поносит тебя, тот подвергается кораблекрушению, или буре, и утопает, попавши в водоворот гнева; а ты, перенося это мужественно, остаешься спокойным в пристани, на берегу. Если же ты увлечешься подражать ему, то потопишь не его, а себя самого. *Воскресни, Господи, гневом твоим, вознесися в концах враг твоих* (ст. 7). Пророк говорит так, выражая, что Бог восстает и не во гневе, например, когда он говорит: *воскресни, Господи, спаси мя, Боже мой* (Пс. III, 8). Когда ты слышишь: *воскресни,* то не разумей ничего телесного. Как сидение в отношении к Богу не означает ничего телесного, так и это. *Ты*, говорит псалмопевец, *седяй во век* (Пс. XC, 9; XXVIII, 10). Что же именно означается здесь сидением? Твердость, неподвижность, неизменность естества, постоянство, как выразил он и самым противоположением, потому что, сказав: *ты седяй во веки,* он присовокупил: *вы же потребитеся во век* (Пс. XCI, 8). Как сидение у Бога не есть телесное, так и восстание: первым означается постоянство, а последним сила наказующая и сокрушающая. Впрочем, оно иногда означает еще судебную власть; например, когда он говорит: *сел еси на престоле судяй правду* (Пс. IX, 5), и Даниил: *престоли поставишася и Судия седе* (Дан. VII, 9). Означает еще царскую власть; например, когда он говорит: *престол твой, Боже, в век века, жезл правости, жезл царствия твоего* (Пс. XLIV, 7). Поэтому и выражение *седи одесную мене* (Ис. CIX, 1) означает равенство чести. Что значит: *гневом твоим?* И это также должно разуметь боголрилично. Гнев Божий не есть страсть, но означает наказание и мучение. *Вознесися в концах враг твоих.* Другой переводчик (Феодотион) говорит: *во гневе на врагов твоих;* третий (Симмах): *в ярости огорчающих меня*; четвертый (Акила): *в негодовании*

связующих; в еврейском выражении: *в концах* соответствует (вевароф). Смотри, как и здесь пророк не мстит за себя самого, а говорит о славе Божией. Не сказал просто: накажи врагов моих, или врагов твоих, но: *вознесися.* Но как может вознестись высокий? Тот, Который всегда есть Высочайший? Высота естества Его не уменьшается и не увеличивается; Он совершен и вседоволен и всегда пребывает одним и тем же. Как же и каким образом Он возносится? Он возносится в душах многих. Например, Он часто долго терпит; а враги не понимают Его долготерпения, считают это унижением и бессилием, так что Он унижается не на самом деле, а в душах их.

7. Как солнце кажется несветлым для больных глазами, так точно Бог представляется малым и бессильным в умах таких людей. Но как солнце только кажется таким по болезни страждущих, а на самом деле не темно, так и Бог, хотя представляется бессильным по безумию таких людей, но на самом деле не бессилен. Что же говорит праведник? Вознесись и перед врагами нашими, отмсти и покажи силу Свою, чтобы считающие Тебя малым увидели славу Твою из того, что потерпят они. Видишь, как он имеет в виду не себя, а Бога. Под словом: *в концах* одни разумеют: *на главах;* другие: пусть никто из врагов не избегнет. Велика добродетель праведника, если у него с Богом одни и те же враги и одни и те же друзья; равно как велика злоба того, кто имеет друзей Божиих своими врагами и врагов Его своими друзьями. Как о Боге говорится, что Он имеет врагов, не потому, чтобы Он ненавидел их или отвращался от них, а потому, что Он не терпит злых дел их, так и праведник имеет врагов, не желая мстить им, но отвращаясь злобы их. *И востани, Господи Боже мой, повелением, имже заповедал еси* (ст. 7). Другой переводчик (неизвестный) говорит: *в суде. И сонм людей обыдет тя* (ст. 8).

Другой (Симмах): *да обыдет тя. И о том на высоту обратися, Господи.* Другой переводчик (Феодотион) говорит: *и над тем на высоту обратися.* Третий (Акила): *и на том на высоту обратися;* в еврейском: словам *о том* соответствует уалеа. Что значит: *повелением, имже заповедал еси?* Так, говорит, чтобы оказать помощь обижаемым и не оставить без внимания подвергающихся козням. То, что Ты заповедал нам, Сам покажи нам делами. Другие разумеют здесь и нечто другое, именно то, что пророк обещает противиться врагам Его. *И сонм людей обыдет тя.* И здесь не представляй ничего человеческого; хотя выражения таковы, но мысли — достойны Бога. Что же значит: *обыдет тя?* Иначе сказать: будет петь Тебе, будет воспевать Тебя, будет воссылать Тебе великую хвалу. Так как евреи совершали это хорами, становясь кругом в храме и святилище, и таким образом возносили благодарственные песнопения, то он и выражает хвалу образом их стояния. А смысл слов его следующий: отмсти, помоги; это и перед врагами возвысит Тебя, и народ твой будет воссылать Тебе великие хвалы. Смотри, как он имеет в виду не себя, а Бога. Везде он выражает желание, чтобы Бог был прославляем и врагами и своими. *И о том на высоту обратися.* О ком — *о том*! Сонме. Для него, говорит, взойди на высоту; возвысь нас, возвеличь нас, соверши дела высокие, сделай этот сонм славным и знаменитым, возврати ему прежнее благосостояние. Посмотри, как он везде с молитвами соединяет и наставление. Сказав выше: *ущедри мя и услыши мя,* он переменяет речь на увещание и говорит: *сынове человечестии, доколе тяжкосердии* (Пс. IV, 2, 3)? И здесь, сказав: *на высоту обратися, Господи,* продолжает: *Господь судит людем* (ст. 9). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *Господь будет судить.* Людей, думающих, что все существует без причины и случайно, он научает, что над делами нашими есть промысл, требующий отчета

в совершаемом. А суд он разумеет здесь как будущий, так и настоящий. Там будет суд всеобщий и открытый, а здесь Бог требует отчета частным образом, пробуждая беспечных и располагая неверующих к мысли о промысле над всем. *Суди ми, Господи, по правде моей.* Другой переводчик (Акила) говорит: *по праведности моей. И по незлобе моей на мя. Да скончается злоба грешных* (ст. 10). Другой переводчик (Акила) говорит: *да исполнится озлобление на нечестивых. И исправиши праведнаго.* Другой (Акила): *и утвердиши праведнаго.* Но как он, говоря в другом месте: *не вниди в суд с рабом твоим* (Пс. CXLII, 2), здесь говорит: *суди ми по правде моей?* Там говорит он об одном, а здесь — о другом. Там, говоря: *не вниди в суд с рабом твоим,* он выражает: не входи в суд Ты со мной, не исследуй жизни моей сравнительно с благодеяниями, оказанными Тобой, — почему и присовокупляет: *яко не оправдится пред тобою всяк живый,* то есть если будет судиться с Тобой. А здесь он не то говорит. Он хочет быть судимым не по Богу, а сам по себе, поэтому и говорит: *по правде моей,* то есть по моей праведности. Праведностью здесь он называет то, что он не простирал ни на что рук неправедно; это он выразил выше в словах: *аще сотворих сие,* и следующих (ст. 4). То же самое он выражает и словами: *по незлобе моей;* вот почему, говорит, я хочу быть судимым. Велико и здесь дерзновение праведника. Говорит же он это, будучи вынужден необходимостью. Какой? Тем, что многие неразумные люди, по поводу страданий его, составили себе дурное о нем мнение. Есть много людей неразумных, которые из несчастий другого обыкновенно выводят дурное заключение об его жизни. Так было с Иовом. Не зная за ним ничего худого, говорили ему: по грехам твоим ты еще мало наказан (см.: Иов. XXXIII, 27). И Павла варвары приняли за человека порочного и преступного, когда ехидна повисла на руке его, почему и

говорили: *человека сего спасена от моря суд Божий жити не остави* (Деян. XXVIII, 4). И Семей называл Давида человекоубийцей, составив об нем такое дурное мнение по его несчастью (см.: 2 Цар. XVI, 7).

8. Итак, чтобы и с вами не случилось того же, побеседуем об этом немного. Действительно, я слышу, как многие говорят: если бы Бог любил бедных, то Он не попустил бы им быть бедными, – слышу, как другие, видя кого-нибудь страждущим продолжительным недугом и болезнью, говорят: где же милостыни его, где добрые дела его? Поэтому, чтобы и вам не грешить таким образом, рассудим об этом. Если и человек здравомыслящий не может ненавидеть добрых и любить злых, то как ты осмеливаешься говорить это о Господе, – будто Бог ненавидит бедных, хотя бы они были добродетельными, и любит богатых, хотя бы они были порочными, – отверзая уста на богохульство и не понимая важности этого заблуждения?

Чтобы тебе не грешить таким образом, узнай, что Бог любит и что ненавидит. Кого же любит Он? Того, кто исполняет заповеди Его. *Сего аз возлюблю*, говорит Он, *и прииду к нему* (Ин. XIV, 21, 23), – не богатого, не здорового, но повинующегося моим повелениям. А кого ненавидит Он и отвращается? Того, кто не исполняет заповедей Его. Итак, когда ты увидишь кого-нибудь не исполняющего заповедей Его, то, хотя бы он был здоровым, хотя бы окружен был богатством, считай его в числе ненавидимых Богом; а добродетельного, хотя бы ты видел его в болезни, или бедности, считай в числе любимых Им. Не к тем – любовь Его, а к этим. Не видишь ли ты и в житейских делах, что любимые царями особенно и прежде всех подвергаются опасностям в сражениях, получают раны, посылаются в поход? Не слышал ли ты, что *егоже любит Господь, наказует, биет же всякого сына его же приемлет* (Евр. XII, 6)? Но многие,

скажешь, соблазняются, видя это. Так, но — не по вине добродетельных, а по собственному невежеству. Не здесь ведь воздаяние за труды наши; здесь подвиги, а награды и венцы — после. Не ищи же во время подвигов и в день борьбы покоя и безопасности, не смешивай различных времен. Но многие, скажешь, немощны. Бог промышляет и о них; Он сделал, что многие и из праведников пользуются благополучием еще здесь, — не для них самих, но для немощных. Поэтому, если соблазняют тебя праведники, находящиеся в скорби, то пусть утвердят тебя живущие в покое; и если смущают тебя порочные, пользующиеся благополучием, то пусть исправят тебя подвергающиеся наказанию и мучению. Разве ты не слышал Христа, Который говорит: *в мире скорбни будете* (Ин. XVI, 33)? Почему же ты ищешь покоя, когда Он сказал это? Разве ты не слышал еще, как Он говорит: *мир возрадуется, вы же всегда печални будете* (Ин. XVI, 20)? Таким образом людям неразумным справедливо можно было бы соблазняться, если бы происходило противное тому, что Он сказал; а если все происходит так, как следует, то почему ты соблазняешься? Но для чего, скажешь, Бог установил так? Не исследуй и не испытывай. *Еда речет здание создавшему: почто мя сотворил еси тако* (Рим. IX, 20)? Вот почему и пророк, укоряя иудеев за то, что они, преисполнившись бесчисленными пороками, исследовали пути Божии, говорит: *разумети пути моя желают, яко людие правду сотворившии и суда Бога своего не оставившии* (Ис. LVIII, 2); они поступали подобно тому, как если бы какой-нибудь слуга, огорчивший господина и виновный в тысяче проступков, вместо того, чтобы утишить гнев господина, стал требовать отчета, почему он поступил таким образом. Не исследуй же этого, вместо того, чтобы плакать и сокрушаться и омывать грехи свои. Говорю это не потому, чтобы я не мог представить причины, но желая

обратить тебя от этой пытливости к попечению о собственном спасении. Для чего Он установил таким образом? По снисхождению к роду человеческому. Труды Он назначил здесь, где жизнь краткая, а венцы сохранил для будущего, где жизнь нестареющая и бессмертная. Эти труды скоро оканчиваются и проходят, а то остается вечным и никогда не будет иметь конца. С другой стороны, через это Он упражняет души в любви к добродетели. Когда душа избирает добродетель, несмотря на трудности и еще не получая награды, то оказывает расположение и великое усердие к ней; и когда она убегает порока, несмотря на его удовольствия и еще не подвергаясь наказанию, то научается ненавидеть его и отвращаться. Таким образом она приобретает навык – отвращаться от порока и любить добродетель. Есть и другая причина. Какая? Та, что скорбь особенно располагает нас к любомудрию и делает крепкими. А вместе с этой – еще иная причина. Какая? Бог хочет научить нас презирать настоящее, не прилепляться и не привязываться к нему. Для того Он и назначил здесь скорби и труды, и все приятное и радостное сделал скоропреходящим. *Да скончается злоба грешных, и исправиши праведнаго* (ст. 10). Что значит: *да скончается?* Пошли, говорит, наказание и останови злобу их. Как гнилые раны очищаются горькими лекарствами, прижиганиями и отсечениями, так и пороки останавливаются наказанием.

9. Зная это, мы должны оплакивать не тех, которые наказываются и страдают, а тех, которые грешат безнаказанно. Первое зло – грешить, а второе – согрешающим не получать никакого врачевания, или, справедливее сказать, это и есть первое и тягчайшее зло. Подобно тому как тяжело не болезни подвергаться, а заболев не получать врачевания, и как мы жалеем не столько того, кто имеет гнилостную рану, сколько того, кто, имея ее, лежит и не получает помощи от врача, а кому

делают отсечения и прижигания, того мы считаем возвращающимся к здоровью, обращая внимание не на боль, происходящую от резания, а на выздоровление, так должно думать и о душе: печалиться и скорбеть следует не о тех, которые наказываются, – их возвращают к здоровью, – но о тех, которые грешат безнаказанно. Но, скажешь, если наказания удерживают от пороков, то почему мы не каждый день наказываемся за грехи? Потому что если бы так было, то род человеческий давно уничтожился бы и не было бы времени для покаяния. Вспомни Павла. Если бы он был наказан за гонение и умерщвлен, то как он имел бы время покаяться, после покаяния совершить множество добрых дел и, так сказать, всю вселенную привести от заблуждения к истине? Не видишь ли, что и врачи, когда кто имеет много ран, употребляют лекарство не настолько сильное, какого требует свойство ран, но какое могут перенести силы больного, чтобы, врачуя раны, не погубить больного? Поэтому и Бог наказывает не всех вдруг и не всех по заслугам, но слегка и постепенно; и часто, наказывая одного, вразумляет через него многих других. Так часто бывает и с телом: отсечение одного члена доставляет здоровье многим другим. Посмотри, как проникнута любовью душа праведника, как он всегда ищет пользы общей и истребления пороков, – не того, чтобы отмщено было врагам его, но чтобы они отстали от пороков. Будем же и мы всегда иметь в виду, как бы прекратились пороки; будем скорбеть о тех, которые погрязли в них, хотя бы они были одеты в шелковые одежды, и ублажать тех, которые живут добродетельно, хотя бы они боролись с крайней бедностью, оставим внешность и проникнем в душу тех и других. Тогда мы и увидим богатство одного и бедность другого. В самом деле, что за важность, когда кто-нибудь снаружи одет в блестящие одежды? Чем он отличается от мастерских и веша-

лок? Чем он богаче тех, кто ими торгует? Но не таково богатство праведника: оно прочно и постоянно. Если же богатые, будучи так бедны, не чувствуют этого, то нисколько не удивительно. И помешавшиеся в уме не чувствуют своей болезни, но поэтому особенно они и жалки, а отнюдь не счастливы; если бы они чувствовали, то по крайней мере обратились бы к врачу, а теперь самое тяжкое зло от этой болезни в том и состоит, что они, подвергшись ей, даже не понимают, что они подверглись ей. Поэтому не смотри на то, что богач радуется обогащаясь, но по тому самому особенно и оплакивай его, что он не чувствует, какому он подвергается злу. Радоваться этому свойственно не человеку, но крайне неразумному. *И исправиши праведнаго.* Что это значит? Когда порочные наказываются, говорит, тогда праведные делаются более внимательными, так что отсюда происходят два блага: те отстают от порока, и эти более прилепляются к добродетели. Как здоровый человек, видя другого, которому делают прижигание или отсечение, делается более внимательным к своему здоровью, так точно и здесь. Подлинно, многие тогда соблазнялись даже из таких, которые, по-видимому, были внимательны к самим себе, и впадали в малодушие при виде благополучия людей порочных. Потому пророк и в другом месте говорит: *в мале не пролияшася стопы моя: яко возревновах на беззаконныя* (Пс. LXXII, 3). И другой писатель говорит: *что яко путь нечестивых спеется* (Иер. XII, 1)? Иов также предлагал много таких вопросов. Но тогда говорившие так и спрашивавшие говорили и спрашивали потому, что были несовершенны; а теперь смущающийся этим недостоин никакого прощения, потому что научен такому любомудрию, принял такое учение о будущем, получил яснейшее наставление и о геенне, и о царстве, и о том, что каждому воздается там по заслугам. *Испытаяй сердца и утробы Боже*

праведный. Помощь моя от Бога, спасающаго правыя сердцем (ст. 11). Другой переводчик (Феодотион) говорит: *испытатель сердец и утроб, Боже праведный, защитник мой.* Третий (неизвестный переводчик): *Боже праведный.* А семьдесят толковников сказали так: *испытаяй сердца и утробы Боже, праведна помощь моя от Бога.* Пророк сказал, что Бог будет судить вселенную; теперь говорит и то, как Он будет судить. Он не нуждается, говорит, ни в свидетелях, ни в обличениях, ни в доказательствах, ни в письменных удостоверениях, и ни в чем подобном, потому что Он сам знает сокровенное. Итак, пусть никто из безумных не говорит: как Он будет судить мир, столь огромный? Кто сотворил мир несуществующий, тот может судить существующий. Утробами пророк называет здесь сокровенные мысли, самые внутренние, самые глубокие, заимствуя сравнение от положения этой части тела.

10. Что значит: *испытаяй,* или как другой (неизвестный) переводчик сказал: *изследующий?* Хотя здесь выражения человеческие, но мысли — достойные Бога. Как Павел, говоря: *испытаяй сердца* (Рим. VIII, 27), употребляет слово *испытывать* вместо — ясно знать, так и он употребляет слово: *испытаяй* вместо слов: точно знающий. И *изследовать* значит — раскрыть, что составляет признак точного разумения и знания, как и Павел говорит: *вся же нага и объявлена пред очима его* (Евр. IV, 13).

Праведна помощь моя. Другой переводчик говорит: *праведный защитник мой.* Что значит: *праведна помощь моя от Бога?* Справедливо, говорит, она была бы оказана мне Богом, потому что я не прошу ничего неправедного. Так и мы, если хотим удостоиться помощи свыше, должны просить того, что согласно с праведностью, чтобы самым свойством прошения склонить к себе Спасающего *правыя сердцем.* Этому Он содействует, этому обыкновенно Он внемлет. Так как я, говорит про-

рок, не простирал рук своих на неправду и не мщения желаю, то справедливо была бы оказана мне помощь от Бога. Зная это, не будем просить ничего такого, что препятствует подаянию. Если ты станешь просить против врагов, то помощь тебе была бы неправедна, потому что это противно закону Подающего помощь; также, если станешь просить богатства, красоты, или чего-нибудь подобного, житейского, скоропреходящего и противного любомудрию души. Будем же просить так, чтобы и получить. *Бог судитель праведен, и крепок, и долготерпелив, и не гнев наводяй на всяк день* (ст. 12). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *негодующий на всяк день;* в еврейском: *во всю жизнь*; еще иной (Акила): угрожающий, *негодующий, не наказывающий.* Смысл этих слов следующий: если Бог *праведен*, то, конечно, Он желает наказать неправедных; если Он *крепок*, то, конечно, может сделать это. Но в чем, скажешь, Его человеколюбие, если Он судит по правде? Во-первых, в том, что Он не вдруг посылает наказание, а больше всего – что Он прощает все грехи в купели возрождения; во-вторых, в том, что подает и покаяние. Если ты представишь, что мы грешим каждый день, то особенно увидишь, как неизреченно величие Его человеколюбия. Это самое выражая, пророк и говорит: *Бог судитель праведен, и крепок, и долготерпелив.* Ты недоумеваешь: почему Он не наказывает, если и может, и желает? Знай, говорит пророк, что Он долготерпелив и *не гнев наводяй на всяк день.* Чтобы кто-нибудь из неразумных не подумал, будто Бог не наказывает по бессилию, он показывает причину замедления: потому что долготерпение Божие велико и безмерно. Он долго терпит для того, чтобы привести тебя в покаяние; а если ты от этого врачевства не получишь никакой пользы, то Он и пошлет наказание. Так, мы каждый день заслуживаем наказание. Если бы это было несправедливо, то пророк не указал бы на это; как

на нечто важное; *не гнев наводяй на всяк день*. Но так как дела требуют наказания, а человеколюбие Божие удерживает заслуженное наказание, то он и говорит это. Видишь ли, как он здесь и показывает бесстрастие Божие, и *гневом* называет наказание? Никто ведь не наводит гнева на другого, но сам в себе имеет гнев, а на другого наводит наказание. Таким образом, не что другое, как наказание, он означает словами: и *не гнев наводяй на всяк день*. А почему он говорит: *на всяк день*? Пусть каждый углубится в свою совесть и тогда поймет это. Не стану говорить о тайных грехах каждого; кто может избежать общих грехов? Каких? Например, есть ли день, в который бы мы не молились лениво и с великой небрежностью? А что это заслуживает гнева Божия, можно видеть из следующего. Скажи мне: если бы ты подошел к судье зевая и был обличен, то он не подверг ли бы тебя тотчас же наказанию и не отправил ли бы в ссылку? Да, скажешь, потому что он — человек. Что же? Как человек, он, будучи оскорблен, по справедливости не должен был бы гневаться, потому что оскорблен равным ему по достоинству человеческому; а Бог, будучи оскорбляем, справедливо мог бы посылать наказание. Грех против Него больше греха против человека. Притом человек, поступая так, имеет в виду свое благо, а Бог — твое, так что и в этом отношении грех против Него заслуживает большего негодования. Ведь не одно и то же — презирать ищущих своего, или ищущих — твоего. Последнее заслуживает большего гнева, — когда ты не оставляешь лености, даже намереваясь просить полезного для тебя самого. Еще: кто не обижал брата напрасно? Не говори мне, что обижал раба; *о Христе несть мужеский пол, ни женский, несть раб, ни свобод* (Гал. III, 28). Кто, опять, не осуждал? Кто не лгал? Кто не смотрел сладострастными глазами на женщину? Кто не завидовал? Кто не тщеславился? Кто не говорил праздного

слова? Все это подлежит наказанию. Если бы мы, не заботясь о духовном, были также беспечны и касательно житейского, то заслуживали бы некоторого извинения, но теперь мы лишены и этого оправдания. В делах житейских мы – бодры, а в духовных – совершенно нерадивы. Поэтому, чтобы слышащие, что Бог долготерпелив, не сделались еще более беспечными, пророк присовокупляет: *аще не обратитеся, оружие свое очистит* (ст. 13). Другой переводчик (Симмах) говорит: *меч свой изощрит. Лук свой напряже и уготова и.* Другой (Симмах) говорит: *напряжет. И в нем уготова сосуды смертныя, стрелы своя сгораемым содела* (ст. 14). Другой (Симмах) говорит: *для сожжения.*

11. Что здесь скажут представляющие Бога человекообразным потому, что Ему приписываются руки, ноги и глаза? Разве есть на небе луки, стрелы, оселок, меч и колчан? Между тем другой писатель говорит: *когда ты воззришь, стрясутся от тебя горы* (Сир. XVI, 19). И этот самый пророк говорит: *призираяй на землю, и творяй ю трястися* (Пс. CIII, 32). Если же, только взирая на землю, Он потрясает каменные массы, то тем более может сделать это с людьми. Почему же о Том, Который может разрушить вселенную одним взглядом, или, лучше, одним хотением, – так как Сотворивший ее одним мановением воли, конечно, может и разрушить ее одним хотением, – говорится, что Он имеет меч и лук? Если *в руце его концы земли* (Пс. XCIV, 4), *и* живущии *на ней, аки пруги, и вси языцы, аки капля от кади, и яко претяжение веса* вменится (Ис. XL, 22, 15); если ангел, посланный Им, в короткий промежуток времени убил сто восемьдесят пять тысяч (см.: 4 Цар. XIX, 35); но что я говорю: ангел? – если мухи, саранча и черви погубили войско египтян, то для чего Ему лук, для чего – меч? Почему же так сказано? По причине грубости слушателей, чтобы обыкновенными названиями оружия тронуть душу их.

У Кого *в руце дыхание* всех нас (Дан. V, 23), и *противу* Чьего *лица мраза никто не постоит* (Пс. CXLVII, 6), тому для чего оружие? Но, как я выше сказал, это говорится по причине грубости и бесчувственности слушателей. Что значит: *очистит?* Изострит. Ужели нужен Ему и оселок? Ужели бывает и ржавчина на мече Его? Кто из здравомыслящих может принимать это буквально? Всем этим, как я выше сказал, пророк изображает наказание и употребляет весьма чувственные выражения для того, чтобы люди самые неразумные видели, что здесь должно не на словах останавливаться, а выводить отсюда богоприличные мысли. Кто недоумевает, почему приписываются Богу *гнев* и *ярость*, тот гораздо более будет недоумевать при этих выражениях. Если же их нужно принимать не буквально, а богоприлично, то очевидно, что так же точно — и слова *ярость* и *гнев*. Чувственные же выражения употреблены для того, чтобы тронуть грубых слушателей, — потому что пророк даже не довольствуется и сказанным, но присовокупляет еще более человекообразные выражения, чтобы усилить внушаемый страх. Он представляет Бога не только имеющим меч, но и облекающимся в оружие. Так как всякий неодинаково страшится, слыша, что меч изощряется, или слыша, что и лук уже в руках, то он, желая человекообразными выражениями потрясти душу слушателей, говорит: *лук свой напряже и уготова и*, чем и устрашает слушателя, и вместе показывает долготерпение Божие и гнев Его. Он не сказал: спустил, или пустил, но: *напряже и уготова*, то есть готов спустить. Впрочем, удивительно ли, что так сказано в Ветхом Завете, если и в Новом Иоанн, беседуя с иудеями, говорит нечто подобное? *Уже бо и секира при корени* деревьев *лежит* (Лк. III, 9). Как? Ужели Бог подражает дровосеку, срубающему деревья топором? Ужели и здесь надобно принимать секиру и деревья? Нет, равно как не нужно при-

нимать в буквальном смысле плевелы и пшеницу, когда говорится: *ему же лопата в руце его, и отребит гумно свое, и соберет пшеницу в житницу свою, плевы же сожжет огнем негасающим* (Мф. III, 12). Что же такое — секира? Наказание и мучение. Что — деревья? Люди. Что — плевелы? Злые. Что — пшеница? Добрые. Что — веяние? Отделение одних от других. Так и здесь меч, лук и стрелы означают наказание и мучение. Затем словами: *напряже и уготова,* пророк выражает замедление и задержку наказания, впрочем задержку непродолжительную, но готовую окончиться. А *сосудами смертными* он называет стрелы. Как орудия, необходимые для земледелия, называются земледельческими, нужные для плавания — плавательными, способствующие тканью — ткацкими, так и причиняющие смерть он называет орудиями смертными. Далее объясняя, какие именно разумеет он смертные орудия, прибавляет: *стрелы своя,* выражая быстроту наказания, когда хочет этого Бог. Что значит: *сгараемым?* Наказуемым, подвергаемым мучению. Неужели же недостаточно огня, а нужны еще стрелы? Видишь ли, что все это сказано в переносном смысле и усилено для того, чтобы таким образом больше внушить страх? А смысл слов его следующий: Бог приготовил наказания для тех, которые имеют быть наказанными. Если бы он сказал иначе, то не внушал бы такого страха; а теперь, указав на стрелы, меч, лук, натягивание его и устремление, орудия смерти и пламень, таким разнообразием названий он усилил в слушателях чувство страха. Потом, облегчая этот страх, присовокупляет: *сгараемым.* Чтобы кто-нибудь из неразумных не подумал, что Бог простирает руку свою на всех и вооружается против всех, присовокупляет: *сгараемым.* То же выражает и Павел, когда говорит о начальнике: *не бо всуе меч носит* (Рим. XIII, 4). Если же и у начальников меч совершает это и внушает страх, то тем более — у Бога. Впрочем,

и то показывает необыкновенное человеколюбие Его, что Он устрашает и усиливает наказания на словах, дабы они не исполнились на самом деле. Для того Он натянул лук, для того приготовил его, для того положил стрелы, для того приготовился наказать, чтобы не приступить к наказанию.

12. Усиливая речь выражением: *очистит*, пророк показывает силу и быстроту наказания, выражением: *напряже* — близость его, выражением: *уготова* — неизбежность, если не исправятся, выражением: *сгара-емым* — самих виновных, чтобы, вразумившись всем этим, они оставили нечестие. А если бы действовали здесь ярость и гнев, то Бог не предсказал бы об этом тем, которые имели быть наказанными. Гнев не так действует, а напротив того, особенно когда он в полной силе, стремится к исполнению наказания и мучения. Неприятели и все, желающие совершить наказание, не только не говорят о том, но даже скрытно нападают, чтобы имеющие подвергнуться наказанию, узнав о том, не могли предостеречься. Но Бог поступает не так, а совершенно напротив: Он и предсказывает, и отсрочивает, и устрашает словами, и принимает все меры, чтобы не привести угрозы в действие. Так Он поступил с ниневитянами. И там Он натянул лук, изострил меч, приготовил стрелы, а удара не нанес. Не видишь ли, что слова пророка суть лук, стрела и меч изощренный, когда он говорит: *еще три дни, и Ниневиа превратится* (Ин. III, 4)? Но этой стрелы Он не спустил, потому что она не для того была приготовлена, чтобы спустить, но чтобы отложить ее. Воины вооружаются для того, чтобы наказать; а Бог — не так, но для того, чтобы, вразумив людей страхом, удержать руку Свою от наказания. Не будем же смущаться, страх, внушаемый словами, есть знак великого человеколюбия, и чем страшнейшие Он употребляет выражения, тем от большей благости

проистекают они. И родители, когда не хотят наказывать детей, словами сильнее выражают гнев; так и Он, когда не хочет наказывать, внушает сильнейший страх словами. Он говорит, что уготовал геенну, чтобы не ввергнуть нас в геенну. Потому и в Евангелиях говорится много о наказании, и даже больше, нежели о царстве. Так как на людей бесчувственных не столько действует обещание благ, сколько страх мучений располагает к добродетели и отклоняет от порока, то Бог особенно останавливается на этих последних и часто говорит о них. Не будем же скорбеть, слыша страшные выражения, – они приносят большую пользу, представляя и долготерпение и правосудие Его; не будем ни отчаиваться в спасении, – потому что Он долготерпелив, ни предаваться беспечности, – потому что Он праведен; здесь Он показывает великое долготерпение, а там непользующихся этим предаст наказанию на самом деле. Чтобы этого не случилось с нами, будем еще здесь отклонять тамошнее наказание. *Се боле неправдою* (ст. 15). В еврейском: иевал. *Зачат болезнь.* Другой переводчик (Симмах) говорит: *и зачав. И роди беззаконие.* Другой (Акила): *ложь. Ров изры, и ископа, и падет в яму, юже содела* (ст. 16). Другой (Симмах): *в погибель, которую устроил.* Пророк сказал, что Бог приготовился наказать; сказал, что Он посылает наказания; вразумил этим слушателя, показав, что над ним висит гнев свыше; а теперь научает его самым делом и показывает, что еще прежде наказания нечестие само по себе есть наказание. Выражая это, и Павел говорит: *и возмездие, еже подобаше, прелести (их) в себе восприемлюще* (Рим. I, 27), и представляет примеры потерпевших крайние бедствия от нечестия. Так как многие из людей грубых обыкновенно тогда особенно вразумляются, когда увидят наказания на других, то он представляет и их. Так делает и Христос, Который, сказав многое о геенне, представляет и

вверженных в нее, как то: богатого, жившего при Лазаре, дев безумных, раба, скрывшего один талан в землю, и пострадавших в настоящей жизни, как то: задавленных упавшей башней и тех, которых кровь Пилат смешал с жертвами (см.: Лк. XIII, 1, 4). Так и Петр сказав многое о геенне, тогда особенно поразил слушателей, когда представил примеры наказанных, и перед глазами их совершил наказание Анании и Сапфиры (см.: Деян. V, 1). Так и Павел поступил с волхвом (см.: Деян. XIII, 11). Тоже, только иным образом, он внушает, когда упоминает о странствовавших в пустыне и говорит так: *не хощу вас неведети, братие, яко отцы наши вси под облаком быша, и вси в Моисеа крестишася, и брашно духовное ядоша, и пиво духовное пиша: но не во множайших их благоволи Бог,* но они погибли и пали (1 Кор. X, 1–5). Говоря о будущем, то есть о геенне, наказании и мучении, он приводит доказательства этого из прошедшего, представляя самих наказанных, одних – змиями, других – всегубительной смертью. То же делает здесь и Давид, имея в виду или Ахитофела, или Авессалома. Некоторые утверждают, что это сказано им об Ахитофеле, так как будто бы несвойственно одному и тому же лицу говорить: *пощадите ми отрока Авессалома,* и после смерти его: *кто даст смерть мне вместо тебе* (2 Цар. XVIII, 5, 33), – и говорить то, что теперь Он говорит. Но первое он мог говорить по естественному побуждению природы, а последнее теперь по вдохновению Духа. Впрочем, об Авессаломе ли или об Ахитофеле сказано это, нужно вникнуть в сказанное; о лицах же, к кому это относится, много рассуждать не буду.

13. Чему же мы научаемся отсюда? Пророк внушает, что копающий яму ближнему сам впадет в нее; и как женщины, находящиеся в муках рождения, терзаются этими муками, так и строющий козни, прежде нежели обидит ближнего, сам терзается и мучится, и притом не легко, а с великой болью. Желая выразить силу этой

боли, он и назвал ее болезнью рождения. Вообще, когда Писание хочет показать нам невыносимую скорбь, то выражает ее названием *болезни рождения.* Так и в другом месте говорится: *болезни прияша живущии в Филистиме* (Исх. XV, 14), то есть страх, трепет, труд, скорбь. Также Павел говорит: *егда бо рекут: мир и утверждение, тогда внезапу нападет на них всегубительство, яко же болезнь во чреве имущей* (1 Сол. V, 3). Здесь он указывает на два обстоятельства: на невыносимость и на неожиданность страдания. И Езекия говорит: *понеже прииде болезнь рождающей, крепости же не имеет родити* (Ис. XXXVII, 3), выражая болезнью рождения невыносимый страх свой и беспокойство. Так точно выражается и здесь пророк. Подлинно, хотя бы кто был безмерно порочен, суд совести не истребляется, потому что он – от природы и внедрен в нас Богом вначале. Какие бы мы ни употребляли усилия, он остается, взывая, осуждая, наказывая, и нет никого из живущих порочно, кто не испытывал бы тысячи мучений, и замышляя злое, и приводя замысел в исполнение. Был ли кто порочнее Ахаава? Но и он, пожелав виноградника, вспомни, какое испытал мучение. Будучи царем и обладателем всего, не встречая себе противоречия ни от кого, он, не вынося упреков совести, ходил печальный, с поникшей головой, смущенный, пасмурный, выражая на лице своем упрек осуждающей совести и не имея возможности скрыть скорбь, бывшую в душе его; потому и был замечен женой (см.: 3 Цар. XXI, 5). Предатель, решившийся на такое злодеяние, не вынося мучений от упреков совести, повесился, и таким образом окончил жизнь. Но как живущий порочно терпит мучения, так живущий добродетельно наслаждается спокойствием и душевным миром. Посмотри, сколько мучений терпит тот, кто хочет отмстить кому-нибудь, или сделать какую-нибудь несправедливость. Он исполняется гнева, разрывается с досады, под-

вергается волнению бесчисленных помыслов, избирает тысячи путей, чувствует страх, ужас и трепет, успеет ли он в своем намерении, исполнит ли мщение; а между тем гнев неудержимо тревожит его, — и вот прежде, нежели нанес обиду другому, он губит самого себя. Напротив, воздерживающийся от гнева свободен от всего этого; и весьма естественно, потому что он господин самого себя и сам устраивает все, а тому нужны и время, и место, и хитрость, и коварство, и оружие, и приготовления, и дерзость, и лесть, и раболепство, и лицемерие. Видишь ли, как легка добродетель и как труден порок, — как та спокойна, а этот исполнен смятения?

Изображая его, пророк и говорит: *се боле неправдою, зачат болезнь и роди беззаконие.* Отсюда видно, что неправда не в природе нашей, но есть нечто чуждое нам. Потому она и тяготит и, пока мы не освободимся от нее, причиняет нам болезни рождения. Так, зародившийся младенец, пока совершенно не разовьется, естественно остается в утробе матери; потому оставаясь в ней, и не причиняет боли; а когда разовьется, то пребывание его там делается неестественным, и оттого происходят болезни рождения. Природа, стесняемая, старается извергнуть его вон, как совершившая и выполнившая все и долее уже не имеющая возможности носить его. Впрочем, здесь бывает наперед зачатие, а потом — болезни рождения; а там — наперед *боле,* а потом уже *зачат и роди.* Что же это значит? То, что здесь болезни рождения бывают только во время родов, а там — с самого начала. Как только человек захотел чего-нибудь худого, то прежде, чем остановился на этом своей мыслью, является смущение и беспокойство в душе его. Семя, однажды положенное в утробу женщины, само и образуется в состав рождаемого; а в людях, строящих козни, сегодня зарождается один помысел, завтра другой, и тысячи дурных семян бросаются одно за дру-

гим, и каждый день являются новые зачатия и болезни рождения, которые терзают производящую их душу. Здесь бывает рождение не такое, какое обыкновенно бывает у женщин; оно подобно рождению ехидн, у которых дети рождаются, разрывая утробу и расторгая бока матери: так бывает и с кознями и неправдой! Но сколько бы мы ни усиливались, мы не можем изобразить словами того мучения, какое испытывают злые. Потому некто и сказал: злой же *един* почерпнет *злая* (Притч. IX, 12). Действительно, что несноснее и мучительнее состояния человека завидующего, строящего козни, домогающегося чужой собственности? Эти страсти терзают душу жесточе всякого палача.

14. Итак, справедливо пророк назвал такие помыслы болезнями рождения. Но как женщины рождают от совокупления с мужчинами, и, если тела их здоровы, то таковы же бывают и рождающиеся от них дети, а если повреждены, то и дети по природе своей бывают похожи на родителей, так — и с помыслами. Если ты будешь обращаться с людьми добрыми, то таковы будут и твои порождения, а если — со злыми, и при этом не будешь осторожен, то получишь от них великий вред. Послушай, что говорит пророк: *от страха твоего во чреве прияхом, и поболехом, и родихом дух спасения* (Ис. XXVI, 18); и о произведениях диавола: *яйца аспидска разбиша, и постав паучинный ткут* (Ис. LIX, 5). Будем же убегать людей порочных. Не безрассудно ли, тогда как можно зачинать и рождать по заповедям Божиим, не хотеть этого, но гоняться за обществами людей порочных, поступая подобно женщине, которая, имея возможность соединиться с царем, не захотела бы этого, но, вместо него, избрала бы себе в сожителя разбойника и вора? *Ров изры, и ископа и, и впадет в яму, юже содела.* Здесь пророк опять употребляет переносные выражения; как болезнями рождения он выражает скорбь, так рвом

изображает трудность освобождения от порока. *И впадет в яму, юже содела*, или как говорит другой: *изрываяй яму искреннему своему впадется в ню* (Притч. XXVI, 27). И это дело человеколюбия Божия — назначить коварству такую участь, что сети опутывают самих людей коварных, дабы они и этим вразумились отстать от вражды и козней против ближнего. Так случилось при Моисее. Тот, кого хотели умертвить, спасся; а фараон тем самым способом, каким злоумышлял против младенцев, погубил самого себя, — потому что, приказав умерщвлять младенцев, он вынудил мать Моисея из страха выставить дитя в реке, из которой дочь фараона вытащила корзинку и, нашедши в ней дитя, воспитала того, который, выросши, погубил их всех (см.: Исх. II, 3). Отсюда ясно открывается благое промышление Божие и подается людям порочным сильное вразумление, а убегающим пороков — утешение. Так случилось и с прекрасным Иосифом. Братья, продав его в рабство, потерпели то, что потерпели; ему не причинили никакого вреда и даже принесли пользу, а сами испытали печальные последствия. И много можно было бы привести подобных примеров. Посмотри и на других.

Взял ли кто чужую собственность? Он погубил самого себя. Обиженному, как часто бывает, он принес даже пользу, а своей душе причинил вред. Оскорбил ли кто другого? Он пронзил мечом самого себя. Не терпеть зло, а делать зло, составляет истинное бедствие. Потому и Павел увещевал лучше терпеть обиды, нежели обижать (см.: 1 Кор. VI, 7). И Христос учил, если кого ударят по щеке, не отвечать тем же, но и подставлять себя еще для получения удара (см.: Мф. V, 39). Это знак величайшей силы, это производит терпение, это делает душу крепкой, это поставляет ее выше страстей. Тот, кто обижает, бьет, или позорит другого, наперед сам уловляется страстью и делается пленником, а потом уже, неви-

димому, причиняет вред ближнему, тогда как сам уже подвергся жесточайшему злу, предав себя крайнему рабству. *Обратится болезнь его на главу его, и на верх его неправда его снидет* (ст. 17). Это сказано, как говорят, и об Ахитофеле, и об Авессаломе, потому что тот и другой погубили свои головы. Первый окончил жизнь, удавив себя; а второй, подъехавши под дерево и зацепившись за него волосами, висел долгое время. Так и Иуда окончил жизнь свою удавлением, увидевши, что он сделал все на погибель головы своей. И Ахитофел, поняв, что Давид непременно одержит победу, пошел и удавился. И Авессалом невольно повис на дереве, и был умерщвлен не тотчас, но наперед висел как перед судилищем, будучи прицеплен к дереву, и по высшему суду Божию висел долгое время, испытывая мучение от своей совести. Он хотел омочить руку свою в крови отца; отец же и несмотря на это просил воинов пощадить его, и так далек был от тщеславия, что даже после смерти оплакивал его. Дабы ты убедился, что случившееся было делом не человеческих усилий, а всецело божественным определением, то вот – волосы и дерево связали его, и бессловесное животное предало; вместо веревки послужили волосы, вместо виселицы – дерево, а вместо палача привел его сюда лошак. И посмотри на это чудное дело. Когда он находился в таком бедственном положении, никто из преданных ему не посмел подойти и снять его, хотя было столько удобного времени. И то устроил Бог, что он не был снят и не приведен связанный к отцу, потому что отцовская любовь чрезмерно щадила его; и то достойно удивления, что примиривший его с отцом (см.: 2 Цар. XIV, 33) сам же и убил его, сделавшись как бы сильным его обличителем. Впрочем, убил он, а определил так Бог.

15. Что действительно так определено было свыше, послушай, как выражает это сам пророк. Сказав: *на верх*

его неправда его снидет, он говорит: *исповемся Господеви по правде его, и пою имени Господа вышняго* (ст. 18). Будем благодарить, говорит, Господа, не поражению других радуясь, а признавая определение Божие. Но кто может возблагодарить Его *по правде его?* Кто может восхвалить Его так, как Он есть? Никто. Что же значит: по *правде его?* Иначе сказать: за правду Его. Я буду петь, говорит, в честь Господа вышнего, потому что Его — победы, трофеи, а не мои. Как на войне, когда царь одержит победу, подданные, составив хоры, поют, воссылая ему похвалы, так буду делать и я. Не сказал: *исповедаюсь,* но: *исповемся,* показывая, что он и после получения благ не забывает их, не становится беспечным, но сознает и бодрствует, — не потому, чтобы Бог имел в этом нужду, но потому, что это полезно и благотворно для нас. Как жертвоприношения Бог принимал, не имея нужды в жертвах, — *аще взалчу,* говорит Он, *не реку тебе* (Пс. XLIX, 12), — но желая привести людей к почитанию Его, так и песнопения Он принимает, не имея нужды в наших похвалах, но желая нашего спасения. Бог весьма сильно желает нашего преуспевания в добродетели.

Ничто так не способствует преуспеванию в добродетели, как частое собеседование с Богом, постоянное благодарение и славословие Бога. Пророк славословит Бога, изумляясь Его правосудию и долготерпению. Но где, скажешь, Его долготерпение, если тиран был умерщвлен? И здесь оно было велико и продолжительно. Бог оставлял его в живых долгое время, чтобы он пришел в раскаяние, дал ему овладеть и царскими сокровищами, чтобы он, видя дом, в котором вырос и воспитан, и предметы, напоминавшие об отце, пришел в раскаяние. Подлинно, если он не был зверь и имел не каменное сердце, то все это достаточно могло бы вразумить его: стол, за которым он бывал вместе с отцом, дом, седалища, где преподаны были ему увещания, когда он совер-

шил убийство, и, кроме того, многое другое могло смягчить его. Он слышал, что отец его скитался, как изгнанник и беглец, что он терпел крайние бедствия. Если же это не смягчало его, то случившееся с Ахитофелом — петля и смерть — должно было вразумить его и привести в раскаяние. Ведь он не знал о случившемся с другом его. И в чем мог он обвинить отца, когда делал это? В том ли, что отец удалил его от своего лицезрения (см.: 2 Цар. XIV, 32)? Но за это следовало удивляться ему и быть признательным, что братоубийцу он принял так кротко. Не имея ничего, в чем мог бы обвинить отца, он увлекся безрассудным желанием, и притом тогда, когда отец был уже старцем, и, когда надежда его готова была исполниться, не потерпел даже мало времени. Как он не подумал, что, и одержав победу, он стал бы проводить самую жалкую жизнь, сделавшись нечистым и достойным проклятия за самый трофей свой?

16. Где теперь те, которые жалуются на бедность? Какой бедности, какой болезни, какой скорби не тяжелее все это? Но Давид ничего такого не подумал, не досадовал, не плакал и не говорил: хороши же награды получаю я, поучаясь в законе Божием день и ночь, находясь в таком сане, будучи смиреннее всех; пощадив врагов, я сам предан в руки бесстыдного сына. Ничего такого он не сказал и не подумал, но перенес все с любомудрием, имея в своих обстоятельствах одно утешение, — что все это происходило не без ведения Божия. Как три отрока говорили: *аще ли ни, ведомо да будет тебе, царю, яко Богом твоим не служим, и* образу *златому,* его же *поставил еси, не кланяемся* (Дан. III, 18), и если бы кто-нибудь спросил их: с какой надеждой вы умираете, чего ожидаете, чего надеетесь после смерти, после сожжения (потому что тогда не было у всех надежды воскресения), то услышал бы от них: для нас величайшая награда умереть за Бога, — так и он находил величайшее

утешение в том, что Бог, зная о случившемся, не препятствовал этому. Так и влюбленный готов тысячу раз потерпеть смерть за свою любимую, хотя после смерти ничего не ожидает от нее. Так и нам должно переносить все не в ожидании царства, не в надежде каких-нибудь других благ будущих, а для Самого Бога. Между тем многие так беспечны и ленивы, что не прилепляются к добродетели даже и при наградах за нее; Бога, обещающего царство, не слушают, а диавола, увлекающего в геенну, любят. Что ужаснее такого безумия? Но что я говорю о геенне? Еще прежде геенны здесь он подвергает нас скорби, стыду, осмеянию, бесчисленным мукам, а многие стремятся к нему. Представь себе прелюбодея: какую жалкую жизнь влачит он, как он еще прежде геенны бывает подозрителен, боится теней, не может ни на кого смотреть прямыми глазами, но, опасаясь всех, и знающих и незнающих, видит везде острые мечи, висящую над головой смерть, палачей, судилища. Бывает ли что-нибудь подобное с целомудрием, хотя бы оно сопровождалось тысячами трудностей? Целомудренный не всегда ли находится в радостном расположении духа, а прелюбодей не всегда ли — в унынии и мраке? То же можно видеть и на других, на предающихся гневу и обуздывающих гнев, на похищающих чужое и отдающих, или, лучше сказать, расточающих свое для Бога. Эти находятся в тихой пристани, а те, увлекаемые водоворотом настоящих зол, кружатся каждый день. Кроме того, когда предающийся любостяжанию достигает старости и видит, что и страсть не доставляет ему наслаждения, и приближающаяся смерть внушает страх, то, представь, какие он испытывает страдания. Но не так бывает с добродетельным; напротив, тогда особенно он и радуется и веселится, когда достигает старости, потому что его наслаждение тогда не увядает, а еще более процветает. Для прелюбодеев,

развратников, корыстолюбцев, чревоугодников старость полагает конец наслаждению; а для людей, живущих добродетельно, она служит к умножению наслаждений. Так, еще прежде геенны и тамошних мучений, всего этого достаточно, чтобы тронуть нашу душу. Помня это, будем убегать порока и прилепляться к добродетели, будем любить Бога не за блага Его, а за Него Самого. Таким образом мы в настоящей жизни пойдем путем добродетели, который сам по себе тесен, но делается широким от доброй воли путников, и которого вершины да сподобимся достигнуть все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 8

В конец о точилех. Другой переводчик (Симмах): победная песнь о точилех. Третий (Акила и Феодотион): победителю, о Гетфитиде? А в еврейском: ламанасси ал агеффиф

Господи, Господь наш, яко чудно имя твое по всей земли. Другой (неизвестный переводчик): как велико имя твое (ст. 1, 2)

1. В предыдущем псалме пророк сказал: *исповемся Господеви по правде его, и пою имени Господа вышняго* (Пс. VII, 18). Здесь он исполняет обещание, вознося Ему песнопение. В том псалме он говорил от одного лица: *Господи Боже мой, на тя уповах, спаси мя* (ст. 2), а здесь от лица многих: *Господи, Господь наш, яко чудно имя твое.* Но умолкните и слушайте внимательно. Если на зрелище, когда поют сатанинские хоры, бывает великая тишина, чтобы слышать те пагубные песни, между тем как там хор состоит из шутов и плясунов, управляет ими какой-

нибудь простой музыкант, поется сатанинская и пагубная песня, воспевается нечистый и злой бес, то здесь, где хор состоит из мужей святых, управляет ими пророк, песнь поется не по внушению сатаны, а по благодати Духа, и воспевается не бес, а Бог, не должно ли хранить глубокое молчание и слушать с трепетным благоговением? В нашем хоре участвуют и горние силы, потому что и горние хоры, херувимы и серафимы, исполняют то же дело — непрестанно воспевают Бога. Из этих хоров некоторые являлись и на земле и пели вместе с бодрствовавшими пастырями (см.: Лк. II, 13). Выслушаем же и это песнопение. Воспевающие царей земных говорят им о власти, о трофеях, о победе, исчисляют побежденные ими народы, называют их победоносцами и покорителями варваров, и т. д. Подобную песнь воспевает и блаженный Давид. Он говорит о победе, о трофее, о покорении врагов, не таких, как те, но гораздо опаснейших. И смотри, как начинает он: *Господи, Господь наш*. Для других, неверующих в Бога, Он есть Господь в одном отношении, а для нас в двух: потому, что Он создал нас из ничего, и потому, что мы знаем Его. Видишь, как пророк в самом начале высказывает главное Его благодеяние. Если ты узнаешь, как Он сделался твоим Господом, как Он нас, отчуждившихся, бывших врагами и омертвевших, сделал своими и оживотворил, то ясно увидишь, что это есть главное Его благодеяние.

Этому удивляясь, пророк и говорит: *яко чудно имя твое*, то есть удивительно в высшей степени; а как именно удивительно, он не сказал, — потому что не мог измерить этого, — только выразил усиленно и возвышенно. Где те, которые исследуют существо Божие? Если пророк, высказав имя Его, так удивился, что пришел в изумление, то какое извинение могут иметь те, которые говорят, будто они знают существо Божие, тогда как пророк не мог знать даже того, как удивительно имя

Его? *Яко чудно имя твое!* Этим именем разрушена смерть, связаны бесы, отверсто небо, открыты двери рая, ниспослан Дух, рабы сделались свободными, враги – сынами, чужие – наследниками, люди – ангелами. Что я говорю: ангелами? Бог стал человеком, и человек – Богом; небо приняло естество земное, и земля приняла Сидящего на херувимах среди воинств ангельских; отнято средостение, разрушена ограда, соединено разделенное, рассеян мрак, воссиял свет, поглощена смерть. Представляя все это и гораздо большее этого, пророк громогласно говорит: *яко чудно имя твое по всей земли*! Где теперь сыны иудейские, бесстыдно отвергающие истину? Охотно желал бы я спросить их, о ком говорится это. Скажут: о Вседержителе? Но имя Его не было *чудно* по всей земле, как свидетельствует и Исаия, когда говорит: *вас ради имя мое хулится во языцех* (Ис. LII, 5). Если же служившие Ему были виновниками хулы на Него, то как же оно было *чудно?* Что оно чудно по существу своему, это несомненно; между людьми же оно тогда у многих не было чудно и даже подвергалось презрению. Но теперь – не так; когда пришел Единородный Сын Божий, тогда имя Его везде стало чудным вместе с Христом. *От востока солнца*, говорит пророк, *до запад имя мое прославися во языцех* (Мал. I, 11); и еще: *на всяком месте фимиам приносится имени моему и жертва чиста: вы же скверните е* (Мал. I, 12), и другой: *наполнися вся земля ведения Господня* (Ис. XI, 9); и еще: *приидут, и рекут: лживых стяжаша отцы наши идолов* (Иер. XVI, 19).

2. Видишь ли, что все это сказано о Сыне? Его имя сделалось чудным по всей земле. *Яко взятся великолепие твое превыше небес.* Другой переводчик (Симмах) говорит: *Ты, который положил хвалу твою превыше небес.* Сказав о земле, он обращает речь и к небу, как обыкновенно и всегда делает, когда представляет всю вселенную прославляющей своего Владыку. То же самое выражая

и здесь, он говорит: чудно внизу, чудно и вверху. Не люди только, но и ангелы воспевают совершенное Им и воссылают благодарность за благодеяния, оказанные людям, как сделали они в начале, составив на земле свои хоры. Таким образом, он говорит или то, что и ангелы воспевают, или хочет изобразить величие Божие. Когда Писание хочет выразить что-нибудь великое, то указывает на расстояние между этими предметами, например, когда говорит: *по высоте небесней от земли* (Пс. CII, 11); и еще: *елико отстоят востоцы от запад, удалил есть от нас беззакония наша* (Пс. CII, 12). Итак, здесь пророк изумляется совершившемуся, как оно велико, как важно, потому что существо, которое ниже всех, Бог поставил выше всех. *Из уст младенцев* и *ссущих совершил еси хвалу* (ст. 3). Другой переводчик (Акила) говорит: *из уст младенцев основал державу*; третий (Симмах и неизвестный переводчик): *составил силу*. А смысл слов его следующий: Ты показал силу свою особенно тем, что привел в деятельность способность недействующую и сделал лепечущий язык ясным для славословия. Здесь он предвозвещает то славословие детей, которое было в храме (см.: Мф. XXI, 15). Но почему Он, оставив другие чудеса, — воскрешение мертвых, очищение прокаженных, изгнание бесов, — упоминает об этом чуде с детьми? Потому, что те чудеса бывали и прежде, хотя не так разительно, однако бывали, то есть бывали подобные им, хотя не по способу совершения. Так Елисеем был воскрешен мертвый и очищен прокаженный (см.: 4 Цар. IV, 35; V, 14); Давидом был прогоняем бес, когда Саул бесновался (см.: 1 Цар. XVI, 23); а хор грудных младенцев говорил тогда в первый раз. Дабы иудей не стал бесстыдно утверждать, что это сказано о чудесах ветхозаветных, пророк избрал знамение, бывшее тогда в первый и единственный раз. С другой стороны, это событие было прообразом апостолов. И они, будучи совершенно младен-

цами и безгласнее самых рыб, уловили всю вселенную. А что в этом особенно открывается сила Божия, смотри, что в Ветхом Завете пророки говорят об Отце Его. Беседуя с Моисеем, Бог говорит: *кто сотвори нема и глуха, видяща и слепа* (Исх. IV, 11)? Еще: *дающий ясен язык гугнивым* (Исх. XXXV, 5, 6). И еще: *Господь дает мне язык научения, еже разумети, егда подобает рещи слово* (Ис. L, 4). И в начале сказал: *приидите, сошедши смесим* языки *их* (Быт. XI, 7). Итак, велико и сильно это знамение. Касательно других люди бесстыдные могли, хотя и неосновательно, иметь какое-нибудь подозрение, а здесь не могли сказать ничего, потому что здесь простая природа говорила сама за себя. Поэтому он не сказал только: *младенцев,* чтобы кто не разумел под ними людей незлобивых и простых, но прибавил: *и ссущих,* указанием на пищу определяя возраст их; не сказал только: *младенцев,* но прибавил: грудных, еще никогда не принимавших твердой пищи. В самом деле, удивительно не только то, что они произносили слова, и слова ясные, но и то, что этими словами выразили бесчисленные блага. Чего еще не знали апостолы, то воспевали дети. Кроме того, пророк здесь внушает и нечто другое, именно то, что приступающие к божественному учению должны быть детьми в душе своей. Подлинно, кто не обратится к царству небесному, как дитя, говорит Господь, тот не может войти в него (см.: Мф. XVIII, 3). *Враг твоих ради.* Показывает и причину, почему произошло это чудо. Прочие чудеса были не для врагов, но для того, чтобы приступавшие получали благодеяния и другие научались, а это чудо произошло не для того только, но и с тем, чтобы заградить уста врагам, на которых другой переводчик (Акила и Феодотион) точнее указывает словами: *для связующих тебя,* так как они, связав Его, вели на крест. *Еже разрушити врага и местника.* Другой (Акила, Симмах и неизвестный переводчик): *чтобы остановить врага*

и отмщающаго за себя. Пророк говорит здесь о народе иудейском, потому что иудеи гнали Христа, как врага, под тем предлогом, будто они делали это в отмщение за Отца. Поэтому Господь, не оставляя им такого оправдания, говорил: *ненавидяй мене, и Отца моего ненавидит* (Ин. XV, 23), и еще: *веруяй в мя, верует в пославшаго мя* (Ин. XII, 44), – всегда, и в чести и в бесчестии, соединяя с Собой Отца. И смотри, с какой точностью выражается пророк. Не сказал: наказать, но: *разрушити*, что другой яснее выражает словом: *остановить*, то есть прекратить их бесстыдство, а не научить, потому что они были неизлечимо больны. Потому они, видя такое чудо и не имея ничего сказать против него, обращались ко Христу и говорили: не слышишь ли, *что сии глаголют* (Мф. XXI, 16)? Тогда как следовало поклоняться и удивляться Ему, они были в большом недоумении, и вместо того, чтобы говорить друг другу, каждый своему ближнему: *не слышиши ли, что сии глаголют?* – они, не обращаясь к самим себе, говорили это Христу. Но почему не был слышен глас ангельский? Потому, что они подумали бы, что так им только слышится, а против того чуда они не могли сказать ничего. Что же говорили дети? Они не говорили ничего странного, ничего противного, ничего такого, что могло бы оскорбить их, но весьма ясно выражали согласие Сына с Отцом. *Благословен*, говорили они, *грядый во имя Господне* (Мф. XXI, 9).

3. Итак, тогда Он обличил их бесстыдство, а после разрушил и город их. И нет места во вселенной, где не знали бы несчастий иудеев; но как страждущие телесным уродством везде ходят, показывая свои раны, и как судьи, предав смерти многих убийц, одного из них выставляют на виселице, чтобы и по смерти их казнь над ними, как бы лишь только совершенная, вразумляла живых, – так точно и иудеев, не мертвых, а живых, Бог поставил в пример всем, рассеяв их: жившие преж-

де в одной стране, они теперь рассеяны по всей земле. Если ты спросишь о причине, то не узнаешь никакой другой, кроме той, что они распяли Христа. В самом деле, скажи мне, почему этого никогда не бывало прежде? А если и было некогда, то они тогда отведены были к одному народу и на немногие годы, а теперь не так, — но они наказываются без конца. И если спросишь их: за что вы распяли Христа? — они говорят: за то, что Он был обманщик и волшебник. Но за это вам следовало бы удостоиться большей чести и получить в обладание обширнейшую страну, как угодившим Богу. Кто убил обманщика, волшебника и безбожника, тот убил врага Божия; а кто убил врага Божия, тот справедливо мог бы ожидать себе Его благоволения. Финеес, убив одну блудницу, так угодил Богу, что удостоился священства и такой чести (см.: Чис. XXV, 12), а вы, которые должны были бы удостоиться гораздо большего благоволения, если убили обманщика, скитаетесь везде, как изгнанники и бродяги. Нет, не за что иное вы терпите это, как за то, что распяли Ходатая, Благодетеля и Учителя истины. Если бы Он был обманщик и безбожник, если бы Он, не будучи Богом, захотел быть Богом, и честь, принадлежащую Отцу, присваивал себе, то вы должны были бы заслужить благоволение Божие гораздо больше Финееса, Самуила и всех других, как показавшие такую ревность о законе. Между тем ныне вы терпите то, чего не терпели и тогда, когда идолопоклонствовали, предавались нечестию, закалали детей; не видите конца своим бедствиям, но скитаетесь, как изгнанники, беглецы, бродяги и рабы римских законов; обходите сушу и море, как переселенцы, не имеющие ни города, ни дома, отданные в рабство, лишенные свободы, отечества, священства и всех прежних преимуществ, — рассеянные среди варваров и бесчисленных народов, ненавидимые всеми людьми, презренные и преданные

всем на поругание. И конечно, не за то вы не получили наград, что убили врага Божия, — это безрассудно и нелепо, — напротив, то, что вы терпите ныне, свойственно убивающим не врагов Божиих, а умерщвляющим друзей Его. Но, скажут они, мы не говорим этого; мы терпим все это за грехи. Итак, неверные, теперь вы признаетесь? Скажите же мне, за какие это грехи? Разве теперь только вы стали грешниками? Напротив, теперь вы стали более послушными. Но пока не буду говорить об этом, а желал бы я спросить вас вот о чем: почему вы прежде, постоянно согрешая, получали милости от Бога, а теперь уже не получаете, и притом, — что особенно странно, — тогда как теперь вы грешите меньше? Тогда вы и Веельфегору приносили жертвы, и тельцу поклонялись, и сыновей своих закалали, и дочерей своих умерщвляли, и притом видя такие знамения; а теперь не видите ни моря разделяющегося, ни камня разверзающегося, ни пророков, к вам являющихся, ни обычного промышления о вас Божия, и однако оказываетесь более послушными. Почему же, когда у вас и меньше грехов и больше благоразумия, вы терпите большее наказание и мучение? Не очевидно ли даже для людей самых неразумных, что нынешний грех ваш гораздо больше прежних? Пока вы грешили против рабов, умерщвляя и побивая камнями пророков, вы получали прощение; а когда подняли руки на Владыку, то ваша рана стала неисцельной. И вот уже около четырехсот лет прошло с тех пор, как разрушено самое основание вашего города, отнято священство, уничтожено царство, перемешаны колена, исчезло все славное и знаменитое у вас, так что не осталось и следа, — чего прежде никогда не бывало. В древности, хотя храм и был разрушен, оставались и пророки, и дары Духа, и чудеса; теперь же, дабы вы ясно видели, что Бог постоянно отвращается от вас, все это отнято; вас постигло

рабство, пленение, лишение всех благ, а что всего тяжелее — вы оставлены Богом.

4. С вами Бог поступил подобно тому, как если бы кто-нибудь раба, многократно наказанного и неисправившегося, лишив одежды, пустил скитаться нагим и одиноким бродягой, просить милостыни и быть изгоняемым отовсюду. А прежде у вас было не так: у вас были пророки и в Египте, и в Вавилоне, и в пустыне: в Египте — Моисей, в Вавилоне — Даниил и Иезекииль, в Египте — опять Иеремия, — и чудеса за чудесами. Народ ваш был знаменитейшим, так что пленники, происходившие от вас, бывали выше царей. Теперь же ничего этого нет, но остается наказание, тягчайшее прежних, не только по продолжительности времени, но и по великому отвержению. Почему же, скажите мне, когда вы больше грешили, тогда пользовались таким о вас попечением, а когда, как вы говорите, показали ревность о законе, тогда подверглись тягчайшим бедствиям? Этим вы обвиняете Бога в несправедливости, то есть будто Он согрешающих удостаивал чести, а сделавших доброе дело подверг бесчестью. Если вы убили обманщика, как вы говорите, то вы сделали доброе дело, и если Бог справедлив, как и действительно Он справедлив, то вас следовало бы наградить, а не наказывать; если же Он наказывает, то очевидно, что настоящие грехи ваши тяжелее прежних. Если теперь вы не предаетесь нечестию и не закалаете детей, как прежде, то какой же это другой грех, за который вы подверглись тягчайшим бедствиям? Не очевидно ли, что злодеяние распятия есть верх преступлений? Оно погубило вас больше идолопоклонства, изваяния тельца и детоубийства, — потому что не одно и то же — заклать своего сына, или распять своего Владыку. Вот почему, когда ты закалал сыновей своих, то получал прощение, а когда заклал Сына Божия и твоего Владыку, тогда наказываешься уже без всякой пощады.

Сколько было лет от исхода из Египта до пришествия Христова? Думаю, тысяча пятьсот с лишком. Почему же в течение всех этих лет Бог терпел грехи ваши, а теперь отверг вас, тогда как особенно следовало бы увенчать вас, хотя бы вы совершили много других грехов? Ваше дело весьма велико, если вы убили обманщика; притом вы теперь, по-видимому, и субботы храните, и идолам не поклоняетесь, и другие постановления стараетесь соблюдать. Следовательно, когда и жизнь ваша лучше, и дело, совершенное вами, так прекрасно, как вы говорите, тогда вы и терпите крайние бедствия. Что может быть хуже такого безумия? Что может быть безрассуднее того, как вы, желая оправдать самих себя, произносите хулу на Бога? В самом деле, если грех против Христа не больше всех других, и даже, как вы говорите, есть справедливое и доброе дело, то почему Бог вас, сделавших добро, наказывает, а совершавших грехи щадил? Этого не только Бог, но и никакой здравомыслящий человек никогда не решится сделать. Но что говорят они на это? Мы рассеяны для того, — говорят они, — чтобы сделаться учителями вселенной. Это — нелепость и пустословие. Будущим учителям следует наперед самим быть добродетельными и тогда выходить на это дело, каковы и были пророки и апостолы. А те, которые сами развратны и исполнены всяких пороков, как могут быть посланы учить других? Посмотрим, какова была их прежняя жизнь, — и мы найдем, что они были хуже диких зверей. Они были и отцеубийцами, и детоубийцами, и идолопоклонниками, и корыстолюбцами, сказаниями об этом наполнены пророчества. Изображая их сладострастие, Иеремия говорит: кони *женонеистовни сотворишася: кийждо к жене искренняго ржание* (Иер. V, 8). Что может быть хуже такой нечистоты? Они, не как люди, совокуплялись с женами друг друга; потому он и назвал такое неистовство их ржани-

ем. И не в блуде только он обвиняет их, но и в прелюбодеянии, которое притом совершалось так бесстыдно, как у бессловесных животных. Другой пророк говорит: вошли к женщине, *завесы* делая, *сын и отец к единой рабыне* (Ам. II, 7, 8). Не для того ли, скажи мне, Бог послал вас учителями, чтобы мы научились блуду и прелюбодеянию и тому, что отцу и сыну должно иметь одно ложе? А что говорит Иезекииль? *И по судом языческим*, говорит он, *не сотвористе* (Иез. V, 7). Не тех ли, скажи мне, которые были хуже язычников, Он послал учителями? А кто может вынести их отвратительные убийства? Они закалали в жертву бесам сыновей и дочерей своих и сжигали их. Это показывает Давид: *и пожроша*, говорит он, *сыны своя и дщери своя бесовом* (Пс. CV, 37). Не для того ли Бог послал вас, чтобы род человеческий научился, что должно закалать сыновей и дочерей? И вы не стыдитесь, не смущаетесь, сочиняя такие нелепости! И другой пророк говорит: *кровь с* кровью *мешают, и клятва, и лжа, и убийство, и татба, и любодеяние разлился по земли* (Ос. IV, 2). И третий: *лице блудницы бысть тебе,* ты была бесстыдна *ко всем* (Иер. III, 3). И четвертый: *князи ваши, яко волцы Аравийстии* (Соф. III, 3). И еще: *несть разумеваяй, несть взыскаяй Бога: вси уклонишася, вкупе неключими быша* (Пс. XIII, 2, 3).

5. Не этому ли вышли вы учить — бесстыдству, безумию, блуду, прелюбодеянию, убийствам и всякого рода порокам? Но перестанете ли вы вынуждать нас объявлять ваши преступления? Вы — *носимии от чрева и наказуемии даже до старости* (Ис. XLVI, 3); вы — слепцы, которые ввергаете друг друга в яму: *слепец слепца аще водит*, говорит Господь, *оба в яму впадут* (Мф. XV, 14); вы ежедневно пользуетесь пороками и никогда не делаетесь лучшими; и вы ли хотите быть учителями других? Когда же вы перестанете пустословить и сознаетесь в своей порочности? Это всегда и губило вас — нежелание

сознать причину бедствий в грехах ваших. Вот почему, подобно тому, как поступают судьи, приказывая следовать за приговоренными на казнь глашатаями, объявляющим причину наказания – воры ли они, или грабители, так точно и Бог, желая везде возвестить о вас, повелел следовать за вами пророкам, которые объявляют причину вашего наказания. Они по всей вселенной находятся неразлучно с вами и доныне еще говорят вам. Если войдешь в синагоги, то услышишь их, постоянно говорящих это самое. Давид, описывая разбойничье судилище Каиафы, говорит, что за это именно вы и погибли. Сказав: *расторгнем узы их и отвержем от нас иго их,* он присовокупляет: *тогда возглаголет к ним гневом своим, и яростию своею смятет я* (Пс. II, 3, 5). Также Исаия, сказав: *яко овча на заколение ведеся,* присовокупляет: *и дам лукавыя вместо погребения его, и богатыя вместо смерти его* (Ис. LIII, 7, 9), и в другом месте, беседуя о винограднике, говорит: *ждах, да сотворит суд, сотвори же беззаконие, и не правду, но вопль* (Ис. V, 7), – какой вопль? *распни, распни* (Лк. XXIII, 21), – и присовокупляет: потому *разорю стену его, и будет в попрание: и облаком заповем, еже не одождити на него дождя* (V, 6). Итак, не за то вы рассеяны (как вы говорите), но за свои дерзкие преступления при кресте, как видно из пророков. А чтобы вы познали силу Христову и научились от вас самих тому, чему не научились от пророков, посмотрите, как сами дела свидетельствуют о том, чему закон не научил вас, то с избытком сделала сила Христова. Пока вы имели закон, вы и совершали убийства, и закалали детей, и прелюбодействовали, а когда воссияло Солнце правды, то и ваши злодеяния много уменьшились и вы стали вести жизнь более скромную, исправившись из соревнования нам.

Бог рассеял вас для того, чтобы вы узнали, какую водворил Он жизнь на земле; разрушил храм для того, чтобы против вашей воли отклонить вас от пороков; и

где разрушен храм, там и погребен Христос, дабы, удаляясь оттуда по причине гроба Его, вы видели и трофей силы Его, и верность слова, которое сказал Он: *не иматъ остати зде каменъ на камени* (Мф. XXIV, 2). Впрочем, трофей Его и памятники силы Его – везде. Если же Он, как вы говорите, был нечестивец и безбожник, то, хотя бы вы совершили бесчисленное множество грехов, вас не следовало наказывать; а если и следовало, то – не в тогдашнее время, дабы кто не подумал, что вы получаете наказание за Него. Не слышали ли вы, как Бог говорил, когда вы были в плену: *не вас ради аз творю, но мене ради, да не сквернится имя мое* (Иез. XXXVI, 22, 32)? Весьма велики были тогда пороки ваши; но, говорит Он, дабы иноплеменники не подумали, что Я бессилен, Я оставляю грехи ваши и спасаю вас. Если же тогда Он спасал вас, делавших беззакония, чтобы не хулилось имя Его, то почему не сделал бы Он этого теперь? Хотя бы вы совершили бесчисленное множество грехов, вам не следовало бы терпеть такие бедствия, если бы Христос был обманщик, – дабы кто не подумал, что вы терпите за Него, – а следовало бы получить спасение; если же и следовало терпеть, то, как я сказал, не в тогдашнее время. Между тем все это совершилось вместе. Как скоро явился крест и через некоторое время после того, как вышли апостолы, тотчас началась жестокая война против того города, и сказанное в Евангелиях: *горе непраздным и доящим* (Мф. XXIV, 19) и все прочее исполнилось, и слова: *тогда будет скорбь, яковаже никогда не была* (ст. 21), оправдались на деле. Тогда жены ели детей своих, враги расторгали внутренности мертвых, огонь неприятельский везде производил опустошения, все наполнилось кровью и нового рода бедствиями, и вся вселенная услышала о несчастьях иудеев. Вникните же в это, и признайте вашего Владыку. Разве вы не убивали пророков? – и однако не испытывали

ничего подобного. Разве вы не разрушали жертвенников? — и, однако, не случалось с вами такого бедствия. Разве вы не поклонялись тельцу, не служили Веельфегору, не восставали против природы? — и, однако, не подвергались таким неприятелям. Разве вы не оказывались неблагодарными среди самых благодеяний? — и, однако, были спасаемы. Почему же теперь постигли вас беспредельные бедствия? Не потому ли, очевидно, что вы дерзнули согрешить уже не против рабов, а против самого Владыки? Поэтому и нет вам избавления от постигших вас бедствий, и не будет. Если бы оно имело быть, то предсказали бы пророки. Между тем, предсказав этот плен, они нигде не сказали о возвращении из него, хотя постоянно соединяли угрозы с утешениями и определяли время их. Так, Иеремия определенно сказал о семидесяти годах (вавилонского плена) (см.: Иер. XXIX, 10), и Даниил о трех седьминах с половиной (см.: Дан. IX, 23); также сказано было, что в Египте вы будете рабствовать четыреста тридцать лет (см.: Быт. XV, 13; Исх. XIII, 40). Что же касается до этого плена, то нигде не определено ни времени, ни конца его, но *оставляется дом ваш пуст* (Мф. XIII, 38), и обстоятельства ваши с каждым днем становятся хуже и хуже.

6. Все это соображая тщательно и выводя отсюда дальнейшие заключения (*дождь* — говорится — *премудрому вину, и премудрейший будет* — Притч. IX, 9), вы можете обличать бесстыдство и неблагодарность иудеев. *Яко узрю небеса, дела перст твоих* (ст. 4). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *вижду бо небеса. Луну и звезды, яже ты основал еси.* Другой (Акила и Феодотион): *уготовал.* Третий (неизвестный переводчик): *утвердил.* Сказав: Ты ниспроверг врагов, пророк представляет и подтверждение столь блестящей победы. Ты, говорит, распятый, преданный смерти, явился Создателем вселенной. Поэтому и говорит: *узрю небеса,* выражая, что прежде не-

многие знали это, а впоследствии времени узнают все. Но почему он не исчисляет всех частей вселенной? Потому что, упомянув о главнейших предметах видимых, он не имел нужды говорить о всех других. Враги ниспровергнуты так, что гонимый ими и преданный смерти явился Создателем всего видимого. А почему он не сказал: рук твоих, но: *перст твоих*? Дабы показать, что все видимое есть легкое дело силы Его, и указать то чудо создания, что звезды, будучи повешены, не падают. Хотя *основанию* не свойственно висеть вверху, а свойственно лежать внизу, но Создатель, как превосходный художник и совершитель чудных дел, создал многое в видимом мире не по обыкновенным законам природы. А почему он не говорит ничего о силах бестелесных и в этом не показывает Его творчества? Потому, что предметом пророка было научить слушателей касательно мира видимого. Поэтому и Отец Его часто, беседуя с иудеями, не говорит: Я сотворил ангелов и херувимов, но: *я простер небо и рука моя основа землю, и десница моя утверди* (Ис. XLVIII, 13); и вообще всегда распространяется о предметах видимых, направляя все к спасению слушателей, потому что они, будучи грубы, увлекались более видимым, чем невидимым. Поэтому и Павел, во вступлениях речей своих, всегда начинает с видимых тварей: *Бог*, говорит, *сотворивый небо, и землю, и море, и вся яже в них* (Деян. XVII, 24), и всегда упоминает о ежегодных дождях и роде человеческом. И действительно, если я скажу, что Бог сотворил херувимов, то мне нужно доказывать два предмета: что херувимы существуют, и что Бог сотворил их; а касательно вещей видимых, мне нужно только показать, что Он сотворил их. Следовательно, говорить об этом удобнее, потому что самая видимость служит свидетельством сказанного. Слушатель видит и величие, и красоту, и пользу, и постоянство, и благоустройство этих вещей; а мне нужно

только показать, что Бог сотворил их. Почему же он не упомянул о солнце, а только о луне и звездах? Сказав о них, он подал мысль и о нем. Так как некоторые отделяют ночь от созданий Божиих, то он, обозначив ее луной, показывает, что Бог есть и ее создатель. Притом немало разнообразия и в звездах, и в явлениях лунного течения. *Что есть человек, яко помниши его; или сын человечь, яко посещаеши его* (ст. 5)? Другой (неизвестный) переводчик говорит: *что есть каждый человек, яко помниши его.* Третий (неизвестный переводчик) вместо: *посещаеши*, говорит: *посетит его.* Сказав о сотворенной природе и посредством части означив целое, пророк обращает теперь речь к промышлению о людях. Хотя и упомянутые создания существуют для нашего рода и суть доказательства промышления, которым он пользуется, — потому что все твари для человека, — но пророк касается и другого вида промышления, начиная говорить о нем не вдруг, но с великой предусмотрительностью, воздав благодарность за вселенную и сказав о всеобщих благодеяниях, а потом уже и представляя величие попечения, относящегося к человеку. Если и прежде человек был ничто, то тем более он таков после столь многих и великих грехов, когда пришел Христос. Таким образом он показывает, что пришествие Христово было делом не только пощады, но и великого человеколюбия. Подлинно, Бог, как превосходный врач, оставив здоровых, пришел к нам — больным, ничтожным. Представляя это, он и говорил: *что есть человек?* Иначе сказать: он — ничто, существо, ничего не значащее. Видя такое промышление, такое попечение и такие распоряжения, какие сделал Бог для спасения человеческого рода, он крайне удивляется и изумляется, почему Он удостоил человека такого промышления. Представь, что для него все видимое, для него все распоряжения — от Адама до пришествия Христова, для него рай, заповеди, казни,

чудеса, наказания и благодеяния, во времена закона, для него Сын Божий сделался человеком. А что сказать о благах будущих, которыми он будет наслаждаться? Представляя все это, пророк и говорит: что такое человек, что он удостоен таких благ?

7. Действительно, кто представит себе, сколько для человека сделано и делается, и сколько получит он впоследствии времени, тот исполнится великого изумления и ясно увидит, как печется Бог об этом творении. *Умалил еси его малым чим от ангел* (ст. 6). Другой переводчик (Акила, Симмах и Феодотион) говорит: *малым чим от Бога.* Третий (неизвестный переводчик): *немного от Бога.* В еврейском: *ты унизил его немного пред Богом.* Здесь пророк упоминает об осуждении и древнем грехе, указывая на смерть. Но Единородный, пришедши, разрушил и ее. *Славою и честию венчал еси его.* Другой (Акила и неизвестный переводчик): *славою и достоинством увенчаешь его.* Это можно понимать и исторически, и в переносном смысле. Пророк говорит и о власти человека, которая дана была ему при сотворении; говорит и о последующих благах, которые получил он по пришествии Христовом. Вначале человеку было сказано: *страх ваш и трепет ваш на всех зверех земных* (Быт. IX, 2); и еще: *да обладают рыбами морскими* (Быт. I, 26). А впоследствии сказано: *наступайте на змию и на скорпию* (Лк. X, 19). Но, оставив высшее, он ведет речь о низшем, предоставляя о первом рассуждать тем, которые могут видеть яснее. А большая слава и честь в том, что есть в Новом Завете, когда человек имеет главой своей Христа, когда он делается телом Его, когда он становится братом и сонаследником и образом тела Его, когда он получает славу большую, нежели Моисей, как сказал Павел: *не якоже Моисей полагайте покрывало, но вси откровенным лицем славу* Божию *взираем;* потому и замечает: *ибо не прославися прославленное в части сей, за превосходящую славу*

(2 Кор. III, 10; XIII, 18). Об этой славе пророк говорит в переносном смысле. И подлинно, что может сравниться с такой славой, когда мы составляем хоры вместе с ангелами, когда получаем усыновление Богом, когда Он не щадит за нас Единородного Сына? Какой порфиры, какой диадемы не блистательнее то, когда мы посмеиваемся смерти, когда мы достигаем бесстрастия сил бесплотных, тогда как прежде были бесчестными, бесславными и презренными? Адам, не сделавши ничего ни худого, ни доброго, был удостоен чести тотчас по сотворении, — потому что как он мог сделать что-нибудь, не существуя? — а мы, сделавши бесчисленное множество грехов, получили гораздо большую честь. *Не ктому*, говорит Господь, *вас глаголю рабы: вы друзи мои есте* (Ин. XV, 14, 15). Нас уже не стыдятся ангелы, но даже служат нашему спасению, — так, ангел приходил к Филиппу и ко многим другим, — и благовествовали людям. Теперь мы наследники не земных благ, но имеем общение в благах небесных, соучастники Христа и *призваны, во общение* Единородного *Сына* (1 Кор. I, 9). Все это пророк выражает *славою* и *честию*. Потому другой переводчик и говорит: *славою и честию увенчаешь его,* предвозвещая будущее. *И поставил еси его над делы руку твоею* (ст. 7). Другой (Феодотион): *сделал его властителем дел рук твоих. Вся покорил еси под нозе его: овцы и волы вся, еще же и скоты польския* (ст. 8). Другой (неизвестный переводчик): *зверей диких. Птицы небесныя, и рыбы морския преходящия стези морския. Господи Господь наш, яко чудно имя твое по всей земли* (ст. 9). Как беседуя о сотворении, он не только касается горних сил, но низводит речь и к вещам чувственным, так, и говоря о чести, дарованной людям, и коснувшись сокровенных и бестелесных благ, которые исчислены, он теперь особенно останавливается на предметах чувственных, которые представлялись яснее для лю-

дей более грубых. На чем же именно? На земной власти, данной человеку.

И то чудно, — и особенно отмечено им, — что человека, удостоенного чести до преступления, Бог не лишил этой чести и после греха. *Умалил еси его*, говорит, *малым ним от ангел*, то есть согрешившего Ты осудил на смерть, и однако, после осуждения на смерть, не лишил его этого дара. Вот почему, сказав о первом, он потом уже говорит о последнем, чтобы показать неизреченное человеколюбие Божие, по которому Он и умаленного человека, за собственное его преступление, оставил увенчанным честью славы и не лишил его власти. А если несколько и лишил, то и это было делом Его попечения. До преступления человек имел власть и над дикими зверями, но после преступления эта власть несколько уменьшена, потому что, хотя он властвует над ними и теперь некоторыми искусственными средствами, но со страхом и трепетом. Бог и не всю отнял у него власть и не всю оставил ему; но тех животных, которые годны ему для пищи и работы, оставил во власти его, а более диких — уже нет, дабы человек в борьбе с ними воспоминал о древнем грехе праотца Адама. Таким образом и из того, что они не вполне подчинены нам, произошла великая польза. И какая нам польза — иметь у себя ручным и подчиненным льва? Какая польза — иметь в своей власти леопарда? Никакой; но это повело бы только к тщеславию и гордости. Поэтому Бог и оставил их вне нашей власти; а полезных животных сделал подвластными нам, — вола, возделывающего землю, овцу, доставляющую одеяние для наготы телесной, вьючный скот, служащий к перевозке движимостей, птиц и рыб, годных к тому, чтобы стол наш был обильнее.

8. Как иногда кто-нибудь, лишая сына наследства, лишает его не всего имущества, но некоторой части, чтобы вразумить его, так точно поступил и Бог, или —

лучше — не так, а иначе. Когда человек лишает сына наследства, то лишает большей части, а меньшую оставляет ему; а Бог, оставив большую, лишил некоторой малой части, и притом для пользы человека, чтобы он не легко получал все прочее. Но и это есть дело попечения Божия. Чтобы изощрить ум человека, низложить высокомерие и предотвратить неуместную праздность, — так как он, получая все легко, предался бы беспечности, — Бог соединил удовлетворение жизненных потребностей с некоторой трудностью и сделал, что он приобретает и не все с трудом и не все без труда. То, что составляет необходимость, Он дозволил человеку иметь без особенного труда и усилий, а что относится к удовольствию, то соединил с трудом и усилиями, желая пресечь и в этом излишнюю беспечность.

А если кто спросит: какая польза от диких зверей? — то мы скажем: во-первых, они производят в душе человека смирение, делают его деятельным, и, когда он слишком надмевается, напоминают ему о слабости его природы, если для него страшно бессловесное животное. Притом от них получается много лекарств для страждущих телесными болезнями. Кто спрашивает, для чего существуют дикие звери, тот пусть спросит также: для чего в нас мокроты и желчь? Ведь и они, умножившись через меру, действуют хуже дикого зверя и причиняют вред всему телу. Также есть в нас гнев и похоть, которые свирепее диких зверей терзают тех, кто не удерживает и не обуздывает их. Что я говорю: раздражительность и гнев, когда даже глаз наш хуже дикого зверя подвергает нас страданиям, уязвляя жалкой любовью? Поэтому не будем спрашивать: для чего существует все это, но будем за все воздавать благодарность Владыке. Что розги для дитяти, то зверь для взрослых людей. Если и при стольких опасностях многие доходят до такой надменности, то представь, до какой степени

распространилось бы зло, если бы отнять и эту узду. Вот почему и тело наше так устроено — болезненным, страстным, подверженным тысяче бедствий, и земля с трудом отдает принадлежащее ей, и вся жизнь наша сопряжена с усилиями. Так как настоящая жизнь есть училище, а покой и праздность губят многих из людей; то Бог сделал неразлучными с ней труды и усилия, чтобы ими, как бы какими уздами, удерживать высокомерие души. Впрочем, посмотри, как тварей, и плавающих в водной глубине и летающих в воздушной высоте, Владыка подчинил тебе посредством искусства. Но почему пророк не исчислил всех вещей видимых, растений, семян и деревьев? Он в части выразил все и предоставил любознательным самим исчислять это. Потом он оканчивает речь тем же самым, чем и начал: *Господи Господь наш,* — употребляя теже выражения и прежде изложения, и после изложения. Будем же и мы постоянно повторять их, удивляясь попечению о нас Божию, изумляясь Его мудрости, человеколюбию, промышлению о нас. Это сказано нами в объяснение псалма. Если же хотите, то мы продолжим речь состязательную, и спросим иудеев: где младенцы подали голос? Где этот голос ниспроверг врага? Когда имя Божие было чудным? Они не могут указать другого времени, кроме того, которое светлее солнца являет силу истины. Потому пророк и говорит: *узрю небеса, дела перст твоих,* хотя еще Моисей сказал: *в начале сотвори Бог небо и землю* (Быт. I, 1).

Впрочем, против иудеев достаточно и этого, и сказанного выше. Но так как некоторые и из не принадлежащих к обрезанным, подражая и соревнуя им, именно последователи Павла Самосатского, говорят, что Христос существует с того времени, как произошел от Марии, то мы спросим и их: если Христос существует с того времени, то как Он создал небеса? Пророк говорит здесь, что один и тот же и устроил хвалу *из уст*

младенец и ссущих, и сотворил небеса. Если же Он есть создатель вселенной, то Он был прежде небес и не от Марии получил начало, но был прежде Марии. И посмотри на мудрость пророка. Он не только представляет Его создателем, но и создавшим все с великой легкостью: *узрю*, говорит, *небеса, дела перст твоих*, — не потому, чтобы Бог имел персты, но чтобы показать легкость создания всего видимого и близкими к нам названиями научить нас тому, что выше нас. Подобным образом, когда пророк говорит: *измеряющий небо пядию и землю горстию* (Ис. XL, 12), то означает не горсть, не пядь, но желает представить беспредельность силы Божией. Как же некоторые дерзают говорить, что Сын есть служитель (Бога Творца)? Тот, кто не всю свою силу привел в деятельность, когда надлежало сотворить небеса, — что я говорю: всю? — даже не меньшую часть ее, но малейшую, как может быть служителем? Как Он может быть служителем, если *яже Отец творит, сия и Сын такожде творит* (Ин. V, 19)? Как можно сказать: *такожде*, если один — служитель, а другой Создатель? И как пророк называет эти дела Его делами, говоря в одном месте: *в началех ты, Господи, землю основал еси, и дела руку твоею суть небеса* (Пс. CI, 26), а здесь: *узрю небеса, дела перст твоих?* Дела принадлежат не служителям, а совершителям, и если кто есть только служитель, то дело приписывается не ему, а совершающему это дело. Следовательно, и прежде сказанное Моисеем сказано о Сыне: *в начале сотвори Бог небо и землю;* и: *да обладают рыбами морскими* (Быт. I, 1, 26). Совершивший *хвалу из уст младенец и ссущих*, Он же и *посетил* человека.

9. То, что Моисей говорит об Отце, Павел относит к Сыну, выражая совершенное между Ними равенство. Если же святые безразлично приписывают сказанное об Отце Сыну, а сказанное о Сыне — Отцу (*вся тем быша* — Ин. I, 3), то где же дается Ему имя служителя? Нигде не

видно этого. Вот, скажете, о Нем сказано: *тем.* Но не то же ли самое говорится и об Отце? И послушай, каким образом: *верен Бог, имже звани бысте во общение Сына его* (1 Кор. 9), еще: *Павел Апостол Иисус Христов волею Божиею* (2 Тим. I, 1); и еще: *яко тем, и из того, и в нем всяческая* (Рим. XI, 36). Для чего же вы называете Его служителем? Для того, говорят, чтобы почтить Отца. Но сын говорит: *да вси чтут Сына, яко же чтут и Отца,* а кто не чтит Сына, тот, очевидно, не чтит и Отца (Ин. V, 23). Что же, говорят, не называть ли Сына Отцом? Нет. Он не сказал; дабы вы называли меня Отцом, а что? – дабы Меня, остающегося Сыном, вы почитали, как Отца. Если же ты будешь называть Сына Отцом, то смешаешь все. Честь у Них – общая, а личные свойства – особенные. Для того Он и сказал: *Сына* и *Отца,* чтобы вы не сливали их личностей. А как Он требовал бы Себе равной чести, если бы не имел одного и того же существа с Отцом? Но, скажешь, почему же Христос говорит о Себе много уничиженного? Потому, что Он желает научить нас смирению, и потому, что был облечен плотью, и по причине бесчувственности иудеев, и потому, что надлежало приводить род человеческий к знанию мало-помалу, и по причине несовершенства слушателей; кроме того, часто Он говорит применительно к понятиям слушателей. Самые высокие выражения означают одно только достоинство (существа Божия), или – лучше – что ты ни сказал бы о Боге, все это несравненно ниже существа Его и говорится применительно к нашим понятиям. Что, например, ты хочешь сказать о Нем? Что – Бог велик? Но этого мало сказать о Боге: великое, как бы оно ни было велико, ограниченно, а Бог беспределен, даже и этого мало сказать о Боге: зная, что Он не имеет предела, я не знаю, что такое – Он и где Он. Назовешь ли Его мудрым, или благим, и притом беспредельно, ты не скажешь ничего достойного

существа Его; но к выражению должен присоединять и мысль богоприличную. Если же такие высокие названия не выражают вполне существа Божия, то какого прощения заслуживают те, которые стараются уменьшить и эти названия? Итак, будем убегать их собраний и, познав предвечное бытие Единородного, творческую силу и самобытную власть Его, нераздельность Его с Отцом, снисхождение Его домостроительства и разнообразное попечение промысла Его о нас (а всему этому и еще большему научает внимательных сокровище, заключающееся в этом псалме) — будем во всей точности соблюдать догматы и являть жизнь, достойную их, чтобы нам получить и будущие блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, честь и слава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 9

В конец о тайных сына, псалом Давиду. Другой переводчик (Симмах) говорит: победная о смерти сына песнь Давиду. Третий (Акила и неизвестный переводчик): о юности сына

Исповемся тебе, Господи, всем сердцем моим, повем вся чудеса твоя (ст. 1—2).

1. Псалом этот продолжителен. И это есть дело мудрости Духа. Он сделал не все псалмы краткими, и не все продолжительными, но самым размером их сообщил разнообразие этой книге, продолжительностью возбуждая (слушателей) от лености, а краткостью облегчая труд. *Исповемся тебе, Господи, всем сердцем моим, повем вся чудеса твоя.* Исповедание бывает двоякого рода: оно есть или сознание собственных грехов, или прино-

шение благодарности Богу. Здесь оно означает благодарность. Что же значит: *всем сердцем моим?* Со всей охотой и усердием, не только за благоденствие, но и за противное тому. То особенно и свойственно душе благодарной и любомудрой, чтобы благодарить Бога и в скорбных обстоятельствах, прославлять Его за все – не только за благодеяния, но и за наказания. Этим заслуживается большая награда. Принося благодарность за благодеяния, ты отдаешь долг; а принося благодарность за бедствия, ты делаешь Бога должником своим. Кто наслаждается благоденствием и чувствует благодарность, тот исполняет должное, а кто терпит бедствия и прославляет Бога, тот приготовляет себе воздаяние. За такую благодарность Бог дарует много других благ и там и здесь, так что для нас бывают нечувствительными и самые бедствия. Никто не скорбит о том, за что благодарит Бога. Таким образом отсюда мы можем получить еще другую пользу – избавиться от скорби. Если ты лишишься имущества и будешь благодарить, то потеря не может огорчить тебя столько, сколько радует чувство благодарности. Это – тяжкий удар для диавола; это делает душу любомудрой, это научает нас истинному суждению о вещах настоящих. Многие из людей не имеют истинного понятия о здешних вещах; потому они и предаются скорби. Так помешавшиеся в уме страшатся того, что не страшно, часто боятся предметов несуществующих, убегают и от теней. Им подобны и те, которые страшатся потери имущества.

Такой страх происходит не от свойства самых вещей, а от нашей воли. В самом деле, если бы это само по себе было прискорбно, то надлежало бы скорбеть всем, лишающимся имущества; если же не все мы скорбим при потере его, то значит, это происходит не от свойства дела, но от несовершенства души. Как находящийся во мраке часто боится веревки, принимая ее за

змею, ко всему относится подозрительно и друзей считает врагами, так и люди безрассудные, как бы находясь среди глубокой тьмы, не знают свойства вещей, но пресмыкаются в грязи и негодной травы не считают негодной травой. Преданные сребролюбию, они не чувствуют его зловония, а если бы отстали, то почувствовали бы. Как любящие безобразную женщину, когда оставляют свою страсть, тогда ясно видят ее безобразие, так бывает и с сребролюбцами. Но как, скажешь, могу я оставить эту любовь? Обратимся опять к тому же примеру. Как любящий безобразную женщину, если беспрестанно обращается с ней, то воспламеняет в себе печь, а если на некоторое время удаляется от нее, то страсть его мало-помалу прекращается, так и ты отстань на некоторое время, отступи немного, и это малое расстояние сделается великим, — только начни исправление. Ты имеешь лишний дом? Продай его и отдай нуждающимся, не думая, что ты теряешь его, но что приобретаешь; смотри не на потерю, а на происходящую отсюда пользу, не на то, что ты лишаешься его здесь, а на то, что делаешься полным господином его там. Так и ты всегда можешь возвещать *чудеса Божии*. Об этом говорится в начале псалма. Между тем человек сребролюбивый не может постоянно упражняться в этом; он постоянно заботится о доходах, торговых оборотах, условиях, товарах, завещаниях, цене полей, цене домов, барышах и выгодах; об них он думает и беспокоится непрестанно, потому что где *сокровище* человека, там и *сердце* его (Мф. VI, 21). Об этом говорит пророк, об этом заботится; как слуги постоянно пекутся о принадлежащем их господам, так и он печется о принадлежащем Господу: что Он заповедал, что исполнено, что еще не исполнено, но должно исполниться? Поэтому, увещеваю тебя, освободись от житейской многозаботливости и постоянно занимайся такими же размыш-

лениями, и возвещай ежедневно совершающиеся чудеса Божии, частные и общие, простирающиеся на всех и на каждого порознь. Жизнь исполнена таких чудес, и с чего бы ты ни начал, с неба ли, или с земли, или с воздуха, или с животных, или с семян, или с растений, – везде найдешь обильное начало для повествования; захочешь ли говорить о прежних благодеяниях, бывших до закона, или под законом, или во времена благодати, или после смерти, или при самой смерти, – и здесь найдешь беспредельное море для повествования. Не безумно ли поэтому, при таком обилии предметов для повествования, которые могут доставить нам и удовольствие, и пользу, и благо для души, погружать ум свой в грязь, занимаясь рассказами о любостяжании и хищении?

2. Если угодно, оставив небесное, будем беседовать о земле, – ее величии, устройстве, назначении, свойствах, постоянном плодородии, различных и разнообразных ее произведениях, семенах, травах, растениях, цветах, лугах, садах. Затем представим вид каждого дерева, его положение, высоту, благоухание, плоды, благовременность, употребление и все прочее, также и самую землю, как возделанную, так и невозделанную, – потому что ничто в ней не остается бесполезным, приносит она то железо, медь, золото, серебро, то ароматы и различные и разнообразные лекарства. Кто может изобразить пользу вод, как пресных, так и соленых, назначение гор – месторождения различных драгоценных камней, ключи, в них протекающие, деревья, годные для кровли и строений? Все это – произведение пустыни. Она питает и животных, и всех диких зверей. А кто может описать озера, источники, реки? Как рождающие женщины, получая запас молока, доставляют пищу новорожденным, так и земля, простирая реки и источники, как бы сосцы, доставляет обильное орошение лугам и садам. Но у женщин дитя должно приблизиться к сосцам

матери, а здесь земля сама простирает свои сосцы, ниспуская их ко всем.

Пустыня доставляет и другую пользу. Она весьма благоприятствует телесному здоровью, доставляя возможность дышать чистейшим воздухом, обозревать с высоты всю вселенную, в уединении предаваться любомудрию и отдыхать от забот житейских. Кто может описать певчих птиц и образ жизни полевых зверей? Пустыня доставляет еще иную пользу. Она нередко служит для селений вместо стен, представляя возвышающиеся горы, пропасти и утесы. Кто может исчислить травы, в ней растущие, приносящие великую пользу страждущим телесными болезнями? Если же такова польза и так много благ от пустынь и гор, то, обратившись к земле возделанной, к ее широким полям, представь, какой здесь найдешь источник для повествования. Как в нашем теле есть кости, жилы и плоть, так и на земле есть горы, долины и тучные поля, и все это приносит пользу. Но что я говорю о земле, такой огромной стихии? Если ты захочешь изобразить только одно дерево, его вид, употребление, плоды, листья, благовременность и все прочее, то и здесь найдешь обилие предметов для повествования; также, если будешь беседовать о положении гор и о всем, сюда относящемся, или о самом человеке и устройстве его тела, то и здесь найдешь неисчерпаемое море для повествования. Итак, будем упражняться в этом; отсюда нам будет величайшее удовольствие, отсюда — польза, отсюда — неизреченное любомудрие. Потому и пророк, объясняя это, продолжает: *возвеселюся и возрадуюся о тебе* (ст. 3). Другой переводчик (Акила и Симмах) говорит *и похвалюсь. Пою имени твоему, Вышний.* Другой (Симмах): *воспою имя твое.* Немаловажный вид любомудрия — в том, чтобы веселиться о Боге. Кто веселится о Боге, как должно, тот отвергает всякое житейское удоволь-

ствие. Что значит: *возвеселюся о тебе?* В том, говорит, моя радость, в том мое веселье, что я имею такого Владыку. Кто знает это удовольствие, как должно знать, тот не чувствует других удовольствий. Это есть удовольствие в собственном смысле, а все прочие только носят имя удовольствий, а на самом деле не таковы. Оно возвышает человека, оно освобождает душу от тела, оно возносит к небу, оно поставляет выше всего житейского, оно избавляет от зла. И весьма естественно. Если пленяющиеся красотой телесной не чувствуют удовольствия ни от чего другого в жизни, но стремятся только к одному – к лицезрению любимого предмета, то любящий Бога, как должно любить, может ли чувствовать что-нибудь приятное или прискорбное в настоящей жизни? Не может – ничего; он выше всего этого, наслаждаясь бессмертным удовольствием, потому что таков и предмет любви его. Любящие что-нибудь другое скоро и против воли забывают любимые предметы, так как они увядают и погибают; а эта любовь беспредельна, бессмертна, доставляет высшую радость и большую пользу, и тем самым еще более воодушевляет любящего, что никогда не уничтожается. *Пою имени твоему, Вышний.* Это особенно свойственно любящему. Любящие поют песнопения в честь любимых и, хотя бы сами не видели их, утешают себя пением. То же самое делает и пророк. Так как Бога видеть невозможно, то он составляет в честь Его псалмы, входит с Ним в общение посредством песнопений, воспламеняет свою любовь и как бы созерцает Его, или – лучше – посредством песнопений и псалмов возбуждает любовь к Нему во многих других. Как любящие превозносят своих любимых похвалами и везде прославляют имена их, так точно поступает и пророк: *пою*, говорит, *имени твоему, Вышний.*

3. Смотри, как он отрешился от земли и всем своим существом прилепился к тому (Высочайшему существу),

предав себя Богу. Потому он непрестанно и повторяет имя Его, что так свойственно поступать любящему. *Внегда возвратитися врагу моему вспять, изнемогут и погибнут от лица твоего* (ст. 4). Другой переводчик (Симмах) говорит: *так как обратились враги мои назад, преткнулись и исчезли от лица твоего.* И это особенно свойственно любящему, — чтобы постоянно говорить о благодеяниях любимого и восхищаться ими, это происходит от любви и опять возбуждает любовь. Не погрешит тот, кто скажет, что пророк говорит здесь и о невидимых врагах, потому что и они обращаются назад, когда встречают душу мужественную. Как копье, ударяясь о щит слабый, пробивает его, а ударяясь о твердый и упругий, не причиняет ему никакого вреда, но затупившись отражается назад, так точно бывает и с душой. Если диавол находит душу слабую и беспечную, то бросаемые им стрелы проникают в глубину ее; когда же находит крепкую и сильную, то удаляется без успеха, не причинив ей никакого вреда, так что происходит двоякая, или — лучше — троякая польза: душе он не причиняет никакого вреда, но еще делает ее более крепкой, и сам от того становится более слабым. Смотри, как пророк возвещает силу Божию. *Изнемогут и погибнут,* говорит, *от лица твоего.* Слыша опять о лице Божием, не подразумевай ничего телесного. Здесь он выражает деятельность и явление Бога, и легкость, с какой действует сила Его, как говорит он в другом месте: *призираяй на землю, и творяй ю трястися* (Пс. CIII, 32). То же самое он выражает и здесь. Одного взгляда Его достаточно для того, чтобы погубить нечестивых. Если присутствие святых делает силу бесов бессильной, то тем более — присутствие Божие; если молния Его, являясь, устрашает всех, то представь, как нетленная сила Его устрашает и погубляет злых. Видишь ли свойство песнопений? Видишь ли способ славословия, как пророк возвещает

силу Божию? Немаловажный урок любомудрия он преподает нам и здесь, в словах: *пою имени твоему, Вышний: внегда возвратитися врагу моему вспять*. Какой же именно? Тот, что он не только во время бедствий, но и во время благоденствия не забывался. Многие, будучи смиряемы бедствиями, делаются более ревностными в добродетели, а наслаждаясь благами, становятся нерадивыми и беспечными, как говорит он далее об иудеях: *егда убиваше я, тогда взыскаху Его* (Пс. LXXVII, 34). Но не таков был псалмопевец: он и во время благоденствия не забывался и бодрствовал. Немало научают любомудрию и следующие слова: *яко сотворил еси суд мой и прю мою* (ст. 5). Другой переводчик (Акила) говорит: *защитил меня. Сел еси на престоле, судяй правду. Запретил еси, языком, и погибе нечестивый* (ст. 6). Другой (Симмах): *ты погубил. Имя его потребил еси в век века*. Посмотри опять на любомудрие этого мужа: он не сам мстит врагам, но предоставляет суд Богу, исполняя заповедь апостола: *не себе отмщающе* (Рим. XII, 19). И не только это нужно заметить, но и то, что он терпел бедствия незаслуженно. Если бы он терпел их не незаслуженно, то Бог не отмстил бы за него. *Сел еси на престоле, судяй правду*. Здесь он выражается человекообразно, представляя престол и седалище. Слова: *судяй правду,* означают то, что особенно свойственно Богу и составляет отличительную принадлежность существа Его. О людях нельзя сказать этого: они, как бы ни были праведны, не всегда судят по правде, не зная правды иногда по невежеству, а иногда по беспечности; Бог же, будучи свободен от всего этого, и зная и желая, произносит суд праведный. Таким образом, слова: *сел еси на престоле,* означают: ты судил, ты отмстил, ты воздал. *Запретил еси языком, и погибе нечестивый*. Видишь, как Бог не имеет нужды ни в оружии, ни в мече, ни в луке, ни в стрелах, но все это говорится человекообразно; для Бога довольно только

запретить, и достойные наказания погибнут. А чтобы ты более узнал силу Его, выслушай следующее. *Имя его потребил еси в век, и в век века* (ст. 6), то есть погубил совершенно, вырвал с корнем, так истребил, что исчезла самая память о них. *Врагу оскудеша оружия в конец* (ст. 7). Другой переводчик (Симмах) говорит: *развалины*. В еврейском: *пустыни* (арвоф). *И грады разрушил еси*. Что это значит? Уничтожив, говорит, козни и замыслы нечестивого, ты лишил его собственного его оружия. Таков гнев Божий: он все истребляет и уничтожает. Или, как научает нас другой толкователь, сказавший — *пустыни:* ты не только разрушил города их, но и пустыни истребил, и города уничтожил. Так вел войну праведник, так он побеждал врагов своих, употребляя не оружие и копья, но имея помощь от Бога. Потому и война его блистательна и славна, и победа торжественна. *Погибе память его с шумом*. Другой переводчик (неизвестный переводчик) говорит: с *ними*. В еврейском: *с ним*. Что значит: с *шумом*? Означает или совершенное истребление, или общеизвестность бедствий. И это — дело промышления Божия, что Он совершает суд не тайно, дабы наказаниями одних исправлялись другие. Таким образом, он выражает явность погибели.

4. *И Господь во век пребывает* (ст. 8). Другой переводчик (Акила) говорит: *будет сидеть*; *сидение* часто употребляется в смысле неизменяемости существа Божия, как и Иеремия говорит: *Ты пребываяй во век* (Вар. III, 3). То же выражает здесь и еврейское слово: *иисив*. Пророк часто говорит это при изображении наказания людей, выражая, с одной стороны, бессмертность существа Божия, а с другой — смертность человеческого рода. Существо и величие Божие не имеют конца. Это, будучи непрестанно напоминаемо, внушает нам страх, чтобы мы боялись Бога и по той, и по другой причине: и по причине величия Его славы, и по причине ничтожества нашего

собственного существа, и потому, что Он пребывает вечно, и потому, что Он наказывает вечно и ужасно. Когда нужно объяснить что-нибудь в переносном смысле, то не должно оставлять этого. Иногда нужно и (в словах Писания) подразумевать нечто другое, а иногда нужно понимать их только так, как они сказаны, например, *в начале сотвори Бог небо и землю* (Быт. I, 1). А иные должно понимать иначе, нежели как они сказаны, например: *елень любве и жребя твоих благодатей, да беседует тебе;* еще: *да будут тебе единому имения, и да никтоже чуждь причастится тебе; источник твоея воды да будет тебе твой* (Притч. V, 17–19). Если ты, обратив внимание на эти слова и желая уразуметь смысл их, не отступишь от буквальных выражений, то увидишь, что было бы очень бесчеловечно – не давать никому даже воды. А здесь идет речь о жене, о том, что с ней нужно обращаться целомудренно; она называется *источником* и *еленем,* по причине чистоты супружеского сожития. Здесь – так, а в других местах нужно принимать и самые слова, и подразумевать другой, выражаемый ими, смысл, – например, в словах: *якоже Моисей вознесе змию* (Ин. III, 14). Здесь надобно верить, что это было, – а было действительно, – и разуметь выражаемый этим прообраз Христа. Так и здесь не погрешит тот, кто отнесет сказанное псалмопевцом к иудеям. *Сел еси на престоле, судяй правду. Запретил еси языком, и погибе нечестивый, имя его потребил еси в век, и в век века. Врагу оскудеша оружия в конец, и грады разрушил еси: погибе память его с шумом.* Всей вселенной известны бедствия распявших Христа: города их разрушены, и диавольские ухищрения остались тщетными, действием промышления Христова, управляющего всем. Впрочем, оставим делать такие приложения любознательным и продолжим объяснение сказанного. *Уготова на суд престол свой.* Другой переводчик (Акила) говорит: *утвердил на суд. И той судити имать вселенней*

в правду, судити иматъ людем в правоту (ст. 9). Видишь ли, как пророк мало-помалу усиливает речь? Упомянув о престоле, он изображает свойства этого престола, который составлен не из дерева или другого какого-нибудь вещества, но из правды. Он основан, говорит, на правде. *Судити иматъ вселенней в правду.* Говорит и о настоящем, и о будущем. Суд всеобщий будет там, а частный бывает и здесь; Бог совершает многое и теперь, чтобы люди бесчувственные не подумали, будто все существует без промысла. Если здесь не все получают венцы, не удивляйся этому: *зане уставил естъ день, в онъ же хощет судити вселенней* (Деян. XVII, 31); а настоящая жизнь есть поприще, место подвигов, время борьбы. Поэтому не все здесь получают по заслугам, но там уготованы праведникам награды, а грешникам наказания. Здесь – ожидание и долготерпение, чтобы грехи были очищаемы покаянием, а там – не то. Так человекоубийца, пока находится на пути, может исправиться и избежать наказания, а когда подвергнется приговору судьи, тогда для него остается меч, палач и могила. Так и здесь: пока мы находимся в настоящей жизни, то для нас возможно исправиться и избежать наказания; а когда отойдем туда, то будем плакать тщетно, – потому что *уготова на суд престол свой.* Не погрешит и тот, кто слово *уготова* будет понимать так, как оно сказано, – потому что у Бога все готово, и наказания, и венцы, и приговоры. Для Бога нет ни ожидания, ни времени, ни промедления, и живые не предварят умерших, как говорит Павел: *яко мы живущии оставшии в пришествие Господне, не имамы, предварити умерших* (1 Сол. IV, 15). *Судити иматъ людем в правоту.* Посмотри на мудрость пророка, как он говорит и о настоящем, и о будущем; о настоящем: *запретил еси языком, и погибе нечестивый;* о будущем: *уготова на суд престол свой, и той судити иматъ вселенней в правду.* Он делает это для того, чтобы неверу-

ющие будущему убедились доказательствами из настоящего. *И бысть Господь прибежище убогому* (ст. 10). Другой переводчик (Акила) говорит: *изнуренному*; третий (Симмах): *сокрушенному*. Он часто называет себя нищим и убогим, хотя был царем; так и в другом месте говорит: *аз же нищ есмь и убог* (Пс. XXXIX, 18). Он знал, ясно знал, что все человеческое ничтожнее тени, что у нас нет ничего собственного, кроме добродетели, а все прочее подобно листьям, приставшим отвне. А что добродетель есть наша собственность, это видно из следующего: куда бы мы ни пошли, мы несем ее с собой, а все прочее – нет; следовательно, она – собственность наша, а все прочее – чужое. Как из людей мы называем своим того, кто близок к нам, так и добродетель мы называем принадлежащей нам больше, нежели богатство, потому что она всегда близка к нам.

5. Посмотри на признательную и любомудрую душу пророка. Хотя он имел и коней, и войско, и многое другое, но, оставив все это, он призывает помощь свыше и все свое спасение возлагает на Бога. Не сказал: моим прибежищем были войска, или деньги, или стены, но: *бысть Господь прибежище убогому;* Он Сам, говорит, доставил мне безопасность. Ничто не может сравниться с этим убежищем, как по удобству, так и по безопасности; прочие убежища и подвергаются опасностям, и не могут быть найдены скоро и в готовности, но бывают ненадежны и по времени, и по месту, и по множеству других обстоятельств, а это убежище находится близ тебя, если только ты будешь тщательно искать его. *Еще глаголющу ти,* реку: *се приидох* (Ис. LVIII, 9); *Бог приближаяйся Аз есмь, а не Бог издалеча* (Иер. XXIII, 23). Здесь нам не нужно ни бежать, ни предпринимать путешествия, но и сидя дома можно находить это убежище. Иногда Бог избавляет от опасностей, а иногда через них делает людей славнее и сильнее врагов, –

и притом, как то, так и другое подает в надлежащее время. Если находящие это убежище ведут себя смиренно, то Он подает то и другое; если же они не вполне показывают такую добродетель, то Он ограничивается первым, чтобы они, получив и второе, не возгордились. А что действительно это часто доводит до гордости, можешь убедиться примером Езекии, который возгордился именно по этой причине; впрочем, Бог не забыл его, но, так как счастливая победа поселила в душе его гордость, посредством болезни довел его до раскаяния (см.: Ис. XXXVIII, 1). *Помощник во благовремениих, в скорбех.* Что значит: *во благовремениих*? В надлежащее время, благовременно. Здесь пророк говорит о двоякой благовременности: о том, что Бог помогает, и что помогает в надлежащее время. Благовременностью он называет здесь скорбь. Почему? Потому, что она есть мать любомудрия, может освободить человека от смерти и особенно привлекает помощь Божию; при ней исчезает леность и беспечность, при ней мы делаемся усерднейшими в молитвах. Как ненастное время есть самое лучшее для земледелия, так и скорбь — для попечения о душе. Хотя мы всегда имеем нужду в помощи Божией и во время благоденствия, но особенно тогда, когда находимся в скорби. *Помощник*; этим выражением он внушает нам и нечто другое, именно то, что и сами мы должны быть деятельными, так как помогающий помогает делающему. Поэтому мы не должны оставаться в бездействии, но привносить и со своей стороны молитвы, милостыни и все прочее. И соратники помогают тем, которые сами сражаются, а не тем, которые пали духом и бездействуют. Итак, если хочешь получить помощь от Бога, не оставляй ничего, зависящего от тебя самого. Так Иов получил помощь, потому что сам твердо стоял и боролся, так и апостолы — потому что сами были деятельны. *И да уповают на тя знающии имя Твое* (ст. 11).

Другой переводчик (Акила и Симмах) говорит: *и будут надеяться.* Пророк часто поступает так – обращается от молитвы к увещанию, будучи общим учителем вселенной и предлагая всем сокровище любомудрия. Хорошо сказал он: *да уповают на тя знающии имя Твое;* знающие, говорит, Тебя, Твое содействие и Твою помощь имеют прочный якорь, сильную защиту и несокрушимую крепость в надежде на Тебя, не только обещающего избавить от бедствий, но не допускающего смущаться и среди самых бедствий. Подлинно, кто отрешился от всего человеческого и предался надежде на помощь свыше, тот не только получает скорое избавление от бедствий, но и среди самых бедствий не колеблется и не смущается, ободряемый надеждой на этот якорь. Так, три отрока не только избавились из печи, но и находясь в печи не смущались, потому что были уверены в помощи Божией. Поэтому другой переводчик и говорит: *и будут надеяться,* или – будут уверены. Безопасность, происходящая от надежды на Бога, гораздо надежнее самой власти во время бедствий, – потому что последняя есть человеческая, а первая – божественная и непреодолимая. Сказав, что Бог был помощником и прибежищем, пророк объясняет и то, как это бывает. Как же это бывает? Если мы постоянно надеемся на Него. Если же Он не вдруг избавляет от бедствий, то это бывает для твоего испытания. Как, имея возможность не допускать к тебе бедствий, Он допускает для того, чтобы сделать тебя более крепким, – так, и имея возможность избавить от них в самом начале, Он медлит и отсрочивает для того, чтобы укрепить твое терпение, упражнять твою надежду и усилить твою любовь к Нему, Он не попускает нам ни постоянно бедствовать, чтобы мы не отчаялись, ни постоянно благоденствовать, чтобы мы не пали. *Яко не оставил еси взыскающих тя, Господи.* Другой (неизвестный) переводчик говорит:

ибо не оставил. То же говорится и в другом месте: *воззрите на древния роды, и видите, кто надеялся на Господа, и постыдеся, или, кто призва Его, и презре и* (Сир. II, 10)? Но как можно искать Бога, Который существует везде? Ревностью, усердием, отрешением от всего житейского. Так нередко, имея что-нибудь перед глазами и в руках, мы не знаем этого, везде ходим и ищем того, что находится у нас, когда наши мысли обращены к чему-нибудь другому.

6. Как же мы можем искать Бога? Если устремим к Нему свои мысли, если отрешимся от всего житейского. Кто ищет, тот стремится к искомому предмету, изгнав из души все другое. И не просто нужно искать, но *изыскивать.* Кто *изыскивает,* тот не только сам ищет, но и прибегает к помощи других, чтобы найти искомое. Из предметов житейских мы часто, ища чего-нибудь, не находим, а в предметах духовных не бывает этого, но всякий ищущий непременно находит, потому что, как только мы приступаем к исканию, Бог не попускает нам долго мучиться, как Сам Он говорит: *всяк ищай обретает* (Мф. VII, 8). *Пойте Господеви живущему в Сионе* (ст. 12). Другой переводчик (Акила) говорит: *седящему. Возвестите во языцех начинания Его.* Другой (Симмах): *в народах действия его.* Что говоришь ты? Тот, кому *небо* служит *престолом* и *земля подножием,* у кого *в руце концы земли* (Ис. LXVI, 1; Пс. XCIV, 4), обитает в Сионе? Да. Под обитанием он разумеет здесь не заключение в жилище, — потому что величие Божие беспредельно, — а особенное благоволение Его к этому месту и особенную близость к Нему, чтобы через такое снисхождение привлечь к себе иудеев. Так и у нас тот дом называется нашим, к которому мы особенно расположены. Так и в нас Бог обитает, не заключая себя в нас, не находясь в особенной близости к нам. Сионом же в переносном смысле называется церковь: *приступите к Сионстей горе*

и церкви перворechодных (Евр. XII, 22). И справедливо Церковь называется горой, по ее твердости, крепости и непоколебимости. Как невозможно поколебать гору, так – и Церковь Божию. *Возвестите во языцех начинания Его.* Псалмопевец желает, чтобы люди были провозвестниками благодеяний Божиих и никогда не скрывали даров Его, и желает этого всегда для блага как возвещающих, так и слушающих, потому что и те и другие отсюда получают пользу, если будут внимательны. *Яко взыскаяй крови их помяну* (ст. 13). Видишь ли, о каких начинаниях говорит Он? О благодеяниях. Здесь же он внушает великую истину, именно ту, что убийство не совершается безнаказанно, а непременно подвергнется наказанию, как и Моисей в книге Бытия говорит: *крови вашей изыщу* (Быт. IX, 5). Это – знак беспредельного промышления, внимательнейшего попечения Его. Если же Он наказывает не вдруг, не удивляйся этому: Он дает грешникам время – покаяться. *Не забы звания убогих.* Посмотри опять, как убогие пользуются его благоволением. Впрочем, здесь говорится не просто об убогих, но о тех нищих духом, о которых говорит Христос (см.: Мф. V, 3), потому что особенно молитвы тех бывают услышаны, которые смиренны и сокрушенны сердцем. Здесь внушается и то и другое – и молитва, и смирение. *На кого воззрю,* говорит Господь, *токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словес Моих* (Ис. LXVI, 2)? И всегда смирение служит к успешному возношению молитвы, потому что Господь близок к сокрушенным сердцам. Потому молящийся особенно должен быть чужд надменности, чего требует и Павел, когда говорит: *без гнева и размышления* (1 Тим. II, 8). Хорошо сказал псалмопевец: *звание убогих,* называя *званием* расположение души, а не звук голоса; а словом – *не забы* он выражает, что они непрестанно взывали к Богу, но не тотчас получали просимое. Какой же смысл содержится в этих словах?

Не подумайте, что Бог забыл и потому не отмщает; Ему свойственно – преследовать такие дела, хотя бы даже никто не взывал к Нему; а когда взывают, и сами взывающие смиренны, то – тем более. *Помилуй мя, Господи, виждь смирение мое от враг моих, возносяй мя от врат смертных. Яко да возвещу вся хвалы твоя во вратех дщере Сиони* (ст. 14, 15). Другой переводчик (Симмах) говорит: *песнопения твои.* Третий (Феодотион): *похвалы твои.* Посмотри, как пророк постоянно предается молитве. И избавившись от бедствий, и находясь в безопасности, он не перестает молиться и говорит: *помилуй мя,* умоляя Бога о будущем. Подлинно, мы всегда имеем нужду в божественном промышлении, и еще более тогда, когда избавились от бедствий, потому что в это время нам предстоит другая борьба, которая труднее прежней, борьба с леностью и гордостью; и диавол тогда нападает сильнее. Поэтому, особенно после избавления от бедствий, нам нужна небесная помощь, чтобы нам хорошо пользоваться благоденствием. Так и иудеи, освободившись от египтян, вели жестокую борьбу с самонадеянностью и беспечностью; но они не могли вести ее хорошо, почему тогда особенно и подвергались смерти. Они не могли мужественно стоять ни против чревоугодия, ни против малодушия, но подражали страстям египтян, которые и погубили их. И Давид, когда избавился от гонений Саула и от других врагов своих и достиг спокойствия, тогда и подвергся более опасной борьбе – страсти невоздержания, которая и довела его до тягчайшего наказания. Таким образом особенно тогда и нужно бояться, когда мы избавляемся от бедствий.

7. Как мы боимся не столько привязанного зверя, сколько отвязанного, так точно и порока можно бояться менее во время скорби, потому что тогда он бывает связан скорбью и другими узами, а во время благоденствия особенно нужно бояться его. Действительно, ча-

сто можно видеть, что благоденствие производит больше зла, нежели бедствия. Так, Езекия после победы едва не погиб. Потому и псалмопевец в другом месте говорит: *благо мне, яко смирил мя еси* (Пс. CXVIII, 71). И здесь он испрашивает милости после избавления от бедствий, и причиной помилования приводит то, что он тяжко страдает. *Виждь смирение мое от враг моих;* и еще: *возносяй мя от врат смертных.* Я прибегаю, говорит, к Защитнику и промыслителю, который всегда подает мне руку помощи. Видишь ли, как он, молясь о будущем, остается благодарным за прошедшее и выражает двоякое благодеяние? Он не сказал: избавляющий меня от врат смертных, но: *возносяй мя,* – потому что благодеяние Божие не ограничивается одним избавлением от бедствий, но и делает избавляемых дивными, славными, знаменитыми, высокими. Также не сказал: от двери, но: *от врат,* выражая множество опасностей. *Яко да возвещу вся хвалы, твоя во вратех дщере Сиони.* Что советовал делать другим, то же делает и сам. *Возвестите,* говорит, *во языцех начинания Его;* то же теперь и я буду делать, и делать не просто, в присутствии одного, двух или трех, но среди множества зрителей. Возрадуюся о *спасении твоем.* В этом мой венец, в этом моя диадема, чтобы одержать победу через Тебя, чтобы получить спасение через Тебя. Так и мы будем искать спасения не каким-нибудь образом, и избавления от бедствий не как бы то ни было, но от Бога. Говорю это к тем, которые во время болезней употребляют заклинания и прибегают к другим чародействам для облегчения болезни. Это значит – искать себе не спасения, а погибели, потому что величайшее спасение есть то, которое получается от Бога. *Углебоша языцы в пагубе, юже сотвориша* (ст. 16). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *погрузились. Пагубою* он называет порок, потому что ничто так не губит нас, как порок. Нет ничего бессильнее

человека порочного; он побеждается собственным своим оружием; как железо гибнет от ржавчины и мех от моли, так и грешник – от порока. Таким образом грех, еще прежде наказания Божия, сам собой мстит тому, кто совершает его. Так как пророк много говорит о небесном правосудии и помощи Божией, из которых первое открывается не вдруг, но часто замедляется и отсрочивается, отчего многие делаются еще более нерадивыми, то теперь он внушает, что наказание не далеко, что оно постигает людей порочных, как и Павел говорит: *и возмездие, еже подобаше прелести их, в себе, восприемлюще* (Рим. I, 27). И смотри, какие точные он употребляет выражения. *Углебоша*, говорит, то есть насильно удержаны, подверглись неизбежному несчастью. И далее: *в сети сей, юже скрыша, увязе нога их.* Порочные, говорит, связывают себя неразрешимыми узами. Это сбылось на апостолах и иудеях. Иудеи, восставая против апостолов, им не причинили никакого вреда, а себя подвергли бесчисленным бедствиям, лишившись города, свободы и всего прочего; проповедь апостолов распространялась, а злоумышленники погибали. Так и ввергавшие трех отроков в вавилонскую печь сами погибли от нее. Так было и при Данииле. Впрочем, при нем это произошло по справедливости, – потому что ввергавшие сами ввергали его в ров; а почему при трех отроках, тогда как согрешил царь, подвергаются наказанию стоявшие при печи? Потому, что они уже были объяты пламенем, послужив повелению тирана и поклонившись золотому изображению. *В сети сей, юже скрыша.* Посмотри, как он выражает крайнюю их виновность. Так как дело их было постыдно, то они скрывают его и сами стараются скрыться. *Знаемъ, есть Господь судбы творяй* (ст. 17). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *познан был, суд сотворив*, то есть наказуя, карая, отмщая. Видишь ли еще благодеяние от наказания? Оно

не только делает наказуемых более ревностными, но и распространяет свет богопознания, и отсюда еще более можно видеть, как Бог печется о людях. Так, когда Он позволил, чтобы стадо свиней бросилось с утеса и утонуло в море, тогда люди особенно испугались (см.: Мк. V, 13–18). И в Ветхом Завете иудеи, *егда убиваше я, тогда взыскаху Его*, как говорит пророк (Пс. LXXVII, 34). Почему же он не делает этого постоянно? Потому, что желает, чтобы люди не насильно, а добровольно совершали дела добродетели, побуждаемые к тому не столько наказаниями, сколько благодеяниями. Но, скажут, не гораздо ли лучше быть добрым по принуждению, нежели злым по свободному расположению? Невозможно быть добрым по принуждению. Кто добр только потому, что связан, тот не останется добрым навсегда, но, получив свободу, возвратится к злу; а кто воспитывается так, чтобы сделаться добрым по свободному расположению, и сделается таким, тот останется твердым в добре. *В делех руку своею увязе грешник.* Не сказал: рук Божиих, но *рук* самого *грешника.*

8. Видишь ли, как он разнообразит речь, представляя то наказание, происходящее свыше, то наказание, происходящее от порока? Где наказание свыше? *Знаем, есть Господь*, говорит, *судбы творяй.* Где наказание от порока? *Углебоша языцы в пагубе, юже сотвориша.* И далее, изображая наказание, происходящее от порока, говорит: в *делех руку своею увязе грешник.* Говорит не об одном наказании Божием, потому что Бог часто ожидает и медлит, и не об одном наказании от порока, потому что многие спокойно предаются ему, но подтверждает речь свою тем и другим. Поэтому и продолжает: *в делех руку своею увязе грешник.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *перстов своих.* Таким образом, когда ты строишь козни, то не думай, что строишь их другому; ты сплетаешь сети самому себе. Ωδὴ ᾿διάφαλμα — *песнь, пере-*

мена тона. Другой (Феодотион): *голос постоянно.* Третий (неизвестный переводчик): *пение постоянно.* В еврейском: еггаон сел. *Да возвратятся грешницы во ад, вси языцы забывающии Бога* (ст. 18). Другой (Акила): *обратятся.* Опять он останавливается на том же, — доказывает, что порок неизбежно сопровождается наказанием, что нечестие производит смерть, и грех — бедствия. *Яко не до конца забвен будет нищий, терпение убогих не погибнет до конца* (ст. 19). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *не до конца ожидание кротких будет забыто.* Хорошо сказал он: *не до конца,* внушая, что не всегда нужно искать спокойствия. Как обнаружится терпение, если всегда будет спокойствие? А смысл слов его следующий: порочные будут наказаны и потерпят крайние бедствия, потому что Бог не попустит обижаемым постоянно терпеть обиды. Этим он и последних ободряет, и первых устрашает, и показывает человеколюбие Бога, Который замедлением наказания делает одних более опытными в добродетели, а других привлекает к покаянию. Смотри, какой чести удостаиваются бедные, не просто бедные, но смиренные сердцем, потому что они особенно и способны к терпению, или лучше сказать, одно происходит от другого, от смирения — терпение, а от терпения — смирение. Если же кто-нибудь спросит: почему под бедностью разумеется смирение? — то мы скажем: потому, что она особенно способна к добродетели. Богатый проводит жизнь в беспокойстве и смятении, а бедный легко переносит все, часто упражняя свои силы в борьбе с бедностью, как бы на ристалище. Потому и Христос говорил, что с богатством трудно войти в царствие (см.: Мф. XIX, 23). Что значит: *терпение убогих не погибнет до конца?* Значит: никогда не погибнет и непременно получит свой плод. Это не всегда бывает в делах житейских, где часто цель не достигается и труды пропадают. Так, земледелец ожидает плодов и купец —

пользы; но часто от неблагоприятной погоды тот и другой лишаются плода трудов своих. У Бога же этого не бывает; напротив, всегда непременно цель достигается. А постоянная уверенность в достижении цели служит немалым утешением. *Воскресни, Господи, да не крепится человек* (ст. 20). Другой переводчик (Акила) говорит: *да не будет дерзким. Да судятся языцы пред тобою.* Другой (неизвестный переводчик): *и пред лицем твоим.* Сказав о нечестии, которое овладело многими из людей, упомянув о пороках их, хищении, корыстолюбии, убийствах, пророк просит у Бога помощи обижаемым. Таково человеколюбие святых: они заботятся не только о себе самих, но о всей вселенной, как об одном доме, и молят Бога о всех людях, как об одном теле. *Воскресни, Господи, да не крепится человек.* Что значит: *воскресни, Господи?* Отмсти, говóрит, помоги, накажи несправедливых. И хорошо он употребляет такие прямые выражения: *воскресни,* и *да не крепится человек,* дабы показать, что человек ничтожен, происходит из земли, есть прах и пепел. *Да судятся языцы пред тобою.* Что означают эти слова? Пусть, говорит, будут судимы за грехи свои; они не сделались лучшими от Твоего долготерпения; потребуй же отчета в их преступлениях. *Постави, Господи, законоположителя над ними, да разумеют языцы, яко человецы суть* (ст. 21). Διάφαλμα — *перемена тона**. Другой (Акила): постоянно. Что значит: *постави законоположителя над ними?* Так как они, говорит, делают все самоуправно, не желая отдавать отчета, то восстань Ты, и да будет для них наказание вместо внушения. То же говорит и другой переводчик (Акила), выражаясь так: *наведи Господи страх на них.* Смотри, как он желает им не наказания, но того, чтобы они научились, исправились и не жили беззаконно. Да будет им, говорит, наказание вмес-

* В славянском переводе этого слова нет.

то внушения, и не только им, но и другим. А чтобы ты видел, какая отсюда польза, как это истребляет их болезнь, выслушай следующее. *Да познают языцы*, говорит, *яко человецы суть*. Смысл слов его такой: многие утратили и это, забыли о своей природе, дошли до безумия, не знают самих себя. И хорошо прибавил он: *постоянно*, выражая, что (нужно знать это) не только во время бедствий, но и во время благоденствия. Если Ты накажешь их теперь, то они, чувствуя сильный страх и помня постигшие их бедствия, будут знать свою природу и тогда, когда достигнут благоденствия.

9. Видишь ли, как пророк молится за них и желает, чтобы они оставили свое безумие? Подлинно, не знать самих себя – крайнее безумие, хуже умопомешательства. Последнее есть болезнь невольная, а первое есть следствие развращенной воли. *Вскую, Господи, отстоя далеча, презиравши во благовремениих, в скорбех* (ст. 22)? Пророк говорит это от лица обижаемых, прося и умоляя Бога, а отнюдь не укоряя Его. Многие из страдающих, побуждаемые скорбью, прежде надлежащего времени просят произвести суд, подобно тому, как подвергающиеся отсечению просят врача оставить их, прежде, нежели отсечение совершенно окончено, – просят вредного для себя, потому что не могут переносить боли; они часто кричат врачам: ты замучил меня, ты погубил меня, ты убил меня, но это слова – не разума, а боли. Так точно говорят и многие из малодушных во время скорбей, не перенося трудностей. И Софония также высказывает подобные слова (см.: Соф. III, 1). Но это в Ветхом Завете, когда требовались умеренные подвиги, в Новом же это несовместно с любомудрием. *Внегда гордитися нечестивому, возгорается нищий: увязают в советех, яже помышляют* (ст. 23). Другой переводчик (Акила) говорит: *да увязнут. Яко хвалимъ есть грешный в похотех души своея, и обидяй благословимъ есть. Раздражи Господа грешный* (ст. 24, 25). Приняв на себя вид ходатая

и прося за обижаемых, пророк выражает и свойственные им прискорбные чувствования, которые происходят от слабости человеческой, — потому что человек обижаемый, не видя наказания и достойного возмездия своему обидчику, скорбит, не перенося благоденствия человека нечестивого, а для последнего и это — немалое наказание. Потом псалмопевец просит, чтобы они получили наказание, чтобы козни их обратились на них самих, и говорит о невыносимом виде нечестия. О каком же именно? *Яко хвалимъ есть грешный в похотех души своея.* С чем нужно скрываться, чего должно стыдиться, за то самое, говорит, хвалят его, удивляются ему. Как же возможно будет исцеление, когда порок удостаивается похвалы? Это бывает и ныне. Одного превозносят, как достигшего власти; другого — как отмстившего врагам своим, третьего — как человека благоразумного, за то, что отнял у всех имущество; когда он погубил себя, говорят: он устроил себя; другие говорят другое; о предметах же духовных — ни одного слова. Не скоро похвалят человека, удаляющегося от дел, равно и любящего бедность, но хвалят богатого, предприимчивого, льстивого, принимающего на себя раболепные обязанности без всякой пользы. Это и оплакивает псалмопевец, — как порок усилился до такой степени, что им восхищаются и хвалятся, и, что всего хуже, не стыдятся его, а напротив, порочный не только сам хвалится своими делами, но слышит себе похвалы и от других. Что может быть хуже такого безумия? *Раздражи Господа грешный.* Другой переводчик (Симмах) говорит: *потому что беззаконник похваливший по похоти души своей, и корыстолюбец одобривший раздражил Господа. Когда возвысится гнев его, не взыщет.* Третий (Симмах): *потому что нечестивый восхвалил в похоти души своей, и корыстолюбец одобрив поносил Господа. Нечестивый по высоте гнева своего не взыщет* (Акила). А семьдесят толковников: *раздражи Господа грешный; по множеству гнева своего не взыщет.* Видишь ли, до

чего простирается дерзость нечестивого? Что я говорю, продолжает пророк, что он оскорбляет бедных? Он раздражает Самого Бога. *И по множеству гнева своего,* говорит, *не взыщет,* то есть Бога. Другой же переводчик относит это к нечестивому, выражаясь: *по высоте, своей,* то есть гордости, тщеславию. Видишь ли великость безумия и развращение его? Он становится врагом и противником своих ближних, чуждым для добродетели, любителем и хвалителем пороков. Хорошо далее сказал другой (неизвестный) переводчик: *нет Бога во всех помышлениях* его, выражая, что он не ищет Бога, исполнен тьмы, не имеет страха перед очами Его. Как гной ослепляет глаза, так и порок – душу человека, и увлекает его в пропасть. *Несть Бога пред ним.* Другой (неизвестный переводчик): *во всех мыслях его. Оскверняются путие его на всяко время: отъемлются судьбы твоя от лица его* (ст. 26). Другой (неизвестный переводчик): *взят суд твой.* Видишь ли плоды нечестия? Свет ума его погасает, мысли его притупляются и сам он отдается пленником пороку. Как слепец часто падает в яму, так и он, не имея страха Божия перед очами, постоянно проводит жизнь в нечестии, – не так, чтобы то в благочестии, то в нечестии, но постоянно в нечестии, не помнит ни геенны, ни будущего суда, ни воздаяния, но отвергнув все эти побуждения, как узду, подобно ненагруженному кораблю предается опасным ветрам и буйным волнам, не имея никого, кто бы управлял его душой. Видишь ли, как порочный в самом пороке находит наказание? Что может быть хуже необузданного коня, ненагруженного корабля, ослепленного человека?

10. Но всех их несчастнее человек порочный, погасивший в себе свет страха Божия и отдавшийся в плен нечестию. *Всеми враги своими обладать будет. Рече бо в сердце своем: не подвижуся от рода в род без зла* (ст. 27). Другой

переводчик (Симмах) говорит: *всех врагов своих сдувает, говоря в сердце своем: не поколеблюсь в род и род, потому что не буду в несчастии.* Видишь ли безумие? Видишь ли невыразимое бедствие? Видишь ли постепенно возрастающую погибель? Видишь ли, как состояние, почитаемое безумными блаженством, исполнено великих бедствий, как оно падает? Грешника хвалят во грехах его и благословляют в беззакониях его. Это первая пропасть, которая может погубить невнимательного.

Поэтому лучше принимать тех, которые укоряют и вразумляют, нежели тех, которые хвалят и льстят при самой погибели, потому что последние развращают беспечных и располагают к большим порокам. Так и этого грешника, расположив к гордости, они довели до безумия. Потому и Павел, говоря о прелюбодеях, то же самое внушает коринфянам: *и вы разгордесте, и не паче плакасте* (1 Кор. V, 2). Нужно много оплакивать, а не хвалить грешника. Видишь ли крайнее развращение, когда порочный не только не осуждается, но даже удостаивается похвалы? А отсюда, от собственного безумия и похвал, он увеличил свою порочность, забыл о страхе Божием и правосудии Его, забыл даже о своей собственной природе. Подлинно, кто забывает о правосудии Божием, тот впоследствии времени забывает и о самом себе. Посмотри, как рассуждает он: я не поколеблюсь в род и род, но останусь без зла. Что может быть безумнее такого суждения, когда человек, существо тленное, окруженное предметами скоропреходящими и подверженное бесчисленным переменам, питает такие мечты? А откуда это происходит? От безумия. Когда безумный наслаждается благоденствием, одерживает победы над врагами, удостаивается похвал и удивления, тогда он бывает хуже всех. Не ожидая перемены своего состояния, он неблагоразумно пользуется и счастьем, а

подвергшись несчастью, не будучи к тому подготовлен, он смущается и теряется. Не таков Иов: он и среди счастья каждый день ожидал несчастья; потому и говорил: *страх бо, его же ужасахся, прииде ми, и его же бояхся, срете мя. Ни умирихся, ниже умолчах, ниже почих, найде же ми гнев* (Иов. III, 25, 26). И другой Премудрый говорил: *помяни время глада во время сытости, нищету и убожество в день богатства* (Сир. XVIII, 25). Но этот грешник, однажды развратившись, не смотрит на дела человеческие, а на основании своего благоденствия считает их непоколебимыми; это – знак крайнего безумия и растления, и причина погибели. Итак, не считай блаженными людей богатых, одерживающих победу над своими врагами и получающих за это похвалы; все это – опасные пропасти для невнимательных, увлекающие в самую глубину нечестия. *Его же клятвы уста его полна суть, и горести и льсти: под языком его труд и болезнь* (ст. 28). Другой переводчик (Акила) говорит: *бесполезное. Приседит в ловительстве с богатыми в тайных, еже убиты неповиннаго* (ст. 29). Другой (Симмах): *сидя в засаде за двором. Очи его на нищаго призираете. Ловит в тайне, яко лев в ограде своей* (ст. 30). Другой (неизвестный переводчик): *в логовище своем. Ловит еже восхитити нищаго, восхитити нищаго внегда привлещи и.* Другой (неизвестный переводчик): *во увлечении его. В сети своей смирит его* (ст. 31). Другой (неизвестный переводчик): *в тенетах. Преклонится и падет, внегда ему обладати убогими.* Другой (Акила): *согнувшись притаится, нападая с сильными своими на слабых.*

Видишь ли, как он сделался даже диким зверем? Пророк описывает его, как зверя, изображая его коварство, засады, умыслы. Кто может быть несчастнее и беднее его, если он нуждается в имуществе бедного? Его ли, скажи мне, мы назовем богатым? После этого мож-

но назвать богачом и вора и разбойника. Нет, говорит пророк. Что в том, что он не подкапывает судилищ и не нападает ночью, если он обманом погашает свет судьи? Что в том, что он нападает не на спящих, а всегда на бодрствующих? Он оказывается еще бесстыднейшим. Поэтому и законы сильнее наказывают мошенников, ворующих днем. Видишь ли его бедность и вместе жестокость? Бедность – потому что он желает принадлежащего бедному; жестокость – потому что он не трогается несчастьем ближнего, но вместо того, чтобы сжалиться и помочь бедному, сам притесняет его. Впрочем, дела его не останутся без наказания; но когда он будет чувствовать себя сильным, когда будет думать, что достиг своей цели, когда станет считать себя непобедимым, тогда и погибнет, чтобы открылись и мудрость Божия, и терпение бедных, и его неисправимость, и незлобие и долготерпение Божие. Наказание не вдруг постигает его, потому что Бог Своим долготерпением призывает его к покаянию; а когда он от долготерпения не получает никакой пользы, тогда Бог вразумляет его наказанием. Подвергшиеся его притеснению не потерпели никакого вреда, но еще сделались лучшими и славнейшими от скорби; и Бог, ожидая, явил Свое незлобие и долготерпение, а после долготерпения силу и могущество, поразив нечестивого тогда, когда тот считал себя сильнее себя самого; так он, оставшись неисправимым, подвергся жесточайшему наказанию. И это – не малое вразумление для благоденствующих.

11. Итак, когда ты одержишь победу над врагами и когда будет все тебе благоприятствовать, то не предавайся беспечно жизни порочной, но тогда-то и бойся еще более, – потому что тогда возрастает твоя порочность, не остается для тебя оправдания, отнимается у тебя всякая надежда на прощение, если ты остаешься

порочным. *Рече бо в сердце своем: забы Бог, отврати лице свое, да невидит до конца* (ст. 32). Посмотри, в какую низвергается он пропасть погибели, какие составляет суждения; не осмеливаясь, по бесстыдству их, высказывать их явно, он содержит их в себе самом, восстает против истины и омрачает то, что яснее солнца, по слепоте души своей. *Воскресни Господи Боже мой, да вознесется рука твоя, незабуди убогих* (ст. 33). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *возвысь руку твою. Чесо ради прогнева нечестивый Бога; рече бо в сердце своем: не взыщет. Видиши яко ты болезнь и ярость смотряеши, да предан будет в руце твои* (ст. 34, 35). Другой (Акила): *ты, видел, потому что на болезнь и гнев ты будешь взирать, чтобы предать в руку твою.* Третий (Симмах): *чтобы, они были преданы в руки твои.* Так говорит беззаконник, похититель, корыстолюбец, пока он не испытал наказания, а пророк, опровергая его суждения, распространяется о долготерпении Божием. Тот говорит: Бог отвратил лицо Свое и не увидит никогда; он же, напротив, говорит: Ты видишь, взираешь и долготерпишь, пока нечестивые не впадут в руки твои. Что значит: пока не будут *преданы в руце твои?* Пророк выразился человекообразно; а смысл слов его следующий: Ты долготерпишь, ожидаешь до тех пор, пока они не предадутся крайнему нечестию; хотя Ты мог бы в самом начале остановить и истребить их, но беспредельно море Твоего долготерпения: Ты видишь — и не отмщаешь, но ожидаешь от них покаяния; если же они упорствуют, то наказываешь, когда они не получают никакой пользы от Твоего долготерпения. Сказав многое о людях притесняемых, пророк, послушай, как раскрывает то же и в следующих словах: *Тебе оставлен есть нищий, сиру ты буди помощник.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *ты был.* Третий (неизвестный переводчик): ты *будешь.* Смысл слов его следующий:

это — Твое дело, это — особенно свойственно Тебе. А что принадлежит Богу, того Он не оставит и не выдаст. Как художнику свойственно строить, кормчему — управлять кораблем, солнцу — светить, так Тебе свойственно защищать сирот, простирать руку помощи бедным; никто так не помогает им, как Ты один. Это выражается словом: *оставлен есть*. Никто другой, говорит, но Ты один — заступник сирых и бедных. *Сокруши мышцу грешному и лукавому: взыщется грех его, и не обрящется чрез него* (ст. 36). Другой переводчик (Феодотион) говорит: *да взыщется нечестие его, да не обрящется он сам.* Он просит, чтобы не сам грешник был сокрушен, но сила, власть, господство нечестия его; потом просит, чтобы и он подвергся наказанию, отдал отчет в делах своих, и выражая великость нечестия его, говорит: если это будет, то он не может устоять, не станет показываться, но погибнет, исчезнет, скроется совершенно, когда будут исследованы дела его. Итак, пусть никто не плачет, подвергаясь сиротству и бедности, потому что в какой мере возрастают они, в такой же мере увеличивается и помощь Божия. Пусть никто не превозносится своей властью и не надмевается; это — скользкое и опасное место, на котором очень легко могут упасть невнимательные. *Господь* будет царствовать *во век и в век века* (ст. 37). Здесь пророк отвечает тем, которые смущаются и недоумевают о том, что грешники не тотчас подвергаются наказанию. Чего, говорит, ты боишься, чего страшишься? Разве этот Судья временный? Разве царство Его имеет конец? Если грешник не наказывается теперь, то непременно будет наказан после, потому что требующий этого пребывает и царствует вечно. *Погибнете языцы* от *земли его. Желание убогих услышал еси, Господи: уготованию сердца их внят ухо твое* (ст. 38). Другой переводчик (Акила) говорит: *намерение сердца их услышало ухо*

твое. Третий (Симмах): *устроишь, что сердца их услышит ухо твое. Суди сиру, и смирену, да не приложит ктому величатися человек на земли* (ст. 39). Другой (Акила): *суди сирому и угнетенному.*

Видишь ли, как много пророк говорит и печется о самих людях порочных? Ведь они-то особенно и терпят зло. Несправедливо обижаемый терпит только потерю имущества, а обижающий подвергается крайней опасности. В самом деле, не важно ли то, что такие люди даже не чувствуют болезни, в которой находятся? Это – высшая степень бесчувственности, и потому они особенно достойны сожаления; это – знак несовершенного ума. Дети считают за ничто предметы опасные, они часто протягивают руки в огонь, а между тем боятся и пугаются, видя пустые маски. Подобно им и корыстолюбцы боятся бедности, которая нисколько не страшна, но еще доставляет безопасность, и высоко ценят неправедно собранное богатство и любостяжание, которое страшнее всякого огня. Подлинно любостяжание всегда есть зло. Поэтому и пророк постоянно увещевает воздерживаться от него, и угрожая, и устрашая, и умоляя Бога – восстать для наказания такой бесчувственности. *Погибнете,* говорит он, *языцы от земли его;* угрожает им погибелью, а для несправедливо обижаемых просит Бога быть помощником и защитником, чтобы и последние ободрились, и первые вразумились. Итак, пусть никто не гоняется за обилием богатства. Отсюда происходит много зол для невнимательных: гордость, леность, зависть, тщеславие, и другие гораздо большие. Но чтобы вам освободиться от всего этого, вырвите самый корень их (корыстолюбие). Когда нет корня, тогда не растут и дурные растения. Все это сказано не для того только, чтобы мы слушали, но чтобы исправлялись и являли многие добродетели о Христе Иисусе, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 10

В конец (псалом) Давиду. Другой переводчик (Симмах) говорит: победная песнь Давиду. Третий (Акила и Феодотион) — победителю

1. *На Господа уповах, како речете души моей: превитай по горам, яко птица.* Другой (Акила): *взойди на горы, яко птица.* Третий (неизвестный переводчик): *переселись. Яко се грешницы налякоша лук, уготоваша стрелы в туле, состреляти во мраце правыя сердцем.* Другой (Симмах): *как во тьме. Зане яже ты совершил еси, они разрушиша.* Другой (Симмах): *потому что законы нарушены.* Третий (неизвестный переводчик): *потому что учения будут низвращены.* Велика сила надежды на Бога. Она есть неприступная ограда, непреоборимая стена, непобедимая помощь, тихая пристань, несокрушимая крепость, неотразимое оружие, неодолимая сила, пролагающая себе путь среди мест непроходимых. Ею безоружные побеждали вооруженных, жены — мужей, дети весьма легко оказывались сильнее опытных в военном искусстве. И удивительно ли, что они побеждали врагов, когда они одерживали победу над самым миром? Перед ними стихии забывали свою природу и обращались в их пользу, звери не были более зверями, и печь — печью, потому что надежда на Бога преобразует все. Острые зубы, тесная темница, естественная свирепость, мучительный голод, челюсти близ самого тела пророка, ничто (не было для них) преградой, но надежда на Бога, сильнее всякой узды сдерживая челюсти, обращала их назад. Представляя это, псалмопевец и говорил тем, которые советовали ему удалиться и бежать и искать себе спасения в местах безопасных: *на Господа уповах, како речете души моей?* Что говоришь ты? Владыку вселенной я имею своим помощником; совершающего легко все и всегда я имею своим вождем и покровителем; а ты по-

сылаешь меня в необитаемое место и советуешь искать безопасности в пустыне? Разве помощь пустыни больше Того, Кто может сделать все с великой легкостью? Для чего ты заставляешь меня, сильно вооруженного, бежать, как бы обнаженного и безоружного, и хочешь сделать изгнанником? Имеющему войско и огражденному стенами и оружием ты не посоветовал бы бежать в пустыню, а если бы посоветовал, то показался бы смешным: почему же того, с которым Сам Владыка вселенной, ты изгоняешь, заставляешь скитаться и бежать от нападения грешников? Кроме сказанного я имею и другую причину не бежать. Если и Бог помогает, и нападающие суть грешники, то не подвергается ли крайнему бесчестию тот, кто советует подражать робким птицам? Разве ты не знаешь, что приготовленное против меня войско слабее паутины? Если враг земного царя, куда бы ни пошел, везде находится в опасности, боится и трепещет, то тем более враг Бога всех: куда бы он ни пошел, все ему враги и даже самая природа, потому что, как друзей Божиих боятся и стихии и звери, и уважает всякая тварь, так на врага и противника Божия вооружаются и нападают и неодушевленные твари. Вот почему одних, прежде нежели они коснулись земли, растерзали звери, других истребил огонь. Враги имеют стрелы и колчан, и все у них готово, — уже *уготоваша* их, говорит, *в туле*, — но нет у них никакой силы, и ничего такого мы не боимся; если бы даже я увидел кого-нибудь спускающим стрелу, и тогда не устрашился бы. В самом деле, какая польза от оружия, если нет силы? Так и у них нет ее, потому что нет к ним благоволения Божия. Они строят козни и нападают не прямо; но потому особенно я и смеюсь над ними, что они бросают стрелы свои во мраке. Ничто не может быть бессильнее человека, строящего козни. Не нужно другим поражать его; он падает от собственной руки и погибает от собственного ковар-

ства. Что же может быть бессильнее того, кто побеждается собственным оружием? Кроме этого, надобно сказать и то, что они нападают на нас не только как грешники на укрепляемых Богом, и притом с коварством, но и нападают на невинных, не сделавших им никакого зла. И это не мало делает их слабыми. Как идущие против рожна (см.: Деян. IX, 5) не причиняют ему никакого вреда, а повреждают свои собственные ноги, так и они. Вместе с тем есть и еще причина, которая уничтожает силу их нападения. Какая же? *Зане*, говорит, *яже ты совершил еси, они разрушиша*. Смысл слов его следующий: они нападают и ведут войну с Тобой, нарушая Твой закон и Твои повеления. Подлинно, они усиливаются *разрушить* Твои заповеди, и притом *совершенныя*. Или это говорит пророк, или то, что они преступники закона. Не малое доказательство их слабости – и в том, что они выходят на войну, не сохранив Твоих заповедей. Потому они и воюют против *правых* и строят козни, что не слушаются Твоих повелений.

2. Раскрыв слабость врагов и показав ее не в том, в чем показывают другие, (так как не сказал, что они не имеют ни денег, ни крепостей, ни союзников, ни городов, ни искусства в войне, но оставив и презрев все это, как ничего не значащее, сказал, что они беззаконники, что нападают на людей, не сделавших им никакого зла, что они нарушают заповеди Божии), – пророк говорит потом о вооружении праведных, раскрывая и отсюда легкость победы их над врагами. Так точно и мы должны различать сильное и слабое, и не того особенно бояться, чего боятся люди, достойные осмеяния. В самом деле, что говорят? Такой-то жесток, коварен, имеет много денег и великую власть. Но поэтому особенно я и смеюсь над ним: все это – виды слабости. Но он, скажешь, умеет строить козни? В этом ты открываешь мне новый вид слабости.

Почему же многие из таких людей побеждают? Потому что ты не умеешь хорошо сражаться с ними, потому что ты сам домогаешься того же, что делает их слабыми, — славы и власти. Избегай этой причины вражды, поражай противников иначе: гордого — смирением, корыстолюбивого — нестяжательностью, невоздержного — воздержанием, завистливого — дружелюбием, и ты легко победишь их. Раскрыв, как я выше сказал, слабость противников, смотри, как он изображает и вооружение праведника. *Праведник же*, говорит, *что сотвори?* То есть когда враги так приготовились, ты спрашиваешь: как вооружился праведник? Послушай. *Господь во храме святем своем: Господь на небеси престол его* (ст. 4). Видишь ли, как кратко он выразил защиту его? Ты спрашиваешь: что он сделал? Прибег к Богу, живущему на небе, существующему везде. Он не натянул лука, не приготовил колчана, как враги его, не расположился во мраке, но оставив все это, оградился против всего надеждой на Бога и противопоставил им Того, Кто не имеет нужды ни в чем подобном, ни во времени, ни в месте, ни в оружии, ни в деньгах, но одним мановением совершает все. Видишь ли защиту его, непобедимую, быструю и легкую? *Очи его на нищаго презираете, вежди его испытасте сыны человеческия. Господь испытает праведнаго и нечестиваго: любяй же неправду ненавидит свою душу* (ст. 5). Другой переводчик (Акила) говорит: *вежди его изследуют.* Третий (неизвестный переводчик): *Господь, праведный испытатель.* Четвертый (Акила): *праведнаго испытывает и нечестиваго, и любящаго неправду возненавидела душа Его. Любяй же неправду ненавидит свою душу.* Видишь ли готового Помощника, благонадежного Защитника, Который везде присутствует, все видит, за всем наблюдает, Которому особенно свойственно промышлять и заботиться, — хотя бы никто не просил Его, — препятствовать обижающим, помогать обижаемым, воз-

давать одним награды за добродетели, а другим назначать наказания за грехи? Он знает все; очи Его видят всю вселенную; и не только знает, но и желает исправить все. Потому в другом месте, выражая то же самое, пророк и называет Его *праведным* (ст. 7). Если же Он праведен, то Он не станет только смотреть на такие дела. Он отвращается нечестивых, одобряет праведных. Далее, раскрывая и здесь то же, о чем он говорил в предыдущем псалме, то есть что порок сам по себе может достаточно наказать грешников, прибавляет: *любяй же неправду ненавидит свою душу*. Порок противен душе, враждебен и гибелен, так что порочный еще прежде наказания уже испытывает наказание. Видишь ли, как враги оказываются со всех сторон удобоуловимыми, если и праведник имеет такого Помощника, и они побеждаются тем самым собственным оружием, которым защищаются, причиняя вред и погибель сами себе? Видишь ли легкость этой помощи? Не нужно ни идти куда-нибудь, ни бежать, ни тратить имущества, потому что Бог присутствует везде и видит все. *Одождит на грешники сети, огнь и жупел и дух бурен, часть чаши их. Яко праведен Господь, и правды возлюби, правоты виде лице Его* (ст. 6, 7). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *одождит на беззаконных угли их*, то есть праведных, или Его – Бога. Сказав о наказании, происходящем от самого порока, и зная, что многие не смотрят на это, пророк наконец потрясает душу нечестивых наказанием, посылаемым свыше, употребляя усиленные выражения и страшные названия; говорит, что на них свыше прольются дождем огонь, сера, бурный ветр и горячие угли, – желая представить этими переносными выражениями неизбежность отмщения, высшую степень мучения, скорость и разрушительную силу наказания.

3. Что значит: *часть чаши их*? Это их удел, говорит, это их достояние, это постигнет их в жизни, от этого

они погибнут. Далее приводится и причина: потому что Всевидящий не попустит пройти этому безнаказанно. Как другой пророк говорит: *чисто око твое еже не видети зла, и взирати на труды* Ты не можешь (см.: Авв. I, 13), так и он выражает то же в словах: *яко праведен Господь и правды возлюби.* Богу особенно свойственно принимать правду, справедливость, и Он не попустит никогда противного ей.

Вот почему и в начале псалма пророк сказал: *на Господа уповах, како речете души моей: превитай по горам, яко птица?* Те, которые надеются на блага житейские, не лучше птицы, которая, надеясь на пустыню, делается легко уловимой для всех. Таков — надеющийся на богатство. Как птица уловляется и детьми, и сетями, и силками, и другими бесчисленными средствами, так и богатый уловляется и друзьями, и врагами. Он живет даже в большей опасности, нежели птица, имея множество людей, которые ловят его, а прежде всех — свои порочные пожелания; он — изгнанник, всегда зависящий от обстоятельств времени; он боится и свирепости палачей, и гнева царя, и коварства от льстецов, и обмана от друзей; когда восстают на него враги, он трепещет больше всех; и когда бывает мир, он опасается козней, потому что не имеет богатства прочного и неотъемлемого. Потому он постоянно скитается и переселяется из одного места в другое, проходя пустыни и горы, обитая во мраке, находя среди полудня глубокую тьму и строя козни. Не таков праведник. *Путие же праведных подобне свету светятся* (Притч. IV, 18). Они не решаются ни строить козней, ни делать несправедливостей, и имеют спокойную душу. А порочные, постоянно строя козни, всегда пребывают во тьме и страхе, подобно ворам, разбойникам и прелюбодеям; они во время дня видят мрак, потому что душа их бывает одержима страхом. Каким же образом может быть рассеян этот мрак? Если,

отставши от всего этого, ты утвердишься в надежде на Бога, хотя бы ты был величайшим грешником. *Воззрите*, говорит Премудрый, *на древния роды, и видите, кто верова Господеви, и постыдеся* (Сир. II, 10)? Не сказал: *праведник*, но: *кто*. Хотя бы, говорит, это был грешник. То и удивительно, что и грешники, держась этого якоря, делаются непобедимыми для всех; таково особенное свойство преданности Богу, что и отягченный грехами ты найдешь ободрение в Его человеколюбии, потому что, как *проклят человек, иже надеется на человека*, так блажен, *иже надеется на Господа* (Иер. XVII, 5, 7). Итак, оставив все другое, держись этого якоря. Бог видит все и судит праведно, и не только судит, но и приводит в исполнение суд свой. Поэтому пророк, сказав о праведности Его, изображает и наказание огнем и бурным духом. Он делает это потому, что печется о грешниках и желает наказанием побудить их к исправлению. Будем же, по всем этим причинам, прибегать к Нему и постоянно обращать к Нему свои взоры. Таким образом мы достигнем всех благ о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 11

В конец о осмей. Другой переводчик (Акила) говорит: победителю о восьмой. В еврейском сказано: асеминиф

Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих. Другой (Акила): потому что сократились верные от сынов человеческих (ст. 1—2)

1. Добродетель и сама по себе трудна и неудобоисполнима, но особенно тогда, когда исполняющий ее находится среди малого числа людей добрых. Как путе-

шествие бывает трудно особенно тогда, когда путешественник один и не имеет никого своим спутником, так точно и здесь. Действительно, немаловажное дело – участие и утешение братьев. Потому и Павел говорит: разумевая *друг друга в поощрении любве и добрых дел* (Евр. X, 24). Потому и древних праведников особенно нужно ублажать не только за то, что они совершали добродетели, но и за то, что совершали их при великом оскудении добродетелей, когда нигде не видно было добродетельных. Это выражает и Писание, когда говорит: *Ное (человек) праведен, совершен в роде своем* (Быт. VI, 9). Мы удивляемся Аврааму, Лоту, Моисею потому, что они были как бы звездами среди глубокой ночи, розами среди терний, овцами среди множества волков, шли по пути, противоположному всем, и не останавливались. Если в толпе это бывает трудно, и когда многие идут в противоположную сторону, то один, идущий вопреки толпе, встречает многочисленные затруднения; если во время мореплавания, когда волны несутся в противоположную сторону, бывает трудно направлять корабль им навстречу, – то тем более в добродетелях. Вот почему и этот праведник, шедший по пути добродетели, тогда как все другие шли по противоположному пути, прибегает к промышлению Божию и говорит: *спаси мя, Господи.* Он выражает не что иное, как следующее: мне нужна высшая десница, небесная помощь, божественное содействие, потому что, идя по пути, противоположному всем, я имею нужду в великом промышлении. Не сказал: спаси меня, потому что нет преподобного, но: *яко оскуде преподобный,* выражая, что и те, которые были, погибли, так как стало господствовать зло, усилилась болезнь. От этого предостерегает и Павел: *не весте ли,* говорит, *яко мал квас все смешение квасит* (1 Кор. V, 6)? И еще: *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. XV, 33). Что значит: *умалишася истины?* Есть много истин. Как меж-

ду цветами и другими предметами одни суть истинные, а другие ложные, например, есть пурпур настоящий и пурпур поддельный, также и в шафране, и в драгоценных камнях, и в ароматах и других подобных вещах, – так точно и в добродетелях. Истина есть то, что действительно. Итак, истины извратились и помрачились, не в том смысле, будто они повредились в самом существе своем, но в том, что отвергнуты людьми; поэтому он не только сказал: *умалишася истины*, но, желая выразить именно это, присовокупил: *от сынов человеческих*. Смотри: есть украшение истинное, есть и ложное. Какое украшение истинное? Духовное. Какое ложное? Телесное. Есть богатство истинное, есть и ложное. Ложное состоит в имуществе, а истинное – в добрых делах. Есть и радость ложная и истинная, также и красота, и власть, и слава. Но многие из людей, оставив истинное, гоняются за ложным. Как сам человек бывает истинным и ложным, – истинный тот, который живет и действует, а ложный тот, который изображен на картине, – так точно бывает и с добродетелями.

2. *Суетная глагола кийждо ко искреннему своему: устне льстивыя в сердца и в сердце глаголаша злая* (ст. 3). Другой переводчик (Симмах) говорит: *в сердце ином и ином глаголет*. Пророк говорит о двух родах зла: о том, что они говорили суетное, и о том, что говорили ближнему, а под суетным разумеет или ложное, или излишнее и бесполезное. То же выражает и Павел, когда говорит: *не лжите друг на друга* (Кол. III, 9). И особенно тяжело то, что все развратились. Он не сказал: такой-то и такой-то, но: *кийждо*. Зло не было только снаружи, но и внутри, в сердце: *в сердце, и сердце*, или, как другой переводчик говорит: *в сердце ином и ином*, внушая, что в сердце их – великая двуличность. Это хуже всяких врагов. Есть враги явные и открытые, которых легко можно остеречься, и есть враги, снаружи представляющие одно, а

сами в себе содержащие другое, которых трудно уловить тем, на кого они нападают, и которые гораздо опаснее людей, носящих скрытно при себе мечи. *Потребит Господь вся устны льстивыя, язык велеречивый, рекшия: язык наш возвеличим* (ст. 4, 5). Другой (неизвестный) переводчик говорит: будем *владычествовать. Устны наша при нас суть.* Другой (Акила): *с нами суть. Кто нам Господь есть?* Другой (неизвестный переводчик): *кто будет господствовать над нами?* Видишь ли, как пророк печется и об них? Не против них сказано это, а за них. Он не сказал, что они погибнут, но что зло истребится; не сказал: потребит Господь их, но: *устны льстивыя.*

3. Здесь опять он желает, чтобы истреблено было не существо их, но язык, гордость, коварство, чтобы уничтожено было их высокомерие; и, смеясь над их безумием, говорит: *устны наша при нас суть, кто нам Господь есть?* Слова, свойственные беснующимся и сумасшедшим! Потому и Павел, говоря вопреки им, внушает: *несте свои, куплены, есте ценою* (1 Кор. VI, 19, 20), и повелевает жить не для себя самих (см.: Рим. XVI, 7). Эти уста, говорит, принадлежат не тебе, но Господу: Он сотворил их, Он устроил их, Он вдохнул в них жизнь. Но ты владеешь ими? Не все то наше, чем мы владеем: так мы владеем деньгами, которые другие поручили нам; владеем землей, которую другие по найму предоставили нам. Так и уста Бог дал тебе не для того, чтобы ты производил терние, но чтобы бросал полезные семена, чтобы распространял через них не тщеславие и коварство, но смиренномудрие, благословение и любовь. И глаза Он дал тебе не для того, чтобы ты сладострастно смотрел ими, но чтобы украшал их целомудрием; и руки дал не для того, чтобы ты наносил удары, но чтобы подавал милостыню. Как же ты говоришь: *устны наша при нас суть*, когда ты делаешь их орудиями греха, прелюбодеяния, нечистоты? *Кто нам Господь есть?* О, диавольское слово, о, бесовская душа! Не видишь ли ты,

человек, как вся тварь возвещает силу, премудрость, попечение и промышление твоего Владыки, как твое тело, душа, жизнь, видимое, невидимое, и почти все возглашает и проповедует могущество Создателя, — и ты говоришь: *кто нам Господь есть?* Это — слова безумия, исступления, душевного развращения; отсюда — бесчисленное множество зол. Такие люди говорят: *кто нам Господь есть*; а другие, хотя исповедуют Господа, но отвергают учение о суде и наказании, приобретают себе за краткое удовольствие великие мучения, и, желая успокоить себя забвением о геенне, незаметно через такое бесстрашие ввергают себя в бездну погибели. Поэтому увещеваю тебя помнить о геенне и беседовать о ней, и таким благоприличным образом украшать свою душу, потому что много бывает пользы от такой беседы. Не напрасно Бог угрожает нам геенной, и через это делает ее несомненной, но чтобы страхом сделать нас лучшими. Потому и диавол старается и употребляет все меры, чтобы истребить память о геенне. Итак, не забывай о ней, не говори: для чего мне огорчать себя безвременно? Разве это огорчение безвременно? Оно будет безвременным тогда, когда ты будешь мучиться в геенне; здесь время сокрушения, а не там. Это доказывает богач, живший при Лазаре, которому бесчисленные страдания не принесли никакой пользы. А если бы он сокрушался благовременно, то не потерпел бы того, что потерпел. *Страсти ради нищих и воздыхания убогих ныне воскресну, глаголет Господь: положуся во спасение, не обинюся о нем* (ст. 6). Другой переводчик (Симмах) говорит: *устрою явное спасение.*

Посмотри, какова сила смиренномудрия. Сила нищих, — а под нищими я разумею сокрушенных сердцем, — есть заступление Божие за их страдание. Пророк не говорит здесь о жизни их, о добродетелях, но страдания их, говорит, преклоняют Бога и побуждают к наказанию и отмщению. Вот что значит — мужественно переносить обиды; вот как Бог печется о несправедли-

во обижаемых! Несчастье и страдание служат для них величайшей защитой. Велика сила воздыхания: она призывает высшую помощь. Страшитесь — вы, которые обижаете бедных. Вы имеете власть, богатство, деньги, благосклонность судей; но они имеют оружие, которое сильнее всего, — воздыхания, слезы и терпение обид, чем и привлекают себе помощь небесную. Это оружие разрушало дома, ниспровергало основания, уничтожало города, потопляло целые народы: я разумею воздыхания несправедливо обижаемых. Сам Бог презирает на их благодушие, когда они, испытывая страдания, не произносят ни одного худого слова, но только воздыхают и оплакивают собственные бедствия. Что значит: *положуся во спасение, не обинюся о нем?* Смело, открыто и явно, говорит, буду защищать их, так чтобы узнали все. Но разве Он когда-нибудь спасает не явно? Иногда и не явно, а тайно, потому что Он не нуждается в славе человеческой. Теперь же, когда враги, очевидно, нападали на них, оскорбляли и бесчестили их, как бы не имеющих Бога своим помощником, дабы и сами враги вразумились и сделались лучшими, на опыте узнав помощь Господа, я устрою, говорит, спасение их явно. *Словеса Господня, словеса чиста, сребро разжжено, искушено земли* (ст. 7). Какая последовательность между этими словами и вышесказанными? Великая и непосредственная. Не думайте, говорит, что это сказано напрасно, что эта угроза тщетна: слова Его чисты, чужды лжи. Как расплавленное серебро не имеет ничего чуждого и нечистого, так и слова Бога, какие бы Он ни сказал, должны непременно исполниться. Потому и говорит: *сребро разжжено, искушено земли.* Другой переводчик (Акила) говорит: *разжженое, идущее по земле.* А в еврейском, вместо *искушено земли,* сказано: *ваалил лаарес,* то есть расплавленное, текущее в земле. *Очищено седмерицею* (ст. 7).

4. Видишь ли, как пророк образом вещества выражает неложность, истинность Божию? Как серебро

расплавленное, разжженное и подвергавшееся этому неоднократно, бывает свободно от всякого постороннего вещества после тщательного очищения, — так и изречение божественное. *Ты, Господи, сохраниши ны и соблюдеши ны от рода сего и во век* (ст. 8). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *сохранишь их.* Третий (Акила и Феодотион): *сохранишь это и соблюдешь нас от рода сего и во век.* Четвертый (неизвестный переводчик): *вместе с родом вечным. Окрест нечестивии ходят* (ст. 9). Другой (Акила, Симмах, Феодотион): *будут ходить.* Третий (неизвестный переводчик): *вокруг нечестивых будут ходить. По высоте твоей умножил еси сыны человеческия.* Другой (Симмах): *когда возвысятся низкие из сынов человеческих.* Третий (Акила): *по высоте сделавшись малоценными для сынов человеческих.* В еврейском: *харм золло левни адам. Ты Господи сохраниши ны и соблюдеши ны.* Смотри, как он часто, или — лучше — постоянно прибегает к Богу, и от Него ищет помощи, потому что эта помощь всесильна и не ограничивается никаким временем. Мы, говорит, не имеем нужды ни в чем человеческом; Ты сохраняешь нас непрестанно. Что значит: *окрест нечестивии ходят!* По переводу семидесяти (толковников) нужно разуметь так: хотя бы нечестивые окружили нас, мы ничего не потерпим, потому что Ты сохраняешь нас, возвышаешь и делаешь славными. По другому переводу нужно разуметь так: нечестивые удалятся, когда Ты возвысишь уничиженных сынов человеческих; то есть когда нас, почитаемых презренными и низкими, Ты прославишь, удалишь их и отгонишь. Что значит: *по высоте твоей?* Иначе сказать: Ты сделал подобными Тебе, сколько возможно для человека быть подобным Тебе. *Сотворим человека,* сказал Господь, *по образу нашему и по подобию* (Быт. I, 26). Что Он на небе, то мы на земле; и как на небе нет никого выше Его, так на земле нет существа, подобного человеку по достоинству. *Да будете подобны Отцу вашему, иже есть на небесех* (Мф. V, 45, 48). Даже

имя Свое Он сообщил нам: *Аз рех: бози есте и сынове Вышняго вси* (Пс. LXXXI, 6); и еще: *дах тя бога фараону* (Исх. VII, 1). Он сделал человека даже создателем телесного и бестелесного. Так, Моисей претворил одну стихию, а другие — другие стихии; нам же Он повелел созидать самих себя в храм Ему. Хотя ты не созидаешь неба, но созидаешь храм Богу. И самое небо славно потому, что в нем обитает Бог; тем более мы — через Христа; с *Ним воскреси*, говорит апостол, *и спосади нас одесную на небесных* (Еф. II, 6). Он дал нам власть творить больше, нежели Он Сам творил: знамения, говорит он, *яже Аз творю, и той сотворит и болша сих сотворит* (Ин. XIV, 12). И в Ветхом Завете один изменил течение моря (см.: Исх. XIV, 21), другой удержал солнце и повелел остановиться луне (см.: Нав. X, 13), третий возвратил назад солнечные лучи (см.: 4 Цар. XX, 11); отроки в печи удержали силу огненной стихии и неистовый пламень бездействовал и стонал, как связанный (см.: Дан. III, 23); и звери умели почитать друзей Божиих, и, несмотря на мучивший их голод, оставались благоразумными (см.: Дан. VI, 22). Да постыдятся чревоугодники такого воздержания зверей! Львы увидели Даниила и сделались благоразумными; а мы, видя Сына Божия грядущим к нам, не делаемся благоразумными. Они решились лучше умереть с голоду, нежели коснуться тела святого; а мы, видя Христа обнаженным и изнемогающим от голода, не уделяем даже от избытков своих, но, живя в изобилии, презираем святых. Другому другу Божию земля произрастила из собственных недр свои дары с таким плодородием, с каким прежде не произращала никогда (см.: Иов. XLII, 10). И удивительно ли, что они сами были почитаемы, когда их одежды и тени были страшны для бесов, смерти и болезни (см.: Деян. V, 15; XIX, 12)? Даже ангелы уважали таких людей и оказывали им особенную честь (см.: Быт. XVIII, 5; XIX, 3). И как могли они не уважать

тех, кому оказывал честь Сам Господь? Это было и в Ветхом, и в Новом Завете. Потому пророк и говорит: *по высоте твоей умножил еси сыны человеческия.* Итак, представляя величие этой чести, будем воздавать Ему за нее достойным образом, чтобы преимущество чести не служило для нас поводом к наказанию, которого да избавимся все мы, как учащие этому, так и учащиеся, о Христе Иисусе Господе нашем, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 12

В конец, псалом Давиду. Другой переводчик (Симмах) говорит: победная песнь Давида. Третий (Феодотион): на победу

Доколе, Господи, забудиши мя до конца? Другой (Симмах): забываешь меня совершенно. Доколе отвращаеши лице твое от мене? Другой (Акила, Симмах и Феодотион): скрываешь

Доколе положу советы в души моей? Другой (неизвестный переводчик): устрою мысли. Болезни в сердце моем день и ночь? Другой (Симмах): заботу в помышлении моем ежедневно (ст. 1—3)

1. Немалое благо и в том, чтобы чувствовать забвение от Бога. Под забвением же разумей не состояние страстное, но оставление. Многие, подвергшись забвению от Бога, даже не сознают этого и не скорбят; а блаженный Давид не только сознавал это, но исчислял и время забвения, потому что выражение *доколе* означает продолжительность времени. Потому он и скорбит, и плачет. Смотри, как он никогда не скорбит ни о чем житейском, ни о богатстве, ни о славе, но всегда о благоволении Божием. Почему же, скажешь, он знал, что Бог забыл его? Потому, что он знал и то, когда Бог

помнил о нем, и ясно понимал, в чем состоит это забвение, и в чем это памятование, — не так, как многие из людей, которые, когда богатеют, когда прославляются людьми, когда все у них идет успешно, когда одерживают победы над врагами, тогда и думают, что Бог помнит о них; потому они и не знают, когда Он забывает их. Не зная знамений памятования Его, они не знают и знамений забвения Его; не разумея знаков любви Его, не разумеют и знаков неблаговоления Его. Многих из людей, имеющих земные блага, Бог забывает, и даже особенно их, напротив, о не имеющих часто памятует. Памятование о нас Божие происходит не от чего иного, как от добрых дел, внимательности, бодрствования, упражнения в добродетели; равно и забвение не от чего иного, как от грехов, корыстолюбия, хищения. Поэтому и ты, возлюбленный, когда находишься в несчастье, не говори: Бог забыл меня; напротив, — когда ты находишься во грехах и когда все идет у тебя успешно. Если ты будешь сознавать это, то скоро отстанешь от порочных дел. *Доколе отвращаеши лице твое от мене?* Это — высшая степень забвения. Подобиями человеческими пророк изображает действия Божии, и гнев Его и наказание. А Бог отвращает лицо Свое тогда, когда мы поступаем недостойно заповедей Его. *Егда простреете*, говорит Он, *руки ваша, отвращу очи мои от вас;* потом приводит и причину: *руки бо ваша исполнены крове* (Ис. I, 15). Впрочем, это оставление и отвращение лица есть также действие великого попечения Божия о нас. Он делает это для того, чтобы сильнее привлечь нас к Себе. Так и человек, зараженный страстной любовью, видя невнимание к себе любимого предмета, оставляет его и удаляется, не потому, чтобы изгладить его из души своей, но желая обратить и привязать его к себе. Сказав об отвращении лица и забвении, пророк говорит и о том, что с ним произошло от этого. Что же именно? То, о чем он говорит далее: *доколе положу советы в души*

моей? Как вышедший из пристани блуждает везде, и как лишившийся света часто спотыкается, так и подвергшийся забвению от Бога постоянно предается заботам, беспокойствам и скорбям. Впрочем, эти самые заботы, беспокойства, сокрушение, скорбь, собеседование об отвращении Божием, не мало способствуют к тому, чтобы Он опять обратился к нам. Так и Павел говорит о себе в послании к Коринфянам: *кто есть веселяй мя, точию приемляй скорбь от мене* (2 Кор. II, 2)? Не малая, возлюбленный, польза от того, чтобы чувствовать отвращение Божие, скорбеть и сетовать, потому что таким образом мы скоро опять обратим Его к себе. *Доколе вознесется враг мой на мя; призри, услыши мя, Господи Боже мой, просвети очи мои, да не когда усну в смерть* (ст. 4). Как тогда, когда Бог покровительствует нам и находится с нами, исчезает всякая скорбь, так тогда, когда Он отступает от нас и забывает нас, душа наша терзается, сердце скорбит, люди огорчают нас, и везде для нас утесы и стремнины. Но все это попускается с полезной целью – чтобы люди беспечные, страдая от этого, тщательнее старались возвратиться туда, откуда ниспали. *Накажет тя*, говорит пророк, *отступление твое, и злоба твоя обличит тя* (Иер. II, 19). Таким образом и оставление Божие есть вид промышления Его. Когда Он, промышляя и имея о нас попечение, не видит надлежащего к Себе внимания, тогда на некоторое время отступает и удаляется, чтобы нерадивые, оставив нерадение, сделались ревностнейшими. *Призри*, говорит пророк, посмотри на врага, возносящегося надо мною; и если не по моему уничижению, то по его надменности и гордости *услыши мя.* Чего просишь ты? Победы над врагами? Нет, говорит, но того, чтобы просветились очи сердца моего, чтобы рассеялся мрак, объявший мыслительную часть души моей, помрачивший мое мысленное око. Вот чего прошу я: *просвети очи мои. Да не когда речет враг мой*, видя меня погруженным в греховную смерть: *укрепихся на него*

(ст. 5), я преодолел его, и чего желал, того достиг. Что значит: *укрепихся на него?* Хотя он не силен вообще, но силен стал против меня. Наше поражение придает ему силу, показывает его сильным, крепким и непобедимым.

2. Видишь: когда мы грешим, не только самих себя срамим, губим, подвергаем смерти, но и своих врагов, которые поражают нас, являем сильными и могущественными, а кроме того, еще доставляем им радость и веселье. О, какое безумие, какая слепота — врагам своим содействовать против себя самих, оскорбляющим и огорчающим душу нашу доставлять радость и веселье! Смотри, сколько безрассудств: вместо того, чтобы побеждать врага, — *оскудеша оружия его в конец, и погибе нечестивый* (Пс. IX, 7, 6), — вместо того, чтобы одерживать победы, мы сами терпим поражение; и не только это, но и являем его сильным и могущественным; и даже на этом не останавливается наше безумие, наша крайняя болезнь, но еще доставляем ему радость и веселье. Подлинно, грех есть крайнее сумасбродство и крайнее зло. *Стужающии ми возрадуются, аще подвижуся* (ст. 6). Три причины приводит пророк, умоляя Господа, чтобы Он призрел на него, обратил к нему лицо Свое и услышал молитву его: могущество и силу врагов, и еще прежде этого их высокомерие и надменность, и в-третьих, их радость и веселье. Он как бы так говорит: если не по моему прошению и не по моему уничижению обрати ко мне лицо Твое, Господи, то по надменности врагов; они надмеваются своей силой, радуются моим бедствиям, смеются над моим падением. *Услыши мя, просвети очи мои:* отгони глубокий сон от меня при грехах моих, уснув которым я скоро подвергся бы душевной смерти. Если тогда, как я только лишь поколеблюсь с твердыни твоей, они радуются, восхищаются, считают это своей силой, превозносятся и делаются невыносимыми, то чего не сделают они, когда я буду доведен до смерти?

Видишь, как пророк почитает величайшим вредом, не меньшим, чем наказание и мучение, то, чтобы радовался общий враг, чтобы он казался сильным и считался высоким. Если бы он не почитал этого зла величайшим и невыносимым, то не представлял бы его для умилостивления Бога и для получения Его благоволения. Так будем поступать и мы; будем смотреть и стараться, чтобы нам не возвысить врага, не сделать его сильным, не доставить ему веселья, а напротив, чтобы он оказался низким, ничтожным, слабым, прискорбным и безотрадным. А все это исполнится тогда, когда он увидит грешников совершающими дела добрые. *Аз же на милость твою уповах* (ст. 7). За какие добрые дела свои ты просишь себе такой милости, чтобы Он опять призрел на тебя, услышал молитву твою, просветил мысленные очи твои? За что тебе это? Пусть другие, говорит, представляют, если могут представить что-нибудь; а я одно знаю, одно говорю, в одном полагаю всю свою надежду, одно представляю: *милость твою,* человеколюбие Твое. *Аз же на милость твою уповах.* Видишь ли смиренномудрие пророка? Видишь ли признательность этого мужа? Хотя он имел множество достоинств и ими мог бы преклонить Бога, но он не говорит ни об одном из них, а прибегает единственно к милости Божией. Отсюда видно, что и тогда, когда он говорит о них, например, в словах: *аще сотворих сие, аще воздах,* и тому подобных (Пс. VII, 4, 5), говорит по совершенной необходимости сказать это; а когда ее нет, тогда он и не говорит ничего подобного, но вместо всякого основания просьбы указывает на милость и человеколюбие Божие. Затем, будучи уверен, что он не обманется в своей надежде, продолжает: *возрадуется сердце мое о спасении твоем.*

Видишь ли душу, исполненную надежды? Он просил и, прежде чем получил, уже благодарит, как получивший, поет Богу и совершает все предварительно. Отку-

да же в нем такая твердая надежда? От глубокой признательности, от великого усердия в молитве, — он знал, что Бог внемлет просящему таким образом, — от сильной горячности и живого чувства сердечного. Как те, которые просят лениво и небрежно, и получив просимое, едва чувствуют важность дара, — так те, которые возносят молитву с напряженным усердием и ревностью, еще прежде получения, от сильного и искреннего своего расположения, чувствуют важность дара, как получившие, — потому что божественная благодать наперед исполняет их радостью, — благодарят за это и бывают недалеки от самого получения. *Возрадуется сердце мое о спасении твоем.* Мою душу, говорит, радует то, чтобы получить спасение от Тебя; мою душу веселит то, что Ты — ее спасение.

3. Видишь ли радость с одной стороны, и радость с другой стороны, — радость врагов о падении (ближнего), и радость души о собственном спасении? Первая свойственна нечестивому, а последняя — спасаемым; первая служит к погибели как того, кто кажется радующимся, так и того, о чем он радуется; а последняя — ко спасению и оживлению радующегося. Этой последней радостью и весельем будем и мы радоваться и веселиться, а первой будем избегать и отвращаться. *Воспою Господеви, благодеявшему мне, и пою имени Господа вышняго.* В память этого благодеяния я вознесу, говорит, песнь Господу, Который облагодетельствовал меня, смирил врага, постыдил его, обнаружил слабость его, услышал молитву мою, обратил ко мне лицо Свое, рассеяв туман и тьму, среди которых я стремился к смерти. Радуясь спасению, я как бы поставляю несокрушимый памятник, когда возношу эту песнь об оказанных мне благодеяниях, не теперь только воспеваю ее и содержу в памяти благодеяния, но и в последующее время буду воспевать и прославлять имя Господа, не-

изгладимо нося в душе своей великие Его благодеяния. Такая душа, подвергшись бедствиям, не только легко избавляется от них, но и делается более осмотрительной, чтобы опять не подвергнуться подобным бедствиям. В самом деле, если она всегда содержит в памяти благодеяние, то очевидно, что помнит и бедствия, от которых избавилась, получив благодеяние. Помня бедствия, она внимательно размышляет и о том, от чего они случились с ней и по какой причине она подверглась такому злу; а размышляя об этом, она со всех сторон ограждает себя, чтобы опять не впасть в подобные несчастья; и таким образом, благоустраивая и направляя свою жизнь, она воздает великую благодарность своему Избавителю; нашедши в Нем Избавителя, она желает и в будущем иметь Его всегда своим Хранителем. Будем и мы подражать такой душе; и если впадем в какой-нибудь грех, тотчас восстанем и сделаем для себя падение поводом к большей безопасности и побуждением к тому, чтобы после не грешить. Как же тебе сделать это? У тебя есть учитель – Давид. Ты согрешил? Не засыпай во грехе, но восстань; тотчас представь, что Бог отвратил от тебя лицо Свое, что Он забыл тебя; потом плачь, воздыхай, омывай каждую ночь ложе твое слезами, уходи от делающих беззаконие. Таковы наставления Давида. Скажи вместе с ним: *доколе, Господи, забудеши мя до конца; доколю отвращаеши лице Твое от мене?* Скажи не языком, но прежде того – сердцем; произноси и другие моления Давида. Когда выскажешь все, то надейся на милость Божию, надейся и не сомневайся. *Сомневающийся бо*, говорит апостол, *уподобися волнению морскому, ветру возметаему и развеваему: да не мнит бо таковый, яко приимет что от Бога: ибо муж двоедушен, неустроен во всех путех своих* (Иак. I, 6–8). Поэтому надейся на милость Его, нисколько не сомневаясь, и ты непременно получишь просимое, а получив, не будь неблагодар-

ным и непризнательным к Благодетелю, но устрой памятник благодеяния Его, вознеси благодарственную песнь Господу. Если ты не можешь устроить этого сам, то пригласи бедных, воспользуйся их устами и употреби их вместо себя. Будь уверен, что для Господа приятнее Давидовой песни будет та, которую они воспоют за тебя. Как многострунное музыкальное орудие производит более приятные звуки, нежели одноструннное, так и песнь многих бедных будет приятна и любезна Богу, Который внемлет гласу бедных. Поставь такой памятник и себе и Богу: Ему — в память благодеяния, а себе — в знак благодарности и признательности, в знак постоянного памятования, которое содержа всегда в сердце своем, благоустраивай таким образом жизнь свою, — или лучше, будем благоустраивать ее, чтобы сделаться достойными наследовать и тамошние блага, о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 41

Имже образом желает елень на источники водныя (ст. 2). И о том, для чего псалом, будучи введен в жизнь, произносится с пением. И о долготерпении Божием.

1. Недавно, когда я беседовал о Мелхиседеке*, вы удивлялись продолжительности моей речи, а я удивлялся вашему усердию к слушанию и благоразумию, по которому вы, несмотря на продолжительность речи, до конца следовали за мною, хотя речь моя не только была длинна, но и содержала в себе много трудного. Между тем ни обширность, ни трудность ее не ослабили вашего усердия. Теперь же я постараюсь

---

* 7-я беседа *против иудеев*, сказанная в Антиохии, в сентябре 387 года по Рождеству Христову.

вознаградить вас за тот труд, предложив вам беседу более ясную. Не нужно держать всегда в напряжении душу слушателей, потому что она скоро изнемогает; не нужно и давать ей всегда послабление и покой, потому что от этого она становится недеятельной. Нужно разнообразить поучения и касаться предметов то более общепонятных, то более трудных. Тогда я говорил, что пастухи, при нападении волков на стадо, оставляют свирель и берутся за пращу; а теперь, когда прошли праздники иудеев, которые хуже всяких волков, мы оставим пращу и возьмемся опять за свирель, перестанем говорить о предметах трудных и обратимся к другим более ясным, возьмем псалтирь Давидову и займемся тем припевом, который все мы пели сегодня. Какой же этот припев? *Имже образом желает еленъ на источники водныя: сице желает душа моя к тебе, Боже.*

Но наперед нужно сказать, для чего псалмопение введено в нашу жизнь и почему сами пророчества преимущественно произносятся с пением. Для чего употребляется пение? Послушай. Бог, видя, что многие из людей нерадивы, тяготятся чтением духовных Писаний и неохотно принимают на себя этот труд, и желая сделать этот труд вожделенным и уничтожить чувство утомления, соединил с пророчествами мелодию, чтобы все, услаждаясь стройностью напева, с великим усердием возносили Ему священные песнопения. В самом деле ничто, ничто так не возвышает и не окрыляет душу, не отрешает ее от земли, не избавляет от уз тела, не располагает любомудрствовать и презирать все житейское, как согласное пение и стройно составленная божественная песнь. Природа наша так услаждается песнями и стройными напевами и имеет к ним склонность, что и грудные дети, когда плачут и бывают неспокойны, усыпляются ими. Кормилицы, нося их на руках и ходя взад и вперед, напевают им какие-нибудь детские

песни и тем погружают в сон глаза их. Часто и путешественники, в жаркий полдень погоняя вьючных животных, продолжают путь с пением, и этими песнями облегчают тягость путешествия. И не только путешественники, но и земледельцы, выжимая виноградный сок, собирая или очищая виноград, или делая что-нибудь другое, часто также поют. И мореплаватели, работая веслами, делают то же. Даже и женщины, когда прядут и спутавшуюся пряжу расправляют гребнем, иногда каждая порознь, а иногда все вместе поют какую-нибудь песню. Все же, и женщины, и путешественники, и земледельцы, и мореплаватели, делают это для того, чтобы пением облегчить трудность работы, так как душа, при звуках стройной песни, легче может переносить скуку и труд. Поэтому, так как душа наша имеет склонность к этому роду наслаждения, то дабы злые духи введением развратных песен не испортили всего, Бог для ограждения от них установил псалмы, от которых бывает и удовольствие, и вместе польза. От мирских песен может произойти вред, погибель и много других зол, потому что все то, что есть в них дурного и безнравственного, проникая в душу, расслабляет ее и развращает. Напротив, духовные песни доставляют великую пользу, великое назидание, великое освящение и служат руководством ко всякому любомудрию, потому что и слова их очищают душу, и Дух Святой скоро нисходит в душу, поющую эти песни. А что действительно поющие их с разумением призывают на себя благодать Духа, о том, послушай, как говорит Павел: *не упивайтеся вином, в немже есть блуд, но исполняйтеся Духом;* далее указывает и способ исполнения Духом: *воспевающе*, говорит, *и поюще в сердцах ваших Господеви* (Еф. V, 18, 19). Что значит: *в сердцах ваших?* Значит: с разумением, не так, чтобы уста произносили слова, а душа блуждала где-то по внешним предметам, но чтобы душа внимала тому, что произносит язык.

2. Как туда, где грязь, бегут свиньи, а где цветы и благоухания, там пребывают пчелы, так и туда, где развратные песни, собираются бесы, а где песни духовные, туда нисходит благодать Духа и освящает уста и душу. Говорю это не для того, чтобы вы только хвалили меня, но чтобы вы и детей и жен учили петь такие песни не только при занятии пряжей и при других работах, но особенно за трапезой. Так как диавол строит козни большей частью во время пиршеств, при помощи упоения, пресыщения, непристойного смеха и душевного расслабления, то особенно тогда, и перед трапезой и после трапезы, нужно защищать себя от него оградой псалмов и, вставши из-за стола, вместе с женой и детьми воспевать Богу священные песни. Если Павел, имея на себе нестерпимые раны, нося на ногах колоду и находясь в темнице, в полночь, когда все покоятся особенно сладким сном, вместе с Силою воспевал славословие Богу, и ни место, ни время, ни заботы, ни склонность ко сну, ни утомление от таких трудов и ничто другое не принудило его прекратить песнопение, — то тем более мы, наслаждаясь благоденствием и дарами Божиими, должны возносить Богу благодарственные песни, чтобы, если от упоения и пресыщения войдет в нашу душу что-нибудь нечистое, псалмопением прогнать все нечистые и порочные пожелания. И как многие из богатых, намочив губку бальзамом, вытирают ею столы, чтобы, если останется от кушанья какое-нибудь пятно, стереть его и сделать стол чистым, так точно будем поступать и мы, вместо бальзама наполняя уста духовной мелодией, чтобы, если от пресыщения произойдет в душе какая-нибудь нечистота, смыть ее этой мелодией, и встав все вместе будем восклицать: *возвеселил еси нас, Господи, в творении твоем, и в делех руку твоею возрадуемся* (Пс. XCI, 5). К псалмопению пусть присоединится и молитва, чтобы вместе с душой нам освятить

и самый дом. Подобно тому как те, которые приводят на пиршества шутов, плясунов и непотребных женщин, призывают туда бесов и диавола и наполняют свои дома множеством бесчинств, — потому что отсюда происходят ссоры, блуд, прелюбодеяние и множество зол, — так те, которые призывают к себе Давида с псалтирью, через него призывают к себе Христа. А где Христос, туда ни один бес никогда не осмелится не только войти, но и заглянуть, напротив, мир, любовь и все блага польются туда, как из источников. Те обращают дом свой в зрелище; а ты сделай свое жилище церковью. Подлинно, где псалом, молитва, ликование пророков и боголюбезное настроение духа поющих, — там собрание безошибочно можно назвать церковью. Даже, хотя бы ты не разумел силы слов, приучай по крайней мере уста произносить их. И язык освящается этими словами, когда они произносятся с усердием. Если мы приобретем себе такой навык, то уже ни по воле, ни по лености никогда не оставим этого прекрасного занятия, потому что навык будет побуждать нас даже помимо воли каждый день совершать это прекрасное служение. При таком песнопении, будет ли кто стар или молод, или с грубым голосом, или совершенно незнаком со стройностью пения, в том не будет никакой вины. Здесь требуется целомудренная душа, бодрый ум, сердце сокрушенное, помысел твердый, совесть чистая. Если с этими качествами ты вступишь в святой хор Божий, то можешь стать наряду с самим Давидом. Здесь не нужно ни псалтири, ни натянутых струн, ни смычка, ни искусства, и никаких орудий; но, если захочешь, можешь сделать самого себя псалтирью, умертвив члены плотские и настроив свое тело согласно с душой. Когда плоть не будет *похотствовать на духа* (Гал. V, 17), не будет повиноваться его велениям и приводить их в исполнение на этом прекрасном и дивном пути, тогда ты составишь духовную

мелодию. Здесь не требуется искусство, приобретаемое долговременным упражнением, а нужна только твердая решимость, и мы в самое короткое время приобретем опытность. Для этого не требуется ни особенное место, ни особенное время, но на всяком месте и во всякое время можно петь мысленно. Ходишь ли на торжище, находишься ли в путешествии, сидишь ли в обществе друзей, везде можно возбудить душу, можно взывать и молча. Так взывал Моисей, и Бог услышал. Ремесленник ли ты? Сидя в мастерской и занимаясь работой, ты можешь петь. Воин ли ты, или заседаешь в суде? Можешь делать то же самое.

3. Можно петь и без голоса, когда душа внутри издает звуки, потому что мы поем не для людей, но для Бога, Который может слышать сердца и проникать в сокровенную глубину нашей души. Об этом свидетельствует и Павел, когда говорит: *сам Дух ходатайствует о нас воздыхании неизлаголанными. Испытаяй же сердца весть, что есть мудрование Духа, яко по Богу ходатайствует о святых* (Рим. VIII, 26, 27). Так он говорит не в том смысле, будто Дух воздыхает, но в том, что духовные мужи, обладающие дарованиями Духа, молясь о ближних и вознося прошения, делают это со сокрушением сердца и с воздыханиями. То же будем делать и мы и каждый день станем обращаться к Богу с псалмопением и молитвами. Впрочем, чтобы нам не слова только произносить, но разуметь самую силу слов, изъясним начало псалма. Какое же это начало? *Имже образом желает елень на источники водныя: сице желает душа моя к тебе, Боже.* Таково свойство любящих — не скрывать любви в молчании, но обнаруживать ее перед ближними и говорить, что они любят. Любовь по свойству своему пламенна, и душа не может терпеть, чтобы хранить ее в молчании. Вот почему и Павел, воодушевленный любовью, говорил Коринфянам: *уста наша отверзошася к вам, Корин-*

фяне (2 Кор. VI, 11), то есть я не могу скрывать и держать в молчании любовь, но всегда и везде, и в душе и на языке, ношу вас. Так и блаженный пророк, питая любовь к Богу и пламенея этой любовью, не мог молчать, но иногда говорил: *имже образом желает елень на источники водныя: сице желает душа моя к тебе, Боже;* а иногда: *Боже, Боже мой, к тебе утреннюю, возжада тебе душа моя,* как земля непроходимая и безводная, и пустынная (Пс. LXII, 1, 2), – так сказал другой (неизвестный) переводчик. Не имея сил изобразить любовь словом, он везде ищет сравнения, чтобы хотя таким образом показать нам свою любовь и сделать нас участниками любви. Послушаем же его и научимся любить так же.

Пусть никто не говорит мне: как могу я любить Бога, Которого не вижу? И многих мы любим, не видя их, как, например: отсутствующих друзей, детей, родителей, родственников и домашних, и то, что мы не видим их, нисколько не служит препятствием, но это самое особенно и воспламеняет любовь, усиливает привязанность. Потому и Павел, говоря о Моисее, что он, оставив сокровища, богатство, царскую славу и все прочие почести египетские, решился лучше страдать с иудеями, и затем, показывая нам причину этого в том, что все это он делал для Бога, присовокупляет: *невидимаго бо яко видя терпяше* (Евр. XI, 27). Ты не видишь Бога, но видишь создание Его, видишь дела Его – небо, землю, море. А кто любит, тот, увидев произведение любимого, или обувь, или одежду, или что-нибудь другое, воспламеняется любовью. Ты не видишь Бога, но видишь Его служителей и друзей, то есть мужей святых и имеющих перед Ним дерзновение. Послужи же теперь им и будешь иметь не малое утешение для своей любви. И между людьми мы обыкновенно любим не только друзей своих, но и тех, кого они любят. Если кто из любимых нами скажет: я люблю такого-то, и всякое благодеяние, оказанное ему, считаю

оказанным мне самому, то мы делаем все и стараемся всячески угодить этому человеку, как будто видим в нем самого любимого. То же можно делать теперь и в отношении ко Христу. Он сказал: Я люблю бедных, и если они получат какое-нибудь благодеяние, Я воздам за то, как бы Сам получил его. Будем же делать все для облегчения их участи, или, лучше, истощим на них все свое имущество, веруя, что в лице их мы питаем Бога. А что действительно, питая их, мы питаем Самого Бога, об этом, послушай, что говорит Христос: *вы видели меня алчущим и напитали; жаждущим и напоили мя; нагим и одели* (Мф. XXV, 35–36); и много доставляет Он нам случаев к удовлетворению нашей любви.

Любовь обыкновенно возбуждают в нас следующие три предмета: или телесная красота, или великое благодеяние, или любовь к нам другого. Каждый из этих предметов, сам по себе, может воспламенить в нас любовь. Хотя бы мы от какого-нибудь человека не получали никакого благодеяния, но если слышим, что он постоянно любит нас, хвалит нас и удивляется нам, то и сами тотчас привязываемся к нему душой и любим его, как благодетеля. А в Боге не одно только это, но и все три совершенства можно видеть в такой высокой степени, что невозможно выразить их словом. И во-первых, красота этого блаженного и нетленного Существа неизъяснима, ни с чем несравненна, превосходнее всякого слова и выше всякого разумения. Впрочем, возлюбленный, когда ты слышишь о красоте, то не предполагай ничего телесного, но разумей некоторую славу бестелесную и великолепие невыразимое.

4. Изображая эту славу, пророк говорит: *и серафимы, стояху окрест его, и двема убо крылами покрываху* лицо, *двема же покрываху ноги, и двема летаху и взываху: свят, свят, свят* (Ис. VI, 2, 3), – от изумления, от удивления этой красоте, этой славе. И Давид, представляя эту самую

красоту и восхищаясь славой этого блаженного Существа, говорит: *препояши меч твой по бедре твоей, Сильне, красотою твоею и добротою твоею* (Пс. XLVI, 4, 5). Потому и Моисей часто выражал желание видеть Его, что был уязвлен любовью к Нему и любил эту славу. Потому и Филипп говорил: *покажи нам Отца, и довлеет нам* (Ин. XIV, 8). Впрочем, сколько бы мы ни говорили, мы не можем представить ни малейшего, ни даже самого слабого подобия Божественной красоты. Но ты желаешь, чтобы мы исчислили Его благодеяния? И их невозможно изобразить словом. Поэтому Павел говорил: *благодарение же Господу о неисповедимом его даре* (2 Кор. IX, 15), и еще: *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим его* (1 Кор. II, 9); и еще: *о, глубина богатства, и премудрости, и разума Божия! Яко неиспытани судове его и неизследовани путие его* (Рим. XI, 33). А любовь, которую Он показал нам, какое слово может изобразить? Удивляясь ей, Иоанн говорил: *тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына своего единороднаго дал есть* (Ин. III, 16). Если же ты хочешь слышать собственные слова Его и узнать Его любовь, то послушай, что говорил Он через пророка: *еда забудет жена еже помиловати изчадия чрева своего; аще же и забудет сих жена, но аз не забуду тебе* (Ис. XLIX, 15). И как псалмопевец говорит: *имже образом желает елень на источники водныя: сице желает душа моя к тебе, Боже,* — так и Христос говорил: *якоже собирает кокош птенцы своя, тако восхотех собрати чада ваши и не восхотесте* (Мф. XXIII, 37). И еще говорит пророк: *якоже щедрит отец сыны, тако ущедри Господь боящихся его;* и еще: *яко по высоте небесней от земли утвердил есть Господь милость свою на боящихся его* (Пс. CII, 13, 11). И как пророк ищет подобия для выражения своей любви, так и Бог употребляет некоторые подобия, чтобы выразить нам любовь, какую Он показывает в устроении нашего спасения. Пророк приводит в пример жаждущую лань и иссохшую землю,

а Бог — любовь птиц к своим птенцам, попечительность отцов, высоту неба от земли и сердоболие матерей, не потому, чтобы Он любил нас только так, как мать дитя, но потому, что, кроме этих образцов, подобий и примеров, у нас нет других сильнейших выражений любви. А что Он любит нас не только так, как нежная мать детей, а гораздо больше, выслушай слова Его: *аще и забудет жена изчадий своих, но аз не забуду тебе.* Этими словами Он выразил, что любовь Его к нам пламеннее всякой другой любви. Представь же себе все это вместе, и ты возбудишь в себе горячую любовь, возжжешь светлый пламень. Ведь и любовь к людям обыкновенно ничем так не воспламеняется в нас, как воспоминанием о благодеяниях, которые мы получили от них. Так будем поступать и в отношении к Богу.

Представим себе, сколько Он сделал для нас — самое небо, землю, море, воздух, земные растения, различные цветы, животных, пресмыкающихся, обитающих в море, в воздухе, звезды небесные, солнце, луну, вообще все видимое, молнии, порядок времен, преемство дня и ночи, перемены времен года. Он вдохнул в нас душу, одарил нас разумом, почтил величайшей властью; посылал ангелов, посылал пророков, наконец — Сына Своего Единородного. И затем Он продолжает призывать тебя ко спасению и Сам и через Единородного Сына. И Павел не перестает убеждать и говорить: *яко Богу молящу нами, молим по Христе, примиритися с Богом* (2 Кор. V, 20). Не ограничился Бог и этим, но взяв начаток от твоего естества, посадил Его *превыше всякаго началства, и власти, и силы, и всякаго имени, именуемаго не точию в веце сем, но и во грядущем* (Еф. I, 21). Поистине, теперь благовременно сказать: *кто возглаголет силы Господни, слышаны сотворит вся хвалы его* (Пс. CV, 2)? И еще: *что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми* (Пс. CV, 3)? Действительно, что может сравниться с такой честью,

когда начаток нашего рода, который столько оскорблял Бога и столько был унижен, сидит на такой высоте и обладает такой честью? И не только общие благодеяния исчисляй в уме своем, но и те, которые касаются собственно тебя, – например, как ты некогда подвергался клевете и избавился от обвинения, как некогда в бурную и темную ночь ты попал в руки разбойников и избежал их умыслов, как ты некогда был вознагражден после понесенного тобой убытка, как подвергся тяжкой болезни и получил облегчение.

5. Исчисляй все благодеяния Божии, оказанные тебе в течение всей твоей жизни, и, конечно, ты найдешь их много не только в целой жизни, но и в одном дне. И если бы Бог захотел представить нам все благодеяния, которые мы, не сознавая и не разумея, получаем от Него каждый день, то мы не могли бы и перечислить их. Сколько бесов носится в этом воздухе! Сколько противных нам сил! Если бы только Бог позволил им показать нам свои страшные и отвратительные лица, то не пришли ли бы мы в ужас, не погибли ли бы, не уничтожились ли бы? Размышляя о всем этом, равно и о грехах своих, которые мы совершаем сознательно или по неведению, – и то ведь не малое благодеяние, что Бог не каждый день наказывает нас за наши согрешения, – мы можем питать в себе любовь к Богу. В самом деле, когда ты подумаешь, сколько каждый день ты грешишь, сколько каждый день получаешь благодеяний, каким пользуешься долготерпением, какой снисходительностью, когда подумаешь, что, если бы Бог каждый день наказывал, ты не прожил бы и краткого времени, – по словам пророка: *аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит* (Пс. CXXIX, 3), – то воздашь Ему благодарность и не будешь роптать ни на что, случающееся с тобой; напротив, увидишь, что если бы ты потерпел бесчисленное множество зол, и тогда еще не понес бы

достойного наказания. При таком расположении духа ты воспламенишь в себе великую любовь и будешь в состоянии говорить вместе с пророком: *имже образом желает елень на источники водныя: сице желает душа моя к тебе, Боже.* Здесь уместно обратить внимание на то, почему пророк привел в пример это именно животное? Лань сильно чувствует жажду и потому часто прибегает к водным источникам; а это чувство жажды происходит в ней и от природы, и от того, что она пожирает змей и питается их мясом. Так же поступай и ты: поглощай умственного змея, умерщвляй грех, и ты возжаждешь любовью к Богу. Как порочная совесть делает нас нечистыми и ввергает в отчаяние, так тогда, когда мы умертвим свои грехи, очистим себя от пороков, мы будем в состоянии прозреть для духовной жажды, с великим усердием призывать Бога, воспламенить в себе сильнейшую любовь, и не словами только, но и самыми делами воспевать этот припев. Не для того воспел нам псалмы блаженный муж, или лучше — благодать Духа, чтобы мы произносили одни только слова, но чтобы осуществляли их самыми делами. Поэтому не думай, будто ты входишь сюда для того, чтобы только произносить слова; нет, когда ты подпеваешь этот припев, то почитай его договором между Богом и тобой. Когда ты произнес: *имже образом желает елень на источники водныя: сице желает душа моя к тебе, Боже,* ты заключил с Богом договор, написал обязательство без бумаги и чернил, громогласно исповедал, что ты любишь Его больше всего, что ты не предпочитаешь Ему ничего и горишь к Нему любовью. Итак, если ты по выходе отсюда увидишь какую-нибудь красивую и бесстыдную женщину, которая станет соблазнять тебя и привлекать к своей любви, то скажи ей: я не могу следовать за тобой; я заключил договор с Богом в присутствии братьев, священников, учителей, я исповедал и обещал через этот

припев любить Его так, *имже образом желает елень на источники водныя*; страшусь нарушить договор и к Нему одному питаю любовь. Если на торжище ты увидишь серебро, или золотые одежды, или людей, гордо выступающих в сопровождении слуг, на златосбруйных конях, то не обольщайся этим блеском, но опять припевай в самом себе и скажи душе своей: недавно мы пели: *имже образом желает елень на источники водныя: сице желает душа моя к тебе. Боже;* я приложил это изречение к себе и сделал его своим. Так, не будем любить эти житейские блага, чтобы любовь к Богу оставалась в нас чистой и не ослабевала от разделения. Это богатство может доставить нам всякое другое богатство, всякое сокровище, всякую почесть, всякую славу, всякую знаменитость. Будем же хранить его, и мы не станем нуждаться ни в чем другом. Если иные, предавшись постыдной любви и воспламенившись страстью к какой-нибудь красивой девице, часто, несмотря на угрозы родителей, на упреки друзей и насмешки посторонних людей, не оставляют ее, но из привязанности к ней пренебрегают и своим домом, и отцовским наследством, и славой, и добрым именем, и увещанием друзей, считая великим для себя вознаграждением за все это, когда бывают угодны своей любимице, хотя бы она была незнатна, бесчестна и какая бы ни была, то любящие Бога, как должно, могут ли когда-нибудь быть чувствительными к человеческим радостям или горестям? Нет, преданные этой любви даже не станут смотреть на блеск настоящей жизни, но будут смеяться над всяким благоденствием, презирать и всякое бедствие, привязавшись любовью к Богу, не видя ничего другого, кроме Его одного, представляя Его везде и считая себя блаженнее всех. Хотя бы они были в бедности, хотя бы в бесчестии, хотя бы в узах, хотя бы в скорбях, хотя бы в крайних бедствиях, они будут считать себя счастливее самих царей, находя некоторое дивное

услаждение среди всех своих страданий в том, что они терпят их для своего Возлюбленного.

6. Вот почему и Павел, находясь среди ежедневных смертных опасностей, в темницах, в кораблекрушениях, в пустынях, подвергаясь бичеваниям и другим бесчисленным наказаниям, радовался и веселился, ликовал и хвалился, и то говорил: *не точию упованием славы Божия, но и в скорбех хвалимся* (Рим. V, 3), то опять: *радуюся во страданиих, и исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей* (Кол. I, 24); и притом называл это благодатным даром, исповедуя и выражаясь так: *яко нам тако даровася от Христа не токмо еже в него веровати, но и еже по нем страдати* (Флп. I, 29). Постараемся и мы иметь такое же расположение духа и будем с радостью переносить все постигающие нас бедствия. А мы будем в состоянии переносить их, если возлюбим Бога, как любил пророк. Любовь его можно видеть не только из этого припева, но и из дальнейших его слов. Сказав: *имже образом желает елень на источники водныя: сице желает душа моя к тебе, Боже мой*, он продолжает: *возжада душа моя к Богу крепкому, живому: когда прииду и явлюся лицу Божию* (ст. 3)? Не сказал: полюбила душа моя Бога живого, или: возлюбила душа моя Бога живого, но чтобы выразить свое расположение, назвал любовь *жаждою*, показывая нам два качества своей любви, и пламенность ее и постоянство. Как жаждущие чувствуют жажду не один день, и не два, и не три дня, но во всю свою жизнь, потому что природа побуждает их к тому, так точно и этот блаженный муж и все святые не один только день были в чувстве сокрушения, как многие из людей, и не два или три дня, — такое сокрушение нисколько не удивительно, — а постоянно и каждый день продолжали благоговейно любить и усиливали свою любовь. Выражая это, он и говорит: *возжада душа моя к Богу крепкому, живому*. Здесь он хочет и объяснить причину своей

любви, и тебе показать, как должно любить Бога. Это он показал в следующих словах: *возжада душа моя к Богу*, присовокупив: *живому*. Он как бы так взывает и убеждает всех, привязанных к вещам житейским: для чего вы безумно обольщаетесь телами? Для чего жаждете славы? Для чего гоняетесь за удовольствиями? Ничто из всего этого не остается всегда и не живет постоянно, но все уходит и проходит, все – ничтожнее тени, обманчивее сновидений, увядает скорее весенних цветов; одно оставляет нас вместе с настоящей жизнью, а другое погибает еще раньше. Обладание этими вещами ненадежно, наслаждение непрочно, превращения быстры. Но в Боге нет ничего подобного. Он живет и пребывает вечно, не подвергаясь никакому ни изменению, ни превращению. Поэтому, оставив временное и скоротечное, возлюбим Вечного и Присносущего. Кто любит Его, тот не постыдится никогда, не потеряет и не лишится любимого. Кто любит богатство, тот при наступлении смерти или еще прежде смерти лишается предмета своей любви. То же бывает и с тем, кто любит временную славу. А красота телесная часто проходит гораздо скорее, нежели названные нами предметы. Вообще все житейское кратковременно и скоротечно и, лишь только начнется и появится, тотчас исчезает. Но любовь к предметам духовным совсем не такова: она живет и цветет постоянно, не знает старости, не доступна ветхости, не подвержена никакой перемене и превращению, и не страшится безвестности будущего. Кто стяжал ее, тем она и здесь приносит пользу и ограждает их со всех сторон, и по отшествии отсюда не оставляет их, но вместе с ними переходит туда и сопутствует им и явит их светлейшими самых звезд в тот будущий день. Это знал блаженный Давид и потому любил Бога непрестанно, и своей любви не мог скрывать внутри себя, но всяким образом старался перед

слушающими обнаружить тот огонь, который пылал внутри его. Сказав: *возжада душа моя к Богу крепкому, живому,* он присовокупляет: *когда прииду и явлюся лицу Божию?* Смотри, как он пламенеет. Смотри, как горит. Зная, что, по отшествии отсюда, узрит Бога, он тяготится замедлением, не терпит отсрочки, но обнаруживает нам здесь апостольское расположение духа. Так и апостол воздыхал о замедлении отшествия отсюда (см.: 2 Кор. V, 2). То же самое чувствовал и псалмопевец и потому говорил: *когда прииду и явлюся лицу Божию?* Если бы он был человеком простым и незнатным, жившим в уничижении и бедности, и презирал настоящую жизнь, то это было бы хотя великим делом, но не столь великим, как теперь, когда царь, наслаждающийся всеми удовольствиями, достигший столь великой славы, одержавший тысячи побед, победивший множество врагов, пользующийся славой и знаменитостью повсюду, смеется над всеми этими благами, над богатством, славой и всеми удовольствиями, и пламенно стремится к благам будущим. Это — свойственно духу возвышенному; это — знак души любомудрой и окрыленной небесной любовью.

7. Будем же и мы подражать ему и не станем удивляться благам настоящим, чтобы удивляться будущим, или лучше — станем удивляться будущим, чтобы не удивляться настоящим. Если мы будем непрестанно помышлять о тех благах и представлять себе царство небесное, бессмертие, жизнь бесконечную, ликование с ангелами, пребывание со Христом, славу непреходящую, жизнь, чуждую всякой скорби; если будем помнить, что и слезы, и поношения, и злословия, и смерть, и печали, и труды, и старость, и болезни, и немощи, и бедность, и клеветы, и вдовство, и грех, и осуждение, и наказание, и мучение, и вообще все, что только есть в настоящей жизни печального и неприятного, не имеет места в той жизни, а напротив того, там пребывают

мир, кротость, благость, любовь, радость, слава, честь, свет и прочие блага, которых и описать словом невозможно, то ничто настоящее не прельстит нас, но и мы будем в состоянии говорить подобно пророку: *когда прииду и явлюся лицу Божию?* А при таком расположении духа мы не впадем ни в гордость от житейского счастья, ни в уныние от несчастья, и ни зависть, ни тщеславие и ничто другое подобное не овладеет нами. Итак, будем приходить сюда не напрасно и петь припевы не без внимания, но брать их себе вместо жезлов и таким образом выходить отсюда. Каждый из этих стихов может внушить нам великое любомудрие, научить правой вере и принести величайшую пользу для жизни; если мы будем тщательно исследовать в них каждое слово, то приобретем великие блага. Поэтому не следует здесь ссылаться ни на бедность, ни на недосуг, ни на мешкотность. Хотя бы ты был беден и по бедности не имел Библии, или, и имея Библию, не имел свободного времени, помни только припевы из псалмов, которые поешь здесь не однажды, не дважды или трижды, но многократно, и ты, по выходе отсюда, получишь великое утешение. В самом деле, смотри, какое сокровище открыл нам настоящий припев. Пусть никто не говорит мне и того, что до истолкования он не знал силы его, и до истолкования этот припев удобопонятен для всякого слушающего и сколько-нибудь желающего понять. Если только ты приучишь себя говорить: *имже образом желает елень на источники водныя: сице желает душа моя к тебе, Боже: возжада душа моя к Богу крепкому, живому: когда прииду и явлюся лицу Божию,* – то и до истолкования можешь исполниться всякого любомудрия. И не этот только, но и каждый припев может доставить нам такое же богатство. Если, например, ты скажешь: *блажен муж бояйся Господа* (Пс. CXI, 1), и постараешься понять, что ты говоришь, то будешь соревновать не богатому, не

начальствующему, не красивому, не сильному, не дома великолепные имеющему, не властью облеченному, не пищу в царских чертогах вкушающему и не другому кому, а тому, кто живет в благочестии, в любомудрии, в страхе Божием; и будешь соревновать ему не только ради будущего его состояния, но и настоящего. Подлинно, такой человек и здесь могущественнее тех людей. Когда приключается болезнь, то и облеченный порфирой не получает никакого облегчения болезни ни от телохранителей, ни от всего великолепия, но, тогда как и домашние, и родные, и все окружают его, и на нем и под ним лежат золотые одежды, сам он лежит и горит как бы в пламени. А живущий благочестиво и боящийся Бога, хотя бы не было при нем ни отца, ни слуги, и никого другого, только обратит взоры свои к небу не многократно, но дважды или трижды, и угасит всякий пламень. То же можно видеть и во время несчастий и всех неожиданных обстоятельств: люди богатые и знаменитые приходят в смущение, а живущие в благочестии и любомудрии переносят все бестрепетно. Но еще прежде всего этого, хотя бы и не случилось никакого бедствия, совесть человека богобоязненного наслаждается удовольствием более высоким и чистым, нежели душа богатого. Этот и среди внешних наслаждений чувствует себя тяжелее всех томимых голодом, припоминая себе свои беззакония и проводя жизнь с нечистой совестью, а тот, не имея даже необходимой пищи, бывает благодушнее изобилующих всякими удовольствиями, питаясь благими надеждами и каждый день ожидая себе воздаяния за свои добрые дела. Впрочем, чтобы обширностью беседы не утомить вас, я предоставляю усерднейшим разбирать каждый припев и исследовать заключающийся в нем смысл, и оканчиваю здесь свою речь, предлагая любви вашей такой совет: приходите сюда не напрасно, а принимайте и храните эти припе-

вы, как драгоценности, непрестанно размышляйте о них дома и пересказывайте все это друзьям и женам своим. Постигнет ли вас какое-нибудь страдание, или возбудится похоть, или гнев, или другая какая безумная страсть, припевайте их непрестанно, дабы нам и в настоящей жизни наслаждаться великим миром, и в будущей жизни сподобиться вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 43

Победителю сынов Кореовых

Боже наш, ушима нашима услышахом, отцы наши возвестиша нам дело, еже соделал еси во днех их, во днех древних. Другой переводчик (неизвестный) говорит: во дни бывшие прежде. Третий (неизвестный переводчик): бывшие в древности (ст. 1, 2)

1. Этот псалом хотя произносит пророк (Давид), но произносит не от собственного лица, а от лица Маккавеев, предвозвещая и изъясняя имевшее быть в их время. Таковы пророки: они созерцают все времена, прошедшие, настоящие и будущие. Но необходимо наперед сказать, кто были Маккавеи, что они потерпели и что совершили, дабы яснее было содержание сказанного. Когда Антиох, прозванный Епифаном, напал (на иудеев), разрушил все и многих из них принудил отступить от отеческих обычаев, эти Маккавеи остались непреклонными среди таких искушений; и когда началась жестокая война, они, не будучи в состоянии ничего сделать, скрылись. Так поступали и апостолы. Они не всегда открыто шли на опасности, но иногда и уклоня-

лись, убегали и скрывались. Когда же они несколько ободрились, то, как мужественные львы, вставши из пещер и вышедши из убежищ, решились спасти не только себя самих, но и других, сколько могли; обходя отечественный город и всю страну, они собирали всех, кого находили еще в здравом состоянии, но многих и из пострадавших и развращенных обращали, убеждая возвратиться к отеческому закону. Бог человеколюбив, говорили они, и никогда не лишает спасения за покаяние. Возвещая это, они собрали войско из храбрых мужей. Они сражались не за жен, детей, слуг, или за разрушение и порабощение отечества, но за закон и отеческие обычаи, потому предводительствовал ими Бог. Таким образом, вступив в борьбу и жертвуя собственной жизнью, они прогоняли врагов, надеясь не на оружие, но вместо всякого оружия находя достаточную силу в самом побуждении к борьбе. А отправляясь на войну, они не прибегали к шуткам и не пели песен, как делают некоторые, и не имели при себе игроков на музыкальных инструментах, как бывает при других войсках, но молили всевышнего Бога быть и соратовать с ними, и простирать им руку помощи, – Бога, за Которого и вели они войну, за славу Которого и подвизались. Посмотрим же, что говорит это воинство Божие, ограждаемое духовным заступлением, намереваясь идти против врагов. *Боже, ушима нашима услышахом.* Так как некоторые, из принадлежавших к их ополчению, видя многочисленность и стройность Антиохова войска, и то, как оно побеждало и овладевало всем при первом набеге, и представляя собственную слабость и малочисленность, впали в малодушие и изнеможение, то пророк, желая ободрить их дух и внушить, что все зависит от водительства Божия и что, при Его содействии, можно и без войска одержать победу, под видом молитвы предлагает воинам некоторое увещание и наставление,

и своим собеседованием с Богом возбуждает ревность в них. А это не мало доставляло утешения. Не столько силы имели бы слова, обращенные к ним, сколько обращенные к Богу. Поэтому и далее он говорит: *не бо мечом своим наследиша землю,* и *мышца их не спасе их* (ст. 4). Этим он воодушевляет тех, которые имели слабое расположение к подвигам и надеялись достигнуть победы человеческими средствами. Итак, вся эта молитва есть ободрение воинам, внушающее возложить все на Бога и искать победы в надежде на Него. Почему же он не сказал просто: *услышахом,* но: *ушима нашима услышахом*? Разве можно слышать каким-нибудь другим членом тела? Не излишни ли эти слова? Нет. Так люди обыкновенно поступают: когда они рассказывают что-нибудь такое, в чем сами вполне убеждены, и рассказывают что-нибудь важное и необычайное людям, еще не вполне убежденным, то всегда указывают на свои уши и говорят: мы слышали собственными ушами. И не в этом только случае, но и в других мы обыкновенно так же поступаем, призывая во свидетели самые чувства. Таким образом, когда ссылаются на свои уши, то делают это для уверения слушателя. То же мы делаем и в отношении к глазам и рукам, когда, например, говорим: мы осязали своими руками. Так и апостолы говорили: *еже* видели очи наши, *еже руки наша осязаша* (1 Ин. I, 1). Но посмотри на добродетель Маккавеев, открывшуюся и здесь, в самом начале: претерпев столько тяжких бедствий для Бога, лишившись отечества и свободы, подвергшись опасностям, а некоторые из них сделавшись даже беглецами, скитавшимися по горам и пустыням, они не указывают теперь ни на что подобное, не говорят: мы претерпели для Тебя то и то, помоги нам; но, как бы не имея никаких прав и не полагаясь на собственные добродетели, обращаются к благодеяниям, оказанным от Бога предкам их. Нисколько не было бы

удивительно, если бы так поступили люди, не имеющие дерзновения, которых необходимость заставляет делать это; но когда те, которые могли бы сказать многое о своих добродетелях, ищут спасения не от них, а от человеколюбия Божия, которого удостоились и отцы их, то это — знак великого их смиренномудрия. В этом они находили и для самих себя не малое побуждение к мужеству, потому что даже одно имя Божие может прекратить бесчисленные войны.

2. *Отцы наши возвестиша нам.* Послушайте вы, которые нерадите о своих детях, позволяете им петь диавольские песни и не занимаетесь божественными повествованиями. Не таковы были древние, но они постоянно проводили жизнь в повествовании о делах Божиих, и приносили двоякую пользу. Получавшие благодеяния, воспоминая об этих благодеяниях, делались лучшими; а потомки их находили в таких повествованиях не мало предметов богопознания и возбуждали в себе ревность к добродетели. Уста родителей служили для них книгой; и всякое занятие, всякая беседа сопровождалась этими повествованиями, приятнее и полезнее которых ничего не было. В самом деле, если простые рассказы о событиях, басни и вымыслы часто бывают поучительны для слушателей, то тем более эти повествования, объясняющие великую благодетельность, силу, премудрость, промышление (Божие), вместе с удовольствием доставляли слушателю ободрение и делали его ревностнейшим. Те, которые присутствовали при событиях и воспринимали их посредством зрения, передавали их другим посредством слуха, и таким образом слух не менее зрения способствовал к вере. Не присутствовавшие и не видевшие веровали не менее тех, которые присутствовали и видели; и это самое служило для них не малым пособием в вере. Посмотрим же, что они возвещали, и о подобном ли (их состо-

янию) событии они воспоминали. Ведь кто имеет нужду в ком-нибудь и намеревается просить его, тот, на основании оказанной другим милости, может просить подобного и себе. Я разумею следующее: например, если какой-нибудь слуга просит у нас подарка и говорит, что и другой получил такой же подарок, то он представляет великое право получить и ему то же, если только пример не окажется недостаточным по несходству, – разумею несходство или в лице, или в предмете. Если получивший таков же, каков и просящий, и просимое сходно, то пример действителен; если же первый имел право на получение, а последний – нет, то нужно усилить просьбу. Впрочем, необходимо пояснить сказанное мной из Писаний. Жена хананейская, услышав: *несть добро отъяти хлеба чадом, и поврещи псом,* сказала: *ей, Господи: ибо и пси ядят от крупиц трапезы господей своих* (Мф. XV, 26, 27). И Павел в одном послании говорит: *аще инии власти, вашея причащаются, не паче ли мы* (1 Кор. IX, 12), доказывая здесь превосходством лица большее право. Также, в послании к Филимону, он говорит: *яко утробы святых почиша тобою, брате. Сего ради многое дерзновение имея во Христе повелевати тебе, еже потребно есть: любве ради паче молю* (Флм. 7–9). Здесь пример равного. Когда кто-нибудь получает первый, то он как бы отверзает дверь второму, если намеревающийся просить будет подобен ему, или станет просить того же самого. И не только от благодеяний, оказанных другим, но и от благодеяний, прежде оказанных нам самим, просьба наша часто получает силу. Так поступает и Павел, когда в послании к Филиппийцам говорит: *яко и в Солунь и единою и дващи в требование мое посласте ми* (Флп. IV, 16). Вот почему многие, подавая что-нибудь, многим приказывают, чтобы они не говорили об этом другим, дабы милость, оказанная одному, не побудила многих просить подавшего: подавший однажды уже как

бы не имеет никакой возможности уклониться от подаяния и другим. Люди дают такое приказание, конечно, потому, что они от подаяния становятся беднее; а Бог напротив, возвещает и провозглашает о том, что подает одним, чтобы и другим доставить повод также просить Его, потому что от подаяния еще более открывается Его богатство. Поэтому Павел и говорит: *богатяй во всех и над всеми призывающими Его* (Рим. X, 12). Видишь ли новое свойство богатства Его? Подражай и ты такому щедролюбию. Если ты будешь таким образом издерживать сберегаемое богатство, то еще более умножишь его; а если зароешь его, то еще более уменьшишь. И удивительно ли, что так случается с предметами духовными, когда то же бывает и с вещественными? Кто, жалея пшеницу, оставит ее лежать дома и не разбросает по нивам, тот отдаст ее на съедение червям; а кто посеет, тот устроит обильную жатву.

3. Послушайте вы, которые ленитесь подавать милостыню. Послушайте вы, которые уменьшаете свое богатство сбережением его. Послушайте вы, которые находитесь в положении, нисколько не лучшем обогащающихся во сне. Подлинно, все настоящее нисколько не лучше сновидения. Как те, которые грезят во сне, будто они обладают богатством, хотя бы казались обладателями царских сокровищ, с наступлением дня бывают беднее всех, так и тот, кто из настоящей жизни не может ничего принести туда, будет беднее всех, хотя бы здесь обладал всем, — потому что он богат только во сне. Поэтому, если ты хочешь показать мне человека богатого, то покажи тогда, когда наступит день, в который мы отойдем в отечество, а теперь я не могу отличить богатого от бедного, потому что здесь в этих вещах нет истины, а чаще — только приятные и благозвучные названия. Как слепых многие называют многовидящими, но предмет не соответствует имени, а на-

против, они-то и суть ничего не видящие, так и название богатых здесь приписывается, по моему мнению, тем, которые ничего не приобрели себе там. Кто богат здесь, о том особенно я думаю, что он беден, потому что, если бы он не был очень бедным, то не был бы очень богатым. Как слепого, если бы он не был совершенно слепым, не называли бы многовидящим, так точно нужно рассуждать и здесь. Итак, оставив обольстительные названия, будем искать истинных вещей. Вещи состоят не в названиях, но от свойств вещей происходят названия, сообразные с их качествами. Такого-то называют богатым; но на самом деле он не богат. Как не богат, когда у него много и серебра, и золота, и драгоценных камней, и золотых одежд, и все прочее у него в изобилии? Не богат потому, что не золото, не одежды, не деньги, но милостыня делает человека богатым. А все это – трава, хворост и солома. Какая, скажи мне, одежда может там прикрыть того, кто будет стоять нагим перед страшным судилищем? Страшась этого, и Павел говорит: *аще и облекшеся, не нази обрящемся* (2 Кор. V, 3). Какие деньги могут выкупить того, кто находится в такой опасности? Какие слуги могут защитить обреченного на такое наказание господина? Какие дома? Какие драгоценные камни? Какие бани могут смыть нечистоту, происходящую от грехов? Доколе вы будете обольщать себя? Доколе вы будете взирать не на истину вещей, а увлекаться сновидениями, тогда как суд уже близок и при дверях? Впрочем, обратимся к нашему предмету. *Отцы наши возвестиша нам дело, еже соделал еси во днех их, во днех древних.* Можно разуметь это изречение и в отношении к нам, в переносном смысле. Если им возвестили отцы, то и нам божественная благодать, наитием Духа, даровала подобное тому, что познали они. Как же можно разуметь эти слова в переносном смысле? Относя их к действиям новой благодати, – к

тому, что мы возведены на небо, что мы удостоились царства, что Бог сделался человеком, разрушив средостение ограды. Но обратимся к повествованию. *Дело, еже соделал еси во днех их, во днех древних.* Пророк воспоминает о некоторых древних событиях, говорит о древних делах. Почему же он не воспоминает о чем-нибудь новом и недавнем? Потому, что о недавнем мы по справедливости рассказываем людям и этим убеждаем их, так как у них слабая память; но Богу все одинаково известно, как древнее, так и новое. *Се, Господи,* говорит псалмопевец, *ты познал еси вся последняя и древняя* (Пс. CXXXVIII, 4). Для Него нет никакого различия, скажет ли кто о древнем событии или о новом, только бы это соответствовало предмету. О каком же древнем событии хочет сказать пророк? Послушаем. *Рука твоя,* говорит он, *языки потреби, и насадил я еси: озлобил еси люди, и изгнал еси я* (ст. 3). Знаете ли, о какой говорит он войне, о какой победе, о каком трофее, или еще имеете нужду в нашем объяснении? Многие, я думаю, уже поняли сказанное; но для незнающих необходимо и нам прибавить нечто. О каких же трофеях воспоминает он? О каких делах? О тех, которые были в Египте, в пустыне, в земле обетованной, а особенно о бывших при самом обетовании. Не те, которые вышли из Египта, достигли Палестины: все те пали в пустыне. Когда же потомки их, воспитанные в пустыне, вступили в Палестину, то они, говорит, не нуждались в оружии, но одними кликами своими брали города; перешедши Иордан, первый встретившийся им город Иерихон они разрушили, так сказать, более ликуя, нежели воюя. Взявши оружие, они вышли, как бы не на битву, но на празднество и ликование, облекшись оружием более для украшения, нежели для обороны, и, надевши священные одежды, с предшествовавшими войску левитами, окружили стену города (Нав. VI). Нужно было видеть это дивное и

необыкновенное зрелище, как столько тысяч воинов шли в стройном порядке с великой тишиной и благочинием, как будто бы не было никакого врага, и согласными звуками труб совершали все. Да устыдятся те, которые производят шум в церкви. Если там, где звучали трубы, было такое благочиние, то какое прощение могут получить те, которые своим шумом препятствуют слушать там, где говорит Сам Бог? Но почему, скажешь, пророк не упомянул о вышедших из Египта? Потому, что они все пали; потому, что они подверглись наказанию. А за что они все погибли? За то, что тяжко согрешили. Притом через это Бог устроил и то, чтобы имевшие занять Палестину не видали египетских зол, суеверия и всякого нечестия, и не имели никого учителем этого нечестия. Они были так привязаны, так пленены обычаями египтян, что даже в пустыне после стольких чудес не очистились от остатков заблуждения. А если бы еще они взяли себе в учителей хананеев, которые были хуже египтян, то до чего не дошло бы их нечестие? Поэтому Бог и удержал евреев в пустыне до тех пор, пока родившиеся от них потомки не достигли возмужалости.

4. Это мы говорим не сами от себя, но заимствуя из Писаний. Так через пророка Иезекииля Бог укоряет евреев за то, что они не слушали Его, когда Он вывел их в пустыню и многократно беседовал с ними (см.: Иез. XX, 13–15). Но для чего Он повелел им взять оружие, когда они должны были приступить к Иерихону? Кажется, было бы удивительнее, если бы они сделали это без оружия. Вообще, когда в таких случаях Он повелевал делать что-нибудь человеческое и брать в помощь что-нибудь чувственное, то это делал по снисхождению к их немощи. Что могло сделать их вооружение для разрушения стены? Что — звук труб? Если бы им предстояло нападение на людей, то можно было бы придавать некоторое значение и оружию; но когда над-

лежало разрушить стену, то для чего они облекаются в оружие? Также при Гедеоне взятые на войну были таковы же, как и не взятые, потому что они все были на виду (Суд. VII). Для чего же это делается? Для того, чтобы привести к вере тех, которым даются такие повеления. Душу, прилепившуюся к телу, никогда не видавшую ничего бестелесного и погрязшую в чувственность, надлежало возводить к невидимому посредством видимого. Потому и пророкам в беседе о Боге нужно было упоминать человеческие члены, не потому, чтобы они представляли нетленное Существо под видом этих членов, но чтобы душу, преданную чувственности, посредством человеческого научить предметам вышечеловеческим. Так как божественная деятельность есть нечто мыслимое, то, дабы тогдашние люди не остались в неверии, Бог присовокупляет и нечто чувственное. Если бы Он сказал им: в семь дней город разрушится, между тем как вы будете оставаться в покое и ничего не делать, то, может быть, многие не поверили бы; теперь же Он прилагает эти повеления, как бы некоторую опору для ума человеческого. А чтобы вы не подумали, будто сказанное есть только догадка, я хочу рассказать вам одно древнее событие, доказывающее справедливость слов моих. Был некто Нееман Сириянин. Этот человек, подвергшись проказе и стыдясь такой болезни, как бы находясь в величайшей опасности, отправляется в Палестину, — будем кратко рассказывать, — желая получить исцеление болезни от пророка (Елисея). Прибыв туда и став у дверей этого мужа, он звал к себе целителя; тот, хотя выслушал его, но не вышел, а послал к нему повеление — омыться в реке Иордане. Так как повеление было легкое, заключало в себе много чувственного и не требовало глубокого размышления, то Нееман не поверил, но что сказал? *Аз глаголах,* сказал он, *яко изыдет и возложит руку свою и призовет Бога своего*

и очистит проказу (4 Цар. V, 11). Видишь ли, как душа его нуждалась в каком-нибудь чувственном знаке? Думать, что повеления целителя недостаточно, а нужна еще рука его, это – следствие немощи исцеляемого. Здесь мы находим разрешение и на многое другое. Потому и Христос не всегда исцелял словом, но и рукой; Он возлагал руку на уста и на язык и таким образом исцелял приходящих, хотя иногда одним словом, а иногда хотением совершал все. Почему же Он делал это? По немощи приходящих. А чтобы ты был уверен, что это делалось по их немощи, Он хвалил тех, которые не имели нужды в таких действиях. *Аминь глаголю вам, ни во Исраили толики веры обретох* (Мф. VIII, 10), сказал Он, когда сотник не приглашал Его идти в дом свой и говорил, что достаточно одного Его повеления. Потому и для Езекии ничего такого не было сделано, а дано одно только предсказание и ничего человеческого не прибавлено (см.: 4 Цар. XIX, 7). Но ревновавшему жену свою было назначаемо некоторое чувственное действие (см.: Чис. V). Если ты хочешь принимать это в переносном смысле, – потому что *сия вся*, говорит апостол, *образы прилучахуся онем: писана же быша в научение наше, в нихже концы век достигоша* (1 Кор. X, 11), – то представь превосходных учителей Церкви, употребляющих слово вместо трубы и разрушающих стены противников, и народы вооруженные всеоружием Иисусовым. А седмиричное число дней предуказывает нам разрушение (покоя) субботы, потому что прежде не были предписаны такие заповеди закона. Поэтому о жертвах Бог говорит: *кто бо изыска сия из рук ваших* (Ис. I, 12)? Еще: *еда обеты и мяса святая отымут лукавства твоя* (Иер. XI, 15)? Еще: *еда заколения и требы пренесосте ми в пустыни лет четыредесять* (Ам. V, 25)? Еще: *вскую ми кадило от Савы приносиши, и кинамон от земли дальния* (Иер. VI, 20)? Еще: *жертвы и приношения не восхотел еси* (Пс. XXXIX, 7). Еще:

еда всесожжения и жертвы, желает Бог, или послушания Ему (1 Цар. XV, 22)? Еще: *аще бо восхотел еси жертвы, дал бых убо* (Пс. L, 18). И еще: *послушание благое паче жертвы* (1 Цар. XV, 22). Также отвергая праздники, Бог говорит: *возненавидех, отвергох праздники ваша: отстави от мене глас песней твоих, и песней органов твоих не послушаю* (Ам. V, 21, 23). Еще: *дне великаго не потерплю, и поста и праздности ненавидит душа моя* (Ис. I, 14). И еще: *не таков пост, который аз избрах* (LXVIII, 5). И Иезекииль говорит: *дам вам заповеди не добры, в нихже не будут живи в них* (Иез. XX, 25). Так и здесь разрушается (покой) субботы. А почему Бог говорит: *кто изыска сия из рук ваших*, — это решить предоставляю вам; разрешить же подобные вопросы вы будете в состоянии тогда, когда будете вести чистую жизнь.

5. Если Корнилия, за превосходную жизнь, Бог призвал к познанию неизреченных тайн, и евнуху за усердное чтение даровал и разумение читанного, то тем более вас, уже принявших веру, если вы покажете правую жизнь, Он научит яснейшим образом. Как нечистая жизнь препятствует познанию истин, — *не могох*, говорит Павел, *вам глаголати яко духовным: в вас бо распри и рвения* (1 Кор. III, 1, 2), и Исаия говорит: *разумети пути моя желают, яко людие правды сотворившии* (Ис. LVIII, 2), — так чистая жизнь и тщательное искание руководят к их познанию. *Ищите*, говорит Господь, *и обрящете* (Лк. XI, 9). То же доказывает и притча о просящем хлебов у друга, уже спавшего (см.: Лк. XI, 5–8). Потому и Соломон, просивший духовного, получил и то, чего не просил (см.: 3 Цар. III, 11). Когда же соединятся и усердие, и прошение о духовном, и жизнь чистая, то представь, как сделается легким получение, если и одно неотступное усердие само по себе имеет такую силу: *глаголю вам, аще и не даст ему, зане друг ему есть: но за безочьство его даст ему* (Лк. XI, 8). Впрочем, обратимся к

нашему предмету. *Дело, еже соделал еси во днех их, во днех древних. Рука твоя языки потреби, и насадил я еси.* Смотри, какие точные пророк употребляет выражения. Ты тогда, говорит, не окончил дела только победой и поражением, но простер все дальше; хотя и прежде того противные стороны были не равны, — так как одни обладали страной, а другие были пришельцами, — однако произошла такая перемена, что первые были совершенно истреблены, а последние сделались гражданами и обладателями. Поэтому он и говорит о первых: *рука твоя языки потреби*, а о евреях: *насадил еси. Рукою* он называет силу Его. Если же тех, которые пришли отвне и не имели ни города, ни дома, ни места, куда бы направиться и где бы пристать, Он так скоро показал сильнейшими туземных жителей, то тем более, говорит пророк, Он не презрит нас, изгнанных из отечества. Что значит: *насадил еси?* Ты утвердил, потому что насажденное бывает твердым и неподвижным. Но, скажешь, разве евреи не были переселяемы? Разве не были отводимы в чужие страны? Да, были отводимы, но не по слабости Поселившего их, а вследствие порочности насажденных. Если бы собственные их дела не были причиной, то ничто не препятствовало бы им оставаться дома. *Озлобил еси люди и изгнал еси я.* Некоторые говорят, что это сказано о египтянах; но мне кажется, что это сказано и о тех язычниках. И последних Он подверг наказанию, показав силу свою и в том и другом, — и в истреблении врагов, и в утверждении Своих. *Не бо мечом своим наследиша землю* (ст. 4). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *не саблей своей они унаследовали землю. И мышца их не спасе их: но десница твоя и мышца твоя, и просвещение лица твоего* (ст. 4). Другой (неизвестный переводчик) говорит: *свет. Яко благоволил еси в них.* Правда, они побеждали на войнах, будучи все вооружены; они были вооружены, — но это было делом не оружия, а Бога, Который предводи-

тельствовал ими. Видишь ли, как пророк под видом молитвы дает совет, увещевая возлагать все на Бога? А почему он называет это наследием отцов, дедов, прадедов, тогда как они не владели этой землей, но скончались в другое время? Потому, что обетование дано было отцам. *Иди,* сказал Бог Аврааму, *в землю, юже ти покажу: тебе дам землю, и семени твоему* (Быт. XII, 1; XIII, 15). Сказав *десница* и *мышца,* употребив такие чувственные выражения, смотри, как пророк возвышает речь, присовокупляя далее: *и просвещение лица твоего,* то есть защищение, промышление. Для них достаточно было и того только, чтобы Он восхотел, чтобы находился с ними. Потом приводится и причина: *яко благоволил еси в них,* то есть потому что Ты возлюбил их, потому что Ты восхотел. Таким образом успехи их были делом благодати, а не заслуг, и не за свои добродетели они получили это, а по человеколюбию Божию. *Ты еси сам царь мой и Бог мой, заповедаяй спасения Иаковля* (ст. 5). Другой переводчик (Симмах) говорит: *заповедай о спасении Иакова.* Какая здесь связь речи? Великая в отношении к вышесказанному. Смысл слов его следующий: мы – потомки тех (отцов), и Ты – тот же Бог, совершающий и тогда и ныне; откуда же такая перемена? Подлинно, не иной Бог тот, а иной – Ты, но один и тот же – Ты.

6. И как Ты – один и тот же, так и я не признаю себе иного Бога, но *Ты еси царь мой и Бог мой;* мы не отступили от Твоей власти, не признали иного защитника. *Заповедаяй спасения Иаковля,* то есть и Бог – тот же, и промышление – то же, отчего же перемена обстоятельств? Что значит: *заповедаяй?* Повелевающий, заповедующий спасаться Иакову. Здесь он опять представляет легкость помощи и величие власти (Божией), и не напрасно упоминает о прародителе, но, вместо своего права, указывает на его добродетель, желая преклонить Бога. *О тебе враги наша избодем роги* (ст. 6). И Ты – тот

же, говорит, и промышление — то же, и мы признаем Тебя же и употребляем то же оружие. Таков смысл слов: *о тебе враги наша избодем роги.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *огорчающих нас избодем. И о имени твоем уничтожим возстающия на ны.* Другой (Акила и Симмах): *попрем ногами.* Что, продолжает он, я говорю: *о тебе?* Довольно только призвать имя Твое, и все совершится с отличным успехом. Не сказал: победим, или преодолеем, но: *уничижим;* не будем, говорит, считать их за что-нибудь, и не устрашимся, но будем преследовать их, как ничего незначащих. То же выражает и другой переводчик словами: попрем ногами, указывая на могущественную победу, на сражение без труда, на борьбу без страха. *Не на лук бо мой уповаю.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *полагаюсь. И меч мой не спасет мене* (ст. 7). Почему же ты употребляешь их? Почему вооружаешься? Почему берешь лук и меч? Потому, что так повелел Бог; поэтому я, хотя употребляю их, но все возлагаю на Него. Так обыкновенно сражаются с видимыми врагами те, которые ограждаются вышней помощью, так и — с невидимыми. Так и ты, когда противишься диаволу, говори: не на оружие свое полагаюсь я, то есть не на свою силу, не на свои добродетели, но на милость Божию. Так и Даниил говорил: *не на наша правды (уповающе) повергаем мы моление наше пред тобою* (Дан. IX, 18). *Спасл бо еси нас от стужающих нам, и ненавидящих нас посрамил еси* (ст. 8). Другой (неизвестный переводчик): *потому что ты спас нас.* Для чего, говорит, приводить древнее и бывшее с предками? Мы сами имеем много залогов Твоего промышления, и можем исчислить славные трофеи и непрерывные победы, дивные и необыкновенные. Поэтому и сказал: *посрамил еси,* то есть ты не просто избавил нас, не просто исхитил, но со стыдом для нападающих на нас. О *Бозе похвалимся весь день, и о имени твоем исповемыся во век* (ст. 9).

Другой переводчик (Симмах) говорит: *Бога воспеваем всякий день*. Победа прошла, говорит, а благодарность в нас остается. *Весь день* — разумеет всю жизнь. Мы не перестанем воспевать Тебя и хвалиться Твоей помощью; это — наша слава, это — наша похвала, этим мы превозносимся перед всеми, не тем, что мы имеем великий и дивный город, не тем, что первые одерживаем победы, не тем, что превосходим других телесной силой, но тем, что имеем истинного Бога, этим мы будем хвалиться, не только тогда, когда Ты помогаешь нам, но и когда оставляешь нас. Вот что означают слова: *весь день*. Подобным образом и Павел говорит: *мне же да не будет хвалитися, точию о кресте Христа* (Гал. VI, 14). Нет, подлинно нет другой такой славы. Вот почему еще он говорит: *не точию же, но и хвалимся о Бозе* (Рим. V, 11). Ничто не может сравниться с такой похвалой. Итак, пусть никто не гордится богатством, никто — чем-нибудь житейским, но только тем, что он имеет Бога своим владыкой. Это — лучше всякой свободы, это — превосходнее самых небес. Если называться по имени такого-то и такого-то между людьми часто составляет славу, то, представь, какую составляет славу — называться Божиим. Потому и Павел вменяет это в великое достоинство, когда говорит: *а иже Христовы суть, плоть распяша* (Гал. V, 24). Διάφαλμα — *перемена тона**. Другой (неизвестный переводчик): *постоянно*. В еврейском: *сел*. *Ныне же отринул еси, и посрамил еси нас* (ст. 10). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *хотя ты отринул*. Третий (неизвестный переводчик): *и однако ты отринул*. Четвертый (неизвестный переводчик): *но при том ты отвергнул*. *И не изыдеши, Боже, в силах наших*. Другой (Симмах): *и не ходишь в войсках наших*. За отвержением тотчас следует посрамление и опасность — терпеть от

* В славянском нет этого слова.

всех бедствия. *Силами* пророк называет свои войска, так как в них заключается сила царя, по премудрому устроению Божию, чтобы был союз между начальником и подчиненными. Царь имеет нужду в подданных, а они — в начальнике, так что они много содействуют друг другу. Чтобы не было гордости, Бог устроил так, что великое часто имеет нужду в малом. Это сделал Он и с неодушевленными предметами. Так иногда колеблющийся столп поддерживается подложенным под него камушком и тяжелонагруженный корабль управляется малым рулем и избавляется от опасностей. Что значит: *хотя ты отринул нас*? То, что мы, говорит, и при таких страданиях не отступаем от Тебя, славословим, воспеваем, хвалимся Тобой. *Возвратила еси нас вспять при вразех наших, и ненавидящии нас расхищаху себе* (ст. 11). Другой переводчик (Симмах) говорит: *ты, поставил нас ниже всякаго врага.* Смотри, как говорит он о тяжелых бедствиях и как прискорбными чертами изображает несчастья, показывая, что и враги, хотя были великими грешниками, однако потерпели достаточное наказание.

7. То же с преизбытком сделали и отроки в печи, которые воспевали тогда и говорили: *предал еси нас в руки врагов беззаконных, мерзских, отступников, и царю неправедну и лукавнейшу паче всея земли* (Дан. III, 32); и еще: *умалихомся паче всех язык, и есмы смирени по всей земли* (ст. 37). Это самое и здесь выражает пророк и как бы так говорит: мы сделались презреннее всех, так как лишены Твоего промышления, и даже этим не кончились наши бедствия, но мы сделались добычей врагов, которые разделяют нас по своему произволу. Таков смысл слов: *расхищаху себе,* то есть никто им не препятствует. *Дал еси нас яко овцы снеди, и во языцех разсеял ны еси* (ст. 12). Другой переводчик (Симмах) говорит: *ты развеял нас.* Что значит: *яко овцы снеди*? То есть сделав нас удобоуловимыми, показав малозначащими. Есть овцы

племенные, годные для приплода; есть и другие, которые по старости или неплодству годны только на съедение. Но хуже всего то, что они были рассеяны между язычниками: это было для них всего тяжелее, потому что там они не могли с точностью соблюдать закон, и были удалены от отеческих обычаев, и притом рассеяны не между одним народом, но везде, так что мы, говорит, способны только к одному — тяжко страдать, а мстить или противиться не можем. Это выражает сравнение с овцами. *Отдал еси люди твоя без цены* (ст. 13). Другой (неизвестный переводчик): *в несущественность.* Третий (Симмах): *несущественности. И не бе множество в восклицаниих наших.* Другой (Симмах): *и не умножил цены их.* Какой же смысл слов его? Сказанное представляется весьма неясным; но будьте внимательны, чтобы вам петь это с разумением. Что же означает сказанное? Пророк представляет их незначительность и ничтожность. Ты, говорит, оставил нас, как людей, ничего не стоящих, как малоценных и презренных. Он говорит это согласно с человеческим обыкновением. У нас есть обычай — вещи незначительные и маловажные отдавать и без цены; отдавая то, что мы считаем важным, мы отдаем за большую цену, а то, что считаем неважным, мы отдаем и даром; например, негодных слуг иные отдают за полцены, а другие не берут за них ничего. Если уступить за малую цену — значит показать маловажность продаваемого, то тем более — не брать цены. Это и говорит пророк: как если бы кто-нибудь отступился от своей собственности без всякой цены, так и Ты Сам оставил нас, как бы ничего нестоящих, совершенно презрел нас. То же выражает он и далее, присовокупляя: *и не бе множество в восклицаниих наших*, то есть при отдаче нас. Потому другой переводчик и говорит: *при оценке* нас, то есть при продаже нас. Продажа есть обмен; так мы часто отдаем раба и получаем за него се-

ребро или золото. *Положил еси нас поношение соседом нашим, подражнение и поругание сущим окрест нас* (ст. 14). Другой (неизвестный переводчик): *на позорище окружающим нас. Положил еси нас в притчу во языцех* (ст. 15). Тяжко и невыносимо наказание – быть в поругании, особенно у нечестивых, терпеть это от врагов, видеть вокруг себя поносителей, быть окруженным со всех сторон злословящими. Что значит: *притча?* Толки, осмеяние. Вокруг них были люди злонамеренные и бесчувственные, которые не только не жалели их, но и порицали, что особенно огорчало их. Здесь он разумеет, мне кажется, аравитян, обитавших в соседстве с ними. *Покиванию главы в людех.* Другой (неизвестный переводчик) говорит: *передвижение.* В еврейском: *мануд.* Или то говорит он: ты переселил нас, или под видом кивания головой представляет неистовство чрезмерно радующегося (врага). *Весь день срам мой предо мною есть* (ст. 16). Другой (Симмах) говорит: *бесчестие мое. И студ лица моего покры мя, от гласа поношающаго и оклеветающаго.* Другой (Акила и Симмах): *и злословящаго. От лица вражия и изгоняющаго* (ст. 17). Это огорчало их больше мучений. Так как они всегда и постоянно наслаждались благоденствием и побеждали врагов, то все отверзли уста, когда они пали, были низвержены и не могли найти покоя, но терпели непрерывное мучение. *Сия вся приидоша на ны, и не забыхом тебе, и не неправдовахом в завете твоем* (ст. 18). Другой (Симмах): *и не изменили завету твоему.* Мы, говорит, поступили не так, как другие. Другие и прежде бедствий падали, а мы и после бедствий остались непреклонными в душе. Это говорят они для того, чтобы внушить благую надежду бывшим с ними. Даниил и три отрока говорили: *согрешихом, беззаконновахом* (Дан. III, 29); а они говорят: *не неправдовахом в законе, твоем,* ободряя души соратников. Если, говорят, мы потерпели величайшие бедствия, если мы происходим от предков, получивших великие

благодеяния, и если в несчастьях мы не отступили (от Бога), то у нас есть великая надежда на спасение.

8. Таким образом, — что говорил я в начале, то скажу и теперь, — под видом молитвы они ободряют души братьев и как бы говорят им: почему вы отчаиваетесь в спасении? Мы имеем Бога защитником нашим; если в чем-нибудь мы и согрешили, то получили достаточное наказание; в искушениях мы стояли мужественно; нами предводительствует Тот, Кто постоянно печется даже о грешниках; поэтому, без сомнения, нам должно ожидать доброго конца. Что же значит: *не неправдовахом в завете твоем?* Значит: не поступали неправо касательно того, что нам вверено, но соблюдали в точности. Подлинно, величайшая неправда — нарушать закон, который мстит за нас, который не попускает терпеть нам обиды от ближних и препятствует беззаконию, — быть неблагодарным к Тому, Кто доставляет столько благ. *И не отступи вспять сердце наше* (ст. 19). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *не отстранилось. И не уклонил еси стези наша от пути твоего.* Другой (Симмах): *и не уклонилось поддерживающее нас.* Третий (Акила и неизвестный переводчик): *и не обратилось назад сердце наше, и не уклонились стопы наши.* Здесь пророк говорит то же, что сказал прежде, то есть что они при такой буре зол нимало не поколебались. Хорошо сказал он это. Как закон ведет вперед, так беззаконие обращает назад, и как закон повелевает идти прямым путем, так беззаконие совращает человека на пустынный и непроходимый путь. *Путем* он называет здесь закон. А слова: *уклонил еси,* которые другие переводят: *и не уклонилось поддерживающее нас от пути твоего,* в еврейском читаются так: *уафет асурену мени орах.* Если кто хочет толковать их по семидесяти толковникам, а не по другим, то слова: *уклонил еси стези наша от пути твоего,* значат: Ты удалил нас от храма Твоего и попустил быть в стране чужой, что

препятствовало совершению богослужения. *Яко смирил еси нас на месте озлобления* (ст. 20). Другой (Акила): *на необитаемом.* Третий (неизвестный переводчик): *на месте сирен. И прикры ны сень смертная.* Другой (Акила): *ты покрыл нас.* Это противоположение, кажется мне, относится к вышесказанным словам, в которых описываются бедствия: *студ лица моего покры мя, от гласа поношающаго и оклеветающаго: яко смирил еси нас.*

Если же относить это к словам: *уклонил еси стези наша от пути твоего,* то здесь есть соответствие с той мыслью, которую мы высказали. Он объясняет, как Бог уклонил их от путей их, то есть от отечества и законов, удалив их в места пустынные и оставив между врагами. Это означают слова: *прикры ны сень смертная,* то есть опасности, производящие смерть, к которым близка смерть, которые Писание называет также муками смертными и вратами адовыми. А *тению* и *прикрытием* он выражает здесь неизбежность этих бедствий и невозможность найти как-нибудь избавление от них и даже малое облегчение. *Аще забыхом имя Бога нашего, и аще воздехом руки наша к Богу чуждому, не Бог ли взыщет сих? Той бо весть тайная сердца* (ст. 21, 22). Это свойственно признательным рабам — не оставлять служения господину даже среди тяжких страданий; это — уроки любомудрия. Здесь они научают и слушателей не лицемерить, но служить Богу от всего сердца. *Той бо весть тайная сердца.* Это говорят они, устрашая слушателей, чтобы они не помышляли ничего, недостойного Бога. Посмотри и на величие их добродетели, потому что далее пророк говорит: *зане тебе ради умерщвляемся весь день, вменихомся яко овцы заколения* (ст. 23). Великое дело — не оставлять служения Богу и не уклоняться к другому; но гораздо важнее при непрестанных смертных мучениях и ежедневных опасностях — сохранять такую любовь к Нему. Представь, как велик этот вид любомуд-

рия, когда и Павел указывает на него, исчисляя в послании к Римлянам множество апостольских опасностей (см.: Рим. VIII, 36). Каких же венцов достойны они, являясь в Ветхом Завете достигшими меры новозаветных подвигов? Как Павел говорит: *по вся дни умираю* (1 Кор. XV, 31), так и они, – не на опыте, не на деле, но в душе. Почему они говорят: *тебе ради*? Нам можно бы, говорят они, отступить, оставить отеческие уставы и быть в безопасности; но мы решились лучше тяжко страдать и хранить отеческие обычаи, нежели наслаждаться миром, отступив от законов отеческих. *Вменихомся яко овцы заколения.* Так легко, говорят, враги истребляют нас. Здесь выражается и покорность их. Несмотря на то, что находимся в таком опасном положении, мы остаемся непреклонными в душе. Здесь справедливо можно также удивляться силе Божией, которая находящихся в таком положении, как овцы заколения, сохранила, и умирающих каждый день не допустила подвергнуться смерти. *Востани, вскую спиши, Господи* (ст. 24). Другой переводчик (Симмах) говорит: *что ты, как спящий. Востани.* Другой (неизвестный переводчик): *пробудись.* Третий (Симмах): *проснись. Воскресни и не отрини до конца. Вскую лице твое отвращаеши* (ст. 25). Другой (Симмах): *скрываешь. Забываеши нищету нашу и скорбь нашу.* Другой (Симмах): *зло наше.* Смысл этих слов следующий: Ты можешь прекратить бедствия, потому что они происходят не по бессилию Твоему, а по попущению. Под сном здесь разумеется покой, под восстанием – отмщение, под лицом – защита, промышление, попечение, помощь.

9. *Вскую забываеши нищету нашу?* Посмотри опять, какое любомудрие. Не сказано: наши подвиги; не сказано: непоколебимость мыслей; не сказано: испытанную в искушениях душу. На это они указывают тогда, когда оправдывают себя; а когда ищут помощи, тогда

просят спасения, указывая, на что они обречены: так как, говорится, они уже наказаны, так как уже крайне пострадали. То же часто делает и Павел и другие пророки. Притом они говорили это, еще не зная ничего ни о геенне, ни о царстве, и не будучи научены такому любомудрию, и между тем переносили все легко. *Яко смирися в персть душа наша, прилпе земли утроба наша* (ст. 26). Сказав: *забываеши нищету нашу,* то есть огорчение, говорят потом, в чем состоит их огорчение. Смысл этих слов следующий: мы погибли, мы погребены, положение наше нисколько не лучше положения мертвых. По справедливости можно сказать и о тех, которые привязаны душой к настоящему, что они также *смирились до персти,* и о тех, которые преданы чревоугодию, — что *прилпе земли утроба их.*

Действительно, кто предан земной любви, прилепился к праху, и бестелесную силу, находящуюся в нем, поработил пеплу, о том справедливо можно сказать, что он находится в таком положении. В самом деле, что иное телесная красота, как не земля и прах, или даже еще хуже того? Если не веришь, то загляни в человеческие гробы, и увидишь там прах и пепел. Когда лицо лишается настоящей жизни, тогда оно и оказывается тем, что есть, и даже еще прежде смерти. Когда настанет старость, когда поразит болезнь, и тогда можешь видеть то же явление, потому что это — прах. Но Бог, как мудрый художник, и из ничтожного вещества создал превосходную красоту, не для того, чтобы ты предавался прелюбодеянию, но чтобы показать тебе Свою премудрость. Поэтому не оскорбляй Художника и дело премудрости Его не обращай в предмет распутства и прелюбодеяния. Удивляйся красоте, но столько, чтобы прославлять Художника, а далее не простирайся, чтобы не возбуждать своей страсти. Прекрасно — создание: поэтому тебе должно покло-

няться Создателю, а не оскорблять Его. Скажи мне: если бы кто-нибудь, взяв золотую статую или изображение царя, осквернил их грязью или чем-нибудь другим подобным, то не подвергся ли бы он крайнему наказанию? Если же поступающий неуважительно с вещами человеческими подвергается такому наказанию, то чему подвергнется поступающий бесчестно с творением Божиим, особенно если делающий это имеет собственную жену? Не указывай мне на естественное пожелание. Для того и дозволен брак, чтобы ты не выходил за свои пределы. Смотри, какого ты будешь достоин наказания. Бог позаботился и о твоем спокойствии и о твоей чести, чтобы ты и укрощал естественное раздражение при помощи жены, и делал это с безопасностью и не подвергаясь никакому бесчестью; а ты по невоздержанию оскорбляешь Того, Кто столько промышляет о тебе? Скажи мне: если бы Он не благоволил законом дозволить брак, то какое ты терпел бы насилие, какое мучение? Поэтому тебе следовало бы благодарить и славословить Его, что Он сократил для тебя затруднения, даровав немалое утешение; а ты неблагодарно оскорбляешь Его, забываешь стыд, переступаешь установленные пределы и посрамляешь свою честь. Разве ты не слышишь, что говорит Павел и ныне, громко вещая всем: *бегайте блудодеяния* (1 Кор. VI, 8), или, лучше, Сам Христос, управлявший его душой? Для чего ты занимаешься чужой красотой? Для чего засматриваешься не на твое лицо? Для чего стремишься в пропасть? Для чего ввергаешь себя в сети? Ограждай свои глаза; прикрывай свое зрение; положи закон очам своим; послушай Христа, Который, угрожая, поставляет бесстыдный взгляд наравне с прелюбодеянием (см.: Мф. V, 28). Что пользы в удовольствии, если оно рождает червей, если подвергает предающегося ему непрестанному страху, вечному муче-

нию? Не гораздо ли лучше, немного воздержав силу своих помыслов, сподобиться вечной радости, нежели за малое удовлетворение порочных пожеланий мучиться бесконечно? *Ни, чада, не творите тако, не благ слух, егоже аз слышу о вас* (1 Цар. II, 24). Знаю, что слова мои относятся только к некоторым, а не ко всем; но где они найдут рану, там пусть прилагают и врачевство. Для чего ты оскорбляешь брак? Для чего оскверняешь ложе? Для чего причиняешь вред своему сочлену? Для чего унижаешь свою честь? Отсеки страсть, истреби сластолюбие. Сластолюбие и пьянство суть источники прелюбодеяния. Если ты не будешь пользоваться удовольствием, как должно, то оно причинит тебе скорбь. Послушай, что потерпели иудеи, когда прелюбодействовали, не приобщаясь тела Христова, не вкушая духовной трапезы: *ниже соблудим*, говорит апостол, *якоже нецыи от них заблудиша, и падоша во един день двадесять три тысящи* (1 Кор. X, 8). *Воскресни Господи, помози нам, и избави нас имени ради твоего* (ст. 27). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *возстанъ защищая нас, и освободи нас по милости твоей* (Акила и Симмах). Смотри, чем они заключили свою речь. После бесчисленных своих подвигов, откуда они ожидают спасения? От милости, от человеколюбия, *ради имене* Божия. Что значит: *имене ради твоего*? (Они говорят так), дабы не нарушить того, что Сам Он часто говорит: я творю *ради имени моего*. Видишь ли смиренномудрие и сокрушенное сердце? Откуда они ожидают себе спасения? От человеколюбия, от милости. Как бы не имея заслуг, как бы не имея никакого права на спасение, а между тем изобилуя трудами и опасностями, они возлагали все на Бога. Будем же и мы, находящиеся под благодатью, подражать им и воздавать славу Богу, Которому слава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 44

Победная песнь о цветах сынов Кореевых (Симмах). Другой переводчик (Акила) говорит: победителю о лилиях сынов Кореевых. В еврейском, вместо слова: о лилиях, сказано: ал сосаним. Разума песнь к возлюбленному (Феодотион). Другой (Акила): знающаго песнь о дружбе. Третий (Феодотион): возлюбленным. В еврейском сказано: идофоф. А семьдесят толковников: в конец, о изменяемых сыном Кореовым, в разум, песнь о возлюбленном

Отрыгну сердце мое слово благо. Другой (неизвестный переводчик): извлекло. Третий (Симмах): подвигнулось сердце мое словом благим (ст. 1, 2)

1. Желал бы я, чтобы теперь находились здесь все иудеи и язычники, при них, взяв у иудеев книгу псалмов, я и прочитал бы этот псалом. Вы знаете, что и в судилищах, и везде свидетельство о делах тогда особенно бывает свободно от подозрения, когда оно представляется со стороны врагов. Поэтому, дабы то же самое было и теперь, мы представляем свидетельство из Ветхого Завета, чтобы устыдились и иудеи и язычники, — иудеи, которые читают и не разумеют, и язычники, которые видят, что эти книги доставляются нам врагами. Тогда они уже не станут говорить, что они сочинены нами, когда не мы, но сами распявшие Христа доставляют нам эти книги, возвещающие о Его силе. Но будут ли они здесь или не будут, мы сделаем свое и приступим к изъяснению. Этот псалом написан о Христе; потому имеет и надпись: о *возлюбленнем* и: *о изменяемых*. Христос совершил в нас великую перемену, и во всех делах переворот и изменение. Указывая на эту перемену, и Павел говорил: *аще кто во Христе, нова тварь* (2 Кор. V, 17). Потому и в начале пророк не сказал: *рече сердце мое*. Так как изрекаемое им не было чем-нибудь

человеческим, но он начинал возвещать небесное и духовное, не от собственного изобретения, а от божественного действия, то он и выражает это словом: *отрыгну.* Мы отрыгаем не тогда, когда хотим, а слова произносим, когда хотим, и произносим их и удерживаем; при отрыгании же — не так. Поэтому, желая показать, что изрекаемое им происходит не от человеческого усилия, но от божественного вдохновения, которое возбуждало его, он и назвал пророчество отрыгновением. Как отрыжка зависит от качества кушанья, так и в духовном учении: что вкусил пророк, то и отрыгнул. Так и в другом месте другой пророк представляет то же действие чувственным образом, съедая книжный свиток, и съедая с удовольствием: *бысть*, говорит он, *во устех моих, яко мед, сладок* (Иез. III, 3). Так как они принимали духовную благодать, то и изрыгали соответственное ей. А что здесь говорится не о чувственной отрыжке и не о кушаньях, послушай, что изрыгается и кто отрыгает. Это — не желудок, принимающий кушанье, а сердце: *отрыгну*, говорит, *сердце мое.* Что отрыгает? Не пищу, не питье, но сродное такой трапезе: *слово благо,* слово о Единородном, потому что Он преимущественно благ. *Приидох бо*, говорит Он, *не да сужду мирови, но да спасу мир* (Ин. XII, 37). Все в Нем кротко, все далеко от наказания. Пророк отрыгает это потому, что очистил свое сердце. Как желудок, когда бывает наполнен нечистыми соками, отрыгает сродное им, а когда находится в здоровом состоянии, то производит соответственную и отрыжку, так и сердце пророка, будучи очищено от грехов и приняв благодать Духа, отрыгает *слово благо.* Отсюда мы познаем и нечто другое, именно то, что пророки не были подобны (языческим) прорицателям. У тех, когда бес овладевал их душой, то ослеплял ум и помрачал мысли, и они произносили все так, что их ум нисколько не понимал произносимого, точно какая-нибудь бездушная флейта издавала звуки. Это подтвер-

дил и один из философов в следующих словах: «прорицатели и гадатели, хотя говорят много, но нисколько не понимают того, что говорят»*. Но Дух Святой действует не так, а напротив, Он оставляет сердцу разумение изрекаемого. В самом деле, если бы пророк не разумел, то как он сказал бы: *слово благо*? Бес, как враг и неприятель, действует на природу человеческую враждебно; а Дух Святой, как благопопечительный и благодетельный, приемлющим Его оставляет сознание и открывает уму их смысл своих вещаний. *Глаголю аз дела моя цареви.* Другой переводчик (Акила и Симмах) говорит: *творения мои.* О каких делах говорит он? О пророчестве. Как дело кузнеца – сделать кирку, дело строителя – построить дом, дело корабельщика – соорудить корабль, так и дело пророка – составить пророчество. А что и это есть также дело, послушай Христа, Который говорит об апостолах: *достоин делатель мзды своея* (Лк. X, 7). И Павел говорит: *паче же труждающиися в слове и учении* (1 Тим. V, 17). Если бы оно не было делом, то как оно заключало бы в себе труд? И что может быть достопочтеннее этого дела, – что полезнее? Оно выше всех искусств. Какое же именно дело, о котором он *глаголет цареви*? Это самое песнопение, это самое пророчество. Он не сказал, какому именно царю, выражая, что это – Богу всех. Как мы, когда говорим о царе персидском, то называем его не просто царем, но прибавляем: персидский, также и о царе армянском, а когда говорим о нашем царе, то не имеем нужды в прибавлении, но довольствуемся одним названием *царя*, – так и пророк, говоря об истинном Царе, довольствуется одним названием: *цареви.* Как, говоря о Вседержителе, мы не имеем нужды в каком-нибудь прибавлении, потому что нет другого Вседержителя, так и говоря об этом Царе, мы не имеем нужды в каком-нибудь другом прибавле-

---

* Платон в Апологии Сократа и в разговоре: Менон.

нии, потому что нет другого Царя-Бога. Притом и говорящий сам был царь. Отсюда очевидно, что он говорил не о человеке, но о Боге всех. Поэтому он не сказал: βασιλεῖ, но: τῷ βασιλεῖ, прибавлением члена означая господство (божественное).

2. Далее, опять желая показать, что изрекаемое не было произведением человеческого ума, размышления и сочинения, но божественной благодати, а он сам послужил одним только языком, пророк говорит: *язык мой трость книжника скорописца.* Трость пишет то, что велит рука, которая держит ее. Другой переводчик (Симмах) говорит: *язык мой как грифель писца быстраго.* Для чего сказано: *быстраго?* Для того, чтобы и этим указать на благодать. Кто говорит от самого себя, тот останавливается и медлит, обдумывая, сочиняя, затрудняясь и незнанием, и неуверенностью, и мнительностью, и во многом встречает остановку быстрота его речи; а когда Дух движет умом, тогда ничто не препятствует, но как водяной поток, изливаясь, течет с великой стремительностью, так и благодать Духа несется с великой скоростью, производя все легко, все удобно. Потом, объясняя то же самое и показывая, что в изрекаемом нет ничего человеческого, он продолжает: *красен добротою паче сынов человеческих* (ст. 3).

Некоторые утверждают, будто это сказано об языке, что он есть трость *красная добротою;* но мне кажется, что пророк говорит уже о Христе. Поэтому другой (Акила) переводчик и говорит: *красотою украшен ты от сынов человеческих.* По великой, пламенной любви ко Христу, он обращает речь к Нему, подобно как и Иаков говорил: *от леторасли, сыне мой, возшел еси: возлег уснул еси, яко лев* (Быт. XLIX, 9). Исполнившись вдохновения, он уже беседует со Христом и к Нему обращает речь свою. Притом говорит не сравнительно; не сказал: прекраснее, но: *красен добротою паче сынов человеческих.* Его красо-

та, говорит, иная, нежели эта. И смотри, как он в самом начале говорит о домостроительстве (Христовом). А что это относится к домостроительству, видно из следующего. Сказав: *красен добротою паче сынов человеческих*, пророк присовокупляет: *излился благодать во устах твоих*. Бог не имеет уст, но здесь говорится о домостроительстве. Другой (неизвестный) переводчик, сказав: *вылилась благодать устами твоими*, выразил то же еще яснее. Слово *вылилась* не то ли значит, как если бы кто-нибудь сказал: находясь внутри, она переполнилась, прорвалась? Как же другой пророк говорит: *видехом его, и не имяше вида, ни доброты: но вид его безчестен, умален паче сынов человеческих* (Ис. LII, 2, 3)? Он говорит не о безобразии, – да не будет, – но об уничижении (Христовом). Благоволив сделаться человеком, Христос прошел все степени уничижения, не избрал Себе матерью царицы, в пеленах был положен не на золотом ложе, но в яслях, и воспитан не в великолепном доме, но в бедной хижине плотника; также, при избрании учеников, взял не риторов, не философов, не царей, но рыбарей и мытарей, и проводил самую простую жизнь, не имея дома, не облачаясь в драгоценные одежды, не наслаждаясь таковой же трапезой, но получая пропитание от других, претерпевая обиды, презрение, гонение, преследование. Это делал Он для того, чтобы совершенно попрать гордость человеческую. Вот потому-то, что Он не окружал себя пышностью и великолепием, не имел при себе телохранителей и копьеносцев, но ходил иногда и один, как простой человек, пророк и говорит: *видехом его, и не имяше вида, ни доброты*. А Давид говорит: *красен добротою паче сынов человеческих*, указывая на благодать, премудрость, учение, чудеса Его. Далее, изображая эту красоту, говорит: *излиияся благодать во устах твоих*. Видишь ли, что здесь говорится о домостроительстве? Какая же это благодать? Та, которой Он учил, которой творил чуде-

са. Пророк говорит здесь о благодати, нисшедшей на плоть (Христову). *Над него же,* сказано, *узриши Духа сходяща, яко голубя, и пребывающа на нем, той есть крестяй* (Ин. I, 33; Мф. III, 16). В этот храм излилась вся благодать, потому что *не в меру Бог дает Ему Духа* (Ин. III, 34). *Мы от исполнения его прияхом* (Ин. I, 16), а сам этот храм получил всецелую благодать. То же выражает и Исаия, когда говорит: *почиет на нем Дух премудрости и разума, Дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия: Дух страха Божия исполнит Его* (Ис. XI, 2, 3). Здесь — всецелая благодать, а в людях — только малая часть, капля этой благодати. Поэтому Бог и не сказал: дам Духа, но: *излию от Духа моего на всяку плоть* (Иоил. II, 28).

3. Так и сбылось. Вся вселенная получила от этого Духа. Дар начался с Палестины и распространился в Египет, Финикию, Сирию, Киликию, на Евфрат, в Месопотамию, Каппадокию, Галатию, Скифию, Фракию, Элладу, Галлию, Италию, всю Ливию, Европу, Азию, на самый океан. Но для чего исчислять много? По всякой земле, какую озаряет солнце, распространилась эта благодать; эта капля, эта частица Духа наполнила ведением всю вселенную. Ею совершались знамения, разрешались грехи всех. Между тем эта благодать, подаваемая в столь многих странах, есть только некоторая часть и залог дара. *И даде,* говорит Павел, *обручение Духа в сердца наша* (2 Кор. I, 22), разумея часть Его действия, потому что Утешитель не разделяется. И смотри, каков этот источник. *Овому бо Духом дается слово премудрости, иному же слово разума, о том же Дусе, другому же вера, иному же дарования исцелений, другому же действия сил о том же Дусе, иному же пророчества, другому же разсуждения духовом, иному же роди языков* (1 Кор. XII, 8–10). Столько дарований в столь многих народах распространила по всей земле благодать, подаваемая в крещении; и все это совершает капля Духа. А что это действительно была

капля, открывается из слов: *излию от Духа моего,* и из названия ее *обручением* (залогом). Отсюда видно, что дана (людям) только некоторая малая часть целого. Потому и Иоанн, выражая это, говорит: *от исполнения Его мы еси прияхом* (Ин. I, 16), или, так сказать, от преизобилия, от преизбытка, от переполнения мы все получили. Представь же, как вседовольна благодать Духа, когда ее достает на такую вселенную, на столько веков, и притом она не уменьшается и не истощается, но всех наполняет благодатным богатством, а сама нисколько не оскудевает. И так как слово *дух* имеет много значений, — потому что этим именем называется и ангел, и душа, и ветер, и многое другое, — то прибавлено: *от Духа моего.* Как дух человека сроден человеку, так и Дух Божий (Богу), пребывая, впрочем, и в собственном Лице. Выражая это, и Павел говорит: *кто бо весть от человек, яже в человеце, точию дух человека живущий в нем: такожде и Божия никтоже весть, точию Дух Божий* (1 Кор. II, 11), не сливая (Божеских) лиц, — да не будет, — но показывая превосходство естества Духа. Каково, следовательно, согласие души с самой собою, таково и сродство Духа с Отцом. Как Сын называется Словом, и однако Он не безличен, но из этого мы познаем Его сродство с Отцом, так и Дух Божий называется Духом, и однако Он не безличен. И как Сын потому сообщает нам усыновление, что он есть истинный Сын Отца, так и Дух потому сообщает нам дарования, что Он по природе есть существо Божеское. Так и человек потому, что он человек, может написать образ человека. *Сего ради благослови тя Бог во век.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *для сего.*

Видишь ли, как пророк постоянно обращает речь ко Христу, из любви к Нему? Поэтому и в других местах он не просто изрекает пророчество, но в виде обличения, когда, например, говорит: *вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным* (Пс. II, 1). Так точно и здесь

говорит: *сего ради благослови тя Бог во век.* Не сказав ничего ни о рождении Его, ни о воспитании, ни о прочем, пророк этим ограничивает речь свою о Нем. Почему? Потому, что говорить обо всем по порядку свойственно евангелистам; им он и предоставил это, и действительно, им надлежало повествовать о том, а пророчеству свойственно брать некоторые черты и об них говорить. Так пророки всегда и поступают: они упоминают о немногих обстоятельствах события, и притом прикровенно, и оставляют их. Так и этот пророк говорит: *благослови тя Бог во век,* выражая, какой благодати исполнены были слова Его. И посмотри на силу благодати Его. Однажды проходит Он близ моря, и находит Иакова и Иоанна, и говорит им: *грядита по мне и сотворю вы ловца человеком. Она же абие оставльша и отца своего, и мрежи, по нем идоста* (Мф. IV, 19–22). Потом, в другое время, Он говорит всем ученикам: *еда и вы, хощете ити? Петр ему отвечает: Господи, глаголы живота вечного имаши, и мы веровахом и познахом, яко ты еси Христос, Сын Бога живаго, и к кому идем* (Ин. VI, 67–69). Но что я говорю об учениках? Сами фарисеи, послав к Нему служителей, услышали от них: *николиже тако есть глаголал человек, яко сей человек* (Ин. VII, 46). И другие также говорили: *николиже явися тако во Исраили* (Мф. IX, 33). *И дивляхуся,* говорит евангелист, — *потому что учил их, яко власть имея, и не яко книжницы их и фарисеи* (Мф. VII, 29).

4. Если и ты хочешь познать эту благодать, то послушай, как строги заповеди Его, и увидишь ее силу. *Иже не отречется всего, аще же не возненавидит и душу свою,* сказал Он, *несть мене достоин* (Мф. X, 37; Лк. XIV, 26). И однако это слово смогло осуществиться на деле: так велика благодать Его! Что для человека ближе души? Но и она была презираема по Его заповеди. Впрочем, слыша слова: *благослови тя Бог,* ты не преткнись, не представь чего-

нибудь низкого. Здесь, как я прежде сказал, идет речь о плоти Его, которая имеет уста, принимает благодать, принимает благословение. Бог не имеет нужды ни в благословении, ни в благодати, потому что Божество ни в чем не нуждается. *Якоже бо*, говорит Христос, *Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын, ихже хощет живит* (Ин. V, 21); и еще: *дела, яже Он творит, сия и Сын такожде творит* (Ин. V, 19); и еще: *якоже знает мя Отец, и аз знаю Отца* (Ин. X, 15). Слова: *тако, такожде, якоже,* выражают безразличие. А здесь говорится о домостроительстве (Христовом во плоти). Мы слышим, как еще Он Сам говорит о Себе: *сего ради мя Отец любит, яко аз душу мою полагаю* за овцы (Ин. X, 17). Но разве прежде Отец не любил Его? Как же он говорил: *сей есть Сын возлюбленный* (Мф. III, 17)? Нет, те слова изрек Он для того, чтобы показать величие подвига. Поэтому, как там причина приводится не без основания, так и здесь причина очевидна. Сказав наперед: *красен добротою паче сынов человеческих,* и: *излияся благодать в устах твоих,* пророк потом и говорит: *сего ради благослови тя Бог во век,* обращая речь к домостроительству (воплощения), чтобы, когда опять будет говориться что-нибудь не соответственное (Божескому) Его достоинству, ты не преткнулся, но знал, о ком идет речь. Так и Иаков, указывая на то же домостроительство, после того, как сказал многое, говорит: *радостотворны очи его,* как вино, *и белы зубы его паче млека* (Быт. XLIX, 12). Но Божество не имеет зубов. И другой пророк говорит: *поразит землю словом уст своих, и духом устен убиет нечестиваго* (Ис. XI, 4), выражая то же самое, что Павел говорит: *его же Господь убиет духом уст своих, и упразднит явлением пришествия своего* (2 Сол. II, 8).

Итак, чтобы ты, услышав это, не имел низких мыслей (о Христе), пророк показывает тебе силу божества Его. Он не отделяет в Нем ни плоти от божества,

ни божества от плоти, впрочем, не сливая этих естеств, — да не будет, — но показывая их единение. Потому и говорит: *благослови тя Бог во век*. Каким же образом совершается это благословение? Ангелы и архангелы предстоят ему; престолы, господства, начала, власти воссылают Ему хвалу; вся земля от конца до конца славословит, воспевает и величает воплотившегося Бога. Первый Адам подвергся великому проклятию; а этот, напротив, — великому благословению. Тот услышал: *проклят ты, в делех твоих* (Быт. III, 17; IV, 11); также и бывшие после него: *проклят творяй дело Господне с небрежением* (Иер. XLVIII, 10), и еще: *проклят иже не пребудет во всем написанном в книге сей* (Втор. XXVII, 26), и еще: *проклят висяй на древе* (Втор. XXI, 23). Видишь ли, сколько проклятий? От них освободил тебя Христос, Сам соделавшись клятвой (см.: Гал. III, 13). Как Он уничижил Себя для того, чтобы тебя возвысить, и умер для того, чтобы тебя сделать бессмертным, так и сделался клятвой для того, чтобы тебя исполнить благословения. Что может сравниться с этим благословением, когда посредством клятвы подается благословение? Не Сам Он имел нужду в благословении, но подает его тебе. Как тогда, когда я говорю, что Он уничижился, я разумею не какую-нибудь перемену в Нем, но домостроительное Его снисхождение, так и тогда, когда говорю, что Он получил благословение, разумею не то, будто Он имел нужду в благословении, но опять выражаю домостроительное Его снисхождение. Итак, благословение относится к человеческой Его природе. Христос, воскресши из мертвых, *ктому уже не умирает* (Рим. V, 6, 9) и не подлежит клятве; или, лучше сказать, Он и прежде не подлежал ей, но принял на Себя клятву для того, чтобы тебя избавить от нее. *Препояши меч твой по бедре твоей, Сильне* (ст. 4). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *опояши саблю твою по бедру*; третий (неизвест-

ный переводчик): *надень как саблю твою по бедру. Красотою твоею и добротою твоею.* Другой (неизвестный переводчик): *хвалу твою и достоинство твое.* Третий (неизвестный переводчик): *славою твоею и благолепием твоим.* Что значит такой переход и такая перемена речи? Говоря об учителе, — а таков смысл слов: *излияся благодать во устах твоих,* — пророк внезапно изображает нам вооруженного Царя, и притом не в виде пророчества, но в виде просьбы. Он не сказал: *препояшется мечом своим;* но просит и говорит: *препояши меч твой.* Потом к этому вооружению присовокупляет красоту, представляя Его то вооруженным, то прекрасным: *красотою,* говорит, *твоею и добротою твоею;* а далее — стрелком: *стрелы,* говорит, твоя *изощрены, Сильне* (ст. 6); и опять — победоносным и торжествующим: *людие,* говорит, под *тобою падут в сердцы враг царевых* (ст. 6); наконец этого самого воина, царя, стрелка, победителя, представляет намащенным благовониями: *смирна,* говорит, *и стакти и каст от риз твоих* (ст. 9).

5. Что общего между оружием и благовониями, между мечом и намащением, между ратоборством и учением, между луком и украшением? Последние — знаки мира, а первые — войны и сражения. Кто же этот мирный и вместе воинственный, источающий благовония и вместе облекшийся в оружие, исходящий из великолепных чертогов и вместе истребляющий тысячи врагов и производящий такие поражения? Как мы разрешим это недоумение? Если верно узнаем, что и об Отце Его говорится то же. Так и Отца пророк в другом месте представляет вооруженным, когда говорит: *аще не обратитеся, оружие свое очистит, лук свой напряже, и уготова и, и в нем уготова сосуды смертныя* (Пс. VII, 13). И еще в другом месте говорится: *облечется в броня правды* (Прем. V, 18). Видишь одинаковую их власть. Как там говорится: *оружие свое очистит,* не по чьему-либо повелению, но Сам Собой,

так и здесь: *стрелы твоя изощрены, людие под тобою падут в сердцы враг царевых.* Потом, желая выразить, что Господь совершает все собственной силой, пророк говорит: *наставит тя дивно десница твоя* (ст. 6). Ты не от когонибудь другого, говорит, получаешь силу, но Сам в Себе довольно имеешь ее. И Сам Бог мира, послушай, что говорит ученикам: *не приидох воврещи мир на землю, но меч* (Мф. X, 34), и еще: *огня приидох воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгореся* (Лк. XII, 49). А пророк говорит и о том, как он придет: *снидет яко дождь на руно, и яко капля каплющая на землю* (Пс. LXXI, 6). Все это я говорю для того, чтобы вы были внимательны и, уразумев в точности смысл выражений, разрешили для себя недоумение. Приведенные выражения означают действия Божии. Так и здесь, когда ты слышишь: *препояши меч твой по бедре твоей, Сильне,* то знай, что этим означается Его действие, равно как и словами: *лук* и *стрелы.* Как, приписывая Богу гнев, Писание не страсть усваивает Ему, но означает этим выражением наказующее действие Его и имеет в виду тронуть людей грубых, так и приписывая Ему оружие, оно выражает то же. Так как мы наказываемся не сами собой, но посредством других орудий, то пророк, желая показать наказующую силу Божию, выражает ее знакомыми нам названиями, не для того, чтобы мы представляли у Бога оружие, а чтобы ощутительнее вразумели Его наказание. Но, скажешь, многие потерпели от этого вред? Без причины, напрасно, и по собственному неразумию. Уже и по тому самому, что говорится о Боге, они должны были понять, что здесь говорится в переносном смысле; но Писание еще и другими выражениями не преминуло вразумить их, что Бог бесстрастен. В другом месте, послушай, как пророк выражает скорость божественного наказания: *да воскреснет Бог, расточатся врази Его* (Пс. LXVII, 2). Нужно ли оружие, нужен ли меч? Довольно, говорит, одного только

воскресения. Но и это еще чувственное выражение. Поэтому в другом месте он говорит: *призираяй на землю, и творяй ю трястися* (Пс. CIII, 32). И еще: *от лица Его подвижеся земля* (Пс. CXIII, 7). Но и это еще чувственное выражение. Послушай более высокое: *вся, елика восхоте, сотвори* (Пс. CXXXIV, 6), – для Него довольно только захотеть. Впрочем, и здесь, смотри, как в самых чувственных выражениях пророк внушает, что Бог ни в чем не имеет нужды. Он не прежде упомянул об оружии, как назвав Его *Сильным;* и изчислив оружие, всю победу приписал Его *деснице,* то есть Его существу и Его могуществу. И другой пророк, выражая то же, сказал: *начальство Его бысть на раме его* (Ис. IX, 6), – сказал не для того, чтобы ты представлял в Боге рамо, – да не будет, – но чтобы знал, что Бог не нуждается в содействии других. *Препояши меч твой по бедре твоей, Сильне, красотою твоею и добротою твоею.* О чем говорит здесь пророк? Этими чувственными выражениями он означает силу Христа, которой Он восстановил вселенную, которой Он окончил войну и поставил трофей. Подлинно, была война жестокая, жесточе всех других войн, – не против враждебных варваров, но против бесов, нападающих на нас и развращающих всю вселенную. Потому и Исаия сказал: *и крепких разделит корысти* (Ис. LIII, 12); и еще: *Дух Господень на мне, егоже ради помаза мя, благовестити нищим посла мя, проповедати плеником отпущение* (Ис. LXI, 1). Потому Павел везде в надписании посланий говорит: *благодать вам и мир от Бога Отца нашего* (Рим. I, 7); и еще: Той *бо есть мир наш, сотворивый обоя едино* (Еф. II, 14). А чтобы ты, слыша слова: *препояши меч твой,* не разумел меча чувственного, то выслушай следующее. Сказав: *препояши меч твой,* пророк присовокупил: *красотою твоею и добротою твоею,* то есть меч Его – красота Его, доброта Его, слава, достоинство, величие, великолепие. Божественное Существо

ни в чем не имеет нужды для исполнения своих предначертаний; Оно — вседовольно. Таким образом, пророк призывает Его выйти на брань за вселенную. Далее от выражений высоких опять нисходит к чувственным. После слов: *меч и бедро,* упомянув о *красоте,* он опять переходит к чувственным выражениям и говорит: *и наляцы, и успевай, и царствуй.* Словом *наляцы* он указывает нам на лук и стрелу; а потом, опять желая показать, что для Него не нужно оружие, присовокупляет: *и успевай, и царствуй.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *преуспевай.* Царство же разумеется здесь то, которое Он, пришедши, устроил в последние времена, — царство общения и ведения.

6. Сказанные слова выражают сильное желание пророка, уже созерцающего деяния (Христа) и вселенную, руководимую Им к истине. Поэтому он и употребил эти выражения в повелительном наклонении. Такие выражения обыкновенно употребляют и низшие из пламенной любви к высшим. *Истины ради и кротости и правды.* Приводит имя *истины.* Видишь ли, как Писание объясняет само себя и показывает, что эта победа — умосозерцаемая и духовная? Упомянув об оружии, мече и луке, для чего пророк говорит здесь о кротости? Какая связь между кротостью и войной, смирением и сражением? Великая, если рассмотреть внимательно. Так и Давид и Моисей были мужи кроткие. О первом Писание говорит: *помяни Господи Давида и всю кротость его* (Пс. CXXXI, 1), также и о Моисее: *был Моисей кроток зело паче всех человек сущих на земли* (Чис. XII, 3). И однако эти мужи, кротчайшие из всех, были строжайшими из всех. Впрочем, если желаете, скажем наперед об их кроткости. Блаженный Давид, неоднократно улавливая Саула и имея возможность умертвить его, не наложил на него руки; когда и другие советовали ему умертвить, он пощадил Саула и укротил свой гнев. Также, когда

Семей столько оскорблял его и смеялся над его тогдашним несчастьем, и когда военачальники хотели догнать и убить дерзкого оскорбителя, то какие произносит он слова, исполненные всякой мудрости (см.: 2 Цар. XVI)! Равно и об отцегонителе и бесстыдном юноше как он просит своих военачальников: *пощадите ми*, говорит, *отроча Авессалома* (2 Цар. XVIII, 5)! И в начале, когда он разговаривал с братьями своими, негодовавшими и завидовавшими будущей его победе, представь, как он кротко отвечает: *несть ли речь* (1 Цар. XVII, 29)! А Моисей? Послушай, что говорит он о тех, которые бросали в него камнями и хотели умертвить его, если бы могли: *аще убо оставиши им грех, остави: аще же ни, изглади мя из книги в нюже вписал еси* (Исх. XXXII, 32). Также, когда другие возбуждали в нем ревность и хотели раздражить его, он произносит следующие любомудрые слова: *кто даст всем людем Господним быти пророки* (Чис. XI, 29)? Также за сестру свою, порицавшую его, какую он возносит молитву (см.: Чис. XII, 13)! И во многих других случаях можно видеть кротость его; когда, например, возбранено было ему войти в землю (обетованную), в Палестину, он со всей кротостью беседует с иудеями. И однако этот кроткий муж нашел справедливым, чтобы Дафан, Авирон и Корей, восставшие против священства, были поглощены землей, а другие, принесшие чуждый огонь, были сожжены. И кроткий Давид поразил Голиафа, прогнал войско и одержал победу. Вообще кроткому свойственно — прощать обиды, нанесенные ему, и мстить за обиды, нанесенные другим. Так поступал и Христос. Он на кресте говорил: *Отче, отпусти им, не ведят бо что творят* (Лк. XXIII, 34), и, оплакивая Иерусалим, говорил: *колькраты восхотех собрати чада ваша, и не восхотесте: се оставляется дом ваш пуст* (Мф. XXIII, 37); будучи заушаем, Сам не заушал, но и оправдывался перед заушающим; будучи называем беснующимся, изго-

нял бесов, будучи называем обманщиком и нечестивцем, руководил людей в царство (небесное). И ученикам Своим Он заповедал всегда переносить мучения, преследования, гонения и занимать низшее место: *иже аще,* говорил Он, *хощет в вас вящший быти, да будет вам слуга* (Мф. XX, 26), и в пример приводил самого себя: *якоже,* говорил, *Сын человеческий не прииде, да послужат ему, но послужити и дати душу свою избавление за многих* (Мф. XX, 28). Если же Он изгонял бесов, поражал диавола и истреблял заблуждения, то и это есть доказательство особенной кротости, — чтобы всякое зло истреблять, а одержимых им освобождать от него, враждующих бесов поражать, а страждущих от них избавлять от бедствий. Что же значит: *истины ради и кротости и правды?* Сказав о войне, сказав о приготовлении к борьбе, показав вооруженного Воителя, пророк говорит теперь о доблестных делах Его царствования, показывает род трофея, объясняет свойство победы. Другие цари — люди — все ведут войну или за города, или за деньги, или по вражде, или по тщеславию; а Он не по чему-нибудь подобному, но *истины ради,* чтобы насадить ее на земле, — *и кротости ради,* чтобы сделать кроткими людей, которые свирепее диких зверей, — *и правды ради,* чтобы страждущих под игом беззакония сделать праведными, сначала по благодати, а потом и за добрые дела их. *И наставит тя дивно десница твоя.* Другой переводчик (Акила) говорит: *и просветит тебя на страшное десница твоя.* Третий (Симмах): *и покажет тебе страшное десница твоя.*

7. Видишь ли, как пророк опять открывает достоинство Совершающего все это? Выше он, сказав об *оружии и мече,* перешел к *красоте* и возвел слушателя к невещественным понятиям; потом, нисшедши к чувственным выражениям, к *луку и стрелам,* мало-помалу опять возвел слушателя, сказав о причинах борьбы: *истине, кротости*

и правде; а теперь он изображает и самый образ победы. Какой же именно? *И наставит тя дивно*, говорит, *десница твоя.* Смысл слов его следующий: это Существо сильно само собой; сила Его сама по себе достаточна как для того, чтобы видеть все нужное к исполнению, так и для того, чтобы привести все это к окончанию.

Хорошо выразился и другой переводчик: *покажет страшное десница твоя.* Действительно, дела Его весьма страшны и ужасны: разрушена смерть, расторгнут ад, отверст рай, открыто небо, обузданы бесы, соединилось горнее с дольним, Бог сделался человеком, человек вошел на царский (небесный) престол, оживилась надежда воскресения, чаяние бессмертия, вкушение неизреченных благ и все прочее, что совершилось Его пришествием. Потому другой переводчик и говорит: *наставит тебя на страшное десница твоя,* выражая, что это Существо сильно само собой, что сила Его достаточна и для составления и для исполнения предначертаний. А семьдесят толковников сказали: *наставит тя дивно десница твоя,* то есть не только дела Его достойны удивления, но и то, как чудно они совершены. Смертью попрана смерть; клятвой разрушена клятва и подано благословение, через вкушение мы изгнаны прежде из рая, через вкушение опять введены в рай; дева изгнала нас из рая, через деву мы обрели вечную жизнь; чем осуждены, тем и увенчаны. Созерцая все это, пророк и говорит: *наставит тя дивно десница твоя.* Нужно ли для Него оружие? Нужен ли меч, лук и стрелы? Видишь ли, как это Существо сильно само собой? Но смотри, как пророк опять, подобно искусному художнику, нисходит от высоких выражений к чувственным. *Стрелы твоя изощрены, Сильне: людие под тобою падут в сердцы враг царевых* (ст. 6). Другой переводчик (Акила и Симмах) говорит: *в сердце враги царевы.*

Упомянув о стрелах, смотри, как он опять прибавляет слово: *Сильне*, дабы ты знал, что Христос не имеет

нужды в стрелах, а силен Сам Собой. Порядок мыслей такой: *стрелы твоя изощрены, Сильне, в сердцы враг царевых.* А слова *людие под тобою падут* поставлены в средине. Здесь, мне кажется, двоякий смысл: или пророк говорит о пленении иудеев, покорении и разрушении их города, или в переносном смысле называет стрелами силу слова (евангельского). Подлинно, быстрее стрелы это слово прошло по всей вселенной и коснулось сердца прежних врагов Царя, не для того, чтобы умертвить их, но чтобы привлечь их к себе, как случилось и с Павлом. Не погрешит, кто назовет стрелой то слово, которое, сшедши с неба, коснулось сердца прежнего врага и сделало его другом. *Людие под тобою падут.* Видишь ли успех войны, примирение бывших прежде противниками, научение их, оглашение? Это падение и подпадение под власть Его служит для всех основанием и источником возвышения, потому что Он покорил их Себе, освободив от гордости, тщеславия и бесовского заблуждения. Другой пророк представляет Его обагренным кровью и говорит: *кто сей пришедый от Едома, червлены ризы его от Восора* (Ис. LXIII, I)? Здесь не говорится об оружии, луке и стрелах, а об одежде, – выражение также чувственное, но менее чувственно, нежели у псалмопевца; и здесь также, при самой чувственности выражений, пророк возводит мысль к предметам бестелесным. На вопрос *почто червлены ризы,* он отвечает: *Я истоптал точило один* (ст. 2–5), выражая легкость победы и то, что Он не имел никого Своим помощником, что Он силен Сам по Себе. Как там сказано: *наставит тя дивно десница твоя,* так и здесь: *Я истоптал точило один.* Как легко для виноделателя выжимать ногами виноград, так легко и для Бога совершать, что хочет, или даже не так, а гораздо легче. *Престол твой, Боже, в век века: жезл правости, жезл царствия твоего. Возлюбил еси правду, и возненавидел еси беззаконие: сего ради помаза тя, Боже, Бог твой елеем*

радости паче причастник твоих (ст. 7, 8). Другой переводчик (Симмах) говорит: *престол твой, Боже, вечный и более.* В еврейском: *Боже, Бог твой* (Елоим Елоах). Что скажет здесь иудей? О ком это говорится? Что скажет еретик? Если скажет, что говорится об Отце: *престол твой, Боже, в век века,* то как отнесет к Нему следующие слова: *сего ради помаза тя, Боже, Бог твой?* Отец — не Христос, и помазан был не Он. Отсюда ясно, что здесь говорится о Единородном, о Котором и выше было говорено, о Котором и Исаия сказал, что царству Его не будет конца (см.: Ис. IX, 7).

8. Но, может быть, кто-нибудь спросит: почему пророк говорит теперь о божестве (Христовом), между тем как прежде говорил о домостроительстве (воплощения)? Так поступает и евангелист Матфей. Он начинает с воплощения и в самом начале говорит: *книга родства Иисуса Христа* (Мф. I, 1). Подобным образом поступают Лука и Марк; один только Иоанн — иначе. Он сначала говорит о божестве: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово,* и, сказав о Нем многое, потом уже говорит: *и Слово плоть бысть, и вселися в ны* (Ин. I, 1, 14). Впрочем, хотя он при написании Евангелия поступил противоположно другим евангелистам, но и при этом показал великое с ними согласие. Но, скажешь, сообразно ли с разумом, чтобы в противоположном было согласие? Разве ты не знаешь, что есть и не есть, пить и не пить, давать и не давать, суть действия, противоположные между собой? И однако врач нередко употребляет то и другое вместе, не противореча самому себе, но действуя вполне согласно с самим собой; он имеет в виду только одно — здоровье больного. То же было и с евангелистами. Также лето противоположно зиме, но у них одна цель — возрастание и созревание плодов. И весь мир состоит из противоположностей, но в нем видна великая стройность ко благу нашей жизни. И Христос шел путем, про-

тивоположным Иоанну (Крестителю). Он вкушал, а тот не вкушал. *Прииде*, говорит Он, *Иоанн, ни ядый, ни пия: и говорят: беса имать. Прииде Сын человеческий ядый и пия: и говорят: сей человек ядца и винопийца* (Лк. VII, 33, 34). Но, хотя действия их были противоположны, они имели в виду одну цель – спасение уловляемых. Так и в порядке повествования о божестве и воплощении, хотя Иоанн поступает противоположно прочим евангелистам, однако он весьма согласен с ними. А почему так, я объясню. Это потому, что вначале, когда слово еще не было посеяно, надлежало останавливаться на учении о домостроительстве и внушать учение о воплощении, начиная с более чувственного и вещественного; а потом, когда это учение утвердилось, когда эта проповедь принята, благовременно было восходить и выше. Потому и пророки, когда говорят о Христе, прежде всего начинают речь с домостроительства (воплощения). Так, смотри, Михей начинает: *и ты Вифлееме*, земля Иудова, *еда мал еси* во владениях *иудиных, из тебе бо мне изыдет старейшина, который упасет народ мой Израиля* (Мих. V, 2). Из Вифлеема, конечно, произошло не божество, а плоть. Но не останавливаясь на одном этом, он восходит и к божеству: *и исходи его из начала от дней века*. Так и Исаия говорит: *се Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя ему Еммануил, еже есть сказаемо, с нами Бог* (Ис. VII, 14; Мф. I, 23). Видишь ли, как и он от плоти восходит к божеству? Также поступает он и в другом месте, когда говорит: *Отроча родися нам, Сын и дадеся нам и нарицается имя его велика совета Ангел, Чуден Советник, Бог крепкий, Властелин, Князь мира, Отец будущаго века* (Ис. IX, 6). Видишь ли, как он опять, начиная с отрочества и воплощения и как бы восходя по ступеням, останавливается на божестве? Так и Отец Его сначала был познаваем из творения. *Невидимая бо его*, говорит Павел, *от создания мира твореньми помышляема видима суть* (Рим. I, 20).

И Сам Бог часто является в чувственном образе, мало-помалу возводя род человеческий к невещественным понятиям. Впрочем, удивительно ли, что Он делал такое распоряжение касательно догматов, если и в предписаниях и заповедях Он поступает точно так же? Потому и пророк здесь так располагает речь свою, восходя от плоти к божеству – *уста* относятся к плоти (Пс. XLIV, 3), – от божества нисходя опять к плоти и таким разнообразием речи устраивая спасение поучаемых. *Престол твой, Боже, в век века. Престолом* называется здесь не просто престол, но царство. Здесь он называется вечным, а в другом месте высоким: *видех Господа*, говорит Исаия, *седяща на престоле высоце* (Ис. VI, 1); и еще: *высок престол твой* (Ис. XXVI, 11). Другой пророк видел Господа сидящим на престоле славы (см.: Дан. VII, 9); а Давид указывает на престол человеколюбия: милость и суд *исправление престола Его* (Пс. XCVI, 2).

9. Все это сказано о царстве Его, то есть что оно бесконечно, – таков смысл слов: *в век века*, – что оно славно, высоко, крепко и могущественно. А что оно безначально, это выражает пророк в другом месте, когда говорит: *царство твое царство всех веков* (Пс. CXLIV, 13). Как престол есть знак царства, так жезл – знак и царства и судебной власти. Потому пророк и говорит: *жезл правости, жезл царствия твоего.* Там чистая справедливость, там чистая праведность, там нет ничего прикровенного. Пусть выслушают это люди неистовствующие и сумасшедшие, или того худшие. Кто же эти люди? Те, которые осуждают промысл Божий и спрашивают: почему то и то произошло таким образом? Подлинно, не безумно ли, – тогда как от плотника, разрубающего и распиливающего дерево, присутствующие и видящие это не требуют ни объяснения, ни отчета, и у врача, рассекающего и прижигающего тело, или заключающего больного в тесной комнате и предписывающего ему

диету, ни один из присутствующих, ни сам больной, не спрашивают о причине его распоряжений, и кормчего, натягивающего веревки и распускающего паруса, или спускающего и погружающего бока корабля, не допрашивают, и не исследуют причины действий каждого из этих мастеров, но молчат и остаются спокойными, хотя они часто погрешают в своем деле, — от неизреченной премудрости, от неизреченного человеколюбия, от беспредельного промысла спрашивать причины и требовать отчета? Не безумно ли это? Оказывать помощь и отдавать имущество в пользу обижаемых и бедных решаются не скоро, а постоянно допытываются, почему такой-то стал нищим, почему такой-то беден, почему такой-то богат. Раб лукавый и неразумный, почему ты не опускаешь очей своих вниз, не осуждаешь самого себя, не обуздываешь своего языка, не удерживаешь своего ума, почему, перестав исследовать все это, не обращаешь своей любознательности на собственную жизнь? Посмотри на свои дела, на бездну своих грехов и, если ты заботлив и любознателен, потребуй от самого себя отчета в словах, которые ты говорил, и делах, которые ты делал. А теперь ты, оставив себя самого без исследования, между тем как такая беспечность принесет наказание, а такое исследование послужило бы ко спасению, осмеливаешься судить Бога и прилагаешь новый грех к грехам своим. Разве не слышишь пророка, взывающего к Богу: *жезл правости, жезл царствия твоего;* и другого, который говорит: *суд* Его *яко свет изыдет* (Ос. VI, 5)? Если ты не знаешь в точности всех дел Господа своего, то за это прославляй Его, за это особенно поклоняйся Ему, — за неизреченное Его величие, за непостижимое Его промышление, за многообразное и премудрое Его попечение. *Возлюбил еси правду, и возненавидел еси беззаконие* (ст. 8). Сказав выше о славных делах Христовых, победах, трофеях, спасении вселенной,

которую Он исполнил истины, кротости, правды, и желая показать, что всему этому и следовало быть, пророк далее говорит о достоинстве Совершившего это, — что Он есть Бог, Царь, бесконечный, неподкупный Судья, любящий праведных и ненавидящий злых. Так как Он таков, говорит, то Им и совершено все это. Поэтому никто пусть не сомневается. Совершивший все это совершил, как могущий и желающий этого. Сказав возвышенно о божестве Его, пророк опять низводит речь к плоти Его и говорит: *сего ради помаза тя, Боже, Бог твой.* Другой переводчик (Акила) говорит: *на сие помаза тя,* — на то, чтобы исполнить сказанное, истребить беззаконие, насадить правду, совершить то, что Ты совершил. Но не смущайтесь, когда слышите, что все это приписывается и Отцу. Писание говорит так, не отнимая у Него этих дел, но приписывая Отцу свойственное Сыну, равно как и свойственное Отцу приписывается Сыну. *Моя вся твоя суть*, сказал Господь, *и твоя моя* (Ин. XVII, 10). Так и Павел, беседуя о воскресении, говорит: *Бог его воздвиже из мертвых* (1 Кор. VI, 14), а Иоанн говорит: *разорите Церковь сию, и треми денми воздвигну ю* (Ин. II, 19). Что значит *елей радости?* Христос помазан был не елеем, а Духом Святым. Поэтому пророк и присовокупил: *паче причастник твоих,* выражая то самое, что никто не был помазан так, как Он. Прежде Христа было много помазанников, но ни одного такого; было много агнцев, но Он — превосходнейший; было много сынов, но Он — Единородный. Все это свойственно Ему преимущественно, не только по божеству, но и по домостроительству (воплощения), потому что никто, кроме Него, не был помазан таким Духом. Не удивляйся, что пророк называет это елеем; Он, как пророк, говорит прикровенно. Хорошо сказал он: *радости,* чтобы показать, что это дело радостное, так как *плод духовный любы, радость, мир* (Гал. V, 22). Другой переводчик (Симмах) говорит:

елеем красоты. В еврейском: *сасон*, то есть украшения, славы, красоты. Если же сказать: *веселия*, то и это справедливо. Как слыша о *мече, стрелах и луке*, ты разумеешь не меч, стрелы и лук, но силу Христову, совершившую все то, о чем я выше сказал, так и слыша о *елее*, не разумей простой елей, но помазание. Елей был только знаком Духа, а главное и необходимое — Дух.

Если так, то не сомневайся называть Его помазанником, как назывался помазанником Авраам и пророки, хотя не все они были помазаны елеем, как сказано: *не прикасайтеся помазанным моим, и во пророцех моих не лукавнуйте* (Пс. CIV, 15). Когда же помазан был Христос? Когда сошел на Него Дух в виде голубя. *Причастниками* пророк называет здесь всех, исполненных Духа, как говорит Иоанн: *от исполнения Его мы еси прияхом* (Ин. I, 16). А о Христе говорит: *не в меру Бог дает Духа* (Ин. III, 34). Еще сказано: *излию от Духа моего на всяку плоть* (Иоил. II, 28); а там не говорится: *от Духа*, но весь Дух сошел на Него, почему и сказано: *не в меру Бог дает Духа. Смирна и стакти и касиа от риз твоих* (ст. 9). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *на одежду твою.* Третий (неизвестный): *все одежды твои.*

10. Некоторые говорят, что этими словами пророк указывает на погребение, а другие говорят, что он выражает особый род помазания. В древности помазание совершалось не этими благовонными мастями, а другими. И дабы ты убедился, что это — особый род помазания, он и означил различием веществ различие силы. Слова *от риз твоих* показывают, что и одежды Христовы были исполнены благодати. Так кровоточивая остановила потоки крови, прикоснувшись к краю одежды Его (см.: Мф. IX, 20). Впрочем, то или другое объяснение принять нет никакого препятствия; по моему мнению, можно принять то и другое. Притом, — нам ничто не препятствует опять сказать то же, — как слыша о луке,

мече и подобных вещах, ты не разумеешь их чувственно, так и слыша о смирне и касии, ты разумей их не чувственно, а духовно. *От тяжестей слоновых, из нихже возвеселиша тя дщери царей в чести твоей* (ст. 10). Другой переводчик (Симмах) говорит: *от храмов слоновых, где возвеселили тебя, при почитании тебя.* Третий (неизвестный переводчик): *в славных твоих.*

Сказав о том, что Христос совершил, пророк говорит теперь о чести, последовавшей за Его делами, — что Ему будут поклоняться в драгоценных храмах. Слоновая кость в древности была самым дорогим и любимым веществом. Вот почему и другой пророк сказал: горе вам, *спящии на одрех от костей слоновых* (Ам. VI, 4). Здесь опять показывается, что проповедь коснется не только бедных, но покорит и царства, и воздвигнуты будут Христу великолепные храмы. Это уже, как видно, и сбывается на самом деле. Желая показать силу проповеди, пророк говорит, как она уловила, как пленила жен и мужей, бедных и богатых, самих венценосцев и супруг их, и как везде воздвигла храмы Богу. Потом, так как уже до этого дошла речь, он еще более распространяет ее, изображая и тех, которые совершают перед Ним служение и молитвы. Показав, как народы пали перед Ним, как Он коснулся сердца их, как победил врагов, как наставила Его десница Его, как Он насадил истину, кротость и правду, теперь пророк употребляет переносный образ речи, изображая как бы на картине Церковь; и то, что впоследствии сказали апостолы, один в словах: *обручих вас единому мужу деву чисту представити Христови* (2 Кор. XI, 2), другой: *имеяй невесту жених есть* (Ин. III, 29), третий: *уподобися царствие небесное человеку царю иже сотвори* брак *сыну своему* (Мф. XXII, 2), — то же самое и он предвозвещает, представляя невесту и вместе царицу. *Предста,* говорит, *царица одесную тебе.* Другой переводчик (Акила) говорит: *поставлена в виде*

столба, то есть твердо стала, неподвижно стала, как и Христос говорит в другом месте: *и врата адова не одолеют ей* (Мф. XVI, 18). Видишь ли величие чести? Видишь ли высоту достоинства? Попранную, униженную Он возвел на такую высоту, что она предстоит Богу. Пленная, отринутая, прелюбодейная и нечистая, видишь ли, какого достигла достоинства? Она предстоит Богу вместе со служебными силами. Сын, как равночестный Отцу, сидит одесную Его, а она стоит, потому что она, хотя и царица, есть существо сотворенное. Как же Павел говорит: *и с ним воскреси, и спосади нас на небесных во Христе Иисусе* (Еф. II, 6)? Но вникни внимательнее. Он не просто сказал: *воскреси и спосади*, но *во Христе*, то есть через Христа. Так как, говорит, Глава наша горе, а мы тело Его, то, когда Глава сидит горé, и мы участвуем в этой чести, хотя и стоим. *В ризах позлащенных одеяна преиспещрена*. Другой (Феодотион): *в диадеме золотой из суфира*.

Как у Царя мы разумеем не вещественные лук и стрелы, так и у невесты разумей не вещественные одежды, но от чувственных вещей возвышайся к богоприличным мыслям. А чтобы никто не разумел здесь чего-нибудь подобного, пророк присовокупил: *вся слава дщере царевы внутрь* (ст. 14). Одежда более всего прочего открыта и на виду у всех, кто смотрит; впрочем, таковы одежды телесные, а когда говорится о духовных, то устремляй око ума своего внутрь. Эту одежду Царь соткал и облек ею Церковь в крещении: *елицы бо*, говорит апостол, *во Христа креститеся, во Христа облекостеся* (Гал. III, 27). Прежде она была нага и безобразна, доступна для всех, проходящих по пути; но как скоро облеклась в эту одежду, то вознеслась на высоту и удостоилась стоять одесную Бога. Хорошо пророк называет ее и *преиспещренною*. Одежда ее не однообразна, потому что для спасения нужна не благодать только, но и вера, а с верой и добродетель. Впрочем, теперь идет речь не об одеждах. Дух не имел осо-

бенной цели описывать золотые одежды жены. Если Исаия обличает жен, которые украшают себя, и везде роскошь осуждается, то как Он стал бы хвалить украшения жены? *Слыши дщи и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и дом отца твоего. И возжелает царь доброты твоея* (ст. 11, 12). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *чтобы возжелал. Зане той есть Господь твой.* Другой (Симмах): *потому что Сам Он Господь твой. И поклонятся Ему.* Другой (Симмах): *и поклонись Ему. И дщи Тирова с дары* (ст. 13). Другой (Симмах): *дочь же державная дары принесет. Лицу твоему помолятся богатии людстии.*

11. Видишь ли, что здесь нет ничего чувственного, ничего телесного, а все духовное? В самом деле, каким образом невеста есть и дочь одного и того же лица? Каким образом дочь может быть и невестой? В делах плотских этого не бывает, но иное то, и иное это; а у Бога бывает то и другое вместе. Он Сам родил Церковь крещением и Сам сделал ее невестой Своей. *Слыши дщи и виждь.* Он даровал ей два блага: учение в словах и видение в чудесах и вере, притом одно уже даровал ей, а другое — обещал. Послушай, говорит, слов Моих, посмотри на чудеса и дела Мои и внимай увещаниям. Какую же заповедь дает Он ей прежде всего? *Забуди люди твоя и дом отца твоего.* Так как он избрал ее из язычников, то прежде всего заповедует отвергнуть это родство, забыть о нем, исторгнуть его из души, не только бежать от него, но и не вспоминать о нем. *И забуди люди твоя и дом отца твоего.* Словами *люди* и *дом* пророк выражает все, там у них происходящее, и жизнь и учение. *И возжелает царь доброты твоея.* Видишь, что здесь говорится не о телесной красоте. Если сделаешь это, говорит, тогда будешь прекрасной, тогда Царь возлюбит красоту твою. Но этого не производит красота телесная. И у неверных мы видим телесную красоту, и между язычниками есть благообразные женщины. Дабы ты убедился, что

здесь речь не о телесной красоте, он говорит, что она состоит в послушании Ему; а послушание составляет не телесную красоту, но душевную. Если сделаешь это, говорит, тогда будешь прекрасной, тогда будешь любезной Жениху. *Зане той есть Господь твой.* Вот один и тот же является и Отцом, и Женихом, и Господом. Заповедав оставить отцов своих, забыть народ свой, отвергнуть родство, Он доказывает, что эти заповеди весьма справедливы, что в речи Его есть великая последовательность, что это так должно быть. В самом деле, если и Отец твой Он, и Жених Он же, и Господь Он же, то справедливость требует оставить всех других и прилепиться к Нему. Не сказал: *зане той есть Отец твой,* но: *зане той есть Господь твой,* дабы тем особенно привлечь ее, что Господь, Владыка и Отец благоволил быть и Женихом ее. И то уже доказывает великое промышление и человеколюбие Его, что Он благоволил быть ее Господом, что избрал Себе ту, которая была рабой бесов и находилась под игом заблуждения, и сделал ее не только рабой Своей, но дочерью и невестой. *Забуди люди своя и дом отца своего,* потому что ты идешь не к чужому комунибудь, а к Тому, Кто создал тебя, Кто всех тех ближе к тебе, Кто печется и заботится о тебе; Он — Господь и Отец твой; Он все даровал тебе. *И поклонятся ему. И дщи Тирова с дары.* Какая здесь связь речи? Превосходная. Здесь предлагается самое сильное убеждение. Приди, говорит, потому что велика сила Его, и все будут повиноваться Ему. Не говоря о всей вселенной, пророк указывает на соседний город, который тогда был предан нечестию, был твердыней диавола и весьма славился своим богатством; от части он намекает на целое.

Мне даже кажется, что он назвал так всякое нечестие и разврат. Писание обыкновенно именами городов выражает нравы людей, как, например: *услышите слово Господне, князи Содомстии: внемлите закону* Бога вашего,

людие Гоморрстии (Ис. I, 10). Это говорится к иудеям, но так как они совершали дела содомские, то и называются содомлянами. И удивительно ли, что оно прозывает их таким отечеством, когда дает им таких же и отцов, например, когда говорит: *отец твой Аморреанин и мать твоя Хеттеаныня* (Иез. XVI, 3). И на этом не останавливает укоризны, но даже низводит речь к зверям, — как, например, в Новом Завете говорится: *змеи, порождения ехиднова* (Лк. III, 7), и в Ветхом: *яйца аспидская разбита, и постав паучинный ткут* (Ис. LIX, 5), и еще: *не якоже ли сынове Ефиопстии вы есте мне* (Ам. IX, 7)? Так и здесь живущих нечестиво и развратно Он назвал тиранами. Но и их, говорит, Я преодолею и покорю Себе, и покорю так, что они поклонятся, и не просто поклонятся, но и принесут дары и начатки, что́ составляет высший вид служения и есть знак совершенной покорности. *Лицу твоему помолятся богатии людстии.* Что значит: *помолятся*? Почтут, прославят те, которые теперь велики и высоки. Так и сбывается в Церкви: живущих добродетельно почитают и уважают все, даже и те, которые изобилуют богатством и знатностью, потому что добродетель выше всякого богатства.

12. И вы видите, как Церковь почитается всеми. Хорошо сказал пророк: *лицу твоему*, то есть славе твоей, красоте твоей, великолепию твоему. Так как он упомянул о лице, одеждах и красоте, то, чтобы кто-нибудь из людей грубых не стал представлять чего-нибудь чувственного, далее говорит: *вся слава дщери царевы внутрь* (ст. 14). Проникни, говорит, в сердце ее, познай красоту души ее; об этом я говорю тебе; хотя упоминаю об одежде, красоте, золоте, бахромах, драгоценностях и другом подобном, но речь — о сердце, учение — о душе, слово — о добродетели, о внутренней славе. Потом, когда уже вразумил грубого слушателя сказанными словами, он опять смело обращает речь к чувственным

изображениям. *Рясны златыми одеяна, преиспещрена.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *бахромами золотыми испещрена.* Под именем золота пророк опять разумеет добродетель. Так и Павел говорит: *аще ли кто назидает на основании сем злато, сребро, камение честное, дрова, сено, тростие* (1 Кор. III, 19), обозначая названиями этих веществ добродетель и порок. Чтобы ты не представлял себе таким заключающееся внутри, — он не дозволяет тебе останавливаться на внешности, но устремляет мысль твою внутрь. Как тело, облеченное золотом, является прекрасным, — так прекрасной является и душа, облеченная добродетелью. *Приведутся царю девы, вслед ея* (ст. 15). Другой (неизвестный переводчик): *последуют.* Третий (неизвестный переводчик): *вознесутся. Искреннии ея приведутся тебе. Приведутся в веселии и радовании, введутся в храм царев* (ст. 16). Видишь ли украшенную одежду, видишь ли золотое облачение — цвет девства? Это — одежда Церкви. И посмотри, с какой точностью говорит пророк. Так как не тотчас, по основании Церкви, процвел прекрасный цвет девства, но уже после, спустя некоторое время, то он и говорит об этом после прочего, когда сказал, что она забыла народ и дом отца своего, украсилась внутренней красотой, просияла добротой. Поэтому он и говорит: *вслед ея искреннии ея приведутся. Искреннии,* то есть близкие, не по месту только, но и по образу жизни и по учению согласные с ней, какими нельзя назвать дев еретических, потому что они — не близкие к этой царице. *Приведутся в веселии и радовании.* Посмотри, как и здесь сияет апостольское учение, и у пророка раскрывается апостольское изречение. Какое же именно? *Скорбь плоти имети будут оженившиися* (1 Кор. VII, 28). Как эти имеют скорбь, так те — веселье и радость. Замужняя должна заботиться и о детях, и о муже, и о доме, и о слугах, и о родных, и о свекрах, и о зятьях,

и о внуках, о многочадии и бесчадии (впрочем, теперь не время описывать множество забот брачной жизни); а дева, распявшись (для плоти), отрешившись от настоящего, ставши выше забот житейских, удалившись от волнения (мирского) и каждодневно взирая на небо, наслаждается радостью Духа, вкушает веселье. Впрочем, пророк говорит не только о настоящем, но и о будущем, когда девы с чистыми и светлыми светильниками выйдут навстречу Жениху (см.: Мф. XXV, 7). Храмом царевым он называет здесь жилище Царя и чертогами (слоновыми) – брачный чертог. *Вместо отец твоих родились сынове твои* (ст. 17). Другой (Акила): *будут у тебя сыны твои.* Так как он выше упомянул о народе и отцах, сказав: *забуди люди твоя и дом отца твоего,* – то желая показать, что она и в таком состоянии будет наслаждаться великим благоденствием, он прибавил и эти слова. Бесплодная делается матерью бесчисленных детей. Хотя ты, говорит, отторгнута от родителей, но у тебя будут сонмы детей, столь славные, светлые и знаменитые, что они наполнят всю вселенную.

13. Мне кажется, что он говорит здесь об апостолах, бывших учителями в Церкви. Далее, описывая силу, могущество и славу их, прибавляет: *поставиши я князи по всей земли.* Нужно ли объяснять эти слова? Я не думаю; о солнце не нужно говорит, что оно светло, а сказанное яснее солнца. Подлинно, апостолы обошли всю вселенную и сделались владыками выше всех князей и сильнее царей. Цари господствуют при жизни, по смерти же теряют власть, а они по смерти еще более господствуют. Законы царей имеют силу в своих пределах; а заповеди рыбарей распространились по всей вселенной. Царь римский не может предписывать законов персам и персидский – римлянам; а эти палестиняне дали законы и персам, и римлянам, и фракийцам, и скифам, и индийцам, и маврам, и всей вселенной. Зако-

ны их имеют силу не только при жизни их, но и по смерти; и принявшие их скорее решились бы отдать душу свою, чем отступить от этих законов. *Помяну имя твое во всяком роде и роде: сего ради людие исповедятся тебе в век, и во век века* (ст. 18). Другой переводчик (Акила, Симмах и Феодотион) говорит: *припомню имя твое во всяком роде: поэтому народы будут славить тебя постоянно.* Третий (неизвестный переводчик): *за то народы исповедятся тебе.* Пророк объяснил величие власти церкви пространством земли, обширностью вселенной, множеством покорившихся ей народов. Теперь объясняет достоинство Церкви с другой стороны, именно тем, что она распространится не только по всей вселенной, но и на все века. Бессмертна, говорит, будет память твоя, начертанная в наших книгах, начертанная в общественном устройстве, начертанная в заповедях. Посмотри, как он пророчествует о продолжительности и собственного пророчества, — потому что и эту мысль он выразил словами: *помяну имя твое во всяком роде и роде.* Хотя я умру, говорит, но и по смерти буду воспевать тебя, тело мое разрушится, а писания останутся, и закон вечен. *Сего ради людие исповедятся тебе.* Чем начал пророк, тем и кончил, то есть Христом. *Сего ради.* Чего? Того, что Ты совершил столь великие дела, поставил таких властителей, обуздал зло, насадил добродетель, обручил себе наше естество, доставил такие неизреченные блага, — *сего ради* вся вселенная будет возносить Тебе хвалебную песнь не в краткое время, не десять, двадцать или сто лет, и не в какой-нибудь части вселенной, но земля и море, обитаемые и необитаемые страны во все века будут петь, воссылая благодарность за дарованные блага. Будем же и мы благодарить за все это человеколюбивого Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 45

В конец, о сынех Кореовых, о тайных. Другой переводчик (Акила) говорит: победителю сынов Кореевых. Третий (Акила): о юностях песнь

Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех, обретших ны зело. Другой (неизвестный переводчик): в скорбях обретающийся. Сего ради не убоимся, внегда смущается земля, и прелагаются горы в сердца морская (ст. 1—3)

1. Пророк, со свойственным ему любомудрием, отклоняет здесь слушателя от дел житейских и возводит к надежде высшей. Не указывай мне, говорит, на оружие, стены, ограды, богатство, воинское искусство, множество коней, луки, стрелы, брони, толпы соратников, отряды воинов, телесную силу, опытность воюющих; все это слабее паутины и тени. Если ты хочешь видеть силу непобедимую, прибежище неизменное, крепость непреодолимую, ограду непоколебимую, то прибегни к Богу, обратись к Его силе. Хорошо сказал он: *Бог нам прибежище и сила*, выражая, что иногда мы побеждаем убегая, а иногда показывая твердость и сопротивление. Действительно, нужно делать то и другое, — иногда наступать, а иногда уклоняться. Так поступал и Павел, иногда уклоняясь, а иногда восставая на противящихся слову истины. Так и Христос поступал и научал нас. Так должно поступать и нам, — должно тщательно наблюдать обстоятельства времени и молиться, чтобы не впасть в искушение, по слову Евангелия, а когда оно постигло нас, то не малодушествовать, а стоять мужественно. *Помощник в скорбех обретших ны зело.* Как я часто говорил прежде, так скажу и теперь: Бог не препятствует постигать нас скорбям; но, когда они постигли, Он помогает нам, доставляя нам таким образом пользу и опытность. Слово *зело* нужно отнести к слову: *Помощ-*

ник. Подлинно, Бог помогает не как-нибудь, но обильной Своей помощью подает великое утешение в скорбях. Он подает нам не такую помощь, какая бывает нужна по свойству скорбей, но гораздо большую. *Сего ради не убоимся, внегда смущается земля.* Видишь ли, как Он подает помощь большую и с великим преизбытком? Не сказал: не будем побеждены, не падем, но не потерпим и того, что вообще свойственно человеческой природе: *не убоимся,* не устрашимся. Почему? Потому, что помощь Божия чрезмерна. Называя здесь землю, горы и сердце морей, пророк говорит не о стихиях, но под именем их разумеет невыносимые опасности. Хотя бы мы видели, говорит, все разрушающимся, хотя бы видели невыносимое смятение, хотя бы случилось то, чего никогда не бывало, хотя бы вся природа, так сказать, восстала на саму себя, хотя бы горы подвиглись со своего места, хотя бы все поколебалось в своем основании и смешались самые первые стихии, хотя бы произошло столь великое смятение, и тогда мы не только не будем побеждены, но и *не убоимся.* А причиной то, что нам помогает, подает руку, содействует Владыка всего этого. Если же и в таком случае мы не устрашились бы и не впали бы в малодушие, то тем более не устрашимся, если враги нападут на нас и противники вооружатся против нас. *Возшумеша и смятошася воды их, смятошася горы крепостию его* (ст. 4). Другой переводчик (Симмах) говорит: *когда шумят и мятутся воды и колеблются горы в прославлении его.* Сказав, что мы не устрашимся, хотя бы все пришло в смятение, пророк говорит потом о силе Божией, что сила Его непобедима. Поэтому справедливо говорит: *не убоимся*; и как всегда, так и теперь указывает силу Божию то в природе, то в событиях с людьми.

Смысл слов его следующий: Бог все потрясает, колеблет, изменяет по Своей воле; для Него все удобно и легко. Мне кажется, что пророк разумеет здесь толпу

храбрых людей, искуснейших из врагов, бесчисленное множество противников. Но сила Божия, говорит, такова, что от одного мановения Его совершается все. Как же можем мы страшиться, имея такого Владыку? *Перемена тона**. Другой (Акила): *постоянно. Речныя устремления.* Другой (Акила, Симмах, Феодотион): *разделения.* В еврейском: *потоки* (фалагав). *Веселят град Божий: освятил есть селение свое Вышний* (ст. 5). Другой (Симмах): *святилище селения Вышняго. Бог посреде его, и не подвижится: поможет ему Бог утро заутра* (ст. 6). Другой (Симмах): *около утра.* Третий (Акила): *когда настанет утро.* Сказав о могуществе и силе Божией, о том, что для Бога все легко, пророк переходит к промышлению Божию об иудеях, изображая в кратких словах оказанные им благодеяния. Он, столь сильный, столь могущественный и страшный, все держащий и носящий, все потрясающий и движущий, проставляющий и изменяющий, исполнил город наш бесчисленных благ. *Река* означает здесь обильное, беспрепятственное и щедрое излияние высших благ. Пророк как бы так говорит: все блага изливаются на нас, как из источников. Как река, разделяясь на множество потоков, орошает страну, по которой протекает, так и промышление Божие окружает нас со всех сторон, обильно изливаясь, стремительно притекая и наполняя все. Оно не только доставляет нам безопасность и непреодолимую помощь, но и духовную радость. Поэтому пророк и говорит: *освятил есть селение свое Вышний.* И то не малое благодеяние — назвать это место своим селением.

2. Не напрасно сказал он: *Вышний.* Существо столь высокое, необъемлемое никаким местом, неизреченное, удостоило назвать наш город Своим селением и со всех сторон охраняет его. Таков смысл выражения: *посреде его,* как и в другом месте Он говорит: *се Аз с вами*

---

* В славянском нет этого слова.

есмь (Мф. XXVIII, 20). Бог объемлет его со всех сторон; поэтому он не только не потерпит никакого бедствия, но *и не подвижется.* А причиной то, что он получает помощь самую скорую, решительную и всегда готовую, — это именно значит выражение: *утро заутра,* помощь немедленную и не долго ожидаемую, но всегда готовую и действующую быстро и в надлежащее время. *Смятошася языцы.* Другой переводчик (Акила) говорит: *собрались языки. Уклонишася царствия: даде глас свой Вышний, подвижеся земля* (ст. 7). Здесь пророк изображает силу помощи Божией. Не в маловажных опасностях, говорит, но когда цари и народы нападали со всех сторон, окружали и осаждали один наш город, он не только не потерпел от них никакого бедствия, но и победил, преодолел и рассеял нападавших. Это и значит выражение: *уклонишася царствия. Даде глас свой Вышний,* то есть как бы одним только гласом покорил города. Выражение чувственное и человекообразное; Бог побеждает не гласом и восклицанием, а одним мановением и произволением; однако он употребил здесь выражение возвышеннее прежних, желая возвести слушателя выше понятий чувственных. Представляя Бога постоянно вооруженным, и желая показать, что все это сказано в смысле переносном, образном и приспособленном к нам, — ведь ни в чем подобном Бог не имеет нужды, — он теперь прибавил: *даде глас свой, и подвижеся земля,* выражая, что не только города, народы и селения, но и самую эту стихию Бог потрясает. Впрочем *землею* Писание часто называет и людей, как, например: *и бе вся земля усте едине* (Быт. XI, 1). *Господь сил с нами, заступник наш Бог Иаковль* (ст. 8). В еврейском вместо сил сказано: *Саваоф.* Смотри, как пророк от земли обращает речь свою к небу, к бесчисленным сонмам ангелов, к ликам архангелов, к высшим силам. Что указываешь мне, говорит, на войска, на варваров, на людей побеждаемых? Представь силу Его в

небесном царстве, сколько воинств невидимых сил Он имеет в Своей власти. Справедливо он назвал их *силами*, показывая их могущество, как и в другом месте говорит: *силнии крепостию, творящии слово Его* (Пс. CII, 20). Так один ангел, некогда сошедши, умертвил сто восемьдесят пять тысяч (см.: 4 Цар. XIX, 35). Если же Он столь силен, то неужели не захочет подать нам руку помощи? Не опасайся, говорит, этого; поэтому и прибавляет: *заступник наш*. Бог и может и хочет этого: потому не бойся. А что, если мы недостойны? Но Он благоволил к отцам нашим. Поэтому и прибавляет *Бог Иаковль*, и как бы так говорит: так Он поступает всегда издавна, от начала — *перемена тона**. Другой (Акила): *всегда. Приидите и видите дела Божия, яже положи чудеса на земли. Отъемля брани до конец земли, лук сокрушит, и сломит оружие* (ст. 9, 10). Другой (неизвестный переводчик): *сломил. И щиты сожжет огнем*. Другой (неизвестный переводчик): *и колесницы сожжет огнем*. Сказав о земле, море, горах, о духовном заступлении и помощи, оказанной им, пророк опять обращает речь к зрителям, указывая на эти трофеи, по великой радости и любви своей к Господу, и возвещая победы, которые Он одержал для них. Хорошо пророк сказал: *чудеса*, а не сказал: победы и трофеи. Действительно, эти события происходили не по обыкновенному порядку вещей, победы одержаны не оружием и телесной силой, а мановением Божиим, и самые дела показывают, что Сам Господь был их предводителем. Так как слабые побеждали сильных, немногие многих, притесненные притеснителей, и все это совершалось сверх чаяния, то справедливо он называет это чудесами, как случившееся чудесно и распространившееся по всей земле.

3. Не погрешил бы тот, кто приложил бы это в переносном смысле и к настоящему времени. Христос

* В славянском нет этого слова.

прекратил жестокую войну с бесами и распространил по всей вселенной мир. Изображая это, Исаия сказал: *и раскуют мечи своя на орала, и копия своя на серпы, и не возмет язык на язык меча, и не навыкнут ктому ратоватися* (Ис. II, 4). До пришествия Христова все люди облекались в оружие и никто не был свободен от этого занятия, города воевали с городами и везде был слышен шум сражений; а теперь большая часть вселенной в мире, все безопасно занимаются ремеслами, возделывают землю, переплывают моря, и только небольшая часть носит звание воинов для охранения всех прочих. И в них не было бы нужды, если бы мы исполняли должное и не нуждались в напоминании посредством наказаний. *Огнем* пророк называет здесь гнев Божий и говорит, что они сожгут свое оружие и колесницы, одержав великую победу, что и случилось, как повествует Иезекииль (Иез. XXXIX, 10). Любознательным известно это событие. *Упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог: вознесуся во языцех, вознесуся на земли* (ст. 11). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *исцелитесь и разумейте.* Третий (неизвестный переводчик): *утихните, чтобы вам познать.* В еврейском: *уарфу, уаду.* Мне кажется, что пророк здесь вещает к язычникам и как бы так говорит: познайте силу Его и могущество, являющееся во всей вселенной; но для этого вы должны быть спокойными, должны иметь здравую душу. Слово — *утихните* означает это самое: оставьте заблуждения, отстаньте от прежнего образа жизни, выйдите из тьмы окружающих вас злых дел, дабы, руководясь указанием чудес и имея спокойную душу, вы познали Владыку всех. Для этого недостаточно только знать чудеса, но нужно иметь и признательную душу. У иудеев также были чудеса, и однако это нисколько не послужило к их спасению. Как лучи солнечные недостаточны для того, чтобы видеть, но нужен и глаз чистый и здравый, так и здесь одних чудес недостаточно. Вот почему пророк, сказав о чудесах,

желающим получить от них пользу внушает отрешиться от окружающих их зол, чтобы познать Бога всех. *Упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог,* а не идолы и истуканы. Утихните, и Я представлю вам много доказательств. Это означают слова: *вознесуся во языцех, вознесуся на земли,* то есть посредством дел явлюсь вам великим и высоким. Существо Божие, нетленное и неизреченное, высоко и само по себе, но так как вы не видите этого, то я покажу вам это делами, не только в Палестине и в Иерусалиме, но и между вами – язычниками. Так Бог прославляется, преодолевая и побеждая, творя чудеса и в Вавилоне, и в Египте, и в пустыне, и во всей вселенной, чтобы они везде могли познать Его. *Господь сил с нами: заступник наш Бог Иаковль* (ст. 12). Этот Бог, везде великий, везде высокий, есть с нами всегда. Итак, не бойтесь и не смущайтесь, имея такого непобедимого Господа, Которому подобает всякая честь и слава, со безначальным Отцом и животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 46

В конец, о сынех Кореовых. Другой переводчик (Акила) говорит: победителю сынов Кореовых

Вси языцы восплещите руками. Другой (неизвестный переводчик): рукою. Воскликните Богу гласом радования. Другой (неизвестный переводчик): ознаменуйте гласом хваления. Яко Господь вышний страшен, царь велий по всей земли (ст. 1–3)

1. Этот псалом такого же содержания (как и предыдущий). В нем пророк изображает победы и трофеи над врагами и призывает всю вселенную к прославлению совершившегося. Но, может быть, некоторым кажется недостойным начало увещания божественного Духа,

и это повеление, – рукоплескания, клики, шумные возгласы. Может быть, скажет кто-нибудь: не собирающимся в это почтенное училище, а действующим на зрелищах и пиршествах свойственно рукоплескать и производить шум руками; людям, наставляемым благодатью Духа, прилично спокойствие и благочиние. Что же означают эти слова? О каком восклицании и рукоплескании говорит пророк? Действительно, на войне и в сражении есть такой обычай, то есть восклицать и рукоплескать, чтобы устрашить неприятелей; а мирной душе это не свойственно. Между тем псалом призывает к тому и другому – к рукоплесканию и восклицанию. Что же означает сказанное? Означает не что иное, как радость и победу. Так и в другом месте пророк представляет реки рукоплещущими: *реки*, говорит, *восплещут рукою вкупе* (Пс. XCVII, 8). Также Исаия представляет деревья делающими то же (см.: Ис. LV, 12), и псалмопевец еще в другом месте представляет горы и холмы скачущими (см.: Пс. CXIII, 14), не для того, чтобы мы буквально разумели, будто горы и холмы скачут и реки рукоплещут, как бы имея руки, – это было бы крайне безрассудно, – но чтобы видели высшую степень радости. То же самое можно видеть и у людей. Почему же пророк не сказал: радуйтесь и веселитесь, но: *восплещите и воскликните*? Чтобы показать нам величайшую радость. Как Христос, когда говорит: *ты же когда постишься помажи главу твою, и лице твое умый* (Мф. V, 17), повелевает не на самом деле помазываться, – никто из нас не делает этого, – но показывать радость и веселое расположение духа (ведь Он заповедует поститься с радостью, а не с унынием), – так и здесь заповедуется нам не рукоплескать, но веселиться и радоваться, воспевая псалом. Впрочем справедливо можно разуметь этот псалом более в переносном смысле, возвышаясь над историческими событиями. Хотя пророк начинает речь с

чувственных изображений, но он руководит слушателя к духовным предметам.

Как я прежде говорил, так и теперь скажу: иное в Писании должно понимать так, как сказано, а иное в смысле переносном, — например, когда говорится: *пастися будут вкупе волки и агнцы* (Ис. XI, 6). Мы не разумеем здесь ни волков, ни агнцев, ни пастбищ, ни вола, ни тельца, но под видом бессловесных представляем нравы людей. А иное нужно принимать в двояком смысле, чувственном и духовном, — как, например, в событии с сыном Авраамовым (см.: Быт. XXII): мы видим, что сын был приносим в жертву, но под этим действием с сыном разумеем и нечто другое таинственное, именно крест. Также в агнце египетском мы видим образ страданий (Христовых). То же нужно сделать и здесь. Пророк говорит не об арабах и других соседних народах, но призывает *вся языцы. Яко Господь вышний страшен, царь велий по всей земли.* В самом начале он возбуждает слушателя, призывая к слушанию столь важного благовестия, к всеобщему славословию, к некоторому божественному и духовному празднеству, к тайноводству, принесенному с небес. Потому и говорит: *восплещите руками,* то есть радуйтесь, восхищайтесь. То же самое заповедует и евангельское учение, когда говорит: *взыграйте* (Лк. VI, 23), повелевая, конечно, не скакать и плясать, — это было бы неприлично, — но выражая особенно сильную радость, потому что совершившееся достойно великой радости. Где только светит солнце, везде распространилось евангельское учение, на всю вселенную простерлось спасение, и те, которые прежде были преданы заблуждению, явили любомудрие выше иудейского служения. *Вси языцы восплещите руками.* Руками, которые прежде были нечисты, отвратительны, ежедневно оскверняемы кровью от нечистых жертв, которыми вы убивали детей, совершали гнусные

дела и действовали вопреки самой природе, этими руками восплещите ныне. *Воскликните Богу гласом радования.* Языком, которым вы вкушали нечистое, которым произносили слова богохульные, этим языком возгласите победную песнь. Так и воины имеют обычай, когда неприятельское войско уступает, не продолжать упорного боя, но дружным криком и воплем потрясать уже пораженные души противников; и это служит знаком блистательной победы и величайшего торжества, когда считается достаточным окончить сражение не руками, а одним криком вместо рук и оружия.

2. Все это было делом Христа. Он Сам прекратил жестокую войну, связал *крепкаго* и расхитил сосуды его (см.: Мф. XII, 29). Но, как человеколюбивый, Он предоставляет наслаждаться победой и трофеями тем, которые нисколько не подвизались, и повелевает воспевать победную песнь, как будто они сами совершили это и одержали победу. Потому все мы восклицаем не тихим, но громким голосом: *где ти, смерте, жало; где ти, аде, победа* (1 Кор. XV, 55)? И еще: *взыде Бог в воскликновении.* Так сказано в настоящем псалме (ст. 6). И в другом месте: *возшел еси на высоту, пленил еси плен, приял еси даяния в человецех* (Пс. LXVII, 19). Воспели некогда и иудеи победную песнь, когда потонуло войско египтян: *поим Господеви: славно бо прославися* (Исх. XV, 1), но наша песнь гораздо торжественнее, потому что ныне погибли не египтяне, а бесы, побежден не фараон, а диавол, отнято не чувственное оружие, а умерщвлен грех, не в Чермном море, а в купели возрождения, и мы идем не в землю обетованную, а стремимся на небо, вкушаем не манну, а принимаем тело Господне, пьем не воду от камня, а кровь от ребра Христова. Поэтому пророк и взывает: *восплещите руками;* вы освободились от камней и деревьев (Ветхозаветных), и взошли на небо и на небо небес и стали перед престолом Царя. Итак *воскликните*

Богу, то есть принесите благодарность Ему, приписывайте победу Ему, трофей Ему. Это – не человеческая война, не чувственная борьба, подвиг не для чего-нибудь житейского, но для самого неба и благ небесных. Он Сам руководил этой войной и даровал нам победу. *Яко Господь вышний страшен, царь велий по всей земли.* Где ныне те, которые унижают славу Единородного? Вот Сын называется великим Царем, как называется и Отец. Не клянися, говорит Христос, *ни небом, яко престол Его есть, ни Иерусалимом, яко град есть Царя* (Мф. V, 35). И в другом месте: *Бог крепкий, Властелин,* то есть Царь (Ис. IX, 6). Итак, когда ты слышишь, что Господь твой был пригвожден, повешен на кресте, погребен, нисшел в преисподние места земли, то не смущайся и не унывай: Он – *вышний,* и вышний по естеству; а то, что высоко по естеству, не падет с высоты, не сделается низким, но и в самом уничижении остается и является высота Его. Так и Христос, когда умер, тогда особенно и явил Свое могущество против смерти. *Свет во тме светит,* говорит евангелист, *и тма Его не объят* (Ин. I, 5). Так и Его высота открылась в уничижении. Смотри, как Он, и находясь во аде, потряс все высокое; тогда солнце сокрыло свои лучи, камни распались, завеса раздралась, земля поколебалась, Иуда удавился, Пилат и жена его устрашились, сам судья оправдывался. Итак, когда ты слышишь, что Он был связан и подвергался бичеванию, то не смущайся, но смотри, как Он и в узах являл Свою силу. Он только спросил: *кого ищете,* и все пали на землю (Ин. XVIII, 4). Видишь ли, как Он *страшен,* – какие дела совершает одним словом и мановением? Когда ты видишь Его мертвым, то представь камень отваленный, ангелов, со страхом сидящих при гробе, ад расторгаемый, смерть попираемую, узников разрешаемых, и тогда уразумеешь, как Он страшен. Если же Он, во время Своего уничижения, явил такую

силу, на небе, на земле, во аде, то какой не явит во время будущего Своего пришествия? Послушай, что во время Его уничижения говорят бесы, источая пену, разрывая узы, ходя по местам непроходимым: *что нам и тебе, Сыне Божий? Пришел еси семо прежде времени мучити нас* (Мф. VIII, 29). Если же так говорили они тогда, то что скажут, когда Он опять придет, и силы небесные поколеблются и солнце померкнет, и луна не даст света своего? Поэтому пророк и говорит: *вышний страшен.* Или лучше, кто достойно выразит все, повествуя о том дне, когда Он пошлет ангелов по всей вселенной, когда все сотрясется, земля поколеблется, возвращая залог умерших, бесчисленные тела восстанут, небо совьется, как свиваемое полотно; когда поставится страшный престол (см.: Дан. VII, 9), потекут огненные реки, отверзутся книги, совершенное каждым во мраке сделается явным; когда будут невыносимые наказания и мучения, ужасные силы, обнаженные мечи, отведение в геенну; когда прекратятся всякие отличия, и царей, и военачальников, и градоначальников, и предстоятелей, явится множество ангелов и сонмы мучеников, пророков, апостолов, священников, монахов, когда последуют неизреченные награды, воздаяния, венцы, блага, превосходящие разумение?

3. Кто может выразить это словом? Если пророк, описывая творения, утомился и отступил, сказав: *яко возвеличишася дела твоя Господи* (Пс. XCI, 6), и если Павел, рассматривая один вид промышления Божия, воскликнул: *о, глубина богатства* (Рим. XI, 33), то что скажет тот, кто станет описывать этот день? Все это предвидел пророк и сказал: *Господь вышний страшен, царь велий по всей земли,* указывая на спасение вселенной. Он и прежде был великим Царем, но не был познан: *мир тем бысть, и мир его не позна* (Ин. I, 10); а теперь Он сделал и это, стал великим Царем и для нас, которых усвоил

Себе. В самом деле, не велик ли Тот, Кто, послав по всей вселенной рыбарей бедных, неученых, простых, числом одиннадцать, незнатных, оставивших отечество, безгласных, как рыбы, с одной одеждой, без обуви, почти нагих, уловил всех как бы по повелению? Истинно Он – великий Царь, очистивший вселенную от заблуждения, распространивший истину в короткое время и уничтоживший владычество диавола; Он и без подчиненных – великий Царь, имеющий силу и власть не от рабов, не по внешнему виду и одежде, но по самому своему естеству. *Аз,* сказал Он, *на сие родихся* (Ин. XVIII, 37). Он – великий Царь, имеющий честь не отвне откуда-нибудь, не нуждающийся ни в чем для того, чтобы быть Царем, делающий все, что хочет. *Шедше научите вся языцы,* сказал Он (Мк. XVI, 15), – и слово стало делом. *Хощу, очистися* (Мф. VIII, 3); тебе говорю, *душе глухий, изыди из него* (Мк. IX, 24); *молчи, престани* (Мк. IV, 39); *идите во огнь, уготованный диаволу* (Мф. XXV, 41); *приидите, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира* (Мф. XXV, 34). Видишь ли везде Его власть? Видишь ли Его силу? Он так привлек к Себе покорившихся Ему, что они готовы скорее положить душу свою, нежели нарушить Его заповеди. Обыкновенный царь принимает честь от своих подданных: а Он сам дарует честь Своим подчиненным. Вот почему там одно только название, а здесь – дело. Он – великий Царь, сделавший всю вселенную небом, научивший варваров любомудрствовать и подражать ангелам. *Покори люди нам, и языки под ноги наша* (ст. 4). О, чудо! Распявших Его убедил поклониться Ему; оскорблявших, богохульствовавших, преданных каменным истуканам научил полагать душу свою по Его произволению. Подлинно не апостолами совершено это, а Тем, Кто руководил их и управлял их душой. Как мог рыбарь или делатель палаток произвести такую перемену во вселен-

ной, если бы глаголы Его не устранили всех препятствий? Волшебников и тиранов, ораторов и философов, и всех противившихся апостолы рассеивали, как прах, и разгоняли, как дым, и таким образом распространяли свет истины, не оружием, не богатством, но простым словом, или лучше, слово их было не простое, а сильнее всякого дела. Когда они призывали имя Распятого, — смерть удалялась, бесы убегали, болезни исцелялись, телесные повреждения исправлялись, зло истреблялось, опасности исчезали, стихии изменялись.

Поэтому, когда скажут нам: почему же Он не помог Самому Себе на кресте? — то мы ответим: это еще более удивительно. В самом деле, не одно и то же — сойти со креста, или, будучи распятым, именем Своим воскресить столько умерших. А что Он остался тогда на кресте добровольно, это доказали последствия. Если Он избавлял других от постигавшей их смерти, то тем более мог избавить себя самого прежде, нежели она постигла Его; если Он даровал жизнь другим, то тем более мог даровать самому себе, что и сделал через три дня, воскресши с великой силой. Это доказали последствия. Если имя Его над чужими телами оказывало такую силу, что, будучи произносимо, отгоняло смерть, то никто не может сомневаться, что и над собственным телом Он мог показать великую силу и покорить смерть. *Покори люди нам, и языки под ноги наша.* Посмотри на мудрость пророка, как он выражает все точно. О чем впоследствии говорили апостолы: *что на ны взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом его ходити ему* (Деян. III, 12), о том же гораздо прежде говорит и пророк. Слова *под ноги* означают покоренное, или, лучше, великую покорность. Если хочешь знать, сколь велика эта покорность, послушай. *Елицы господие селом, или домовом бяху*, говорит Писание, *продающе приношаху цены продаемых и полагаху при ногах апостол* (Деян. IV, 34).

Иные вместе с имуществом отдавали и душу свою. *Иже по души моей*, говорит Павел, *своя выя положиша* (Рим. XVI, 4), и о других говорит: *аще бы было мощно, очеса ваша извертевше дали бысте ми* (Сол. IV, 15); и в послании к Коринфянам говорит: *се бо сие самое, еже по Бозе, оскорбитися вам, колико содела в вас тщание; но ответ, но негодование, но страх, но вожделение, но ревность, но отмщение* (2 Кор. VII, 11). Так они почитали и боялись апостолов! Также Лука пишет: *от прочих же никтоже смеяше прилеплятися им, но величаху их людие* (Деян. V, 13). И еще Павел говорит: *что хощете: с палицею ли прииду к вам, или с любовию и духом кротости* (1 Кор. VI, 21)?

4. Видишь ли достоинство и власть апостолов? Все это сделано тем словом, которое Он изрек, посылая их: *Аз с вами есмь* (Мф. XXVIII, 20). Он сам, предшествуя им, уничтожал препятствия; сам уравнивал все и делал трудное легким. Прежде все дышало войной, все было исполнено утесов и пропастей, и негде было ни поставить ноги, ни остановиться, все пристани были закрыты, все дома заперты, уши всех заграждены, но как скоро апостолы вышли и стали проповедовать, то разрушили все преграды врагов, так что слушатели отдавали души свои и подвергались бесчисленным опасностям за проповеданное. *Избра нам достояние свое, доброту Иаковлю, юже возлюби* (ст. 5). Другой переводчик (Симмах) говорит: *прославление Иаковле.* Посмотри на точность пророчества. Выше пророк сказал: *покори люди нам и языки.* И действительно, наперед обратились иудеи, сначала в числе трех тысяч, потом пяти, а после них язычники. И Сам Господь сказал: *и ины овцы имам, и тыя ми подобает привести, и будет едино стадо, един пастырь* (Ин. X, 16). Далее, чтобы кто-нибудь, услышав слова: *избра нам достояние свое,* не стал недоумевать, сомневаться и говорить: почему же иудеи не веруют ныне? — пророк дополнительными словами разрешил

недоумение. Бог со Своей стороны избрал и их и, сколько от Него зависело, не оставил никого. Если хочешь знать и причину, то выслушай следующее: *доброту Иаковлю, юже возлюби,* присовокупляет пророк. Мне кажется, что он здесь разумеет верующих, как Павел объяснил, сказав: *не такоже, яко отпаде слово Божие: не еси бо сущий от Исраиля, сии Исраиль: но во Исааце наречется ти семя: сиречь, не чада плотская, сия чада Божия: но чада обетования причитаются в семя* (Рим. IX, 6–8). Верующих справедливо можно назвать *добротою* народа, так как что прекраснее тогдашних верующих?

Достоянием же Его называет пророк этот народ не потому, чтобы Бог когда-нибудь оставлял прочие народы, но чтобы выразить сильную к нему любовь Божию, близость и особенное промышление. А чтобы тебе видеть точность пророка, посмотри, как он употребляет выражение, которое обыкновенно употребляют люди о вещах покупаемых. Многие, покупая что-нибудь, часто называют *добротою* то, что превосходит прочие вещи. Так и пророк, желая показать, что не все спасутся, говорит: *доброту Иаковлю.* То же и в Евангелиях выражается многими притчами. *Взыде Бог в воскликновении* (ст. 6). Не сказал: вознесен, но: *взыде,* выражая, что Христос вознесся не при помощи кого-нибудь, ведшего Его, но Сам шел этим путем. Илия и не таким путем восшел, каким Христос, и вознесен был посторонней силой, потому что человеческое естество не может идти несвойственным ему путем, а Единородный *взыде* собственной властью. Потому и Лука сказал: *и взирающе бяху идущу ему на небо* (Деян. I, 10). Не сказал: когда Он был взят, или возносим, потому что это было Его собственное восхождение. Если Он еще прежде распятия ходил по водам, будучи облечен вещественным и подверженным страданию телом, то удивительно ли, что, приняв тело нетленное, Он вознесся по воздуху? Где же *воскликновение?*

Кто восклицал, когда Он восходил? Тогда было молчание и только одиннадцать учеников присутствовали при этом. Видишь ли, что не нужно принимать эти выражения в буквальном смысле, но постигать означаемое ими? Как я в начале псалма говорил, что восклокновением он означает нечто другое, именно победу, трофей, так и здесь он говорит: *в воскликновении*, то есть выражает, что Христос восшел с победой, поправ смерть, разрушив грех, прогнав бесов, истребив заблуждение, переменив все на лучшее, возведши наше естество в прежнее, или гораздо лучшее отечество. И когда Он восходил, то ничто не противостало Ему, ни власть греха, ни могущество смерти, ни сила клятвы, ни владычество тления и нечестия, ничто подобное, но, расторгнув все это, как паутину, ниспровергнув сонмища бесов и силы диавола и все прочее, Он восшел, совершив то, что благоволил.

5. Вот почему и Павел, изображая победу Христову, сказал: *совлек начала и власти, изведе в позор дерзновением, изобличив их в себе.* И еще: *истребив еже бе на нас рукописание ученьми, еже бе сопротивно нам, и то взят от среды, пригвоздив е на кресте* (Кол. II, 14, 15). *Господь во гласе трубне.* Этим пророк выражает то же самое, то есть блистательную победу. Впрочем, здесь можно разуметь и нечто другое, именно известность, ясность, торжественность. Хотя при самом событии никто не знал о нем, но оно сделалось так известным, как будто прозвучала труба, или еще более. Это событие происходило тогда тихо, но оно не укрылось почти ни от кого из жителей вселенной и самое существо дел так прославило его, как будто прозвучала труба, или еще более. Действительно, звучная труба не могла бы так созвать всех на это зрелище, как впоследствии глас дел доказал вознесение (Христово), возвестив о нем сильнее всякого грома. Не так мог бы гром огласить вселенную, как ясно дела огласили людей и тогдашних, и буду-

щих. Гром слышен только для присутствующих; а эти дела возвестили о событии всем поколениям яснее трубы и слышнее грома.

Впрочем, не погрешил бы тот, кто назвал бы трубами уста апостолов, трубами не медными, но лучше золота и драгоценнее драгоценных камней. А для чего пророк не сказал: в трубе, но: *во гласе трубне*? Для того, чтобы выразить их единодушное согласие, как и Павел говорит: *аще убо аз, аще ли они, тако проповедуем* (1 Кор. XV, 11), – и еще говорится: *народу же веровавшему бе сердце и душа едина* (Деян. IV, 32). Апостолы возвещали, как трубы, не на войну призывая, но благовествуя победу. Как войскам, когда они идут на сражение, вместе со знаменами предшествуют и трубы, чтобы ободрять присутствующих, действуя не на зрение только, но и на слух, – так было и тогда. Когда апостолы входили в какой-нибудь город, то как бы звучали трубы, и все стекались слушать их. *Пойте Богу нашему, пойте: пойте цареви нашему, пойте. Яко царь всея земли Бог, пойте разумно. Воцарися Бог над языки* (ст. 7–9). Сказав о величии события, пророк призывает вселенную к прославлению Бога с великим усердием, почему и повторяет несколько раз: *пойте;* и притом призывает петь не просто, но с великим разумением. Что значит: *пойте разумно?* Познав случившееся, говорит, уразумев величие событий. И еще нечто другое, мне кажется, выражает он словом: *разумно,* именно петь не голосом только, но и делами, не устами только, но и жизнью. *Воцарися Господь над языки.* Другой переводчик говорит: *выше языков.* О каком царстве говорится здесь? Не о царстве вследствие сотворения, но о царстве вследствие усвоения нас Богу. Бог царствовал над всеми и прежде, как Творец и Создатель; а теперь воцарился над людьми, добровольно и с благодарностью покорившимися Ему. Действительно, достойно величайшей хвалы и удивления то,

как Христос, поносимый иудеями, произвел в людях такую перемену, что прославляется по всей вселенной. Те, которые никогда не читали пророков, не знали закона, но по образу жизни были подобны диким зверям, внезапно изменились, оставили все заблуждения и покорились, не два, три, четыре или десять народов, но живущие по всей вселенной.

Бог седит на престоле святем своем. Что значит: *седит на престоле?* Царствует, управляет. Хорошо сказал пророк: *на святем,* потому что Он не только царствует, но и царствует свято. Что значит: царствует свято? Чисто. Люди, достигнув такой власти, употребляют свою силу на неправду, а Его владычество чуждо всего подобного, чисто и свято. Его судилище не изменяется и не искажается ни обольщением, ни чем-нибудь подобным, но всегда чисто, праведно, сияет светлее всякой чистоты, блистает неизреченной славой. *Князи людстии собрашася с Богом Авраамлим: яко Божии державнии земли зело вознесошася* (ст. 10).

6. Здесь указывается на распространение Евангелия, которое коснулось не только простых людей, но и облекающихся в диадему и сидящих на царском престоле. Потом выражая, что один и тот же Бог и Нового и Ветхого Завета, пророк говорит: *с Богом Авраамлим;* иначе сказать: один и тот же Бог – Бог праотцов, и давний закон. Потому и Иеремия говорил: *завещаю вам завет нов, не по завету, егоже завещах отцем вашим, в день, в оньже емшу ми за руку их, извести я от земли Египетския* (Иер. XXXI, 31, 32), – выражая, что один и тот же Законодатель и Нового и Ветхого Завета. Также Варух говорил: *сей Бог наш, не вменится ин к нему. Изобрете всяк путь хитрости, и даде ю Иакову отроку своему, и Исраилю возлюбленному от него. Посем на земли явися, и с человеки поживе* (Вар. III, 36–38), – выражая, что Давший закон есть и Воплотившийся, а Воплотившийся есть и Дав-

ший закон. То же и этот пророк говорит в словах: *собрашася с Богом Авраамлим.* В еврейском, вместо: с Богом, сказано: *ем Елои Авраам.* Каким образом это произошло? *Яко Божии державнии земли зело вознесошася.* Кто же эти *державнии Божии,* как не апостолы и все верующие? Так как сила их столько просияла, то пророк и говорит, что они вознеслись над всеми. Хорошо назвал он их державными. В самом деле, не державны ли те, которые противостояли всей вселенной, бесам, диаволу, народам, городам, язычникам, тиранам, наказаниям, мучениям на сковородах и в печах, обычаям, силе природы, преодолели все, стали выше всего и ничем не были побеждаемы? Не державны ли те, которые и по смерти явили такую силу? Не державны ли те, которых слова крепче адаманта, и никакое время не сокрушает их, но с каждым днем более и более возрастают, так как проповедь евангельская распространяется везде, по всем странам вселенной? За все это возблагодарим человеколюбивого Бога, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 47

Песнь псалма сынов Кореовых

Велий Господь и хвален зело во граде Бога нашего, в горе святей Его, благоукореняя радованием всея земли. Другой переводчик (Акила) говорит: хорошим произрастением, утехою всей земли. Третий (Симмах): от начала предопределенным просвещением всей земли (ст. 1—2)

1. И здесь пророк изображает прекращение войн и избавление от борьбы. Иудеи, возвратившись из земли Вавилонской, избавившись от продолжительного плена, получив опять отеческую землю и избежав многих

войн, в благодарность за все эти блага воспевают Виновнику их песнь и говорят: *велий Господь и хвален зело. Велий*, а как велик, не говорит пророк, потому что этого никто не знает, – почему и прибавляет: *и хвален зело.* Величию Его нет предела. Смысл этих слов следующий: должно прославлять и величать Его одного, и притом выше всякой меры, прославлять как за беспредельное и непостижимое величие существа Его, так и за чрезвычайные благодеяния Его к нам. Он и хотел, и имел силу сделать, что хотел. *Во граде Бога нашего, в горе святей Его.* Что говоришь ты? Здесь заключаешь славу Его, великого и хвального, в этом городе и в этой горе? Нет, не то говорю я, отвечает пророк, но то, что мы прежде других познали Его. Или это он выражает словами: *во граде Бога нашего*, или желает показать, что в нем явилась слава и величие Божие посредством бывших здесь чудес, когда тех, которые были пленены, рассеяны, унижены, содержимы в стране врагов, как во гробе, он внезапно возвеличил так, что они преодолели своих притеснителей, достигли прежнего благосостояния и наследовали отечество в древнем виде. Хотя величие Его, говорит, возвещают и видимые твари, но так как многие люди издревле неразумны, то Он внушает познание о Себе и посредством врагов и победы, часто воздвигая чудные трофеи, изменяя обстоятельства к лучшему и совершая такие чудеса сверх всякого чаяния и надежды. А Божиим пророк называет этот город не в том смысле, будто прочие города лишены промысла, но выражая, что иудеи имели некоторое преимущество перед другими в познании Его. Тогда как другие города могли быть названы Божиими только в отношении сотворения, этот был таков и по особенной близости к Богу, и потому, что все чудеса были совершены здесь. Итак, тогда этот город назывался Божиим; а ныне все мы называемся Божиими. *Иже Христовы*

суть, говорит апостол, *плоть распяша со страстми и похотми* (Гал. V, 24) Видишь ли силу добродетели? И гора названа Божией потому, что на ней совершалось служение Богу. *Благоукореняя радованием всея земли.* Эти слова весьма неясны; поэтому нужно быть внимательным. Читающий их поверхностно приходит в великое недоумение, а тщательно вникающий в них увидит последовательность и точную связь мыслей. Смысл этих слов следующий: *велий Господь во граде Бога нашего, в горе святей Его, благоукореняя*, то есть хорошо укореняя, хорошо утверждая, хорошо укрепляя его на радость и веселье всей вселенной. То же выразил и другой переводчик, сказав: *предопределенным просвещением всей земли*, то есть сделал его просвещением и утехой всей вселенной. Отсюда – источник благочестия, корни и начала богопознания. Так, Господь укоренил его и крепко утвердил на украшение всей вселенной, на радость и веселье всей земли. Иерусалим был тогда училищем земли, и хотевшие получить радость, украситься и просветиться здесь научались нужному. Вот почему пророк, выражая это, и не сказал: укореняя, но: *благоукореняя*. Впрочем, если желаешь принимать эти слова и в переносном смысле, то увидишь истину их на делах. Действительно оттуда произошло утешение для всей вселенной, оттуда радость и веселье, оттуда источники любомудрия, там распят Христос, оттуда вышли апостолы: *яко от Сиона изыдет закон и слово Господне из Иерусалима* (Мих. IV, 2). И эта радость имеет корни бессмертные. *Горы Сионския, ребра северова.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *горы Сионския, бедра северова.* В еврейском: *гора Сион, на северной стране* (ар Сион иерхфи сафун). Почему, скажи мне, пророк упоминает теперь о севере и описывает нам местоположение? Потому, что отсюда часто воздвигались войны на иудеев, от нашествия варваров, и пророки часто говорят об этом, называя войну север-

ной и описывая *коноб поджигаемый* оттуда (Иер. I, 13). На севере в отношении к Палестине лежит страна персов. Удивляясь бывшему, пророк прибавил это, желая выразить: Ты сделал Палестину непобедимой с той стороны, откуда она постоянно терпела нападения. Как если бы кто-нибудь сказал о теле: ты сделал слабую часть его самой крепкой, так точно и пророк выражает ту же мысль: откуда вопли и слезы, откуда причины бедствий – те части исполнились удовольствия и благоденствия; откуда угрозы, ужасы и опасности – оттуда радость и веселье, и никто уже не боится той северной страны мира, никто не опасается, никто не имеет подозрения, но все радуются, потому что Ты укоренил ее в радости. *Град царя великаго. Бог в тяжестех его знаем есть, егда заступает и* (ст. 4). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *познан.* Третий (Симмах и неизвестный переводчик): *Бог в царских чертогах его будет познан в крепости.* Четвертый: *Бог в тягостях его познан в избавлении его.*

2. Пророк возвещает достоинство, славу, венец этого города словами: *град царя великаго.* Потом, показывая, почему он есть *град царя великаго,* прибавляет: *в тяжестех его знаемъ есть* Бог, Который являет великое о нем промышление, спасает его всего со всех сторон, печется о нем не только в совокупности, но и о каждом доме его промышляет. Нам Он известен и без этого, но врагам Он показал силу Свою и таким образом. Так, когда на Езекию напали толпы варваров и окружили весь город, как бы сетью, то отступили от него, оставив после себя множество мертвых (см.: 4 Цар. XIX). Многие и другие враги приступали к нему и удалялись с бесчестьем. Все это, говорит пророк, совершено промыслом Божиим и сделало этот город славным, и он стал велик, не потому, что славен, но потому, что прославился таким образом. *Яко се царие земстии собрашася, снидошася вкупе* (ст. 5). Другой переводчик (Симмах) говорит: *вот*

цари соединились строем. Тии видевше тако, удивишася, смятошася, подвигошася: трепет прият я: тамо болезни, яко раждающия (ст. 6, 7). *Духом бурным.* Другой (Симмах): *ветром сильным.* Третий (Акила): *ветром жгучим. Сокрушиши корабли фарсийския.* Другой (Симмах): *разрушишь.* В еврейском сказано: *фарсис.* Он описывает здесь войну тяжкую и поднявшуюся со всех сторон, а потому и славнейшую победу. Сказав, что Господь защищает этот город и оказывает великое о нем промышление, теперь объясняет, как Он защищал его. Когда напали на него, говорит, многочисленные народы, — их разумеет он под множеством *царей,* — и не просто напали, но *собрашася и снидошася,* тогда произошли такие дела, что сами они, удивившись чудесам, отступили. Война приняла такой оборот, что они сами, пришедши в изумление и страх, рассеялись и с великим расстройством обратились назад, испугавшись многие немногих, собранные вместе несобранных, и были в положении нисколько не лучше жены рождающей. Отсюда видно, что война происходила не по устроению человеческому, но Бог был распорядителем борьбы, не только приводя в смятение мысли врагов, но и потрясая сердца их, повергая их в болезни рождения и производя в них невыразимый страх. И случилось то же, как если бы собрался большой флот, и бурный ветер поднявшись сокрушил все корабли, потопил суда, и привел все внезапно в великое смятение. Этим примером, кажется мне, пророк выражает легкость победы и чрезвычайность смятения. И те, которые владели флотом и пришли из отдаленной и чужой страны, погибли все от гнева Божия, как бы от бурного ветра. Поэтому он означил и место, откуда они пришли, прибавив: *фарсийския.* То же выражено и в еврейском этим словом, которое мы привели для вас в чтении текста. Таким образом, или это можно разуметь, или то, что я прежде сказал, то есть как бур-

ный ветер поднявшись часто сокрушал корабли фарсийские, так точно Бог рассеял эти толпы. *Яко же слышахом, тако и видехом во граде Господа сил, во граде Бога нашего* (ст. 9). Видишь ли, как он объясняет вышесказанное выражение: *благоукореняя*? Не сказал: благоукоренив, но: *благоукореняя*, то есть постоянно промышляя, постоянно заботясь, постоянно ограждая. Сказав о том, что случилось в его время, он обращается к древним событиям и показывает, что первое согласно с последним. О чем, говорит, мы слышали на словах, то видели и в делах, то есть победы, трофеи, Божие промышление, дивные чудеса. Господь никогда не переставал совершать их. Ему свойственно и избавлять от опасностей, и руководить к богопознанию. Не напрасно пророк напомнил и о случившемся за долгое время. Нужно было научить и древними событиями, новыми делами, чтобы грубейшие из слушателей от настоящего научались верить и давно бывшему, получали двоякую пользу и таким образом слух заменял бы у них зрение. *Бог основа и в век. Прияхом, Боже, милость твою посреде людей твоих* (ст. 10). Другой переводчик (Симмах) говорит: *мы признали Боже, милость твою среди людей твоих*. В еврейском: *в храме твоем исповедали* (ихалах деммину). *По имени твоему, Боже, тако и хвала твоя на концах земли* (ст. 14).

3. Сказав: *яко же слышахом, тако и видехом*, пророк говорит далее, что он слышал и что видел. Что же он слышал и что видел? То, что благодать Божия делает город крепким и непоколебимым; она – его основание и сила; она делает его неприступным, не человеческая помощь и содействие, не сила оружия, не башни и стены, а что? Бог хранит его. Иудеев особенно нужно было учить этому, почему пророк часто и внушает им это. *Прияхом, Боже, милость твою посреде людей твоих*. Что значит: *прияхом*? Надеялись, ожидали, и познали человеколюбие Твое. Сказав, что Господь *укоренил* город,

основал и оградил, и желая показать, что это попечение бывает не по достоинству получающих, а по благости Дающего, и вместе желая смирить гордость их, он как бы так говорит: все это дела Твоей милости, Твоей славы, Твоей благости. Поэтому и прибавляет: *по имени твоему, Боже, тако и хвала твоя на концах земли. Хвала твоя,* говорит, совершает дела столь великие и дивные, столь высокие и славные. Не по мере и достоинству получающих благодеяния Ты оказываешь попечение, а по Своему величию. *Хвала,* то есть благая весть о делах, сделала их известными. Хотя они совершались в Палестине, но, по величию и важности своей, достигли последних пределов вселенной, и живущие далеко узнавали все. Так, о бывшем в Египте иерихонская блудница знала точнее присутствовавших при этом (см.: Нав. II, 10); случившееся в Палестине рассказывали жившие в стране персидской; о происходившем в самой Персии знали жившие на крайних пределах земли. Для этого царь и отправил послания по всей вселенной, возвещавшие о случившемся в печи вавилонской (см.: Дан. III, 98). Поэтому пророк, сказав: *хвала твоя на концах земли,* присовокупил: *правды исполнь десница твоя.* Как он обыкновенно поступает, восходя от бывающего у людей к тому, что свойственно существу Божию, так поступает и в настоящем месте: не потому, чтобы можно было разуметь в Боге что-нибудь прибывающее или убывающее, — да не будет, — но потому, что слово и язык человеческий слабы, и потому нужно соединять с словом богоприличную мысль.

Итак, говоря здесь о принадлежностях естества Божия, он выражает то, что существенно свойственно Богу. Что же такое? *Правды исполнь,* говорит, *десница твоя;* показывает, что случившееся было следствием не достоинства облагодетельствованных, но существенного свойства Божия, потому что самое существо Его ра-

дуется правде, утешается человеколюбием. Это Его дело, Его обычай; потому они и получали такие благодеяния. Как огню свойственно согревать и солнцу светить, так и Богу свойственно благотворить, и даже не так, а гораздо более. Потому пророк говорит: *правды исполнь десница твоя,* выражая щедрость, свойственную существу Божию. *Да возвеселится гора Сионская, и да возрадуются дщери Иудейския, судеб ради твоих, Господи* (ст. 12). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *о судах твоих. Обыдите Сион и обымите его.* Другой (неизвестный переводчик): *и окружите. Поведите в столпех его* (ст. 13). Другой (Симмах): *исчислите столпы его.* Третий (неизвестный переводчик): *восхвалите. Положите сердца ваша в силу его.* Другой (Симмах): *в ограду.* Третий (Акила): *благосостояние. И разделите домы его.* Другой (Симмах): *измерьте царские чертоги его. Яко да повеете в роде ином* (ст. 14). Другой (Симмах): *роду последующему. Яко той есть Бог наш в век века: той упасет нас во веки* (ст. 15). Нам не нужно объяснять, для чего пророк заповедует все это, – обойти город, исчислить столпы, обратить внимание на здания, рассмотреть его красоту, определить его ограды и стены, измерить дома и дворцы; слова его ясны сами по себе. Сказав это, он тотчас присовокупил и причину. Какую? *Яко да повесте в роде ином.* Смысл слов его следующий: исполнитесь удовольствия, возрадуйтесь, возвеселитесь, но не просто и как случится, а тщательно изучив крепость города. Когда он сделался развалинами, был разрушен до основания, и самое место его почти исчезло, так что предки наши уже отчаялись в его исправлении и говорили: *сухи быша кости наша, убиени быхом, потребихомся* (Иез. XXXVII, 11; Чис. XVII, 12), и не надеялись возвратить его, тогда и получили его опять, и притом не таким, каким оставили, а гораздо лучшим, красивейшим, славнейшим, большим, богатейшим, крепчай-

шим, обширнейшим и по зданиям, и по торговле, и по силе, и по обилию богатства. *Будет*, говорит пророк, *слава храма сего последняя паче первыя* (Агг. II, 9). Итак, он увещевает народ и как бы так говорит ему: вот этот самый город, который был в отчаянном положении, без надежды, и обратился в развалины, как опять достиг блистательнейшего состояния? Посмотрите на все это, на его здания, блеск, красоту, и познав отсюда могущество Божие, как Бог возвеличил его из отчаянного состояния, возвестите потомкам вашим о силе Божией, о постоянном Его промышлении, о том, что Он всегда печется о нас, защищает и пасет нас. Такие повествования послужат и для потомков предметом великого любомудрия, уроком ревностнейшего богопознания и побуждением к добродетели. Для того пророк и заповедует обойти город, чтобы они могли быть опытными учителями потомков своих.

4. Так и мы, всегда и постоянно созерцая его, будем иметь в уме город наш Иерусалим, будем непрестанно представлять красоты этого города, который есть столица Царя веков, в котором обитают духи праведных, сонмы патриархов, апостолов и всех святых, где все постоянное, а не преходящее, где красоты нетленные и невиданные, составляющие наследие только тех, которые совершенно забыли о тленных и временных житейских попечениях, то есть о богатстве, роскоши и пагубных удовольствиях диавола. Будем же каждый день преуспевать в братолюбии и дружелюбии к нуждающимся, в любви к ближним и сердечном прощении оскорбляющим нас, чтобы таким образом, проведши жизнь хорошо и богоугодно, мы могли сделаться наследниками небесного царства во Христе Господе нашем, Которому слава и держава, с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 48

В конец, сыном Кореовым. Другой переводчик (Симмах) говорит: победная песнь

Услышите сия вси языцы. Другой (неизвестный переводчик): услышьте это. Внушите вси живущии по вселенней. Другой (неизвестный переводчик): на закате. Третий (Акила и Симмах): на западе. В еврейском: во вселенной (олд). Земнороднии же и сынове человечестии. Другой (Симмах): человечество и притом сыны каждаго мужа. Вкупе богат и убог. Другой (неизвестный переводчик): вместе (ст. 1—3)

1. Теперь пророк хочет сказать нам нечто великое и таинственное. Он не призывал бы к слушанию жителей всей земли, не составлял бы зрелища вселенского, если бы не намеревался сказать нам что-нибудь великое, славное и достойное великого собрания. Он уже не иудеям только, живущим в Палестине, изрекает пророчество, но, как апостол и евангелист, обращает речь ко всему роду человеческому. Закон научал народ в одном углу вселенной, а слово проповеди (евангельской) возвещено по всей земле и распространилось по всем странам, какие только освещает солнце. Тот был некоторым руководством и предуготовлением и служил к осуждению и смерти, а это — благодать и мир. Итак, если он призвал к слушанию весь род человеческий, то приступим и мы и посмотрим, что хочет сказать нам псалмопевец, общий наставник рода человеческого. Как, хотя бы то были варвары, хотя бы мудрецы, хотя бы простолюдины, ты всем повелеваешь приступить? Да, говорит, поэтому и начинает так: *вси языцы*, и еще присовокупляет: *земнороднии же и сынове человечестии*, разумея все человечество. О, какое учение! Как оно полезно всем и относится ко всем! Поэтому он и призывает всех не только просто слушать, но и повелевает внимать возве-

щаемому с великим усердием и ревностью. Не сказал только: *услышите сия вси языцы*, но и: *внушите*. Выражение *внушите* значит не что иное, как слушать с усердием и напряженным вниманием. Слово *внушать* употребляется собственно тогда, когда кто-нибудь говорит к самому уху, и сам внимая, и другого заставляя внимать внушаемому. *Внушите вси живущии по вселенней*. Если есть племена, еще не сложившиеся в народы, рассеянные и кочующие, то и их, говорит, я призываю к слушанию. И посмотри на мудрость проповедника. Прежде всего он возбудил внимание и возвысил душу слушателей, призвав всех их вместе к слушанию; а потом, когда призвал, смиряет гордость их, чтобы они по многочисленности своей не стали превозноситься. Действительно, кто намеревается говорить о предметах любомудрия, тому особенно нужны такие слушатели, сокрушенные и смиренные, чуждые гордости и тщеславия. Как же он смирил их душу? Напомнив им об их природе. Сказав: *языцы*, он присовокупил: *земнороднии же и сынове человечестии* — указал на природу, из которой начало бытия нашего, напомнил об общей матери всех нас. Для чего он прибавил: *сынове человечестии*? Так как он сказал: *земнороднии*, то чтобы кто-нибудь не подумал, подобно языческим баснословам, будто люди в начале выросли из земли, как некоторые баснословили, представляя людей посеянными, он и прибавил: *сынове человечестии*. Отцы ваши — люди, но начало бытия у вас и у них — земля. *Почто же гордится земля и пепел* (Сир. X, 9)? Представь свою мать и смири гордость, укроти высокомерие; вспомни, что ты *земля еси и в землю отыдеши* (Быт. III, 19), и оставь всякое тщеславие. Мне нужен такой слушатель; для того я смиряю тебя, чтобы сделать тебя способным к принятию возвещаемого. *Вкупе богат и убог*. Видишь высокое достоинство Церкви. В самом деле, не высокое ли это достоинство, что она не делает выбора между слушателями

по званиям, но равно преподает все учение, предлагает общую трапезу и богатому и бедному? Сказав о том, что соединяет всех, то есть что все — земнородны, все — сыны человеческие, указав на общую всех природу, пророк потом обращается к кажущемуся различию и неравенству в житейском отношении и отвергает это различие, призывая всех вообще, потому что у нас общая природа. Призываю, говорит, всех вообще, потому что у нас общее жилище — вселенная; вы придумали различие по богатству и бедности и ввели неравенство, но я опять отвергаю его, не предпочитая богатых и не унижая бедных, равно не призывая и одних бедных и не отгоняя богатых, но призывая тех и других, и не просто тех и других, тех прежде, а этих после, или этих прежде, а тех после, но *вкупе*. Пусть будет общее собрание, общее слово, общее слушание. Хотя ты богат, но ты произошел из того же праха, явился на свет так же, как и бедный, одинаковым рождением: и ты — сын человеческий и он.

2. Если же самое главное и существенное у всех вас одинаково и разно, то для чего ты превозносишься тенями и призраками, из-за ничтожного расторгая общее? У вас общая природа, общее рождение, общая собственность: для чего же ты делаешь внешнюю принадлежность поводом к разделению? Я не терплю этого и потому призываю тебя вместе с бедным: *вкупе богат и убог*. В других местах не увидишь вместе богатого и бедного, ни в судилищах, ни в царских чертогах, ни на торжищах, ни на пиршествах; там один в чести, другой в презрении, тот с дерзновением, этот со стыдом: *мудрость нищаго уничижена, и словеса его не суть послушаема* (Еккл. IX, 16); *богатый возглагола, и оправдаша его: убогий возлагола, и не даша ему места* (Сир. XIII, 27, 28). А здесь не так. В Церкви я не терплю такого преимущества и такого безумия, но предлагаю всем общее уче-

ние. Посмотри на мудрость учителя, как он еще прежде, нежели начал проповедь, одним воззванием преподал величайший урок. Призвав всех вместе, он не попустил ни богатому превозноситься, ни бедному оставаться в унижении, и показал, что как богатство не есть благо, так и бедность не есть зло, но то и другое относится к вещам излишним и внешним. Для меня, говорит, нет никакого различия, будешь ли тем или этим; ни в богатстве твоем я не вижу преимущества, ни в бедности недостатка. Но, может быть, кто-нибудь скажет ему: если ты человек, имеющий такую же природу, то как ты считаешь себя достойным и способным быть учителем вселенной и призываешь всех с концов земли? Разве ты имеешь сказать что-нибудь достойное такого собрания? Да, говорит он. Призвав вселенную и тем сделав слова свои достоверными, послушай, что говорит он: *уста моя возглаголют премудрость, и поучение сердца моего разум* (ст. 4). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *и прошепчет сердце мое разумение.* В еврейском *произнесет* (уагиф). Видишь ли, как он скоро объяснил слова свои? Не о богатствах, говорит, я буду беседовать, не об отличиях, не о власти, не о силе телесной, не о другом чем-нибудь из вещей тленных; я намереваюсь обстоятельно говорить о премудрости, которая не напрасно и не случайно досталась мне. *Приклоню в притчу ухо мое* (ст. 5). Другой (неизвестный переводчик): *приклоню к притче ухо мое.* В еврейском сказано: *к притче* (ламасал). *Отверзу во псалтири ганание мое.* Другой (неизвестный переводчик): *загадку мою.* В еврейском: идафи. Какая связь этих слов с вышесказанными? Вместо учителя я вижу теперь слушателя. Он призвал всех к слушанию чего-то полезного, и когда все пришли и собрались, когда обещал сказать нечто мудрое, тогда, еще не сказав ничего, оставляет место учителя и переходит на место слушателя: *приклоню*, говорит, *в притчу ухо мое.* Почему же он поступает

так? Весьма благоразумно и согласно с предыдущим. Так как он сказал: *возглаголю премудрость*, то, дабы кто-нибудь не подумал, что будет сказано нечто человеческое, и в словах *поучение сердца моего* не подозревал собственного его изобретения, он удостоверяет здесь, что возвещаемое божественно и что он не проповедует ничего собственного, но что слышал, то и говорит. Я приклонил, говорит, слух мой к Богу, услышал от Него, и что низошло свыше в душу мою, то и возвещаю. Подобным образом говорил и Исаия: *Господь даст мне язык научения, еже разумети, егда подобает рещи слово: приложи ми ухо, еже слышаши* (Ис. L, 4). Также Павел: *вера от слуха, слух же глаголом Божиим* (Рим. X, 17). Видишь ли, что и он был прежде слушателем, а потом стал учителем? Потому другой переводчик и сказал: *и прошепчет сердце мое.* Что значит: *прошепчет?* Пропоет, произнесет некоторую духовную песнь. Если же он называет ее *поучением своего сердца*, не смущайся; что он принял от Духа, тому постоянно поучался, о том часто размышлял в самом себе, и уже размыслив, возвещал другим. Что значит: *в притчу*? Это слово имеет много значений. Оно означает и молву, и пример, и порицание, как, например, когда говорится: *положил еси нас в притчу в языцех, покивание главы в людех* (Пс. XLIII, 15). Притчей называется также загадочная речь, которую многие называют вопросом, требующим разрешения, когда она выражает нечто, но из самых слов не ясна, заключая в себе сокровенный смысл, каковы, например, слова Сампсона: *от ядущаго ядомое изыде, и от крепкаго сладкое* (Суд. XIV, 14), и — Соломона: *уразумеет же притчу и темное слово* (Притч. I, 4). Называется притчей и подобие: *ину притчу предложи им, глаголя: подобне есть царствие небесное человеку сеявшему доброе семя* (Мф. XIII, 24). Называется притчей и переносное выражение, например: *сыне человечь, рцы притчу сию им: орел великий великокрилый...* (Иез. XVII, 1–3), где орлом называется царь.

Притчей называется также прообраз и предначертание, как показывает Павел, когда говорит: *верою приведе (Аврам) Исаака искушаем, и единороднаго приношаше, обетования приемый: темже того и в притчи прият* (Евр. XI, 17), то есть в прообразе и предначертании.

3. Итак, что же здесь называет он притчей? Мне кажется, так называет он повествование. Не смущайся, что он употребляет речь загадочную и весьма трудную для разумения; он делает это для того, чтобы возбудить слушателя; так как речь легкая для разумения доводит многих до невнимательности, то он и говорит притчей. Потому и Христос многое говорил в притчах, а наедине ученикам объяснял их. Притча отличает слушателя достойного от недостойного; достойный старается узнать смысл сказанного, а недостойный оставляет его без внимания. Так и было тогда. Иудеи и трудной для разумения речью не возбуждались и не располагались делать вопросы: так мало они внимали сказанному! Прикровенная речь вообще может сильно побуждать к исследованию. Поэтому и Христос поступал так, говорил в притчах, для того, чтобы возбудить и расположить иудеев, беспечных и сонливых, к внимательнейшему слушанию. Но они, несмотря и на это, не были внимательны; а ученики слушали прилежно, и когда не разумели, тогда особенно и были внимательны из-за того, что не разумели. Потому Он и объяснял им притчи наедине. Потому и пророк говорит: *приклоню в притчу ухо мое, отверзу во псалтири гангание мое. Ганание* есть речь прикровенная и загадочная, как он говорит и в другом месте: *провещаю ганания от сложения мира* (Пс. LXXII, 2). Ее он осмелился назвать премудростью потому, что был подвигнут божественным откровением; сказал: *во псалтири*, для того, чтобы показать духовный смысл учения и бывшее ему вдохновение свыше; предложил наставление в виде песнопения для того, чтобы сделать речь свою прият-

ной. Видишь ли, какое составил он предисловие? Призвал вселенную, отверг неравенство, бывающее в жизни, напомнил о природе, смирил высокомерие, обещал сказать нечто великое и высокое, сказал, что ничего не будет говорить от себя, но только то, что слышал от Бога, заметил, что речь его будет весьма неясна, чтобы сделать нас внимательнее, обещал научить нас духовной мудрости, о которой размышлял он постоянно. Будем же внимательны и не пропустим ничего. Если слово его есть премудрость, притча и загадка, то требуется напряженное внимание. Что же это за *поучение*, что за *ганание*, что за *притча*, что за *премудрость*, которую он слышал свыше? *Вскую боюся*, говорит, *в день лют*. Другой (неизвестный) переводчик говорит: *во дни лукаваго*. Третий (неизвестный переводчик): *зла*. В сирийском (и еврейском) *бедствия (ра)*. *Беззаконие пяты моея обыдет мя* (ст. 6). Другой (Симмах): *следов моих*. В еврейском: *злоба гонителей моих окружает меня* (аон акувваи исуввуни). Видишь ли, как слова его загадочны, приточны, прикровенны и весьма неясны? Но, если угодно, узнаем наперед, о каком говорит он *лютом дне*. Какой день Писание обыкновенно называет лютым? День бедствий, наказаний, скорбей. Так и в другом месте он говорит: *блажен разумеваяй на нища и убога: в день лют избавит его Господь* (Пс. XL, 1). Таков день будущего суда, страшный и ужасный для грешников. Видишь ли первый урок высочайшего любомудрия, который научает тебя, что достойно страха и что — презрения? Кто не делает этого превосходного различия, тот находится как бы в глубоком мраке и расстройстве и не знает, что делать.

Если мы не станем различать, чего должно страшиться и что презирать, то жизнь наша будет исполнена многих заблуждений, многих опасностей. В самом деле, крайне безумно — бояться того, что недостойно

страха, и смеяться над тем, чего должно страшиться. Тем и отличаются люди взрослые от детей, что последние, не имея зрелого разума, боятся масок и людей, одетых в мешок, между тем как оскорбить отца или мать считают за ничто; бросаются на огонь и горящие светильники, а боятся какого-нибудь шума, не имеющего в себе ничего страшного; а взрослые не подвержены ничему такому. Но так как многие неразумнее детей, то пророк и делает такое различие, говоря, чего должно страшиться, – не того, что для многих кажется страшным, то есть бедности, незнатности, болезни, которые для многих кажутся не только страшными, но даже ужасными и невыносимыми, – ничего подобного он не внушает, – а только одного греха. Это означают слова: *беззаконие пяты моея обыдет мя.* Итак, вот приточное слово, вот новое и необыкновенное учение! Действительно, для многих кажется новым и необыкновенным – говорить, что не должно бояться никаких житейских скорбей. *Вскую бойся в день лют?* Только одного, говорит, боюсь я, чтобы беззаконие на пути моем и в жизни моей не окружило меня. *Пятою* Писание называет коварство. *Ядый со мной* хлеб, говорит пророк, *возвеличи на мя запинание* (Пс. XL, 10). Также Исав сказал об Иакове: *запя мя се уже вторицею* (Быт. XXVII, 36). Таков грех: он коварен и способен к обольщению. Его, говорит, боюсь я, – греха, который обольщает меня, который окружает меня.

4. Поэтому и Павел называет грех *удобь обстоятельным* (Евр. XII, 1), выражая, что он часто, легко и удобно овладевает нами. В здешних судилищах люди опасаются многого, и богатства, и власти, и клеветы, и обмана; а там нет ничего подобного, но страшен один только грех, окружающий предающихся ему со всех сторон и поступающий свирепее неприятельского войска. Потому нужно всячески стараться, чтобы не быть окруженным от него, и, если видим, что он хочет напасть на

нас, то убегать от сетей его, как делают на войне искусные воины; если же будем уловлены от него, то немедленно разрывать узы его, как сделал Давид, сокрушив силу его покаянием. Он был пленен грехом, но скоро избавился от него. Кто боится греха, тот никогда не будет бояться ничего другого, но будет смеяться над благами настоящей жизни и презирать скорби, потому что один только страх греха потрясает душу его. Кто имеет этот страх, для того ничто, поистине ничто другое не страшно, ни самая смерть, которая страшнее всего, но только – один грех. Почему? Потому, что грех предает человека геенне, подвергает вечным мучениям. С другой стороны, такой страх ведет ко всякой добродетели. Представь, как важно не превозноситься житейскими благами, не малодушествовать в бедствиях, не прилепляться ни к чему настоящему, заботиться о будущем, ожидать последнего дня, проводя жизнь в этом страхе. Такой человек сделается ангелом, опасаясь только одного греха и ничего другого; он не будет бояться ничего другого, если будет одного этого бояться, как должно бояться, и напротив, кто не боится этого, тот испытает много страшного. *Надеющиися на силу свою, и о множестве богатства своего хвалящиися* (ст. 7). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *гордящиеся. Брат не избавит, избавит ли человек? Не даст Богу измены за ся, и цену избавления души своея* (ст. 8, 9). Может быть, кто-нибудь спросит: какая здесь связь речи? Великая, непрерывная и весьма близкая. Так как он говорит о суде, будущем страшном отчете, о неподкупном приговоре, а в здешних судилищах многие извращают правду, подкупают судей и избегают наказания, то возвещая неподкупность того суда и усиливая страх, о котором сказал выше, он присовокупляет и это, объясняя, что подлинно хорошо, как он сказал, страшиться одного только греха и ничего другого. Там нельзя извратить правды

деньгами, или избавить себя от геенны подарками; там не спасает ни покровительство, ни красноречие и ничто другое подобное. Как бы ты ни был богат, какую бы ни имел власть, с кем бы ни был знаком, все это тщетно и бесполезно; там каждый наказывается и увенчивается по делам своим. И современник Лазаря был весьма богат, но богатство не принесло ему никакой пользы (см.: Лк. XVI); и девы были знакомы с другими девами, но эта близость нисколько не помогла им (см.: Мф. XXV), потому что там требуется только одно. Поэтому вы, говорит пророк, надеющиеся на богатство и облеченные властью, напрасно и тщетно превозноситесь; с вами не пойдет на тот суд ни обилие богатства, ни сила власти; ни дружба, ни родство и ничто другое не избавит вас. Там нельзя дать деньги, выкуп или цену за душу свою, чтобы спастись. Как же говорит Писание: *сотворите себе други от мамоны неправды, да приимут вы в вечныя кровы* (Лк. XVI, 9)? Что значат эти слова? Они не заключают в себе ничего противного, ничего несогласного с вышесказанными, но весьма согласны с ними. Здесь говорится, что нужно приобретать друзей в настоящей жизни, употребляя богатство и расточая имущество на нуждающихся; здесь заповедуется не что другое, как только щедрая милостыня. Если ты отойдешь туда, не сделав ничего такого, то никто не будет ходатайствовать за тебя. Не дружба людей ходатайствует за нас, но то, что друзья приобретены богатством; потому Господь и присовокупил: *други от мамоны,* дабы ты знал, что тебя защитят самые эти дела твои: милосердие, человеколюбие, щедрость к нуждающимся. А что ни родство, ни дружба не принесут никакой пользы без дел, об этом послушай, что говорит пророк: *аще станет Иов и Ное, и Даниил, не избавят ни сынов своих, ни дщерей* (Иез. XIV, 14, 18). Но что я говорю о будущей жизни, если и в настоящей дружба нисколько не защищала? Так, сколько

плакал и рыдал Самуил, и однако не спас Саула (см.: 1 Цар. XV, 35)! Сколько молился Иеремия, и однако ни в чем не помог иудеям, но еще получил запрещение молиться (см.: Иер. XIV, 7, 11)! И удивительно ли, что Иеремия нисколько не помог им, когда даже Моисей, как сказано, если бы он был в то время, не мог бы спасти тогдашних иудеев, которые предавались нечестию и сами от себя не оказывали ничего доброго (см.: Иер. XV, 1)?

5. Сколько скорбел об иудеях Павел, сказавший: *братие, благоволение убо моего сердца и молитва, яже к Богу по вас, есть во спасение* (Рим. X, 1), и, однако, помогла ли им его молитва? Нисколько. Но что я говорю о молитве, когда он желал даже быть отлученным за них от Христа (см.: Рим. IX, 3)? Итак, не напрасны ли молитвы святых? Нет, напротив, они имеют великую силу, если и ты содействуешь им. Так, Петр воскресил Тавифу не только по своей молитве, но и потому, что она отличалась милосердием (см.: Деян. IX, 36). Так и другим помогали молящиеся святые. Но так бывает здесь, где еще продолжаются труды и подвиги; а там нет ничего такого, но спасение зависит только от дел. Потому пророк и смеется весьма сильно над богатыми и гордыми. Он не сказал: имеющие богатство или приобретшие силу, но: *надеющиися на силу свою, и о множестве богатства своего хвалящиися,* смеясь и укоряя их за то, что они надеются на тени и превозносятся дымом. Хорошо также сказал он: *цену избавления души своея не даст,* потому что цена души выше даже целого мира, как говорит Господь: *кая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит* (Мф. XVI, 26)? А чтобы ты убедился, что цена души выше целого мира, послушай, что говорит Павел о других святых: *проидоша в милотех, в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бе достоин мир* (Евр. XI, 37). Подлинно, мир – для души. Как отец не взял бы дома за сына, так и Бог не взял бы мира за душу; но от нее

требуются дела и подвиги. Хочешь ли знать, как велика цена душ наших? Единородный Сын Божий, желая искупить их, принес в жертву не мир, не человека, не землю, не море, но честную кровь Свою. Так и Павел говорит: *ценою куплени есте: не будите раби человеком* (1 Кор. VII, 23). Видишь ли великость цены? Следовательно, когда ты погубишь душу свою, купленную такой ценой, то как можешь опять искупить ее? *Христос воста от мертвых, ктому уже не умирает* (Рим. VI, 9). Видишь ли, как велика цена, как высоко достоинство души? Не пренебрегай же ею и не делай ее пленницей. *И утрудися в век, и жив будет до конца* (ст. 10). Другой переводчик (Акила) говорит: *и успокоился в век.* Третий (Симмах): *успокоившись в веке сем, будет жить во век.* Сказав о богатых и сильных и показав, что от этого нет им никакой пользы, пророк говорит теперь о живущих добродетельно, в трудах и скорбях, и ободряет подвижников любомудрия. Не говори мне, продолжает он, что здесь труды и огорчения, но представь плоды, вспомни, что человек бессмертен, что за ними следует вечная жизнь, не имеющая конца. Поэтому не гораздо ли лучше — немного потрудившись здесь, получить вечный покой, нежели, насладившись немного, мучиться бесконечно? Далее, желая показать, что не только там награды и венцы, но еще и здесь бывает начало воздаяния, он продолжает: *не узрит пагубы, егда увидит премудрыя умирающия* (ст. 11). Не возражай мне: ты говоришь только о будущем; нет, я и здесь даю тебе задаток (будущих) венцов, или, лучше, залог их и самые награды. Как и каким образом? Человек любомудрый, руководящийся надеждой будущего, и самую смерть не будет считать смертью, но, видя перед глазами своими лежащего мертвеца, не предастся скорби, подобно многим другим, представляя венцы, награды, неизреченные блага, *ихже око не виде и ухо не слыша* (2 Кор. II, 9), тамошнюю жизнь, ликование

с ангелами. Как земледелец, видя истлевающее зерно, не падает духом и не отчаивается, а напротив, тогда особенно и радуется и восхищается, зная, что это нетление бывает началом новой жизни и причиной обильнейшего плодоношения, так и праведник, украшенный добрыми делами и ежедневно ожидающий царства, видя перед глазами своими смерть, не унывает, как многие другие, не смущается и не сокрушается; он знает, что для живущих праведно смерть есть перемена к лучшему, переход к блаженнейшему состоянию, путь к венцам. Кого здесь пророк называет *премудрыми?* Не истинно премудрых, а считающихся премудрыми. Мне кажется, что он разумеет языческих мудрецов, смеясь над ними и потому, что они, *глаголющеся быти мудри объюродеша* (Рим. I, 22), нисколько не думая о воскресении.

Когда праведник увидит этих мудрецов погибающими, плачущими, проливающими слезы, рыдающими, тогда сам не испытает ничего подобного, но будет выше таких стрел, ободряясь благими надеждами и зная, что эта гибель есть не погибель существа, а истребление смертности, уничтожение тления. Эта смерть не тело погубляет, а истребляет тление; сущность же остается вовеки, чтобы воскреснуть в большей славе, — впрочем, не у всех, потому что хотя воскресение будет общим для всех, но воскресение во славе только для живших праведно. *Вкупе безумен и несмыслен погибнут, и оставят чуждим богатство свое: и гроби их жилища их во век, селения их в род и род, нарекоша имена своя на землях своих* (ст. 12). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *находящееся внутри домов их во век.* Третий (Симмах): *жилища их в род, назвавшие по именам своим земли.* В еврейском: *на землях* (алиадамоф).

6. Видишь ли, как пророк не только будущими, но и здесь случающимися обстоятельствами отклоняет от зла и любостяжания и руководит к добродетели, истреб-

ляя страсть к богатству, называя людей, привязанных к настоящим благам, безумными и доказывая это самыми делами? В самом деле, скажи мне, что может быть безумнее человека, который трудится, заботится и собирает богатство для того, чтобы другие наслаждались плодами трудов его? Что может быть хуже этого тщетного труда, когда употреблявший усилия и подвергавшийся изнурению сам окончит жизнь, а наслаждение благами предоставит другим, и притом не родным и знакомым, а, как часто бывает, врагам и противникам? Поэтому пророк и не сказал: другим, но: *чуждим* оставят богатство свое. Что значит: *вкупе безумен и несмыслен погибнут*? То есть вместе с теми, о которых сказано выше. Здесь, мне кажется, он говорит о людях нечестивых, привязанных к благам настоящим и нисколько не думающих о будущем, называя их безумными и в этом отношении. Если ты думаешь, что после настоящей жизни ничего не будет, то для чего и мучишься, и беспокоишься, собирая отовсюду бесчисленные богатства, подвергая себя трудам, а плодами их не наслаждаясь? *И гроби их жилища их во век.* Это говорит он сообразно с их мнением. *Селения их в род и род, нарекоша имена своя на землях.* Что может быть хуже такого безумия — считать гробницы вечным жилищем и превозноситься ими?

Так, многие часто строят гробницы великолепнее домов. Они трудятся и беспокоятся или для врагов, или для червей и праха, расточая имущество без всякой пользы. Таков образ мыслей у тех, которые ни на что не надеются в будущем. Но при этом мне нужно оплакивать и многих других, которые, и надеясь на будущее, подражают не имеющим никакой надежды в будущем, созидая гробницы, воздвигая великолепные памятники, зарывая золото в землю, расточая имущество свое на других и таким образом оказываясь хуже тех людей. Кто не ожидает ничего после настоящей жизни, тот заботит-

ся о здешних благах хотя неразумно, но по крайней мере потому, что не ожидает ничего лучшего; а ты, человек, знающий о жизни будущей, о тамошних неизреченных благах, о том, что, по изречению евангельскому, *тогда праведницы просветятся яко солнце* (Мф. XIII, 43), какое можешь получить прощение, какое можешь иметь оправдание? Какому не подвергнешься ты справедливому наказанию, когда все расточаешь здесь на прах, на пепел, на памятники, на противников, на врагов? *Нарекоша имена своя на землях.* Вот другой род безумия: давать свои названия зданиям, полям, баням и считать это величайшим для себя утешением, гоняться за тенью вместо истины. Если ты, человек, хочешь приобрести себе вечную память, то не названия свои давай зданиям, а воздвигай трофеи добрых дел, которые и в настоящей жизни сохранят твое имя, и в будущей доставят тебе вечный покой. Если ты желаешь и домогаешься оставить по себе память, то я укажу тебе путь к ней, истинный и несомненный: старайся быть добродетельным. Ничто так не делает имени человека бессмертным, как добродетель. Это доказывают мученики, доказывают останки апостолов, доказывает память живших добродетельно. Сколько царей воздвигали города, строили пристани, давали им имена свои и по смерти не получили себе никакой пользы, преданы молчанию и забвению? А рыбарь Петр, не сделавший ничего такого, но преданный добродетели, занял царственный город и после смерти сияет светлее солнца. Но то, что ты делаешь, смешно и постыдно. Эти самые памятники не только не делают тебя славным, но делают даже смешным, раскрывая против тебя уста всех. Тогда как твое любостяжание могло бы со временем быть предано забвению, эти здания стоят везде, как столбы и трофеи, свидетельствующие о твоем любостяжании. *И человек в чести сей не разуме, приложися скотом несмысленным, и уподобися им* (ст. 13). Здесь,

мне кажется, пророк сожалеет о том, что человек, существо разумное, которому вверено господство на земле, унизился до бессловесных животных, трудясь напрасно, делая противное своему спасению, занимаясь тщеславием, предаваясь любостяжанию, беспокоясь о вещах бесполезных. Честь человека состоит в добродетели, в помышлении о будущем, в том, чтобы делать все для той жизни и презирать настоящее. Жизнь бессловесных животных ограничивается настоящим существованием, а наша направляется к другой жизни, лучшей и не имеющей конца. Вот почему люди, не знающие ничего о будущем, хуже бессловесных животных, и не только они, но и те, которые ведут жизнь развратную, делаясь змеями, скорпионами и волками по коварству, волами по глупости, псами по бесстыдству.

7. Скажи мне, в самом деле, что может быть безумнее людей, занимающихся гробницами и памятниками и удивляющихся надписаниям чужих имен? Ничто не оставляет о нас памяти, кроме одной добродетели, ни дом, ни статуя, ни дети и ничто другое подобное. Дом есть дело строителя, статуя – дело художника, дети – дело природы, а к твоей славе это нисколько не относится. Вот почему пророк и называет такого человека безумным, так как он, наложив на себя ярмо безумия, становится хуже бессловесного животного. Животное бывает хоть полезно и способно к земледелию; а человек, предавшись безумию, делается через это и его хуже. Сказав выше о том, как грубы, земляны и низменны понятия таких людей, как бесполезны труды их в собирании богатства, и желая сильнее выразить вину их, пророк упоминает и о благодеяниях Божиих, как и в других местах обыкновенно поступают пророки. Так, Исаия, намереваясь обличить иудеев, прежде всего упоминает о чести, оказанной им Богом, и говорит: *сыны родих и возвысих, тии же отвергошася мене* (Ис. I, 2). Так и

здесь пророк, выражая одним словом благодеяния, оказанные Богом роду человеческому, говорит: *человек в чести сый не разуме.* О какой чести говорит он? Послушай, что говорит он в другом псалме: *умалил еси его малым чим от ангел, славою и честию венчал еси его,* и, объясняя эту честь, продолжает: *вся покорил еси под нозе его: овцы и волы вся, еще же и скоты польския, птицы небесныя и рыбы морския, преходящия стези морския* (Пс. VIII, 6–9). Действительно, величайшая честь – предоставить ему владычество над всем видимым, и притом еще ему не сделавшему ничего доброго. Еще не создав его, Бог сказал: *сотворим человека по образу нашему и по подобию,* и потом, желая объяснить выражение: *по подобию,* прибавил: *и да обладает рыбами морскими, и зверями земными, и птицами небесными* (Быт. I, 26). Это существо небольшое, величиной в три локтя, и столь малое по телесной силе в сравнении с бессловесными животными, Он сделал превосходнейшим перед всеми ими способностью разума, одарив его разумной душой, что и служит знаком величайшей чести. При помощи этой способности человек построил города, рассек моря, возделал землю, изобрел бесчисленные искусства, сделался обладателем свирепейших животных, и – что всего важнее и главнее – познал своего Создателя Бога, приступил к добродетели, узнал, что хорошо и что нет. Он один из видимых тварей молится Богу; он один удостоился откровений, познал много сокровенного, научился небесному; для него земля, для него небо, для него солнце и звезды, для него течение луны, перемены времен года и разнообразие погоды, для него произрастание плодов, растения и столь многие роды животных, для него день и ночь; для него были посланы апостолы и пророки, для него часто были посылаемы ангелы. Впрочем нужно ли исчислять многое? Всего исчислить невозможно. Для него Единородный Сын Божий сде-

лался человеком, был распят, погребен, и по воскресении для него было столько страшных знамений; для него закон, для него рай, для него потоп. Действительно, и это величайший для него род чести — получать исправление посредством благодеяний и наказаний. Для него все бесчисленные дела промышления, совершенные в прежнее время; и самый будущий суд совершится для его чести. Вот почему и говорит Иов: что есть человек, что Ты привел его на суд (см.: Иов. XIV, 3), подобно как говорит псалмопевец в другом месте: *что есть человек, яко помниши его* (Пс. VIII, 5)? Для него опять придет Единородный Сын Божий с бесчисленными благами, потому что одни блага Он уже даровал нам, сообщив их через крещение и другие таинства и тайноводства и наполнив землю разными чудесами, а другие обещал даровать, как то: царство небесное, жизнь вечную, чтобы нам сделаться наследниками Его и царствовать вместе с Ним. Поэтому и сказал Павел: *аще терпим, с Ним и воцаримся* (2 Тим. II, 12). Представляя все это, пророк справедливо сравнивает с бессловесными животными тех людей, которые предпочли своему благородству порок и сами себя предали страстям животных. То же делают и другие пророки, желая таким сравнением возбудить стыд в бесстыдных слушателях. Так, один из них говорит: *кони женонеистовни сотворишася* (Иер. V, 8), а другой: *позна вол стяжавшаго, и осел ясли господина своего* (Ис. I, 3), выражаясь еще сильнее, нежели Давид; Давид сказал: *приложися скотом несмысленным и уподобися им,* а этот говорит, что они сделались даже безумнее скотов, потому что и скот *позна стяжавшаго: Исраиль же Мене не позна* (Ис. I, 3).

8. Другой премудрый муж, желая показать, что человек ленивый, беспечный и преданный праздности хуже муравьев, отсылает его к ним учиться трудолюбию: *иди,* говорит, *ко мравию, о лениве, и поревнуй* путям *его: он бо, не*

сущу ему земледельцу, ниже нудящаго имущий, ниже под владыкой сый, готовит в жатву пищу, и многое в лето творит уготование; также повелевает ему идти к пчеле: *иди ко пчеле и увеждь, коль делательница есть: начаток сладостей плод ея: ея же трудов царие и простии во здравие употребляют* (Притч. VI, 6–8; Еккл. XI, 3). Третий говорит: *судии его, яко волцы Аравийстии* (Соф. III, 4). Еще иной: *в пустыне сидела еси, яко врана* (Иер. III, 2). А сын Захарии говорит: *рождения ехиднова, кто сказа вам бежати от будущаго гнева* (Мф. III, 7)? Также Исаия: *яйца аспидска разбита и постав паучинный ткут* (Ис. LIX, 5). И сам пророк Давид в другом месте говорит: *яд аспидов под устнами их* (Пс. CXXXIX, 3); и еще: *ярость их по подобию змиину* (Пс. LVII, 5). Таков порок: человека, столь великого, столь славного и украшенного таким достоинством, он доводит до низости бессловесных животных. Поэтому и в настоящем псалме пророк, указав на два вида порока и предоставив другие соображению слушателей, так укоряет преданных им. Подлинно, что может быть безрассуднее человека, который напрасно, тщетно и со вредом для головы своей обходит вселенную и собирает бесчисленные богатства не для себя, а для других, неизвестных ему и даже часто для врагов и ненавистников? Хорошо сказал он: *оставят чуждим богатство свое.* Что может быть безумнее тех, которые на себя принимают труды и грехи при собирании богатства, а другим предоставляют наслаждаться им? Потом, вместе с любостяжанием, выставляя на вид тщеславие, он с великой силой обличает и этот порок: *нарекоша,* говорит, *имена своя на землях их.* Что опять может быть безумнее тех, которые поручают свою память и вверяют свою славу камням, деревьям, бездушному веществу? Они многих совершенно лишили имущества, ограбили вдовиц, разорили сирот, для того, чтобы сделать великолепное жилище для червей, создать величественные

ограды для моли и тления, думая, что через это память их будет бессмертной, тогда как все это не может предохранить тела от смерти даже на одно краткое мгновение. *Сей путь их соблазн им* (ст. 14). Какой, скажи мне, *сей путь?* Усиленное искание всего этого, тщетная деятельность, великая страсть к богатству, ненасытная жажда славы. Еще прежде, говорит, будущего наказания, и здесь бывает им соблазн и преткновение. Действительно, этот путь — не малый соблазн, не малое преткновение, не малое препятствие к преуспеванию в добродетели. Поэтому он и говорит: *сей путь их соблазн им*. Хорошо назвал он этот путь соблазном для них. Они связывают сами себя, налагают узы сами на себя. *И по сих во устех своих благоволят.* Сказанное здесь есть самое тяжкое зло и причина прочих зол. Когда люди, совершающие столько грехов, беззаконий и безумств, ублажают и прославляют самих себя, называют себя достойными подражания и восхищаются своими делами, то, представь, какую великую силу получает злое желание порока, восхваляемого самими совершающими его. В самом деле, если он, и будучи осуждаем, порицаем и обличаем, подвергаясь в совести людей бодрствующих бичеванию, наказанию и ненависти, так бесстыдно процветает и с каждым днем усиливается, то, когда для него не только не будет препятствий, ни обличения, ни угрызения совести, ни сожаления о случившемся, ни раскаяния о сделанном, ни сокрушения, ни воздыханий, ни слез, а будет все противное тому, когда совершающие его будут одобрять самих себя, превозносить себя похвалами, считать себя за это самое лучше других и по совершении прославлять сделанное, — а это и означают слова: *и по сих во устех своих благоволят,* — то до чего не дойдут они? Действительно, есть люди столь развратные, так глубоко падшие, что и по совершении злого пожелания, когда при виде преступления им особенно

следовало бы стыдиться, они радуются, восхищаются, услаждаются сделанным. Грех таков, что прежде его совершения он прикрывает свою гнусность, укрощает свою отвратительность опьяняющим удовольствием; но, когда он совершен, когда удовольствие похоти мало-помалу проходит и наступает угрызение совести, наказующее освободившийся от него рассудок, тогда открывается вся его гибельность. А эти люди и после совершения греха, когда видят собранное богатство, воздвигнутые гробницы, оконченные тщеславные здания, вместо того, чтобы сокрушаться и воздыхать, — они и после этого, после совершения греха, после исполнения злого пожелания, еще более предаются недугу. Когда таким образом идет дело с их стороны, тогда Бог приступает к Своему делу.

9. Как осуждающие сами себя за свои грехи предупреждают и отклоняют от себя суд Божий, как говорит Павел: *аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждены были* (Кор. XI, 31), так, напротив, страждущие неизлечимой болезнью, согрешающие и не раскаивающиеся в своих грехах, навлекают на себя строгое наказание Божие. Так как и эти люди, которые или похищают чужое, или тщетно и напрасно истрачивают свое, расточая на гробницы, на червей и на моль то, что следовало бы употреблять на бедных, не раскаиваются в делах своих, но остаются неисцельно больными, то, послушай, что потом бывает с ними. Что же бывает? Они подвергаются наказанию от Бога. Поэтому пророк и присовокупляет: *яко овцы во аде положены суть, смерть упасет я* (ст. 15). Не кротость выражает он здесь названием овец (так как что может быть свирепее людей, которые остаются равнодушными при виде обнаженных и истощенных от голода бедных, а украшают жилища для тления, червей и моли?), — но легкость их погибели, скорость угрожающей им опасности, удобоуловимость их для врагов.

Действительно, нет ничего слабее человека, живущего порочно. То же будет и с этими людьми: они так будут поражены, так скоро погибнут, отойдут в ад так удобно, легко, быстро, немедленно, как заколаемые овцы. Это — смерть, или еще хуже смерти. Они, после такой кончины, подвергнутся смерти вечной; они отойдут не в лоно Авраама и не в другое какое-нибудь место, но в ад — место осуждения, наказания и конечной погибели. И здешняя кончина их унизительна и безотрадна, и тамошняя жизнь исполнена мучений. Так и мы имеем обыкновение говорить о людях, скоро погибающих: такой-то погиб, как овца. Как жили они подобно бессловесным животным, так и погибают подобно бессловесным животным, не имея благой надежды на будущее; и не только так, но еще к большему бедствию. *Смерть упасет я.*

Здесь, мне кажется, пророк называет смертью тамошнюю погибель, мучение, как и в другом месте говорит пророк: *душа согрешающая, та умрет* (Иез. XVIII, 20), выражая не уничтожение бытия, а наказание. Он продолжает переносную речь. Сказав об овцах, показывает и их пастыря. Кто же этот пастырь? Это — ядовитый червь, нескончаемый мрак, неразрешимые узы, скрежет зубов. Видишь, как они терпят наказание во всем: в жизни, потому что встречали препятствия к добродетели, были рабами и пленниками порока, трудились трудом напрасным и постыдным, — в смерти, потому что окончили жизнь скоро и бесславно, — после смерти, потому что преданы вечной погибели. *И обладают ими правии заутра.* Так как многие из людей огрубевших и дошедших до бесчувственности камней не имеют ясной и светлой надежды на будущее, но преданы настоящему и видимому, то он и устрашает их этой переносной речью. А потом, когда сказал кратко о будущем, опять говорит об унижении их и наказании в жизни настоя-

щей, показывая, как они слабы, низки, презренны, и хотя бы обладали бесчисленными богатствами, хотя бы облечены были властью, бывают слугами и рабами тех, которые живут добродетельно. Поэтому и говорит: *обладают ими правии заутра,* то есть скоро, постоянно, так что не нужно для этого ни времени, ни труда, ни ожидания. Таково свойство добродетели и порока, что последний служит первой, опасается ее и страшится, хотя бы он был украшен бесчисленными прикрасами и многими отличиями, а та была без всяких украшений и стояла сама за себя. Напротив, скажешь, мы видим, что порочные господствуют над добродетельными? Но не станем смотреть на ошибочное мнение многих, – такое суждение происходит от ложных понятий, – но будем правильно судить о вещах, и ты убедишься, что сказанные слова справедливы. Пусть будет злой господином, и добрый слугой, или лучше, если хочешь, приведем другой высший пример. Пусть будет злой царем, а добрый частным человеком; и посмотрим, кто из них господин другого, на чьей стороне власть, кто из них повелевает и кто – повинуется. Как нам узнать это? Пусть царь прикажет частному человеку сделать какое-нибудь порочное и нечестное дело: как поступит добрый подданный? Он не только не согласится, не послушается, но постарается и самого повелевающего отклонить от намерения, хотя бы за это ему надлежало умереть. Кто же из них свободный? Тот ли, кто поступает по своей воле и не страшится в этом случае царя, или тот, кто презирается подданным? Но, не останавливаясь на неопределенном примере, вспомним, не была ли египтянка, жена Пентефрия, царицей? Не владычествовала ли она над всем Египтом? Не была ли она супругой царя? Не облечена ли была великой властью? А Иосиф не был ли рабом, пленником, купленным слугой? Не вооружилась ли она против юноши всеми сво-

ими средствами, не другому поручив вести войну, но сама вступив с ним в борьбу? Но кто оказался тогда рабом и кто свободным? Она ли, убеждавшая, просившая, умолявшая, сделавшаяся пленницей не человека, но злейшей страсти, или он, призревший ее диадему, скипетр, и порфиру, и все внешнее великолепие, и разрушивший ее замыслы? Не вышла ли она невыслушанной и потом поработившеюся еще другой страсти безумному гневу, мщению? А он не вышел ли с главой, украшенной бесчисленными венцами, и не показал ли в самом рабстве еще блистательнее свою свободу?

10. Нет ничего столь свободного, как добродетель, и ничего столь раболепного, как порок. Потому и в другом месте некто говорит: *раб смыслен обладает владыки безумными* (Притч. XVII, 2). Как пленник, хотя бы он обладал бесчисленными богатствами, по тому самому еще более подвергается нападению всех, так и преданный страстям бывает слабее паутины. Например, на войне не добродетельных ли мы видим побеждающими? Также в делах и советах не их ли мнения оказываются твердыми, хотя бы никто не соглашался с ними? А в жизни будущей? Не богатый ли просил, как нищий, капли воды и не получил? А бедный, который был умерен и добродетелен, не наслаждался ли величайшим блаженством, получив одинаковый жребий с Авраамом? Также апостолы, будучи заключаемы в узы, подвергаясь бичеванию и бесчисленным страданиям, не побеждали ли тех, которые подвергали их этому? Вспомни, в какое недоумение приводили они гонителей своих, которые говорили: *что сотворим человекома сима* (Деян. IV, 16)? Они были связываемы и приводимы в судилища, но, тогда как те занимали место судей и начальников, а эти стояли на месте подсудимых, последние побеждали первых. И всегда, если посмотреть внимательно, добродетельный окажется одерживающим победу над нечестивым,

победу истинную, не такую, какая обыкновенно бывает у многих, не ложную, суетную и легко ниспровергаемую, но прочную и непоколебимую. И *помощь их обетшает во аде,* то есть будет бессильна. Смысл этих слов следующий: не только здесь они бывают удобоуловимы, без всякого защитника и без всякого помощника, и открыты для нападения всех, но — что гораздо хуже — не будут иметь и там никакого ходатая, защитника и помощника, который утешил бы их среди страданий. Так, мудрые девы не могли подать помощи неразумным, ни Авраам — богатому, ни Ной, Иов и Даниил — сынам и дочерям. Слово *обетшает* значит: ослабеет, уничтожится. *Обетшавающее и состаревающееся близ есть истления* (Евр. VIII, 13). *От славы своея изриновени быша.*

Чего они особенно желали, для чего делали все и трудились, то есть чтобы и по смерти достигнуть великой славы посредством богатства, зданий, гробниц, имен своих, начертанных на гробницах, — и этого, говорит, лишатся они, что причинило бы им величайшую скорбь, если бы они были живы и знали о том. Подобные памятники служат обвинителями умерших. Тело их сокрыто в земле, а камни издают голос, ежедневно осуждая их жестокость и бесстыдство, объявляя их общими для всех врагами, постоянно побуждая проходящих произносить им проклятия, обвинения, порицания. Что же это за слава — оставить после себя обвинителя, который не умолкает, но одним видом своим отверзает уста всех, побуждает всех видящих и проходящих произносить сильнейшие укоризны построившим его? Что может сравниться с таким безумием — воздвигать то, от чего сами они терпят наказание, от чего подвергаются стыду и осуждению, от чего и после смерти тревожатся многими, от чего бывают им проклятия, порицания и бесчисленные укоризны как обиженных ими, так и необиженных? *Обаче Бог избавит душу мою из*

руки адовы, егда приемлет мя (ст. 16). Сказав о наказании злых людей, о воздаянии за грех, пророк говорит и о наградах добрым. Так обыкновенно поступают и он, и другие пророки, чтобы исправить слушателя и с той, и с другой стороны, и наказаниями за грехи, и наградами за добродетели. Участь первых, говорит, бесчестие, тщетный труд, безумие, посмеяние, стыд, погибель, смерть, мучение, вечное наказание, сокрушение, лишение славы и безопасности и при жизни и по смерти, порицание, осуждение, отсутствие всякого утешения в бедствиях; а наша, напротив, – избавление от наказания, свобода души, безопасность, слава, честь. Все это он выразил словами: *обаче Бог избавит душу мою из руки адовы, егда приемлет мя,* называя здесь адом наказания, нестерпимые тамошние мучения. Размысли, сколько чести, не в этом только, но и в том, что сказал он в прибавленных словах. *Егда,* говорит, *приемлет мя,* тогда я узрю Его гораздо яснее, нежели теперь. *Ныне убо верою ходим, а не видением, тогда же лицем к лицу* (1 Кор. XIII, 12). А когда душа будет спасена, тогда и тело получит участие в благах. *Не убойся, егда разбогатеет человек, или егда умножится слава дому его* (ст. 17). Если же так, то почему, говорит, ты боишься настоящего? Почему огорчает тебя бедность? Почему ты страшишься человека богатого? Ты слышал учение о воскресении, награждении добрых и наказании злых: для чего же боишься теней? Тамошние блага тверды и постоянны, а здешние подобны цветам увядающим. Поэтому, оставив все прочее, пророк и нападает на твердыню всех зол – страсть к богатству, потому что когда она ниспровергнута, тогда разрушается и все прочее.

11. Но как, скажешь, мне не бояться людей столь сильных? Кратковременно могущество их, одночасна сила, непрочно благоденствие; теням и сновидениям подобны и богатство, и роскошь, и такая честь. Поэтому пророк и присовокупляет: *яко внегда умрети ему, не*

возмет вся, ниже снидет с ним слава его (ст. 18), показывая причину, почему не должно бояться временного. Пришла смерть, говорит, подсекла корень, и вся красота вместе с листьями исчезает, и дом предается на расхищение всем. Как овцы и козы нападают на срубленное и брошенное дерево, так точно и к умершим богачам приступают многие из врагов, многие из друзей, многие из облагодетельствованных ими, чтобы расхитить их имущество; и обладавший такими богатствами, имевший столько виночерпиев, поваров, серебряных и золотых чаш, столько десятин земли, домов, слуг, лошадей, мулов, верблюдов и рабов отходит один, так что никто не сопровождает его, отходит, оставляя здесь и самые одежды свои. Действительно, чем великолепнее он был бы одет, тем обильнейшую доставил бы пищу для червей, тем больше возбудил бы жадность гроборасхитителей и покушение на его несчастное тело. Подлинно, чем больше он украшается, тем сильнее навлекает на себя оскорбления, вооружая и призывая на себя руки разрывателей могил. Но скажешь: что в том? За то он здесь веселится и торжествует до самой смерти. Весьма многие и не до смерти; а напротив, когда враги нападали на них, то они страдали более осужденных преступников, лишившись имущества, подвергшись бесчестию и будучи заключены в темнице. Так, сидевший вчера на колеснице, сегодня – в узах; вчера принимавший услуги от льстецов, сегодня окружен палачами; надушенный благовониями обагряется кровью; возлежавший на мягком ложе повергается на жесткий пол; всеми прославляемый презирается всеми. Но, скажешь, и по смерти он получает великолепное и славное погребение. А что в этом ему, ничего не чувствующему? Только больше зловония, больше посрамления, больше зависти; это великолепие служит поводом к постоянной вражде между детьми покойного.

И посмотри, как точны выражения и велико любомудрие пророка. Он не только поражает богатого тем, что богатство не отходит вместе с ним, но и здесь разоблачает все его обольщение, показывая, что это – не его богатство, хотя человек и обладает им. Он не сказал: когда умножится слава *его,* но: *слава дому его.* Все это, говорит, что я исчислил, фонтаны, портики, бани, золото и серебро, лошади и мулы, ковры и одежды, есть слава дома, а не человека, живущего в доме.

Слава человека есть добродетель, которая и отходит вместе с приобретшим ее. А эта слава остается славой дома, или, лучше сказать, не остается, а разрушается вместе с домом, и не приносит никакой пользы жившему в нем, потому что была не его славой. *Яко душа его в животе его благословится* (ст. 19). Сказав о богатстве и славе, теперь пророк говорит о почестях. Так как богатые и об этом много заботятся, о лести на площади, об угождении народа, о похвалах общества, считают за нечто великое – встречать рукоплескания на зрелищах, на пиршествах и в судилищах, провозглашаться всеми и называться достойными подражания, то, смотри, как он показывает ничтожество и этого со стороны продолжительности времени. *В животе его,* говорит, то есть эти угождения, эти прославления бывают только до конца настоящей жизни; а потом, вместе с прочим, уничтожается и это, как временное и тленное, и даже в устах тех же хвалителей обращается в противное после смерти его, когда спадает маска, внушавшая страх. *Исповестся тебе, егда благосотвориши ему.* Смотри, как он осуждает и благодеяния таких людей. Ты льстишь ему, угождаешь, притворно и лицемерно оказываешь какую-нибудь временную услугу; а он, хотя будет воздавать тебе благодарность, но с тем, чтобы ты сделал угодное ему, и когда таким образом совершенно подкупит тебя, тогда и будет благодарить тебя. Вот что означают сло-

ва: *исповестся тебе, егда благотвориши ему*. Не сказал: когда сделаешь ему полезное, окажешь благодеяние, но: когда сделаешь угодное ему, окажешь услугу по желанию и по мысли его; указал таким образом вред с обеих сторон, и от лицемерного одобрения, и от злонамеренного угождения. *Внидет даже до рода отец своих, даже до века не узрит света. И человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным, и уподобися им* (ст. 20, 21). *Внидет,* то есть будет подражать алчности отцов своих, и, происшедши от злых, наследует злобу их; или иначе: если не сделает ничего доброго, то окажется не получившим никакой пользы от богатства, останется вместе с почившими прежде него во прахе до суда, и не будет в состоянии видеть света по закону природы. Потом, повторяя прежде сказанное, пророк говорит: *и человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным, и уподобися им.* Человек, говорит, который умер таким образом, не употребив на должное богатства своего, нисколько не отличается от бессловесного животного; он не познал чести, данной ему от Бога, и уподобился скотам, для которых смерть есть конец жизни; чего да избавимся все мы, как учащиеся этому, так и учащие, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 49

Бог богов Господь глагола, и призва землю от восток солнца до запад (ст. 1)

1. И в другом месте тот же пророк говорит: *Бог ста в сонме богов;* и еще: *аз рех, бози есте* (Пс. LXXXI, 1, 6). Также Павел: *аще бо и суть глаголемии бози и господие мнози* (1 Кор. VIII, 5), и Моисей: *богов да не злословиши* (Исх. XXII, 28), и в другом месте: *видевше сынове Божии*

дщери человечи (Быт. VI, 2), и еще он же: *проклинающий бога грех приимет: нарицаяй же имя Господне камением побит будет* (Лев. XXIV, 16). Также: *бози, иже небесе и земли не сотвориша, да погибнут под небесем* (Иер. X, 11). На кого же таким именем указывает Писание в этих свидетельствах и о каких здесь говорит богах? О властителях. Поэтому оно и присовокупляет: *богов да не злословиши, и князю людей твоих да не речеши зла* (Исх. XXII, 28). Так же называет оно и тех, которые произошли от какого-нибудь благочестивого предка. Так Енос, отличавшийся великой добродетелью, был назван именем Божиим; и когда потомки его и потомки брата его стали смешиваться между собой, то Писание назвало сынами Божиими происшедших от этого добродетельного мужа. *Они начали*, говорится, *призывати имя Бога* (Быт. IV, 26). Также народ иудейский почтен этим названием в словах: *аз рех, бози есте и сынове Израиля* (Пс. LXXXI, 6). Бог назвал так этот народ по своему человеколюбию. Таким образом объясняется и следующее изречение: *проклинающий Бога грех приимет*, то есть кто злословит властителя, *согрешает, нарицаяй же имя Господне камением побит будет*, то есть кто присваивает имя истинного Бога неистинным богам. Такой грех не простителен, почему и наказание за него тягчайшее. Называются этим именем и языческие боги, но не по достоинству и не по праву на такое название, а по обольщению заблудившихся и назвавших их таким именем. Потому и Павел говорит: *аще бо и суть глаголемии бози* (1 Кор. VIII, 5), выражая, что они не суть истинные боги и называются так не по достоинству. О каких же богах пророк говорит здесь: *Бог богов?* Мне кажется — о языческих, не как об истинных, но как почитаемых такими от людей заблудившихся. Так как иудеи были еще грубы и не вполне чужды идолослужения, но были склонны к идолам и имели много остатков беззакония, то он очищает мысли их и

от этого, показывая, что Бог есть Господь и тех богов. Действительно, Он есть Господь и бесов, то есть самого существа их; а злые мысли и всякое зло от них происходит. Мне кажется, что этот псалом имеет связь с предыдущим. И здесь написано обличение и осуждение грешников; только там пророк призывал к слушанию всю вселенную, а здесь – самые стихии, распростертые по всей вселенной. Здесь другое зрелище, другое собрание: там – народы, земнородные, богатый, бедный; здесь – небо и земля, и Сам Бог представляется судящимся и оправдывающимся перед народом иудейским. Поэтому нам нужно иметь и больше внимания. То же делает и другой пророк, – представляет Бога судящимся и призывает в судьи дебри и основания земли: *слышите*, говорит, *дебри и основания земли: яко суд Божий к людем Его и с народом претися имать* (Мих. VI, 2); и еще: *судом претися будет с вами и с отцами вашими* (Иер. II, 9). И во многих местах Писаний можно видеть такое изображение; оно особенно поразительно, достойно человеколюбия Божия, и показывает неизреченную благость Бога, снисходящего до того, чтобы судиться с людьми. *От Сиона благолепие красоты Его* (ст. 2). Это изречение заключает в себе нечто и пророческое и историческое, потому что и в Ветхом Завете отсюда же было благолепие Его. Храм, святое святых, все богослужение и учреждение ветхозаветного законодательства, множество священников, жертвы и всесожжения, священные песнопения и псалмы и все прочее отсюда; и образ будущих благ там же был предначертан. Когда наступило время прийти истине, то опять она там же открылась вначале. Оттуда воссиял крест; оттуда бесчисленные благодеяния. Вот почему Исаия, описывая закон Нового Завета, говорит: *от Сиона бо изыдет закон, и слово Господне из Иерусалима, и судити будет посреде язык* (Ис. II, 3). Сионом он называет здесь целую страну

и город, лежащий в ней, столицу иудеев. Оттуда апостолы, как быстроногие кони из какой-нибудь ограды, были посланы во всю вселенную; оттуда они начали совершать знамения; там было воскресение и вознесение (Христово); там — преддверие и начало нашего спасения; там первоначально стали возвещаться неизреченные догматы; там прежде открылся Отец, познан Единородный Сын, дана такая благодать Духа; там апостолы начали проповедь о бестелесных предметах, о дарованиях, силах и обетовании будущих благ. Все это представляя, пророк называет *красотою Его*, потому что благолепие и красота Божия есть Его благость, человеколюбие и благотворение всем. *Бог яве приидет, Бог наш, и не премолчит* (ст. 3). Видишь, как он постепенно проясняет речь, раскрывает сокровище, бросает светлейший луч: *Бог яве*, говорит, *приидет*. Когда Он приходил не явно? Когда? В первое Свое пришествие. Тогда Он пришел без шума, для многих оставаясь неизвестным и долго не открываясь. Что я говорю — для многих, когда и сама Дева, носившая Его во чреве, не знала (всей) неизреченной тайны, и братья Его не веровали в Него, и мнимый отец не думал видеть в Нем ничего великого?

2. Но что я говорю о людях? И сам диавол не знал Его, потому что если бы он знал, то не спрашивал бы Его спустя столько времени на горе: *аще Сын еси Божий,* — сказав это один, два и три раза (Мф. IV, 3, 6). Потому и Иоанну, который начинал открывать Его, Он сказал: *остави ныне,* то есть умолчи теперь, потому что еще не пришло время открыться тайне домостроительства; Я хочу еще скрываться от диавола; умолчи же, *тако бо подобает нам* (Мф. III, 15). Также сходя с горы, Он повелел не сказывать никому, что Он — Христос (см.: Мф. XVII, 9). Тогда Он приходил, как пастырь, найти заблудшую овцу и уловить одичавшую добычу,

почему и прикрывал Себя. Как врач не вдруг показывает себя страшным больному, так и Он хотел открыться не в самом начале, но мало-помалу и постепенно. Вот почему тот же пророк, изображая тихое пришествие Его, сказал впоследствии: *снидет яко дождь на руно, и яко капля каплющая на землю* (Пс. LXXI, 6). Он пришел не с шумом, не производя смятения, не колебля земли, не метая молний, не потрясая неба, не посылая множества ангелов, не расторгая тверди и не сходя на облаках, но, мирно носимый во чреве Девы в течение девятимесячного времени, рождается как сын плотника, полагается в яслях и бедных пеленах, терпит гонение и бежит с матерью в Египет. Потом, по смерти беззаконника, возвращается, ходит то туда, то сюда, по виду как один из обыкновенных людей, имея бедную одежду и скудную пищу и постоянно путешествуя, так постоянно, что даже утомляется на пути. А после Он придет не так, но столь явно, что пришествие Его даже не будет иметь нужды в провозвестнике. Поэтому Он Сам, показывая очевидность Своего будущего пришествия, говорил: если услышите: *се в сокровищах,* не входите; *се в пустыни не изыдите. Якоже бо молния исходит от восток* солнца *и является до запад: тако будет пришествие Сына человеческаго* (Мф. XXIV, 26); оно само покажет себя и возвестит о себе. И с молнией бывает то же: мы не имеем нужды, чтобы кто-нибудь возвещал о ней; но как скоро она является, то и делается видимой для всех, и в одно время для всех. Так и Павел говорит: *яко сам Господь в повелении во гласе архангелове, и в последней трубе снидет с небесе* (1 Сол. IV, 16). Так и пророк видел Его несомым на облаках, реку текущую перед Ним, страшное седалище и неумолимый суд (см.: Дан. VII, 9). Тогда будет время суда и осуждения; поэтому тогда Он явится уже не как врач, но как судья. Таким образом Даниил видел и престол Его, и реку, протекающую перед Его седалищем, и

все это являлось ему огненным, и колесница, и колеса. А вначале, при первом Своем пришествии, Он не являл ничего такого, ни огня, ни реки, ни чего-нибудь другого подобного, но тогда были ясли, гостиница, хижина и бедная мать. С другой стороны, пророк выражает здесь Его непреложность и неизменяемость. Так как он сказал, что Сидящий на престоле имеет волосы чистые, как волна, и одежду белую, как снег, то, чтобы ты разумел не волосы и одежду, а чистоту и светлость, он представляет все в огне. *Огнь пред Ним возгорится, и окрест Его буря зелна.* Такими подобиями и этот пророк выражает непреложность, неизменяемость, светлость и неприступность Божию. Он не ограничивается только огнем, но желая показать силу Его наказания, присовокупляет: *буря зелна.* Словом *буря* называется или тяжелая глыба снега, которая увлекает и ниспровергает все ей встречающееся, или сильное стремление ветра, которое производит то же самое и бывает невыносимо для идущих ему навстречу. Желая выразить тяжесть этого наказания, он и употребляет такие сравнения. *Призовет небо свыше и землю, разсудити люди своя* (ст. 4). Опять упоминает о стихиях, от которых произошло бесчисленное множество благ для рода человеческого, не только в отношении к жизни и составу тела, но и в отношении к богопознанию. В самом деле, красота, величие, расположение и сущность этих стихий и всего, что происходит из них, что бывает вообще во всякое время, и что часто в отдельных явлениях, все это питает и устраивает тела наши и руководит к познанию Создателя. Потому и Павел говорит: *не видимая бо его от создания мира творенми помышляема видима суть, и присносущная сила и божество* (Рим. I, 20); и еще: *понеже бо в премудрости Божией не разуме мир премудростию Бога* (1 Кор. I, 21), то есть премудростью, которая является в тварях и составляет не малое, но весьма великое и весьма ясное вра-

зумление. И то, что происходит через них хотя ежедневно, кажется совершающимся по естественному порядку вещей, но также возвещает Создателя. Подлинно, Господь есть создатель природы.

3. Не удивляйся, что пророк, говоря о всеобщем суде, обращает речь к иудеям. Так и Павел говорит: *ярость и гнев, скорбь и теснота на всяку душу человека творящаго злое, иудеа же прежде и еллина*; и еще: *елицы, бо беззаконно согрешиша, беззаконно и погибнут: и елицы, в законе согрешиша, законом суд приимут* (Рим. II, 8, 9, 12). *Соберите Ему преподобныя Его, завещающия завет Его о жертвах* (ст. 5). Для чего он называет здесь преподобными тех, которых намеревается обвинять и судить? Для того, чтобы усилить обвинение и указанием на их достоинство выразить большее наказание. Так и мы, когда видим кого-нибудь согрешившим и хотим сильнее укорить его, называем его по его званию, чтобы тем сделать для него осуждение более тяжким, и говорим: призови диакона, или священника. Иудеи назывались царским священием и народом избранным и много превозносились этим: отсюда он и раскрывает важность их преступлений. *Завещающия завет Его о жертвах.* Так как они, совершая бесчисленное множество грехов, допуская столько видов зла, похищая чужое, предаваясь корыстолюбию, убивая, прелюбодействуя, смешивая кровь с кровью, думали, что они совершают много доброго и исполняют закон и завет, когда приносят в жертву овец и тельцов, то он с этой стороны укоряет их и, смеясь над ними, говорит: *завещающия завет Его о жертвах*, то есть думающих, что для их спасения достаточно приносить в жертву тела бессловесных животных. *И возвестят небеса правду его* (ст. 6). Здесь он опять, желая показать светлость, ясность, очевидность, непререкаемость, известность правды Божией, представляет неодушевленные стихии возвещающими ее таким же образом,

как сказано было прежде. *Яко Бог судия есть*, то есть определяющий должное каждому. Не напрасно он употребил здесь слово: *судия*, но дабы показать, что Бог и Сам праведен и другим воздает тем же. О Боге слово *судия* употребляется вместо: *праведный*, как и Павел выражается в словах: *понеже како судити имать Бог миру* (Рим. III, 6)? В том ведь преимущественно и состоит суд, то преимущественно и значит быть судьей, чтобы не только произносить приговор, но произносить его справедливо. Судимы же будут как иудеи, жившие тогда, так и грешившие после в Новом Завете: первые будут иметь своими обвинителями природу и закон, а последние, кроме того, все сделанное для них Христом. В самом деле, что они могут сказать или какую представить причину, почему они не уверовали? Но, прошу вас, внимайте словам моим, чтобы вы могли заграждать уста противникам. Лучше им теперь потерпеть от нас поражение и исправиться, нежели отойти туда, считая себя победителями, и быть осужденными общим Судьей вселенной. Что же могут сказать иудеи, почему они умертвили Христа? Какую вину, малую или великую, они находят в Нем? *Он творил*, скажут, *себе Бога* (Ин. X, 33)? Но не эти были слова их во время крестных Его страданий, а другие; тогда они не говорили: *иже творит себе Бога*, но: *иже царя себе творит, не друг Кесарю* (Ин. XIX, 12). Между тем они же часто хотели поставить Его царем, а Он скрывался. Но прежде, скажешь, они обвиняли Его, что Он делал Себя Богом. Что же? Если бы Он называл Себя Богом ложно и несправедливо, на самом деле не будучи Богом, то обвинение имело бы основание; если же справедливо, то следовало поклоняться Ему, а не распинать Его. Посмотрим же, точно ли Он, не будучи Богом, делал Себя Богом, то есть показывал и называл. Но откуда хочешь ты узнать это? Из тогдашних ли событий, или настоящих,

или бывших при Его рождении? Кто родился когда-нибудь от Девы? Кто показал такую звезду? Кто вел волхвов таким путем, не силой и принуждением, но убеждением и откровением? Видишь ли, как вся тварь узнала Владыку? Природа первая уступает, не противится, не противоречит, не говорит: не допускаю такого рождения, я не умею производить дитяти из девственного чрева, я не могу сделать матерью без брака, – но отступает и переходит свои пределы, потому что узнала своего Владыку. Потом, когда Он родился, сошли ангелы, возвещая, что Живущий на небесах явился на земле; земля стала небом, так как здесь был царь, и волхвы поклонились Ему, пришедши издалека; младенец лежал в яслях в Палестине, а пришедшие из варварской страны оказали Ему такую честь и почитание, какие следует оказывать Богу. Впрочем, может быть, они не примут этих знамений, а потребуют других, бывших при настоящем поколении. Но у нас нет недостатка и в таких доказательствах. Такова истина: она изобилует доказательствами. Здесь-то особенно они и не могут представить никакой тени опровержения. Так, хотя ты не был тогда, когда Он рождался от Девы, но должно верить пророку, который говорит: *се Дева во чреве зачнет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил* (Ис. VII, 14). Хотя ты не был тогда, когда Он, облекшись плотью, ходил по земле, и Владыка обращался с рабами, но спроси Иеремию, и он скажет тебе так: *сей Бог наш, не вменится ин к нему. Изобрете всяк путь хитрости, и даде ю Иакову отроку своему, и Исраилю возлюбленному от него. Посем на земли явися и с человеки поживе* (Вар. III, 36).

4. И касательно всех прочих событий пророки, которых книги ты доселе напрасно пересматриваешь и перевертываешь с этой целью, ясно возвещают все. Впрочем, опровержения против иудеев мы часто высказывали и будем высказывать; теперь же обратимся к

своему предмету. *И возвестят небеса правду его, яко Бог судия есть.* Здесь, кажется мне, он говорит о Его правде, о великом Его попечении, о человеколюбии к самым иудеям, о многоразличном и разнообразном промышлении Его о всех людях, посредством творения, закона, благодати, видимого, невидимого, пророков, ангелов, апостолов, наказаний, благодеяний, угроз, обетований, порядка вещей во времени. *Услышите, людие мои, и возглаголю вам: Исраилю, и засвидетельствую тебе* (ст. 7). Посмотри опять, какая благость и кротость в самом начале речи. Как человек стал бы говорить человеку беспокойному и беспорядочному: если ты будешь слушать, то я буду говорить, если будешь внимать, то я скажу, – так и Владыка говорит рабам: если *услышите* Меня, то *возглаголю.* Действительно, они были ленивы и беспечны и даже на краткое время не прилагали спокойно слуха своего к чтению законов. Выражая это, один пророк, живший в Персии, говорил: *буду им яко глас песнивца сладкогласнаго* (Иез. XXXIII, 32). Они часто говорили пророкам, чтобы те не пророчествовали, и даже прогоняли их и казались недовольными. И царь угрожал одному пророку и приказывал не проповедовать народу (Иер. XXXII, 3). *Бог, Бог твой есмь Аз.* Не напрасно здесь употреблено повторение, но так как Он говорил к людям бесчувственным, ожесточенным и ослепленным, то и напоминает о Своем владычестве, полагая прекрасное начало дальнейшему наставлению и внушая, что они обязаны Ему свободой, и, по справедливости, должны были бы отдать Ему долг, как рабы Владыке, как творения Творцу, как получившие величайшие благодеяния и удостоившиеся такой чести. *Не о жертвах твоих обличу тя, всесожжения же твоя предо Мною суть выну* (ст. 8). Так обличают их и другие пророки, потому что они, презрев важнейшую часть добродетели, в жертвоприношениях полагали надежду спасения.

В оправдание свое они готовы были говорить: мы приносим жертвы, мы совершаем всесожжения. Но Я, говорит Бог, пришел не за это судить вас и не за то обвинять, будто вы презрели это. Исаия еще сильнее укоряет их так: *что ми множество жертв ваших? Исполнен есмь. Всесожжении овних, и тука агнцов, и крове юнцов и козлов не хощу. Кто бо изыска сия из рук ваших* (Ис. I, 11, 12)? Хотя (в законе) много сказано о жертвах, но Бог давал законы о них не потому, чтобы особенно желал их, но по снисхождению к немощи иудеев. Также Иеремия говорит: *вскую мне кадило от Савы приносите и кинамон от земли дальния* (Иер. VI, 20)? Вообще все пророки говорят, что в этом нет ничего важного. Поэтому и Сам Бог, начиная речь, говорит так: *Бог, Бог твой есмь Аз*, выражая и этим, что тот способ служения недостоин Его.

Подлинно, Бога должно чтить не дымом и смрадом, но доброй жизнью, не телесной, а духовной. Не так поступают бесы языческие; они даже требуют себе жертв. Это выражает и один из греческих стихотворцев, когда говорит: *мы получили этот жребий* (Илиад. IV, 49). Но не таков наш Бог. Те, жаждая крови людей, желая мало-помалу приучить их к убийствам, постоянно требовали этого; а Он, желая мало-помалу отклонить их от убивания и бессловесных животных, сделал им только снисхождение, дозволил жертвы, чтобы уничтожить жертвы. *Не приму от дому твоего тельцов, ниже от стад твоих козлов. Яко мои суть вси зверие дубравнии, скоти в горах и волове. Познах вся птицы небесныя, и красота сельная со мною есть* (ст. 9–11). Смотри, как Он мало-помалу возводит мысли преклонившихся к земле, очищая ослепленный ум их и внушая, что Он учредил жертвы не потому, чтобы нуждался в них, и установил в законе не потому, чтобы одобрял их. Если бы, говорит, Я хотел принимать такое служение, то, имея в Своей власти всю подсолнечную и будучи Создателем всего, назначил бы

Себе для приношения обильнейшие жертвы. Далее, смеясь над ними и стыдя их, чтобы сделать обличение более разительным, Он говорит: *аще взалчу, не реку тебе: Моя бо есть вселенная и исполнение ея* (ст. 12). Так как Он дозволил жертвоприношения для того, чтобы мало-помалу отклонить от них иудеев, а они привязались к столь маловажной вещи и не получили себе никакой пользы от такого снисхождения, то, беседуя с ними несколько чувственно и человекообразно, Он говорит: *аще взалчу, не реку тебе*, то есть Я не алчу, потому что Бог *ниже взалчет, ниже утрудится*; и если бы Я хотел принимать такое служение, не имел бы недостатка в бесчисленных жертвах и всесожжениях. Все это передо Мной в великом изобилии; но будучи Господом и Владыкой всего, Я хочу получать от тебя Свое, чтобы этим путем привлечь тебя к Моей любви и отклонить от привязанности к пустым вещам.

5. Потом, опять возводя их к высшему, Он говорит: *еда ям мяса юнча, или кровь козлов пию* (ст. 13)? Я, говорит, запретил и людям делать это и назначил величайшее наказание тем, которые едят кровь (см.: Лев. VII, 16): как же могу Я нуждаться в крови, когда отклоняю рабов Своих от такой пищи? Отвергнув таким образом все это, показав, что это недостойно Его, присоединив к обличению и насмешку, Он не останавливается на этом, но показывает другой способ жертвоприношения, который составляет род превосходнейшего врачевания, отклоняя от вещей бесполезных и прилагая к ранам то, что может исцелить их. Окончив речь о вышесказанном, он говорит: *пожри Богови* (ст. 14). Как? Без крови, – потому что такая жертва особенно достойна Бога. Поэтому, сказав: *пожри Богови*, он прибавляет: *жертву хвалы*, то есть благодарности, священных песнопений, прославления Его посредством дел. Смысл слов его следующий: живи так, чтобы прославлялся твой Владыка. Этому и Христос учил, сказав: *тако да просветится свет ваш пред*

человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех (Мф. V, 16). *Хвала* есть не что иное, как похвала, слава, прославление. Живи так, чтобы прославлялся твой Владыка, и ты принесешь совершенную жертву. Такой жертвы требует и Павел, когда говорит: *представите членъı ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови* (Рим. XII, 1); и тот же пророк в другом месте говорит: *восхвалю имя Бога моего с песнию, возвеличу Его во хвалении: и угодно будет Богу паче телца юна, роги износяща и пазнокти* (Пс. LXVIII, 31, 32). Такую жертву приносил Иов, когда, после ударов, превышавших природу человеческую, благодарил и говорил такие слова: *Господь даде, Господь отъят: яко Господеви изволися, тако и бысть: буди имя Господне благословено во веки* (Иов. I, 21). *И воздаждь Вышнему молитвы твоя.* Здесь пророк говорит о молитвах, чтобы мы постоянно пребывали в молитве и с поспешностью воздавали Богу то, что обещали. Хорошо сказал он: *воздаждь*, потому что после обещания дело становится долгом. Так, Анна отдала сына, как величайший долг (см.: 1 Цар. I, 28). Так и ты, если дашь обет милосердия, целомудренной жизни или чего-нибудь другого подобного, спеши исполнить его. Если же кто выполнил в точности обещанное, то, хотя бы он и не давал других обетов, и для него обязательны дела добродетели. Внушая это, Христос говорил: *еже должни бехом сотворити, сотворихом*, и при этом сказал притчу о рабе, которому назначена была самая малая работа, но по исполнении ее приказано не возлечь, а ходить и служить (см.: Лк. XVII, 7–10). И другой некто говорит: *не умедли отдати обет твой* (Еккл. V, 3). Ты сделал обет? Исполни его, чтобы смерть, пришедши, не воспрепятствовала. Но что, скажешь, мне до этого, когда я не властен в своей жизни? Потому-то и не следует медлить, что тебе неизвестна кончина, что ты не властен в своей жизни и смерти. Так, кажущееся оправдание служит обвинением. Не смерть бывает причиной неисполне-

ния обета, но твоя запоздалость и медленность. *И призови мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши мя* (ст. 15). Видишь ли великий преизбыток воздаяния? Что может сравниться с таким человеколюбием, когда Бог дает награды за самую добродетель, награды, гораздо большие трудов, и притом дает в самое нужное время? Для чего сказал Он: *призови мя?* Для чего Он ожидает, чтобы мы призвали Его? Для того, чтобы произвести в нас большую привязанность, пламеннейшую любовь к Нему через то, что Он будет давать, а мы – призывать Его и получать. Подлинно, добродетель производит привязаность к Богу, и воздаяние производит то же самое, и молитва также укрепляет эту привязанность. Потому Он и говорит: дай Мне, и Я дам тебе. Даже вместе с тем, как ты даешь, ты получаешь, – потому что Он не нуждается ни в чем. Так, если ты будешь кроток, умерен, целомудрен, то Богу не прибавляешь ничего, а самого себя делаешь чистым и лучшим, – и однако за это Он назначает тебе величайшие награды и венцы, как будто ты доставил Ему пользу. И еще прежде тех венцов ты наслаждаешься не малым удовольствием, пользуясь спокойствием совести и окрыляясь благими надеждами. *Днем скорби* пророк называет здесь не дни несчастий или неблагоприятных обстоятельств, но то время, когда грех нападает на тебя, когда диавол осаждает тебя, внушая злые пожелания, ты получишь, говорит, великую помощь. *И изму тя, и прославиши мя.* И это опять Бог говорит не потому, чтобы Он имел нужду в прославлении от нас, – как может нуждаться в нем Бог славы? – но потому, что при благодарственных песнопениях бывает воспоминание о благодеянии, возбуждается пламеннейшая к Нему привязанность, и прежде всего получается высочайшее блаженство.

6. Не погрешит тот, кто скажет, что *днем скорби* пророк называет здесь и будущий день: там будет скорбь непрестанная. Здесь и смерть наступающая прекраща-

ет бедствия, и друзья утешающие, и конец вожделенный, и часто надежда на перемену обстоятельств, и продолжительность времени смягчают страдания души, равно как и бедствия ближних, потому что иметь участников в скорбях и видеть другие подобные примеры для многих кажется великим утешением. А там нет ничего такого; нет никого утешающего, но все лишены друзей; ни продолжительность времени не смягчает страдания, потому что как это может быть, если пламень действует постоянно? – ни надежда на освобождение, – потому что это наказание вечно, – ни ожидание смерти, – потому что это мучение бесконечно и наказываемые тела бессмертны, – ни то, что для многих кажется утешением, то есть чтобы видеть других страждущими. Во-первых, там невозможно видеть других страждущих, потому что мрак, подобно какой-нибудь ограде, затемняет зрение; притом чрезмерное страдание не позволяет даже чувствовать такое утешение. Так, богач не получал отсюда никакого утешения, равно как и скрежещущие зубами. *Грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания моя* (ст. 16). Видишь ли совершенную лиру, стройную цитру, издающую в различных звуках гармоническую песнь? Ту же мысль можно находить и у апостолов и у других пророков; и Павел также внушает, что тому нет никакой пользы учить других, кто предварительно не научил самого себя. Так как иудеи превозносились и жертвами, и тем, что имели закон, и называли себя учителями других, то он доказывает, что они получают от того небольшую пользу, если сами остаются невеждами, и, сильно укоряя их, говорит: *научая убо инаго, себе ли не учиши? Проповедал не красти, крадеши: гнушаяся идол, святая крадеши: иже в законе хвалишися, преступлением закона Бога безчествуеши* (Рим. II, 21–23). Поэтому и о себе он говорил: боюсь, *да не како, иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. IX, 27), низлагая гордость тех, которые превоз-

носились красноречием, а сами были чужды добродетели. Ту же речь, с другой стороны, он обращает к иудеям, когда говорит: *егда бо языцы не имуще закона естеством законная творят, сии закона не имуще, сами себе суть закон;* и еще: *не слышателие бо закона праведни пред Богом, но творцы закона оправдятся* (Рим. II, 14, 13). И пророк говорит: *держащии закон не ведеша Мя* (Иер. II, 8); и еще: *всуе бысть трость лживая книжником* (Иер. VIII, 8). Почему? Потому, что *горлица и ластовица и врабия селная, познали времена входов своих: людие же мои не познаша судеб моих* (Иер. VIII, 7, 11). А этот пророк говорит, что не соблюдающий добродетели не только не получает никакой пользы, поучая других, но и сам лишается своего преимущества. Если в мирских судилищах погрешивший наказывается бесчестием молчания, то как, говорит, в общем училище может иметь голос тот, кто предан греху? Это училище гораздо важнее того судилища. Там осужденные получают наказания, а здесь все делается для того, чтобы согрешившие не наказывались, но покаянием исправляли грех. И в царских дворцах не может быть истолкователем царского слова никто из обличенных в развратной жизни. Для чего же ты *поведуеши оправдания моя* и учишь других, тогда как сам делаешь противное, опровергая жизнью своей слова свои, и отвращаешь тех, кто хотел бы слушать тебя? Ведь ты не столько научаешь словами, сколько отвращаешь делами. Поэтому и Христос хвалит того учителя, который преподает совершенное учение и делами и словами: *иже сотворит и научит, сей велий наречется в царствии небеснем* (Мф. V, 19). Итак, пусть твоя жизнь чистым голосом научает тому же; тогда, хотя бы ты заградил свои уста, ты будешь провозглашать громче трубы не только для присутствующих, но и для находящихся вдали. Так небо возвещает славу Божию, не имея уст, не двигая языком, не испуская дыхания, но красотой вида располагая зрителя удивляться Создателю. Что там на небе-

сах – красота вида, тем же пусть будет в твоей душе добродетель. Если же ты, будучи сам осквернен и имея против себя множество обвинителей и прежде всего собственную совесть, домогаешься занять кафедру учителя, то, когда станешь обличать пороки, будешь обличать не столько других, сколько самого себя. *И восприемлеши завет мой усты твоими.* Хорошо сказал он: *усты*, – потому что сердце бывает чуждо плодов, происходящих отсюда, и уста движутся напрасно и даже к осуждению самого говорящего. А если бы кто посмотрел в его душу, то увидел бы великую борьбу. *Ты же возненавидел еси наказание, и отверг еси словеса моя вспять* (ст. 17). *Наказанием* здесь он называет изучение закона, которое исправляет душу, прогоняет порок и насаждает добродетель. Как же ты берешься сеять его в других, когда сам не имеешь его в делах своих? Ты ведь *отвергл еси*, говорит, *словеса Моя вспять.*

7. Таким образом ты не только не получил никакой пользы от изучения закона, но исказил и то, что имеешь от природы. Основания того, что должно делать и чего не должно, внедрены в нас от природы; а ты отверг их и не содержишь в памяти. *Аще видел еси татя, текл еси с ним, и с прелюбодеем участие твое полагал еси* (ст. 18). Так как невозможно найти человека совершенно безгрешного, о чем некто сказал: *кто похвалится чисто имети сердце, или кто дерзнет рещи чиста быти от* греха (Притч. XX, 9), и Павел, сказав: *ничесоже в себе всем*, прибавил: *но ни о сем оправдаюся* (1 Кор. IV, 4), и *праведный себе самаго оглаголник в первословии*, то есть грехов своих (Притч. XVII, 17), то, чтобы никто не мог сказать: если все во грехах, а грешнику Бог запрещает *поведать оправдания* Его, то кто же будет возвещать их? – чтобы кто-нибудь не сказал этого, пророк исчисляет роды грехов в частности. *Есть бо грех к смерти* (1 Ин. V, 16), как и Илий говорил: *аще согрешая согрешит человек, помолится о нем священник: аще же Господеви согрешит, кто помолится*

о нем (1 Цар. II, 25)? И по закону одни грехи были неисцелимы, так что наказывались смертью, а другие получали весьма скорое врачевание. Так и Христос в Новом Завете говорит: *аще согрешит брат твой, обличи его между тобою и тем единем. Аще ли не послушает, пойми с собою еще два. Аще же не послушает их, буди тебе якоже язычник и мытарь* (Мф. XVIII, 15–17). В другое время, когда Петр спросил: *колькраты, аще согрешит в мя брат мой, отпущу ему,* то услышал в ответ: *до седмьдесят крат седмерицею* (Мф. XVIII, 21, 22); а здесь Христос учит, что после двух внушений грех делается великим, и не позволяет ожидать долее. Что же? Не противоречит ли одно другому? Нет; но *до седмьдесят,* говорит, *крат седмерицею* тогда, если тот покается. А как станет кто-нибудь отпускать тому, кто не сознается, что он согрешил, и не кается? Так и врачу, от которого желаем получить лекарство, мы показываем рану. О каком же грешнике говорит здесь Писание? Выслушаем внимательно. Пророк описывает его следующим образом: *аще видел еси татя, текл еси с ним, и с прелюбодеями участие твое полагал еси. Уста твоя умножиша злобу, и язык твой сплеташе льщения: седя на брата твоего клеветал еси, и на сына матере твоея полагал еси соблазн* (ст. 18–20). Видишь ли черты порока, изображенные как бы на картине, и как через пороки нечестивый делается подобным зверю, искажая благородство своей природы? Поэтому мы не поверхностно взглянем на эту картину, но рассмотрим ее тщательно и подробно. *Ащ видел еси татя,* говорит, *текл еси с ним.*

Это – причина всех зол; то особенно вредит добродетели и ослабляет ревность многих к добру, когда некоторые не только не обличают грешников, но еще сорадуются им. Это не меньше самого греха. Послушай Павла, который говорит: *не точию сами творят, но и соизволяют творящим* (Рим. I, 32). Не маловажен тот грех, когда кто-нибудь, хотя сам не делает зла, но сора-

дуется злу. Согрешающий может указать на крайность, сослаться на бедность, хотя такие оправдания не основательны, а ты почему одобряешь сделанное им, даже не получая от того никакого удовольствия? Он, может быть, раскается; а ты затворяешь для себя и эти двери, отвергаешь и это врачевство, лишаешь себя и этого утешения, заграждая для себя со всех сторон путь к покаянию. Когда он увидит, что ты, не участвующий в грехе и обязанный обличать, не только не обличаешь, но и прикрываешь, и не только прикрываешь, но и содействуешь, – то что он подумает о себе самом, что – о сделанном поступке? Многие из людей часто не по одному собственному соображению судят о том, что должно делать, но и соблазняясь мнением других. Если согрешивший увидит, что все отвращаются от него, то подумает, что он сделал великое зло; а если увидит, что другие не только не оскорбляются и не отвращаются, но кротко сносят и благосклонно обращаются с ним, то, исказив суд своей совести, при содействии одобрения многих неправому его мнению, на что он не решится? Когда же он осудит себя и перестанет грешить безбоязненно? Итак, кто делает зло, тот должен осуждать самого себя, потому что это путь к удалению от зла; и кто не делает добра, тот должен хвалить добро, потому что готовность есть путь к деятельности. А здесь пророк говорит о человеке, который одобряет совершаемые грехи, почему и справедливо обличает его со всей силой. Если порок, будучи обличаем, так цветет, а добродетель, будучи прославляема, едва вызывает своих деятелей на подвиги, то что было бы, если бы этого не было? То же нередко можно видеть и в сонме священников. Но если это тяжкий грех в учениках, то тем более в учителях.

8. Что делаешь ты, человек? Закон нарушен, целомудрие пренебрежено, столько грехов сделано кем-либо из лиц освященных, все низвращено, а ты не беспокоишься? Пророк призывает даже неодушевленные

стихии принять сильнейшее участие в плаче о всех вообще грехах: *ужасеся*, говорит, *небо и земля вострепета по премногу зело* (Иер. II, 12); и еще: *восплачется Кармил, восплачется вино, возрыдает виноград* (Ис. XXIV, 7). Неодушевленные твари плачут, воздыхают и гневаются вместе с Владыкой; а ты, существо разумное, не скорбишь, не обличаешь, не являешься грозным мстителем за божественные законы, но еще сообщаешься с грешниками? Как же ты можешь получить прощение? Правда, Бог не требует мстителя, не нуждается в помощниках; но Он хочет иметь тебя служителем Его в этом деле, чтобы ты сам не впал в то же самое, сделался целомудреннее от негодования на другого и показал через то любовь Свою к Нему. Когда другой грешит, а ты проходишь мимо, не обличаешь и не скорбишь, то делаешь свою душу более беспечной и склонной к падению и располагаешь ее весьма часто впадать в те же самые грехи; а тому немало вредишь своей неблаговременной снисходительностью, делая для него отчет в будущем более трудным и в настоящем приучая его к большей беспечности. Это сказано не о ворах только, но и о всяком грехе; пророк же указал на меньший из грехов, чтобы ты знал, что не получивший прощения за этот грех тем более не получит такого утешения при другом. А далее, послушай, что он говорит: *и с прелюбодеями участие твое полагал еси;* он переходит к важнейшему греху, так как тот меньше этого. Сравнивая эти грехи, некто сказал: *не дивно, аще кто ят будет крадый: крадет бо, да насытит душу свою алчущую* (Притч. VI, 30). Если же воровство непростительно, то тем более — прелюбодеяние. *Прелюбодеянием* здесь он называет блуд. Итак, если ты узнаешь, что кто-нибудь из одной с тобой паствы блудодействует и приступает к тайнам, то скажи служащему при их раздаянии: такой-то недостоин тайн, отстрани святотатственные руки. В самом деле, если он недостоин *поведать оправдания*, то представь, какому

подвергнется он наказанию, если еще прикоснется к священной трапезе, и не только он, но и тот, кто прикрывает его. Не сказал пророк: *и прелюбодействовал,* но *с прелюбодеями участие твое полагал еси.* О, сколь великое зло – прикрывать гнилые раны других, если прикрывающему он полагает наказание вместе с согрешающим, и тому не меньшее, чем и этому! Тот может сослаться на страсть, хотя такое оправдание не уважительно, равно как и вор – на голод; а ты не можешь сказать и этого. Для чего же ты, не получая удовольствия, разделяешь с другим наказание и делаешься его соучастником? Потому и мирские судьи наказывают не только сделавших преступление, но и слуг их, о которых известно, что они знали о преступлении, и господа, которые выдают их, охотно выпили бы их кровь и съели бы их плоть, приписывая им вину преступления не меньше, как и жене прелюбодействовавшей. Они, не подняв завесы, доставили большую свободу тайным делам; они подвергли бесчестью и прелюбодейцу, и оскорбленного мужа, и самого прелюбодея, потому что, если бы они наперед объявили о том, если бы сделали известным, то прекратили бы всякую ловлю. И как преимущественно те ввергают добычу в сети, которые расставляют сети, стерегут будущую добычу, всячески скрывают свою хитрость и стараются не допустить ни шума, ни чего-нибудь другого, что может отогнать зверя, так точно и здесь, если ты сидишь при расставленной диаволом сети и, видя прелюбодея, готового попасть в нее, не производишь шума и смятения, то преимущественно ты губишь его.

Не говори мне этих слов, исполненных великой бесчувственности: «для чего мне беспокоиться? – Я забочусь о своем». Тогда ты особенно и будешь заботиться о своем, когда будешь искать своего в пользе ближнего. Поэтому и Павел говорит: *никто же своего си да ищет, но еже ближняго* (1 Кор. X, 24). Чтобы тебе, говорит, найти

свое, ищи того, что полезно другому. *Уста твоя умножиша злобу, и язык твой сплеташе льщения: седя на брата твоего клеветал еси, и на сына матере твоея полагал еси соблазн.* Пусть никто не говорит: «Я делаю это по человеколюбию». Какое человеколюбие – не остановить и не удержать готового упасть в пропасть, благоприятствовать преступному удовольствию, не обращать внимания на пьющего гибельный яд? Впрочем, ты не можешь говорить и этого. Если это действительно происходит от человеколюбия, а не от сонливости, небрежности и лености, то почему ты, оставив виновного, злословишь брата, который ни в чем не виновен? Для чего ты клевещешь на того, кто не сделал ничего худого и ни в чем не согрешил? Видишь, до какой крайней степени доходит порок твой с той и другой стороны. Тому, кто опьянел от похоти, ты не препятствуешь упиваться и не вразумляешь его; а тому, кто не сделал ничего худого, делаешь вред. *Седя на брата твоего клеветал еси, и на сына матере твоея полагал еси соблазн.*

9. Смотри, как пророк самыми выражениями своими усиливает обличение. Того, говорит, кто одной с тобой матери причинил болезни рождения, родился из одного с тобой чрева, разделял с тобой дом, стол и пищу, вырос из одного корня, получил одно с тобой происхождение, с ранних лет вместе с тобой воспитывался, – ты злословишь, и не только злословишь, но и приводишь в дело клевету свою. Таков смысл слов: *полагал еси соблазн.* Если же не должно злословить того, кто соединен с тобой естественным рождением, то тем более духовным. Итак, склоняющегося на грех не допускай до падения, и не сделавшего ничего худого не злословь и не порицай. Одно происходит от зависти, другое от бесчувственности; не удерживать готового упасть свойственно бесчувственности, а низвергать стоящего свойственно зависти. И заметь: он описывает не просто клеветника, но такого, который делает это с хитро-

стью и коварством: *седя*, говорит, *на брата твоего клеветал еси*. Каин, убив брата, лишил настоящей жизни только его одного; а эти люди своими клеветами губят многих, и прежде всего самих себя. Подлинно, они вредят не тому только, на кого клевещут, но и другим, или, лучше сказать, только тем, которые принимают клевету их. В самом деле, тот, кто слышит о себе ложную клевету, не только не терпит вреда, но еще получит величайшую награду. Не тот, кто терпит, а кто делает зло, достоин наказания; так точно не тот, кто слышит о себе, но кто произносит клевету, будет наказан, если только и слышащий не подал справедливого повода к его осуждению. Будем поэтому стараться не о том, чтобы нам не слышать о себе чего-нибудь худого, – так как это невозможно, и притом есть изречение Христово: *горе вам, егда добре рекут вам вси человецы* (Лк. VI, 26), – но чтобы нам самим не подавать к тому поводов. Кто хочет, чтобы все говорили о нем хорошо, тот часто губит свою душу, питая любовь к славе человеческой, оказывая услуги людям в том, в чем не должно, угождая в том, в чем не следует, чтобы купить себе их расположенность. С другой стороны, и тот, кто презирает всеобщую худую молву о себе, губит самого себя. Как для добродетельного невозможно, чтобы все говорили о нем хорошо, так невозможно, чтобы все не говорили худо о том, кто во многих отношениях подает много поводов к худой о себе молве. Если же, несмотря на твое безукоризненное поведение, являются злословящие тебя, то тем большая ожидает тебя награда, как было с апостолами и другими доблестными мужами. Впрочем, нужно заметить, что, хотя бы порицали нас в таком деле, за которое совесть не укоряет нас, и тогда мы не должны презирать порицателя и причиняемый им вред, но с надлежащей осторожностью принимать все меры к уничтожению неосновательной молвы. Потому и Павел в денежных делах посылал многих отно-

сить пропитание для бедных (см.: 1 Кор. XVI, 3), и причину этого приводит следующую: *да не кто нас поречет в обилии сем служимем нами* (2 Кор. VIII, 20). Зная, что другие могут соблазняться, он не оставил без внимания и не пренебрег этим, но так как было в его власти уничтожить соблазн, то заблаговременно позаботился и о самих соблазняющихся. Также в другом месте он говорит: *аще брашно соблазняет брата моего, не имам ясти мяса во веки, да не соблазню брата моего* (1 Кор. VII, 13). Несмотря на то, что эти вещи безразличны, но если, говорит, они производят соблазн, то, хотя мне самому не причиняют вреда, я не пренебрегаю спасением соблазняющихся. Если вред (от приспособления к другим) больше спасения, то не смотри на соблазняющегося; если же нет, то не пренебрегай им. Пусть это будет общим правилом и руководством, когда должно оставлять без внимания соблазняющихся, и когда не должно. Например иудеи соблазнялись тем, что Павел не соблюдал закона, и потому многие тысячи отступали и колебались в вере. Что же он делает? Желая прекратить соблазн, — потому что важнее было спасение стольких тысяч, — и исправить их колебание, он не допустил им оставаться в том мнении, будто он не соблюдает закона; а это и было очень важно. С другой стороны, они соблазнялись тем, что он проповедывал Распятого (см.: 1 Кор. I, 23); но в этом случае он не обратил внимания на соблазнявшихся, — потому что гораздо важнее была польза проповеди. Так поступал и Христос. Когда Он беседовал о пище и некоторые соблазнились Его словами: *не входящее (в уста) сквернит человека, но исходящее,* то он сказал: *оставите их: всяк сад, егоже не насади Отец мой, искоренится* (Мф. XV, 11—13). Когда же требовали от Него податей, то, хотя Он знал, что не должен платить, но так как еще не пришло время открыться Его достоинству, то сказал: *да не соблазним их, шед верзи удицу* в море, *и, юже прежде имеши рыбу, возми,* и в ней *обрящеши статир: той даждь им*

за мя и за ся (Мф. XVII, 27). Когда Он давал закон, исполненный великой мудрости, а они оставались неисцелимыми, то справедливо Он не обратил на них внимания и отменил (ветхий) закон; а когда они еще не были способны принять учение о Его достоинстве, то справедливо Он снисходит к ним и уплатой подати прикрывает учение о Своем божестве. *Седя на брата твоего клеветал еси.* Для того, скажешь, чтобы исправить его?

10. Но для этого тебе следовало бы не клеветать на него скрытно, а призвать и исправлять его наедине, как Христос заповедал. Обличения, высказываемые перед всеми, часто делают обличаемых более бесстыдными, и многие из грешников, если видят, что им можно быть незаметными, легко решаются исправиться; а если они уже у многих потеряли хорошее мнение, то иные из них впадают в отчаяние и предаются бесстыдству. Но ты обижен им? Для чего же обижаешь еще самого себя? Кто мстит, тот поднимает меч на самого себя. Если ты хочешь и себе сделать добро и ему отмстить, то отзывайся хорошо об оскорбившем тебя, — тогда ты вместо себя сделаешь многих обвинителями его, и сам получишь великую награду; если же будешь отзываться худо, то никто не поверит тебе, подозревая в тебе вражду. Таким образом твои усилия обращаются против тебя самого. Ты хочешь повредить его доброму имени, а выходит противное, потому что эта цель достигается похвалой, а не порицанием; а ты поступаешь совершенно напротив, и себя более бесчестишь, и его не касаются стрелы твои. Вражда, касаясь души слушающих, не позволяет им принять слышанное, и бывает то же, что в судебных приговорах. Когда кто-нибудь в судилище станет возражать, то испортит все; так и здесь подозрение во вражде не допустит принять отзыв. Итак, не клевещи, чтобы тебе не осквернить самого себя; не смешивай навоза с грязью и глиной, но сплетай венцы из роз, фиалок и других цветов; не носи

помета во рту, подобно жукам, — а так делают клеветники, сами первые испытывая зловоние, — но держись цветов, подобно пчелам, и составляй соты, как они, и будь со всеми дружелюбен. От клеветника все отвращаются, как от издающего зловоние и питающегося бедствиями других, как пиявка кровью и жук навозом; а человека, имеющего уста доброречивые, все принимают как общего сочлена, как родного брата, как сына, как отца. Но что я говорю о настоящем и о мнениях людей? Представь страшный день, неподкупный суд, и то, что говоря ложь, ты прибавляешь новые грехи к грехам своим. *Глаголю же вам*, говорит Господь, *яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово Богу в день судный* (Мф. XII, 36). Хотя бы, говорит, было справедливо сказанное тобой, и в таком случае ты не избегнешь осуждения, открывая несчастья и позор ближнего. Вспомни о фарисее. Он не был мытарем, но стал грешнее мытаря, потому что произнес злословие на мытаря. Мытарь не был фарисеем, но стал праведнее фарисея, потому что осудил самого себя. *Сия сотворил еси, и умолчах, вознепщевал еси беззаконие, яко буду тебе подобен: обличу тя, и представлю пред лицем твоим грехи твоя* (ст. 21).

11. Видишь ли неизреченное человеколюбие? Видишь ли величайшую благость? Видишь ли беспредельное богатство долготерпения? *Молчанием* пророк называет здесь долготерпение. Ты осмелился сделать, говорит, столько грехов, и я не наказывал тебя, но терпел и переносил, давая тебе возможность покаяться. А ты не только не извлек отсюда никакой пользы, но еще больше предался пороку; ты не только не переменился, не только не устыдился и не осудил себя за дела свои, но еще стал думать, что Я — долготерпевший, ожидавший, молчавший и столько переносивший — переношу это не по долготерпению и человеколюбию, но потому, будто не хочу исправлять этого и не огорчаюсь такими делами. *Разумейте убо сия забывающии Бога* (ст. 22). Что

же именно? Сказанное. Что значит: *разумейте?* Вникните. Что же здесь сказано прикровенного и требующего особенного внимания? Самый вид учения указывает на новый образ жизни. Сказав немного о жертвах, он предлагает евангельские законы; а с другой стороны, так как слушатели его были покрыты великой нечистотой грехов, он, желая извлечь их из нечестия, как бы из болота, и очистить прежний путь их порочных наклонностей, как бы гной глазный, побуждает их вспомнить о бывшем прежде, чтобы они, предав это забвению, не остались без плода. Подлинно, греховный навык производит в душе великое ослепление, делает людей безрассудными и потемняет светлое око ума. *Да не когда похитит, и не будет избавляяй.* О, неизреченное человеколюбие! Это – слова нежно любящей матери, или, лучше, слова благости, беспредельно превосходящей такую любовь. Сделав такое обвинение, показав такой гнев, он сам предостерегает их. Сказав: *обличу тя, и представлю перед лицем твоим грехи твоя,* произнесши осуждающий приговор, он опять отменяет решение, не предавая их наказанию, как осужденных, но, как имеющих исправиться от увещания и совета, удерживая и вразумляя страхом: *да не когда,* говорит, *похитит,* как лев, *и не будет избавляяй. Жертва хвалы прославит мя: и тамо путь, имже явлю ему спасение Божие* (ст. 23). Показав Свое человеколюбие, сделав увещание, совет, угрозу, внушив страх, назначив строгое наказание и сделав предостережение, Он указывает и способ, каким можно исправить сделанное: *жертва хвалы,* говорит, *прославит мя.* Смысл слов Его следующий: она не только прекратит Мой гнев, отменит осуждение, но и прославит Меня. Видишь, как велико это дело, если через него прославляется Бог. *И тамо путь, имже явлю ему спасение Божие.* Видишь ли неизреченную награду? Видишь ли крайнее человеколюбие? Обещает показать путь Божий и истинное спасение Божие поступающим так. Покоримся же

обещающему и будем прославлять Его правой жизнью и жертвой хвалы. Этот путь, посредством такой жертвы, ведет ко спасению, которого да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 108

Боже, хвалы моея не премолчи: яко уста грешнича и уста льстиваго на мя отверзошася, глаголаша на мя языком льстивым, и словесы ненавистными обыдоша мя, и брашася со мною туне. Вместо еже любити мя, оболгаху мя, аз же моляхся: и положиша на мя злая за благая, и ненависть за возлюбление мое. Постави на него грешника, и диавол да станет одесную его: внегда судитися ему, да изыдет осужден, и молитва его да будет в грех. Да будут дние его мали, и епископство его да приимет ин: да будут сынове его сири, и жена его вдова: движущеся да преселятся сынове его и воспросят, да изгнани будут из домов своих. Да взыщет заимодавец вся, елика суть его: и да восхитят чуждии труды его (ст. 1—11)

1. Здесь нам нужна великая внимательность, потому что сказанные слова, при одном их произношении и с первого взгляда, смущают многих из невнимательных. Весь этот псалом наполнен проклятиями; вся речь проникнута ими и обнаруживает в говорящем сильный и пламенный гнев, который не останавливается на самом нечестивце, но простирает наказание и на детей, и на отца, и на мать его, и не довольствуется одним несчастьем, но прилагает бедствия к бедствиям. В самом деле, посмотри, чего просит он. *Постави на него грешника, и диавол да станет одесную его,* то есть пусть будут обвини-

телями его люди порочные и коварные, и пусть он не преодолеет их. Это и значит: *внегда судитися ему, да изыдет осужден.* Но довольствуется и этим наказанием, но при таком осуждении просит еще, чтобы кто-нибудь другой получил после него честь его: *епископство его,* говорит, *да приимет ин.* Не останавливается и на этом, но заграждает для него единственно оставшуюся пристань, прося, чтобы он не удостоился никакой милости от Бога: *и молитва его,* говорит, *да будет в грех.* Притом просит, чтобы он подвергся преждевременной смерти: *да будут,* говорит, *дние его мали.* Не останавливается и здесь, хотя и этого было бы достаточно, но еще продолжает. Душе весьма воспламенившейся свойственно не удовлетворяться одним или двумя наказаниями, но просить столь многих. Следующее за тем еще более тяжко: просит сиротства и вдовства остающимся после него. Хотя по смерти его это необходимо должно случиться, но, пылая гневом, полагает и это в ряду проклятий. Не останавливается и на сиротстве, но и после таких бедствий простирается далее, увеличивает бремя, просит, чтобы потомки его были изгнанниками и переселенцами: *движущеся да преселятся,* говорит, *сынове его и воспросят,* то есть пусть блуждают, не останавливаясь, пусть не имеют даже необходимой пищи и не перестают переходить с места на место, будучи гонимы и преследуемы по всей земле и нигде не находя себе места для пристанища. Вместе с этим просит им нищеты, и нищеты крайней и невыносимой, так, чтобы они не получали помощи даже от родных, но, скитаясь, искали ее у иноплеменников и незнакомых. И послушай, как выражает это. Сказав: *да преселятся сынове его и воспросят,* прибавляет: *да изгнани будут из домов своих, да взыщет заимодавец вся, елика суть его: и да восхитят чуждии труды его.* Это — новый вид несчастья, чтобы имущество его было предано расхищению, чтобы он подвергался на-

падениям заимодавцев, переносил всякого рода оскорбления и, что всего тяжелее, среди таких бедствий не имел защитника, так как и этого просит: *да не будет,* говорит, *ему заступника* (ст. 12). Несчастья и сами по себе невыносимы; но когда нет и защитника, тогда они еще более тяжки. *Ниже да будет ущедряя сироты его.* О, какой великий гнев, когда и преждевременное сиротство не находит себе сострадания, и не только сострадания, но еще осуждается на крайнюю погибель: *да будут,* говорит, *чада его в погубление, в роде едином да потребится имя его* (ст. 13). Видишь ли речь, исполненную гнева и ни на чем не останавливающуюся? Просит, чтобы они жили в различных и разнообразных несчастьях, чтобы преданы были всякого рода бедствиям и погибли в неизвестности. И как бы недостаточно было несчастья детей его, прибавляет еще: *да воспомянется беззаконие отец его и грех матере его да не очистится. Да будут пред Господем выну, и да потребится от земли память их* (ст. 14, 15). Это особенно свойственно гневу — раскрывать подробно несчастья, о которых сказано вообще, и часто повторять одно и то же. Сказав: *да воспомянется беззаконие отец его,* прибавляет: *и да не очистится.* Хотя это — одно и то же, но гнев побудил сказать и то и другое; а смысл этих слов следующий: умертви его, убей, уничтожь. Видишь ли, какое множество проклятий? Если хочешь, я опять с начала перечислю их. Пусть, говорит, попадет он к злым людям, будет обвинен, предан в их власть, осужден, подвергнется преждевременной смерти, лишится чести и увидит, что она перешла не к потомкам его, но к кому-нибудь чужому; пусть жена его погибнет, и дети терпят бедность и сиротство, проводят жизнь в нищенстве, будут осуждены и отовсюду изгоняемы, не имеют никакого защитника, будут лишены и благоволения Божия, не находя себе никакого ни пристанища, ни убежища; пусть изгладится имя его с

земли, и погибнет он в неизвестности; пусть и отец и мать его будут наказаны за грехи свои и погибнут несчастным и злополучным образом.

2. Все вышесказанное не поражает ли слушателя? Хочешь ли узнать, кто этот человек, так осуждаемый? Если мы, слыша, что какого-нибудь человека порицают, спрашиваем у присутствующих, о ком это говорится, то тем более, слыша такие проклятия от пророка, необходимо узнать, и узнать со страхом и сокрушенным сердцем, кто этот человек, подвергшийся столь сильному гневу, так огорчивший Святого Духа, что о нем говорится столько и таких страшных бедствий. Поэтому, если угодно, прочитаем опять этот псалом с начала с великим вниманием. Не шумите. Я буду изъяснять его со всей тщательностью, сколько могу. Предмет исследования немаловажен. И во-первых: почему, когда осуждается сам согрешивший, называются вместе с ним и дети, и жена, и родители? Во-вторых: кто этот, подвергающийся проклятию? В-третьих: каким образом верховный из апостолов доказывает, что этот псалом относится к Иуде, или, лучше, не весь псалом, а часть псалма? *Пишется бо*, говорит он, *в книзе псаломстей: да будет двор его пуст, и да не будет живущаго в шатрах его (и епископство его да приимет ин)* (Деян. I, 20)? Здесь опять представляется нам другой вопрос, так как не все это написано в настоящем псалме; потому он и указал не на один псалом, а на целую книгу. Именно слова *да будет дом его пуст* находятся в другом псалме (Пс. LXVIII, 26), а в этом: *епископство его да приимет ин;* но Петр соединил то и другое в одно свидетельство. Так и Павел часто поступает; например, когда говорит: *приидет от Сиона избавляяй, и отвратит нечестие от Иакова. И сей им от мене завет, егда отъиму грехи их* (Рим. XI, 26, 27). Что же, скажет кто-нибудь, вышесказанное есть пророчество или проклятие? Пророчество в виде проклятия.

То же мы можем находить и в других местах; то же сделал и Иаков. Так как слушателей нужно вразумлять тем, что случалось с другими, то многие пророчества составлены так, чтобы самым образом выражения увеличить страх в обществе. В самом деле, не одно и то же — сказать, что такой-то пострадает так и так, или произнести то же самое в виде гнева и негодования. А что я говорю не без основания, объясню вам это пророческими изречениями. Когда Иаков готовился умереть, то сказал сыновьям своим: *соберитеся, и возвещу, что срящет вас в последния дни* (Быт. XLIX, 1); и намереваясь пророчествовать, с самого начала как бы воспламеняется гневом и начинает пророчество с проклятия: *Рувим*, говорит, *первенец мой, жесток терпети, и жесток упорник, досадил еси, яко вода да не воскипиши* (Быт. XLIX, 3), в виде проклятия предсказывая будущую его погибель. Он же, говоря о благах, произносит в виде молитвы: *да даст тебе* (Иосифу) *от росы небесныя, и от тука земли* (Быт. XLIX, 27, 28), хотя и это есть пророчество. Но очевидно, что все это происходит не от человеческой страсти. То же самое делает и с Ханааном дед его: *будет*, говорит, *Ханаан раб его* (Быт. IX, 26), — дабы ты знал, что Бог, защищающий обижаемых, наказывает обижающих. И Христос употреблял тот же образ речи, призывая к себе людей под видом пророчества и сетования: *горе*, говорил Он, *тебе Хоразине, горе тебе Вифсаидо*; и еще: *Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки* (Лк. X, 13; XIII, 34). О ком же говорит псалом? Отчасти об Иуде пророчествовал здесь Дух через Давида; а в остальной части о других. Пророчество бывает и в таком виде. Мы неоднократно увидим такой состав псалма, что начало его относится к одному лицу, а остальное к другому. Вышесказанное можно видеть и из другого места: когда иудеи вступили в землю обетованную, то сын Навинов получил повеление от Бога разделить двенадцать колен на

двенадцать частей и произнести отчасти благословения, а отчасти проклятия. Эти благословения и проклятия были предсказанием будущего: *проклят ты,* говорил он, *во граде, проклят на селе* (Втор. XXVIII, 16), и бесчисленные подобные проклятия, касающиеся колен, составили длинную речь.

То же можно сказать и здесь, то есть под видом проклятия составлено пророчество, которое означает и предвозвещает события, имевшие случиться с Иудой, а потом касается и другого предмета, именно: говорит против некоторых людей, восстающих на священство, — чтобы мы знали, как велико зло — восставать на священников Божиих и употреблять против них коварство и неправду. Сказанное здесь есть не что иное, как внушение, что постигнет тех, которые обижают ближних и восстают с коварством и злобой против людей, не сделавших ничего худого. Если же псалмопевец просит, чтобы и дети его были наказаны, не смущайся этим, возлюбленный; детьми он называет здесь тех, которые сами участвуют в пороках таких людей. Писание часто называет детьми и сынов по естественному родству, и соучастников нечестия, хотя бы они и не были естественными сынами, как, например, когда говорит: *вы сыны диавола есте* (Ин. VIII, 44). Хотя иудеи не были сынами диавола по природе, — как облеченные плотью могли быть сынами бесплотного? — однако ж по участию в нечестии они вступили в родство с ним. Потому оно называет их чуждыми для Авраама: *аще,* говорит, *чада Авраамля бысте были, дела Авраамля бысте творили* (Ин. VIII, 39). А что сын не наказывается за отца, равно как и отец за сына, это всякому известно, — и в законе сказано об этом, — разве когда отец худо воспитывал сына; но и тогда он наказывается не за сына, а за собственное нерадение, как, например, Илий (см.: 1 Цар. III, 13).

3. Если угодно, повторим этот псалом с начала. *Боже, хвалы моея не премолчи.* Другой переводчик (Акила) говорит: *Боже, хвалению моему не невнемли.* Третий (Симмах): *не умолчи*, то есть не оставь без наказания, но накажи такие дела, потому что Ты славен, велик и силен исправить их. *Яко уста грешнича и уста льстиваго на мя отверзошася, глаголаша на мя языком льстивым, и словесы, ненавистными обыдоша мя, и брашася со мною туне. Вместо еже любити мя, оболгаху мя, аз же моляхся.*

Видишь ли сильную злобу? Видишь ли коварный замысел? Видишь ли злоумышленников? Бога особенно прогневляет и то, когда грешник делает зло с намерением, с умыслом и с великим усилием. Иное, когда кто пал по увлечению и обольщению; иное, когда кто, совершая зло, делает как бы дело; иное, – и это величайшее преступление, – когда злоумышляют против того, кто сам не злоумышляет. Сказав: *вместо еже любити мя*, псалмопевец выражает не что иное, как то, что благодетелю, который достоин любви, которому следовало воздавать добром, они воздавали противным тому. *Аз же моляхся.* Видишь ли любомудрие? Видишь ли смирение? Видишь ли кротость? Видишь ли благоговение души? Я не вооружался, говорит он, не вступал в борьбу, но прибегал к Тебе, призывал Твою помощь и Твое содействие – это сильнейшее оружие и непобедимое заступление. Далее, сказав об Иуде, как он сам себя подверг осуждению, произнес сам на себя смертный приговор, как удавился, как апостольство его перешло к другому, он опять обращается к прежнему предмету. Таково свойство пророчества, что в нем иногда прерывается речь, вносится другое событие и, по изложении его, опять делается обращение к прежнему. А прикровенно было это пророчество по причине неблагодарности иудеев. Оно указывает, как я прежде сказал, на некоторого человека, злоумышлявшего против священ-

ства, после времени возвращения иудеев из вавилонского плена. Любознательнейшим это известно из истории. Ему-то псалмопевец предсказывает великие бедствия, лишение защитников, — просит, чтобы для него было заграждено всякое прибежище, чтобы ему не было оказываемо никакого долготерпения, ни сострадания, ни прощения. Это, по-видимому, есть проклятие, как я выше сказал и не перестану часто говорить, но на самом деле есть пророчество, показывающее, как гневается Бог, когда злоумышляют против священства. Потом он подробно излагает бедствия и говорит: *занеже не помяну сотворити милость, и погна человека нища и убога и умилена сердцем умертвити* (ст. 16). Это — крайняя жестокость, великое бесчеловечие, когда кто-нибудь не только злоумышляет, но злоумышляет против того, кто может преклонить на милость и возбудить сострадание. Такой человек дошел до зверской свирепости и даже сделался хуже. Зверям свойственна свирепость по природе; а он, будучи одарен умом, предал свое благородство пороку. И звери показывают некоторую приязнь и кротость к одноплеменным и однородным с ними; а эти люди не постыдились даже единства природы, но того, кого следовало бы миловать, поддерживать и одобрять, они отогнали и отвергли. *И возлюби клятву, и приидет ему: и не восхоте благословения, и удалится от него* (ст. 17). Так как псалмопевец просил ему много бедствий, то показывает, что начало и причина их не в ком-нибудь другом, а в нем самом, своими делами отвергшем помощь Божию и навлекшем на себя гнев Божий. *И облечеся в клятву яко в ризу, и вниде яко во утробу его, и яко елей в кости его* (ст. 18). Здесь показывается сила наказания и продолжительность мучения и вместе внушается, что бедствия у всех людей происходят от них самих, от собственной их вины, когда они своими делами и поступками сами отвергают добро и сами себя подверга-

ют наказаниям. *Да будет ему яко риза, в нюже облачится, и яко пояс, имже выну опоясуется* (ст. 19). Говорит так, чтобы показать неизреченный гнев Божий, который постигнет таких людей. Смысл этих слов следующий: бедствия так охватят их, что не будет никакой перемены, но прильнут к ним и останутся при них постоянно. Далее внушая, что Бог наказывает нечестие и исправляет порок и что такой приговор падет не на одного только этого грешника, но и на всех виновных в том же, прибавляет: *сие дело оболгающих мя у Господа* (ст. 10), то есть таково наказание, таков суд восстающим, злоумышляющим, враждующим против меня. *И глаголющих лукавая на душу мою.* Следовательно, и за слова полагаются наказания, и наказания жесточайшие.

4. Окончив речь об этом, он опять прибегает к Богу, испрашивая Его заступления. Не останавливается на наказании злоумышленников, но, желая показать, что страждущие имеют мстителя за наносимые обиды и получают великое заступление, присовокупляет: *и ты, Господи, сотвори со мною и имене ради твоего* (ст. 21). Посмотри на его признательность, посмотри на смиренномудрие. Хотя он имел достаточную причину к испрашиванию заступления в самом своем страдании, — так как из многих мест Писания можно видеть, что страждущие несправедливо от людей имеют великое дерзновение к испрошению себе помощи от Бога, — но он, не указывая на это, прибегает к одному человеколюбию Божию и говорит: *сотвори со мною имене ради твоего,* то есть как бы так говорит: не потому, чтобы я был достоин того, но *ради Себя Самого,* ради того, что Ты человеколюбив и милостив. Поэтому и присовокупляет: *яко блага милость твоя.* Хорошо сказал он: *яко блага милость твоя.* У людей милость часто бывает не такова, но иногда служит ко вреду и погибели, а у Бога всегда к пользе. *Избави мя, яко нищ и убог есмь аз, и сердце мое смятеся*

внутрь мене (ст. 22). Видишь ли, что он опять просит спасти его не как достойного, не как праведного, но как совершенно изнуренного, как измученного, как претерпевшего бесчисленные бедствия? *И сердце мое смятеся внутрь мене.* Такова сила бедствий: они не только разрушают тело, но и возмущают душу. *Яко сень, внегда уклонитися ей, отъяхся: сотрясохся, яко прузи* (ст. 23). Изображает силу коварства злоумышленников, невыразимую их злобу, и ту деятельность, которую сам он показывал в таких обстоятельствах. *Колена моя изнемогоста от поста, и плоть моя изменися елеа ради* (ст. 24). Видишь ли, какое он употреблял оружие против козней и злобы на него? *И аз бых поношение им: видеша мя, покиваша главами своими* (ст. 25). Таковы суждения порочных: они не только не отступают, когда видят, что праведник противопоставляет им благочестие, но и порицают, насмехаются, поносят. Что же он? Он прибегает к непобедимой помощи и непреодолимой защите: *помози ми,* говорит, *Господи Боже мой, и спаси мя по милости твоей: и да разумеют, яко рука твоя сия, и ты, Господи сотворил еси ю* (ст. 26, 27). Что значит: *яко рука твоя сия?* Твоя помощь, Твоя защита. Я хочу не только спастись, но так, чтобы и они знали, Кем я спасен, дабы иметь мне двойной трофей, двойной венец, высшую славу. *Проклянут тии, и ты благословиши: востающии на мя да постыдятся, раб же твой возвеселится* (ст. 28). Здесь он научает слушателя любомудрию; показывает, что хотя бы люди предавали праведника бесчисленным проклятиям, от них не будет ему никакого вреда, потому что Бог благословляет его, а на них же самих обратится стыд и бесчестие. *Раб же твой возвеселится о тебе.* Хорошо сказал он: *о тебе,* выражая, что эта радость оттуда же, откуда подаются блага; ничто, говорит, прискорбное уже не может смутить меня, когда у меня будет пребывать радость, происходящая от Тебя. *Да облекутся оболгающии мя в срамоту, и одеждутся*

яко одеждою студом своим (ст. 29). Смотри, как он просит еще, чтобы они были не только подвергнуты наказанию, но и стыду, и бесчестию, чтобы это послужило для них уроком к исправлению и поводом к перемене на лучшее. *Исповемся Господеви зело усты, моими, и посреде многих восхвалю Его: яко предста одесную убогаго, еже спасти от гонящих душу мою* (ст. 30, 31). В воздаяние за все это он воссылает Богу славословие, благодарение, хвалу, возвещает перед всеми дела Его, становится среди всех проповедником дарованных ему благ. Это и есть жертва, это — приношение, чтобы хранить всегда в памяти благодеяния Божии, запечатлевать их в уме, проповедовать устами, делать многих слушателями благодеяний Его. Таким образом и принявший благодеяние получит воздаяние за благодарность свою и удостоится от Бога еще большей милости, и слушающие сделаются более ревностными от случившегося с другими, и благодеяние, оказанное другим, сделается для них величайшим побуждением к преуспеванию в добродетели.

НА ПСАЛОМ 109

Рече Господь Господеви моему: седи одесную мене (ст. 1)

1. Встанем, прошу вас, и усилим внимание. Этот псалом возвещает нам весьма великие истины и опровергает не один какой-нибудь вид ересей, но различные и разнообразные. Он опровергает и иудеев, и Павла Самосатского, и ариан, и маркионитов, и манихеев, и всех неверующих воскресению. Если же он направлен против так многих, то и нам нужно иметь много глаз, чтобы в точности заметить способы этого ратоборства. В мирских ратоборствах, если что-нибудь и будет не досмотрено, то нет никакого вреда для зрите-

ля, потому что там зрелище устраивается не для назидания, но для удовольствия. А здесь, если ты не заметишь с точностью, каким образом противник нападает и каким образом мы можем поражать его, то потерпишь не малый вред. Итак, чтобы тебе не испытать этого, возбуди твой ум, открой твой слух. Прежде всего мы будем поражать иудеев и устремимся против них, взяв в союзники себе пророка с вышесказанными словами. Когда мы утверждаем, что это ясно сказано о Христе, иудеи не принимают этого, но сочиняют нечто другое. Опровергнем же наперед их учение, а потом изложим и наше. Спросим их: кто этот Господь праведника? *Рече*, говорит он, *Господь Господеви моему*. Здесь упоминается не об одном лице, но представляется беседа одного с другим. Кто же, по словам их, говорит здесь? Бог. А кто слушает? Авраам. Другие разумеют — Зоровавеля, а иные — иное лицо, не говоря ничего согласного, как опьяневшие, или, лучше, как блуждающие во мраке и толкающие друг друга. Что же, скажи мне, разве Зоровавель есть Господь Давида? Основательно ли это, когда он сам вменял себе в великую честь называться Давидом? И последующее показывает, что здесь ничего не сказано ни о Зоровавеле, ни о Давиде, потому что ни один из них не был почтен священством; а здесь говорится о некотором Лице, имеющем необыкновенное и дивное священство: *ты иерей во век, по чину Мелхиседекову* (ст. 4). Но раскроем предложенное. Говорят они и еще нечто более пустое именно утверждают, будто это сказано о народе (иудейском); но народ не был священником, да и прочее, сказанное здесь, никак не может быть отнесено к нему. Итак, оставив это, как пустое и не требующее опровержения, представим то, что они еще говорят. Что же такое? Иные из них утверждают, будто здесь говорит сын Авраама о своем господине. Что может быть неосновательнее этого? В самом деле, что

хочет сказать здесь сын Авраамов? Когда был священником господин его, который сам обращался к священнику Мелхиседеку и просил у него благословения? Основательно ли относить к Аврааму слова: *из чрева прежде денницы родих тя* (ст. 3)? Как можно отнести это и к Давиду, или Зоровавелю, или народу? Сказанное здесь превышает человеческую природу. И какой смысл имели бы слова: *седи одесную мене,* если бы здесь разумелись эти лица? Никакого. Как можно сказать: *седи одесную мене* об Аврааме, который сам вменял себе в величайшую честь стоять перед ангелами? Но какое у них есть основание? Они говорят: как ты допускаешь другого Господа, когда Писание ясно говорит: *Господь Бог твой, Господь един есть, и тому единому послужиши, и несть Бог разве его* (Втор. VI, 4, 73; IV, 39)? Но ради кого, скажи мне, это сказано? Преимущественно ради твоего, иудей, невежества. Почему ничего подобного не было сказано ни Аврааму, ни Исааку, ни Иакову, ни Моисею, а только тебе одному, когда ты, вышедши из Египта, слил себе тельца? Почему, скажи мне?

Если же ты не знаешь, то узнай причину от меня. Так как ты, вышедши из Египта, слил себе тельца, стал служить Веельфегору и обращаться к множеству богов, допуская беззаконное многобожие, то, желая уврачевать твою болезнь, Бог и сказал: *един,* для отличия от мнимых богов, а не для того, чтобы отвергнуть Единородного. Иначе, почему вначале было сказано: *сотворим человека по образу нашему и по подобию* (Быт. I, 26), и еще: *приидите, и сошедше смесим языки их* (Быт. XI, 7), и еще Давид говорит: *сего ради помаза тя Боже Бог твой елеем радости паче причастник твоих* (Пс. XLIV, 8)? Если же Моисей говорит: *Господь Бог* твой, *Господь един есть,* то причиной этого была ваша немощь. И удивительно ли, что так было с догматами, если и в делах Бог низводил речь от совершеннейшего к менее совершенному, снис-

ходя к вашей немощи? Так, Он дозволил отпускать одну жену и брать другую, хотя вначале не такой дал закон. И касательно пищи Он сделал великое различие, хотя вначале, напротив, говорил: *яко зелие травное дах вам все* (Быт. IX, 3). И касательно места (богослужения) Он установил много законов, не дозволяя везде совершать молитвы, хотя вначале не дал такого закона, но являлся Аврааму и в земле персидской, и в Палестине, и везде, и Моисею впоследствии являлся в пустыне.

2. Что же, скажешь, Писание противоречит само себе? Нет, но оно распределяет все на пользу, сообразно с временем, исправляя немощь каждого поколения. Поэтому тебе и было сказано: *Господь Бог* твой, *Господь един есть*. А что Он имеет и Сына, об этом еще пророки говорили в своих книгах, впрочем, говорили не очень ясно, чтобы не повредить тебе по твоей немощи, и не скрывали, чтобы дать тебе возможность впоследствии образумиться и из собственных их книг узнать догматы истины. Этим преимущественно мы можем доказать, что пророки суть истинные пророки, когда будем говорить с язычниками, и показать достоверность Ветхого Завета. Если ты это отвергнешь, то каким образом заградишь уста язычнику? На что укажешь ты? На исход ли из Египта и на пророчества касательно тебя? Но он не примет их. Если же ты укажешь на предсказанное в Ветхом Завете о Христе и покажешь истинные события, свидетельствующие об исполнении пророчества, тогда он не в состоянии будет противиться. А если ты, иудей, будешь отвергать наши писания, то каким образом защитишь Ветхий Завет? Когда кто-нибудь спросит тебя: откуда видно, что писания Моисеевы истинны, тогда что ты скажешь? Не скажешь ли: мы уверовали в них? Тем достовернее наши писания, потому что и мы уверовали в них; притом вы — один только народ, а мы — вся вселенная; и не столько вас убедил Моисей,

сколько нас — Христос; все ваше прошло, а наше пребывает. Укажешь ли на предсказания? Но у нас их больше. Таким образом, если ты отвергаешь наше, то набрасываешь тень и на свое. Или на чудеса? Но вы не можете показать теперь ни одного Моисеева знамения — они были и прошли; а мы имеем многие и различные знамения Христовы, которые еще и теперь совершаются, и предсказания, которые сияют яснее солнца. Или на законы? Но наши заключают в себе более любомудрия. Или на то, что вы вышли из Египта, тогда как египтяне препятствовали? Но не одно и то же — победить противящуюся вселенную или преодолеть одних египтян. Впрочем, я говорю это не с тем, чтобы противопоставить Ветхий Завет Новому, — нет, — но чтобы обуздать неблагодарность иудеев. И тот и этот Завет даны одним и тем же Богом и от Него произошли; но я хочу доказать, что иудей, отвергая пророчества о Христе, низвращает большую часть пророчеств, и что он не может доказать важности Ветхого Завета, если не будет принимать Нового. А что вышесказанные слова изречены не о человеке, это для имеющих разум очевидно из слов: *седи одесную Мене*, и из того, что Он называется *Господом*, подобно Господу, Который говорит к Нему, и из того, что Он рожден *из чрева прежде денницы*, и из того, что Он есть *иерей по чину Мелхиседекову*, и из слов: *с тобою начало Твое* (ст. 3).

Теперь перед нами является другой иудей, хотя он и носит вид христианина, именно Павел Самосатский; и против него можно говорить из Нового Завета. Но, чтобы не показалось, будто мы, оставив одну, переходим к другой части противников, будем опровергать и его отсюда же. Что же говорит он? Говорит, будто Христос есть простой человек и существует только с того времени, как родился от Марии. А что, скажи мне, скажешь ты против этого изречения: *из чрева прежде денницы*

родих тя? Можно и все прочее, что сказано против иудеев, сказать и против его последователей. В этом виновны не мы, а они сами, имея великое сходство с иудеями в учении; потому мы и можем употреблять против них одно и то же оружие; одинаково нападающих нужно и отражать одними и теми же стрелами. Итак, что значит общение престола? Этим означается равенство чести (Отца и Сына). Это может заградить уста и тем, которые держатся мыслей Ария. Потому и Христос иудеям, говорившим, что Он есть сын Давидов, сказал: *како убо Давид духом Господа его нарицает, глаголя: рече Господь Господеви моему, седи одесную мене* (Мф. XXII, 43)? А впоследствии апостол Павел, излагая учение о домостроительстве и яснее раскрывая это место, наносит смертельный удар и Маркиону, и Манихею, и всем тем, которые страдают подобной болезнью; он, со свойственной ему мудростью, объясняет, как Христос стал иереем по чину Мелхиседекову (см.: Евр. VII). Но возвратимся к нашему предмету. *Рече Господь Господеви моему: седи одесную мене.* Видишь ли равенство чести? Престол – знак царствования; где один престол, там одинаковая честь одного и того же царствования. Поэтому и Павел говорит: *творяй ангелы, своя духи, и слуги своя огнь палящь: к Сыну же: престол твой, Боже, в век века* (Евр. I, 7). И Даниил видел все твари, ангелов и архангелов, предстоящими, а Сына человеческого идущим на облаках и доходящим даже до *Ветхаго денми* (Дан. VII). Если эти слова соблазняют некоторых, то пусть они узнают, что Он *седит одесную,* и перестанут соблазняться. Как мы не говорим, что Он больше Отца, хотя имеет почетнейшее седалище *одесную,* так и ты не говори, что Он меньше и ниже, но равночестен и равен Отцу: это именно означает общение седалища. *Дондеже положу враги твоя подножие ног твоих.* Каких врагов? Послушай Павла, который говорит: *начаток Христос, потом же Христу веровавший в пришествии его,*

таже кончина. Подобает бо ему царствовати, дондеже положит вся враги своя под ногама своима (1 Кор. XV, 23–25).

3. Видишь ли согласие слов пророческих и апостольских? Там говорится: *дондеже положу враги твоя подножие ног твоих;* а здесь: *дондеже положит вся враги своя.* Но ни там, ни здесь слово *дондеже* не означает предела времени. Иначе как стояло бы пророческое изречение: *власть его власть вечная, и царство его,* царство, которое *не разсыплется, и царствию его не будет конца* (Дан. VII, 14; Лк. I, 34), если бы Он имел царствовать только до известного времени? Видишь ли, что нужно обращать внимание не на одни выражения, но восходить к их разумению? Слыша слова пророка, что Отец полагает врагов под ноги Его, не смущайся; это сказано не потому, будто Сын не имеет силы. Павел говорит, что Он Сам полагает врагов под ноги Свои: *подобает бо ему царствовати, дондеже положит враги под ногама своима* (1 Кор. XV, 25), и все приписывает Ему: *егда предаст царство Богу и Отцу, егда испразднит всяку власть и силу* (1 Кор. XV, 24), то есть когда устроит царство, тогда прекратит всякую власть. Таков смысл слова: *испразднит.* Приписывая все Сыну, он не отделяет от Него Отца, равно как не отделяет и Сына от Отца, потому что все, принадлежащее Сыну, принадлежит и Отцу, и принадлежащее Отцу принадлежит и Сыну. Так и Сам Христос сказал: *моя вся твоя суть, и твоя моя* (Ин. XVII, 10). Итак, когда слышишь, что Отец покорил, не думай, что Сын не участвует в этом деле; и когда слышишь, что Сын покорил, не говори, что Отец не причастен к этому, потому что эти дела общи Им, равно как и все дела. *Жезл силы* твоей *послет Господь от Сиона* (ст. 2).

Жезлом силы пророк называет самую силу; а о Сионе упоминает потому, что оттуда получили начало эти дела: там Он дал закон, там совершал чудеса, оттуда началась проповедь и распространилась по всей все-

ленной. Если же хочешь принимать это изречение в переносном смысле, то послушай Павла, который говорит: *но приступисте к Сионстей горе, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и церкви первородных* (Евр. XII, 22). *Жезл силы* твоей *послет Господь от Сиона. Жезл* иногда означает наказание, иногда благодеяние, иногда утешение, а иногда есть знак царства. А что все это действительно так, послушай пророка, который говорит: *жезл твой и палица твоя, та мя утешиста* (Пс. XXII, 4), и еще: *упасеши я жезлом железным, яко сосуды скуделничи сокрушиши я* (Пс. II, 9); также Павел говорит: *что хощете: с палицею ли прииду к вам, или с любовию и духом кротости* (1 Кор. IV, 21)? Видишь, как он бывает жезлом наказания; посмотри же, как бывает и жезлом царства. Исаия говорит: *изыдет жезл из корене Иессеова, и цвет от корене его взыдет* (Ис. XI, 1); и Давид: *престол твой Боже в век века: жезл правости, жезл царствия твоего* (Пс. XLIV, 7). Здесь он назвал жезлом ту силу, с которой ученики обошли вселенную, исправляя нравы и возводя людей от неразумного греха к разумной человеческой природе, по повелению Христову: *шедше научите вся языки* (Мф. XXVIII, 19). Моисей также имел жезл, но он получал силу от Бога, посредством которой и совершал все. Его жезл разделял воды, а этот сокрушил нечестие вселенной. Не погрешил бы тот, кто бы назвал и крест жезлом силы, потому что этот жезл изменил землю и море и исполнил их великой силы. С этим жезлом апостолы прошли по всей вселенной и совершили все; с ним они успевали во всем, начав от Иерусалима. *И господствуй посреде врагов твоих.* Посмотри на пророчество, сияющее яснее солнца. Что же значит: *господствуй посреде врагов твоих*? Иначе сказать: среди язычников, среди иудеев. Так, церкви были насаждены среди городов; так апостолы преодолевали и побеждали. Это знак славной победы – воздвигать жертвенники среди врагов, быть

как овцы среди хищных зверей и как агнцы среди волков. Так и Христос сказал, посылая их: *се посылаю вас, яко овцы посреде волков* (Мф. X, 16). Это не меньше того чуда; победить тем, которые окружены со всех сторон, значит не меньше, чем овцам преодолеть волков, даже гораздо больше, потому что они в числе двенадцати привлекли всю вселенную. *И господствуй посреде врагов твоих.* Не сказал: *побеждай* среди врагов Твоих, но: *господствуй*, чтобы показать, что это — не трофей, приобретенный сражением, но господство, достигаемое повелением. Действительно так побеждали апостолы, имея в себе Христа и совершая все как бы по повелению. Поэтому и каждый дом был открыт для них, и верующие повиновались им покорнее всякого раба, продавая свои имения и полагая цену их к ногам апостолов, не смея даже брать что-нибудь для своих нужд и оказывая такое к ним уважение, что не осмеливались даже присоединяться к ним (см.: Деян. V, 13).

4. И не только над верными они имели такую силу, но и над неверными. В самом деле, скажи мне, какой признак раба? Не делать ли то, что приказывает господин его? Какой признак господина? Не делать ли через рабов то, чего он хочет? Кто же делал, что хотел, с тогдашними царями и властителями? Не апостолы ли? Очевидно, так. Цари и властители хотели держать вселенную в нечестии и приказывали служить бесам; а апостолы желали противного — и желание их исполнилось. Если же укажешь мне на их узы, бичевания, мучения, то еще более докажешь их господство. Как и каким образом? Потому, что и при всем этом желание их исполнилось. Они не по закону, свойственному многим господам, но посредством добродетели достигли этого господства, не имевшего нужды ни в каких внешних пособиях, но торжествовавшего среди всеобщих козней. Обыкновенных господ рабы нередко своими кознями

доводили до погибели, потому что господство их было несовершенно и весьма слабо; а господства апостолов никто не мог уничтожить, но самые козни делали его еще более блистательным. Какой же господин славнее: тот ли, который имеет нужду в бесчисленных пособиях, чтобы держать рабов в покорности, или тот, который без всего этого со властью действует и распоряжается подчиненными? Очевидно, последний. Господа, имеющие власть, свойственную многим, часто лишались бы вместе с властью и жизни, если бы не имели в помощь себе законов и не жили в городах, а Павел господствовал и в пустынях, и везде. Хочешь ли видеть, как он был даже славнее царей? Он ввел законы во всей вселенной, так что люди, оставив законы царей, стали повиноваться его предписаниям. Притом цари имеют власть только над телами, а апостолы имели власть над душами. Какой раб господину или подданный царю повиновался с такой охотой, как верующие – Павлу, писавшему к ним только послания? Кто выразит их любовь и усердие к нему, когда они готовы были вырвать для него даже глаза свои? Имел ли кто когда-нибудь таких рабов? Вот почему пророк, представляя все это, – как они покоряли себе верных, как были страшны для неверных, которых властью своей обращали в бегство, и как через них господствовал Христос, – сказал не просто: *будь господином* среди врагов Твоих, но: *господствуй*, выражая особенно сильную власть. Враги, видя это, не могли сделать ничего против них, хотя имели на своей стороне и законы, и палачей, и всякую власть. Впрочем, они были так могущественны силой Того, Кто обитал в них. Он господствовал через них; не просто был господином, но господствовал, имел великую власть. Силой Обитавшего в них они смело шли и на огонь, и на железо, и на диких зверей, и на все. Подлинно, всегда с ними был Христос, и потому они так

радовались и восхищались, подвизаясь как бы в чужих телах, отрешившись от всех житейских скорбей, покоряясь владычеству Христа, не щадя ни имущества, ни тела, ни настоящей жизни. Так поступали и те, которые были некогда врагами и противниками, непобедимая же сила Христова не только избавила их от вражды, но и довела до такой покорности и преданности. Вот почему, хотя говорится, что Отец полагает врагов под ноги Его, но говорится не в том смысле, будто Сын нисколько не действует, – все это было делом Единородного, – но, как я выше сказал, дабы ты почитал Отца и Сына одним Богом, со свойственными каждому из них особенностями, и не представлял двух существ нерожденных. А что все это было сделано Сыном, ты усматривай из самых дел и не принимай сказанного просто в смысле человекообразном, потому что иначе выйдет много нелепых следствий. Но чтобы тебе убедиться в этом, послушай, что я хочу сказать. Одни из людей, будучи прежде врагами, сделались друзьями; а другие и доселе остаются врагами. Что врагов Он сделал друзьями, это объясняет Павел, когда говорит: *егда предаст царство Богу и Отцу* (1 Кор. XV, 44); объясняет и Сам Спаситель, когда говорит Своему Отцу: *аз прославих тя* в мире, *дело соверших, еже дал еси мне, да сотворю* (Ин. XVII, 4). А покорение врагов – дело Отца. Между тем первое важнее последнего, потому что не одно и то же – наказать упорных врагов и сделать врагов друзьями. Впрочем, ни Сын от этого не меньше Отца, ни Отец не меньше Сына. А дабы ты знал, что и последнее так же свойственно Сыну, как и первое Отцу, послушай. *Идите от мене*, скажет Сын, *проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и ангелом* его (Мф. XXV, 41). И Посылающий ангелов собрать плевелы есть также Единородный (см.: Мф. XIII, 30), и везде мы видим Его наказывающим диавола. Это признают и сами бесы,

когда говорят: *пришел еси семо прежде времене мучити нас* (Мф. VIII, 29), следовательно, Он будет мучить их. Видишь ли, что все это, хотя приписывается Отцу, но есть дело и Сына? А что дела Сына принадлежат также и Отцу, послушай, как Он Сам говорит: *никтоже* приходит *ко мне, аще не Отец привлечет его* (Ин. VI, 44), и еще: *никтоже* может прийти *ко Отцу, токмо мною* (Ин. XIV, 6). Итак, не должно понимать всего этого человекообразно. Поэтому и выражения *врагов твоих* не должно принимать так, будто они – враги одного Сына, потому что *иже не чтит Сына, не чтит и Отца* (Ин. V, 23).

5. Таким образом иудеи суть враги не только Сына, но и Отца. Поэтому Бог и подверг их величайшим бедствиям, разрушил город их и превратил его в развалины, впрочем, не тотчас после распятия Христова, но дал им много времени для покаяния, если бы только они захотели покаяться, и послал апостолов, чтобы, через них познав силу Его, они когда-нибудь, хотя поздно, обратились. Но так как они имели болезнь неисцельную, то Бог и послал на них крайние бедствия, желая и через это призвать их к покаянию, чтобы они, лишившись своей прежней жизни, самой необходимостью приведены были к истине, видя, что Тот, Кого они оскорбляли, стал предметом поклонения, а все им принадлежавшее разрушилось. Если же и после этого они не сделаются лучшими, то, как недостойные никакого помилования, подвергнутся вечному наказанию. Слыша слово: *подножие,* разумей не что-нибудь чувственное, но покорность. А что враги покорятся и Отцу, это видно из дальнейших слов, потому что как престол один, так и подножие одно.

С *тобою начало в день силы твоея* (ст. 3). Так как пророк выше сказал: *дондеже положу враги твоя подножие ног твоих,* то чтобы кто не подумал, будто Сын не силен и имеет нужду в содействии, как кто-либо из апостолов,

послушай, как он разрешает такое недоумение: *с тобою,* говорит, *начало в день силы твоея.* Что значит: *с тобою начало?* В Тебе, говорит, начальство, не после пришедшее, но всегда существующее в Тебе самом. То же выразил и Исаия, когда сказал: *его же начальство на раме его* (Ис. IX, 6), то есть в Нем самом, в существе Его, в природе Его, не так как у (обыкновенных) царей. Власть царей основывается на множестве войска; а у апостолов не так. Впрочем, и их власть происходила от внешней, содействовавшей им, силы; а Христос имеет власть по природе Своей, в существе Своем, не после рождения получив ее и не отвне приобретши, но и родившись с ней. Вот почему, когда Его спросили о царстве Его, Он сказал: *аз на сие родихся и на сие приидох* (Ин. XVIII, 37). *С тобою начало в день силы твоея.* Выражение *с тобою начало* означает не только то, что начальство Его не зависит от другого, но и то, что оно постоянно и вечно. Люди часто лишаются власти еще при жизни, а если не при жизни, то непременно по смерти, или – лучше сказать – и при жизни власть их находится не в них, но, как я выше сказал, в войсках, телохранителях, богатствах, укрепленных оградах и во всем прочем; а у Бога нет ничего подобного, но власть Его в Нем, и притом постоянно; как невозможно, чтобы не было существа Его, так невозможно, чтобы не было и царства Его. *В день силы твоея.* Под *днем силы* можно разуметь и день уже прошедший, и день будущий. Тот и другой доказывают величайшую силу Христову. Не величайшее ли доказательство силы Его, когда смертью Его смерть упраздняется, медные врата сокрушаются, грех истребляется, клятва разрушается, когда все прежнее зло уничтожается, а вместо того подаются новые блага? Что может сравниться с этой силой, – посмотришь ли на чудеса или на другие дела Его? Мертвые восстают, прокаженные очищаются, бесы прогоняют-

ся, море укрощается, грехи отпускаются, расслабленные укрепляются, рай отверзается, камни распадаются, завеса раздирается, лучи солнечные скрываются и тьма покрывает вселенную, тела усопших святых восстают, разбойник возвращается в древнее отечество, своды небесные раскрываются, униженное естество человеческое возносится выше неба небес и, что еще важнее, посаждается на царском престоле, и предстоят ему ангелы и силы, всякий порок изгоняется, добродетель возвращается, благодать Духа подается, рыбари, мытари и скинотворцы заграждают уста философов, обуздывают язык риторов, разрушают владычество бесов, жертвенники, храмы, праздники и торжества языческие отменяются, смрад и дым и все нечестивые жертвоприношения решительно прекращаются, все прорицатели, святотатцы, гадатели и все орудия диавола обращаются в бегство, Церкви возрастают по всей вселенной, составляются сонмы девственниц и лики монашествующих, вместе с городами и пустыня наполняется благочестием, лики праведных и святых мужей стройно воспевают, стоя вместе с вышними ангельскими силами, сонмы мучеников и исповедников являются во множестве по всей вселенной, добродетель исполняется с великой легкостью, варварские народы научаются любомудрию, те, которые были свирепее диких зверей, соревнуют жизни ангелов, и везде, где только солнце освещает землю, распространяется учение Христово, после креста и воскресения. Представляя все это, пророк и говорит: *с тобою начало в день силы твоея.*

6. Если ты хочешь видеть будущий день и узнать, что и этот день есть день силы Его, то представь, как небеса свиваются, вся поврежденная природа воскресает, по одному мановению все являются, диавол посрамляется, бесы приходят в отчаяние, праведники получают венцы, каждый дает отчет в грехах своих, а за добрые

дела получает награды, как начинается другая жизнь, в которой уже нет ни смерти, ни болезни, ни старости, ни бедности, ни клевет, ни козней, ни жилищ, ни городов, ни искусств, ни мореплаваний, ни одежд, ни пищи, ни питья, ни кровлей, ни постелей, ни столов, ни светильников, ни злых умыслов, ни сражений, ни судилищ, ни браков, ни болезней рождения, ни рождений, но все это исчезает, как разметаемый прах, и настает другое, лучшее состояние жизни, телу даруется нетление, бессмертие и великая сила. Объясняя это, и Павел сказал: *преходит бо образ мира сего* (1 Кор. VII, 31). Если же ты не веришь сказанному, потому что не видишь этого в настоящем, то из настоящего и заимствуй доказательство касательно будущего. Обойди мыслью всю вселенную, землю и море, Грецию и землю варваров, населенную и ненаселенную, на суше города, на море острова, горы и леса, и увидев, как везде сияет сила Христа и как все прославляют досточтимое имя Его, сообрази, что Он же, имевший возможность сделать все это, обещал нам и будущее.

Если ты хочешь иметь частнейшее доказательство, то представь, почему вся вселенная стекается видеть гроб, в котором уже нет тела Христова, какая сила влечет людей с концов земли видеть, где Он родился, где погребен, где распят; представь и самый крест, какой силы он есть знамение. Этот крест прежде был знаком проклятой смерти, смерти позорной, смерти самой постыдной; но вот теперь он сделался драгоценнее самой жизни и славнее диадем, так что все мы носим его на челе, не только не стыдясь, но считая его своим украшением. Не только люди простые, но и те, которые облекаются в диадемы, на челе выше диадем носят крест: и весьма справедливо, — потому что он выше бесчисленных диадем. Диадема украшает голову, а крест ограждает душу. Он — гроза для бесов, врачевство для болезней

души, непобедимое оружие, неприступная стена, непреодолимая защита; он отражает не только нашествие варваров, не только нападение врагов, но и полчища самых свирепых бесов. Во *светлостех святых.* Другой переводчик (Феодотион и неизвестный переводчик) говорит: *в благолепии святаго.* Третий (неизвестный переводчик): *во славе святых.* И это также сказано о настоящем и будущем дне. *Светлостию* здесь пророк называет величие святых. Кто славнее Павла, кто знаменитее Петра, которые обошли всю вселенную, сияя светлее солнца, рассеивая семена благочестия? Они, как сшедшие с неба ангелы, были для всех неприступным предметом благоговения. Выражая это, писатель книги Деяний говорит, что *никтоже смеяше прилеплятися им* (Деян. V, 13). Самые одежды их были исполнены великой благодати, и тени от тел их оказывали великую силу. Если же они были таковы здесь, то представь — в тот день, когда они получат тела нетленные и бессмертные, сияющие светлее всякого видимого света, каковы будут они и подобные им пророки, апостолы, праведники, мученики, исповедники и все отличавшиеся добродетельной жизнью по вере во Христа. Представь это собрание, эти светила, эти лучи, эту славу, благолепие, светлость, торжество. Кто может изобразить все это? Не может никакое слово; только самый опыт может объяснить эту *светлость* (людям) достойным такого зрелища. Тогда, я думаю, будет нечто подобное тому, как если бы засияли на небе многие солнца, или непрерывные молнии; а лучше, сколько бы я ни старался изобразить словами эту красоту, я не буду в состоянии выразить ее по достоинству. Все подобные сравнения чувственны; а та светлость, та слава, которая будет сиять там, блистательнее всякой подобной красоты. Тогда самые тела не только будут нетленными и бессмертными, но и облекутся неизреченной славой. *Во светлостех святых.* Чтобы не представить Бога только

страшным, пророк изображает Его также кротким и благодетельным и говорит: *во светлостех святых.* И это — знак силы Его, чтобы сделать их столь светлыми, как и Павел говорит: *иже преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы его* (Флп. III, 21).

7. Сказав о предмете так великом и невыразимом, далее апостол прибавляет: *по действу еже возмогати ему и покорити ему всяческая.* Не спрашивай, говорит, как это и каким образом; для Бога возможно все, чего Он хочет. А почему пророк не сказал: *во светлости святых,* но: *во светлостех*? Потому, что награды их многочисленны и разнообразны. *Ина слава солнцу, и ина слава луне, и ина слава звездам: звезда бо от звезды разнствует во славе. Такожде будет и воскресение мертвых* (1 Кор. XV, 41). И Христос сказал: *в дому Отца моего обители многи суть* (Ин. XIV, 2). Притом эта светлость не имеет конца. Она не сменяется ночью и не дает места тьме; но будучи невыразимо великой и несравненно превосходнейшей всякого видимого света, отличается и тем величайшим преимуществом, что не имеет конца; и это опять есть дело невыразимой силы Царя — сообщить телам смертным и тленным такую силу и могущество. Сказав о предметах так высоких, окрылив слушателя надеждами, пророк далее показывает, что это сказано не без основания, а потому, что таков и Тот, Кто совершает это. Кто же совершающий? Единосущный Отцу. Выражая это, он и продолжает: *из чрева прежде денницы родих тя.*

Те, которые перетолковывают эти слова по своему желанию, утверждают, будто здесь говорится о рождении Христа по плоти. Но как же, скажи мне, *прежде денницы?* Так назвал он, говорят, ночь, в которую родился Христос, потому что Он родился до рассвета. Но здесь не об этом шла речь, и не об исторических событиях говорит пророк. А с другой стороны, они не могут доказать, что пророки, которые говорят о мно-

гом прикровенно, говорили только о том, о чем повествовали евангелисты. Здесь говорится: *прежде денницы,* не прежде восхождения денницы, но прежде самого начала, прежде происхождения денницы. Писание обыкновенно различает, когда оно говорит о времени прежде бытия чего-нибудь или прежде деятельности. Так, когда говорит Премудрый: *подобает предварити* утро *на благодарение тебе и к востоку света тебе поклонитися* (Прем. XVI, 28), то разумеет здесь рассвет. Он не сказал: *прежде света,* но: прежде *востока (света),* не прежде бытия его, – прежде бытия солнца ничего не было, – но прежде восхода солнца, чем и указывает на рассвет. В другом месте, когда говорится о бытии солнца, не говорится: *прежде востока,* но: *прежде солнца.* Так, например: *прежде солнца пребывает имя его, и прежде луны рода родов* (Пс. LXXI, 5, 17). Таким образом не одно и то же означают выражения: *прежде солнца* и *прежде восхода солнца;* второе относится к деятельности солнца и означает рассвет, а первое – к существованию его. Так точно и здесь, если бы пророк хотел означить ночь, то не сказал бы: *прежде денницы,* но: *прежде восхода денницы.* С другой стороны, и Сам Христос относит этот псалом не к плотскому Своему рождению, но к духовному. Когда Он спросил иудеев: *что вам мнится о Христе, чий есть сын?* И когда они отвечали: *Давидов,* тогда Он привел этот псалом и сказал: *како убо Давид говорит, рече Господь Господеви моему, седи одесную мене? Аще убо* Господь его есть, то как вы говорите, *что сын ему есть* (Мф. XXII, 42)? Что же означают эти слова? Здесь изображается истинное Его рождение (от Бога Отца). Что же, не прежде ли только денницы Он существует? Нет. И в другом месте говорится: *прежде луны престол Его* (Пс. LXXI, 5); но это не значит, будто только прежде луны. И об Отце говорится: *прежде даже горам не быти и создатися земли и вселенней, и от века и до века ты еси* (Пс. LXXXIX, 3); но Он

существует не от века только, но еще прежде века, и не до века только, но бесконечно. Не соблазняйся выражениями, но разумей их богоприлично. И посмотри на мудрость пророка: он не в самом начале псалма сказал: *из чрева прежде денницы родих тя*; но прежде показал дела Его, и потом уже, когда изобразил Его в делах, прямо выражает божественное достоинство Его. Так и Сам Христос сказал: *аще не творю дела Отца моего, не имите ми веры: аще ли творю, аще и мне не веруете, делом (моим) веруйте* (Ин. X, 37, 38). Это для того, чтобы ты, узнав, что Он седит одесную Отца, называется Господом так же, как и Отец, имеет начальство в самом Себе, производит такую светлость и господствует среди народов, не изумлялся, когда услышишь, что Он есть Сын Божий и существует прежде всякой твари. Достойно удивления и то, как пророк одно говорит от лица Божия, а другое от своего лица. В словах: *седи одесную мене*, и: *из чрева прежде денницы родих тя*, которые выше его, он представляет говорящим Самого Бога; а прочее говорит сам. Заметь еще, какие точные он употребляет выражения. Достаточно было сказать: *родих тебя*; но он прибавил: *из чрева*, для людей, пресмыкающихся по земле, желая показать им истинное Его рождение. И как говоря о руке Божией, он говорит так не для того, чтобы мы допускали у Бога руку, но выражает творческую Его силу, так и здесь упоминает *о чреве* для того, чтобы выразить истинное Его рождение.

8. Потом, желая составить пророчество в виде приговора судьи, он обращает речь к Самому Христу, в знак сильнейшей любви и чрезвычайной радости души, вполне объятой Духом Божиим, и говорит: *клятся Господь, и не раскается: ты иерей во век, по чину Мелхиседекову* (ст. 4). Видишь ли, как он опять низводит речь к предмету низшему, беседуя то о божестве, то о человечестве Христовом? Так поступают и евангелисты, чтобы и тот

и другой догмат сохранить в точности. Почему он сказал: *по чину Мелхиседекову*? И по причине таинства, которое прообразовал Мелхиседек, когда предложил Аврааму хлеб и вино, и потому, что это священство не зависит от закона, и потому, что оно не имеет ни конца, ни начала, как говорит Павел. То, что в Мелхиседеке было, как тень, на Иисусе Христе исполнилось, как истина. И как имена *Иисус* и *Христос* были и прежде, так и это. Мелхиседек представляется неимеющим ни начала дней своих, ни конца жизни, не потому, чтобы он действительно не имел их, но потому, что неизвестно его родословие. А Иисус Христос не имеет ни начала дней, ни конца жизни, не в том смысле, как Мелхиседек, но в том, что Он совершенно не имеет ни начала во времени, ни конца. Там тень, а здесь истина. Подобно тому, как слыша имя *Иисус* (в Ветхом Завете), ты разумеешь не истинного Иисуса, но принимаешь это имя только за прообраз и больше ничего не ищешь, так и слыша о Мелхиседеке безначальном и бесконечном, не ищи в нем истины, но довольствуйся одним названием, а истину находи во Христе. Слыша здесь о *клятве,* не разумей действительной клятвы. Как гнев в Боге не есть гнев или страстное движение, но наказующее действие, так и клятва. Бог не клянется, но изрекает то, что непременно сбудется. Таким образом пророк, сказав о светлости святых, о покорении врагов под ноги Его, о дне силы, говорит теперь о настоящем. Смотри, какой употребляет он порядок речи, желая тронуть грубого слушателя. Внушив ему сначала страх словами о суде и тем смягчив упорство его, он потом говорит и о настоящем. Для этого он и употребляет смешанный состав речи. Смотри. *Дондеже положу враги твоя подножие ног твоих,* — это о будущем; потом о настоящем: *жезл силы послет ти Господь от Сиона: и господствуй посреде врагов твоих;* далее о будущем: *с тобою начало в день силы твоея,*

во светлостех святых; затем опять о настоящем, но таком, в котором заключается уже не наказание, а благодеяние: *ты иерей во век по чину Мелхиседекову.* Здесь говорится о прощении грехов и примирении с Богом. Остановившись на этом предмете столько, сколько хотел, он опять касается домостроительства (Христова), обращая речь к низшему предмету: *Господь,* говорит, *одесную тебе* (ст. 5), хотя выше сказал, что Он седит одесную Отца. Видишь ли, что не нужно держаться одних только выражений? Что значит: *Господь одесную тебе?* Коснувшись домостроительства, он говорит о плоти (Христовой), которая получала подкрепление. Мы видим, что Христос был *в подвиге и в поте,* и в таком поте, *яко капли крове каплющия,* и был укрепляем (Лк. XXII, 44). Такова природа плоти. Сокрушит *в день гнева своего цари.* Не погрешит тот, кто отнесет это и к настоящим врагам Церкви, и к будущим, которые отдадут отчет за свои грехи и нечестие. *Судит во языцех, исполнит падения* (ст. 6). Что значит: *судит во языцех?* Будет судить, говорит, осудит самих бесов. А что Он действительно судил их, послушай, что говорит сам Христос: *ныне суд есть миру сему, ныне князь мира сего изгнан будет вон;* и в другом месте: *и аще аз вознесен буду, вся привлеку к себе* (Ин. XII, 31, 32). Если же он употребляет несколько чувственное выражение, не соблазняйся этим: такие выражения часто употребляются в Писании. *Сокрушит главы на земли многих.* Если принимать это в переносном смысле, то можно сказать, что Он низложит гордость; а если понимать буквально, то можно разуметь бедственную участь иудеев, которых Он поразил с великой силой.

От потока на пути пиет (ст. 7). Здесь пророк указывает на скромный образ жизни Христа, на смиренное Его обращение, на то, что Он совершал все эти дела без всякой пышности, не имея у Себя копьеносцев, не окружая Себя чувственным великолепием, но проводя

жизнь самую простую, до того простую, что даже пил из потока. Какова была у Него пища, таково же и питье; пищей Его был ячменный хлеб, а питьем — вода из потока. Такую любомудрую жизнь Он вел для того, чтобы научить и других воздерживаться от чревоугодия, презирать пышность, отвращаться от тщеславия. Далее, желая показать плоды такой жизни, пророк говорит: *сего ради вознесет главу*. Таков плод смиренномудрия и строгой жизни.

9. Это сказано не о божестве, но о плоти Христовой, которая пила из потока, которая и превознесена. Простота жизни не только не причинила ей никакого вреда, но и вознесла ее на невыразимую высоту. И ты, возлюбленный, имея такие примеры, презирай жизнь, исполненную тщеславия и пышности, веди жизнь простую и неизысканную, если хочешь сделаться славным и великим. Господь Твой приходил для, того, чтобы научить тебя идти этим путем. Поэтому и пророк, сказав о делах Его, прибавляет и это, и как бы так говорит: когда ты слышишь о победе и трофеях, то не ожидай увидеть оружие, воинов, колесницы, коней, всадников, щитоносцев, услышать шум и смятение; Совершающий такие дела столь смирен, столь скромен, что пьет воду из потока; однако, будучи таким, Он совершит все это. Пусть выслушают это те, которые имеют пышные столы, вымышляют всякого рода яства и приправы, отовсюду собирают разного рода поваров, отправляют матросов, кормчих и гребцов привозить им необыкновенного рода вина, благовония и сласти, а вместе с тем и самих себя низвергают в пропасть и делают презреннее всех. То не делает человека высоким, что он нуждается во многом, и то не делает его низким, что он довольствуется малым. Если хотите, мы представим примеры тех и других. Пусть кто-нибудь имеет множество людей, доставляющих ему все, матросов и кормчих,

художников и домашних служителей, ткачей и красильщиков, пастухов и погонщиков скота, конюхов и наблюдателей за конями, и все они пусть оказывают ему великие услуги; другой пусть не имеет ничего такого, но довольствуется одним хлебом, водой и простой одеждой. Кто из них высок и кто низок? Не ясно ли, что высок имеющий одну только одежду? Он может нисколько не чувствовать подчинения даже самому царю, а тот – раб всех, кто доставляет ему нужное; он унижается, льстит, услуживает всем, опасаясь, чтобы кто-нибудь не оставил его и тем не причинил ему существенного вреда. Подлинно, ничто так не делает человека рабом, как множество потребностей; и ничто так не делает свободным, как довольство лишь необходимым. То же можно видеть и на бессловесных животных. Какая польза ослу быть обремененным тяжелой ношей, хотя бы он мог пользоваться ею бесчисленное множество раз? И какая потеря для другого осла, который свободен от всякой тяжести, если он имеет необходимую пищу? Поэтому Христос, желая сделать учеников Своих высокими, как готовившихся проповедовать по всей вселенной, освободил их от всех забот, и таким образом окрылил их и сделал тверже адаманта. Подлинно, ничто не придает душе столько силы, как свобода от забот, и ничто столько не делает ее слабой, как бремя забот. Как там не скоро можно встретить печаль, так здесь не скоро можно найти удовольствие. Один из них имеет множество жестоких и бесчеловечных господ и госпожей; а другой не служит никому, но сам господствует над всеми, с великой свободой наслаждаясь лучами солнца, пользуясь воздухом и не имея никого, кто бы огорчал его. Не мучит его ни гнев, ни зависть, ни ненависть; не терзает его ни забота, ни ревность, ни тщеславие, ни гордость, и ничто другое подобное, – но как тихая пристань, свободная от волнения, так и его

душа находится в спокойном состоянии и легко стремится к небу, не задерживаясь ничем настоящим. Итак, чтобы и нам наслаждаться такой свободой, спокойствием в жизни настоящей и безмятежностью при отшествии из нее, будем проводить такую жизнь, чтобы нам сподобиться и вечных благ, превосходящих всякое слово, всякий ум и разумение, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 110

Исповемся Тебе, Господи, всем сердцем моим (ст. 1)

1. Что значит: *всем?* Со всей готовностью и усердием, отрешившись от житейских забот, устремившись горé, освободив душу от уз плоти. *Сердцем:* не одними словами, не только языком и устами, но и умом. Так и Моисей заповедал: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея* (Втор. VI, 5). Под *исповеданием,* мне кажется, пророк разумеет здесь благодарность; буду воспевать, говорит, буду благодарить. В этом проводил он всю свою жизнь; этим начал, этим и кончил; это было постоянным его занятием, – чтобы возносить благодарность Богу за благодеяния, оказанные как ему самому, так и другим. И Бог ничего так не требует, как благодарности: она есть жертва, приношение, знак признательной души, и вместе рана для диавола. Потому и блаженный Иов был увенчан и прославлен, что, когда постигли его бесчисленные искушения, когда и самая жена искушала его, он не поколебался, а продолжал благодарить Господа за все, не тогда только, когда был богатым, но и когда стал бедным, не тогда только, когда был здоровым, но и когда тело его было поражено болезнью, не тогда только, когда все дела его

текли благополучно, но и когда страшная буря устремилась на весь дом его и на самое тело его. Это свойственно особенно признательной душе — воздавать Богу великую благодарность во время скорбей и бедствий и всегда быть благодарной, на что и пророк ясно указал последующими словами. Так как многие из людей благодарят Бога в счастье, а в несчастье ропщут, некоторые же выражают свое недовольство случающимися событиями, то пророк, желая показать, что это зависит не от свойства событий, а от их развращенной души, присовокупляет: *в совете правых и сонме велия дела Господня* (ст. 2). Этими словами он выражает, что нужно быть беспристрастному судьи и неиспорченному собранию, и тогда дела Божии ясно окажутся великими, заключающими в себе много чудесного. Они сами по себе велики; но не кажутся такими, когда нет праведного судьи. Так и солнце само по себе светло и лучезарно и освещает всю вселенную; но для больных глазами оно не таково; а виной — не солнце, но их болезнь. Поэтому, когда ты увидишь, что кто-нибудь порицает дела Божии, то не осуждай этих дел согласно с его злобой, но считай это величайшим знаком его безумия, при мысли о промысле Божием. Подобно тому как тот, кто считает солнце темным, не унижает этого светила, но представляет ясное доказательство собственной слепоты, и как тот, кто называет мед горьким, не уменьшает его сладости, но обнаруживает собственную болезнь, так точно и осуждающий дела Божии. Как первый не причиняет вреда самым вещам, и даже не изменяет общего о них представления, а только обличает свое величайшее безумие, так точно и те, которые не имеют правильного понятия о делах Божиих, не видят даже действительных чудес, а тот, кто имеет беспристрастную и неиспорченную душу, удивляется каждому даже из таких событий, которые кажутся неприятными. И действи-

тельно, какое, скажи мне, событие не заслуживает удивления? Если хочешь, то мы, оставив все прочее, перейдем к таким событиям, которые многим кажутся тяжкими и невыносимыми, например смерть, болезнь, бедность и тому подобные. Кто имеет правое сердце, тот принимает и это весьма охотно и с удивлением. Хотя смерть произошла от греха, но сила Божия, человеколюбие и промышление столь велики, что и ее обратил Он в пользу нашему роду. В самом деле, что тяжкого, скажи мне, заключает в себе смерть? Не есть ли она освобождение от трудов, избавление от забот? Не слышишь ли Иова, который в похвалу ее говорит: *смерть мужу покой, егоже путь сокровен есть* (Иов. III, 23)? Не прекращает ли она пороки? Если умирает человек порочный, то смерть полагает конец грехам его: *умерый бо свободися от греха* (Рим. VI, 7), то есть уже не прилагает грехов ко грехам; если же умирает добродетельный, то все добрые дела его остаются в безопасности и в надежной сокровищнице. А живых, скажи мне, смерть не делает ли более благоразумными и кроткими? Не видишь ли, как часто богатые, надменные и высоко поднимающие свои брови, присутствуя при выносе покойника и видя тело его бездыханным и недвижимым, детей сиротами, жену вдовой, друзей унылыми, слуг в черных одеждах и весь дом в печальном виде, умиляются, смиряются, сокрушаются? Слышав прежде множество наставлений и не получив никакой пользы, они при таком зрелище вдруг делаются любомудрыми, познают ничтожество и тленность человеческой природы, слабость и непостоянство своей власти, и таким образом по несчастьям других заключают о собственной изменяемости.

2. Если и при существовании смерти так много грабежей, так велико любостяжание, и люди, подобно рыбам, сильнейшие пожирают слабейших, то до чего не дошло бы любостяжание, если бы не было смерти?

Если и теперь, когда люди знают, что они не всегда будут пользоваться награбленным и должны будут волей или неволей предоставить это другим, они доходят до такого безумия и неистовства, то как могла бы когда-нибудь утихнуть злая страсть их, если бы они владели тем безопасно? Затем: не смертью ли сплетаются венцы мученичества? А Павел не через нее ли воздвиг бесчисленное множество трофеев? *По вся дни,* говорил он, *умираю, тако ми ваша похвала* (1 Кор. XV, 31). Не смерть – зло, а худая смерть – зло. Поэтому пророк и говорит: *честна пред Господем смерть преподобных его* (Пс. CXV, 6). И в другом месте: *смерть грешников люта* (Пс. XXXV, 22); называет лютым то, когда кто отходит с нечистой совестью, обремененный и терзаемый сознанием многих грехов. А кто имеет чистую совесть, тот поспешает к наградам, переходит к венцу. Дабы тебе убедиться, что не самая смерть, но сознание приводит людей в смущение, послушай, как рассуждает об этом Павел; он в одном месте говорит: *сущии в храмине сей мы воздыхаем, всыновления чающе, избавления телу нашему* (2 Кор. V, 4; Рим. VIII, 23), и в другом месте объясняет это так: *но аще и жрен бываю о жертве и службе веры вашея, радуюся и сорадуюся всем вам. Такоже и вы радуйтеся и сорадуйтеся мне* (Флп. II, 17). Если же смерть не тяжела, но даже вожделенна для живущих праведно, то тем более бедность и все другое, тому подобное. *Изыскана во всех волях Его.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *исследована.* Пророк говорит здесь, мне кажется, о творениях, возвещая премудрость Божию; а выше, говоря о *делах,* – хотя в них мы открыли для малодушных другие мысли, – он разумел знамения и чудеса, которые Бог часто совершал, устраивая судьбу рода человеческого. Что значит: *изыскана во всех волях Его?* Значит: исследованы, как говорит другой переводчик, благоустроены, совершенно окончены, полны, способны исполнять

волю Его, готовы свидетельствовать о силе Его, не уклоняются и не имеют в себе препятствий к исполнению повелений Его, как говорит он в другом месте: *огнь, град, снег, голоть, дух бурен, творящая слово Его,* то есть повеления Его (Пс. CXLVIII, 8); и еще: *сотворил есть луну во времена: солнце позна запад свой: положил еси тму, и бысть нощь* (Пс. CIII, 19). И не только они исполняют то, для чего устроены, но когда Бог повелевает что-нибудь противное тому, и тогда они оказывают великое послушание. Так, Он повелел морю, и оно не только не потопило иудеев, – что по природе свойственно ему, – но, простерши свои волны, перенесло их безопаснее, нежели по камням (см.: Исх. XIV, 22). Разжженная печь не только не сожгла отроков, но и доставила им прохладительную росу (см.: Дан. III, 25). Звери не только не съели, но и послужили Даниилу вместо телохранителей (см.: Дан. VI, 22). Кит не только не пожрал (пророка Ионы), но сохранил в целости вверенный ему залог (см.: Ион. II). Земля не только не снесла, но страшнее моря погубила, когда разверзшись поглотила Дафана и покрыла сонмище Авироново (см.: Чис. XVI, 32). И много других чудес можно видеть в творении, из которых безумцы, обоготворяющие природу, должны убедиться, что все совершается не силой природы, но повинуется и покоряется воле Божией. Эта воля создала природу и по своему мановению управляет всем существующим, то сохраняя законы вещей неизменными, то легко изменяя их, когда захочет, и заставляя делать противное. *Изыскана во всех волях Его,* то есть к исполнению заповедей Его, повелений Его, и не только повелений, но и к тому, чтобы через них люди познавали Бога, что и составляет преимущественно волю Его, для чего особенно Он и создал их. Таким образом смысл слов пророка следующий: создания Божии так совершенны, что людям внимательным и здравомыслящим доставляют точ-

ное, ясное и светлое о Нем познание. Действительно, воля Божия для того особенно в начале и устроила их, чтобы они своим величием, красотой, порядком, деятельностью, служением и всем прочим пробуждали душу зрителя и располагали ум его искать Творца и совершеннейшего Художника-Бога и поклоняться их Создателю, чтобы весь состав творения служил для людей вместо книг и письмен.

3. И не только для богопознания, но и для житейского устроения, творения преподают нам величайший урок. Корыстолюбец, видя, как день уступает место ночи и солнце луне, должен устыдиться такого благоустройства стихии и, если он сильнее других, не домогаться принадлежащего слабейшим. Прелюбодей и развратник, видя, как море волнуется и потом удерживается берегами, также устыдится благоустройства беспорядочных вод, и скоро сможет укротить свою возбудившуюся похоть, обуздать ее стремление страхом Христовым, остановить всю силу порочного пожелания и возвратиться к целомудрию. Взирая на землю, человек легко сможет любомудрствовать и о воскресении, принять то, что говорится об этом предмете. Так, когда он увидит, как земля принимает твердое зерно пшеницы и сначала разлагает его и подвергает гниению, а потом произрастает его в гораздо лучшем виде, когда он заметит, как виноградная лоза зимой стоит голой, без листьев, ветвей и гроздий, и сама бывает сухим деревом, подобным скелету, а потом при наступлении весны снова получает все свое благообразие, то сможет от растений и семян, возрождающихся после нетления, заключать и о собственной плоти. Трудолюбию он научится у муравья, любви к порядку и общежитию у пчелы, как говорится в притче: *иди ко мравию, о лениве, и поревнуй* путям *его, и буди онаго мудрейший. Он бо, не сущу земледелцу, ниже нудящаго имущий, ниже под владыкою сый, готовит в жатву*

пищу, и многое в лето творит уготование; или иди ко пчеле, и увеждь, коль делателница есть: ея же трудов царие и простии в здравие употребляют: аще силою и немощна сущи, но премудростию почтена произведеся (Притч. VI, 6–8). Таже пчела научит тебя не удивляться одной красоте телесной, когда с ней не соединены добрые качества душевные, и не гнушаться безобразием, когда при нем – прекрасная душа. Это самое выражает и Премудрый так: *мала (есть) в пернатых пчела и начаток сладостей плод ея* (Сир. XI, 3). Посмотри на птиц и от них научись любомудрию. Потому и Христос сказал: *воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, и Отец ваш небесный питает их* (Мф. VI, 26). Если неразумные животные не заботятся о пище, то какое оправдание будешь иметь ты, когда не оказываешь даже такого презрения к настоящему, какое – птицы? Если хочешь научиться презирать украшения, то полевые цветы научат тебя не заботиться о внешних украшениях. Это объяснил Христос, сказав: *смотрите на крины селныя, како не труждаются, ни прядут.* Аминь *глаголю вам, яко ни Соломон* облечеся, *яко един от сих* (Мф. VI, 28). Итак, когда ты вздумаешь заботиться о красоте одежды, то вспомни, что, сколько бы ты ни старался, за травой останется победа, что ты никогда не сможешь сравняться с ней, – и оставь свою неразумную страсть. Многому и другому можно научиться от бессловесных животных, от цветов и от семян.

Исповедание и великолепие дело Его (ст. 3), то есть каждое из дел Его. Пророк говорит это не об одном какомнибудь деле. Другой (неизвестный) переводчик говорит: *похвала и достоинство деятельность Его.* А этот говорит: *исповедание,* то есть благодарность и слава. Каждая из вещей видимых может расположить зрителя к благодарности, к песнопению, к хвалению, к славословию. Не нужно спрашивать: для чего то, для чего это? – но и ночная тьма и день, и голод и обилие, и пустынная и

необитаемая земля, и тучная и плодородная, и жизнь и смерть, и все видимое способно и достаточно для того, чтобы побудить внимательных к благодарности. Выражая это через одного пророка и представляя самые наказания за благодеяния, Бог сказал: *разорих их, якоже разори Бог Содому и Гоморру, побих их раждежением и златеницею* (Ам. IV, 11, 9); и через другого пророка: *изведох их из земли Египетския, и из дому работы избавих их,* обращая наказания в благодеяния (Мих. VI, 4). Так и самые наказания Божии суть благодеяния, служат к исправлению, назиданию, наставлению, пресечению зла. Люди одно делают, как благодеяние, другое по ненависти и отвращению, а Бог все делает по любви. Например, как благодетель, Он поселил человека в раю; как благодетель, Он и изгнал его из рая; как благодетель, Он произвел потоп; как благодетель, Он ниспослал огонь на Содом; вообще, на что ни укажешь, все делает Он для добра. Как благодетель, Он угрожает и геенной. Как отцы бывают отцами не тогда только, когда ласкают детей своих, но и когда наказывают их, и наказывая, бывают отцами не меньше, как и лаская, так точно и Бог. Вот почему Павел и сказал: *который бо есть сын, его же не наказует отец* (Евр. XII, 7)? И Соломон: *его же бо любит Господь, наказует, биет же всякаго сына, его же приемлет* (Притч. III, 12). *И правда его пребывает в век века.*

4. Это, мне кажется, пророк сказал для тех, которые соблазняются несчастьями, нечаянно постигающими некоторых, вразумляя их как бы так: не смущайтесь, видя людей, подвергающихся клевете, обижаемых, страждущих невинно; есть суд беспристрастный, приговор справедливый, воздающий каждому по достоинству. Если ты будешь требовать этого приговора теперь же, то смотри, чтобы тебе не произнести его против себя самого. Подлинно, если бы Бог стал каждый грех тотчас же поражать наказанием и над каждым преступ-

лением приводить в исполнение праведный суд свой, то род человеческий давно был бы истреблен. Для чего говорить о таком-то и таком-то человеке? Я укажу в доказательство этого на величайшего из всех людей – Павла, проповедника вселенной, восхищенного до третьего неба, введенного в рай, причастника страшных таинств, сосуд избранный, друга Христова, проводившего ангельскую жизнь, достигшего таких добродетелей. Если бы Бог не хотел быть к нему долготерпеливым и милостивым, но, когда он грешил, хулил и гнал Церковь, тотчас бы исполнил над ним праведный суд Свой, то давно лишил бы его возможности покаяться. Сознавая это, сам он говорит: *благодарю укрепляющаго мя Христа, яко верна мя непщева, положив в службу, бывша мя иногда хулника и гонителя и досадителя: но помилован бых, да во мне первом покажет все долготерпение, за образ хотящих веровати Ему в жизнь вечную* (1 Тим. I, 12, 13, 16). Если бы Бог тотчас же наказал блудницу, то когда бы она обратилась (Лк. VII, 37)? Также Матфей, мытарь, если бы подвергся наказанию прежде обращения, в бытность свою мытарем, то не лишился ли бы возможности покаяться? То же было бы и с разбойником, и с волхвами, и с каждым из грешников. Поэтому Бог удерживает гнев Свой и откладывает праведное воздаяние, призывая людей к покаянию. Но если они останутся неисправимыми, то непременно подвергнутся праведному осуждению. Вот почему пророк, желая утешить обижаемых и вразумить обижающих, присовокупляет: *и правда его пребывает в век века.* Смысл слов его следующий: и ты, обижаемый, оканчивая жизнь, не отчаивайся в праведном воздаянии, – после отшествия отсюда ты непременно получишь награду за труды; и ты, грабитель, корыстолюбец и нарушитель правды, оканчивая свою жизнь в мире, не оставайся спокойным, – после отшествия отсюда ты за все отдашь отчет, за все

зло получишь воздаяние. Бог существует всегда, и правда Его пребывает всегда, не находя в смерти препятствия ни для воздаяния за подвиги добродетели, ни для наказаний за дела злые.

Память сотворил есть чудес своих (ст. 4). Что значит: *память сотворил есть чудес своих?* Он никогда не переставал, говорит, творить чудеса. Это и значит: *память сотворил есть,* то есть не переставал, не оставлял в каждом поколении творить чудеса и пробуждать людей грубых чудесными действиями. Человек высокого ума и любомудрый не нуждается в знамениях: *блажени не видевшии и веровавше* (Ин. XX, 29). Но так как Бог печется не о них только, а и о людях грубых, то почти в каждое поколение Он не перестает творить чудеса. Вся видимая природа есть достаточное чудо, но, желая возбудить многих от беспечности среди такого зрелища, Бог совершал много дивных дел, и частных и общих, как например, потоп, смешение языков, погибель Содома, события с Авраамом, Исааком, Иаковом, в Египте, при исходе евреев, в пустыне, в земле Палестинской, в Вавилоне, по возвращении из плена, при Маккавеях, после пришествия Христова и во время Его пришествия; также события, продолжающиеся доныне, каковы: падение Иерусалима, создание Церкви, проповедь, распространившаяся повсюду, усилившаяся от волнений, умножившаяся от препятствий, сонмы мучеников и все прочее. Много чудес можно видеть и в частной жизни, и в домах, и в городах. Но мы обратим внимание только на чудеса общие, очевидные и известные всем, происходящие в каждом поколении. Сколько таких чудес было при Юлиане, превзошедшем всех своим нечестием, при гонении на Церковь? Сколько при Максимиане? Сколько при предшествовавших им царях? Если угодно, укажу и на чудеса, бывшие в наше время, каковы: кресты, внезапно отпечатлевшиеся на одеждах,

храм Аполлона, разрушенный молнией, перенесение мощей святого мученика Вавилы в Дафнах и явная победа его над бесом, необыкновенная смерть хранителя царских сокровищ, убиение самого царя Юлиана, превзошедшего всех своим нечестием, погибель дяди его, кучи червей и многое другое, голод, засуха, бездождие, постигшее вместе с тем города, и множество других событий повсюду.

5. Вы знаете также, что случилось тогда в Палестине. Когда иудеи хотели восстановить храм, разрушенный по определению Божию, то огонь, выходивший из основания, разгонял всех, в чем удостоверяет и то уже, что это дело осталось неоконченным. *Щедр и милостив Господь. Пищу даде боящимся его* (ст. 5). Сказав о благодеяниях Божиих, оказанных посредством чудес и дел, о попечении о нас, пророк еще усиливает речь, объясняя, что Бог, совершивший столь многие и столь великие дела спасения людей, всеми способами наставлявший их и руководивший к богопознанию и высокому любомудрию, устраивающий жизнь их, делает это не по долгу, — здесь действует величайшая благодать Его, — но по милости и человеколюбию, не потому, чтобы Он Сам нуждался в них, но единственно по благости Своей. *Пищу даде боящимся его.* Почему Он говорит здесь о боящихся? Бог питает не их одних; и в Евангелии говорится: *яко сияет солнце на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя* (Мф. V, 45). Почему же он сказал: *боящимся его*? Мне кажется, что здесь Он говорит о пище не телесной, но духовной; потому и упомянул только о боящихся Господа: эта пища назначена для них. Как питается тело, так питается и душа. А что она действительно питается, послушай: *не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих* (Мф. IV, 4). Итак, он говорит о пище, которую Бог преимущественно дает боящимся Его, то есть поучение

посредством слова, наставление, все любомудрие. *Помянет в век завет свой.* Желая опять низложить высокомерие иудеев и смирить гордость их, или лучше — показать, что блага, которыми они пользовались, они получили не за собственные заслуги, но по любви Божией к отцам их и вследствие заветов Его, бывших с ними, говорит: *помянет в век завет свой.* Так и Моисей, при вступлении иудеев в землю обетованную, заповедал им говорить и думать. Когда ты построишь, говорил он Израилю, великолепные города и приобретешь богатства, то не говори, что все это сделано ради моей правды, но *ради завета* с отцами твоими (Втор. IX, 4, 5). Нет ничего хуже гордости, почему Бог постоянно и поражает ее всеми мерами. *Крепость дел своих возвести людем своим, дати им достояние язык* (ст. 6). От общего пророк переходит к частному, от событий, происходивших во вселенной, к событиям, бывшим с иудеями. Впрочем, если рассмотреть внимательно, то и эти события имеют значение всеобщее. Все, случившееся с иудеями, послужило уроком для других: и войны, и трофеи, и победы их могут для внимательных служить вместо проповеди. В самом деле, все это происходило не по обыкновенному порядку дел человеческих, но неизъяснимым образом. По обыкновенному ли порядку вещей разрушаются стены при звуке труб, женщина предводительствующая преодолевает и побеждает, малый отрок одним метанием камня поражает полки неприятелей? Много и других необыкновенных событий случилось с ними. Так они победили врагов; так изгнали их из Палестины. Когда поэтому пророк говорит: *крепость дел своих возвести людем своим*, то говорит не что иное, как то, что Бог явил силу Свою, изгнав народы не просто, но таким способом, из которого евреи особенно ясно могли видеть, — хотя для этого достаточно было и предшествовавших событий, — что поражение врагам было

нанесено Богом и что под Его предводительством решена судьба их. И действительно, Бог наставлял иудеев не словами только, но и делами, обувью, одеждой, пищей, светом ночным и дневным, облаком, войной, миром, победами, земледелием, дождями, словом — все возвещало им Господа, пробуждало ослепленный ум их, и не было времени, когда Бог не являл бы им постоянно Своих знамений. *Дела рук его истина и суд* (ст. 7). Сказав о силе Божией, пророк говорит и о правосудии Его, о том, что Бог тогда являл не только силу в делах Своих, но и великое правосудие. Он изгнал народы из Палестины не потому только, что хотел поселить в ней иудеев, но по справедливости. Вот почему и Моисей сказал в одном месте: *не бо исполнишася греси Аморреов до нынe* (Быт. XV, 16). Это нужно сказать не об одних только иудеях и не только о событиях, бывших с ними, но о всем вообще. Все, совершаемое Им, есть истина и суд; *суд,* то есть правда. А *истиною* Писание часто называет и человеколюбие. Слова эти, следовательно, означают, что Бог совершает все по правосудию и вместе по человеколюбию. Подлинно, если бы Он действовал только по правосудию, то все погибло бы.

6. Поэтому тот же пророк в другом месте говорит: *не вниди в суд с рабом твоим, яко не оправдится пред Тобою всяк живый* (Пс. CXLII, 2); и еще: *аще беззакония назриши Господи, Господи, кто постоит* (Пс. CXXIX, 3)? Так, все, происходящее от Бога, исполнено того и другого. Если бы Он действовал только по правосудию, то все погибло бы; а если бы только по человеколюбию, то многие сделались бы еще более беспечными. Поэтому, для спасения людей, Он разнообразит Свои действия, совершая тем и другим их исправление. *Верны вся заповеди Его.* Как поступает часто пророк в других местах, так и здесь: от премудрости Божией, являющейся в творении и в разных видах промышления, он переходит к Его

законодательству, показывая и здесь новый вид промышления. В самом деле, Бог вразумляет род человеческий не только тем, что создал столь много таких тварей, но и тем, что установил закон. Вот почему и в восемнадцатом псалме пророк, различая эти два вида промышления, в начале его говорит: *небеса поведают славу Божию*; а в средине, окончив речь о творении, присовокупляет: *закон Господень непорочен, обращаяй души: заповедь Господня светла, просвещающая очи* (ст. 8, 9).

Так и здесь, сказав о знамениях, чудесах и делах Божиих, переходит к заповедям и говорит: *верны вся заповеди его, утвержены в век века, сотворены во истине и правоте* (ст. 8). Не напрасно сказал он: *вся*, но употребил это выражение, имея в виду множество заповедей. Так, есть законы творения, которые соблюдают все создания, солнце и луна, день и ночь, звезды, земля и течение всей природы. Есть законы, данные природе человеческой в начале, при сотворении человека, о которых Павел говорит: *егда бо языцы, не имуще закона, естеством законная творят: сии, закона не имуще, сами себе суть закон* (Рим. II, 14); и еще: *соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку* (Рим. VII, 22). Есть заповеди написанные: они все остаются доныне; если же некоторые из них отменены, то потому, что изменены не к худшему, а к лучшему. Так, заповедь *не убий* не отменена, но усилена; также заповедь *не прелюбы сотвори* не отменена, но получила большую силу. Поэтому и сказал Господь: *не приидох разорити закон или пророки, но исполнити* (Мф. V, 17). В самом деле, тот, кто даже не гневается, тем более будет воздерживаться от убийства; тот, кто не смотрит на женщину сладострастными глазами, тем дальше от прелюбодеяния. Таким образом закон имеет то особенное преимущество, что он бессмертен, постоянен, и закон природы, и закон естественный, и закон (Ветхозаветного) любомудрия, и закон Нового

Завета. Потому и сказал Господь: *небо и земля мимоидет, словеса же моя не мимоидут* (Мф. XXIV, 35), выражая их неизменяемость. Чему пребывать суждено волей Божией, все то пребывает постоянно, и того ничто поколебать не может. *Сотворены в истине и правоте.* Что значит: *в истине и правоте?* Нет в них, говорит, ничего неправого, ничего уклончивого, ничего темного, ничего сказанного по пристрастию или вражде, но все направлено ко благу и пользе, – не так, как законы человеческие, в которых заключается много изменчивого, много неясного, много человеческого. Многие из законов человеческих часто были установлены под влиянием страстей человеческих; иной хочет отмстить врагу или сделать угодное другу, и сообразно с тем устанавливает законы. Не таковы законы божественные: они яснее солнца, направлены ко благу тех, для кого установлены, руководят их к добродетели и истине, а не к вещам ложным, как то: богатству и власти (это ложь, а дела Божии – истина), научают не тому, чтобы благоденствовать здесь и наслаждаться благами настоящей жизни, но чтобы приобрести блага будущие. В них все говорится о предметах истинных, верных, не имеющих ничего превратного. *Верны вся заповеди его.* Что значит: *верны?* Тверды, постоянны. Когда они нарушаются, то следуют наказания, а сами они не колеблются; когда люди преступают их, то Бог отмщает за них. Поэтому не говори, будто это сказано для угрозы или преувеличенно. Никакой законодатель не говорит только для угрозы, но для вразумления. Если ты не веришь будущему, то убедись в этом из прошедшего. Потоп при Ное, сожжение Содома, погибель фараона, истребление иудеев, пленения, войны – были ли только угрозой или действительным наказанием? Если же события прообразовательные действительно были, то тем более исполнятся истинные, и настолько более, насколько гре-

ховнее проступки людей, совершенные после такого врачевания и исправления. *Избавление посла Господь людем своим* (ст. 9). В историческом смысле пророк говорит об избавлении иудеев; а в переносном – об избавлении вселенной, как объясняет в следующих словах: *заповеда в век завет свой.* Здесь он говорит о Новом Завете. Так как он упомянул о заповеди и законе, который был нарушен и подверг людей гневу Божию, то и говорит, что *избавление посла людем своим,* как и Сам Господь сказал: *не приидох, да сужду мирови, но да спасу мир* (Ин. XII, 47). Так как нарушенный закон подверг людей наказанию: *закон бо гнев соделовает: идеже бо несть закона, ту ни преступления;* и *вси согрешиша и лишени суть слави Божией, оправдаеми туне благодатию его* (Рим. IV, 15; III, 23), то он и говорит: *избавление посла Господь людем своим.*

7. Впрочем, не только избавление, но после избавления Господь дал и закон, чтобы мы вели жизнь, достойную благодати. *Свято и страшно имя его.* Представив все, что возвещается о попечении и промышлении Божием, и в Ветхом Завете, и в Новом, и в делах, и заповедях, и чудесах, и знамениях, пророк воодушевляется, и удивляясь величию Божию, оканчивает речь славословием, вознося хвалу Виновнику всего этого. *Свято и страшно имя Его,* то есть вполне достойно удивления, изумления. Если же таково имя Его, то не тем ли более существо Его? А как имя Его *свято и страшно?* Его страшатся бесы, боятся болезни; этим именем апостолы исправили всю вселенную; его употребив вместо оружия, Давид поразил иноплеменника; им совершено множество великих дел; им мы совершаем священные таинства. Таким образом представляя, сколько чудес совершает имя Его и сколько благодеяний, как оно поражает противников и укрепляет своих, размышляя о делах, превосходящих обыкновенный порядок вещей и превышающих человеческое разумение, он говорит: *свято и страшно имя его.*

Если же оно свято, то для прославления нужны и уста святые и чистые.

Начало премудрости страх Господень, разум же благ всем творящим и (ст. 10). Что значит: *начало?* Источник, корень, основание. Сказав столь многое и столь великое о Владыке вселенной, и исполнившись изумления, пророк присовокупляет и это, выражая, что боящийся Его исполняется всякой премудрости и становится разумным. Потом, дабы кто не подумал, что мудрость ограничивается одним знанием, прибавляет: *разум же благ всем творящим и.* Недостаточно одной веры, если с ней не соединена и сообразная жизнь. А как *страх Господень есть начало премудрости?* Он удаляет от всякого порока и наставляет на всякую добродетель. Пророк говорит о премудрости, состоящей не в словах, но в делах. И языческие мудрецы определяют премудрость знанием вещей божеских и человеческих. Этому познанию научает страх Божий, истребляя порок, насаждая добродетель, располагая презирать настоящее и стремиться к небу. Что же мудрее такой души? Здесь (пророк) указывает не слушателя только, но и исполнителя. *Разум же благ всем творящим и,* то есть для исполняющих правила премудрости, для показывающих ее на деле, он есть *разум благ.* Говорит о разуме благом, потому что есть разум и злой, как, например: *мудри суть, еже творити злая, благо же творити непознаша* (Иер. IV, 22). Но он требует разума, обнаруживающегося в добродетельной жизни.

Хвала Его пребывает в век века. Какая, скажи мне, хвала? Благодарение, славословие, которое за дела Его будет вечно воссылаться Ему, но прежде того приличествует самому существу Его. Бог бессмертен и Сам по Себе достоин хвалы; но Он получает хвалу и тогда, когда ты представляешь Его величие и все прочее, получает хвалу и за дела Свои, когда ты усматриваешь Его премудрость в вещах видимых. Пророк говорит это для

того, чтобы побудить к благодарности и показать, что те люди не заслуживают никакого снисхождения, которые негодуют на происходящее. В самом деле, если *хвала*, благодарение и славословие, принадлежит Ему столь ясно, очевидно, несомненно, неизменно, твердо, постоянно, что она даже вечна, беспредельна и бесконечна, а они, не понимая этого, говорят противное, то они противоречат тому, что гораздо яснее солнца, и добровольно остаются слепыми, — потому что она не какая-нибудь временная, чтобы можно было не знать ее, не темная и неизвестная, но очевидная, постоянная, вечная, всегда пребывающая и никогда не имеющая конца.

НА ПСАЛОМ 111

Блажен муж боящийся Господа (ст. 1)

1. Мне кажется, что начало этого псалма находится в непосредственной связи с концом предыдущего и составляет с ним как бы одно неразрывное целое. Там пророк сказал: *начало премудрости страх Господень*, а здесь: *блажен муж бояйся Господа*; другими словами, но теми же мыслями поучает страху Божию. Там он назвал такого человека мудрым, а здесь — блаженным. Действительно, в этом заключается истинное блаженство, а все прочее — суета, тень, ничтожество, укажешь ли на богатство, власть, красоту телесную, обилие богатства. Все это подобно падающим листьям, преходящим теням, мимолетным сновидениям. А страх Божий составляет истинное блаженство. Далее, так как и бесы боятся Господа и трепещут, то, дабы ты не подумал, что этого одного достаточно для спасения, он здесь поступает так же, как поступил выше. Как там, сказав: *начало премудрости страх Господень*, присовокупил: *разум же благ всем творящим и*, соединяя с учением и соответственную жизнь, так и

здесь, сказав о страхе, говорит не об одном только страхе, происходящем от сознания величия Божия, который имеют и бесы, но присовокупляет: *в заповедех Его восхощет зело.* Этими словами он требует строгой жизни, доброго поведения, любомудрой души. Не сказал: *заповеди Его будет исполнять,* но: *восхощет,* требуя чего-то другого, большего. Чего же именно? Того, чтобы исполнять их с усердием, иметь великую любовь к ним, неопустительно следовать их предписаниям, любить их не для награды, обещанной за исполнение их, но для Того, Кто установил их, предаваться добродетели с удовольствием, не по страху геенны, не из опасения наказания, не за обещание царства, но для Того, Кто дал эти заповеди. И в другом месте, выражая удовольствие, получаемое от заповедей Божиих, он говорит: *коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меда устом моим* (Пс. CXVIII, 103). Того же требует, хотя и прикровенно, апостол Павел, когда говорит: *якоже бо представисте уды ваша рабы нечистоте и беззаконию в беззаконие: тако представите уды ваша рабы правде во святыню* (Рим. VI, 19).

С каким, то есть, усердием, с какой готовностью вы предавались пороку, хотя он не доставляет никакой награды, а, напротив, наказание и мучение, — с таким же усердием предайтесь добродетели. Впрочем, говорит, предлагаемая мера еще умеренна. Желая выразить это, он говорит: *человеческо глаголю, за немощь плоти вашея* (ст. 19), внушая, что нужно оказывать не меньшую ревность к добродетели, какую оказывали мы к пороку. Смысл слов его следующий: если люди не окажут такой же добродетели, то какое они могут иметь оправдание или прощение, не имея к ней такого усердия (какое имели к пороку)? Поэтому пророк и говорит: *в заповедех Его восхощет зело.* Кто боится Господа, как должно, тот принимает заповеди Его с великим усердием. Любовь к законодателю делает закон приятным, хотя бы, по-ви-

димому, он и заключал в себе какую-нибудь трудность. Пусть никто не осуждает меня, если я употреблю некоторое сравнение, ведь и Павел употребил его, когда сказал: *яко же бо представисте уды ваша рабы нечистоте, тако представите рабы правде.* Так, человек влюбленный в блудницу, хотя бы подвергался оскорблению, поношению, побоям, бесчестью, хотя бы изгнан был из отечества и лишен отцовского наследства и благоволения, хотя бы терпел что-нибудь другое ужаснейшее, с удовольствием переносит все это за свою постыдную любовь.

Если же все это принимают с удовольствием, то тем более не должно ли заповеди Божии, спасительные и славные, доставляющие нам высокое любомудрие и делающие душу лучшей, принимать с великим удовольствием и не находить в них ничего трудного? Трудность происходит не от свойства заповедей, но от лености многих. Если же кто станет принимать их с усердием, тот найдет их легкими и удобоисполнимыми. Вот почему и Христос сказал: *иго мое благо и бремя мое легко есть* (Мф. XI, 30). А дабы тебе убедиться, что это действительно так, что леность многим делает и легкое трудным, а усердие и трудное легким, примером тому служат иудеи, которые, питаясь манной, роптали и желали себе смерти; Павел же, мучимый голодом, радовался и восхищался. Те говорили: *душа наша изсохла от манны: извел еси нас умертвити, за еже не быти гробом во Египте* (Чис. XI, 6; Исх. XIV, 11). А Павел говорил: *радуюся в страданиих моих, и исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей* (Кол. I, 24). В каких страданиях? В голоде, жажде, наготе и во всем прочем. *В заповедех Его восхощет зело.* Как это может быть? Если мы будем искренно и бояться и любить Бога, если будем понимать сущность самой добродетели. В самом деле, добродетель, прежде всех других наград, заключает награду в самой себе. Так, когда ты не прелюбодействуешь и не убиваешь, то

представь, какое получаешь ты удовольствие, не испытывая упреков совести, не стыдясь домашних, взирая на всех светлыми глазами. Не то бывает с прелюбодеем: он всех боится и трепещет, и на самые тени смотрит с подозрением.

2. То же испытывает и корыстолюбец и завистник. А кто свободен от этих страстей, тот испытывает противное. *Силно на земли будет семя его* (ст. 2). *Семенем* Писание часто называет не детей по естественному рождению, но детей по общению в добродетели. Так и Павел, изъясняя слова: *тебе дам землю сию, и семени твоему,* говорит: *не еси бо сущии от Исраиля, сии Исраиль: ни зане суть семя Авраамле, вси чада: но во Исааце наречется ти семя* (Рим. IX, 6, 7); и еще: *о семени твоем благословятся вси языцы* (Гал. III, 8). А что здесь говорится не об иудеях, показывает само дело. Те, которые сами были под проклятием, как могли сделаться виновниками благословения для других? Здесь говорится о Церкви, которая по общению в вере стала семенем Авраама. Таковы люди добродетельные и дети людей, боящихся Бога. *Силно на земли будет семя его.*

Для чего он сказал: *на земли?* Дабы показать, что оно таково еще прежде отшествия отсюда и прежде вкушения тамошних благ. Добродетель, как я выше сказал, заключает награду в самой себе прежде других наград. А что человек добродетельный действительно имеет сильное семя и сам сильнее всех, это засвидетельствовали апостолы, доказали пророки. И Господь, имея в виду таких людей, говорит: *иже слышит словеса моя, и творит я, уподоблю (его) мужу мудру, иже созда храмину свою на камени: и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеяша ветри, и нападоша на храмину ту, и не падеся: основана бо бе на камени* (Мф. VII, 24, 25). Сколько народных возмущений, сколько гневных действий властителей, сколько мечей, сколько копий, сколько стрел, сколько печей, сколько

звериных зубов, сколько пропастей, сколько морей, сколько козней, сколько клевет, сколько происков направлено было против апостолов? И однако ничто не повредило им, но они остались выше всего, носились недосягаемо для стрел злоумышленников и самих врагов обращали в ряды свои. Подлинно, нет ничего сильнее добродетели: она тверже камня, крепче адаманта. Напротив, нет ничего ничтожнее и бессильнее порока, хотя бы он был окружен бесчисленным богатством, хотя бы имел великую внешнюю власть. Если же такова сила добродетельных на земле, то представь, какую силу они будут иметь на небесах. *Род правых благословится.* Видишь ли, как этот род сияет и имеет множество провозвестников, которые прославляют его и удивляются ему, и притом не простых людей, а мудрых? Из людей, пресмыкающихся по земле, никто не может понимать его, но особенно будут хвалить, удивляться и превозносить его те, которые имеют неиспорченный разум. Представь же, как велико это приобретение, которое не лишается похвал ни от ангелов, ни от апостолов, ни от людей великих и дивных. Если таковы хвалящие этот род, то подумай и рассуди, каков должен быть он сам. *Слава и богатство в дому его* (ст. 3). От чувственного пророк снова переходит к духовному, потому что Писание часто называет богатством добрые дела, например, когда говорит: *благое делати, богатитися в делех добрых* (1 Тим. VI, 18). Это и есть истинное богатство; а всякое другое носит только название богатства, но на самом деле не таково.

Впрочем, если кто будет разуметь здесь и вещественное богатство, не отступит от смысла речи. Кто был и по имуществу богаче апостолов, к которым все текло как бы из источников? *Елицы бо господие селом или домовом бяху, продающе приношаху и полагаху цены при ногах апостол* (Деян. IV, 34). Видишь ли обилие богатства? Они владели имуществом всех, не имея заботы о нем, и были рас-

порядителями его гораздо более, нежели сами владельцы. Владельцы отказывались от владения и приносили свое имущество к апостолам, сами принимая на себя продажу его и приобретение денег, а распоряжение ими предоставляя во власть апостолов. Потому Павел и говорит: *яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. VI, 10). И удивительно то, что, находясь среди такого богатства, они остались выше богатства, потому что обилие богатства не овладело ими. Это особенно и есть богатство, чтобы не нуждаться в богатстве. *Слава и богатство в дому его.* Здесь больше не требуется объяснений. Они имели славу от Бога, и она следовала за ними, по слову божественному: *ищите царствия Божия, и сия вся приложатся вам* (Мф. VI, 33). Кто славнее их? Их принимали, как ангелов Божиих, приносили имущество и полагали к ногам их; они были даже знаменитее носивших диадему. Какой царь шествовал с такой славой, с какой Павел приводил всех в изумление, везде проповедуя, разрешая узы смерти, прогоняя болезни, обращая в бегство бесов и даже посредством одежд своих совершая такие дела? Он делал землю небом и руководил всех к добродетели.

3. Если же так бывает на земле, представь, какой славы удостоятся добродетельные на небесах. Что значит: *в дому его?* Значит: с ним. Внешнее же богатство находится не с тем, кто владеет им, потому что оно находится не в безопасности, но в руках клеветников, льстецов, властителей, слуг; потому владеющий им и разбрасывает его повсюду, не надеясь всецело удержать его дома; для того и приставляются к нему стражи и хранители, хотя это нисколько не помогает, так как оно и при всем том может убежать. *И правда его пребывает в век века.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *и милосердие его пребывает в век века.* Здесь пророк говорит или о добродетели вообще, или о добродетели, противоположной несправедливости, или, как выражено у

другого переводчика, разумеет человеколюбие, милосердие. Действительно, такова сила милосердия: оно бессмертно, нетленно и никогда не может погибнуть. Все дела человеческие разрушаются, а плод милосердия остается всегда неувядающим, не подлежащим никакой перемене обстоятельств. Хотя тело человека разрушится, но милосердие не погибнет вместе с жизнью, а пойдет приготовить ему обители, о которых говорит Христос: *в дому Отца моего обители многи суть* (Ин. XIV, 2). Таким образом оно превосходит все человеческое и своим постоянством и неизменяемостью, которых не имеет ничто житейское. Укажешь ли на красоту? Она увядает от болезни и истребляется старостью. Укажешь ли на власть? Она часто изменяется. Или на богатство, или что-нибудь другое, славное и знаменитое в настоящей жизни? Оно или покидает людей при жизни, или по смерти оставляет их нагими и ничего не имеющими. Не таков плод праведности: он не истребляется временем, не разрушается смертью, но тогда особенно и становится обезопашенным, когда достигает этой безмятежной пристани. *Возсия во тме свет правым* (ст. 4). Описывая блаженство человека, боящегося Бога, пророк говорит о том, что случается с ним в жизни настоящей, то есть что стяжания его бессмертны, что он удостоится славы, будет выше всех, увидит подобных ему по добродетели, ставших детьми Его, непобедимыми, и среди трудных обстоятельств будет наслаждаться великой безопасностью. Это и означают слова: *возсия во тме свет правым.* Для таких людей, для ходящих праведно, среди тьмы воссияет свет. Что значит: *во тме*? Хотя бы, говорит, они находились в скорби, затруднении, искушении и опасностях, — это и называет он тьмой, — Господь скоро пошлет им великую радость. Изъясняя это, и Павел говорит: *не хочу вас не ведети о скорби, бывшей нам во Асии, яко по премногу отяготихомся, яко не на-*

деятися нам и жити. Видишь ли тьму? *Но сами в себе осуждение смерти имехом, да не надеющеся будем на ся, но на Бога, восставляющаго мертвыя, иже от* толиких смертей *избавил ны есть* (2 Кор. I, 8–10). Видишь ли, как воссиял свет? То же можешь видеть и на трех отроках. Они ожидали быть сожженными, но насладились чистейшей росой. То же было с Даниилом и другими пророками. Впрочем, если кто захочет принимать эти слова в другом, переносном смысле, тот увидит исполнение их на всей вселенной. Когда тьма покрывала землю и море и заблуждение распространилось повсюду, тогда долу воссияло Солнце правды. Так как тогдашние люди, оставив небо, искали Бога на земле, то Он оттуда и воссиял им, снисшедши к немощным, чтобы возвести их на беспредельную высоту. *Милостив, и щедр, и праведен Господь Бог.* Сказав, что правда человека добродетельного пребывает, и таким образом доставив ему утешение, но зная, что многие из людей милосердых и живущих праведно встречают здесь противное, он присовокупляет другое утешение: *милостив,* говорит, *и щедр, и праведен* Господь, предлагая здесь двоякое убеждение. Если Бог *милостив,* часто прощает и грешников, то тем более Он не оставит праведных, по отшествии отсюда, неувенчанными; если не воздаст им здесь, то непременно воздаст там. Потом прибавляет: и *праведен;* если же Он *праведен,* каков Он и действительно, то воздаст каждому по заслугам, хотя бы и не воздал здесь; это особенно и служит величайшим доказательством воскресения. В самом деле, если многие из людей добродетельных терпят бесчисленные бедствия, а многие из порочных наслаждаются великим спокойствием, то где каждый получит по достоинству, если не будет воскресения, и другой жизни, и суда, и воздаяния? Далее, упомянув о правосудии и тем устрашив слушателя, имеющего отдать отчет во грехах своих, пророк тотчас предлагает

врачевство и говорит: *благ муж щедря и дая: устроит словеса своя на суде* (ст. 5).

4. Смотри, сколько наград пророк назначает человеку милосердому, именно: что плод его постоянно пребывает, что он освободится от искушений, что он уподобится Богу, — так как и Бог милосерд, — что он получит прощение своих грехов. Это и означают слова: *устроит словеса своя на суде,* то есть найдет защиту, получит оправдание, не подвергнется тогда осуждению, потому что милостыня послужит ему прекрасной защитой. Другой переводчик (Симмах) говорит: *устрояя дела свои с судом.* То есть он будет наслаждаться великим благоденствием, не испытает никакого затруднения, как превосходный распорядитель. Напротив, человек жестокий, бесчеловечный, немилосердый весьма не распорядителен. Действительно, что может быть хуже того, когда кто, при опасности для души его, бережет деньги, а душой пренебрегает? Потому и Христос похвалил того управителя, который, при виде опасности, разодрал расписки должников и велел написать новые (см.: Лк. XVI, 6–8). Не безумно ли, в самом деле, — в случае опасности для настоящей жизни, жертвовать всем для избавления от опасности, а при опасности наказания в жизни будущей, не применять такой распорядительности? Господь называет мудрым распорядителем человека милосердого, который приобретает за малое многое, за деньги небо, за одежду царство, за хлеб и чашу холодной воды будущие блага. Действительно, что может сравниться с такой распорядительностью, когда человек, отдавая блага погибающие, скоропреходящие и тленные, приобретает будущие и неизменные, а через это и в настоящей жизни наслаждается безопасностью? Поэтому пророк и говорит: *устроит словеса свои на суде,* или, как говорит другой переводчик: *устрояя дела свои с судом.* На каком *суде?* Или на имеющем быть в

последний день, или вообще все дела свои будет устраивать хорошо, не будет встречать в них никакого замешательства, но все будет у него в порядке, все будет идти последовательно и своим путем, без всякого смятения и беспорядка, так как милосердие сделает все для него удобным. Это и выражает яснее другой переводчик словами: *устрояя дела свои с судом,* потому что милосердый распоряжается своим имуществом рассудительно, а всякий другой действует бесполезно, нераспорядительно. *Яко в век не подвижится.* Что может сравниться с такой распорядительностью, когда человек находит путь, который избавляет его от неожиданных обстоятельств, удаляет от житейских волнений, поставляет его в пристани, так что он, будучи человеком, не испытывает ничего человеческого, или, хотя испытывает, но не колеблется? И удивительно, как он при постигающих его искушениях не колеблется и не падает. Разве же не колебались многие из людей милосердых? Нет. Хотя они делались бедными, доходили до крайней скудости и подвергались несчастьям, но они не падали, представляя дела, совершенные ими, и благоволение к ним Божие, снискав себе небесную помощь, и имея у себя крепкий и надежный якорь — чистую совесть. Потому пророк и не сказал, что они не подвергнутся опасностям, но: *не подвижутся.* Так и Христос о человеке, построившем здание на камне, не сказал, что он не испытает бури, но, и подвергшись ей, останется непоколебимым. То и удивительно, что он безопасен не от недостатка искушений, но и среди частых испытаний остается всегда непоколебимым. Действительно невозможно, чтобы душа, богатая милосердием, когда-нибудь погрязла в нечистоте страстей. *В память вечную будет праведник* (ст. 6). Смотри, как не только во время жизни, но и по смерти праведник поучает и наставляет многих. Как же он может при жизни испытывать что-

нибудь злое, когда и по смерти он делается для других наставником благодушия? Дабы люди самые неверные убедились, что плод его пребывает бессмертным на небесах, представляется опыт этого еще здесь: тогда как тело его зарывается и предается земле, память о нем носится повсюду.

Такова сила добродетели: она не уступает времени, не увядает с течением дней. Впрочем, это делается для спасения людей порочных. Сами праведники не нуждаются в похвалах от людей; а живущие порочно имеют нужду в похвалах праведникам, чтобы они, слыша похвалы, воздаваемые другим, делались ревностнее и когда-нибудь отстали от пороков. Где те, которые строят драгоценные гробницы и воздвигают великолепные здания? Пусть они выслушают, что делает память вечного, — не каменные здания, не ограды и башни, а совершение добрых дел. Это говорит пророк для людей, крайне неверующих и не заботящихся о будущем, чтобы отклонить их от настоящего и видимого и направить к будущему; а с другой стороны, показывает, что добродетель, как я часто говорил, прежде других наград заключает награду в самой себе. *От слуха зла не убоится* (ст. 7). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *вести худой не убоится.* Как выше он не сказал, что добродетельный не подвергнется искушению, но — подвергшись не поколеблется, так и здесь не сказал, что он не услышит худой вести, но — услышав не устрашится.

5. Как не убоится? Хотя бы он видел приближающуюся войну, или землетрясение, разрушающее города, или разбойников и грабителей, отнимающих все, или варваров, делающих набег, или болезнь, угрожающую смертью, или гнев судьи, или что-нибудь другое, — он не боится, потому что наперед положил свое богатство в безопасном месте; и при наступлении смерти не только не трепещет, но спешит скорее переселиться туда,

где скрыты его сокровища. *Идеже бо сокровище* человека, *ту и сердце его* (Мф. VI, 21). Если купцы, переслав домой большой груз товаров, каждый день спешат увидеть свое богатство, то тем более человек, сложивший все свои сокровища на небесах, желает оставить настоящее и стремится к будущему. Потому ничто не может возбудить в нем страх. *Готово сердце его уповати на Господа.* Другой переводчик (Симмах) говорит: *твердо сердце его,* выражая то же самое и поясняя слово: *готово.* Смысл этих слов следующий: ничто не колеблет его и не привязывает к настоящему, но он весь всецело устремлен к Богу, пребывает в надежде, постоянно утвержден на уповании и ничем настоящим не расслабляется и не развлекается. Житейские заботы таковы, что они развлекают мысли, рассеивают ум. Итак, необходимо снова повторить это евангельское изречение: *идеже бо сокровище* человека, *ту и сердце его. Утвердися сердце его, не убоится* (ст. 8). Видишь ли человека, построившего дом свой на камне? Чего бояться ему, ничем не обремененному, препоясанному и не подающему никому никакого повода к нападению? Чего бояться тому, к кому Бог милостив и благоволит? Таким образом он безопасен с двух сторон, и от помощи свыше, и от спокойствия снизу; ничто не может поколебать его, ни потеря имущества, ни оскорбления, ни клеветы; не в чем повредить тому, кто от земли устремился к небу, в страну, недоступную никакой злобе и никаким козням. Вы хорошо знаете, что все козни происходят от денег и для денег, и все заботы людей направлены к ним. *Дондеже возрит на враги своя.* А кто враг его, кроме злых духов и самого диавола? *Расточи, даде убогим, правда его пребывает во век* (ст. 9). Так как пророк упомянул о милосердии, общительности и сострадательности, а между тем есть много степеней милосердия, — один подает меньше, другой больше, — то посмотрим, кого он называет ми-

лосердым: того ли, кто подает от избытка, или того, кто отдает все, что у него есть? Очевидно, того, кто отдает все, кто не щадит при этом ничего. Того же требует и Павел, когда говорит: *сеяй о благословении, о благословении и пожнет* (2 Кор. IX, 6). Заметь, какие превосходные выражения употребляет пророк. Не сказал: *подал*, или: *разделил*, но: *расточи*, выражая и щедрость подающего, и уподобляя дело его сеянию. Действительно, так поступают сеющие, — они расточают то, что имеют, и отдают видимое, чтобы получить будущее. Это лучше собирания богатства; расточать таким образом гораздо лучше, нежели собирать. Расточается имущество, а собирается праведность; расточается непостоянное, а приобретается постоянное. Подобным образом поступают и земледельцы; но они действуют не наверное, потому что от них принимает земля, а ты полагаешь в руку Божию, откуда ничто не может погибнуть. Итак, когда ты смотришь на красивое золото и колеблешься отдать его, то вспомни о сеющих, вспомни о дающих взаймы, вспомни о торгующих, которые начинают с издержек и трат, и притом каждый из них вверяет свое имущество неизвестности, потому что и волны, и недра земли, и расписки должников — все это неверно. Дающие взаймы часто теряли и самый капитал; а кто трудится для неба, тот не боится ничего подобного, но может быть уверен в целости и капитала, и процентов, если только можно назвать процентами приращение, которое гораздо больше самого капитала. Здесь капитал — имущество, а приращение — царство небесное. Видишь ли достоинство этого займа, приносящего проценты гораздо больше капитала? Это ты получишь в будущем, а в настоящем будешь наслаждаться совершенным спокойствием, не будешь подвергаться козням, охладишь страсти клеветников и завистников, проведешь всю жизнь в покое, не изнуряясь заботами о настоящем, но окрыляясь надеждой будущего. *Рог*

его вознесется в славе. Чего особенно желают люди, то он часто и поставляет на вид, то есть известность, знаменитость, которую добродетельные и там наследуют, и здесь получат в великом обилии, потому что никто не бывает столь знаменит и славен, как человек милосердый.

6. Если хочешь, представь, с одной стороны, людей, расточающих свое имение на конских ристалищах и зрелищах, а с другой – человека милосердого, и увидишь, каков плод того и другого, как последнего все постоянно превозносят и удивляются ему, считая его общим отцом и прибежищем, а первых, если и похвалят в течение одного только дня, по непристойному и безрассудному увлечению, то потом порицают, как людей бесчеловечных, жестоких, тщеславных, как служителей невоздержания и рабов нечестия. В собраниях, когда начнется речь об этом предмете, первых упрекают за издержки и бесполезную трату, а последнего всякий, даже самый бесстыдный, преступный, жестокий и бесчеловечный похвалит и выразит ему удивление. Такова добродетель: она получает похвалы даже от тех, которые не следуют ей, тогда как порок отвратителен и ненавистен даже для тех, которые предаются ему. Вот почему людей расточительных не хвалят даже те, которые пользуются от них, блудницы, возницы, плясуны, а, напротив, отзываются о них худо; милосердых же не только бедные, получающие от них, но и все, не пользующиеся их щедростью, превозносят и любят. *Грешник узрит и прогневается, зубы своими поскрежещет и растает* (ст. 10). Такова добродетель: она тягостна и невыносима для порока. Как огонь сожигает терние, так и человеколюбие раздражает людей бесчеловечных и жестоких, потому что оно служит обличением и укоризной их нечестия. Посмотри, как грешник, истаивая от гнева, не осмеливается произносить укоризну и прямо смотреть на светлое лицо добродетели; он истаивает

в душе, выражает досаду зубами, но не смеет произнести ни слова, а только истаивает и терзается.

Таков порок: хотя бы он достиг самого скипетра, хотя бы стоял близ облеченных в диадему, он всего презреннее и боязливее; он подобен буре, смятению и волнующемуся морю, хотя бы облечен был безмерной властью. А добродетель, напротив, хотя бы впала в крайнюю бедность, хотя бы заключена была в темницу, бывает славнее царей, наслаждается великим спокойствием, находится в тихой и безмятежной пристани, не только ничего не терпит от порочных, но и молча может отмщать им и призывать строгий суд на их нечестие. Что может быть несчастнее человека, живущего порочно, который, кроме того, что раболепствует имуществу, еще оскорбляется достоинствами других, славу других считает собственным наказанием, призывает суд сам на себя, терзается своей совестью, мучится в своей душе, становится палачом для самого себя? Видишь ли превосходную силу добродетели? Видишь ли бессилие и жалкое состояние порока? И не в этом только состоит его несчастье, но и во многом другом, на что указывает и пророк, продолжая: *желание* грешников *погибнет.* Что значит: *желание* грешников *погибнет*? Значит: никогда не бывает постоянным. Так как предметы его желаний столь непостоянны и скоропреходящи, то сообразно с тем и самые желания изменяются, прекращаются и не имеют никакого корня. Если же таково состояние грешника здесь, то представь, каково оно будет в веке будущем. Поэтому, чтобы нам не потерпеть того же, будем избегать такого пути, и изберем путь добродетели, и будем постоянно идти по этому пути безопасному, недоступному для врагов, исполненному радости и славы, ведущему нас на небо, доставляющему нам во всем благоволение Божие, делающему нас любомудрыми, заключающему в себе такие блага, которых невозможно

выразить словом, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа; Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 112

Хвалите, отроцы, Господа, хвалите имя Господне (ст. 1)

1. В Писании часто говорится об этой хвале, потому что она немаловажное дело, но составляет некоторую жертву и приношение, угодное Богу. *Жертва хвалы,* говорит псалмопевец, *прославит мя* (Пс. XLIX, 23), и еще: *восхвалю имя Бога моего с песнию, возвеличу его во хвалении. И угодно будет Богу паче телца юна, роии износяща и пазнокти* (Пс. LXVIII, 31, 32). И во многих местах священные книги заповедуют хвалу, и спасаемые приносят ее вместо великой благодарности. Но какую, скажешь, трудность она заключает в себе? Для кого, даже из людей самых обыкновенных, нелегко совершать ее – хвалить Бога? Если рассмотришь внимательно, то увидишь и труд этого дела, и пользу от него. Во-первых, такое песнопение требуется от праведных; человеку нужно наперед исправить свою жизнь, и тогда возносить песнопения Богу, потому что *не красна похвала во устех грешника* (Сир. XV, 9). Во-вторых, должно хвалить не только словами, но и делами, и Бог желает особенно такой хвалы, такой славы: *да просветится,* говорит Он, *свет ваш пред человека, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16). Так славят Его херувимы. Потому и пророк, услышав таинственную песнь, в сокрушении сказал: увы мне, *яко человек сый и нечисты устне имый, посреде людей, нечистыя устне имущих, аз живу* (Ис. VI, 5). Потому и псалмопевец, заповедуя возносить хвалы, начинает с вышних сил и говорит: *хвалите Господа с небес, хвалите его вси ангели его* (Пс. CXLVIII, 12). Сле-

довательно, нужно быть ангелом и тогда хвалить Бога. Не будем же считать эту хвалу делом маловажным, но прежде уст пусть возносит ее жизнь наша, и прежде языка пусть взывает наше поведение. Тогда и молча мы можем хвалить Бога, и взывая будем совершать стройную песнь жизнью. Впрочем, не только этому научает нас псалом, но и тому, чтобы всем быть в согласии и составлять совокупный хор. Здесь говорится не одному или двум, но целому народу. Как Христос, приводя нас к согласию и любви, заповедал совершать общую молитву, и от всей Церкви, как бы от одного лица, говорить: *Отче наш, хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго* (Мф. VI, 9–13), употребляя постоянно множественное число и повелевая каждому, хотя бы он молился один, хотя бы вместе с другими, молиться и за братьев, так и пророк призывает всех вообще к согласию в молитве и говорит: *хвалите имя Господне.* Что значит это прибавление *имени?* Оно особенно выражает расположение говорящего; но указывает и на нечто другое. На что же именно? На то, чтобы имя Его прославлялось через нас, чтобы оно было явно хвалимым и посредством нашей жизни. Оно достохвально по самому существу своему; но Бог хочет, чтобы и в нашем образе жизни сияла эта похвала. А чтобы тебе убедиться в этом, выслушай следующее. *Буди имя Господне,* продолжает пророк, *благословено от ныне и до века* (ст. 2). Что говоришь ты? Разве оно не благословенно, хотя бы ты и не молился? Видишь ли, что он говорит не о том благословении, которое присуще Богу и принадлежит Ему существенно, а о том, которое воздается Ему людьми? Об этом благословении и Павел говорит в словах: *прославите убо Бога в* теле вашем и в душе вашей (1 Кор. VI, 20). Бог высок, велик и славен сам по Себе, но Он становится таким и у людей,

когда служащие Ему являют такую жизнь, что все видящие их благословляют Господа. Христос заповедал нам говорить всегда в молитве: *да святится имя твое,* то есть да прославится через нашу жизнь. Как порочной нашей жизнью оно хулится, так добродетельной прославляется, благословляется, освящается. Смысл слов Его следующий: удостой нас всегда вести жизнь добродетельную, чтобы имя Твое было благословенно и через нас. *От восток солнца и до запад, хвално имя Господне* (ст. 3). Видишь ли, как он предначинает новую жизнь и открывает высокое достоинство (Христовой) Церкви? *Хвално* уже не в Палестине, не в Иудеи, но во всей вселенной. А когда это сбылось, как не тогда, когда стала процветать наша Церковь? В древности оно не только не прославлялось в Палестине, но и хулилось обитавшими в ней иудеями. *Вас ради,* говорит пророк, *имя мое хулится во языцех* (Ис. LII, 5). А ныне оно славится по всей вселенной. Выражая это, и другой пророк говорит: *явится Господь, и потребит вся боги языков, и поклонятся ему кийждо от места своего* (Соф. II, 11), и еще иной: *зане и в вас затворятся двери, и не* зажжется огонь на жертвеннике моем *туне: зане от восток солнца и до запад имя мое прославися во языцех, и на всяком месте фимиам приносится имени моему и жертва чиста* (Мал. I, 10, 11).

2. Видишь ли, как Бог отверг и прекратил иудейское служение и по всей вселенной предвозвестил и распространил жизнь и служение нашей Церкви? Пророк, сказавший это, жил после возвращения из плена вавилонского, и в то время проповедовал, дабы иудеи не говорили, что он возвещает о разрушении и плене вавилонском. Это возвещает ангел (Малахия) тогда, когда плен уже кончился и иудеи возвратились к прежней своей общественной жизни, предсказывая разрушение, бывшее при Веспасиане и Тите, после которых не будет перемены бедственных обстоятельств, так как за ними последова-

ли уже дела нашей Церкви. Поэтому пророк и говорит: *зане велие имя мое во языцех* (Мал. I, 11), то есть благословенно, прославляемо их жизнью, как и здесь говорится: *благословенно имя Господне.*

Высок над всеми языки Господь (ст. 4). Видишь ли опять, что народы принимают служение Ему, и не один, не два или три, но все, живущие во вселенной? Что яснее этого пророчества? Почему же Господь *высок над всеми языки?* Потому ли, что мы величаем Его, не прибавляя, впрочем, Ему высоты? Нет, но потому, что в учении, богослужении, поклонении и во всем прочем не представляем ничего унизительного для Него, как иудеи, а все гораздо лучшее и возвышеннейшее. Такова и самая жизнь Церкви; сколько небо выше земли, столько эта жизнь выше древней. Поэтому он и говорит: *высок над всеми языки Господь.* Величая Бога служением, мы знаем и то, что и это с Его стороны есть снисхождение, потому что, хотя наше служение и выше древнего, однако оно ниже Его достоинства. Павел, показывая различие ведения, существующего ныне и имеющего быть в будущей жизни, говорит: *егда бех младенец, яко младенец мудрствовах, яко младенец смышлях: егда же бых муж, отвергох младенческая* (1 Кор. XIII, 11), и еще: *от части разумеваем и от части пророчествуем: видим ныне, яко зерцалом в гадании тогда же лицем к лицу* (1 Кор. XIII, 9, 12). Этим он выражает, что ведение настоящее настолько отстоит от будущего, насколько младенец от мужа, достигшего совершенного возраста. *Над небесы слава его.* Сказав о хвалении и величании Бога посредством человеческой жизни и научив именно так величать Бога, так хвалить, так превозносить, пророк побуждает нас еще к большей добродетели, показывая, где особенно совершается такая хвала. Где же? На небесах. Там слава Его. Ангелы особенно прославляют Его, прославляют не только по собственной природе, но и через послуша-

ние людей, которым они служат, ревностно содействуя исполнению желаний и заповедей Его. Потому и говорит пророк: *силнии крепостию, творящии слово его* (Пс. CII, 20). И в Евангелии Христос заповедал молиться так: *да будет воля твоя, яко на небеси, и на земли* (Мф. VI, 10), то есть как ангелы святят имя Его, чуждаясь всякого порока и ревнуя о добродетели, – так да сподобимся и мы святить Его. Это выражает пророк и здесь: *над небесы слава его.* Итак, не смотри только на твари, видимые на земле, и на стройность неба, но вознесись умом от чувственного к духовному, к красоте тамошних существ и к светлости тамошней жизни, и тогда ты узнаешь, каким образом *на небесах слава его.*

Кто, яко Господь Бог наш, на высоких живий и на смиренныя призираяй (ст. 5)? Как возвышенны, по-видимому, эти слова! Но если представишь, о Ком они сказаны, то они будут весьма недостаточны. И здесь, как я говорил, не должно останавливаться на словах, но возноситься мыслью. В самом деле, как может обитать на небесах наполняющий небо и землю, вездесущий, сказавший: *Бог приближаяйся аз есмь, а не Бог издалеча* (Иер. XXIII, 23), измеривший *небо пядию,* и землю горстью, *содержай круг земли* (Ис. XL, 12, 22)? Но так как пророк говорил иудеям, то он и употребляет такие выражения, мало-помалу возвышая их душу, окрыляя и постепенно возбуждая их ум. Потому он и не сказал просто: *на высоких живый и на смиренныя призираяй;* но сказал прежде: *кто, яко Господь Бог наш,* а потом присовокупил: *на высоких живый и на смиренныя призираяй;* сказал первое, чтобы показать, для чего он говорит последнее, – именно, по причине немощи иудеев, склонных к идолослужению и поклонявшихся богам, заключенным в определенных местах и храмах. Потому он и делает некоторое сравнение между ними, хотя Бог несравненно превосходит всех, при-

способляя речь свою к немощи слушателей, как я прежде сказал и не перестану часто говорить. Он заботился не о том, как бы сказать что-нибудь достойное славы Божией, но как бы сказанное было понятно для слушателей. Потому он мало-помалу и возвышает их, впрочем, не останавливается на низших понятиях, но открывает опять другие, высшие. Сказав: *на высоких живый и на смиренныя призираяй*, он опять возводит речь к высшему и говорит: *на небеси и на земли* (ст. 6), выражая, что Бог – везде, и там и здесь. Он не издали смотрит на землю, как бы заключенный в небесах, но как вездесущий и всему соприсущий.

3. Видишь ли, как он мало-помалу окрыляет ум слушателей? Таким образом, возвысив слушателя от земли и устремив к небу, расположив его опять размышлять о предметах высших, далее он переходит к другому доказательству силы Божией и говорит: *воздвизаяй от земли нища и от гноища возвышаяй убога* (ст. 7). И ничтожное возвышать – дело силы великой и неизреченной. В других местах говорится, напротив, что Бог смиряет высокое, например: *разделяяй сокрушение на крепость и бедство на твердыню наводяй* (Ам. V, 9). А здесь сказано, что Он может возвышать и малых. Таков общий смысл речи. Если же кто захочет понимать ее в переносном смысле, тот увидит, что это исполнилось на язычниках, увидит это и на нас – людях, живущих по пришествии Христовом. Что беднее нашей природы? Однако Христос возвысил ее, вознес вместе с начатком нашим на небо, и посадил на престоле Отчем. *И от гноища возвышаяй убога: посадити его с князи, с князи людей своих* (ст. 8). *Гноищем* он называет здесь тленность и происходящую оттого частую изменчивость, внушая, что для Бога все легко и удобно. Далее переходит к другому, важнейшему предмету. Какому? К тому, что Бог может не только изменять обсто-

ятельства и недостатки заменять совершенством, но переменять законы самой природы, неплодную делать матерью. *Вселяя,* говорит, *неплодов в дом, матерь о чадех веселящуся.* Это исполнилось над Анной, исполнялось и над многими другими. Видишь ли, как совершенно, как полно это песнопение? Пророк сказал, как совершится исправление вселенной, как прекратится иудейство, как воссияет новая жизнь Церкви, как везде будет приноситься жертва; потом, желая сделать слова свои достоверными и для людей грубых, подтвердил речь свою о будущем тем, что уже было. Смысл слов его следующий: не сомневайся, человек, что будет такая перемена, что Бог введет и отвергнутые народы в величайшую славу. Не видишь ли, как это ежедневно исполняется, как смиренные возвышаются и садятся с князьями? Не видишь ли, как поврежденная природа исправляется, бесплодные делаются матерями? Нечто подобное произошло и с Церковью: она была неплодной, но стала матерью многих детей. Поэтому и говорит Исаия: *возвеселися неплоды нераждающая, возгласи и возопий не чревоболевшая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущия мужа* (Ис. LIV, 1), предвозвещая то, что имело произойти с Церковью. Таким образом здесь пророк и окончил речь, доказав достоверность пророчества и событиями уже совершившимися, и величием Божиим. Все, что угодно Богу, легко совершается. Он может и природу изменить, и смиренных возвысить, и нравы исправить. Итак, зная все это, будем исполнять должное с нашей стороны, и мы удостоимся всякой славы, взойдем на неизреченную высоту, получая помощь от Бога, Которому слава и держава, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 113

Во исходе Исраилеве от Египта, дому Иаковля из людей варвар, бысть Иудеа святыня его, Исраиль область его (ст. 1, 2)

1. Здесь пророк свидетельствует о великом снисхождении и милости Божией. Какой? Той, что Он наперед являет собственную силу, а потом и требует поклонения Себе. Это выражает пророк словами: *во исходе Исраилеве от Египта, бысть Иудеа святыня его.* Тогда, говорит, Он явил силу Свою знамениями в Египте и в пустыне, тогда и усвоил Себе народ израильский. Так поступил Он и с Адамом: наперед сотворил мир и явил могущество Своей премудрости и силы, а потом создал человека и потребовал от него поклонения Себе. Так и Единородный Сын Божий наперед являл многие и различные знамения, а потом требовал веры. Потому и людям, приходившим к Нему вначале, как еще не получившим от Него залога и доказательства Его божественности, Он не говорил: веруете ли, что могу сотворить это? — а только показывал знамения. Когда же он по всей Палестине оставил памятники Своей силы, исцеляя телесные недуги, истребляя зло, проповедуя о царстве, преподавая спасительные законы, тогда и стал требовать веры от приходивших к Нему. Люди стараются наперед приобрести власть, и тогда уже начинают благодетельствовать; а Бог начинает с благодеяний. Но что я говорю о других благодеяниях, когда Он наперед претерпел самый крест и потом победил вселенную, доказав делами Свое о ней попечение? Это и выражает здесь пророк в словах псалма: *во исходе Исраилеве от Египта, дому Иаковля из людей варвар, бысть Иудеа святыня Его. Во исходе,* то есть при удалении, при освобождении из Египта. Не сказал просто: *от Египта,* но присовокупил: *из людей варвар,* названием врагов показывая попечение Божие.

От столь жестоких, бесчеловечных, варварских египтян они не могли бы освободиться, если бы не получили помощи от крепкой руки и непобедимой десницы. Действительно, египтяне были свирепее диких зверей, грубее камней; будучи поражаемы бесчисленными ударами, они не смягчались. Так, назвав египтян народом варварским, пророк выразил превосходство силы Божией, которой Он столь дикий и столь жестокий народ отчасти убедил, отчасти принудил против воли отпустить рабов, а потом потопил противников в море, и таким образом освободил народ Свой.

Что значит: *бысть Иудеа святыня его*? Иначе сказать: сделалась народом служащим Ему, народом преданным Ему, народом усвоенным Ему. Собственно же *святынею* назывались храм, святилище, святое святых, как и Захария говорит о некоторых спрашивающих: *аще вниде зде святыня,* или будем поститься* (Зах. VII, 3), указывая на возвращение кивота и всего прочего. *Бысть Иудеа святыня его.* Прежде она была страной нечистой и презренной; а когда вступил в нее народ израильский, тогда сделалась *святынею его*, то есть святыня введена в нее соблюдением закона, жертвоприношениями, богослужением и другими священными обрядами. *Исраиль область его.* Что значит: *Исраиль область его*? Значит: подвластен Ему. Хотя вся вселенная находится под властью Его, но эти люди подвластны и по особенной близости к Нему. Им он сообщал пророчества, беседовал с ними и преимущественно устраивал дела их. Еще и в другом отношении эти люди были Его народом, именно в том, что по Его мановению они часто и выходили на войну и предпринимали многое другое. Освободив их из рук варваров, от насилия, рабства, крайней опасности и несчастья, Он сделался царем их. Потому и в другом

---

* Этих слов нет ни в данном месте, ни в еврейском.

месте, оправдывая Себя и показывая, что Он наперед Сам от Себя давал им, а потом требовал Себе воздаяния от них, Он сказал: *еда пустыня бых* дому Исраилеву, *или земля неплодна* (Иер. II, 31)? Смысл этих слов следующий: был ли Я бесплодным для вас? Не сообщал ли Я вам бесчисленные блага? Не изменял ли самую природу? Не заставлял ли стихии служить вам? Не даровал ли вам жизнь, свободную от трудов человеческих? Поэтому Он и говорит: *еда пустыня бых* дому Исраилеву? То есть не сообщил ли Я вам бесчисленные блага: освобождение из Египта, избавление от варваров, явление чудес, жизнь в пустыне, наследие Палестины, покорение язычников, постоянные трофеи, непрерывные победы, чудные знамения, непрерывные чудеса, плодородие земли, умножение вашего рода, славу по всей вселенной, и многие другие? Видишь ли благодеяния Божии? Поэтому Он и присовокупляет: *или земля неплодна.* То есть не пользовались ли вы от Меня бесчисленными плодами? Не благословлял ли Я вход ваш и исход ваш, стада ваши и паствы ваши, хлеб ваш и воду вашу? Не оградил ли Я вас безопасностью? Не сделал ли вас неприступными, страшными и непобедимыми? Не текло ли к вам все, как из источников, с земли и с неба? Владыка тем особенно и являет Себя, что промышляет о подданных, печется и заботится о них.

2. Потому и Христос не сказал: *пастырь добрый* принимает честь и служение, но *душу свою полагает за овцы* (Ин. X, 11). В том и заключается власть, в том и состоит мудрость пастырская, чтобы презирать свои выгоды и заботиться о благе подчиненных. Начальник — то же, что врач, или даже больше врача. Врач доставляет исцеление своим искусством, а начальник, кроме того, и собственными опасностями. Так поступал и Христос, претерпевший заушения, распятие и бесчисленные страдания. Поэтому Павел и сказал: *ибо и Христос не себе*

угоди, но якоже есть писано: поношения поносящих тебе нападоша на мя (Рим. XV, 3). Итак, пророк исчисляет здесь два или три и более благодеяний, говорит, что Бог избавил иудеев от варваров, освободил от иноплеменников, вывел из рабства, прекратил их труды и бедствия, совершил бесчисленные чудеса, а потом удостоил их сделать Своей *святынею* и подданными, потому что и это не малый род благодеяния, что Он избрал их в Свои подданные. *Море виде и побеже, Иордан возвратися вспять* (ст. 3). Смотри, как он усиливает речь и указывает на большие благодеяния. Для чего, говорит, упоминать о варварах и язычниках, когда и самая природа покорялась, отступала и возвращалась назад, видя Предводителя и давая путь Вождю народа? Действительно, все тогда покорялось и уступало народу еврейскому, дабы он знал, что все происходившее с ним было не следствием усилий человеческих, но чудесным действием божественной, неизреченной силы. И заметь выразительность речи, как прекрасно пророк составил ее. Он не сказал: отступало, или удалялось, но что? *Море виде и побеже.* Выражением *побеже* он хочет показать быстроту отступления, силу страха, легкость действия Божия.

А дабы кто не подумал, что это явление было периодическое или случайное, оно с того времени более не происходило, но было только однажды, когда повелел Бог, и притом действовало различно на различные лица. Беспорядочное течение вод, как бы разумное и одушевленное, по повелению Божию, одних спасло, а других погубило, для одних сделалось гробом, а для других колесницей. То же можно видеть и в печи вавилонской. Огонь, действовавший простым и обыкновенным образом, обнаружил великую разборчивость, когда Бог повелел, — одних, находившихся внутри его, он спас, а других, находившихся вне, объял и умертвил. *Иордан возвратися вспять.* Видишь ли, как чудеса совер-

шались в различные времена и в различных местах? Дабы иудеи знали, что сила Божия распростерта везде и не ограничивается местом, Бог являлся совершающим чудеса везде, и в пустыне, и в стране варваров, и в море, и в реках, и при Моисее, и при Иисусе; и везде сопровождали их знамения, чтобы, смягчив чудесами свою бесчувственную душу и грубый ум, они сделались покорными и способными к принятию богопознания. *Горы взыграшася яко овни, и холми яко агнцы овчии* (ст. 4). Здесь представляется нам не маловажный вопрос. Некоторые в недоумении говорят: о вышесказанном мы знаем, что оно было; история передала нам, что и Чермное море разделилось при исходе израильтян, и Иордан обратился назад, когда проходил кивот; а о том, чтобы горы и холмы скакали, мы не видим нигде письменного свидетельства. Что же сказать на это? То, что пророк, желая сильнее выразить радость и величие чудес, представляет и самые неодушевленные твари играющими и скачущими, как бывает с веселящимися. Поэтому он и употребляет подобие: *яко овни, и яко агнцы овчии*; эти бессловесные, когда радуются, скачками выражают свою радость. Как другой пророк, изображая бедствия, говорит, что и виноград рыдал и вино плакало (см.: Ис. XXIV, 7), не в том смысле, будто виноград действительно рыдал, — разве может рыдать виноград? — но, желая выразить чрезмерность скорби, усиленным образом представляет и неодушевленные твари как бы участвующими в скорби; так и здесь пророк представляет тварь участвующей в радости, чтобы показать величие этой радости. Так и мы, встречая какого-нибудь почтенного мужа и желая выразить происходящую от того радость, обыкновенно говорим: ты наполнил дом радостью, разумея не стены дома, но выражая чрезмерность радости. *Что ти есть, море, яко побегло еси, и* ты, *Иордане, яко возвратился еси вспять; горы, яко взыгра-*

стеся, яко овни, и холмы, яко агнцы, овчии (ст. 5)? Продолжает речь в виде вопроса и обращается к стихиям опять в том же смысле, в каком изобразил их скачущими. Как там он говорил о них, не усваивая им чувства, но желая показать чрезмерность радости и величие совершившихся дел, так и здесь предлагает им вопрос не потому, чтобы они имели чувство и могли отвечать, но чтобы яснее выразить предмет и показать его чудесность.

3. Так как произошло нечто новое и необыкновенное, то он и делает такой вопрос, и сам предлагает ответ. Какой? *От лица Господня подвижеся земля, от лица Бога Иаковля* (ст. 7). Здесь опять названием *движения* выражает удивление, изумление, восторг, чтобы показать величие событий.

Желая при этом показать, как велика добродетель этого мужа (Иакова), имя раба соединяет с именем Господа. Так и Павел вменяет это в великую честь святым, и приписывает тому, что они отрешились от всего житейского. Он не только упоминает об этой чести, но излагает и причину ее, чтобы показать слушателю тот путь, которым он может достигнуть такого преимущества. Какого? Того, чтобы Бог назывался именем рабов. Потому и сказал: по этой причине не *стыдится Бог, Бог нарицатися их* (Евр. XI, 16). Как же Бог назывался их именем? Он говорил: *Аз есмь Бог Авраамов и Бог Исааков и Бог Иаковль* (Ис. III, 6). Излагая наперед причину такого названия, апостол говорит: *и сии вси умроша не приемше обетований, но издалеча видевше я, и целовавше, и исповедавше, яко страннии и пришелцы суть*. Вот причина, — потому и продолжает: по этой причине *не стыдится сими Бог, Бог нарицатися их* (Евр. XI, 13–16). Какая же, скажи мне, причина этого? Та, что они исповедали себя странниками и пришельцами, не имели никакой привязанности к настоящему, но, отрешившись от всего житейского, жили таким образом в земле чужой. *Обраща-*

го камень во езера водная, и несекомый во источники водныя (ст. 8). Могут ли, скажи мне, получить прощение люди жестокие и упорные, когда камень, несекомый, твердый и грубый, повинуется велению Божию, а человек, украшенный разумом, самое нежное создание, становится бесчувственнее камня? *Несекомым* пророк называет здесь камень, как не легко уступающий железу и только с поверхности едва раздробляемый ударом. Но и он изменил, говорит, свои естественные свойства и произвел источники вод. Творец природы может изменять самые законы ее и являть противоположные им действия, как и поступал Он часто во многих случаях, показывая, что Он же создал все из ничего. Таким образом, сказав о древних благодеяниях, чудесах, знамениях, – как Бог избавил иудеев от рабства иноплеменникам, как вывел на свободу, как изменял стихии и все исполнял радостью, пророк обращается теперь к настоящему, прибегая к той пристани. И как прежнее совершалось не за заслуги людей, получавших благодеяния, а по человеколюбию Божию и *ради имени его*, чтобы, как говорил Он, *не осквернилось имя мое* (Иез. XX, 9), но чтобы все видели из дел силу и могущество Его и посредством их поучались, – так и теперь пророк представляет то же основание и говорит: если мы неисправны по жизни и безответны по делам, то сделай это *ради имени твоего*, что говорил некогда и Моисей. Согласно с ним и псалмопевец говорит: *не нам, Господи, не нам, но имени твоему даждь славу* (ст. 9). Не для нас, говорит, не для того, чтобы нас сделать более славными и знаменитыми, но чтобы стала известной сила Твоя. А имя Его как тогда прославляется, когда Он защищает и помогает, так прославляется и тогда, когда мы живем добродетельно и блистаем своим поведением. *Да просветится*, сказал Господь, *свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16).

И как добродетельной жизнью нашей оно прославляется, так, напротив, порочной жизнью хулится. Указывая на это, Он сказал через пророка: *вас ради имя мое хулится во языцех* (Пс. LII, 5). Таким образом, не имея возможности ничем оправдать их, псалмопевец прибегает к этому, как делал и Моисей.

Впрочем, Бог, пекущийся о спасении людей, не всегда так поступает. Если бы Он всегда так поступал, то многие из людей беспечных сделались бы еще худшими, имея величайшую надежду на безопасность от бедствий в том, что Бог будет постоянно спасать их для Своей славы. Но этого не бывает, потому что Бог заботится не столько о своей славе, сколько о спасении людей. Если люди иногда презирают славу, то тем более Бог, Который ни в чем от нас не нуждается. Но пророк, принимая на себя ходатайство за них, как я сказал, представляет в защиту их то, что было возможно, и два раза повторяет выражение: *не нам, Господи, не нам,* показывая великое недостоинство спасаемых, *но имени твоему даждь славу.* Мы достойны бесчисленных бедствий, но *да не осквернится имя твое! О милости твоей и истине твоей.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *по милости твоей.* Видишь, как ясно и сам пророк знал, что Бог часто, забывая о собственной славе, заботится только об исправлении грешников. Поэтому он и присовокупляет: *о милости твоей и истине твоей,* то есть по милости Своей окажи нам помощь; если Ты не желаешь Себе славы от людей, то — *по милости твоей и истине твоей.* Бог может, да — может, не только милуя, но и наказывая, достигнуть славы; но не так, говорит, поступи с нами, а *по милости твоей.* Нам следовало бы воздать славу имени Твоему своей жизнью и поведением; но так как мы этого не сделали, то поступи с нами по Своему снисхождению, по милости и человеколюбию. *Да не когда рекут языцы: где есть Бог их* (ст. 11)?

4. Слышу, как и ныне многие, когда молятся, повторяют эти слова; но боюсь, чтобы когда-нибудь не пришлось им в другом смысле говорить: *где есть Бог их* — когда многие станут похищать, обижать и делать бесчисленные неприятности.

Бог же наш на небеси и на земли вся елика восхоте сотвори (ст. 11). Здесь пророк говорит против заблуждения неразумных. Так как многие из них не знают, что есть Бог, то для истребления такого заблуждения он говорит: *Бог же наш на небеси вся елика восхоте сотвори*. Если на небе, то тем более на земле. Что же значит: *на небеси вся елика восхоте сотвори*? Здесь он разумеет или горние силы, бесчисленные сонмы их, или повеления Божии, которые легко исполняются. Если же на земле существует великое смятение и беспорядок, то не удивляйся. Это происходит от злобы людей, от порочности виновников этого, а не от бессилия Божия. О силе и могуществе Божием свидетельствует все, совершающееся на небе. Если же на земле не так, виновны в этом люди, сделавшие самих себя недостойными. Можно и иначе понимать это выражение, именно так, что Бог по долготерпению Своему за многое еще не наказывает по достоинству. Потому и нечестивые торжествуют над праведными, что человеколюбивый Бог не хочет тотчас же наказывать за каждое преступление; иначе род наш давно был бы истреблен. Пророк говорит здесь, что Бог силен, могущественен и в состоянии наказать, — это видно из дел Его на небе, — но Он не делает этого, соблюдая во всем долготерпение и располагая живущих порочно к покаянию. *Идоли язык сребро и злато, дела рук человеческих. Уста имут, и не возглаголют: очи имут, и не узрят: уши, имут, и не услышат: ноздри имут, и не обоняют: руце имут, и не осяжут: нозе имут, и не пойдут: не возгласят гортанем своим. Подобни им да будут творящии я* (ст. 12–16). В сто

пятом псалме, описывая безумие идолопоклонников, пророк сказал: *сыны своя и дщери своя пожроша бесовом* (ст. 37); в настоящем же он показывает бесчувственность их, по которой они прилепляются к бездушному веществу, и перечисляя все члены идолов, пространно посмевается им. Потом присовокупляет: *подобни им да будут творящии я, и вси надеющиися на ня.* Хотя уподобление Богу есть добродетель, но здесь оно послужило к проклятию. Представь же, каковы должны быть языческие боги, когда уподобление им подвергает решительному проклятию. Хорошо пророк составил речь свою, выставляя на вид крайнее их безумие и представляя их смешными.

В самом деле, не смешно ли, скажи мне, привязываться к истукану, представляющему крайнее бесстыдство? Кто захотел бы видеть нагую женщину? А бес сидит в нагом изображении. Истуканы изображают то блуд, то безумную страсть к мужчинам. Что означает на них орел? Что – Ганимед? Что – преследующий деву Аполлон? Что – другие отвратительные изображения? Везде сладострастие, везде разврат, везде изображения незаконных кровосмешений и неистовых страстей. И истуканы, и празднества, и торжественные собрания, и обряды их суть выражения, памятники и училища бесстыдства, и не только бесстыдства, но и убийств человеческих. Потому тем же они и воздают честь бесам. У них нет ничего, кроме разврата, невоздержного пьянства, жестокости, бесчеловечия, убийств, и, как может видеть всякий, все праздники их состоят в этом. Таким образом выставив на посмеяние бесчувственность идолов и безумие надеющихся на них, пророк обращается к прославлению Бога и говорит: *дом Исраилев упова на Господа: помощник и защититель им есть. Дом Ааронь упова на Господа: помощник и защититель им есть. Боящиися Господа уповаша на Господа: помощник и*

защититель им есть (ст. 17—19). Этими словами он изображает силу Божию и несравненное превосходство Его перед всеми. Описывая дела, совершенные между иудеями, он показал двоякое или троякое благодеяние Божие: во-первых, то, что Он избавил их от бесов; во-вторых, то, что сообщил им познание о Самом Себе; в-третьих, то, что даровал им помощь Свою.

Теперь он говорит раздельно, об Израиле, о священническом роде и о приходящих к Нему из язычников, потому что священник и мирянин не равны между собой, но первый имеет некоторое преимущество; поэтому он справедливо и делает разделение. Действительно, священникам предоставлена была большая честь.

5. Потом, желая показать, что промышление Божие не ограничивалось одними иудеями, он упоминает и о прозелитах, обращавшихся из язычников, выражая, что Бог простирал помощь и благословение Свое на всех. *Господь помянув ны благословил есть нас, благословил есть дом Исраилев, благословил есть дом Ааронь, благословил есть боящиася Господа* (ст. 20, 21). Что значит: *благословил?* То есть даровал бесчисленные блага. И человек благословляет Бога, как, например, говорится: *благослови душе моя Господа* (Пс. CII, 1); но благословляя Бога, он сам приобретает пользу, получая себе просвещение, а не доставляя что-нибудь Ему; а Бог благословляя доставляет нам просвещение, Сам же от нас ничего не получает. Бог есть существо, ни в чем не имеющее нужды. Следовательно, и в том и в другом случае мы получаем пользу. Как же он благословил иудеев? Он дал им хлеб с неба, произвел воду из камня, охранял входы и исходы их, умножал стада их, назвал их народом избранным, царским священством, дал закон, посылал пророков. Возвещая то же и в другом месте,

пророк говорит: *не сотвори тако всякому языку, и судбы своя не яви им* (Пс. CXLVII, 9). И другой пророк говорит: *кий язык тако* мудр, *емуже есть приближаяйся Господь Бог* (Втор. IV, 7)? *Малыя с великими.* Ни одно поколение, говорит, не было лишено благословения, но на всех распространялось оно. *Да приложит Господь на вы, на вы, и на сыны, ваша* (ст. 22). Видишь ли другой вид благословения – умножение рода? Поэтому другой пророк, представляя противоположное следствие в виде наказания, говорит: *и умалихомся и есмы малейшие паче всех,* обитающих на земле (Дан. III, 37). Это благословение они получали в Египте, хотя было бесчисленное множество препятствий, труды, притеснения, жестокость приставников; но слова Божия ничто не остановило, и благословение Его действовало так, что в двести лет они умножились до шестисот тысяч. Тогда в этом заключалось благословение, а теперь, в Новом Завете, – в другом, гораздо лучшем. Потому Павел говорит: *благословен Бог, благословивый нас всяцем благословением духовным в небесных о Христе;* и еще: *могущему же паче вся творити по преизбыточествию, ихже просим, или разумеем, Тому слава в церкви* (Еф. I, 3; III, 20). Потому и пророки в древности, желая оказать благодеяние, подавали это благословение. Так, Елисей вознаградил жену, принявшую его, дарованием сына. В Новом же Завете благословением служит не это, а гораздо лучшее. Так, порфиропродавщица не этого просила у апостолов, а чего? *Аще не усмотристе мя* недостойной *Господеви, вшедше пребудите* у меня (Деян. XVI, 15).

Видишь ли, какое различие между Ветхим и Новым Заветом, – чего желали тогда и чего теперь? Также Христос говорит: *радуйтеся, яко имена ваша написана суть на небесех* (Лк. X, 20). И Павел: *Бог же да исполнит вас всякия радости и* надежды *в вере, избыточествовати (вам) во уповании, силою Духа Святаго* (Рим. XV, 13).

Видишь ли силу благословения, подающего неизреченные блага и не заключающего в себе ничего земного? И еще Павел говорит: *Бог да сокрушит сатану под ноги ваша вскоре* (Рим. XVI, 20). А в Ветхом Завете, когда люди были более склонны к чувственности, предметы благословения были чувственные, и многочадие считалось величайшим благом. Так как от греха произошла смерть, то Бог, желая утешить род человеческий и показать, что Он не истребит его и не предаст совершенной погибели, но еще сделает людей многочисленнее прежнего, сказал: *раститеся и множитеся* (Быт. IX, 1). Когда же сделалось известным, что смерть есть сон, тогда открылось достоинство девства. Поэтому Павел и говорил: *хощу, да вси человецы будут* в воздержании, *якоже и аз;* и еще: *добро человеку, жене не прикасатися* (1 Кор. VII, 1). И Христос: *суть скопцы, иже исказиша сами себе, царствия ради небеснаго* (Мф. XIX, 12). Впрочем, и в древности Бог внушал прикровенно, что нужна добродетель, а не многочадие. Так, послушай, например, что говорит Премудрый: *не желай чад множества неключимых, аще несть страха* Божия *с ними: и не належи на множество их; лучше бо един (праведник), нежели тысяща (грешник), и умрети дезчадному, нежели имети чада нечестива;* и лучше один, творящий волю Господа, нежели тьмы беззаконников (см.: Сир. XVI, 1–4). Но неразумные иудеи, всегда склонные к чувственности и нерадящие о добродетели, говорили: *что ино, кроме семене, ищет Бог* (Мал. II, 15)? Поэтому Он, желая показать, что Он не этого требует, многократно предавал их погибели, когда оскудевала между ними добродетель. *Благословени вы Господеви* (ст. 23). Хорошо прибавил он: *Господеви.* Это особенно и есть благословение. Получается благословение и от людей, но оно касается вещей человеческих; а это — величайшее благословение. Люди благословляют, то есть хвалят и прославля-

ют, обладающих богатством, властью и почестями; но такое благословение – временное и, когда оно продолжается, не приносит никакой пользы; а благословение Божие – вечно и приносит величайшую пользу. Сотворившему *небо и землю.*

6. Видишь ли, какова сила этого благословения? Слова Его становятся делами. Слово Его создало небеса. *Словом,* говорит пророк, *Господним небеса утвердишася* (Пс. XXXII, 6). Этим же словом, столь могущественным, Он благословляет и тебя.

Небо небесе Господеви, землю же даде сыновом человеческим (ст. 24). Что говоришь ты? Неужели Бог избрал небо в жилище Себе, и заняв места горние, назначил нам здешние? Нет, не так; но это – слова, приспособительные к понятиям людей. Если бы это было так, то могли ли бы стоять другие слова, сказанные Богом: *еда небо и землю не аз наполняю, глаголет Господь* (Иер. XXIII, 24)? Последние противоречили бы первым, если бы мы стали принимать то буквально, а не обратили внимания на заключающийся в них смысл. Что же значит: *небо небесе Господеви, землю же даде сыновом человеческим?* Он выражается приспособительно, не заключая Бога в небесах. *И* слова: *небо престол* Его, *и земля подножие* (*ног* Его) (Ис. LXVI, 1), равно как и слова: *еда небо и землю не аз наполняю,* также не вполне соответствуют достоинству Божию, а сказаны приспособительно к нам. Бог все объемлет, все носит, не нуждаясь в каком-нибудь месте, но Сам содержа все; небо же называется домом Его потому, что оно есть место, не оскверненное пороком. Здесь, следовательно, не говорится, что небо есть избранное место Его, точно так же, как и в следующих словах: *постави пределы языков по числу ангел Божиих* (Втор. XXXII, 8), или: *избра себе дом Иаков* (Пс. CXXXIV, 4). Здесь не говорится, будто иудеи принадлежат Ему, а прочие люди не принадлежат и лише-

ны действий Его промышления и творчества, — Он есть Бог общий всем, а выражение такое употреблено для того, чтобы показать любовь Его к ним, как бывшим, по-видимому, лучше других. А что не их одних Он избрал, но о всех промышлял, это показывают события, бывшие и прежде Моисея, и при нем, и после него в разных случаях. Так, Он дал солнце, землю, море и все прочее всем вообще и закон естественный внедрил во всех. Авраама персиянина Он возлюбил и переселил; но через него вразумлял и египтян, и жителей Ханаанской земли, и персов; также через сына и внука его исправлял многих из их соседей, сколько зависело от Него. Потом, когда родился Моисей, событиями, происходившими с иудеями, Он руководил к богопознанию египтян, жителей Палестины и затем вавилонян. Таким образом, когда пророк говорит: *небо небесе Господеви*, то выражает, что Господь пребывает в тамошних обителях, как свободных от всякого зла. Так и ты, если не будешь привязываться к земле, но сделаешься ангелом, то скоро войдешь на небо и в отеческий дом, и даже еще прежде воскресения переселишься отсюда и будешь обладать таким достоинством. Как многие из людей, избранных в члены великого сената, и живя в деревне носят это звание, так и ты, если захочешь быть гражданином неба, то и живя здесь можешь иметь это достоинство.

Не мертвии восхвалят тя, Господи, ниже вси нисходящии во ад: но ми живии благословим Господа от ныне и до века (ст. 25, 26). Мертвыми он называет здесь не скончавшихся, но умерших в нечестии, или истлевающих во грехах. Авраам, Исаак и Иаков и после кончины так живы, что и живущие приводят их на память. Так, Моисей, молясь об управляемом им народе, их именем умоляет Бога, упоминая о них в молитве. Также три отрока их именем молятся о спасении и говорят: *не остави милости твоея от нас, Авраама ради возлюбленнаго*

от тебе, и за Исаака раба твоего, и Исраиля святаго твоего (Дан. III, 35). Если же они имели такую силу, то как они – мертвы? И Христос сказал: *остави мертвых погребсти своя мертвецы* (Мф. VIII, 22). Потому и Павел называет скончавшихся не мертвыми, но упокоившимися: *не хощу же вас,* говорит, *братие не ведети о усопших* (1 Сол. IV, 13), Праведник, и скончавшись, не умер, но спит. Кого ожидает лучшая жизнь, тот и по смерти спит; а кого ожидает бесконечная смерть, тот и при жизни умер, и при жизни мертвец. Эти последние нисходят во ад, а первые взойдут на небо и будут со Христом. Потому-то и пророк не сказал просто: *живии*, но: *мы живии*, указывая на себя самого. Почему он не сказал: *живии*, но прибавил: *мы*? Так и Павел сказал: *мы живущии оставшии не имамы предварити (умерших) в пришествие Господне* (1 Сол. IV, 15). Как здесь прибавление: *мы* не дозволяет относить сказанного ко всем, а только к верным и по образу жизни подобным Павлу, – так и там прибавление: *мы живии* указывает на подобных Давиду, живущих добродетельно. *От ныне и до века.* Видишь ли, как и это прибавление означает то же? Что то же? То, что пророк говорит о живущих добродетельно. Подлинно, никто из живущих в этой жизни не живет вечно, кроме только тех, которые живут всегда славной жизнью. И грешники живут, но живут в наказании, мучении и скрежете зубов; а те – во свете и славе, занимаясь вместе с бесплотными силами вознощением таинственных песнопений Богу. Итак, чтобы и нам наслаждаться этой радостью, будем вести такую жизнь, чтобы достигнуть того состояния, которого не может представить ни слово, ни ум и ничто другое, но которого блаженство можно познать только самым опытом; да сподобимся его все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 114

Возлюбих, яко услышит Господь глас моления моего (ст. 1)

1. Кто, скажешь, не любит, чтобы его слушали? Многие из людей мирских. Они не хотят быть услышанными в том, что для них полезно, но просят бесполезного для них, а потом, когда их прошение исполняется, скорбят и ропщут. Полезно то, что признает и находит полезным для нас Бог, — назовешь ли голод, или болезнь, или что-нибудь другое подобное. То, что Бог признает полезным и подает нам, действительно полезно. Так, послушай, что сказал Он Павлу: *довлеет ти благодать моя: сила бо моя в немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Для него были полезны гонения, скорби, притеснения. Услышав, что это полезно для него, апостол и сказал: *темже благоволю в немощех, в досаждениих, во изгнаниих* (ст. 10). Итак, не всякий может радоваться, когда внемлет ему Бог, подающий полезное. Многие желают бесполезного и утешаются этим: а пророк не так, но что? Он любил, что Бог слушал его, подавая ему полезное. *Яко приклони ухо свое мне* (ст. 2). Опять человеческими выражениями он означает мановение Божие. Выражает этими словами и нечто другое, именно говорит: я недостоин того, чтобы быть услышанным, но Он сам снизошел ко мне. *И во дни моя призову*. Что значит: *во дни моя?* Будучи услышан, говорит, я не отступлю, не сделаюсь беспечным, но во все дни мои буду исполнять это дело.

Объяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя, скорбь и болезнь обретох, и имя Господне призвах (ст. 3). Видишь ли оружие сильное? Видишь ли утешение, разрушающее всякую скорбь? Видишь ли душу, пламенеющую любовью к Господу? Смысл слов его следующий: для избавления от окружающих меня зол для меня достаточно призвать Бога. Почему же мы часто призываем

и не избавляемся от бедствий? Потому, что не призываем так, как должно призывать. А что Бог всегда готов подавать, об этом послушай, как Он Сам говорит в Евангелии: *кто есть от вас, егоже аще воспросит сын его хлеба, еда камень подаст ему, или аще рыбы просит, еда змию подаст ему? Аще убо вы, лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашым, кольми паче Отец ваш небесный дает блага просящим у него* (Мф. VII, 9—11). Видишь ли, какова Его благость, когда наша в сравнении с ней оказывается лукавством? Если же таков наш Господь, то будем всегда прибегать к Нему и Его одного призывать в помощники, и найдем Его готовым спасать нас. Если потерпевшие кораблекрушение и несущиеся на досках, призывая людей, находящихся вдали, немедленно располагают их к человеколюбию, хотя не имеют с ними ничего общего, но стали известны им только по случившемуся несчастью, то тем более Бог, человеколюбивый и по существу своему благий, избавит находящихся в несчастье, если только они захотят прибегнуть к Нему и искренно призвать Его, оставив надежды человеческие. Поэтому, когда ты подвергнешься какому-нибудь неожиданному бедствию, не падай духом, но тотчас восстань и прибегни к безмятежной пристани, несокрушимой защите, к помощи Божией. Он для того попустил тебе подвергнуться бедствию, чтобы ты призвал Его. Но многие тогда особенно и падают, и теряют бывшее у них благочестие, между тем как следовало бы поступать напротив. Он весьма любит нас; потому и попускает нам подвергаться скорбям, чтобы мы искреннее прилеплялись к Нему. Как матери, устрашая непослушных детей различными страшилищами, заставляют их прибегать к своим недрам и делают это не с тем, чтобы огорчать их, но чтобы привязать их к себе, так и Бог, всегда желая привязать нас к Себе, как сильно любящий, или больше всякого любящего, попускает тебе впадать в

такие нужды, чтобы ты постоянно упражнялся в молитве, постоянно призывал Его и, оставив все прочее, помышлял о Нем. *О, Господи, избави душу мою* (ст. 4). Другой переводчик (Симмах) говорит: *молю, Господи, изведи душу мою.* Третий (Акила): *о, Господи, спаси душу мою.*

Видишь ли любомудрую душу? Видишь ли, как он, оставив все житейское, просит только одного, чтобы душа его осталась невредимой, не потерпела ничего пагубного для нее? Действительно, когда душа в хорошем состоянии, то все прочее придет само собой; а когда она не в хорошем состоянии, то всякое другое благоденствие не принесет нам никакой пользы. Потому нам должно и делать и говорить так, чтобы она спаслась. На это указывает и Христос, когда говорит: *будите мудри, яко змия* (Мф. X, 16). Как змий выставляет все свое тело, чтобы только спасти голову, так и тебе нужно оставить все прочее для спасения души. Ни бедность, ни болезнь, ни самое главное из всех бедствий – смерть не могут повредить подвергшемуся им, когда спасена душа; равно как и от самой жизни не получишь ничего доброго, когда душа растлилась и погибла. Вот почему пророк, оставив все прочее, говорит только о душе и просит, чтобы она была подвергнута не строгому суду и избавлена от невыносимых наказаний. *Милостив Господь и праведен, и Бог наш милует.* Видишь ли, как он научает слушателя не отчаиваться и не предаваться беспечности? Он как бы так говорит: не отчаивайся, потому что Господь милостив; но не будь и беспечен, потому что Он праведен. Таким образом он и предостерегает от беспечности, и истребляет отчаяние, с той и другой стороны устраивая наше спасение.

2. Далее, указывая на готовность Божию к помилованию, пророк прибавляет: *и Бог наш милует.* Хорошо сказал он: *Бог наш*, в противоположность богам, о которых он упомянул прежде. Тем свойственно заколать, убивать, непримиримо враждовать, а Ему – миловать,

прощать и всегда избавлять от опасностей: это особенно, между прочим, и доказывает, что те – бесы и губители, а Он – промыслитель, защитник и Бог истинный.

Храняй младенцы Господь: смирихся, и спасе мя (ст. 5). Здесь пророк указывает на высочайший вид Его промышления. Сказав: *милостив Господь, и праведен, и милует,* он показывает действие величайшего Его человеколюбия. Какое? В отношении к младенцам. Мы имеем разум, научающий нас остерегаться одного и избирать другое, предотвращать угрожающие бедствия и облегчать постигшие нас, – мы уже приобрели силы, знаем способы; а дети лишены всего этого и беззащитны; но над ними всегда бодрствует промысл Божий, и если бы они не были постоянно под Его покровительством, то все погибли бы. Младенца и змий умертвил бы еще в пеленках, и домашняя птица, и многие из пресмыкающихся, живущих в домах. Ни кормилица, ни мать, и никто другой не мог бы иметь совершенно достаточного за ними присмотра, если бы они оставались без высшего промысла. Впрочем, некоторые думают, что здесь говорится о зародышах, еще не вышедших из чрева матери. *Смирихся, и спасе мя.* Не сказал: Он не допустил подвергнуться опасностям, но: спас после того, как они постигли. Сказавши о промысле Божием вообще, пророк говорит о нем и в отношении к собственному лицу, как обыкновенно он доказывает и общими примерами, и частными. Итак, не ищи и ты жизни, совершенно безопасной; она не полезна для тебя. Если она была не полезна для пророков, то тем более – для тебя. А что она действительно была не полезна, о том послушай, как он говорит: *благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием твоим* (Пс. CXVIII, 71). Здесь высказывается двоякая благодарность: за то, что Бог попустил подвергнуться опасности, и за то, что не оставил подвергшегося опасности. То и другое есть вид благодеяния, и первый не меньше второго, но, если сказать нечто уди-

вительное, даже больше, потому что последнее избавляет от опасности, а первое делает душу более любомудрой. *Обратися душе моя в покой твой, яко Господь благодействова тя: яко изъят душу мою от смерти, очи мои от слез, и нозе мои от поползновения. Благоугожду пред Господем во стране живых* (ст. 6–8). В историческом смысле эти слова означают некоторое дивное избавление, успокоение и освобождение; а если принимать их в переносном смысле, то избавление здесь может означать отшествие из здешней жизни и указывать на это успокоение. Действительно, смерть есть освобождение от всех неожиданных бедствий, и скончавшийся с доброй надеждой уже не подлежит неизвестности, но находится в безопасности. Хотя смерть произошла от греха, но Бог обратил ее к нашему благу. Потому же Он не ограничился только ею, но и самую жизнь сделал трудной, дабы ты знал, что Он не допустил бы и первой, если бы Своей премудростью не мог обратить ее в величайшую нам пользу. Сказав: *в оньже аще день* вкусишь, *смертию* умрешь (Быт. II, 17), Он не ограничился этим наказанием, которое заключалось в словах: *земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. III, 19), но объявляет и другое: *в поте лица твоего снеси хлеб твой, терния и волчцы возрастит тебе, в печалех снеси тую;* и жене говорит: *умножая умножу печали твоя и* воздыхание твое: *в болезнех родиши чада* (ст. 16–18). Первого недостаточно было для того, чтобы вразумить их. А таким образом, мы видим, многие исправляются. Смерть, постигая людей, делает их бесчувственными; а эти бедствия делают живых лучшими. Если же смерть представляется страшной, то причиной этого слабость людей. А что действительно страх происходит от слабости, послушай Павла, который просил себе смерти и радовался ей: *разрешитися и со Христом быти*, говорил он, *много паче лучше;* и еще: *радуюся и сорадуюся всем вам, также и вы радуйтеся и сорадуйтеся мне* (Флп. I, 17–23); а противным тому тяготился: *не*

точию же, говорил он, *но и сами в себе воздыхаем, всыновления чающе, избавления телу нашему* (Рим. VIII, 23); и еще: *сущии в теле сем, воздыхаем отягчаеми* (2 Кор. V, 4).

3. Видишь ли, какое благо – любомудрие? Что другим кажется достойным слез, то ему вожделенно; а что другим кажется достойным радости и веселья, о том он воздыхает. Действительно, не достойно ли воздыханий – быть в стране чужой, вдали от своего отечества? И не достойно ли радости – скоро возвратиться в тихую пристань, достигнуть горнего жилища, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания? Но, скажешь, возможно ли это для меня, грешника? Вот, видишь ли, что не смерть причиняет скорбь, а нечистая совесть? Поэтому перестань грешить, и смерть будет для тебя вожделенной. *Очи мои от слез.* Справедливо сказано это; там нет ни печали, ни уныния, ни плача. *И нозе мои от поползновения.* Это важнее первого. Что? То, что мы избавляемся не только от скорби, но и от козней и обольщения. Скончавшийся с добрыми делами стоит на камне, достиг пристани, избег всех препятствий, свободен от всякого страха и смятения, – пребывает в постоянном спокойствии отшедший отсюда таким образом. *Благоугожду пред Господем во стране живых.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *при Господе.* Третий (неизвестный переводчик): *буду ходить.* То же выражает и Павел, когда говорит: *мы восхищени будем на облацех в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем* (1 Сол. IV, 17). Хорошо сказал пророк: *во стране живых;* та жизнь есть истинная жизнь, чуждая смерти, исполненная чистых благ. *Егда,* говорит апостол, *испразднит всяко начальство, и всяку власть и силу, последний враг испразднится, смерть* (1 Кор. XV, 24, 26). Когда все это упразднится, тогда не останется ничего прискорбного, ни забот, ни трудов; все будет радостью, все миром, все любовью, все спокойствием, все весельем, все истинным, искренним и твердым; тогда не будет никаких недостатков, ни гнева,

ни скорби, ни любостяжания, ни сладострастия, ни бедности, ни богатства, ни бесчестия, и ничего другого подобного. Будем же и мы стремиться к этой жизни и делать все для нее. Потому и в молитве нам заповедано говорить: *да приидет царствие твое* (Мф. VI, 10), чтобы мы всегда представляли себе тот день. Кто проникнут этой любовью и питается надеждой этих благ, тот не сокрушается никаким из настоящих бедствий, не возмущается никакой из здешних скорбей. Как идущие в царственный город не задерживаются ничем на пути, ни лугами, ни садами, ни пропастями, ни пустынями, но, не обращая внимания на все это, одно только имеют в виду — ожидающее их отечество, так и тот, кто ежедневно представляет себе небесный град и питает любовь к нему, ничто трудное не будет считать трудным, и ничто приятное и славное — приятным и славным. Что я говорю: не будет считать? Он даже не увидит этого, имея другое зрение, такое, какое заповедал Павел, сказав: *не смотряющим нам видимых, но невидимых: видимая бо временна, невидимая же вечна* (2 Кор. IV, 18). Видишь ли, как он изобразил тот же путь другими словами? Итак, будем стремиться к тем благам, чтобы достигнуть их и насладиться вечной жизнью, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 115

Веровах, темже возглаголах: аз же смирихся зело (ст. 1)

1. Упоминая об этом изречении, блаженный Павел говорит: *имуще же тойже дух веры, по писаному: веровах, темже возглаголах: и мы веруем, темже и глаголем* (2 Кор. IV, 13, 14). Итак, необходимо прежде сказать,

как апостол воспользовался этими словами и о чем у него была речь: тогда будет ясно для нас и пророческое изречение.

А с другой стороны, то учение самое лучшее, в котором не прерывают связи речи, не берут одну часть и не останавливаются на ней, но предлагают объяснение с самого начала. О чем же беседуя Павел упомянул об этом пророческом изречении? О воскресении и наслаждении будущими благами, которые превосходят всякое слово, ум и представление. Так как все это выше всякого слова и не может быть объяснено, но должно быть принимаемо верой, то, чтобы иудей не смущался и не считал себя обманутым как бы питаемый пустыми надеждами, апостол исправляет его неразумие и как бы так говорит: я требую не нового чего-нибудь, а древнего блага – веры. Так говорит Павел. А пророк, намереваясь предсказать о некоторых благах, ожидающих иудеев в настоящей жизни и выходящих из ряда дел человеческих, и желая, чтобы никто не оставался неверующим, начинает псалом так: *веровах, темже возглаголах*. Когда Иерусалим пал, храм обратился в развалины, и все иудеи, пленные и связанные, были отведены в чужую страну, а иноплеменники заняли их землю вместо них и получили повеление насаждать виноград, строить дома и заключать браки, тогда все это повергло иудеев в отчаяние и они рассуждали сами с собой так: если мы, имея город, оружие, башни, множество имущества, храм, жертвенник, богослужение, обряды и все прочее общественное устройство, были преданы, сделаны пленниками и отведены в рабство, – то теперь, находясь в чужой стране и лишившись всего, обезоруженные и обращенные в рабов, как мы можем возвратить свое отечество? Так как многие из более слабых, рассуждая таким образом, смущались, беспокоились и не внимали пророкам, предсказавшим возвращение, то псалмопевец и сказал

эти слова, внушая всем, что нужно веровать глаголам Божиим. Другие пророки говорили им иначе, как например, Исаия: *воззрите на твердый камень, из него же изсечени бысте, и в юдоль потока, из нея же изкопани бысте.* И еще: *воззрите на Авраама отца вашего, и на Сарру породившую вы: яко един бе, и призвах его, и освятих, и умножих его* (Ис. LI, 1, 2). Смысл этих слов следующий: Авраам не был ли иноплеменником, бездетным и престарелым? Не имел ли жену, и по возрасту и по природе неспособную к деторождению? Не было ли состояние его во всех отношениях безнадежным? Что же? От него одного, бездетного, престарелого, не наполнил ли Я всю вселенную? Почему же вы смущаетесь? Если Я мог от одного наполнить вселенную, то тем более от вас немногих наполню Иерусалим. Потому и говорит пророк: *воззрите на твердый камень, из него же изсечени бысте*, называя так Авраама, *и в юдоль потока, из нея же изкопани бысте*, называя так Сарру. Как *юдоль потока* сама по себе не имеет воды, но получает ее от верхних дождей, так и Сарра, не имевшая сама по себе способности деторождения, получила эту способность свыше; и как камень никогда не приносит плода, так и Авраам не был к тому способен; но Я произвел вас из него и от одного наполнил такие страны. Потому и Иезекииля Бог выводит в поле, показывает ему кучу костей, оживляет их, пророчествует и, указывая на кости, говорит: если Я могу воскрешать мертвых, то тем более *вас* — живых *возвести* (Иез. XXXVII, 13). Так говорили другие пророки; а этот как? *Веровах, темже возглаголах*, то есть нужно веровать обетованиям, так как и я, рассуждая об этом, представляя это и принимая верой, рассеял всякое сомнение. Павел говорит, что и по отношению к нашим чувственным и видимым благам нужна вера; если же она нужна по отношению к чувственным, то тем более к духовным. Если для принятия того, что они возвратят свой город,

иудеям нужна была вера, то тем более нам, ожидающим неба. Когда совершается что-нибудь великое, превосходящее ум и превышающее разум, тогда должно руководствоваться верой, а не исследовать дело обыкновенным порядком человеческим, потому что чудные дела Божии выше всего этого. Потому мы должны, обуздывая свои помыслы, обращаться к вере, и таким образом прославлять Бога. Кто старается своими мыслями исследовать дела Его, тот не прославляет Его, желая подчинить униченному своему разуму неизреченные дела Его домостроительства.

2. Вот почему и Павел, повествуя об Аврааме, который не поступал так, но, удержав свои помыслы, взирал на силу Обещавшего, и показывая, что этим он особенно прославил Бога, говорит: *во обетовании же Божии не усумнеся неверованием, но возможе верою, дав славу Богови, и известен быв, яко еже обеща, силен есть и сотворити* (Рим. IV, 20, 21). Что же значит: *имуще тойже дух веры по писаному: веровах, темже возглаголах: и мы веруем, темже и глоголем?*

Здесь апостол открывает нам великое таинство. Какое? То, что Ветхий и Новый Заветы происходят от одного и того же Духа, что один и тот же Дух, глаголавший в первом, глаголал и в последнем, что вера есть наставница всех и без нее ты не можешь сказать ничего. *И мы*, говорит, *веруем, темже и глаголем.* Если отвергнешь веру, то невозможно и уста открыть. А для чего он не сказал: *имуще* ту же веру, но: *тойже дух веры?* Для того, чтобы объяснить излагаемый предмет и показать, что нужно руководство Духа для восшествия на высоту веры и обличения слабости разума. Потому и в другом месте он же говорит: *комуждо дается явление Духа на пользу. Овому бо Духом дается слово премудрости, иному же слово разума, другому же вера, иному дарования исцелений* (1 Кор. XII, 7, 9). Но, может быть, кто-нибудь скажет, —

и справедливо, — что он говорит о другой вере, посредством которой совершались чудеса. И я знаю, что иная та вера, о которой апостолы говорили: *приложи нам веру* (Лк. XVII, 5), и иная та, по которой все мы называемся верными, не совершая чудес, а имея познание благочестия. Но и здесь нужна помощь Духа. Так, Лука о некоторой жене пишет, что *(Господь) отверзе сердце ея внимати глаголемым от Павла* (Деян. XVI, 14). И Христос говорит: *никто же* приходит *ко мне, аще не Отец привлечет его* (Ин. VI, 44). Если же это — дело Божие, то грешат ли неверующие, когда ни Дух не помогает им, ни Отец не влечет, ни Сын не руководит? И о Себе Самом Он говорит: *аз есмь путь* (Ин. XIV, 6), выражая, что для приведения к Отцу нужно Его руководство. Итак, если Отец влечет, Сын руководит, Дух просвещает, то грешат ли те, которые не привлечены, не руководимы, не просвещены? Грешат, потому что они сами не оказали себя достойными этого просвещения. Так, посмотри, случилось с Корнилием: он не сам собой достиг этого, но Бог призвал его, потому что он сам предварительно сделал себя достойным того. Поэтому и Павел, беседуя о вере, говорит: *и сие не от вас, Божий дар* (Еф. II, 8). Бог не оставляет и тебя без добрых дел. Хотя от Него зависит привлекать и руководить, но Он ищет благопокорной души, и тогда оказывает Свое содействие.

Вот почему и Павел в другом месте говорит: *сущим по предуведению званным* (Рим. VIII, 28). В самом деле, добродетель и спасение наше бывают не по принуждению. Хотя большая часть и почти все зависит от Бога, но Он предоставил нечто малое и нам, чтобы назначение венцов сообразовалось с личным достоинством каждого. Потому и Павел, сказав: *имуще тойже дух веры*, то есть глаголавший и в Ветхом Завете, присовокупил: *и мы веруем, темже и глаголем.* Здесь вера нужна гораздо больше, нежели там, как по существу обетований, невиди-

мых и духовных, так и по порядку времени, потому что наши награды не в настоящей жизни, а в будущей. Даже и касательно настоящих благ нужна вера, потому что и духовные дары, при самом даровании их, требуют веры, как, например: сообщение таинств, дар крещения. Так сила этих благ превосходит всякое слово. Если же касательно предметов вещественных и чувственных нужна была вера, то тем более она нужна здесь. Впрочем, апостольское изречение достаточно объяснено; время – перейти к пророческому и сказать, что говорит блаженный Давид. Что же говорит он? *Веровах, темже возглаголах.* Хотя он еще не сказал ничего, но выражает то, что уже сказано было в мыслях его. Что же было сказано? Размыслив, говорит, о несчастье и плачевном состоянии иудеев, о совершенном опустошении и конечной погибели, я не усомнился в перемене к лучшему, но надеялся на нее, возвещал о ней и *возглаголах;* и в предыдущих псалмах я много говорил о ней, но говорил и возвещал по внушению веры.

3. Другой же, не столько научившийся вере, посмотри, как хромает и смущается. Сам Давид в другом псалме, но не о себе самом, а о страданиях людей колеблющихся, говорит так: *коль благ Бог Исраилев правым сердцем: мои же вмале не подвижастеся нозе, вмале не пролияшася стопы моя* (Пс. LXXII, 1), разумея не ноги и стопы, но помыслы хромающие. Присовокупляет и причину – следующую: *яко возревновах на беззаконныя* (ст. 3), то есть видя иноплеменников благоденствующими, а иудеев униженными. О каком же роде колебания говорит он? *И рех: еда убо всуе оправдих сердце мое, и умых в неповинных руце мои* (ст. 13)? Говорит и о том, что побудило его сказать это: *се сии грешницы и гобзующии в век, удержаша богатства* (ст. 12). Потом, смотри, как опять обращается к себе самому: *аще глаголах,* говорит, *повем тако: сие труд есть предо мною, дондеже вниду во святило Божие и разумею в последняя их*

(ст. 15–17). Смысл слов его следующий: я утомился, я изнемог в помыслах, потому что таковы помыслы; потом рассудил, что я делаю трудное дело, потому что, ища таким образом, я не буду в состоянии ничего узнать ясно, пока не возвращусь в отечество.

Видишь ли, какое зло — предоставлять предметы веры рассуждению, а не вере? Если бы такой человек был тверд в вере, то он не сказал бы этого, не смутился бы, не поколебался бы, не подвернулись бы ноги его и не уклонились бы стопы его. Но не так было с пророком; став на камне, он не смущался и не колебался, но, видя иудеев в таком жалком состоянии, а иноплеменников в противоположном, он громким голосом и с полным убеждением возвещал о возвращении, часто и во многих псалмах, и был твердо уверен в этом, взирая не на силу иноплеменников и не на слабость иудеев, а на силу обещавшего Бога. Потому и говорит: *веровах, темже возглаголах: аз же смирихся зело.* Другой переводчик (Симмах) говорит: *я же огорчен был очень. Аз же рех во изступлении моем: всяк человек ложь* (ст. 2). Другой (Симмах): *и сказал я в смятении: всякий человек лжет.* Здесь опять открывается его светлая вера, потому что и великое несчастье не повергло его в отчаяние. Такова вера: она есть некоторый священный якорь, который со всех сторон укрепляет имеющую ее душу; она тогда особенно и обнаруживается, когда среди затруднительных обстоятельств убеждает имеющего ее питать благие надежды, прекращая смятение помыслов. Это и выражает пророк словами: *я очень огорчен был,* — огорчен был, но не отчаялся, не пал духом. Потом объясняя, что он не просто был огорчен, но весьма сильно, прибавляет: *аз же рех во изступлении моем: всяк человек ложь.*

Что значит: *во изступлении моем*? При избытке несчастья, при великости бедствий. Нас постигло, говорит, столь великое множество, что привело в исступление и

смущение. *Изступлением* он называет здесь притупление чувств, происходящее от страданий. Так, когда говорится и об Адаме, что Бог навел на него *изступление* (Быт. II, 21), то выражается состояние некоторой нечувствительности. Исступлением называется то состояние, когда человек бывает вне себя. А наведено было тогда исступление на Адама для того, чтобы он не чувствовал взятия из него ребра и не страдал при этом. Таким образом Бог, желая отклонить от него чувство боли, чтобы он не стал ненавидеть происшедшее от него, как пострадавший от этого, навел на него исступление. И в другом месте говорится: *нападе на них ужас* (Деян. X, 10). Здесь также выражается некоторое изумление и нахождение вне себя. И везде слово *изступление* означает это. Такое состояние бывает или по действию Божию, или вследствие чрезвычайных страданий, потому что и несчастье может производить исступление и смущение. Таким образом пророк говорит здесь об исступлении от великих бедствий, постигших его. Но что значит: *всяк человек ложь?* Ужели нет ни одного правдивого? Как же об Иове написано: *человек истинен, праведен, богочестив* (Иов. I, 1)? Что скажем мы и о пророках? Если и они лживы и сказанное ими ложно, то все погибло. Что скажем об Аврааме? Что о всех праведниках? Видишь ли, как худо — принимать изречения (Писания) буквально и не проникать в смысл их? Что же значит: *всяк человек ложь?* То, что говорит он в другом месте: *человек суете уподобися* (Пс. CXLIII, 4); или что говорит другой пророк в словах: *всяка плоть сено, и всяка слава человеча, яко цвет травный* (Ис. XL, 6), то есть вещь самая маловажная, скоропреходящая, подобная тени, сновидению или какому-нибудь призраку.

4. Дабы ты убедился, что я говорю это не просто для одного сравнения, другой переводчик (Акила) сказал: *лживость*, третий (Симмах): *лжет*, четвертый (Фео-

дотион): *недостаточен*. Это последнее выражение весьма отличается от первых. Ложь есть порок души; а быть недостаточным, скоропреходящим, изменяемым, подобным сновидению, цвету и тени – несовершенство природы. Здесь сказано то же, что говорится в словах: *аз же есмь земля и пепел* (Быт. XVIII, 27); и еще: *почто гордится земля и пепел* (Сир. X, 9); или что сказал тот же пророк: *что есть человек, яко помниши его* (Пс. VIII, 5)? Во всех этих местах выражается тленность и ничтожество природы. Так мы говорим о жатве: *жатва обманула*, то есть не оправдала надежды; или говорим: *год обманул*, выражая то же самое. Так как человек есть существо тленное и ничтожное, и особенно в несчастье мы обыкновенно так любомудрствуем и рассуждаем о слабости природы, то и пророк, томимый скорбью, взирая на природу человека, достойную сожаления, обнаруживающую во всем свою тленность и ничтожество, сказал: *всяк человек ложь*, то есть человек – ничто. И в другом месте он сказал: *убо образом ходит человек* (Пс. XXXVIII, 7). *Что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми* (ст. 3)? Смотри, как он показывает величие благодеяния не только тем, что сделано, но и тем, кому оно сделано, выражая другими словами ту же мысль, какую сказал он в псалме. Как там сказал: *что есть человек, яко помниши его, или сын человечь, яко посещаеши его* (Пс. VIII, 5), так и здесь.

Благодеяние является вдвойне важным, когда оно и по существу своему велико, и оказывается какому-нибудь ничтожному существу, что́ также увеличивает благодеяние и милость. Чтобы выразить это, он и говорит: *что воздам Господеви*, объясняя, что Бог удостоил такого дара человека, который есть ложь, существо тленное и ничтожное. *О всех, яже воздаде ми*. Благодарной душе свойственно – заботиться и искать, чем бы воздать благодетелю за полученные от него благодеяния и, сделав со своей стороны все, считать себя не сделавшей ничего

достойного. Упомянув сначала о воздаянии, он далее обещает принести это воздаяние и выражает двойную благодарность – и принесением того, что мог, и изъявлением того, что, принесши это, он не принес ничего достойного. Что же он намеревается воздать Богу? Послушай: *чашу спасения прииму*, продолжает он, *и имя Господне призову* (ст. 4). Те, которые принимают эти слова в переносном смысле, утверждают, что здесь говорится об общении в таинствах. Но мы, держась исторического их значения, полагаем, что здесь говорится о возлияниях, жертвоприношениях и благодарственных песнопениях. В Ветхом Завете были различные жертвы; так была жертва хваления, о грехах, всесожжения, о спасении, жертвы мира и многие другие. Таким образом смысл слов его следующий: я не имею ничего достойного принести, но что имею, то приношу; я принесу Богу жертву благодарности и буду воспоминать о дарованном от Него мне спасении. *Молитвы моя Господеви воздам пред всеми людми Его* (ст. 5). *Молитвами* он называет здесь обещания, обеты. Во время бедствий он прибегал к Богу и признавал себя должником Его, обещая Ему принести эти жертвы, если избавится от бедствий. Так как, говорит, несчастье прекратилось, то я совершу обеты свои Господу перед всеми людьми Его. *Честна пред Господем смерть преподобных Его* (ст. 6). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *драгоценна*. Какая здесь связь речи? Какое отношение имеют эти слова к предыдущим? Кто рассмотрит внимательно, тот найдет между ними тесную связь. Сказав: *что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми*, показав благодеяния Его, пророк говорит, что Бог печется не только о жизни, но и о смерти праведных, и не только о смерти, происходящей по естественному закону, но и о бывающей часто по особой воле Его. Не слышишь ли слов Павла: *а еже пребывати во плоти, нужнейше есть вас ради: и сие известне вам, яко*

буду и спребуду вам всем (Флп. I, 24, 25). Впрочем, удивительно ли, что со смертью их бывает так, если и рождение некоторых из них было не по закону природы, например: Исаака, Самуила? Потому апостол и называет их не чадами плоти, но *чадами обетования* (Рим. IX, 8). Так и Моисей умер не просто, но по особенному определению Божию; так, Иоанн (Креститель) — по Его попущению. Хотя смерть его была наградой блуднице, но при всем том она была *честна*. Подлинно смерть его была честна, — потому что он лишился жизни за истину, — и так честна, что сам убийца боялся его. А что он действительно боялся, об этом послушай, как свидетельствует евангелист, говоря об Ироде: *глаголаше (Ирод), яко* он (Иоанн Креститель) *воста от мертвых, и сего ради силы деются о нем* (Мк. VI, 14). Посмотри, как честна была и смерть Авеля. *И де Авель, брат твой,* сказал Господь, *глас крове брата твоего вопиет ко мне* (Быт. IV, 9, 10).

5. Посмотри и на Лазаря, как он после смерти был несен ангелами (см.: Лк. XVI, 22). Посмотри, как и к гробам мучеников стекаются целые города и народы, пламенеющие любовью. В таком смысле он говорит, что Бог имеет великое попечение, великое промышление и о *смерти преподобных*. Они умирают не просто и не случайно, а тогда, когда Он попускает по Своему устроению. Потому пророк, желая выразить это, и сказал: *пред Господем. О, Господи, аз раб твой, аз раб твой, и сын рабыни твоея* (ст. 7). Говорит не об общем для всех рабстве, но о происходящем от великого расположения и преданности, пламенея любовью, которая есть величайший венец, светлейший всякой диадемы. Потому и Бог поставляет это в великую похвалу, когда говорит: *Моисей раб мой скончася* (Нав. I, 2). *И сын рабыни твоея, то есть* издревле, от предков мы посвящены на служение тебе. Это и Павел вменяет в великую честь Тимофею: *воспоминание,* говорит, *приемля о сущей в тебе нелицемерней вере, яже вселися*

прежде в бабу твою Лоиду и в матерь твою Евникию: известен же есмь, яко и в тебе, и яко измлада священная писания умееши (2 Тим. I, 5; III, 15); и в другом месте о себе говорит: *Евреин от Еврей* (Флп. III, 5); и еще: *Евреи ли суть? и аз: Исраильте ли суть? и аз* (2 Кор. XI, 22), – так как имели некоторое преимущество перед прозелитами те, которые были израильтянами издревле, от предков. Вот почему и пророк говорит: *и сын рабыни твоея.*

Растерзал еси узы моя. Не сказал: ослабил, но: *растерзал,* выражая, что они сделались недействительными. *Узами* он называет скорби, искушения, опасности. Есть узы добрые, в которых лучше быть заключенным, как, например, те, о которых говорится: *в союзе мира* (Еф. IV, 3), и: *яже есть союз совершенства* (Кол. III, 14). Но есть узы и противоположные, как, например, те, о которых говорится: *пленицами своих грехов кийждо затязается* (Притч. V, 22). На это указывает и Христос, когда говорит: *сию дщерь Авраамлю сущу,* связанную так сатаной, *не достояше ли разрешитися ей* (Лк. XIII, 16)? И Исаия говорит о Христе: *дах тя в завет языков, глаголюща сущим во узах: изыдите* (Ис. XLIX, 8, 9). Эти-то узы Бог растерзал, а не разрешил; первое больше последнего. Впрочем, не погрешит и тот, кто захочет принимать эти слова в переносном смысле, разумея здесь узы грехов и всего ветхого человека. Есть и еще прекрасные узы, которые всегда носил Павел, как он сам говорит: *Павел юзник Иисус Христов* (Еф. III, 1); и еще: о *немже и связан есмь узами* (Еф. VI, 20; Деян. XXVIII, 20). *Тебе пожру жертву хвалы* (ст. 8). Смотри, как он выше, и ниже, и везде приносит это воздаяние Богу. Выше говорит: *чашу спасения приму, и имя Господне призову;* и здесь: *тебе пожру жертву хвалы,* то есть буду благодарить, буду воспевать. *И во имя Господне призову.* Видишь ли, какова его жертва хвалы? *Молитвы моя Господеви воздам пред всеми людми его, во дворех дому Господня, посреде тебе Иерусалиме*

(ст. 9, 10). Это делает он не из желания показать себя, не из тщеславия, но желая во всех возбудить собственную ревность и сделать их общниками благодарности. Так поступают все святые, призывая к общему хвалению не только людей, но и самую тварь всю, когда они получают какое-нибудь благодеяние. Действительно, ничто так не угодно Богу, как то, чтобы быть благодарным Ему не только в счастье, но и в несчастье. Это особенно и есть жертва; это — величайшее приношение! Так прославился Иов, так — Павел, так — Иаков, так — каждый из праведников, воздавая признательность и благодарность Богу особенно в трудных обстоятельствах. Так будем поступать и мы, будем всегда благодарными, чтобы получить и вечные блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 116

Хвалите Господа вси языцы, похвалите его вси людие: яко утвердися милость его на нас, и истина Господня пребывает во век (ст. 1, 2)

1. Для всякого очевидно, что эти слова составляют пророчество о Церкви верующих и предсказание о проповеди, которая объяла всю вселенную. В псалме призываются не один, не два или три только народа, но вся земля и море. А это оправдалось тогда, когда воссияло пришествие Христово. Потом пророк представляет и причину спасения, объясняя, что они спаслись не за собственные добрые дела, не за жизнь и подвиги, но единственно по человеколюбию Божию. *Утвердися*, говорит, *милость его на нас*, то есть стала основательно, крепко, тверже камня. Подлинно, она возраста-

ет с каждым днем более и более. *И истина его пребывает во век,* потому что тогда особенно воссияла истина. Он сказал так потому, что Ветхий Завет был образом и тенью. Это выражает и евангелист, когда говорит: *закон Моисеом дан бысть: благодать же и истина Иисус Христом бысть* (Ин. I, 17).

НА ПСАЛОМ 117

Исповедайтеся Господеви, яко благ, яко в век милость его (ст. 1)

1. В этом псалме есть следующее изречение, которое обыкновенно поет народ: *сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь* (ст. 24); оно во многих производит восторг, и потому народ имеет обыкновение петь его особенно во время духовного и небесного праздника (Пасхи). Но мы, если хотите, рассмотрим весь псалом с начала и объясним его не со стиха воспеваемого, но с самого начала. Отцы заповедали народу петь этот стих, как благозвучнейший и заключающий в себе некоторую высокую истину, чтобы он, и не зная всего псалма, получал отсюда совершенное наставление; а нам нужно рассмотреть весь псалом, потому что и в средине его находится важное пророчество. Здесь сказано: *камень, его же небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла* (ст. 22), что и Христос повторил иудеям, хотя довольно прикровенно, потому что они уже пылали гневом, а Он не хотел более раздражать их, так как Он *трости сокрушены не сотрет, и льна курящася не угасит* (Ис. XLII, 3), — однако повторил. Итак, рассмотрим этот псалом, как мы сказали, с начала. Какое же его начало? *Исповедайтеся Господеви, яко благ, яко в век милость его.* Представляя благодеяния Божии во вселенной и непрестанное человеколюбие, которое Он

являет во всем, пророк призывает всех к общению в благодарности, указывая на величайшее и главное из благодеяний Его. *Да речет убо дом Исраилев: яко благ, яко в век милость его* (ст. 2). Что говоришь ты? *Дом Исраилев*, — тот, который многократно подвергался плену, рабствовал в Египте, рассеян до последних пределов земли, терпел бесчисленное множество бедствий в Палестине? Да, говорит он. Израильтяне особенно служат свидетелями благодеяний Его, которых они получали гораздо больше, нежели другие. И самые страдания их свидетельствуют о великом к ним благоволении Божием. Если посмотреть внимательно, то и за пришествие Христово они должны много благодарить Бога. Хотя они потерпели бедствия, но это произошло не от Того, Кто пришел, а от собственного их неразумия. Он пришел к ним и часто говорил: *несмь послан, токмо ко овцам погибшим дому Исраилева;* и ученикам: *на путь язык не ходите, идите же паче ко овцам погибшим дому Исраилева;* и к хананеянке: *несть добро отъяти хлеба чадом, и поврещи его псом* (Мф. XV, 24; X, 5, 6; XV, 26). Он все делал и устраивал для их спасения; если же они оказались недостойными благодеяния, то должны винить собственное нечестие и крайнее неразумие.

Да речет убо дом Ааронь: яко благ, яко в век милость его (ст. 3). Здесь он призывает к песнопению, в частности, священников, показывая, как превосходно священство. Чем они важнее были других, тем большей удостоились чести от Бога, не только по священству, но и во всем прочем. Для них сошел огонь с неба (см.: Лев. X, 2), отверзлась земля (см.: Чис. XVI, 32), произрос жезл и множество других чудес совершилось для них, или лучше — за них. *Да рекут убо еси, боящиися Господа: яко благ, яко в век милость его* (ст. 4). Такие люди особенно способны видеть человеколюбие Его и во всем познавать благость Его. Что значит: *яко в век милость его?* Значит: по-

стоянная, непрерывная, во всем сияющая и проявляющаяся. Если же многие не видят ее, то не видят по слабости собственного разумения. Как больные глазами не видят солнца по тому самому, и здоровые не всегда могут смотреть на него по причине чрезмерного блеска, так невозможно знать вполне и всего промышления Божия, потому что величие Его разума и премудрости много превосходит понятия человеческие.

Притом многие страсти ослепляют неразумных так, что они совершенно не видят Его. И, во-первых, страсть к удовольствиям, при которой не замечают и того, что для всех ясно. Затем, во-вторых, невежество и развращение ума. В самом деле, не безумно ли – отца, который наказывает сына, одобрять и хвалить, и за это особенно почитать отцом, а на Бога, когда Он наказывает за грехи, роптать и жаловаться? Что может быть хуже развращения – жаловаться на действия противоположные, то роптать, что Бог наказывает, то – что не наказывает? Когда видят грабителей и корыстолюбцев, то хотят, чтобы они были наказаны; а когда сами грешат, то не хотят; это – знак развращенного ума. Кроме того, в-третьих, люди иногда и не знают, что хорошо и что худо, но ошибаются в суждении о вещах, по причине своего пристрастия ко злу и наклонности к порокам. В-четвертых, даже и не помышляют о своих грехах. В-пятых, невыразимо велико расстояние между Богом и людьми. В-шестых, Бог не желает открывать всего и везде, потому что нам достаточно знать и немногие частности.

2. Не должно стараться узнавать распоряжения Божии во всем (это значило бы домогаться невозможного и совершенно превышающего всякую созданную тварь), а те, которые хотят познать их отчасти, должны быть свободными от упомянутых страстей, и тогда они увидят их яснее солнца, хотя не вполне, а только отчасти, и будут благодарить Его за все. *От скорби призвах Госпо-*

да, и услыша мя в пространство (ст. 5). Видишь ли благость и человеколюбие Божие? Пророк не сказал: я был достоин, или: сделал добрые дела, но только: *призвах*, и эта молитва была достаточна для избавления от бедствия. Так и об иудеях в Египте Бог говорит: *видя видех озлобление людей моих, и снидох изъяти их* (Исх. III, 7). Не сказал: я увидел благочестие народа Моего, или перемену его к лучшему, но скорбь его, и услышал вопль его. Видишь ли милосердого Отца, подающего помощь за одни страдания? У людей не всякий страждущий удостаивается помилования; часто, видя рабов наказываемыми и переносящими скорби, мы не облегчаем их страданий, представляя великость их преступлений; а Бог избавил здесь за одно страдание, и не только избавил от страдания, но и доставил великую безопасность: *услыша мя*, говорит, *в пространство.* Страдание для того и было допущено, чтобы страждущие сделались более исправными и любомудрыми. *Господь мне помощник, и не убоюся, что сотворит мне человек* (ст. 6). Видишь ли высоту духа? Видишь ли ум, так возвышающийся над человеческой немощью, что не обращает внимания на всю природу? Это будем и мы не только петь, но выражать и делами. Пророк не сказал: я ничего не потерплю, но: *не убоюся, что сотворит мне человек;* то есть хотя и потерплю, но не боюсь. То же говорит и Павел: *аще Бог по нас, кто на ны* (Рим. VIII, 31)? Хотя бесчисленны были враги их, но нисколько не повредили им. И не крайним ли было бы малодушием, — пользуясь благоволением Господа, страшиться подобных себе рабов? Но пророк был не таков; он был выше и недоступнее для подобного страха. Так будем действовать и мы, и не станем лишать себя помощи Божией через страх перед людьми; это значило бы оскорблять помощь Божию. Так, о Езекии говорится, что он пострадал за то, что, когда заходящее солнце поднялось опять на столько степеней, на сколько спус-

тилось, когда это знамение могло поразить всех приходивших и желавших узнать о нем, он хотел удивить их не делами Божиими, а человеческими, опасаясь нападения врагов; он показал им свои сокровища, возлагая на эти сокровища свою надежду. Поэтому разгневанный Бог сказал: *взята будут вся сия* (4 Дар. XX, 17), то есть на что ты надеешься, чем гордишься. Так и израильтяне осуждаются за то, что они надеялись на богатство и коней; потому пророк и увещевал их умилостивлять Бога противным тому и говорить: *на кони не взыдем* (Ос. XIV, 4). Бог чтит тебя, а ты сам бесчестишь себя? Бог чтит тебя, предлагая Свою помощь, а ты прибегаешь к человеческим надеждам, полагаешь надежду своего спасения в бездушном веществе — богатстве? Бог хочет не только спасти тебя, но и сделать это достойным образом. Он очень любит тебя, и потому, отклоняя тебя от всего, привлекает к Себе, отстраняя все, ведет к Себе, и как бы так говорит Своими делами: во Мне полагай надежды свои и ко Мне непрестанно обращай взоры свои. *Господь мне помощник: и аз воззрю на враги моя* (ст. 7). Видишь ли, как он не отмщает и не нападает сам, но предоставляет Богу отмщать врагам?

Благо есть надеятися на Господа, нежели надеятися на человека: благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи (ст. 8, 9). Здесь не делается сравнения (между Богом и людьми), но в Писании часто употребляется такой оборот речи и о предметах несравнимых, по немощи тогдашних слушателей. Итак, он говорит это не для сравнения, а по снисхождению к слушателям. Поэтому другой пророк говорит: *проклят всякий,* надеющийся *на человека* (Иер. XVII, 5). Нет ничего слабее такой надежды: она слабее паутины; и не только она слаба, но и опасна, — это знают все те, которые надеялись на людей и погибли вместе с ними. Напротив, надежда на Бога не только тверда, но и безопасна, неподверже-

на никакой перемене. Поэтому Павел и сказал: *упование же не посрамит* (Рим. V, 5), и другой Премудрый: *воззрите на древния роды и видите, кто* надеялся на Господа, *и постыдеся* (Сир. II, 10)? Но я, скажешь, надеялся и посрамился. Не клевещи, человек, не противоречь Божественному Писанию; если ты посрамился, то, конечно, потому, что не надеялся, как должно, ослабел, не дождался конца, стал малодушествовать. Не делай же этого, но, когда видишь наступающие бедствия, не падай духом; это, собственно, и есть надежда — стоять твердо среди опасностей.

3. Кто был несчастнее иноплеменников — ниневитян? Однако они, находясь в самых стеснительных обстоятельствах и ожидая погибели города, не отчаялись, но показали искреннее раскаяние и тем подвигли Бога отменить приговор Свой. Видишь ли, какова сила надежды? А сам пророк, находясь во чреве кита, не вспоминал ли о храме и возвращении в Иерусалим? Так и ты, хотя бы находился при смерти и подвергался величайшим опасностям, не отчаивайся. Бог может и из безвыходных обстоятельств доставить выход. Потому и говорит Премудрый: *от утра до вечера* много бывает перемен, *и вся скора суть пред* Ним (Сир. XVIII, 26). Не видишь ли, как вельможа остался голодным при изобилии (см.: 4 Цар. VII)? Не видишь ли, как вдова имела довольство во время голода (см.: 3 Цар. XVII)? Когда обстоятельства твои делаются затруднительными, тогда особенно и надейся. Тогда особенно Бог являет силу Свою; не вначале, но когда человеческие средства окажутся безнадежными. Тогда — время божественной помощи. Потому и отроков Он избавил не вначале, но после их пребывания в печи; и Даниила избавил не прежде, чем он был ввержен, но по истечении семи дней. Итак, смотри не на свойство обстоятельств, приводящих в отчаяние, а на силу Божию, которая и безна-

дежному сообщает благие надежды. Это самое и выражает псалмопевец, и желая показать, что сила Божия может спасти впадших даже в самые крайние бедствия и погибающих, а не только в начале бедствий, послушай, что прибавляет: *еси языцы обыдоша мя* (ст. 10). Видишь ли неизбежную опасность? Он вел войну не с отдельным отрядом, не с врагами, прямо стоящими против него, но окружен был со всех сторон, как бы опутан сетью и как бы обхвачен тенетами, не от одного, двух или трех, но от всех народов, и однако все эти узы расторгнуты надеждой на Бога. *И именем Господним противляхся им. Обышедше обыдоша мя, и именем Господним противляхся им. Обыдоша мя яко пчелы сот, и разгорешася яко огнь в тернии, и именем Господним противляхся им* (ст. 11, 12). Видишь ли, какие великие он изображает бедствия? Не просто сказал: *обыдоша мя*; но: *яко пчелы и яко огнь в тернии,* означая пчелами стремительность нападения, а тернием – силу гнева и неукротимость раздражения, потому что кто удержит огонь, попавший в терние? И однако, этих врагов, напавших с такой силой и стремительностью и окруживших меня, я не только избежал, говорит, но и отразил. Вспомни, как то же самое было и с веществом купины. Огонь пожигал купину, и, однако, ни купина не сгорала, ни огонь не погасал, но оба оставались вместе и не истребляли друг друга. Что слабее купины? И что сильнее огня? Однако дивная сила Божия чудодейственно сохранила то и другое. Подобное чудо совершилось и тогда (с Давидом). Враги, как огонь, устремились, и как пчелы, напали на него и окружили его, и, однако, не могли сделать ничего. Оружие непобедимое, помощь непреодолимая, имя Божие отразило всех их. *Отриновен превратихся пасти, и Господь приять мя* (ст. 13). Изобразив великость бедствий многочисленностью, положением, стремительностью и раздражением нападающих, он говорит и о том, что сам

потерпел от них. Бедствия, говорит, так угнетали меня, что я был близок к падению и изнурению; ударами их я так был поражен, что готов был пасть; но когда я уже падал на колени и преклонялся, и все средства человеческие оказались безнадежными, тогда Бог и явил мне Свою помощь. Так поступает Бог для того, чтобы никто не присваивал себе славы Его. Подобное тому, во времена судей, Он сделал с Гедеоном (см.: Суд. VII, 2). Потому же и при Езекии Он ночью даровал победу (см.: 4 Цар. XIX, 35). Если Езекия, не участвуя в сражении и нисколько не содействуя победе, возгордился, то не скорее ли бы впал в эту страсть, если бы только был в строю, если бы видел, как падали поражаемые? Итак, когда дела приходят в отчаянное положение со стороны людей, тогда Бог и посылает Свою помощь. То же Он сделал и при Голиафе (1 Цар. XVII); то же – и с апостолами. Поэтому Павел и говорит: *но сами в себе осуждение смерти имехом, да не надеющеся будем на ся, но на Бога, возстановляющаго мертвыя* (2 Кор. I, 9). *Крепость моя и пение мое Господь, и бысть ми во спасение* (ст. 14). Как бы так говорит: Он сам стал моей силой и помощью. Что значит: *пение мое?* Слава моя, хвала моя, украшение мое, торжество мое. Бог не только избавляет людей от опасностей, но и доставляет им славу и торжество. И везде можно видеть, как от Него подается спасение со славой. Впрочем, здесь указывается и на нечто другое. Что же? Моя непрестанная песнь, говорит, мой постоянный глас – хвала Ему; мое дело – непрестанное прославление Его.

4. Пусть выслушают это те, которые растлевают себя сатанинскими песнями. Какой вред они причиняют себе? Какое могут иметь оправдание? Тогда как пророк постоянно воспевает Спасителя, они постоянно оскверняют себя песнями бесовскими *Глас радости и спасения в селениих праведных* (ст. 15). Когда Бог совершит все, тогда получившие победу радуются, восхища-

ются, веселятся сугубой радостью, — и о том, что спасены, и о том, что спасены Богом. Радость их составляет Тот, Кто даровал победу. Далее, желая показать побуждение к такой помощи, пророк присовокупляет: *в селениих праведных.* Не сказал: в жилищах, но: *в селениих,* желая указать на временное их обитание. Такова была куща Авраама, когда он возвратился, одержав победу над иноплеменниками, прославившись своими подвигами. Такова была палатка Павла, когда он возвращался, поразив бесов, искоренив заблуждение, со славой подвигов. *Десница Господня сотвори силу, десница Господня вознесе мя* (ст. 16). Посмотри на причину радости. И теперь он говорит то же, что говорил прежде, — показывает, что все это совершено Богом. Видишь ли, что благодеяние Его состоит не только в избавлении от бедствий, но и в доставлении торжества? Сказав: *десница Господня сотвори силу,* прибавляет: *десница Господня вознесе мя,* чтобы показать дарованную ему славу. *Вознесе мя* — значит то же, что *прославил;* Он сделал нас не только сильными, но и славными.

Не умру, но жив буду и повем дела Господня (ст. 17). Опасности, говорит, угрожали мне смертью; но я *не умру, но жив буду,* то есть такова чудодейственность Господа, что Он исхитил из уст самой смерти, предначертав, в избавлении от необычайных опасностей, еще прежде Нового Завета, образ воскресения. Знамение этого воскресения он дал нам еще вначале, когда преложил Еноха (см.: Быт. V, 24). Если ты не веришь, что тела могут воскреснуть, то уверься его примером. Как могло бы тело его оставаться целым столь долгое время? Не одно и то же — восстановить разрушенный дом или сохранить ветхий и близкий к разрушению столь долгое время. Или ты не знаешь, что Господь же сотворил и несуществовавшее? Тем более Он может воскресить. Есть для тебя и другой образ воскресения; разумею взятие

Илии, который не умер даже доныне. Для Бога все удобно и легко. *Не изнеможет у Бога всяк глагол,* говорит Писание (Лк. I, 37); *вся, елика восхоте, сотвори,* говорит пророк (Пс. CXIII, 11). Не видишь ли, как трудны для тебя дела художника? Однако ты доверяешь его искусству. Почему же, доверяя искусству подобного тебе раба, ты требуешь отчета у премудрости Божией и не принимаешь верой совершаемого Им? Не крайне ли это безрассудно? *Не умру, но жив буду.* Не погрешит и тот, кто будет принимать эти слова в переносном смысле. Хотя здесь сказано о воскресении, — слова: *не умру* значат, что смерть будет не в смерть, — но можно разуметь это и иначе. Не умру, говорит, другой смертью, на которую указывал Христос, когда говорил: *веруяй в мя, аще и умрет, оживет; и всяк живый и веруяй в мя, не умрет* (Ин. XI, 25). *И повем дела Господня.* В том и состоит жизнь, чтобы хвалить Его и всем возвещать дела Его. Какие, скажи мне, дела? Те, о которых он намеревается говорить, продолжая: *наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя* (ст. 18). Видишь ли дивное дело? Видишь ли благо? Он благодарит Бога не только за то, что избавлен от бедствий, но воздает величайшую благодарность и за то, что подвергся им, и говорит о пользе искушений. Какая же это польза? *Наказуя наказа мя,* говорит, *Господь.* Та польза от опасностей, что они сделали его лучшим. Видишь ли в том и в другом могущество и попечение Божие, — и в том, что Он допустил подвергнуться бедствиям, и в том, что после избавил от них? *Смерти же,* говорит, *не предаде мя.* Хорошо сказал другой (неизвестный) переводчик: *смерти же не отдал меня,* выражая, что все находится в Его власти. Таким образом пророк получил двоякое благо, — избавился и от бедствий, и от греха, как и Павел говорит в послании к Евреям: *аще без наказания есте, убо прелюбодейничищи есте, а не сынове* (Евр. XII, 8). *Отверзите мне врата правды: вшед в*

ня, исповемся Господеви (ст. 19). Тем, которые наказаны и отстали от грехов своих, отверзаются врата правды.

5. Человек наказанный с дерзновением может говорить: *отверзите мне врата правды.* Эти слова можно принимать и в переносном смысле и разуметь врата небесные, которые заключены для нечестивых и в которые должно ударять добродетелью, милостыней, правдой. *Сия врата Господня, праведнии внидут в ня* (ст. 20). Есть врата смерти, врата погибели, есть врата жизни, врата узкие и тесные. Так как много врат, то он указывает отличие врат Господних, присовокупляя: *сия врата Господня,* потому что те не Господни. Какое же их отличие? То, что ими входят наказуемые и скорбящие, как узкими и тесными. Они тесны; потому и входят ими скорбящие; а врата, ведущие к погибели, – широки и пространны.

Исповемся тебе, яко услышал мя еси, и был еси мне во спасение (ст. 21). Не просто сказал: *услышал еси,* но наперед *наказал,* сделал лучшим; потому и благодарит Его не только за то, что услышан, но и за то, что наказан, потому что вследствие того и услышан. Вообще, у пророка часто высказывается такого рода благодарность; и она, как я говорил и не перестану говорить, есть лучшая жертва и приношение. *Камень, его же небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла* (ст. 22). Что эти слова относятся ко Христу, известно всякому, – потому что Сам Он в Евангелии приводит это пророчество: *несте ли,* говорит, *или: камень, его же небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла* (Мф. XXI, 42)? А что это пророчество, по-видимому, не находится в связи с повествованием, но, прервав последовательность речи, стоит посреди ее, это нисколько не удивительно и не ново; так изречены многие пророчества в Ветхом Завете, потому что им надлежало быть прикровенными до времени, чтобы не были истреблены и самые книги. Так и пророчество о рождении Христовом, хотя, по-видимому, находится в

связи с повествованием, но не имеет с ним ничего общего, именно: *се, дева во чреве приимет и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил, еже есть сказаемо: с нами Бог* (Ис. VII, 14; Мф. I, 23). *Камень, его же небрегоша зиждущии.* Зиждущими он называет иудеев — законоучителей, книжников, фарисеев, которые отвергли Его и говорили: *самарянин еси ты, и беса имаши* (Ин. VIII, 48), и еще: Он не от Бога, *но льстит народы* (Ин. VII, 12). Но этот отвергнутый явился столь полезным, что сделался главой угла. Не всякий камень пригоден для угла, но только самый лучший, который может соединить стены с той и другой стороны. Итак, смысл слов пророка следующий: отвергнутый и униженный иудеями оказался столь дивным, что не только вошел в состав здания, но и соединил две стены его. Какие же стены? Уверовавших из иудеев и язычников, как и Павел говорит: *той бо есть мир наш, сотворивый обоя едино, и средостение ограды разоривый, вражду плотью своею, закон заповедей ученми упразднив, да оба созиждет собою во единаго новаго человека,* и еще: *наздани бывше на основании Апостол и Пророк, сущу краеуголну* камню *Иисусу Христу* (Еф. II, 14, 15, 20). Эти слова — великое обличение для иудеев, что они, созидая, не узнали годного камня, но отвергли, как негодный, тот камень, который мог сдержать здание. Если желаешь еще более узнать эти две стены, послушай, что говорит Сам Христос: *и ины овцы имам, яже не суть от двора сего, и тыя ми подобает привести: и будет едино стадо, един пастырь* (Ин. X, 16). Это было издревле предначертано как бы в образе: Авраам был патриархом тех и других, то есть необрезанных и обрезанных. Но там — только образ, а здесь — истина. *Сей бысть во главу угла,* то есть соединил тот и другой народ. *От Господа бысть сей* (ст. 23). Что значит: *от Господа бысть сей?* Совершившееся, говорит, не было делом человеческим; никто, ни из людей, ни из ангелов, ни из архангелов не мог соста-

вить такого угла; не мог сделать этого ни праведник, ни пророк, ни ангел, ни архангел, но только один Бог; это собственно — Его дело. Другой переводчик (Акила) говорит: *от Господа было сие*, то есть это чудное и необычайное дело — составление угла. *И есть дивен во очесех наших.* Кто дивен? Угол, союз двух народов в деле благочестия, потому что и из иудеев уверовали многие тысячи, и апостолы были из иудеев. Хорошо он сказал: *во очесех наших*, потому что это дивное дело очевидно не для всех. И кто не изумится, кто не удивится тому, что там, где распят Христос, поклоняются Христу, и распявшие Его — в бесчестии, а поклоняющиеся Ему — во славе? По всей земле прошло слово Его, присоединяя всех к истине. Оно дивно и для тех, которые как-нибудь узнают о нем, а гораздо очевиднее и яснее для верующих. Поэтому он и сказал: *во очесех наших. Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь* (ст. 24). Под *днем* он разумеет здесь не течение солнца, но важные дела, совершившиеся в продолжение его. Как, называя день худым, разумеют не течение солнца, а случившиеся в продолжение его бедствия, так и под днем хорошим разумеют совершившиеся в продолжение его хорошие дела. Смысл слов его следующий: дивные дела, совершившиеся в этот день, совершил Сам Бог, потому что совершать подобные дела свойственно только Его единой деснице.

6. Так, что может сравниться с тем днем, в который совершилось примирение Бога с людьми, прекращена долговременная борьба, земля сделалась небом, люди, недостойные земли, явились достойными царства (небесного), начаток нашего естества вознесен превыше небес, отверст рай, возвращено нам древнее отечество, уничтожено проклятие, изглажден грех, осужденные законом получили спасение без закона, вся земля и море познали своего Господа, совершилось множество и других дел, которых теперь исчислить невозможно?

Представляя все это, пророк приписывает все Богу и внушает, что эти события суть дела Божии.

Возрадуемся и возвеселимся в онь. Говорит здесь о радости духовной, разумной, сердечной. *Возрадуемся и возвеселимся в онь*, потому что мы сподобились столь великих благ. И это не малая добродетель – радоваться о благах, ликовать, веселиться, с удовольствием принимать благодеяния Божии. *О, Господи, спаси же: о, Господи, поспеши же* (ст. 25). Видя благополучие вселенной, изменение обстоятельств, и перемену к лучшему, и сорадуясь удостоившимся этого, говорит: *о, Господи, спаси же: о, Господи, поспеши же*, спаси тех, которые получают эти блага, так чтобы они преисполнились ими и показали плоды, достойные благодати; сделай для них путь удобным, так, чтобы после получения они не отпали от этих благ. *Благословен грядый во имя Господне* (ст. 26). Наши блага состоят не в том только, что совершилось, но и в другом лучшем, каково: воскресение, царство, наследие со Христом. Желая выразить все это, пророк и присовокупил: *благословен грядый во имя Господне.* То же говорил и Христос иудеям: *аминь глаголю вам, не имате мене видети, дондеже речете: благословен грядый во имя Господне* (Мф. XXIII, 39). Так как они часто возражали, что он не от Бога, что Он – противник Божий, то Он и говорит им: вы сами будете свидетельствовать, что Я не противник Божий, когда увидите Меня идущим на облаках и воскликнете: *благословен грядый во имя Господне,* отнимая у себя словами этой хвалы всякое оправдание. Очевидность того, что будет тогда, заставит вас высказать эти слова, которыми вы прославите Бога и вместе произнесете тяжкое обвинение на самих себя. *Благословихом вы из дому Господня: Бог Господь, и явися нам* (ст. 27). Пророк разумеет весь верный народ, получающий благословение в доме Божием. И везде пророки ублажают тех, которые будут веровать. Почему же они ублажают и отчего это

блаженство? Потому, что Бог явился нам. *Явися бо благодать Божия спасительная, наказующи нас, да отвергшеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем, ждуще блаженнаго упования и явления великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (Тит. II, 11, 13). Итак, пророк удивляется здесь воплощению, – тому, что Бог и Господь, будучи таким по существу Своему, благоволил явиться во плоти. *Явлением* он называет то домостроительство, по которому Господь вселился в девическое чрево, сделался человеком и обращался с людьми. За то, говорит, *благословихом вы*, что удостоились такого дара. Это выражал и Христос, когда говорил: *мнози пророцы и праведницы вожделеша видети; яже видите, и не видеша, слышати, яже слышите, и не слышаша* (Мф. XIII, 17). *Составите праздник во учащающих дорог олтаревых.* Другой переводчик (Симмах) говорит: *свяжите в торжестве чащи.* Третий (Акила): *составьте праздник из тучных.* От пророчества опять переходит к повествованию. Смысл этих слов следующий: празднуйте, торжествуйте. Но что значит: *составите праздник во учащающих?* По одному (неизвестному) переводчику: *принесите жертвы тучныя*, а по другому (неизвестному переводчику): *венки и ветви привесьте к храму.* В еврейском сказано: *есру аг ваад оффим.* И то и другое означает праздник, радостный день, торжество. От духовного пророк опять обратил речь к чувственному и упомянул о собрании иудеев.

Бог мой еси ты, и исповемся тебе: Бог мой еси ты, и вознесу тя: исповемся тебе, яко услышал мя еси, и был еси мне во спасение (ст. 28). Здесь показывает, что и без благодеяний Божиих должно благодарить Бога и прославлять Его ради величия Его и неизреченной славы. На это он указывает тем, что сделал такое прибавление после того, как сказал о благодеяниях, которыми был облагодетельствован. Я и без того, говорит, буду благодарить и исповедовать, что имею такого Господа, столь высо-

кого, столь великого, столь невидимого, столь непостижимого. *Вознесу* — значит: прославлю. *Исповедайтеся Господеви, яко благ, яко в век милость его* (ст. 29). Не только сам приносит эту жертву, но и многих других призывает в участники хвалы и благодарения; и возвещает человеколюбие Божие, воспевая постоянно Его неизменяемость и величие. Зная это, будем и мы непрестанно благодарить человеколюбивого Бога и приносить Ему такую жертву, чтобы нам сподобиться и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 119

Песнь степеней. Другой переводчик (Акила, Симмах и Феодотион) говорит: песнь восхождений

Ко Господу, внегда скорбети ми, воззвах, и услыша мя (ст. 1)

1. Каждый из прочих псалмов имеет собственное надписание, а здесь несколько псалмов, поставленных вместе, имеют одно надписание: *песнь степеней,* или, как говорит другой переводчик, *восхождений.* Некоторые называют их и *степенями.* Почему же, скажешь, они так названы? В смысле историческом потому, что в них говорится о возвращении из Вавилона и упоминается о тамошнем плене, а в смысле переносном потому, что они наставляют на путь добродетели: так некоторые понимают их. В самом деле, этот путь, подобно ступеням, мало-помалу возводит человека добродетельного и любомудрого и доводит его до самого неба. Другие говорят, что этим указывается на лествицу Иакова, которая была показана ему досягающей от земли до неба. Таким

образом и высшие, неприступные селения делаются доступными для нас, когда подставляются ступени и лестницы. Но так как восшедшие, по тому самому, что они взошли на высоту, могут подвергнуться омрачению от головокружения, то не только восходящим, но и достигшим самой высоты, нужно соблюдать предосторожность. Эта предосторожность состоит в том, чтобы не смотреть на то, сколько мы прошли, дабы не возгордиться, но смотреть вперед, сколько остается пройти, и стремиться туда. То же и Павел выражает, когда говорит: *задняя забывая, в предняя же простираяся* (Флп. III, 13). Таков переносный смысл этого слова. Но мы, если угодно, обратимся к истории и посмотрим на освободившихся из плена. Как же они освободились из плена? Любовью к Иерусалиму; напротив, те, которые не имели этой любви, нисколько не получили участия в милости Божией, но остались и умерли в рабстве. Если и мы будем подражать им, то испытаем то же самое. Если мы не будем исполнены любовью к благам небесным и желанием горнего Иерусалима, но постоянно будем привязаны к настоящей жизни, оскверняясь грязью забот житейских, то не сможем достигнуть отечества.

Ко Господу, внегда скорбети ми, воззвах, и услыша мя. Видишь ли пользу скорби? Видишь ли готовность милосердия Божия? Польза скорби, потому что она привела их к чистой молитве; готовность милосердия, потому что оно тотчас явилось к взывающим. То же Бог сделал и прежде, в Египте; потому и сказал: *видя видех озлобление людей моих, и вопль их услышах, и снидох изъяти их* (Исх. III, 7). Так и ты, возлюбленный, находясь в скорби, не отчаивайся, не малодушествуй, но тогда особенно и возвышайся духом, потому что тогда молитвы твои чище и благоволение Божие полнее, и все время проводи так, чтобы жизнь твоя была прискорбной, зная, что *вси хотящии благочестно жити о Христе*

Иисусе, гоними будут (2 Тим. III, 12), и что *многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие* (Деян. XIV, 22). Не люби поэтому жизни изнеженной и беспечной и не желай идти путем широким, который не ведет к небу, – а путем узким и тесным. Если ты хочешь достигнуть высших селений, то убегай удовольствий, попирай гордость житейскую, презирай богатство, славу и власть; избери бедность, сокрушение духа, покаяние, источники слез и стремись ко всему, чем можно приобрести спасение. Избравший это и сам находится вне опасности, и молитвы его делаются возвышеннейшими. Если ты таким образом устроишь себя и с таким сердцем будешь взывать к Богу, то Он непременно услышит тебя. Для этого пророк и сказал: *внегда скорбети ми, воззвах, и услыша мя*, чтобы ты научился возвышаться мало-помалу и окрылять свои молитвы, чтобы ты не унывал и не отчаивался во время скорбей, но извлекал из них пользу. Если пророк Елисей, человек, не попустил ученику своему отринуть припавшую к нему жену, сказав: *остави ю, яко душа ея болезненна в ней* (4 Цар. III, 27), и выразив этим не что иное, как то, что она имела для себя великую защиту и оправдание в скорби своей, то тем более Бог не отринет тебя, приступающего к Нему с прискорбной душой. Потому и Христос ублажает плачущих, а смеющихся называет несчастными. В беседе о блаженствах Он в самом начале говорит: *блажени плачущии* (Мф. V, 5). Итак, если хочешь восходить по этим ступеням, то отвергни изнеженность и беззаботность, стесни себя прискорбной жизнью, отстань от дел земных. Это – первая степень. Невозможно, никак невозможно в одно и то же время и восходить по лестнице, и оставаться на земле.

2. Ты видишь высоту неба, знаешь краткость времени, знаешь неизвестность смерти. Не медли же и не отлагай, но с великой поспешностью приступи к этому

шествию, чтобы в один день проходить по две, по три, по десять, по двадцать степеней.

Господи, избави душу мою от устен неправедных, и от языка льстива (ст. 2). Смотри, как здесь сияет евангельская заповедь: *молитеся, да не внидете в напасть* (Лк. XXII, 46). Подлинно, возлюбленный, ничто не может сравниться с искушением — попасть к человеку коварному; он опаснее дикого зверя. Зверь и кажется тем, что он есть; а тот часто скрывает яд под видом кротости, чтобы и коварство было незаметным, и впадал в яму неосторожно попавший. Потому-то пророк часто молит Бога об избавлении от таких злоумышленников. Если же должно избегать людей лживых и коварных, то тем более — развратителей, проповедующих нечестивое учение. Особенно можно назвать *устами неправедными* те, которые отклоняют от добродетели и увлекают к пороку. Поэтому пророк и просит Господа избавить от них душу его, потому что туда проникают стрелы их. *Что дастся тебе, и что приложится тебе к языку льстиву* (ст. 3)? Другой (неизвестный) переводчик говорит: *что доставит тебе или что прибавит язык льстивый?* Третий (неизвестный переводчик): *что дал бы тебе, или что прибавил бы тебе язык с коварством?* Эти слова выражают не что иное, как то, что такой порок велик, что такого рода зло тяжко. Поэтому, видишь ли, как пророк гневается, негодует и говорит: *что дастся тебе, и что приложится тебе к языку льстиву*, то есть какое достойное наказание найдется для этого зла? Подобным образом и Исаия говорил иудеям: *что еще уязвляетеся, прилагающе беззаконие* (Ис. I, 5)? То же и он говорит: *что дастся тебе, и что приложится тебе к языку льстиву?* Он или это говорит, или то, что в самом пороке уже заключается наказание; ты сам, еще прежде наказания, причиняешь себе наказание, рождая зло в самом себе. Действительно, порок есть величайшее наказание для души еще прежде наказания. Какое же

может быть достойное наказание для такого порока? Здесь — никакого, кроме поражения от Бога. Человек не может воздать за него по достоинству, потому что этот порок превышает всякое наказание; а Бог поразит его. Поэтому, желая показать это, пророк тотчас присовокупляет: *стрели сильнаго изощрены, со угльми пустынными* (ст. 4). *Стрелами* здесь опять он называет наказания. Другой переводчик (Симмах и Феодотион) говорит: *стрелы сильнаго изощрены, с углями, собранными в кучу.* Третий (Акила): *с углями можжевеловыми,* — такими переносными выражениями увеличивая страх наказания. И то — *с собранными в кучу,* и это — *с можжевеловыми* — заключает в себе одну мысль; только там представляется количество, а здесь качество и сила наказания. То же выражают и семьдесят толковников словами: *со угльми пустынными,* то есть опустошительными, разрушительными, истребительными. Вещами, страшными для нас, Писание означает и Божии наказания, называя их стрелами и огнем. А здесь, мне кажется, указывается также на иноплеменников, потому что другой (неизвестный) переводчик, выражая это, говорит: *избавь душу мою от уст лживых.* Таковы их слова, таковы козни и злоумышления, исполненные лжи и всякого нечестия.

Увы мне, яко пришелствие мое продолжися, вселихся в селении Кидарскими (ст. 5). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *увы мне, что пришествие свое я продолжил.* Третий (неизвестный) переводчик: *увы мне, что я пришельствовал долго.* Таким образом они сетуют о плене вавилонском; а Павел — о продолжительности здешней жизни: *сущии в теле сем,* говорит он, *воздыхаем отягчаеми* (2 Кор. V, 4); и еще: *не точию же, но и сами начаток духа имуще, и мы сами в себе воздыхаем* (Рим. VIII, 23). Действительно, настоящая жизнь есть странничество. Что я говорю: странничество? Она гораздо хуже и странничества. Потому Христос и назвал ее путем: *узкая врата,*

говорит Он, *и тесный путь, вводяй в живот* (Мф. VII, 14). И это есть самая лучшая и даже первая наука — знать, что мы странники в настоящей жизни. Древние исповедовали это и потому особенно прославились. Выражая это, Павел говорит: *темже не стыдится сими Бог, Бог нарицатися их* (Евр. XI, 16). Почему, скажи мне: *темже?* Потому, что они признавали себя странниками и пришельцами. Это — корень и основание великой добродетели. Кто здесь странник, тот там будет гражданином; кто здесь странник, тот не станет привязываться к настоящим благам, не будет заботиться ни о жилище, ни о богатстве, ни о пище, ни о чем другом подобном; но, как находящиеся в чужой стране, делают все и употребляют все меры к возвращению в отечество и каждый день стремятся увидеть страну, их произведшую, так и питающий любовь к будущим благам не огорчится здешними несчастными обстоятельствами и не возгордится счастливыми, но будет проходить мимо всего этого, как путник. Вот почему и в молитве нам заповедано говорить: *да приидет царствие твое,* чтобы мы, питая в душе желание и ожидание того дня и постоянно имея его перед глазами, не увлекались настоящим. Если иудеи, желавшие возвращения в Иерусалим, даже после освобождения, оплакивают прошедшее, то какое мы можем иметь извинение, какое оправдание, не питая сильной любви к горнему Иерусалиму?

3. Посмотри, как они оплакивают свое пребывание между иноплеменниками: *вселихся,* говорит, *в селении Кидарскими: много пришелствова душа моя* (ст. 6). Здесь они оплакивают не только свое пребывание в стране чужой, но и обращение с иноплеменниками. Так и другие пророки оплакивали настоящую жизнь и говорили: *у люте мне, яко погибе благочестивый от земли, и исправляющаго в человецех несть* (Мих. VII, 2); и этот самый пророк: *спаси мя Господи, яко оскуде преподобный* (Пс. XI, 1).

Настоящая жизнь тяжела не потому только, что она исполнена суеты и безвременных забот, но и потому, что в ней много успевают люди злые.

Нет ничего гнуснее и тяжелее обращения с такими людьми. Не столько дым и смрад тяготит глаза, сколько обращение с злыми людьми огорчает душу. Не помнишь ли, как и Господь наш Иисус Христос выразил тягость пребывания с ними? Когда Он сказал: *доколе буду с вами, доколе терплю вам* (Мф. XVII, 17), то указал на то, что содержится в словах: *вселихся в селении Кидарскими.* Это — варвары, которые обыкновенно поступают с подвластными им, как звери, живут в шалашах и пещерах и доходят до свирепости диких зверей. Но еще несноснее их хищники, корыстолюбцы, развратники, живущие в роскоши. *Много пришелствова душа моя.* Однако не много; только семьдесят лет. Но пророк называет их многими не по количеству, а по трудности обстоятельств. Для страждущих и немногие годы кажутся многими. Так должно чувствовать и нам: хотя бы мы прожили немногие годы, но должны считать их многими по сильному желанию будущих благ. Говорю это, не охуждая настоящей жизни, — да не будет; и она — дело Божие, — но желая возбудить в вас любовь к будущим благам, чтобы вы не привязывались к настоящему, не прилеплялись к плоти и не уподоблялись малодушным, которые, хотя бы прожили тысячи лет, говорят, что — мало. Что может быть безрассуднее этого? Что может быть грубее — тогда как предстоит небо и небесные блага, *ихже око не виде и ухо не слыша* (1 Кор. II, 9), гоняться за тенями и желать вращаться в пучине настоящей жизни, подвергаясь непрестанным волнам, бурям и кораблекрушениям? Не таков был Павел, но он спешил и стремился туда, и только одно удерживало его — спасение людей (см.: Флп. I, 23). *С ненавидящими мира бех мирен: егда глаголах им, боряху мя туне* (ст. 7). Видишь

ли, как он показывает тяжесть тамошней жизни? Не сказал: с неимеющими мира, но: *с ненавидящими мира бех мирен.* Видишь ли пользу скорби? Видишь ли плоды плена? А теперь кто из нас может сказать это? Желательно, чтобы мы с мирными были мирны; а он и с ненавидящими мир был мирен.

Как же и мы можем достигнуть этого? Если будем жить, как странники, — опять обращаю речь к тому же предмету, — если будем жить, как пришельцы, если не будем пленяться ничем настоящим. Подлинно, ничто не бывает столько причиной вражды и раздора, как любовь к настоящим благам, пристрастие или к славе, или к богатству, или к удовольствиям. Когда же ты разорвешь все эти узы и не попустишь душе пленяться чем-нибудь подобным, тогда увидишь, откуда берет свое начало раздор, где лежит основание добродетели. Для того Христос и повелевает нам быть овцами среди волков, чтобы ты не говорил: я потерпел то и то и оттого ожесточился. Хотя бы ты потерпел бесчисленное множество обид, продолжай быть овцой, и победишь волков. Такой-то человек зол и нечестив; но ты имеешь силу, которой можешь преодолевать и злых. Что смиреннее овцы? Что свирепее волка? Однако первая преодолевает последнего, как видно на апостолах, потому что нет ничего могущественнее кротости, ничего — сильнее долготерпения. Вот почему Христос и заповедует нам быть овцами среди волков. Но сказав это и желая объяснить, каков должен быть Его ученик, и что для него недостаточно этой простоты, то есть кротости овцы, прибавляет еще нечто другое: *будите,* говорит, *цели, яко голубие* (Мф. X, 16), соединяя кротость двух смирных и незлобивых животных. Такой требует Он от нас кротости, когда мы обращаемся среди злобных! Не говори мне: он зол, я не могу сносить. Тогда особенно и нужно показывать кротость, когда мы имеем дело со

злобными и враждебными; тогда и открывается ее сила, тогда и сияет ее действенность, достоинство и польза. *Егда глаголах им, боряху мя туне.* Другой переводчик (Симмах) говорит: *и как я говорил им, они враждовали,* выражая или: с ненавидящими мир я был мирен, или: за то, что я говорил им, они враждовали. Смысл этих слов следующий: во время самой беседы, говорит, когда я особенно выражал любовь свою, когда произносил особенно дружелюбные слова, тогда они и раздражались, строили козни, и ничто не укрощало их; но я продолжал соблюдать свою добродетель, несмотря на такое их расположение. Так должны поступать и мы; хотя бы нападали на нас любящих, хотя бы враждовали, хотя бы строили козни, мы должны соблюдать свое, помня заповедь, повелевающую быть подобными овцам и голубям среди волков, чтобы и их сделать лучшими, и самим достигнуть небесных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 120

Песнь степеней. Другой переводчик (Акила, Симмах и Феодотион) говорит: пение на восхождения

Возведох очи мои в горы, отнюдуже приидет помощь моя (ст. 1). Другой (неизвестный переводчик): возвожу очи мои в горы, откуда приидет помощь моя

1. Посмотри на душу, которая, подвергшись бедствиям, затрудняется, недоумевает и желает получить утешение через обращение к Богу. Это опять действие и польза искушений; они окрыляют ее, возбуждают и заставляют искать вышней помощи, отрешая от всего

житейского. Если же иудеи, грубые и привязанные к земле, от страданий во время плена сделались столь благоразумными и обратились к небу, то тем более мы во время бедствий должны поступать так и прибегать к Богу; от нас требуется большее совершенство, нежели от них. Находясь среди врагов, не имея ни города, ни стены, ни башни, ни оружия, ни помощи от людей, ни богатства и ничего подобного, но пребывая в плену и рабстве своих владык и вместе врагов, будучи угнетаемы такими великими бедствиями, они прибегли к непобедимой деснице и, лишенные средств человеческих, самой беспомощностью научились любомудрствовать; потому и говорили: *возведох очи мои в горы, отнюду же приидет помощь моя.* Все человеческое уничтожилось, погибло, исчезло; осталось одно только спасение — от Бога. *Помощь моя от Господа, сотворшаго небо и землю* (ст. 2). Видишь ли, как они ищут Бога везде, и на земле, и на небе, и на горах, и в пустыне, везде представляя Его перед собой? Видишь ли, как душа их возвышалась, как они проповедуют о промысле, простирающемся на все? Не напрасно пророк прибавил: *сотворшаго небо и землю,* но прикровенно выразил такую мысль: если Он сотворил небо и землю, то может помочь везде, и в чужой земле, подать руку и в стране иноплеменников, спасти лишенных и отечества; если Он одним словом произвел такие стихии, то тем более может избавить нас от иноплеменников. Видишь ли, как любомудрствуют те, которые были бесчувственнее камней и жили в чужой земле? Они вспоминают уже не о храме, но о небе и земле. Посмотри, как они исповедуют творчество, премудрость и промышление Божие. Те, которые прежде говорили дереву: *бог мой еси ты,* и камню: *ты мя родил еси* (Иер. II, 27), исповедуют теперь Творца вселенной. *Помощь моя от Господа,* а не от людей, не от коней, не от богатства, не от союзников, не от оград.

Помощь наша от Господа. Эта помощь непреодолима, это содействие непобедимо, и не только непобедимо, но и легко и удобно. Не нужно ни идти далеко, ни кланяться привратникам, ни издерживать деньги, ни отправлять посольства, но можно, оставаясь дома, приобрести это покровительство; только нужно отрешиться от всего человеческого, держаться этой надежды, иметь острое зрение и смотреть на предметы высокие.

Для того Бог и сотворил из всех животных только одного человека с прямым станом и утвердил глаза его в верхней части тела, чтобы научить его и самой внешностью, что он должен взирать в высоту. Только одно это животное устроено таким образом, а все прочие смотрят вниз и обращены к земле; человек же обращен к небу, чтобы он смотрел туда, о том любомудрствовал, о том помышлял и имел острое зрение души. Потому-то и сказал один Премудрый: *мудраго очи во главе его* (Еккл. II, 14), то есть он чужд всего низкого, стремится к небу, помышляет о высоком. *Не даждь во смятение ноги твоея, и не воздремлет храняй тя* (ст. 3). Видишь ли, какой эти слова требуют от нас ревности? Так как они упомянули о помощи Божией, призвали помощь свыше, то пророк увещевает, предлагает совет и как бы так говорит: если хочешь получить ее, то сделай достойное и со своей стороны. Что же именно он советует? *Не даждь во смятение ноги твоея,* то есть не уклоняйся, не соблазняйся, и тогда Бог подаст тебе руку помощи: не оставит тебя, не отступит от тебя.

Таким образом от нас зависит начало дела; оно в нашей власти. Если же это в нашей власти, то, желая получить что-нибудь, мы должны привносить нечто со своей стороны, — этого хочет и Бог, — хотя малое и незначительное, однако должны привносить, не оставаясь в бездействии, не предаваясь дремоте и сну, не отчаиваясь, но действуя и стараясь спасти себя. Потому Гос-

подь наградил и тех, которые работали только с одиннадцатого часа, хотя много ли могли сделать пришедшие в одиннадцатом часу (см.: Мф. XX, 6)? Но Он сделал это для того, чтобы в работе их получить повод, иметь основание к дарованию венцов. Потому пророк и говорит: *не даждь во смятение ноги твоея, и не воздремлет храняй тя*; когда ты сделаешь должное с твоей стороны, тогда последует и зависящее от Него. Отсюда открывается еще и то, что, если мы и сделаем должное с нашей стороны, и тогда имеем нужду в Его помощи, чтобы достигнуть безопасности, чтобы оставаться непоколебимыми.

2. Кто же попускает колебаться ноге своей? Тот, кто гоняется за вещами тленными, не имеющими твердого основания, например предается пристрастию к богатству, любви к житейскому. Потому такие люди часто колеблются и падают, подвергая сами себя крайней опасности. Эти вещи никогда не бывают твердыми и постоянными, но всегда колеблются и изменяются, колеблются хуже волн, проходят скорее водных потоков и рассыпаются легче всякого песка. *Се не воздремлет, ниже уснет храняй Исраиля* (ст. 4). Если ты, говорит, так устроил себя, то и Он *не воздремлет, ниже уснет*, то есть не презрит, не выдаст, не оставит тебя обнаженным и беспомощным. Желая выразить это, он не напрасно сказал: *храняй Исраиля*. Смысл этих слов следующий: если Бог постоянно, издревле, со времени предков твоих, действовал для доставления тебе безопасности, то Он не оставит Своего дела, не перестанет делать так, как делал постоянно, если только ты не дашь поколебаться ноге своей, и не только не оставит тебя, но и защитит с великой силой. *Господь сохранит тя, Господь покров твой на руку десную твою* (ст. 5). Другой (неизвестный переводчик): *по правую руку твою*. Он будет, говорит, твоим покровителем, помощником, защитником. Видишь ли, как и здесь он хочет сделать тебя деятель-

ным? Как бывает у воинов, стоящих в строю, Он станет по правую руку твою, чтобы ты был непобедим, деятелен, тверд, силен, чтобы воздвиг трофей, одержал победу, потому что этой рукой мы преимущественно делаем все. Он не только будет находиться при тебе и не только будет помощником твоим, но и покровом. Опять повторяю: предметами, близкими к нам, пророк означает помощь Божию; *десницею* и *покровом* изображает полное хранение и ближайшее содействие Божие. *Во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию* (ст. 6). Это было тогда, когда они выходили из Египта и странствовали в пустыне. Здесь он выражает великую безопасность. Впрочем, может быть, и тогда, при возвращении (из Вавилона), они удостоились подобного чуда каким-нибудь другим образом. Поэтому, желая показать особенное промышление Божие, пророк прибавляет, что Бог не только избавит их от бедствий, но и от того, что обыкновенно бывает с людьми, — потому что щедродательна милость Его, неизреченно человеколюбие, не по мере нужды нашей Он подает нам помощь Свою, но превышает дарами Своими и самые прошения наши. *Господь сохранит тя от всякаго зла, сохранит душу твою Господь* (ст. 7). Тот, Кто не попускает тебе подвергаться даже малым неприятностям и до такой степени простирает Свое попечение и промышление, конечно, еще более защитит тебя от всего другого. Великая печаль отступает и проходит от мановения Божия, чего у людей не может быть. Человек часто от одного зла избавил, а от другого — не мог, или и мог, но не хотел; а всемогущая и всесильная десница Божия, какое бы ни случилось бедствие, может прекратить его, может избавить и освободить тебя от всего. *Господь сохранит вхождение твое и исхождение твое* (ст. 8). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *пришествие твое.* Видишь ли постоянную помощь везде, и при входе и при выходе? Что мо-

жет сравниться с такой любовью, с таким человеколюбием? Этими словами пророк означает всю жизнь, потому что из этого слагается вся жизнь, из входов и выходов. Выражая это яснее, он присовокупляет: *от ныне и до века.* Не на один день, говорит, не на два, на три, на десять, на двадцать или на сто, но постоянно, чего у людей не бывает; у них великое непостоянство, частые перемены, внезапные перевороты, сегодня друг, завтра враг, сегодня помогает, завтра оставляет, и часто не только оставляет, но и начинает враждовать и строить козни злее всякого врага. Дела же Божии неизменны, постоянны, вечны, тверды, бесконечны. Чтобы и нам удостоиться их, будем исполнять должное с нашей стороны и таким образом достигать великой безопасности и будущих благ о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 121

Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем (ст. 1)

1. А теперь многие даже огорчились бы при таком приглашении. Если кто пригласит идти на конские ристалища или на зрелища беззакония, то стекаются многие; а в дом молитвы немногие идут без лености. Но не так было с иудеями. Что может быть прискорбнее, когда христиане оказываются беспечнее иудеев? Отчего же они сделались такими? Опять повторяю: от плена они сделались лучшими. Те, которые прежде гнушались и избегали храма и слушания изречений божественных, ходили на горы, в рощи и дубравы, и предавались великому нечестию, теперь оставили пристрастие к суеверию, с радостью внемлют этому призыву, пробуждаются, восстают и восхищаются в душе своей. Они страдали

голодом и жаждой, не *гладом хлеба и жаждою воды*, но *гладом слышания слова Господня* (Ам. VIII, 11), и испытав такое наказание, с большим желанием стремятся к тому, от чего прежде отступили. Они обнимают самый помост (Сиона) и говорят: *яко благоволиша раби твои камение его: и перстъ его ущедрят* (Пс. CI, 15); еще: *когда прииду и явлюся лицу Божию* (Пс. XLI, 3)? еще: *помяну тя от земли Иордански и Иермониимски от горы малыя* (Пс. XLI, 7); и еще: *сия помянух, и излиях на мя душу мою* (Пс. XLI, 5). Что, скажи мне, *помянул ты? Яко пройду в место селения дивна даже до дому Божия* (Пс. XLI, 5), то есть что я приду к этим ликам, этим торжественным собраниям, этому богослужению. *Стояще бяху ноги наша во дворех твоих, Иерусалиме* (ст. 2). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *я возвеселился, когда сказали мне: в дом Господенъ мы пришли; стали ноги наши во дворах твоих, Иерусалим.* Видишь ли чрезмерную радость? Как бы уже получив желаемое, они радовались самому призванию и с великой любовью обнимали дом молитвы и город.

Так Бог всегда поступает. Когда мы, владея благами, не чувствуем этого, то Бог исторгает их из рук наших, чтобы то, чего не сделало обладание, сделало лишение. То же испытали и они, обнимая храм, обнимая город, воздавая великую благодарность Богу за возвращение им отечества. *Иерусалим зиждемый яко град* (ст. 3). Другой (Симмах): *созданный, как город.* То есть по переводу семидесяти: *Иерусалим будет построен, как город,* — указывается на время до построения его; или, по другому переводчику: *мы возвратились в Иерусалим, построенный, как город,* — указывается на события после плена. Так как тогда во всем городе было великое запустение и развалины, башни были ниспровергнуты, стены разрушены, и только видны были остатки древнего отечества, то возвратившиеся иудеи, видя его запустение, припоминают прежнее его благосостояние, превозносят его

похвалами и говорят, что город столь славный и великолепный, имевший церковь, начальников, царей, первосвященников и отличавшийся великой красотой, доведен до такого жалкого состояния. А что это так, выслушай самые слова: *Иерусалим зиждемый яко град;* следовательно, тогда он еще не был городом. То же видно и из следующих слов, которые прибавляет пророк: *ему же причастие его вкупе.* Здесь он говорит, что в городе здания были слитные, твердые и сплошные, что между ними не было ничего пустого, но во всех местах он был застроен часто, совершенно, слитно, так что был до плена непрерывным и связным целым. Потому другой переводчик (Симмах), выражая это, говорит: *имеющий связь.* Далее высказывает ему и другую похвалу. *Тамо бо взыдоша колена, колена Господня, свидение Исраилево, исповедатися имени Господню* (ст. 4). Этим особенно украшался город, не столько великолепием и зданиями, сколько тем, что все стекались туда, когда происходило народное или церковное собрание или предстоял вопрос о чем-нибудь. Так как здесь находился храм, отправлялись все богослужебные обряды, были и священники, и левиты, и царский дворец, и неприступное (святое святых), и преддверие, и жертвы, и жертвенник, и праздники, и торжества, и молитвы, и чтения, одним словом — так как здесь сосредоточена была вся сущность общественного устройства, то сюда должны были собираться все колена, особенно три раза в год: в Пасху, в Пятидесятницу и в праздник кущей, потому что в других местах все это было не дозволено. Поэтому-то, в похвалу города, он и говорит: *тамо взыдоша колена.* Другой (Акила): *туда восходят скиптры.* Не просто сказал: *колена,* но: *колена Господня.* Хотя все колена были Господними, но им не было дозволено совершать все это в собственном отечестве; такая честь была предоставлена столице, собиравшей и привлекавшей к себе всех.

2. Это было установлено в целях богопознания, чтобы иудеи, блуждавшие повсюду, не имели поводов и путей к идолопоклонству. Потому Бог и заповедал там приносить жертвы, там молиться, там отправлять торжества, самым ограничением места желая оградить, удержать и обуздать их мысли, склонявшиеся к нечестию. Это и выражает пророк словами: *колена Господня, свидение Исраилево.* Что значит: *свидение Исраилево*? Величайшее свидетельство, доказательство, знак промышления Божия, при котором не оставалось им никакого оправдания, если они отступят, совратятся и уклонятся к идолам. Это было величайшим свидетельством Его промышления, силы и премудрости. Там читался закон, который содержит сведения и повествования о древних великих событиях; там они, встречаясь друг с другом, соединялись любовью; там совершившиеся торжества служили для них поводом и случаем к взаимным сношениям; усиливался страх (Божий), умножалось благочестие и бесчисленное множество благ происходило от стечения их в этот город. *Исповедатися имени Господню,* то есть благодарить, совершать богослужения, молиться, приносить дары и жертвы, что руководило их к благочестию и делало общественное устройство более твердым. *Яко тамо седоша престоли на суд, престоли в дому Давидове* (ст. 5). Вот и другое преимущество города. Какое? То, что там царские чертоги. Это именно означают слова: *яко тамо седоша престоли на суд, престоли в дому Давидове.* Другой (неизвестный) переводчик: *дома Давида.* Двоякое начальство, священников и царей, там соединялось в одно, так что город украшался как бы двойным украшением — венцом и диадемой. Там были судьи, к которым восходили дела, превышавшие разумение прочих. Если в каких-нибудь других городах возникал вопрос, приводивший в недоумение, то его представляли, как бы на апелляцию, к судьям иерусалим-

ским и оттуда получалось разрешение. Так было в древности; а теперь все было в жалком состоянии, — было совершенное запустение, разрушение, развалины, немногие остатки зданий жалкого вида, только намекавшие и напоминавшие о прежнем благосостоянии. Впрочем, пророк не ограничивает своей речи этими печальными воспоминаниями, но возбуждает радостную надежду и говорит: *вопросите же яже о мире Иерусалима* (ст. 6). Что значит: *вопросите же яже о мире Иерусалима?* Иначе сказать: просите, требуйте. Другой переводчик (Симмах) говорит: *приветствуйте Иерусалим,* то есть молитесь, чтобы он возвратился к прежнему благосостоянию, чтобы избавился от частых войн, чтобы получил наконец спокойствие. Или это говорит (пророк), или пророчествует. *Вопросите же яже о мире Иерусалима,* то есть мир будет дан ему. *И обилие любящим тя.* Другой (Симмах): *будут спокойны.* Третий: *да благоденствуют любящие тебя.* Здесь представляется величайшее благоденствие, когда оно не ограничивается только самым городом, но и любящие его наслаждаются благами, между тем как в прежние времена было напротив. Тогда те, которые ненавидели его и нападали на него, были особенно сильны, сильнее и славнее других, и легко одерживали победы. Но теперь те, которые любят тебя, будут в великой безопасности, будут ограждены вместе с тобой. Здесь он разумеет или тех, которые будут содействовать им, или самих граждан. *Буди же мир в силе твоей* (ст. 7). Другой (неизвестный переводчик): *в ограждении твоем.* Третий (Симмах): *в окрестности твоей.* Что значит: *в силе твоей?* Значит: в недрах твоих, в жителях твоих, в благосостоянии твоем. Так как война разрушительна и погубила его, то и желает ему мира. *И обилие в столпостенах твоих.* Другой (Симмах): *во дворцах твоих.* Третий (неизвестный переводчик): *благоденствие.* Четвертый (неизвестный переводчик): *спокой-*

ствие. Предсказывает им не только избавление от бедствий, но и получение бесчисленных благ: мира, изобилия, плодородия. Какая польза от мира, если будут жить в бедности, нищете, голоде? И какая польза от изобилия, если будет война? Потому он и предсказывает им и те и другие блага — и пребывание в изобилии, и пользование им в безопасности, в мире. *Ради братий моих и ближних моих* (ст. 8). Разумеет или соседей, радовавшихся их падению, и молится о мире, чтобы и те смирились и познали силу Божию, или говорит о братьях, живших в городе. Итак, *ради братий моих и ближних моих,* да будет мир, чтобы вы хотя поздно успокоились, сделавшись от бедствий лучшими. *Глаголах убо мир о тебе. Дому ради Господа Бога нашего взысках благая тебе* (ст. 9). Другой (неизвестный переводчик): *скажу мир в тебе.* Сказав: *ради братий моих и ближних моих,* и показав, что он молится об этом не ради заслуг их, но чтобы более облагодетельствовать их, прибавляет: *дому ради Господа Бога нашего,* то есть желаю мира для Его славы, для восстановления Его богослужения, для большого распространения Его учения. Одни из иудеев родились во время плена, а другие были свидетелями и отведения в плен и возвращения. Первые узнали обо всем этом от старейших, — о бывшем прежде, при совершении богослужения, благолепии и благоденствии, которого они лишились. Видишь ли, как он смиряет их гордость, чтобы не думали, будто они получили блага, как потерпевшие достойное наказание, но знали, что они возвращены в свое отечество для славы Божией, и зная это, были осторожны, чтобы, предаваясь прежним грехам, не испытать того же?

Зная это, и мы будем всячески стараться не падать; если же когда-нибудь впадем в грехи, то постараемся скорее встать и не обращаться к прежнему, чтобы не услышать сказанного расслабленному: *се здрав еси, кто-*

му не согрешай, да не горше ти что будет (Ин. V, 14). Это сказано для того, чтобы научить добродетельных крепко хранить свою добродетель, а освободившихся от грехов – оставаться при доброй перемене, дабы всем вместе получить небесные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 122

К Тебе возведох очи мои, живущему на небеси (ст. 1)

1. Видишь, как везде видна польза плена. Те, которые всегда привязаны были к земле, надеялись на ассириян и египтян, на крепость стен, на множество богатства, теперь отрешаются от всего этого, прибегают к непобедимой деснице, обращаются к этой надежде, приобретают высокие мысли и, отказавшись от земли и лишившись храма, – потому что храм их был разрушен, – призывают наконец Самого Бога с неба. Он называется живущим на небе не потому, чтобы ограничивался местом, – нет, Он все наполняет, – но потому, что Он преимущественно обитает в тамошних силах, подобно, как говорится, что Он обитает и в людях: *вселюся в них, и похожду* (2 Кор. VI, 16). Таким образом, находясь в стране иноплеменников, иудеи научились не малым истинам, именно – отрешаться от земли, и ясно понимать, что Бог везде скоро внемлет, когда призывают Его. Так как наконец появлялся луч новой жизни, то пророк и начинает касаться будущего, отвергая малопомалу и прикровенно закон о соблюдении мест. *Се яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущед-*

рит ны (ст. 2). Посмотри здесь опять, как возросло их благочестие: не на короткое только время они питают надежду на Бога, но навсегда предаются ей и утверждаются на ней. Потому приводят и сравнение, которым выражают именно то, что они ни от кого другого не ожидают себе помощи и содействия и ни к кому другому не обращают взоров, подобно как рабыня и раб имеют одно только средство к получению и пищи, и одежды, и всего содержания – от господ своих, и не перестают взирать на них, но ожидают, когда получат, а когда получат, то остаются благодарными, и поступают так постоянно. Так и они, желая показать, что они взирают на Него и делают это постоянно, что они не имеют никакой другой надежды и неотступно ожидают Его помощи, и что все, находящееся у них, принадлежит Ему, упоминают о рабынях и рабах. Смотри, как те, которые прежде, будучи приглашаемы идти к Богу, слушали это с отвращением и небрежностью, теперь от несчастий сделались настолько лучшими, что не хотят отступить от Него, но ожидают, служат и просят от Него, *дондеже ущедрит ны*. Не сказал: доколе даст награду, или: доколе сделает вознаграждение, но: *дондеже ущедрит*. Так и ты, человек, постоянно приступай, хотя получишь, хотя не получишь; если не получишь, не отступай, и непременно получишь. Если и жестокого начальника преклонила на милость неотступность вдовы (см.: Лк. XVIII, 5), то можешь ли иметь прощение ты, так скоро отступая от Бога, унывая и ослабевая? Не видишь ли, как служанки не отступают от господ, не позволяя ни мысли, ни взору блуждать по сторонам? Так поступай и ты; следуй одному Богу и, оставив все прочее, будь в числе Его слушателей, и непременно получишь то, чего просишь с пользой для себя.

Помилуй нас, Господи, помилуй нас, яко по многу исполнихомся уничижения. Наипаче наполнися душа наша (ст. 3).

Видишь ли сокрушенную душу? Они просят спасти их по милости, и даже не по милости заслуженной, а потому, что они потерпели великое наказание, как и Даниил говорит: *яко умалихомся паче всех язык по земли* (Дан. III, 37). То же и они говорят в своей молитве: мы потерпели крайнее бедствие, лишились отечества и свободы, сделались рабами иноплеменников, жили в унижении, были изнуряемы голодом, притеснением и жаждой, подвергались оплеванию и были попираемы ногами в течение всего времени: за это прости и помилуй нас. Что значит: *наипаче наполнися душа наша?* Самая душа наша, говорит, ослабела и изнурилась от великих бедствий. Многие, хотя подвергаются бедствиям, но переносят их мужественно; а мы, говорит, и этого лишились; мы унываем во время бедствий, сокрушаемся. Они не пользовались надлежащим образом дарованными им преимуществами; потому Бог и исправил их противным тому, как он всегда делает. Так, Адама, не употребившего на пользу пребывания в раю, Он исправил изгнанием из рая; и жену, сделавшуюся худшей от равной с мужем чести, Он сделал лучшей посредством порабощения и подчинения. Так и этих иудеев, которые от свободы и безопасности в своем отечестве сделались худшими, необузданными и невоздержными, Он исправляет противным тому. Умоляя о помиловании, они и говорят Богу: *наипаче наполнися душа наша.* Поношение *гобзующих и* уничижение *гордых* (ст. 4). Другой переводчик (Симмах) говорит: *многаго насытилась душа наша, от порицания благоденствующих, от презрения гордых.* Третий (Акила): *поношения надменных.* Четвертый (неизвестный переводчик): *унижения самих благоденствующих.* Они выражают одну и ту же мысль: оплакивают бедствия словами: *напиталась душа наша презрением*; а семьдесят толковников говорят другое, именно: чтобы все это обратилось на них, чтобы они сами испытали

то же, чему подвергли нас, чтобы смирилась их гордость и надменность. Так часто и случается; Бог обыкновенно делает это, смиряя высокомерных и унижая гордых, чтобы отклонить их от пути, ведущего к погибели. Нет ничего хуже гордости. Для того и бывают искушения и скорби, дано смертное тело и посылаются многие несчастные обстоятельства, для того страдания и болезни, чтобы крепко обуздать душу, которая легко надмевается и доходит до гордости. Поэтому не смущайся, возлюбленный, когда подвергаешься искушениям, но помня слова пророка: *благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием твоим* (Пс. CXVIII, 71), принимай несчастье за врачевство, пользуйся искушением надлежащим образом и достигнешь величайшего спокойствия, которого да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 123

Яко аще не Господь бы был в нас (ст. 1)

1. Часто я говорил, и теперь скажу, и не перестану говорить: велик плод плена и может приводить внимательных к любомудрию. В самом деле, посмотри, что говорят теперь после плена те, которые прибегали к идолам, отвращались от Бога и предавались нечестию, как они приписывают свое спасение Богу? И пророк, как превосходный хороначальник, заповедует им непрестанно говорить это. Сказав наперед сам, он внушает и им, как учитель ученикам, говорит: *да речет убо Исраиль: яко аще не Господь бы был в нас, внегда востати человеком на ны, убо живых пожерли быша нас* (ст. 2). Они были безоружны, наги, пленники, рабы, только что освободились от бедствий, имели город без стен, или даже вовсе не

имели города, и по возвращении были для всех готовой добычей; но вместо стены и крепости был у них Бог. То же и мы ныне будем говорить: *яко аще не Господь бы был в нас, убо живых пожерли быша нас.* Действительно, чего не сделал бы враг наш диавол, *аще не Господь бы был в нас*? Послушай, что Христос говорит Симону: *Симоне, Симоне,* сколько раз *сатана* просил, *дабы сеял* тебя, *яко пшеницу. Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя* (Лк. XX, 31, 32). Этот злой и ненасытный зверь, если бы не был непрестанно обуздываем, ниспроверг бы и расстроил все. Если он, получив некоторую малую власть над блаженным Иовом, разрушил дом его до основания, исказил его тело, произвел такие прискорбные события, истребил его имение, умертвил его детей, наполнил плоть его червями, вооружил жену, сделал друзей врагами, внушил рабам так оскорблять его, то, не будучи обуздываем различным образом, не погубил ли бы он всех? Потому и говорит пророк: *яко аще не Господь бы был в нас.* Они были весьма малочисленны и бедны, и многие нападали на них по возвращении.

Но и в том открывалась премудрость Божия, что не вдруг дана была им безопасность, а мало-помалу и постепенно. Бог сделал так для того, чтобы соблюсти их в боговедении и чтобы не исчезло исправление, произведенное в них пленом. Так как избавление от бедствий обыкновенно делает людей более беспечными, то Он и при самом даровании благ попускал им подвергаться частым искушениям, чтобы искушения были для них постоянным упражнением в любомудрии. Бог не оставляет людей навсегда ни в несчастье, чтобы они не изнемогли, ни в счастье, чтобы они не сделались беспечными; но различными способами устраивает их спасение. *Убо живых пожерли быша нас.* Видишь ли, как он изображает зверство нападающих? Действительно, есть люди, обнаруживающие свирепость зверей, и даже свирепее

их поступающие со своими единоплеменниками. Зверь, напав однажды, оставляет ярость и уходит, или, будучи прогнан, не нападает более; а люди часто после неудачи опять нападают, стараясь растерзать самое тело ближнего. Так безрассуден гнев, так кипит и клокочет эта страсть! Как же можем мы истребить эту болезнь? Если будем рассудительны, если будем помышлять о смерти у ежедневно умирающих, если будем вникать в самое естество наше, которое есть земля и пепел. Когда красота лица обольщает твою душу, то поди к памятникам и гробам предков и посмотри на лежащих там, как они обратились в прах, — и ты получишь от этого зрелища великое расположение к сокрушению. Не укоряй слов моих в жестокости. Как одержимые горячкой, освободившись от болезни, имеют нужду в чистом воздухе, так точно и неистовствующие страстями, пришедши к памятникам, как бы находят здоровое местоположение и избавляются от многих болезней. В самом деле, довольно одного вида урны, чтобы смирить человека самого гордого. Отсюда перенесись мыслью к будущему страшному дню, к тем истязаниям и осуждениям, к тем наказаниям, в которых нет утешения, от которых никто не защитит тебя. Всем этим усмиряй страсти. Вспоминай также о тех людях, которые в настоящей жизни из богатства впали в бедность, из славы — в бесчестие; и если хочешь гневаться, то гневайся не на сродного тебе брата, а на злого духа. Вот на кого ты можешь устремлять эту страсть; с ним не мирись никогда, на него изливай и истощай свой гнев, ему ставь западню, против него не переставай никогда вести войну. *Внегда прогневатися ярости их на ны, убо вода потопила бы нас. Поток прейде душа наша: убо прейде душа наша воду непостоянную* (ст. 3—5). *Потоком и водою* пророк называет здесь невыразимый гнев врагов. Он есть вода, несущаяся беспорядочно и с великой стремитель-

ностью и силой увлекающая то, что ей встречается. Впрочем здесь говорится не только о наступлении бедствий, но и о миновании их.

2. Не будем же падать духом, когда постигают нас бедствия. Каковы бы они ни были, они – поток и мимолетное облако; какую бы ты ни назвал скорбь, она имеет конец; на какое бы ни указал бедствие, оно имеет предел. А если бы они не имели конца, то недостало бы нашего естества. Но, скажешь, они увлекают многих? Не по собственной стремительности, а потому, что увлекаемые сами беспечны и легко претыкаются. Поэтому, чтобы нам не быть увлекаемыми и идти по самой глубине этого потока, будем осматривать местность его и держаться священного якоря, чтобы не потерпеть кораблекрушения. Так и поток воды до времени бывает страшен, а потом безмерно понижается. *Убо вода потопила бы нас.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *тогда воды потопили бы нас, как бездна, дошедши до души нашей. Убо прейде душа наша воду непостоянную.* Другой (Акила) говорит: *тогда вознеслись бы над душею нашею гордые, как воды.* Видишь ли, какова помощь Божия, как среди таких бедствий Он не попустил им подвергнуться потоплению? Бог попускает умножаться бедствиям не для того, чтобы потопить нас, но чтобы сделать нас более опытными и яснее показать Свою силу. Гордыми здесь называются враги, которые, нападая сильнее всякого потока и всякой неудержимой воды, не причинили им никакого вреда; а причиной этого помощь Божия, содействие свыше, непобедимая защита. Поэтому, сказав об избавлении от бедствий, пророк говорит и о Виновнике избавления, и притом в виде славословия: *благословен Господь, иже не даде нас в ловитву зубом их. Душа наша яко птица избавися от сети ловящих* (ст. 6, 7). Видишь ли, как он изображает и собственную слабость, и силу врагов? Те нападали, как дикие звери

и львы, готовые пожрать самое тело их, вооружившись и силой, и яростью; а эти были слабее всякой птички. Но дивные дела Божии тогда особенно и открываются, когда слабые побеждают сильных. Нападение было невыносимо не потому только, что, с одной стороны, были враги сильные и страшные, исполненные великой ярости и готовые пожрать самую плоть, а с другой, люди слабые, малочисленные и удобоуловимые, но и потому, что последние находились среди бедствий, поставлены были в самые затруднительные обстоятельства и со всех сторон угрожаемы войнами. Но всегда Сильный и готовый спасать избавил нас, говорит, с великой легкостью и после того, как мы подверглись бедствиям. Желая выразить это, он сказал так: *душа наша яко птица избавися от сети ловящих: сеть сокрушися, и мы избавлени быхом*. Потом, показывая и то, каким образом это было, прибавляет: *помощь наша во имя Господа, сотворшаго небо и землю* (ст. 8). Видишь ли силу Защитника? Видишь ли Его могущество? Он разрушил и самые средства нападения.

Это можно принимать и в переносном смысле, — в отношении к диаволу и роду человеческому. Пророк показывает, как Бог избавил от него, как разрушил козни его. Это произошло с того времени, когда Христос сказал ученикам: *наступайте на* змей *и на* скорпионов *и на всю силу вражию* (Лк. X, 19). Теперь уже не открытая борьба и не равный бой; но диавол лежит повергнутый на землю, а ты стоишь прямо и поражаешь сверху; он обессилен, а ты крепок. Почему же он часто одерживает над нами победу? По нашему малодушию, по беспечности спящих. Если ты захочешь противостоять ему, то он не посмеет идти против тебя. Если же он побеждает тебя спящего, то это происходит не от его силы, а от твоего малодушия. Кто, даже из самых слабых, не победит спящего? Но теперь крепкий свя-

зан, сосуды его расхищены (см.: Мф. XII, 29), сила его сокрушена, убежище его разрушено, мечи у него отняты. Чего же хочешь более? Почему боишься его? Почему страшишься? Тебе повелено попирать его, обессиленного: почему же ты трепещешь, скажи мне, почему колеблешься? Разве не понимаешь, какого имеешь ты Помощника? Ведь не только враг сделался слабее, но и помощь тебе стала больше. Волнения плоти усмирены, бремя греха свергнуто, ты получил благодать Духа, силу помазания: *немощное бо закона, в немже немоществоваше плотию, Бог Сына своего посла в подобии плоти греха, и о гресе осуди грех во плоти, да оправдание закона исполнится в нас, не по плоти ходящих* (Рим. VIII, 3, 4). Он сделал плоть покорной, даровал тебе оружие – броню правды, препоясание истины, шлем спасения, щит веры, меч Духа; дал тебе залог – плотью Своей питает тебя, кровью Своей напаивает тебя; вручил тебе крест, как копье, копье никогда несокрушимое; связал диавола и поверг его на землю. Итак, ты безответен, если бываешь побеждаем; не имеешь оправдания, если терпишь поражение, потому что имеешь бесчисленные средства к победе. *Сеть сокрушися, и мы избавлени быхом. Помощь наша во имя Господа, сотворшаго небо и землю.* Видишь ли, какой у тебя Вождь, какой Царь? Создатель всего, словом Своим произведший такие существа, столь огромные, столь великие. Не падай же духом, стой мужественно; ничто не препятствует тебе воздвигать славный трофей. Зная это, возлюбленные, будем бодрствовать и подвизаться, не будем спать, но, изострив оружие и усилив ревность, будем непрестанно нападать на врага, чтобы, одержав светлую победу, с великой славой достигнуть нам царства небесного, которого да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 124

Надеющиися на Господа, яко гора Сион (ст. 1)

1. Для чего пророк прибавил: *Сион*? Для чего не сказал просто: *яко гора*, но упомянул именно об этой горе? Для того, чтобы научить нас не падать духом в несчастьях, не погружаться в уныние, но, держась надежды на Бога, мужественно переносить все – и войны, и битвы, и смятения. Как эта гора, сделавшись некогда пустынной и лишенной жителей, опять достигла прежнего благосостояния и возвратила древнее благополучие вследствие возвращения своих обитателей и откровения чудес, так и мужественный человек, хотя бы потерпел бесчисленное множество бедствий, не поколеблется. Так и ты желай жизни не безопасной, бездейственной и безбедной, но неколеблющейся от опасностей. Не одинаково ведь можно показать свое искусство, оставаясь спокойно в пристани или переплывая волнующееся море. Один делается ленивым, беспечным и слабым; а другой, испытав много подводных камней, много скал, много бурных ветров и других морских опасностей, и перенесши все это, делает свою душу более крепкой. Ты введен в настоящую жизнь не для того, чтобы бездействовать, лениться, не терпеть никаких бедствий, но чтобы через страдания сделаться славным. Не будем же искать покоя, или роскошной жизни; желание этого прилично не мужественному человеку, а червю, более животному неразумному, нежели имеющему разум. Ты молись усердно, чтобы не впасть в искушение; но когда впадешь, то не скорби, не смущайся, не унывай, а употребляй все силы, чтобы сделаться славным. Не видишь ли, как мужественнейшие из воинов, слыша призывающую трубу, взирают на трофеи, на победы, на венцы, на доблестных предков? Так и ты, при звуке духовной

трубы, встань и будь мужественнее льва; иди и на огонь, и на железо. Самые стихии стыдятся истинно мужественных людей. И звери боятся таких храбрых мужей; хотя бы они рассвирепели от голода или от своих природных свойств, они забывают все, увидев праведника, и удерживают ярость свою. Итак, ограждай себя этим оружием, и ты не будешь бояться даже огня, хотя бы ты видел пламя, восходящее до неба. У тебя Вождь доблестный, всемогущий и одним мановением разрушающий опасности. Все — Его, и небо, и земля, и море, и звери, и огонь; все для Него легко изменить и передвинуть. Почему же, скажи мне, ты боишься? Не по чему иному, как по лености и собственному нерадению. Смерть не выше ли всех бедствий? Но и она есть долг природы. Почему же ты не извлекаешь пользы из этого долга? Если, волей или неволей, необходимо идти этим путем, то почему не идти с пользой, с подвигами, доставляющими не временные блага, но радость, превышающую здешние скорби? Если же эти слова кажутся тебе тяжкими, то представь людей, которые, не ожидая награды, подвергаются продолжительному страданию, постоянно борются с голодом, имеют неизлечимые и продолжительные болезни, заставляющие их часто желать прекращения жизни, а иногда бросаться в петлю и на меч. Тебя же ожидает небо и небесные блага, и ты не трепещешь, не страшишься, предаваясь беспечности и притом имея такого Помощника? Разве не слышишь слов пророка: *надеющиися на Господа, яко гора Сион*? Словом *гора* он выражает непоколебимость надежды на Бога, ее твердость, неприступность, непобедимость. Как никто не может ни сдвинуть, ни поколебать горы, хотя бы употреблял бесчисленные средства, так и тот, кто нападает на возлагающего надежду на Бога, возвратится домой с пустыми руками. Подлинно, надежда на Бога

гораздо тверже горы. *Не подвижится в век живый во Иерусалиме.* Другой переводчик (Симмах) говорит: *непоколебим во век живущий окрест Иерусалима.* Но, скажешь, разве не поколебались три отрока и Даниил? Нет. Они лишились отечества, подверглись плену, но колебания не показали никакого никогда; напротив, среди такого смятения, среди такого множества волн они, как бы стоя на камне и находясь в тихой пристани, не потерпели ничего неприятного. Не называй колебанием несчастные обстоятельства; не в этом колебание, а в погибели души и отпадении от добродетели; такому колебанию и среди опасностей не подвергаются люди бодрствующие, напротив, они укрепляют тогда свое любомудрие и сияют еще более. Если же хочешь принимать в переносном смысле эти слова: *неподвижится в век живый во Иерусалиме,* то вообрази тамошнее состояние, — в горнем отечестве. Подлинно, достигшие его свободны от всех превратностей. Там нет ничего соблазняющего, ни похоти, ни удовольствий, ни поводов ко греху, ни печали, ни болезни, ни опасности; всего этого там совершенно нет. *Во Иерусалиме, горы окрест его, и Господь окрест людей своих от ныне и до века* (ст. 2). Здесь пророк говорит и о защите, представляемой городу самым его местоположением; но не допускает надеяться на это, а возводит к непобедимой помощи — к Богу.

2. Хотя и горы, говорит, ограждают его, но он нуждается в той (высшей) защите: она делает его непобедимым. Поэтому другой (неизвестный) переводчик говорит: *Господь же окрест народа своего,* то есть не надейтесь на окрестные горы, потому что этот город делает непобедимым то, что *не оставит Господь жезла грешных на жребий праведных* (ст. 3). Показывает основательную причину помощи Божией, на которую они могут надеяться. Какую же? Бог не допустит, говорит, чтобы бла-

га праведных были в руках грешников. Говорит это как для того, чтобы они надеялись на помощь Божию, так и для того, чтобы пребывали в добродетели, если они хотят постоянно получать помощь Его и обладать собственными благами. Этим он показывает, что и обладание благами, и безопасность зависят от собственной их воли. *Жезлом грешников* называет царство врагов. А смысл этих слов следующий: не попустит владеть наследием праведных; если же на время Он попускал это, то для исправления, внушения и вразумления. *Да не прострут праведнии в беззакония рук своих.* Другой (неизвестный переводчик): *поэтому не простирают праведные на беззаконие рук своих.* Почему: *поэтому*? Потому, как выше сказано, что Бог защитит, отмстит, отразит, отгонит врагов от владений их. Он как бы так говорит: искушением наученные и рядом благ улучшенные, они постоянно будут жить в добродетели, и, вразумляясь тем и другим, не прикоснутся к пороку. Так все служило к тому, что душа их сделалась лучшей, от постигающих бедствий получая исправление и от подаваемых благ усиливая свою ревность. *Ублажи Господи благия* (ст. 4). Другой (неизвестный переводчик): *благотвори. И правыя сердцем. Уклоняющияся же в развращения отведет Господь с делающими беззаконие* (ст. 5). Видишь ли, что начало всего зависит от нас — и удостоиться благ и получить наказание? Но хотя начало от нас, однако и при этом сияет великий свет человеколюбия Божия. Он с великим избытком побеждает нас Своими воздаяниями; за грехи Он налагает соразмерное наказание, а за добрые дела дает превосходнейшее воздаяние. *Правыми* пророк называет здесь людей нелукавых, простосердечных, не имеющих в себе ничего скрытного и коварного. Такой правоты особенно Бог ищет везде. Такова добродетель: она проста и открыта, а порок, напротив, изменчив, извилист и запутан; это можно

видеть на опыте. Так, кто хочет солгать и обмануть, тот, представь, сколько употребляет усилий, сколько должен придумать различных средств и хитрых слов, сколько иметь ловкости. А кто говорит истину, тому не нужно ни труда, ни беспокойства, ни лицемерия, ни хитростей и ничего подобного, потому что она сияет сама собой. Как безобразные лица нуждаются во многих внешних уборах и покровах для прикрытия естественного безобразия, а прекрасные по природе, напротив, безыскусственно сияют сами собой, так бывает с ложью и истиной, с пороком и добродетелью. Отсюда очевидно, что порок еще прежде наказания сам причиняет наказание, а добродетель еще прежде воздаяния сама доставляет награду. Как добродетель заключает в себе самой награду еще прежде венцов, так порок заключает в себе самом мучение еще прежде наказания. Действительно, что может быть несноснее наказания, происходящего от греха? Потому и Павел, упоминая о развратниках, растлевающих свою красоту и извращающих законы природы, говорит, что в этом самом и заключается величайшее мучение еще прежде наказания. *Мужи,* говорит он, *на мужех студ содевающе, и возмездие, еже подобаше прелести их, в себе восприемлюще* (Рим. I, 27), называя возмездием греха их, самое распутство и действие. *Мир на Исраиля.* Молитвой (пророк) заключает речь. Таковы души святых: с увещанием и советом они соединяют молитву, доставляя слушающим величайшую помощь.

Мир здесь он разумеет не только чувственный, но и высший, от которого и тот происходит; молится, чтобы душа не восставала сама на себя, воздвигая борьбу страстей. Такого мира будем искать и мы, чтобы нам достигнуть обетованных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 125

Внегда возвратити Господу плен Сионь, быхом яко утешени (ст. 1). Другой (неизвестный) переводчик говорит: когда возратит Господь плен, мы будем утешены.

1. Слово *плен* по названию своему просто, но имеет много значений. Есть плен добрый, о котором, например, говорит Павел: *пленяющии всяк разум в* Христа (2 Кор. X, 5); есть и худой, о котором, например, он говорит: *пленяющии женишца, отягощенныя грехами* (2 Тим. III, 6); есть духовный, о котором говорится: *проповедати пленником отпущение* (Ис. LXI, 1); есть и чувственный – от неприятелей. Но первый – тяжелее. Взявшие кого-нибудь в плен по закону войны часто и щадят пленных; хотя заставляют их носить воду, рубить дрова и ходить за лошадьми, но нисколько не вредят их душе; а кто взят в плен грехом, тот приобрел себе властелина жестокого и беспощадного, принуждающего его к делам самым постыдным. Этот тиран не умеет ни щадить, ни миловать. Послушай, например, как он, взяв в плен жалкого и несчастного Иуду, не пощадил его, но сделал святотатцем и предателем, а по совершении греха, вывел его на зрелище перед иудеями, открыл его преступление и не допустил воспользоваться покаянием, но, предупредив раскаяние, довел его до петли. Грех есть властелин жестокий, дающий нечестивые приказания, подвергающий бесчестию повинующихся ему. Поэтому, увещеваю вас, будем с великой ревностью убегать власти его, будем бороться с ним, никогда не станем мириться с ним, и, освободившись от него, будем пребывать в этой свободе. Если иудеи, освободившись от иноплеменников, были утешены, то тем более мы, освободившись от греха, должны радоваться и восхищаться и хранить вечно эту радость, а не нарушать и

не осквернять ее, снова предаваясь тем же порокам. *Быхом яко утешени.* Другие (неизвестные) переводчики говорят: как *мечтающие во сне;* в еврейском: *как мечтающие во сне* (хаолемим). Что значит: *утешени?* Мы, говорит, исполнены покоя, радости, удовольствия. *Тогда исполнишася радости уста наша, и язык наш веселия. Тогда рекут во языцех: возвеличил есть Господь сотворити с ними. Возвеличил есть Господь сотворити с нами* (ст. 3, 4). Радость по случаю освобождения из плена не мало содействует перемене к лучшему. Но, скажешь, кто не радуется при этом? Отцы их, когда были освобождены из Египта и изведены из тамошнего рабства на свободу, с крайней неблагодарностью роптали среди самых благ, негодовали, были недовольны, постоянно сетовали. Но мы, говорит, не так: мы радуемся и восхищаемся. Высказывают и причину радости. Мы радуемся, говорит, не только по причине освобождения от бедствий, но и потому, что отсюда все узнают Божие промышление о нас: *тогда рекут во языцех: возвеличил есть Господь сотворити с ними. Возвеличил есть Господь сотворити с нами.* Не напрасно здесь допущено повторение, но для того, чтобы показать великую радость, какую имели они. Одни слова принадлежат язычникам, а другие – им. И, смотри, они не сказали: *спас нас,* или: *освободил нас,* – но: *возвеличил,* желая словом *возвеличил* выразить необычайность дела, исполненного чудесности. Видишь ли, что, – как я часто говорил, – через этот народ научилась вселенная, когда он был отводим в плен и возвращаем оттуда? Самое возвращение было вместо проповедника, потому что слух о них распространялся везде, открывая всем человеколюбие Божие; и поистине велики и необычайны были чудеса, совершившиеся с ними. Сам обладавший ими Кир отпустил их, когда никто не просил, но Бог смягчил душу его; и отпустил не просто,

а с дарами и пожертвованиями. *Быхом веселящеся. Возврати, Господи, пленение наше, яко потоки югом* (ст. 4). Почему он в начале псалма сказал: *внегда возвратити Господу плен Сионь*, а здесь: *возврати?* Он говорит о будущем. На это наводит нас особенно другой переводчик, который не сказал: *внегда возвратити*, но: *когда возвратит.* Притом, это дело, начавшись тогда, не вдруг совершилось все, но было много переселений иудеев, – было и первое, и второе, и третье.

2. Итак, или это говорит (пророк), или он молится, чтобы избавление было всецелое. Многие из иудеев хотели остаться в стране иноплеменников; поэтому, пламенно желая избавления, он говорит: *возврати пленение наше, яко потоки югом,* то есть побуждая и поощряя с великой стремительностью, с великой силой. Другой переводчик (Акила), выражая это самое, сказал: *как ручьи.* Третий (Симмах): *как протоки.* Четвертый (неизвестный переводчик): *как спуски воды. Сеющии слезами в радости пожнут* (ст. 5). Это сказано об иудеях, но часто может иметь приложение и ко многим другим случаям. Такова добродетель: она получает блистательные награды за труды. Поэтому нам нужно наперед трудиться и изнуряться и потом уже искать покоя. Это всякий часто может видеть и в делах житейских. Потому и пророк в речи своей указал на сеяние и жатву. Как сеющий должен работать, трудиться, проливать пот и переносить холод, так и упражняющийся в добродетели. Ничему так не несвойствен покой, как человеку. Потому Бог и сделал путь его узким и тесным; даже не только дела добродетели, но и дела житейские Он соединил с трудом, и последние гораздо более. И сеятель, и строитель, и путник, и дровосек, и ремесленник, и всякий человек, если хочет приобрести что-нибудь полезное, должен работать и трудиться. И как семена имеют нужду в дожде,

так мы в слезах. Как землю нужно пахать и копать, так и для души, вместо заступа, нужны искушения и скорби, чтобы она не произрастила худых трав, — чтобы смягчилась ее жестокость, чтобы она не возгордилась. И земля, без тщательного возделывания, не приносит ничего здорового. Итак смысл слов пророка следующий: нужно радоваться не только возвращению, но и плену, и за то и другое исповедовать благодарность Богу. Это — сеяние, а то — жатва. Как сеющие после трудов пользуются плодами, так и вы, говорит, когда отошли в плен, были подобны сеющим, испытывали скорби, труды, изнурение, бедствия, переносили ненастье, войну, дожди, холод и проливали слезы. Что дождь для семян, то слезы для страждущих. Но вот, говорит, за эти труды получили воздаяние. Таким образом, когда он говорит: *ходящии хождаху и плакахуся, метающе семена своя: грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя* (ст. 6), то говорит не о хлебе, а о делах, научая слушателя не унывать в страданиях. Как сеятель не унывает, хотя ему предстоит много трудностей, представляя обильную жатву, так и страждущему не должно унывать, хотя бы много встретилось ему прискорбного, ожидая жатвы, представляя плоды, происходящие от страдания. Зная это, будем и мы благодарить Господа и за страдания и за покой. Хотя обстоятельства бывают различны, но все вместе и каждое порознь направляется к одному концу, подобно тому как сеяние и жатва; будем же и бедствия переносить мужественно и с благодарностью, и покой — со славословием, чтобы нам сподобиться и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 126

Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии: аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий. Всуе вам есть утреневати: возстанете по седении (ст. 1, 2)

1. В этом псалме говорится о состоянии дел по возвращении иудеев из плена. Когда они, по освобождении из плена и по возвращении из страны иноплеменников, нашли город разрушенным, стены и башни обращенными в развалины, и начали восстановлять их, а между тем многие, завидуя благополучию иудеев и опасаясь их благоденствия, нападали на них с разных сторон и препятствовали делу, то среди таких событий тратилось время, и было потрачено времени столько, что более сорока лет употреблено на построение храма. Это выразили иудеи, когда говорили: *четыредесять и шестию лет создана бысть церковъ сия* (Ин. II, 20), разумея не первое построение храма при Соломоне, но последующее, бывшее после освобождения из Персии. Так как много тратилось времени на построение храма, города и стен (построение города потребовало еще больше времени), то пророк, научая их опять прибегать к Богу, объясняет это и показывает, что все будет напрасно и тщетно, если они не приобретут помощи от Бога. Без помощи Божией невозможно не только освободиться из плена, но и восстановить стену по освобождении. Что я говорю: восстановить стены и построить город? Даже построенного и оконченного никто не мог бы сохранить, если бы не имел такого содействия. Это говорит пророк для того, чтобы всеми мерами убедить их опять обращаться к помощи Божией, чтобы от спокойствия они не сделались более беспечными. Потому и Бог подавал им блага не вдруг, а постепенно и мало-помалу, чтобы после скорого избавления от бедствий

они не обратились опять к прежнему нечестию; и при самом даровании благ часто напоминал им о нападении врагов, непрестанно пробуждая их от беспечности. Слова пророка сказаны вообще, но получили начало от этого события. Действительно, их нужно прилагать ко всем, чтобы и мы сами не были беспечными, не оставались в бездействии, но чтобы, делая зависящее от нас, возлагали все на Бога, постоянно и во всем держась надежды на Него. Как без содействия Божия невозможно довести дела до конца, так и при помощи Божией, если мы сами будем беспечны и недеятельны, невозможно достигнуть конца. *Всуе вам есть утреневати: возстанете по седении* (ст. 2). Другой переводчик (Акила) говорит: *медлющим садиться.* Третий (неизвестный переводчик): *отсрочивающим сидение.* Смысл этих слов следующий: хотя бы вы не спали, хотя бы вставали до утра, хотя бы медлили ложиться спать, употребляя все время на труды и работу, но если вы не получите помощи свыше, то все дела человеческие разрушатся и от таких усилий не будет никакой пользы. *Ядущий хлеб болезни.* Этими словами он выражает, что они вели труженическую жизнь, будучи вместе и воинами, и строителями. Одной рукой, говорит, они держали корзину или камень, а другой — меч, разделяя себя для строения и войны, и вместе с щитами носили мусор. Так как город был не огражден стенами и беззащитен, то действительно иудеи, ежечасно опасаясь внезапных и нечаянных нападений, строили стены в вооружении; при них были мечи, щиты и копья, а вдали от них находились соглядатаи, которые извещали их о скрытных движениях врагов, и давали знак звуком труб, как скоро издали замечали их приближение. Но хотя бы вы делали это, говорит пророк, и ели хлеб в изнурении, все будет тщетно и напрасно, если не приобретете помощи свыше. Если же они так нужда-

лись в вышней помощи для восстановления города и стен, то гораздо более нуждаемся мы, идущие путем, который ведет на небо. *Егда даст возлюбленным своим сон. Се достояние Господне, сынове* (ст. 3). Какая здесь связь речи? Великая и неразрывная с предыдущим. Смысл этих слов следующий: если Бог не подаст Своей помощи, то все напрасно; а когда Он подаст Свою помощь, тогда и сон приятен, тогда будет и покой, и жизнь, свободная от опасностей и исполненная мира.

2. Итак, когда Бог даст им сон, когда Он успокоит их, когда Он отразит нападающих, тогда они не только построят город, не только сохранят его, но и получат гораздо большие блага: они будут отцами многих детей, Бог даст им еще многочадие. *Мзда плода чревняго.* Другой (неизвестный переводчик): *награда – плод чрева.* Что это значит? В награду, говорит, они получат многочадие. Хотя оно есть дело природы, но когда Бог подаст Свою помощь, то и оно будет успешнее, потому что и оно нуждается в помощи свыше, при ней наполнится Иерусалим множеством жителей. Впрочем, благоденствие их не ограничится только этим, то есть построением, сохранением и многочадием, но к этому присоединится и нечто другое; а что именно, пророк объясняет в дальнейших словах: *яко стрелы в руце сильнаго, тако сынове оттрясенных* (ст. 4). Другой (неизвестный переводчик): *связанных.* Смысл слов его следующий: они не только будут находиться за безопасными стенами, в укрепленном городе, среди многочисленных детей, но и будут страшны для врагов, так страшны, как стрелы. Не сказал просто: *стрелы,* но в *руце сильнаго.* Стрелы сами по себе не страшны, но: когда они в руках человека сильного, тогда грозят смертью нападающим. Так они будут страшны. Кто *они? Сынове оттрясенных,* то есть тех, которые некогда были слабы, были связаны. Он постоянно напоминает им и о прежних бедствиях во

время благоденствия, чтобы всеми средствами исправить сердце их, — и тем, что они потерпели, и тем, от чего избавились, и тем, чем будут наслаждаться. *Блажен человек, иже исполнит желание свое от них: не постыдятся, егда глаголют врагом своим во вратех* (ст. 5). Другой (Феодотион) говорит: *блажен, кто наполнит колчан свой ими.* То есть и это будет дано им: сила телесная, страх для других невыносимый, многочадие, безопасность, красота города, победа и трофеи на войнах. Потому он и ублажает их, как имеющих наслаждаться таким благоденствием. Они будут, говорит, вооружены. Но не в этом поставляет их блаженство, а в том, что они не постыдятся. *Не постыдятся, егда глаголют врагом своим во вратех.* Что это? Величайший трофей, величайшая слава, торжество, блаженство. Их не будут порицать, как будто не удостоившихся промышления Божия, или как будто имеющих бессильного Бога, или хотя и сильного, но отвергших от себя Его промышление своими грехами. Напротив, отличаясь всем этим — городом, стенами, стражей, детьми, оружием, силой, — они не будут скрываться при виде врагов, но будут встречать их с великим мужеством, украшаясь, превозносясь, величаясь всем этим, как знаком Божия покровительства над ними. Верх всех благ и венец блаженства — быть в состоянии величаться помощью Божией. Поэтому пророк этим и оканчивает речь, научая всех прежде всего искать этого украшения и хвалиться им. Будем же и мы приобретать это украшение, чтобы сподобиться вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 127

Блажени вси боящиися Господа (ст. 1)

1. Смотри, как пророк начинает здесь с того, чем кончил там. Как там он ублажал тех, которые не постыждаются, имея Бога своим помощником и защитником, так и здесь начинает тем же: *блажени*, говорит, *вси боящиися Господа*. Опять говорит о всех вообще, по поводу иудеев. Хорошо сказал он: *вси*. Будет ли кто рабом, или господином, бедным, или увечным, и кто бы то ни был, ничто не препятствует ему иметь это блаженство, о котором он говорит. Другое блаженство ложное и мнимое, которого домогаются многие, едва ли может составиться из множества благ, соединившихся вместе; и если эти блага не соединятся вместе, то никто из людей не может быть счастливым. Например: кто богат, тому этого недостаточно для счастья, а нужно присовокупить к тому и здоровье, потому что кто богат, но увечен, тот далек от счастья и даже несчастнее бедных. Многие люди богатые, но страждущие от болезни, считают блаженными бедных, собирающих милостыню по переулкам, а себя несчастными, несмотря на тысячи талантов. Если же иной и здоров, и богат, но недостает ему славы, то опять новое препятствие счастью. Есть люди, которые, имея много богатства и здоровое тело, невыносимо страдают при виде военачальников или облеченных другой властью. Не имея никаких почестей, они считают себя несчастнее всех, будучи обязаны подчиняться тем, в сравнении с которыми часто их слуги гораздо богаче. Далее, пусть будет и слава, и богатство, и телесное здоровье; но если не будет безопасности от козней бесчисленных врагов, завидующих, злоумышляющих, ненавидящих, осуждающих, клевещущих, то человек будет опять несчастнее всех, будет проводить жизнь зайца, боясь теней, трепеща и страшась

всех. Если же он будет свободен и от этого, будет любим всеми и все благополучно соединится у него, и слава, и богатство, и безопасность, и почести (чему соединиться невозможно, но допустим это), если все это стечется к нему и ни в чем не будет недостатка, если и любовь народа, и величие славы, и обилие богатства, и телесное здоровье, и всевозможная безопасность, и непобедимость соединятся у него, — то и такой человек, вступивший в брак со злонравной и развратной женой, часто бывает несчастнее всех, неимеющих ни одного из тех благ. Пусть у него и жена будет добрая и согласная с его мыслями и желаниями; но он имеет худых детей, и по необходимости бывает несчастнее всех, или вовсе не имеет их, и потому скорбит и плачет. Вообще, на что ни посмотришь человеческое, увидишь много недостатков. Для чего говорить о чем-нибудь другом? Часто худой слуга все расстраивает и приводит в беспорядок; и нет ничего столь непрочного, как гордость человеческая.

Но не таков боящийся Бога: он свободен от этих волн, пребывает в тихой пристани и вкушает истинное блаженство. Вот почему прóрок, оставляя все прочее, называет блаженным только его. Счастье человеческое невозможно, если не стекутся все блага, или, лучше сказать, когда и стекутся, то оно колеблется от того самого, что составляет его. Часто богатство погибает, красивая жена умирает, прислуга изменяет, дети делаются отцеубийцами, и вообще, как я сказал, во многих отношениях все это непрочно. А здесь, хотя бы стеклись все бедствия, ничто не только не вредит блаженству, но делает его более крепким и более прочным. Ни бедность, ни бесчестие, ни телесная болезнь, ни злоба жены, ни злонравие детей, и ничто другое ни подрывает и не колеблет этого блаженства. Оно не от них имеет свое начало, чтобы колебаться от их колебания, но имеет корень свы-

ше, и потому остается несокрушимым. Если хотите, объясним это примерами. Иосиф не был ли рабом, изгнанником, лишенным отечества, невольником варваров, сначала сарацин, а потом еще более свирепых египтян. Не считали ли его прелюбодеем? Не подвергался ли он обвинению и клевете? Не сидел ли в темнице? Не был ли заключен в узы? Но получил ли он от этого какой-нибудь вред? Напротив, поэтому он и стал блаженным. Подлинно, удивительно, что это блаженство, как я сказал, не только ничем не уменьшается, но еще становится блистательнее и славнее. Если бы Иосиф ничего такого не потерпел, то не был бы столь блаженным.

2. Хочешь ли, я скажу и о таких, которые сильно предавались порокам, но потом вдруг переменились и отстали от всякого зла? Кто был несчастнее разбойника? Но он вдруг стал блаженнее всех. Он совершил множество убийств, был приговорен к распятию на кресте, приведен на смерть, осуждаем всеми, проводил все время и истратил жизнь в делах злых; но так как он в короткое время показал, как следует, страх к Богу, то сделался блаженным. И блудница, торговавшая своей красотой и предававшаяся всем на поругание и потому бывшая несчастнее всех, стала блаженной, показав, как должно, страх к Богу. Нет зла, которого не уничтожал бы страх Божий. Как огонь, приняв железо, хотя бы самое испорченное и покрытое большой ржавчиной, делает его ясным и светлым, очищая его и совершенно исправляя повреждение, так и страх Божий в короткое время совершает все и не допускает ничему человеческому вредить тем, которые проникнуты им. Не был ли немощен Тимофей? Не был ли он постоянно в болезнях и страданиях? Но кто был блаженнее его? Иов, скажи мне, не находился ли в бедности, бесчадии, в жесточайших язвах телесных? Не подвергался ли оскорблениям, поруганиям, злословию, голоду и всем человеческим

бедствиям? Но и он стал блаженнее всех. Все это не только не поколебало его, но и сделало более твердым. И жена вместе со всеми другими огорчала его; но все это еще более прославило его. Представляя все это, пророк и говорит: *блажени еси боящиися Господа, ходящий в путех его.* Дабы ты не подумал, что для тебя достаточно страха, он присовокупил: *ходящий в путех его*, указывая на то и другое: *боящиися* и *ходящии.* Многие, имея правую веру, но проводя развратную жизнь, стали несчастнее всех. Поэтому, чтобы слова его не показались в этом отношении несправедливыми, он прибавил: *ходящии в путех его.* А какие это пути Божии, как не добродетельная жизнь? Через нее можно взойти на небо, достигнуть отечества и узреть Самого Бога, сколько возможно человеку зреть Его. *Путями же его* называются потому, что через них можно взойти к Богу.

Пророк не сказал: *путь*, но: *пути*, выражая, что они многочисленны и различны. Бог устроил много путей для того, чтобы обилием их сделать для нас восхождение к Нему легким. Одни из людей сияют девством, другие прославляются брачной жизнью, иные украшаются вдовством; одни отвергли все, другие – половину; те восходят праведной жизнью, эти – покаянием. Для того Бог и устроил так много путей, чтобы тебе удобно было идти. Ты не мог после бани крещения сохранить тело свое чистым? Можешь очистить себя покаянием, можешь богатством, милостыней. У тебя нет богатства? Можешь призреть больного, посетить заключенного, подать чашу холодной воды, принять странника под кров свой, пожертвовать две лепты, как вдовица, и плакать с плачущими; и это – милостыня. Но ты не имеешь ничего, совершенно беден, слаб телом и даже ходить не можешь? Переноси все это с благодарностью – и получишь великую награду. Такова была добродетель Лазаря. Он никому не помогал деньгами: как он мог

делать это, не имея сам необходимой пищи? Он не ходил в темницу: как он мог делать это, будучи не в силах сам подняться? Он не посещал больного: как он мог делать это, будучи сам облизываем псами? Но и без этого он приобрел награду за добродетель мужественным перенесением всего, – тем, что, видя жестокого и бесчеловечного в чести и роскоши, а себя в таких бедствиях, не произнес ни одного непристойного слова. Потому он и наследовал лоно Авраамово, хотя был ничем не лучше мертвого, бездейственно лежа тогда перед вратами богача; увенчан вместе с патриархом, совершившим так много добрых дел, прославлен и помещен в лоне его тот, кто не раздавал милостыни, не подавал руки обижаемому, не принимал странников, не мог сделать ничего другого подобного, но только за все благодарил Бога, и получил светлый венец терпения. Подлинно, великое дело – благодарность, любомудрие, терпение среди таких страданий; это – высшая добродетель. За то и Иов был увенчан. Поэтому и диавол говорил: *кожу за кожу, и вся, елика имать человек, даст за душу свою: обаче посли руку твою и коснися плоти его* (Иов. II, 4). Немалое дело – обуздать страждущую душу так, чтобы она ни в чем не согрешила. Это равно мученичеству; это – верх добра.

3. Так, если и ты, возлюбленный, подвергнешься болезни, горячке или ранам, и боль будет заставлять тебя сказать какую-нибудь хулу, но ты воздержишься, будешь благодарить и славить Бога, то получишь такую же награду. И для чего роптать, скажи мне, и произносить богохульные слова? Разве боль сделается оттого легче для тебя? Даже, если бы она и делалась легче, и тогда не следовало бы решаться на это, и терять спасение души, заботясь доставить облегчение своему телу. Между тем боль от этого не только не облегчается, но еще становится тяжелее. В самом деле, диавол, видя, что он получил некоторый успех, доведши тебя до ропо-

та, усиливает огонь печи, разжигает болезнь, чтобы ты исполнил его желание. Таким образом, если бы даже, как я сказал, боль и облегчалась, не должно делать этого; если же ты не получаешь никакой пользы, то для чего губишь сам себя? Но ты не можешь молчать? В таком случае благодари Бога; прославляй Того, Который искушает тебя в этой печи. Вместо ропота произнеси славословие. Тогда и награда тебе великая, и боль сделается легче. Так и блаженный Иов говорил: *Господь даде, Господь отъят*; и еще: *аще благая прияхом от* Господа, *злых ли не стерпим* (Иов. I, 21; II, 10)? Но мне, скажешь, Бог не дал богатства? Тем легче рана. Ведь не одно и то же лишиться богатства, насладившись им, или не испытав его жить в бедности. Если многие из людей бедных, видя бедствия других и сравнивая со своими, считают свои бедствия сравнительно тягчайшими, то, сравнивая себя не с другими, а с самими собой, они чувствуют скорбь, конечно, тем тягчайшую, чем более прежний опыт дает чувствовать потерю. Так и бесчадие, испытываемое с самого начала, легче бесчадия, следующего за многочадием. Не одно и то же — не получить чего-нибудь, или после получения лишиться. Итак, мужественно переноси все случающееся; это для тебя — мученический подвиг. В самом деле, не только то составляет мученичество, когда кто получает приказание принести жертву и не приносит ее, и даже решается лучше подвергнуться терзаниям, нежели исполнить это; но и то делает мучеником, когда кто, несмотря на боль, принуждающую роптать, решается терпеть и не говорить ничего непристойного. Так, Иов не за то увенчан, что получил повеление принести жертву и не принес ее, но за то, что мужественно перенес скорби. И Павел прославлен за то, что с благодарностью переносил бичевания, скорби и все прочее. *Труды плодов твоих снеси: блажен еси, и добро тебе будет* (ст. 2). Почему

пророк двукратно повторяет блаженство? Потому, что он знал великость этого блаженства, услаждался представлением его. А какое, скажи мне, будет *добро? Жена твоя (яко) лоза плодовита в странах дому твоего* (ст. 3). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *во внутреннейших.* Третий (неизвестный переводчик): *в чреслах. Сынове твои яко новосаждения масличная окрест трапезы твоея. Се тако благословится человек боящися Господа* (ст. 4, 5). Что, скажи мне, говоришь ты? Это ли блаженство? Это ли благо – благосостояние дома, наслаждение своими трудами, множество детей, жена? Нет; это только – прибавление. *Ищите прежде царствия небеснаго, и сия вся приложатся вам* (Лк. XII, 31). Так как пророк говорил людям еще несовершенным, то он и убеждает их, как малых детей, предметами чувственными. Не удивляйся этому. Если Павел во время такого любомудрия поступает так же с людьми, пресмыкающимися по земле, убеждая их таким же образом, то тем более это свойственно пророку. Где же так поступает Павел? Во многих местах. Так, когда он рассуждает о девстве, то ничего не говорит им о будущем, но представляет только освобождение от скорбей, происходящих от брака (см.: 1 Кор. VII, 28). Также, когда говорит о почитании родителей, то убеждает таким же образом: *яже,* говорит, *есть заповедь первая во* обетованиях. Какая заповедь? *Чти отца твоего и матерь твою и будеши долголетен на земли* (Еф. VI, 23). И опять, когда пишет о любомудрии в отношении к врагам, представляет чувственную награду, выражаясь так: *сие бо творя, углие огненное собираеши на главу его* (Рим. XII, 20). Но Христос – не так, потому что Он беседовал не со слабыми; но за девство Он назначает царство, а за любовь ко врагам – уподобление Богу, сколько возможно для людей быть подобными Богу. И даже в Ветхом Завете, когда руководились чувственностью, мы видим, что люди, способные к любомудрию, убеждались предметами высшими. Ука-

зывая на это, Павел говорит: *повере умроша сии, не приемше обетований, но издалеча видевше я, и целовавше* (Евр. XI, 13). Таким образом наградой боящимся Бога служит не только это — наслаждение собственностью, жена, дети, благосостояние дома, — это только избыток и прибавление; а главные и великие блага заключаются, во-первых, в самом страхе Божием, который сам по себе составляет награду, потом — в тех неизреченных благах, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. II, 9). *Благословит тя Господь от Сиона и узриши благая Иерусалима* (ст. 6). Другой (неизвестный переводчик): *и узри в благах Иерусалим. Благами* он называет город, богатство, благолепие, победы, почести, благосостояние, плодородие, безопасность, мир.

4. *Вся дни живота твоего.* Хорошо пророк прибавил эти слова о днях. Действительно, это — особенный знак дара Божия и доказательство Его промышления, чтобы не терпеть ничего человеческого, не терять и не испытывать превратностей, разве когда Бог во гневе Сам отнимает данное. *И узриши сыны сынов твоих* (ст. 7). Но многие, скажешь, боявшиеся Бога, остались бездетными. Что же из этого? Мы подвизаемся не для настоящих благ, но преимущественно для угождения Богу, а потом в надеждах на будущее. Тогда (в Ветхом Завете) было это наградой; а теперь — небо и блага небесные. Если ты и при страхе Божием не имеешь детей, то почему знаешь, не дал ли Он тебе других благ, больших этого благополучия? Он, *богат сый* (Еф. II, 4), не одним способом благодетельствует всем, но различно. Сколь многие, имевшие детей, считали блаженными не имевших? Сколь многие, имевшие богатство, кончили жизнь несчастнее бедных? Сколь многие, наслаждавшиеся славой, как бы пронзены были этим мечом и потерпели жесточайшие бедствия? Не исследуй же происходящего и не требуй отчета от Бога, но

переноси все мужественно и с благодарностью; в особенности не привязывайся ни к чему настоящему. Потому тебе и поведено возносить такую молитву, в которой ты произносишь только одно прошение о чувственном предмете, и больше ничего. Притом и оно, по умеренности своей, также становится духовным. Во всем прочем говорится нам о небе, тамошнем царстве, совершенной жизни, избавлении от грехов; а о предметах чувственных нам поведено произносить только одно слово. Какое? *Хлеб наш насущный даждь нам днесь* (Мф. VI, 11), и больше ничего. Так как мы призываемся к другому отечеству и предназначены к высшей жизни, то и наши прошения должны быть сообразны с ней; а эти временные блага, если они притекают, должно отвергать с великим усердием.

Мир на Исраиля. Другой (неизвестный) переводчик говорит: *и узри сыны сынов твоих, мир на Исраиле.* Молитва, соответствующая обществу. Этого особенно желают те, которые изнурены продолжительной войной. Какая для них польза в остальном, если нет мира? Потому он и обещает им главное из тогдашних благ, — безопасность, мир, и притом постоянный; это преимущественно и есть дело промысла Божия — давать и не допускать лишения. Человеческие предметы по самой природе своей скоропреходящи и непостоянны; поэтому, желая показать, что это дается им не просто, но по высшей воле и мановению Божию, пророк сказал: *вся дни,* — обещал мир постоянный. Так и было, сколько это зависело от Бога. Если же он был нарушен, то опять это произошло от их нечестия. Как тогда, когда Бог угрожает людям наказаниями, а они покаянием отклоняют гнев Его, Он останавливает наказания, так и тогда, когда обещаются блага, а имевшие воспользоваться обещанием окажутся недостойными, Он не исполняет обещания. Итак, сколько зависело от Него, Он обещал им мир на *вся дни*; но

они своим нечестием нарушили дар. Говорю это для того, чтобы мы не отчаивались, когда Он угрожает, но покаянием отклоняли гнев Его, и не предавались беспечности, когда Он обещает блага, но ревностью и исправностью в жизни доводили обещания до исполнения. Если мы не будем поступать так, то одно обещание не может спасти нас. Так и Иуде было обещано, что он сядет на престоле с одиннадцатью учениками, но он не сел; а причиной тому не Обещавший, но сам Иуда, оказавшийся недостойным обещания. Так и мы, имея обетование царства, не будем беспечными, но станем исполнять должное с нашей стороны, чтобы сподобиться вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 128

Множицею брашася со мною от юности моея, да речет убо Исраиль: множицею брашася со мною от юности мое ибо не премогоша мя (ст. 1, 2). Другой (неизвестный) переводчик говорит: но не одолели меня

Этот псалом находится в связи с предыдущим. Так как построение (храма) было прерываемо и дело не приближалось к концу, то пророк, желая внушить иудеям добрые надежды, чтобы они не отчаивались, примером прошедшего располагает их смело ожидать будущего и научает говорить эти слова. Какие? Враги, говорит, часто нападая, не могли преодолеть и не одержали полной победы; хотя они брали пленных, переселяли их в чужую страну и во многих войнах побеждали, но и тогда побеждали не собственной силой, а по грехам иудеев; притом не остались победителями до конца; они не могли ни совершенно истребить рода иудейского, ни

уничтожить города, ни окончательно погубить народа, но будучи на короткое время, по попущению Божию, победителями, они снова были побеждаемы. Чем были побеждаемы? Тем, что иудеи возвращались к прежнему благосостоянию. Это и выразил другой переводчик, сказав: *но не одолели меня. На хребте моем делаша грешницы, продолжиша беззаконие свое* (ст. 3). Что это значит? Они, говорит, строили козни, не как случилось, но с великими усилиями и хитростями, составляя обманы, нападая тайно; выражение *на хребте моем* означает или хитрость и коварство, или напряженность и великую силу; то есть они старались сокрушить самую силу мою. Другой переводчик (Акила и Феодотион), вместо: *делаша*, сказал: *воздельıвали*, дабы показать, что они козни против праведника обратили в занятие. *Продолжиша беззаконие свое.* Что говорит он? Показывает, что они нападали не только с силой, но и с великой настойчивостью, употребляя много времени, обращая козни в занятие и продолжая действовать непрестанно. Между тем они, говорит, не имели никакого успеха, не по нашей силе, а по силе Божией. Поэтому, указывая на Того, Кто воздвигал трофей и доставлял победу, он присовокупляет: *Господь праведен ссече вья грешников* (ст. 4). Другой (Акила и Симмах), вместо: *вья*, говорит: *сети*, выражая замыслы, хитрости, козни. Хорошо сказал он не: *разрушил*, но: *ссече*, чтобы лучше показать, что Бог сделал замыслы их совершенно бесполезными. И действительно, когда город стали строить снова, многие, снедаемые завистью, нападали со всех сторон, и делали это не раз или два, а многократно. То же было и с Церковью. Когда она начала насаждаться, то на нее постоянно нападали все: сначала цари, народы, властители, потом коварные еретики, и со всех сторон поднимались против нее великие и разнообразные войны. Однако ничто не одолело ее;

враги сокрушены, а Церковь процветает. *Да постыдятся и возвратятся вспять вси ненавидящии Сиона* (ст. 5). Другой (неизвестный переводчик): *да будут отражены назад. Да будут, яко трава на кровех, яже прежде восторжения изсше: ею же не исполни руки своея жняй.* Другой (неизвестный переводчик): *горсти своей.* И *недра своего рукояти собираяй: и не реша мимоходящии: благословение Господне на вы, благословихом вы во имя Господне* (ст. 6–8). Заключает увещание молитвой, внушая бодрость слушателю и указанием на прошедшее и самой молитвой и показывая несправедливую причину войны; они, говорит, подняли войну по зависти и ненависти. Поэтому и восклицает: *да постыдятся и возвратятся вспять ненавидящии Сиона.* Не только пусть будут побеждены, но притом – постыдно и позорно. Потом, сказав: *да будут яко трава на кровех*, останавливается на этом подобии, сравнивая их не просто с травой, но с травой на кровлях. Хотя трава и на тучном поле скоро увядает, но он, желая сильнее выразить ничтожность противников, сравнивает их с травой на кровлях и таким образом показывает их непрочность с двух сторон – и свойством травы, и свойством места. Таковы, говорит, замыслы врагов – они не имеют ни корня, ни основания, но на короткое время кажутся цветущими, а потом обличаются и падают сами собой. Таково и благоденствие живущих нечестиво, такова слава житейских благ! Они лишь только являются, тотчас и исчезают, не имея ни основания, ни силы. Вот почему не должно прилепляться к ним, но, представляя их скоротечность, стремиться к предметам вечным, непоколебимым и не подвергающимся превратности, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 129

Из глубины воззвах к тебе Господи, Господи услыши глас мой (ст. 1)

1. Что значит: *из глубины*? Не просто устами, не просто языком, – потому что слова льются и тогда, когда мысль блуждает, – но из глубины сердца, с великим усердием и ревностью, из самых оснований души. Таковы души скорбящих: они потрясаются всецело, в самом сердце, призывая Бога с великим сокрушением; потому и бывают услышаны. Такие молитвы имеют великую силу, не рассеиваясь и не колеблясь, хотя бы диавол нападал с великой дерзостью. Как дерево крепкое, весьма глубоко пустившее корни в землю и обхватившее недра ее, противостоит всякому порыву ветра, а дерево, держащееся на поверхности, колеблется при малом дуновении ветра, вырывается с корнем и падает на землю, так точно и молитвы, исходящие из недр души и имеющие корень в глубине ее, остаются крепкими и неослабными и не колеблются, хотя бы приступали бесчисленные помыслы и все полчище диавола; а молитвы, исходящие из рта и с языка, но не происходящие из глубины души, не могут даже взойти к Богу, по беспечности молящегося, потому что малейший стук возмущает его и всякий шум отвлекает его от молитвы, – уста его издают звук, но сердце пусто и ум не занят. Не так молились святые; но с такой ревностью, что преклонялось и все тело. Блаженный Илия, готовясь молиться, во-первых, искал уединения; потом, положив голову между коленами и воспламенив в себе великую горячность, таким образом совершал молитвы (см.: 3 Цар. XVIII, 42). Если хочешь видеть и прямо стоящего на молитве, то посмотри опять на него же, когда он обратился к небу и молился с таким напряжением, что низвел огонь свыше (см.: 3 Цар. XVIII, 36). Также, когда он хотел воскресить сына вдовы, то про-

стерся весь и совершил это воскрешение, не рассеиваясь и не зевая, подобно нам, но воспламеняясь ревностной молитвой. Впрочем, для чего говорить об Илие и других святых?

Я часто видал женщин, которые за отсутствующего мужа или больного ребенка так молились из глубины души, проливали такие потоки слез, что достигали цели молитвы. Если же так пламенно молятся женщины за ребенка и отсутствующего мужа, то может ли получить прощение муж, молящийся безжизненно, с мертвой душой? Потому мы часто и отходим тщетными после молитвы. Послушай, как Анна молилась из глубины души, какие проливала потоки слез, как возвышалась посредством молитвы (см.: 1 Цар. I, 10). Кто молится таким образом, тот еще прежде, нежели получит просимое, получает от молитвы великие блага: укрощает все страсти, смиряет гнев, изгоняет зависть, подавляет похоть, ослабляет любовь к вещам житейским, доставляет душе великое спокойствие, восходит на самое небо. Как дождь, падая на твердую землю, размягчает ее, или как огонь смягчает железо, так подобная молитва, еще сильнее огня и лучше дождя, смягчает и орошает ожесточенную от страстей душу. Душа сама по себе нежна и восприимчива; но как вода Истра часто окаменевает от холода, так и душа наша от греха и беспечности отвердевает и делается камнем. Поэтому нам нужна великая горячность, чтобы размягчить затверделость ее. Это преимущественно совершает молитва. Итак, когда ты приступаешь к молитве, то заботься не о том только, чтобы получить просимое, но чтобы и во время самой молитвы сделать свою душу лучшей, — потому что и это производит молитва. Молящийся таким образом становится выше всего житейского, окрыляет свой ум, делает мысль свою легкой, не уловляется никакой страстью. *Из глубины воззвах к тебе Господи.* Здесь пророк употреб-

ляет два выражения: *из глубины* и *воззвах*, разумея под *воззванием* не звук голоса, а расположение души. *Господи услыши глас мой.* Отсюда мы научаемся двум истинам: во-первых, той, что невозможно получить чего-нибудь от Бога, если не будет должного с нашей стороны; потому он наперед сказал: *из глубины воззвах*, а потом: *услыши*; во-вторых, той, что молитва напряженная и исполненная слез умиления может с великой силой преклонять Бога к принятию молитвы; потому пророк, как бы совершив нечто великое и исполнив должное со своей стороны, продолжает: *Господи услыши глас мой, да будут уши твои внемлюще гласу моления моего* (ст. 2). *Ушами* он называет способность слушать; а под *гласом* опять разумеет не звук дыхания, не крик, а напряженное состояние души. *Аще беззакония назриши Господи, Господи, кто постоит* (ст. 3)? Дабы кто-нибудь не сказал: я, грешник, исполненный бесчисленных зол, не могу приступать, молиться и призывать Бога, пророк для уничтожения такого недоумения говорит: *аще беззакония назриши Господи, Господи, кто постоит*? Слово: *кто* здесь означает: никто, потому что невозможно, поистине невозможно, никому никогда удостоиться милости и человеколюбия, если будут исследованы дела его со всей строгостью.

2. Это мы говорим не для того, чтобы ваши души предавались беспечности, но чтобы ободрить впадающих в отчаяние. *Кто похвалится чисто имети сердце; или кто дерзнет рещи чиста себе быти от грехов* (Притч. XX, 9)? Но для чего говорить о других? Если бы я вывел Павла и стал требовать от него строгого отчета в делах его, то и он не мог бы устоять. В самом деле, что он мог бы сказать? Он тщательно изучил пророков, был ревнителем отеческого закона, видел совершавшиеся знамения, и однако оставался гонителем и переменился не прежде, как получив чудное видение и услышав страшный глас; а до того времени все приводил в смятение и раз-

рушал. Но Бог, несмотря на все это, призвал его и удостоил великой благодати. А верховного Петра не обвиняет ли то, что он подвергся тяжкому падению после бесчисленных чудес и знамений, после такого предостережения и совета? Но Господь, несмотря на это, поставил его первым апостолом. Потому и говорил: *Симоне, Симоне, се сатана просит дабы сеял* тебя, *яко пшеницу. Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя* (Лк. XXII, 32). После этого, если бы Бог пришел судить не с милостью и человеколюбием, но требовать строгого отчета, то непременно всех нашел бы виновными. Вот почему и Павел говорил: *ничесоже в себе всем, но ни о сем оправдаюся* (1 Кор. IV, 4). *Аще беззакония назриши Господи, Господи.* Не напрасно пророк употребляет повторение, но в знак своего удивления и изумления великому человеколюбию Господа, бесконечному Его величию и неизмеримой пучине Его благости. *Кто постоит?* Не сказал: кто убежит, но: *кто постоит*? Не в состоянии будет, говорит, даже устоять. *Яко у тебе очищение есть.* Что значит: *яко у тебе очищение есть*? Избежать наказания можно не за наши добродетели, но по Твоей благости, потому что избавить от суда зависит от Твоего человеколюбия. Если мы не удостоимся его, то наши дела не в состоянии спасти нас от будущего гнева.

3. Объясняя это, Сам Бог через пророка говорит: *аз есмь заглаждаяй беззакония твоя* (Ис. XLIII, 25), то есть это – Мое дело, дело Моей благости, Моего человеколюбия; твои дела никогда не в состоянии избавить тебя от наказания, если не присоединится Мое человеколюбие. И еще: *аз терплю вам* (Ис. XLVI, 4). *Имене ради твоего потерпех тя Господи, потерпе душа моя в слово твое: упова душа моя на Господа* (ст. 4). Другой переводчик (Симмах) говорит: *ради закона твоего.* Третий (неизвестный переводчик): *ради познания слова твоего.* Смысл этих слов следующий: ради человеколюбия Твоего, ради закона

Твоего я ожидал спасения, – потому что если бы я смотрел на свои дела, то давно отчаялся бы, давно потерял бы надежду; но теперь, внимая закону Твоему и слову Твоему, я питаю добрые надежды. Какому слову? Слову человеколюбия, потому что Он Сам говорит: *якоже отстоит небо от земли, тако* отстоят *помышления* моя *от мысли* вашей *и* пути мои *от путей ваших* (Ис. LV, 9). Также пророк говорит: *по высоте небесней от земли утвердил есть Господь милость свою на боящихся его;* и еще: *елико отстоят востоцы от запад, удалил есть от нас беззакония наша* (Пс. CII, 11, 12). То есть не только совершавших добрые дела Я спасал, но и грешников щадил, и среди беззаконий твоих оказывал тебе Мое покровительство и попечение. Другой (неизвестный) переводчик говорит: *чтобы ты был страшным, я ожидал Господа.* Для кого страшным? Для врагов, для зложелателей, для враждующих против меня. Еще что значит: *имене ради твоего?* Хотя, говорит, я грешник и исполнен бесчисленных зол, но знаю, что Ты не попустишь нам погибнуть, чтобы не посрамилось имя Твое. Так Он Сам говорит у Иезекииля: *не вам аз творю, но имене моего ради,* чтобы не сквернилось оно в *языцех* (Иез. XXXVI, 22). То есть мы недостойны спасения и за свои дела не можем ожидать ничего доброго, но ради имени Твоего ожидаем спасения; нам осталась эта надежда спасения. Другой переводчик (Акила и Феодотион) говорит: *ради страха я ожидал Господа.* Третий (Симмах): *ради закона я ожидал Господа. Потерпе душа моя в слово твое.* Другой (неизвестный переводчик): *ожидала душа моя слова его.* Третий (Акила): *терпела душа моя и слова его ожидал* я. То есть в предвещаниях и постоянных обетованиях человеколюбия и благости Его я имел священный якорь и не отчаивался за себя. *От стражи утренния до нощи, да уповает Исраиль на Господа* (ст. 5), то есть во всю жизнь, во всякую ночь и день. Подлинно ничто так не может достав-

лять спасения, как постоянное обращение к Нему, как сохранение этой надежды, хотя бы стеклось бесчисленное множество обстоятельств, повергающих в отчаяние; это – стена несокрушимая, безопасность невозмутимая, крепость непобедимая. Поэтому, хотя бы обстоятельства угрожали смертью, опасностью, совершенной погибелью, не переставай надеяться на Бога и ожидать от Него спасения, потому что для Него все легко и удобно, и из безвыходных обстоятельств Он может доставить выход. Не тогда только надейся получить Его содействие, когда дела твои текут счастливо, но особенно тогда, когда настанет волнение и буря, когда будет угрожать крайняя опасность; тогда-то особенно Бог и показывает Свою силу. Таким образом смысл слов пророка следующий: должно надеяться на Бога постоянно, во все время, во всю жизнь. *Яко у Господа милость, и многое у него избавление: и той избавит Исраиля от всех беззаконий его* (ст. 6). Что значит: *яко у Господа милость*? Здесь, говорит, сокровищница и источник человеколюбия, постоянно текущий. Где милость, там и избавление, и не просто избавление, но *многое* избавление и беспредельная пучина человеколюбия. Итак, хотя бы грехи предавали нас погибели, мы не должны падать духом и отчаиваться. Там, где милость и человеколюбие, не требуется строгого отчета в грехах, так как Судья, по великой милости Своей и по расположению к человеколюбию, многое прощает. Такой судья – Бог, готовый и расположенный постоянно миловать и давать прощение. *И той избавит Исраиля от всех беззаконий его.* Если Бог таков, если везде источается великое человеколюбие Его, то несомненно, что Он спасет и народ Свой, и избавит его не только от наказания, но и от грехов. Зная это, будем и мы призывать и просить Его, и никогда не отступать, получим ли мы или не получим. Если в Его власти – дать, то в Его власти и то, когда

дать; Он Сам точно знает для этого время. Итак, будем просить, молить, уповать на Его милость и человеколюбие, и никогда не отчаиваться в своем спасении, но будем делать должное с нашей стороны, и тогда несомненно последует нужное с Его стороны, так как у Него неизреченная благость и беспредельное милосердие, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 130

Господи, не вознесеся сердце мое, ниже вознесостеся очи мои (ст. 1). Другой (неизвестный) переводчик говорит: и не возвышались. Ниже ходих в велиих, ниже в дивных паче мене. Другой (Акила и Феодотион): в великолепиях. Третий (Симмах и Феодотион): в величиях и в превышающем меня

Что это? Павел называет неразумием — хвалить самого себя даже в случае необходимости, почему и говорит: *бых несмыслен хваляся: вы мя понудисте* (2 Кор. XII, 11). А пророк неужели не знал этого, хвалясь теперь не перед двумя, тремя или десятью человеками, но перед всей вселенной, и хвалясь так: я смирен и умерен, смирен чрезмерно и кроток? Это именно означают слова: *яко отдоеное на матерь свою* (ст. 2). Почему же он делает это? Потому, что это дело не всегда непозволительно, но иногда бывает и необходимо, и даже случается, что мы бываем неразумными не потому, что хвалимся, а потому, что не хвалимся. Потому и Павел говорит: *хваляйся, о Господе да хвалится* (2 Кор. X, 17). Так, кто не хвалится крестом, тот неразумнее и несправедливее всех; кто не хвалится верой, тот презреннее всех; кто не хвалится и не превозносится этим, тот непременно

погибнет. Вот почему апостол и говорил с дерзновением: *мне же да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. VI, 14). Также сказано: *да не хвалится богатый богатством своим, и мудрый мудростию своею, но о сем да хвалится, еже разумети и знати Господа* (Иер. IX, 23, 24). А когда хвалиться худо? Когда мы делаем это, как фарисей. Почему же, скажешь, Павел сказал: *бых не смыслен хваляся: вы мя понудисте* (2 Кор. XII, 11)? Потому, что он говорил о делах своей жизни и поведения, о которых не следовало говорить без нужды. Но в другом месте он говорит: *аще и восхощу похвалитися, не буду безумен: истину бо реку* (2 Кор. XII, 6). Таким образом, кто говорит истину, по требованию обстоятельств, тот не безумен. Следовательно, и пророк, когда хвалится, не безумен, потому что говорит истину. А для чего он обратил речь свою к этому предмету? Для того, чтобы научить слушателей по избавлении от зла не возвращаться к безумию, по освобождении от уз не неистовствовать снова и не подпадать игу другого плена. Повествуя о своих качествах, он вразумляет слушателя и не говорит: я надмевался и удержал эту страсть, — но что? *Не вознесеся сердце мое*, то есть этот порок даже не коснулся души моей. Сердце его было как бы некоторой необуреваемой пристанью, не допускавшей к себе волн порока, который есть источник всех зол и корень крайнего нечестия. Что же значит: *Господи, не вознесеся сердце мое, ниже вознесостеся очи мои*? Я не возвышал бровей, говорит, и не поднимал шеи. Из внутреннего источника страсти болезнь выходит и на наружность, приводит и тело в состояние, сообразное с внутренней заразой. *Ниже ходих в великих, ниже в дивных паче мене.* Что значит: *в великих*? С людьми надменными, богатыми, гордыми, тщеславными. Видишь ли истинное смиренномудрие? Он не только сам был свободен от этой болезни, но избегал и зараженных ею, и избегал подобных собра-

ний, по великой ненависти своей к надменности; отвращаясь этого порока, он не только сам избегал его, не только сделал область сердца своего недоступной для него, но и от преданных ему убегал далеко, чтобы не получить от них какой-нибудь заразы.

Немаловажное дело — избегать надменных, ненавидеть гордых, отвращаться от них и гнушаться ими; это — величайшая опора добродетели, величайшая ограда смиренномудрия. *Ниже в дивных паче мене.* Другой: *и в превышающем меня. Аще не смиреномудрствовах, но вознесох душу мою, яко отдоеное на матерь свою, тако воздаси на душу мою* (ст. 2). Другой (Симмах): *так да воздастся душе моей.* Это — усиленное выражение. Если я, говорит, не был смирен, как грудное дитя при матери своей, но надмевался сердцем своим, то пусть будет воздано душе моей. Смысл слов его следующий: я не только был чист от этого порока, то есть гордости, и не только удалялся от имеющих его, но и в высшей степени приобрел противоположную ему добродетель — смирение, умеренность, сокрушение. То же и Христос заповедал ученикам: *аще не обратитеся, и будете яко дети, не внидете в царство небесное* (Мф. XVIII, 3). Я приобрел, говорит, такое смирение, какое у грудного дитяти; как оно держится за мать, бывает смиренно, чуждо всякой надменности, просто и кротко, таким и я был в отношении к Богу, держась Его постоянно. Впрочем, он не без причины упоминает о грудном дитяти, но хочет изобразить скорбь свою, затруднение, уныние, великость зол. Как дитя, будучи отнято от сосца, не отстает от матери, но хотя и плачет, скорбит, сетует, досадует, гневается, однако держится за мать и не отстает от нее, так и я, говорит, в скорби, в затруднении и во всех многочисленных несчастьях был предан Богу. Если же я не был таким, говорит, то пусть будет воздано душе моей, то есть пусть она подвергнется крайнему наказанию.

Да уповает Исраиль на Господа от ныне и до века (ст. 3). Видишь, — как я сказал в начале, — что верой и учением должно постоянно хвалиться и без причины, и не хвалящийся этим погибнет; а что касается дел жизни, то не должно отказываться — хвалиться ими по требованию обстоятельств. Какие это обстоятельства? Многие и различные, из которых одно, например, состоит в том, чтобы научить слушателя. Так и пророк, зная это и желая показать, что он говорит о своих добрых качествах для того, чтобы расположить слушателя к соревнованию, прибавляет: *да уповает Исраиль на Господа от ныне и до века.* Хотя бы, говорит, тебя постигли несчастья, скорби, войны, плен, и какое бы то ни было из неожиданных бедствий, ты держись надежды на Бога, упования на Него, и непременно получишь добрый конец; Бог избавлением от бедствий воздаст тебе за эту благую надежду, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 131

Помяни Господи Давида, и всю кротость его (ст. 1)

1. В других местах испрашивается спасение только ради памяти предков, а здесь говорится и о добродетелях, о том, что служит источником всех благ, — о скромности, смиренномудрии, кротости, которой особенно отличался и Моисей. Он был, говорит Писание, *кроток зело паче всех* мужей *сущих на земли* (Чис. XII, 3). Но некоторые из еретиков, осуждая его поведение и сказанные слова, говорят: что говоришь ты? Ужели был самым кротким тот, кто напал на египтянина и убил его, кто пролил столько крови иудеев и произвел между ними столько войн, кто позволил родственникам убивать

родственников, кто молитвой разверз землю, низвел огонь свыше и одних потопил, других сжег? Если такой человек был кроток, то кто же гневлив и жесток? Перестань, не говори пустого. Я утверждаю и не перестану утверждать, что он был кроток и даже самый кроткий из всех людей, и если хотите, то не другим чем-нибудь, а тем самым, что сказано против него, постараюсь доказать его кротость. При этом можно было бы сказать о том, что говорил он перед Богом о своей сестре, о молитве, какую вознес за народ, о всех этих апостольских и достойных неба изречениях, о снисходительности, с какой он беседовал с народом. Можно было бы и об этом сказать и перечислить многое другое; но, если хотите, оставив это, мы из самых тех слов, которые выше сказаны врагами, докажем, что он был самый кроткий человек, – из того самого, на основании чего некоторые называют его тяжелым, жестоким и гневливым. Каким же образом мы докажем это? Если наперед различим и определим, что такое кротость и что жестокость. Поражать еще не значит быть суровым, и щадить не значит быть кротким; кроток тот, кто и может переносить нанесенные ему самому оскорбления, и защищает несправедливо обижаемых и сильно восстает против обижающих; напротив, кто не таков, тот беспечен, сонлив, нисколько не лучше мертвого, а не кроток, не скромен. Не обращать внимания на обижаемых, не соболезновать несправедливо страждущим, не гневаться на обижающих, – это не добродетель, а порок, не кротость, а беспечность. Таким образом, то и доказывает кротость его, что он был так горяч, что тотчас устремлялся, когда видел других обижаемыми, не могши удержать негодования в защиту справедливости; а когда сам терпел зло, то не мстил, не нападал, но всегда оставался любомудрым. Если бы он был жесток и гневлив, то, воспламеняясь и разгорячаясь так за дру-

гих, он не оставался бы спокойным за себя самого, но тогда гораздо более предавался бы гневу. Вы знаете, что нам гораздо тягостнее касающееся нас самих, нежели других. А он, когда другие терпели зло, отражал обиду не менее самих страждущих; оскорбления же, наносимые ему самому, переносил с великим терпением, будучи высок в том и другом случае, выражая в первом свою ненависть ко злу, а во втором — свое долготерпение. И что, скажи мне, ему следовало делать? Пренебречь наносимую обиду и зло, причиняемое народу? Но это свойственно было бы не вождю народа, не великодушному и незлобивому, а недеятельному и беспечному. Ты не осуждаешь врача, который посредством отсечения останавливает гниение, проникающее во все тело: почему же называешь жесточайшим человеком того, кто решился сильным ударом прекратить болезнь, гораздо опаснейшую гниения, распространявшуюся по всему народу? Это свойственно неразумному судье. Начальнику такого множества людей, вождю народа столь жестокого, грубого и необузданного, следовало в самом начале остановить и перед дверью удержать зло, чтобы оно не простиралось далее. Но, скажешь, он сделал, что земля поглотила Дафана и Авирона? Что говоришь ты? Ужели нужно было оставить без внимания попрание священства, нарушение законов Божиих, разрушение того, чем держится все, то есть священного сана, сделать недоступное доступным для всех, и через слабость к этим людям дозволить всем желающим попирать священную ограду и ниспровергнуть все? Но было бы делом вовсе не кротости, а бесчеловечия и жестокости, оставить без внимания распространение такого зла и, пощадив двести человек, погубить столько тысяч. Также, скажи мне, когда он повелел убивать родичей, что надлежало ему делать, если Бог гневался, нечестие возрастало и никого не было, кто

мог бы избавить их от гнева? Допустить ли, чтобы удар небесный нисшел на все колена и предал совершенной погибели весь род, оставив без внимания вместе с наказанием и грех, который делался неизлечимым, — или наказанием и убиением немногих людей уничтожить грех, удержать гнев и преклонить Бога на милость к преступникам? Если таким образом будешь исследовать дела праведника, то отсюда особенно и увидишь, что он был весьма кроток.

2. Впрочем, предоставив любознательным делать заключение из вышесказанного, чтобы нам предмета постороннего не сделать больше ближайшего, возвратимся к предложенному. Что же было предложено? *Помяни Господи Давида и всю кротость его: яко клятся Господеви, обещася Богу Иаковлю* (ст. 2). Предположив говорить о кротости Давида и оставив дела его в отношении к Саулу, к братьям, к Ионафану, долготерпение в отношении к воину, который осыпал его бесчисленными порицаниями, и другие многочисленнейшие, псалмопевец обращает речь к главному делу, которое показывало особенно великую ревность. Почему же он поступает так? По двум причинам: во-первых, потому, что это преимущественно благоугодно Богу: *на кого воззрю,* говорит Он, *токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словес моих* (Ис. LXVI, 2); во-вторых, потому, что тогда особенно нужным делом было возобновление храма, построение города, восстановление древнего общественного устройства; потому он особенно к этому и обращает речь; то, как известное и признанное всеми, оставляет, — всем известна была кротость Давида, — а это, особенно нужное для его цели, выставляет на вид. Действительно, что тогда желали видеть иудеи? Возобновление храма и восстановление древнего богослужения. А так как этим делом особенно славился Давид, то, как бы в награду за его усердие, псалмопевец

просит Бога о построении храма и говорит: *помяни Господи Давида, и всю кротость его: яко клятся Господеви, обещася Богу Иаковлю: аще вниду в селение дому моего, или взыду на одр постели моея: аще дам сон очима моима, и веждома моима дремание, и покой скраниама моима: дондеже обрящу место Господеви, селение Богу Иаковлю* (ст. 1–5). Но как это относится к тебе? Так как я, говорит, потомок его и так как Ты, приняв его усердие, обещал восставить его род и царство, то ныне мы и просим исполнить эти обещания. Давид не сказал: *пока не построю,* – потому что это не было дозволено ему, – но: *дондеже обрящу место Господеви и селение.* Не упоминая о том, кто построил, псалмопевец указывает на того, кто дал обет, чтобы ты знал, сколь великое благо – дух правый, и как Бог всегда назначает награду за намерение. Поэтому об нем особенно и упоминается, так как он был строителем более, нежели сын его, потому что он дал обет, а этот получил повеление. И посмотри на его усердие: не только, говорит, не вступлю в дом и не взойду на одр, но и тем, что составляет естественную потребность, не буду наслаждаться спокойно, пока не найду места и селения Богу Иакова. В противоположных этому чувствах Бог укорял иудеев, когда говорил: вы живете *в домех ваших истесаных, храм мой* пуст (Агг. I, 4). *Дондеже обрящу место Господеви, селение Богу Иаковлю.* Посмотри опять и здесь на усердие и заботливость души его. Царь говорит: *дондеже обрящу место Господеви, селение Богу Иаковлю,* тогда как сам владел всем. Он хотел построить не просто, но на месте самом удобном и самом приличном для храма, и должен был искать этого места: так он был неусыпно заботлив! *Се слышахом я во Евфрафе, обретохом я в полях дубравы* (ст. 6). Теперь повествует о том, что было давно, выражая, что и прежде ковчег много времени странствовал, переходя с места на место; поэтому и говорит: *се слышахом я во Евфрафе,* то есть об этом рассказывали

нам отцы наши; мы знаем по слуху, что и тогда, странствуя везде по полям и пустыням, он потом был поставлен на месте; то же пусть будет и теперь. Слово *во Евфрафе* означает здесь колено иудино, в котором ковчег поставлен был после долгого странствования. *Внидем в селения его, поклонимся на место, идеже стоясте нозе его* (ст. 7). Видишь, какое чувственное он употребляет выражение по причине великой бесчувственности слушателей, упоминая о селениях Божиих, о ногах и месте, где стояли ноги Его. Все это он говорил о месте ковчега, так как оттуда исходили страшные глаголы, разрешавшие недоумения касательно дел иудейских и предсказывавшие будущее. *Воскресни Господи в покой твой, ты и кивот святыни твоея* (ст. 8). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *силы твоей.* Третий (неизвестный переводчик): *державы твоей.* И то и другое справедливо, потому что оттуда была подаваема святость, и хранившиеся там письмена доставляли и святость, и силу.

3. Хорошо так сказал он. Действительно, через ковчег Бог явил силу не раз, не два, а многократно, как например, когда он взят был азотянами, когда ниспроверг идолов, когда поразил прикоснувшихся к нему, когда остановил язву, по возвращении своем, и другими делами, совершенными там, Бог являл силу Свою. Что же значит: *воскресни в покой твой?* Утверди на месте, говорит, нас странствующих и ковчег носимый, и хотя когда-нибудь наконец успокой его. *Священницы твои облекутся правдою* (ст. 9). Другой (неизвестный переводчик): *да облекутся.* Третий (неизвестный переводчик): *да оденутся.* Это гораздо яснее, потому что он молится, а не пророчествует, и просит о приобретении добродетели. *Правдою* здесь он называет священные обряды, священство богослужения, жертвы, приношения, а вместе с тем и беспорочный образ жизни, которого особенно

надобно требовать от священников. *И преподобнии твои возрадуются,* то есть когда это сбудется. Смотри: он не просит ни построения города, ни обилия жизненных припасов, ни другого какого-нибудь благополучия, но благолепия храма, успокоения ковчега, совершенства священников, священных обрядов, богослужения, священства. Далее, так как просившие этого сами были виновны во многих грехах, он опять прибегает к предку и говорит: *Давида ради раба твоего, не отврати лице помазаннаго твоего* (ст. 10). Что значит: *Давида ради раба твоего?* Не только за добродетель его, говорит, и не за то, что он показал такое усердие к созданию храма, но и потому, что ты дал ему такое обещание. *Давида ради раба твоего, не отврати лице помазаннаго твоего.* Кого? Того, кто тогда был помазан, управлял и стоял во главе народа. *Клятся Господь Давиду истиною, и не отвержется ея: от плода чрева твоего посажду на престоле твоем* (ст. 11). Упомянув о Давиде, о добродетели этого мужа, усердии его ко храму, изложив древние события и высказав просьбу о восстановлении прежнего их общественного устройства, он теперь предлагает самое главное, именно говорит о Божиих обетованиях. Каких? *От плода чрева твоего посажду на престоле твоем.* Но эти обетования даны были не просто, а с некоторым условием. Какое же это условие? Послушай: *аще,* продолжает он, *сохранят сынове твои завет мой, и свидения моя сия, имже научу я, и сынове их до века сядут на престоле твоем* (ст. 12). Заключив такие условия, Бог вручил им рукописание, а они отвечали: *вся, елика глагола Господь, сотворим и послушаем* (Исх. XXIV, 7). Потом, видя, что одна сторона нарушила условия, он обращает речь к месту, отовсюду заимствуя слова утешения: *яко,* говорит, *избра Господь Сиона, изволи и в жилище себе. Сей покой мой во век века, зде вселюся, яко изволих и* (ст. 13, 14). То есть не человек избрал это место, а Бог назначил

его, снисходя к их слабости. Смысл слов его следующий: месту, которое Ты взял, которое избрал, которое назначил, которое признал удобным для Себя, не попусти разрушаться и погибнуть, потому что Ты сказал: *зде вселюся*. Но Он сказал это с условиями. Какими? *Аще сохранят сынове твои завет мой. Ловитву его благословляяй благословлю* (ст. 15). Другой (Акила): *пищу. Ловитвою* он называет обилие жизненных припасов, плодородие, и молится, чтобы все текло к ним как бы из источников. Действительно, такой образ жизни вели в древности иудеи, не чувствуя естественных нужд, когда только Бог благоволил к ним; не было у них ни недостатка в хлебе, ни голода, ни язвы, ни преждевременной смерти, ни другого чего-нибудь подобного, что обыкновенно случается с людьми, но все текло к ним как бы из источников, потому что рука Божия исправляла немощь дел человеческих. Таким образом он говорит здесь: Ты обещал благословить его ловитву, то есть подать изобилие в вещах необходимых при великой безопасности. *Нищия его насыщу хлебы: священники его облеку во спасение, и преподобнии его радостию возрадуются. Тамо возращу рог Давидови, уготовах светильник помазанному моему: враги его облеку студом, на немже процветет святыня моя* (ст. 15–18). Смотри, какое благополучие во всех отношениях: они не будут иметь недостатка ни в чем необходимом, священники — в безопасности, народ — в радости, царь — в силе. *Светильником* он называет здесь или царя, или покровительство, или спасение, или свет, а вместе с тем величайший вид благополучия. Какой? Тот, что враги скроются и не будет никого, кто мог бы повредить этим благам. Не сказал просто: погибелью, но: *студом*, желая, чтобы они скрылись живые, удалились, и своими страданиями свидетельствовали о силе и благоденствии этого народа. *На немже процветет святыня моя*. Что значит:

на немже? На народе. Вместо: *святыня,* другой (неизвестный) переводчик говорит: *рог.* Третий (неизвестный переводчик): *определение его.* Четвертый (неизвестный переводчик): *определенное ему.* Что же означают эти слова? Мне кажется, что здесь говорится о благополучии, безопасности, силе, царстве.

То, что Я определил ему в начале, говорит, будет процветать, умножаясь, не увядая и не уменьшаясь; но все это будет в таком случае, если сохранится вышесказанное условие. Какое? *Аще сохранят сынове твои завет мой.* Одни обетования Божии не доставляют нам благ, если и мы не будем исполнять следуемое с нашей стороны, и имея их в виду, не должно малодушествовать и предаваться беспечности. Многих и из тех благ, которые Бог обещал, Он не подает, если получившие обещания оказываются недостойными; равно как и наказаний, которыми угрожал, он не приводит в исполнение, когда те, которые прогневали Его, впоследствии исправляются и отклоняют гнев Его. Итак, зная это, не будем ни предаваться беспечности по причине обетований, чтобы нам не упасть, ни отчаиваться по причине угроз, но исправляться. Таким образом мы можем достигнуть будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 132

Се что добро, или что красно (другой (неизвестный переводчик): се что благо и что добро, но еже жити братии вкупе (ст. 1)

1. Многие предметы хороши, но не имеют приятности; другие доставляют удовольствие, но не хороши; то и другое соединиться может весьма не легко. Но в том,

о чем говорит пророк, соединилось то и другое, и приятность, и доброта. Такова преимущественно – любовь; вместе с пользой она заключает в себе и удобство, и приятность. Ее здесь он и прославляет. Он говорит не просто о жительстве и не о пребывании в одном доме, но о жизни *вкупе,* то есть с согласием и любовью, – потому что отсюда происходит единодушие. Сказав, что это *добро* и *красно,* он потом объясняет свои слова примерами и приводит вещественные сравнения, которые могут представить слушателю предмет в яснейшем виде. Какие же сравнения? Посмотри: *яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аароню, сходящее на ометы одежды его* (ст. 2). Аарон, будучи первосвященником, помазывался миром, которое источалось со всех сторон, и от этого помазания он был весьма вожделенен, приятен и любезен для взиравших на него. Как он, – говорит пророк, – будучи помазан миром, блистал видом, был светел лицом, исполнен великого благоухания, и доставлял приятность взиравшим на него очам, так прекрасно и это; и как то зрелище не только было хорошо, но и приятно для зрения, так и это доставляет душе удовольствие. *Яко роса Аермонская сходящая на горы Сионския* (ст. 3). Приводит и другое сравнение, которое заключает в себе великую приятность и доставляет зрителю удовольствие. Не напрасно сказал он это. Так как до плена десять колен Израилевых и два колена жили отдельно, отчего происходили многие беззакония, возмущения, распри и войны между ними, то он убеждает, чтобы этого не было, и советует, чтобы народ более не разделялся, но жил вместе, соединенно, под управлением одного начальника и царя, чтобы любовь проходила от начала до конца, как роса нисходит на все. Он сравнивает любовь с миром и росой, желая показать посредством первого ее благовоние, а посредством второй – успокоение и приятность вида. *Яко тамо заповеда*

Господь благословение. Где *тамо*? В такой жизни, в таком согласии, в таком единодушии, в таком сожительстве. Действительно, это – благословение, а противное тому – проклятие. Вот почему некто, прославляя это, говорит: *любовию братий, и единомыслием искренних, и муж и жена между собою согласни* (Сир. XXV, 2). Другой, прикровенно выражая силу единения, говорит: *аще уснета два, тепло има будет, и вервь треплетена не скоро расторгнется* (Еккл. IV, 11, 12); показывает здесь и удовольствие, и силу, внушая, что и во время покоя будет великое удовольствие, и во время деятельности великая сила. И еще: *брат от брата помагаемъ, яко град тверд* (Притч. XVIII, 19). И Христос говорит: *идеже еста два или трие собрани во имя мое, ту есмъ посреде их* (Мф. XVIII, 20). И самая природа требует этого. Потому и вначале Бог, создав человека, сказал: *не добро быти человеку единому* (Быт. II, 18), и сотворив живое существо, то есть жену, необходимостью общения соединил ее с мужем, желая бесчисленными способами сблизить нас между собой. *И живот до века.* Хорошо пророк прибавил это; где любовь, там великая безопасность, великое благоволение Божие. Она – мать всех благ, она – корень и источник их, она – прекращение войн, истребление распрей. Выражая это, он и присовокупил: *и живот до века.* Действительно, как несогласие и раздор причиняют смерть, и смерть преждевременную, так любовь и согласие производят мир и единодушие, а где мир и единодушие, там все в жизни безопасно и вполне надежно. Но для чего говорить о настоящем? Любовь доставляет нам небо и неизреченные блага; она – царица добродетелей. Зная это, будем ревностно питать ее в себе, чтобы нам получить и настоящие блага и будущие, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 133

Се ныне благословите Господа вси раби Господни, стоящии во храме Господни (ст. 1)

1. Здесь пророк оканчивает *песни степеней,* давая своей речи прекрасное заключение – славословие и благословение. Он желает, чтобы рабы Господни были такими не только по вероисповеданию, но и по образу жизни. Поэтому и прибавляет: *стоящии в храме Господни, во дворех дому Бога нашего.* Нечистому и оскверненному не позволительно даже входить в священную ограду. Поэтому, кто достоин войти, тот достоин и благословлять. Дом Божий подобен небу; как туда не позволяется входить никакой противной силе, так и в дом Божий.

Представь, человек, какое ты получил достоинство и, так как сам ты сделался храмом (Божиим), какую ты должен наблюдать чистоту. Как же ты можешь соблюдать чистоту? Если станешь отвергать всякий порочный помысел, если сделаешь область своих мыслей недоступной для диавольских внушений, если будешь постоянно украшать свою душу, как неприступное святилище. Если в храме иудейском не всякое место доступно было для всех, но было много различных отделений, из которых одно назначалось для прозелитов, другое для иудеев по происхождению, иное для священников, иное для одного первосвященника, и притом даже для него не всегда, а только однажды в год, то представь, какую святость нужно иметь тебе, получившему знамения гораздо важнейшие, нежели какие имело тогда святое святых! Не херувим, но Сам Господь херувимов обитает в тебе, не стамну, манну, каменные скрижали и жезл Ааронов получаешь ты, но тело и кровь Господа, Дух вместо письмени, благодать, превышающую человеческое разумение, и дар неизреченный. А чем больших ты удостоен знамений и страшных таинств, тем большая

требуется от тебя святость, и тем большему подвергнешься наказанию, если преступишь заповеданное тебе. *В нощех воздежите руки ваша во святая.* Другой (неизвестный переводчик): *свято.* Третий (неизвестный переводчик): *священно. И благословите Господа* (ст. 2). Для чего сказал он: *в нощех?* Желая научить нас, чтобы мы не всю ночь тратили на сон, и показать, что тогда молитвы бывают чище, когда легче ум и меньше забот. Если же ночью должно ходить во святилище, то представь, может ли получить прощение тот, кто и дома не совершает молитв в это время. Пророк поднимает тебя с постели и ведет к храму, заповедуя проводить там ночь; а ты, и оставаясь дома, не делаешь этого. Хорошо сказано: *свято*; этим внушается, что молиться должно без порочных помыслов, без памятозлобия, без любостяжания, без всякого другого подобного греха, губящего душу. *И благословите Господа.* Совершенное благословение бывает особенно тогда, когда со словами согласна и жизнь, когда ты делами прославляешь создавшего тебя Бога, по слову Евангелия: *да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16). *Благословит тя Господь от Сиона, сотворивый небо и землю* (ст. 3). То есть, если ты будешь делать это, то и сам получишь благословение от Бога, — если будешь так проводить ночи, если будешь молиться свято, если будешь достоин стоять в доме Господнем, если самого себя сделаешь благопотребным храмом. Таким образом, преподав наставление, какое нужно было, пророк заключает речь молитвой. Превосходному учителю свойственно — и исправлять слушателя советом, и укреплять молитвами. Что хочет он выразить словом: *от Сиона?* Это имя было для иудеев вожделенно; там совершались все священные обряды. Поэтому он молится, чтобы они опять получили прежнее общественное устройство, совершали те же священ-

ные обряды и получили такое благословение. Затем, возводя их к более высоким понятиям и научая, что Бог находится везде, а храм Он повелел построить по причине их немощи, и что призывать Его должно везде, прибавляет: *сотворивый небо и землю.*

Иудеи тогда призывали Бога в своем храме, а мы — на всяком месте, во всякой стране, и дома, и на торжище, и в пустыне, и на корабле, и в гостинице, и где бы мы ни были. Место нисколько не препятствует молитве, только бы настроение души соответствовало молитве. Устроив себя таким образом, будем призывать Бога везде, и Он придет к нам и поможет нам, сделает все трудное для нас легким и удобным и удостоит нас будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 134

Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа, стоящии во храме Господни, во дворех дому Бога нашего. Хвалите Господа, яко благ Господь (ст. 1—3)

1. Опять пророк призывает слушателей к жертвоприношению, состоящему в похвалах; это — жертва Богу и приношение. Потому и в другом месте он говорит: *восхвалю имя Бога моего с песнию, возвеличу его во хвалении: и угодно будет Богу паче телца юна роги износяща и пазнокти* (Пс. LXVIII, 31, 32). Он постоянно упоминает о *храме* и *дворах*, привязывая их к этому месту и не дозволяя отступать. Для того и в начале Бог повелел воздвигнуть храм, чтобы истребить между ними всякое нечестие и идолослужение, когда они должны были собираться все в одно место, а не блуждать везде произвольно и свободно, и в рощах и источниках, на холмах и горах на-

ходить поводы к нечестию, принося там жертвы и делая возлияния на высотах. Для того и закон осуждал на смерть того, кто приносил жертву вне храма: *иже аще не принесет* в скинию *и заколет (вне) вменится тому кровь* (Лев. XVII, 4). Поэтому пророк везде собирает их в это место, чтобы они, слушая, вразумлялись и удерживались от заблуждения. Он заповедует петь, воспевать псалмы и хвалить, потому что хвалы Богу были и для них побуждением к благочестию, заключая в себе повествования о древних событиях в Египте, в пустыне, в земле обетованной, при законодательстве, на горе Синае, во время войн; одно и то же занятие было вместе и прославлением Бога, и вразумлением для поющих, устраивавшим их жизнь и руководившим к правому вероучению. *Хвалите Господа, яко благ Господь.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *так как милостив.* Что особенно вожделенно для слушателей, на то он часто и указывает — на человеколюбие, снисходительность, милость Божию.

Пойте имени его, яко добро. Этим он выражает, что такое занятие заключает в себе и некоторое удовольствие вместе с пользой. Особенная польза от него — изрекать хвалу Богу, очищать душу, возвышать мысли, научаться правым истинам, любомудрствовать о настоящем и будущем. Но вместе с тем оно своими стройными звуками доставляет и великое удовольствие, некоторое утешение и отдохновение и делает поющего достойным почтения. А что оно действительно делает такими поющих, видно из слов другого переводчика (Акила), который говорит: *потому что благопристойно,* и третьего (неизвестный переводчик), который говорит: *потому что приятно.* Оба они говорят правду; кто поет псалом, тот, хотя был бы крайне развратным, стыдясь псалма, обуздывает силу сладострастия, и хотя бы обременен был бесчисленными пороками и одержим уны-

нием, услаждаясь удовольствием, облегчает свои мысли, окрыляет ум и возвышает душу. *Яко Иакова избра себе Господь, Исраиля в достояние себе* (ст. 4). Говорит не об общих благодеяниях, которые они имели вместе с другими, но о собственном их и особенном. Какое же это благодеяние? То, что Он избрал этот народ, посвятил Себе и оказывал им особенное перед другими промышление. Пророки постоянно делают это, то есть составляют многие свои речи из описания благодеяний, которые были оказаны им. Что значит: *в достояние себе?* В богатство, в собственность. Хотя и малочислен был этот народ, но Бог избрал его Себе в богатство, взирая не на малочисленность его, а на добродетели, к которым Он хотел руководить их, точно все прочие люди не составляли для Него такого богатства, как этот народ, что действительно и было как по благоволению к ним Божию, так и по их воспитанию. И Павел часто называет *богатством* спасение людей, как например, когда говорит: *той бо* Господь, *богатяй во всех* и на всех *призывающих его* (Рим. X, 12); и еще: *своему Господеви стоит или падает.* (Рим. XIV, 4). Видишь, как пророк выражает Божию к ним любовь, промышление, попечение, благоволение, назвав их *достоянием* Его. Тем и другим выражением он показывает особенное о них промышление Божие, — и тем, что *избрал,* и тем, что — *в достояние себе.* Видишь ли, как он показал Его человеколюбие? Потому и в начале сказал: *хвалите Господа, яко благ Господь. Яко аз познах, яко велий Господь* (ст. 5). Вот и другую представляет причину — воспевать хвалы. Но скажи мне: ты *познал,* а другие разве не знают? Знают, но не так, как я. Люди святые, и особенно возвысившиеся, могут истинно знать величие Его, не все, каково оно есть в самом себе, — это невозможно, — но яснее других. *И Господь наш над всеми боги.* Вот, скажешь, сказав: *велий Господь* и *аз познах,* он потом уменьшает силу своих слов, сравнивает Бога с

другими богами и по сравнению отдает Ему преимущество. Нет, он сказал так, приспособляясь к немощи слушателей, желая мало-помалу возвысить их до такого разумения. Действительно, не очень сильное доказательство величия – сказать, что Бог выше и больше других; но, как я выше сказал, он приспособляет свою речь к немощи слушателей, возвышая их мало-помалу. Они тогда любили слышать это и убеждаться в этом.

2. А что Бог несравненно превосходит всех, это он показывает далее, приводя величайшее доказательство Его могущества и тем объясняя, что прежнее сказано им по немощи слушателей. Когда он только указывает на этот предмет, то говорит о неважном; а когда подтверждает, объясняет и доказывает Его величие, то представляет великие дела Его. Какие же он потом представляет дела, достойные Бога и свойственные Ему одному? Посмотри: *вся,* продолжает он, *елика восхоте Господь, сотвори на небеси и на земли, в морях и во всех безднах* (ст. 6). Видишь ли всесильное могущество? Видишь ли источник жизни? Видишь ли непреодолимую силу? Видишь ли несравненное превосходство? Видишь ли власть, не встречающую никаких препятствий? Видишь ли, как для Него все легко и удобно? *Вся,* говорит, *елика восхоте, сотвори.* Скажи мне: где? *На небеси и на земли;* не только здесь, но и на небе; не только на небе, но и на земле; и не только на земле, но и в *морях и во всех безднах. Бездною* он называет преисподние места земли, равно как словом *на небеси* выражает и места выше небес. Несмотря на обширность их, воля Его нигде не встречает препятствий, но проникает все, и, что подлинно удивительно, Создавший это создал не с трудом, не с усилием, не повелением, но хотением; Он только захотел, и дело совершилось. Видишь, как Он показал и легкость творения, и множество созданий, и власть неограниченную? Затем, не говоря о самом небе и

море, излагает то, что находится в них, и притом не все, находящееся в них, но, оставив находящееся на небе, хотя оно особенно дивно, говорит о том, что близ неба. Почему? Потому, что те предметы, хотя и велики, но многим неизвестны, а эти, хотя и меньше, но открыты и очевидны для всех. Так как он говорил людям, которые не столько верой руководились к разумению предметов невидимых, сколько занимались предметами видимыми, то отсюда он и начинает учение, делая сам то же, что внушал делать другим. Что же именно? Воспевать Бога за дела Его, возносить Ему хвалы, изучая каждое дело Его и за каждое славословя Его. Увещевая хвалить Бога, он часто говорил: *хвалите имя Господне, хвалите раби Господа*; а теперь показывает и то, как должно хвалить, именно: исследуя состав творений, удивляясь и изумляясь премудрости, промыслу, могуществу, попечению Его. Отсюда мы научаемся, что существует не одно наше море, но что много морей, различных и беспредельных, потому что он говорит: *в морях и во всех безднах*. Так, моря Каспийское, Индийское, Чермное – почти отделены от этого моря, а вне – Океан, окружающий землю. *Возводя облаки от последних земли* (ст. 7). Другой (неизвестный переводчик): *поднимая*. Третий (неизвестный переводчик): *привлекает от пределов*. Четвертый (неизвестный переводчик): *от конца*. Так и у Иова сказано: *связуяй воду на облацех своих* (Иов. XXVI, 6), и у Соломона: *содержа воду в ризе* (Притч. XXX, 4). Впрочем, он говорит не то, а нечто другое чудное. Что же именно? То, что воздух, сделавшись более густым, поднимается вверх и несется, поднимается то, что тяжело, получая направление, противоположное своей природе. Удивительно и то, что в нем держится вода; но гораздо удивительнее то, что тяжелое носится на легком; а еще удивительнее то, что сгустившаяся в этом воздухе вода, вытекая из облака, уже не задерживается последующим

воздухом и не сгущается, но разливается во все стороны и нисходит на землю. Если бы она держалась там по своей природе, то должна была бы держаться и в этом воздухе. Если кто пустит на воздух пузырь, наполненный водой, то, когда он понесется по воздуху, понесется и заключающаяся внутри вода, хотя бы она и вылилась из пузыря; так следовало бы и здесь быть. Но так как все исполнено чудес и дела Божии дивны, то все это превышает обыкновенный порядок вещей и наше разумение. Вода, которая держится в воздухе облачном, уже не держится в воздухе последующем. Видишь ли необычайное дело? Видишь ли, как пророк, представив то, что кажется маловажнее прочего, показал удивительность этого? Затем представляет и нечто другое удивительное: *от последних,* говорит, *земли,* или: *от пределов земли.* Облака не только поднимаются, но и носятся, и не везде, где появятся, производят дождь, но часто, прошедши многие страны, миновав города и народы, производят дождь в другом месте. Итак, удивительно не только то, что они поднимаются, но и то, что идут, как бы в горних жилищах, нося в себе тяжесть такого множества вод.

3. *Молнии в дождь сотвори.* Посмотри на другое чудное явление, как соединяются предметы, противоположные по природе. Нет ничего пламеннее молнии, и нет ничего холоднее воды; но и они здесь соединяются вместе, однако не сливаются и не смешиваются, а сохраняют каждая свои свойства. Огонь находится в воде и вода в огне, но ни огонь не осушает воды, ни вода не погашает огня. Между тем молния острее солнечного света, блистательнее и пронзительнее. Это доказывается зрением, которое постоянно встречается с солнечными лучами, а стремления молнии не может выносить даже на короткое время. Притом солнце в продолжение целого дня пробегает небо, а она в одно мгновение — всю вселенную, как и Христос свидетель-

ствует: *якоже*, говорит Он, *молния исходит от восток и является до запад* (Мф. XXIV, 27). *Изводяй ветры от сокровищ своих.* Вот еще явление природы, которое доставляет нам пользу не малую, а такую, что много способствует нашей жизни, укрепляет и освежает утомленные тела и делает воздух более легким. Дело ветров – приводить в движение воздух, чтобы он, оставаясь неподвижным, не испортился, способствовать созреванию плодов, питать тела. Кто мог бы описать пользу их для мореплавания и времена года, в которые они являются по порядку и сменяют друг друга, господствуя на море и препровождая плавателей? Один отправляет, другой принимает, идут противоположными путями и служат, так что самая борьба их бывает полезна для жизни; и множество других действий ветров можно было бы исчислить. Но пророк, не говоря обо всем этом и предоставив соображать слушателю, сам представляет только легкость, с какой они производятся. Словами *от сокровищ своих* он выражает не то, будто есть некоторые сокровищницы ветров, но то, как легко Бог управляет ими и как живо и удобоподвижно это создание. Как имеющий что-нибудь в своей сокровищнице свободно вынимает все, когда хочет, так и Создатель всего легко сотворил все и передал природе. Видишь ли, какое разнообразие и в воздухе, подобно тому, как есть много разнообразия в воде и в огне? Из вод иная в источниках, иная в морях, иная в воздухе, иная в облаках, иная на небе, иная выше небес, иная под землей. И огонь – иной в солнце, иной в луне, иной в звездах, иной в молнии, иной в воздухе, иной в деревьях, иной около нас и в светильниках, иной в земле, – часто ведь огонь выходит из земли так же, как вода из источников, – иной в камнях, ударяемых один об другой, иной на вершинах деревьев и в деревьях, натираемых одно об другое, иной в громовых ударах. Так точно и воздух – иной густ, тот именно, что вокруг нас,

иной более тонок, а находящийся еще выше бывает более горячим. И ветры весьма различны — иной суше, иной влажнее, иной теплее. Воздух и облако иногда несется медленнее, а иногда быстрее, как бы на конях. И из облаков — иные подобны водоносным сосудам и иногда бывают наполнены водой, а иногда носятся пустыми, иные подобны веерам. Но ты, взирая на них, на их различие и разнообразие, удивляйся Создателю. *Иже порази первенцы Египетския* (ст. 8). Сказав о явлениях общих и показав промышление Божие о всей вселенной, в молниях, ветрах, воздухе, облаках, дождях и таким образом обличив пустословие тех, которые говорят, будто промышление Его простирается только до луны, он переходит к частному, к тому, что касается в особенности иудеев. Вышесказанным он объяснил, что и земля, и небо, и все видимое удостоивается действий человеколюбия Божия; а чтобы сделать иудеев более признательными, он повествует и о частных событиях, показывая, что Бог вселенной, промышляя о всем, оказал им некоторые особенные благодеяния. Впрочем, и то, что сделано для них, было также для всех вообще. Если Он избрал их между другими, то это самое возбуждало в других соревнование, как и Павел говорит: *тех падением спасение языком, во еже раздражити их* (Рим. XI, 11). Как отец, когда дети оставляют его, берет одного из них и сажает к себе на колени, делая это не для него, но гораздо более для прочих, чтобы они, тронувшись таким предпочтением, прибегли к отцу для получения такой же ласки, так и Бог поступал с иудеями. Взяв их не на колени, а на мышцы и рамена, как говорит пророк (см.: Ос. XI, 3; Втор. XXXII, 11), Он даровал им вожделенные блага, храм, жертвы, которых они более всего и с особенным усердием желали, помощь на войне, победы, трофеи, плодородие земли, изобилие плодов, отличая их всем этим, а в других возбуждая ревность. Но так как они могли сделаться дурными, если бы посто-

янно были в довольстве, то Он обуздывал их и наказаниями. Подлинно велика премудрость Божия; из самых трудных обстоятельств она находит выход.

4. И посмотри на мудрость пророка: от явлений общих он переходит к событиям частным, чтобы кто-нибудь из неразумных не подумал, будто Бог есть Бог только некоторых людей; сказав о явлениях общих, он потом уже касается этих и говорит: *иже порази первенцы Египетския*. Или вам кажется, что это было сделано для иудеев? Но если я докажу, что это было сделано и для других, тогда что скажут те, которые отвергают всеобщность промысла Божия? Как же можно доказать это? Весьма достаточно привести следующее изречение Божие, которое ясно выражает это: *да покажу на тебе крепость мою, и яко да проповестся имя мое по всей земли* (Исх. IX, 16). Видишь ли, как смерть была вестницей и посланное от Бога наказание было проповедью, которая распространялась везде и возвещала Божие могущество? Таким образом Бог промышлял о всей вселенной и тогда, когда устраивал дела иудеев. И прежде Он являл силу Свою, как например, при Иосифе, при Аврааме; но теперь – гораздо яснее. Как? Тогда через благодеяния, а теперь через наказания. И Он не перестает, как я часто говорил, постоянно и в каждом поколении являть Себя делами и открывать Себя; но только делает это не всегда одинаково, а различно и разнообразно: тогда через жену Авраама, которая страдала бесплодием, потом через голод и изобилие, а после того через многократные казни. Так как египтяне не укоряли Бога в слабости, сами умерщвляли первенцев еврейских и обагряли реку кровью их, то Бог еще в это время прикровенно являл им силу Свою. Египетские бабки, которые не слушались жестоких повелений и уклонялись от исполнения бесчеловечной воли царя, наслаждались великим благоденствием. То и другое было делом промысла Божия: и то, что женщины оказались му-

жественнее носивших диадему, и то, что они получили воздаяние в великом умножении рода своего. Слова: *благо творяше (Бог) бабам* (Исх. I, 20), именно и означают, что родство их умножалось; чем они благодетельствовали иудеям, тем и сами были награждены от Бога; они не умерщвляли детей их, и им Бог давал многочадие. Но так как египтяне оставались бесчувственными, то Он послал им жесточайшую казнь, о которой узнала вселенная, узнали и египтяне; другие узнали по слуху, а они собственными страданиями, зрением и опытом познали силу Божию. Для того и предсказано было им об этом, чтобы наказание не показалось следствием какого-нибудь случая или естественной смерти. Таким образом здесь можно повторить то, что в другом месте сказано о Спасителе. Что? *И господствуй посреди врагов твоих* (Пс. CIX, 2). Не в пустыне и не в другом каком-нибудь месте, но в самом городе Бог поразил их наказанием. Впрочем, и в самом наказании, посмотри, какое было человеколюбие. Он начал со скотов, а потом уже дошел и до людей. Кто не удивится силе Божией, как Он в одно мгновение времени совершил все, оказав и пощаду, и неизреченную мудрость? Он послал эту казнь не первую, желая исправить их посредством других, и когда послал, то не без предсказания. Для чего? Для того, чтобы вразумить их словами, чтобы им не испытать того на самом деле; а с другой стороны, так как они не исправились, Он не оставил казни сомнительной. Чтобы кто-нибудь не подумал, будто она постигла их, как естественная болезнь или зараза, для того, посмотри, сколько соединилось обстоятельств. Во-первых, все поражены в одну ночь; во-вторых, все первенцы. Если бы это была зараза, то она не коснулась бы только всех первенцев и не пощадила бы следующих за ними, но постигла бы всех без разбора. В-третьих, если бы это была зараза, то она не миновала бы всех иудеев и не коснулась бы одних египтян, но гораз-

до скорее поразила бы тела первых, ослабленные трудом, страданиями и столь многими бедствиями, и до такой степени истощенные нищетой и голодом, а не царских детей, не тех, которые наслаждались совершенным довольством и пользовались всеми удобствами жизни. Если бы это была зараза, то она не пришла бы вдруг, но наперед обнаружились бы все признаки ее наступления; между тем произошло все вдруг, чтобы обличилось жестокосердие египтян. После такой казни и после того, как ясно увидели, что казнь ниспослана Богом, они преследовали вышедших иудеев, – что и служит знаком крайнего их ожесточения и величайшим оправданием действий Божиих. Так как знамения должны были кончиться, то Он окончил их таким знамением, которое оправдывало Его и за прежние перед людьми, хотевшими быть внимательными. Чтобы кто-нибудь не сказал: почему все подвергаются наказанию, тогда как удерживал иудеев и грешил царь? Он последней казнью разрешил это недоумение. Как этой последней? Так, когда поражены были первенцы их, то они и против воли царя изгнали иудеев. Следовательно, если бы они и сначала хотели, то могли бы преодолеть его, прежде же они не преодолевали царя не потому, что не могли, а потому, что не хотели. И последовавшее затем преследование увеличивает вину их.

5. То же случилось и при Сауле; когда нужно было спасти сына его, то все вместе, угождая царю, спасли виновного (см.: 1 Цар. XIV, 45); а когда он захотел умертвить столько священников, то и голоса не подали и не защищали (см.: 1 Цар. XXII, 17). Если там содействовала им природа, то и здесь – справедливость; здесь были священники, убиение было беззаконное и гнев нерассудительный. Но причина заключалась в нерадении и в пренебрежении к священникам. Зато, посмотри, какие постигли их бедствия; немалому подверглись они наказанию за такое пренебрежение. Поэтому, когда делает-

ся что-нибудь беззаконное, то пусть никто не остается беспечным, но каждый пусть будет пламеннее огня, пусть огорчается не менее самих обижаемых, и таким образом будет остановлено много зол. *От человека до скота.* Почему же и скот? Потому, что он сотворен для людей; за людей Бог и наказывает его, чтобы усилить страх, чтобы увеличить бедствие, чтобы показать, что казнь послана Богом и поражение пришло с неба. *Посла знамения и чудеса посреде тебе, Египте* (ст. 9). Что значит: *посреде тебе?* Или означает место, или: *явно;* выражение *посреде* часто значит: *явно,* как, например, когда говорится: *содела спасение посреде земли* (Пс. LXXIII, 12), потому что середина открыта для всех. *Посла знамения и чудеса посреде тебе, Египте.* И справедливо. Эти события совершились для того, чтобы исправить их и наказать тех, которые должны были получить пользу, потому что они происходили не просто, но со многими чудесами, так что здесь была двойная польза, и от того, что Бог поражал, и от того, что — необычайным образом. *На Фараона и на вся рабы его.* Видишь ли неизреченное могущество? Когда все были вместе, наказание постигло именно их, и они пострадали, а другие получили пользу. Почему же он говорит: *на вся рабы его,* тогда как не все имели первенцев? Он говорит и о прочих знамениях. В Египте, когда египтяне были поражены, иудеи получали пользу, а в пустыне, когда иудеям были оказываемы благодеяния, то и другие получали пользу; врагам Бог посылал казни, а им — благодеяния, в том и другом случае доставляя пользу всем. Но почему Он не благодетельствовал и тем? Потому, что большая часть людей обыкновенно познают Бога более через наказания, нежели через благодеяния. А что Он Сам не хотел наказывать, посмотри, как Он неоднократно останавливал казни, являя в том и другом и силу Свою, и человеколюбие. Хотя довольно было первой, второй и третьей казни, чтобы после того совершенно погубить их как больных

неизлечимо, но Он не хотел этого, и хотя предвидел будущее, то есть что они не сделаются лучшими и после пятой, шестой и девятой казни, но не переставал делать Свое дело. Здесь особенно надобно удивляться и могуществу Его, и промышлению, и премудрости, и благости, — могуществу, потому что Он поражал, промышлению, потому что останавливал казни, премудрости, потому что, и зная будущее, делал Свое дело; то же самое показывает и человеколюбие Его, а особенно то, что Он начал с низших существ, с бессловесных животных. Потом Он коснулся и царя, что особенно сделало известными эти события. События, случающиеся с частными людьми, могут остаться и неизвестными, а когда удар наносится лицу знаменитому, то молва об этом без всякого препятствия распространяется везде. Сказав о причине поражения, пророк говорит и о самых казнях, но не повторяет их несколько раз и не перечисляет всех в частности, но, означив все одним словом, оставляет их: *посла*, говорит, *знамения и чудеса посреде тебе, Египте.* Далее он выводит народ из Египта в пустыню и везде показывает, что Бог есть Бог не некоторых только людей и управляет не одной страной, но всей вселенной. Поэтому и присовокупляет: *иже порази языки многи, и изби цари крепки* (ст. 10). В продолжение всего пути Он различным образом давал залоги Своего могущества и Сам предводительствовал ими, научая посредством дел; также и посредством войн внушал им то же, что и прежде, то есть что не свойство воздуха, не сила стихий и не другое что-нибудь подобное, но предводительствовавшая ими десница сражалась за них; а те и другие события подтверждались взаимно: бывшие в пустыне — бывшими в Египте и бывшие в Египте — бывшими в пустыне. Действительно, когда они без оружия, без воинского устройства и без боя поражали врагов, то Он явно доказал им, что и в Египте Он так потрясал стихии против египтян, не имея нужды в этих стихиях, но употреб-

лял их в дело, желая различными и разнообразными средствами показать Свою силу. *Сиона царя Аморрейска, и Ога царя Васанска* (ст. 11). Пророк не исчисляет городов и не говорит подробно о битвах, но опять величественно проходит бесчисленный ряд чудес. Он мог бы остановиться и красноречиво изобразить эти события, но не делает этого, и, хотя ему представлялось великое множество дел Божиих, касается всех их мимоходом. Враги были вооружены, имели укрепленные города и были искусны в воинском деле, а иудеи были беглецы, неопытные в воинском искусстве, освободившиеся от продолжительного рабства и долговременного притеснения, истощенные голодом и страданиями, открытые для обид всем; но предводительствовавшая ими десница делала их сильнее всех.

6. Впрочем, эта война была и справедлива. Иудеи не сами нападали, но те подавали повод, заграждая им путь, что было крайне бесчеловечно. А с идумеянами Бог не попустил им вести войну. Дабы иудеи, ободренные молчанием, после опять не стали нападать, но знали, с кем нужно воевать, а кого щадить, Он сделал это в пустыне, посредством дел дав им закон, как им должно было поступать с встречавшимися. *И вся царствия Ханаанска.* Видишь ли, как научалась этим вся вселенная? Как огонь – терние, так и они поражали всех, и никто не мог противиться им. Послушай, что говорит Валаам, научившись не от пророков, не от Моисея, а из самых дел: народ этот *поядает* всю землю (Чис. XXII, 4; XXIV, 8). Видишь ли переносное слово, употребленное с особенной выразительностью? Не сказал: *побеждает*, или: *истребляет*, но: *поядает*, желая выразить, что они одерживали победы легко, воздвигали трофеи без пролития крови и поражали своим приближением. Им не нужно, говорит, ни воинского устройства, ни сражений, но довольно только подойти, и все уступает и преклоняется. Бог доставлял им победы не только по закону войны

и сражения, чтобы кто-нибудь не приписал совершившихся событий им самим, но воздвигал против врагов их и стихии вселенной; так, Он наперед поразил их души, выпавший град погубил многих, солнце остановилось и дало возможность продолжать битву, и много было подобных чудес, и звук труб, ударяя в крепости сильнее огня, разрушал стены. Это принесло пользу и тем и другим; враги узнали, что не люди вели против них войну, а иудеи научились обращаться к Богу и отнюдь не превозноситься своими успехами, но вести себя благопристойно и смиренно. Впрочем, победить таким образом было для них больше чести, нежели только победить; это и сделало их славными и научило быть скромными, — славными, потому что они имели такого Военачальника, скромными, потому что они уже не надмевались своими успехами. *И даде землю их достояние, достояние Исраилю людем своим* (ст. 12). И это — величайшее чудо, что они не только изгнали врагов, но могли занять землю и разделить между собой города; это доставило им великую радость, великую честь, великую славу. Это было также действием силы Божией, потому что немаловажное дело — овладеть неприятельской страной, но и здесь нужна великая помощь. *Господи, имя твое в век и память твоя в род и род* (ст. 13). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *воспоминание о тебе.* Здесь пророк прерывает связь речи славословием, как обыкновенно делают святые. Когда они, начав говорить о чудесах Божиих, воспламеняются, то не прежде оканчивают речь, как воздадут славу Богу, произнесут славословие, и тем исполнят свое желание. Так и Павел поступает везде, особенно в начале посланий; например, он говорит церквам галатийским: *благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа, давшаго себе по гресех наших, по воли Бога и Отца нашего, емуже слава во веки веков, аминь* (Гал. I, 3, 5); и в послании к Римлянам: *ихже всыновление, и слава, и служение, и обетова-*

ние, ихже отцы, и от нихже Христос по плоти, сый над всеми Бог благословен во веки, аминь (Рим. IX, 4, 5); и еще в другом месте: *Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу, честь и слава во веки веков, аминь* (1 Тим. I, 17). Так и здесь пророк, представляя промышление Божие о всем, казни египетские, различные и разнообразные благодеяния, оказанные иудеям в пустыне, и события, совершившиеся в защиту их против врагов, и воспламеняясь неизреченным человеколюбием Божиим, произносит славословие и говорит: *Господи, имя твое во век, и память твоя в род и род,* то есть слава Твоя вечна; ничто не вредит ей, ничто не уменьшает ее, но она пребывает всегда, остается непоколебимой, неизменной, цветущей и полной. Что значит: *память твоя в род и род?* Память о Тебе, говорит, нескончаема и беспредельна. *Яко судити имать Господь людем своим, и о рабех своих умолится* (ст. 14). Можно или то и другое относить к народу израильскому в том смысле, что Бог накажет его, а потом остановится и помилует, или раздельно можно относить: *умолится* – к народу, а *судити* – к врагам, то есть тех помилует, – это и значит: *умолится,* – а врагов будет судить, то есть предаст их наказанию.

7. Не имея возможности указать на подвиги их жизни, пророк для оправдания их употребил названия *людей* и *рабов* (Господа). Сказав: *умолится,* он выражает, что примирение зависит от человеколюбия Божия, а не от их достоинства, потому что где моление, там нужно прощение, а где нужно прощение, там не оценка заслуг, а человеколюбие. Так как выше он сказал: *память твоя в род и род,* а они тогда одни из всех народов присвояли себе Бога, то он некоторым образом намекает на это и говорит: спасение людей Твоих явит славу Твою у многих; слава, свойственная самому существу Божию, никогда не уменьшается, не уничтожается и не изменяется, хотя бы никто не чтил ее; но слава Его у многих откроется и через наше спасение, когда мы будем опять

иметь город, святилище, храм, и опять получим прежнее общественное устройство.

Идоли язык сребро и злато, дела рук человеческих (ст. 15). Так как он в начале сказал: *Господь наш над всеми боги* и, по-видимому, приписал Ему только сравнительное превосходство, по немощи слушателей, то, смотри, как он возвышает это превосходство. Начав с могущества Божия и сказав о делах Его на небе, на земле, в безднах, у иудеев, в собственной их земле и в чужой, у врагов и язычников, потом напомнив об Его благости, человеколюбии, промышлении, премудрости, силе и показав, что Он есть Бог всех и промышляет о всей вселенной, он наконец обличает бессилие богов идольских и прямо нападает на самое существо их, или, лучше сказать, самое имя их обращает в укоризну. Идол есть не что иное, как нечто бессильное и ничтожное, есть название крайней слабости. Поэтому он и начинает так: *идоли язык сребро и злато.* Во-первых, это – идол; во-вторых, это – бездушное и бесчувственное вещество; в-третьих, идолы по тому самому, что они – идолы, не только сами по себе маловажны, бессильны, ничтожны, но и потому, что сделаны людьми. Потому и прибавляет: *дела рук человеческих,* что служит к величайшему осуждению тех, которые почитают их, которые, будучи сами виновниками даже существования их, возлагают на них надежду своего спасения. *Уста имут и не возглаголют: очи имут, и не узрят: уши имут, и не услышат: ниже бо есть дух во устех их. Подобни им да будут творящии я, и вси надеющиися на ня* (ст. 16–18). *Уста,* говорит, *имут, и не возглаголют.* Видишь ли, как сильно он подвергает их осмеянию и как обличает обольщение? Так как их часто приводят в движение бесы, то он раскрывает лицемерие и обман, внушая, что нет духа в устах их. А почему злой бес без них не действует и не говорит? Изображения идолов представляют блуд, прелюбодеяние и бесчисленные пороки; поэтому, желая самым видом истуканов научить

обольщаемых подражать делам, которые изображаются идолами, он присутствует и сидит в них, приводит их в движение и обольщает. Далее, подвергая их осмеянию другого рода, пророк говорит: *подобни им да будут творящии я.* Представь, каковы эти боги, если сходство с ними подлежит проклятию. Не так у нас; крайний предел добродетели и достижение самой вершины совершенства состоит в уподоблении Богу, сколько это возможно для нас. А у них, говорит, и богослужение и боги таковы, что уподобление им подвергает крайнему проклятию. Таким образом и то, что идолы – бездушное вещество, и то, что они изображают бесстыдство, и то, что они стоят без всякого чувства, и то, что сходство с ними подвергает проклятию, – все доказывает крайность этого заблуждения. Сказав об их бессилии, обольщении, лукавстве бесов, безумии тех, которые делают их, и скоро оставив их, пророк заключает речь славословием, не распространяясь более о делах Божиих, которые уже ясно показал, но, оставляя это, как признаваемое всеми, требует хвалы от тех, которые пользуются Его благодеяниями, призывает всех к славословию и говорит: *доме Исраилев, благословите Господа; доме Ааронъ, благословите Господа; доме Левиин, благословите Господа; боящиися Господа, благословите Господа. Благословен Господь от Сиона, живый во Иерусалиме* (ст. 19–21).

Почему он призывает не всех вместе, но разделяя по званиям? Дабы ты знал, что есть великое различие в благословениях. Иначе благословляет священник, иначе левит, иначе мирянин, иначе множество народа. Выражением *благословите* он указывает на блаженное и нетленное Существо. Благословите, говорит, за то, что вы избавились от врагов, удостоились поклоняться такому Богу, познали истину. Он Сам по Себе благословен, имеет благословение в самом существе Своем и не нуждается в похвале от других; однако и вы благословите, не с тем, чтобы прибавить что-нибудь Ему, но чтобы

самим получить великие плоды. Хотя Он благословен по существу, — как и действительно Он таков, — но желает, чтобы и мы благославляли Его. И опять пророк вспоминает о Сионе и Иерусалиме. Так как там сосредоточены были общественные дела иудеев, положено основание их богослужению, и там они получали наставления и распоряжения, то он хочет сделать эти места священными именем Божиим, чтобы, питая к ним благоговение, они были ревностными к ним, а будучи ревностными, чувствовали больше влечения к ним, а чувствуя влечение, прилеплялись к богослужению, а прилепляясь к нему, восходили на высшую степень добродетели, для которой совершалось все. Так, тогда был Иерусалим и Сион; а теперь — небо и предметы небесные. К нему, увещеваю вас, будем прилепляться и мы, чтобы нам сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 135

Исповедайтеся Господеви, яко благ: яко в век милость его (ст. 1)

1. Сказав выше о благодеяниях, которые Бог оказал людям, теперь пророк говорит и о том, сколь велика милость Его; не измеряя ее, — это невозможно, — но желая показать беспредельное ее величие, призывает всех к славословию и говорит: *исповедайтеся Господеви*, то есть благодарите, славьте Его. *Яко в век милость его.* Что значит: *в век?* Он не иногда только благодетельствует, а иногда удерживается от этого, не иногда только милует, а иногда перестает миловать, как бывает у людей, которым препятствуют страсти, не дозволяет малодушие, останавливает угождение другим, не допуска-

ют обстоятельства; но Бог не таков: Он постоянно милует, и никогда не перестает делать это, хотя делает различно и разнообразно. Так, говорит пророк, Он всегда милует и никогда не перестает благодетельствовать людям. Далее, сказав, что Бог постоянно милует, пророк приводит и доказательства милости Его и постоянства этой милости, заимствуя их от предметов видимых. Но так как он руководил слушателей к благочестию, то смотри, как опять сравнивает Бога с языческими богами, и опять по снисхождению к слушателям. Что же говорит Он? *Исповедайтеся Богу богов,* и каждый раз прибавляет: *яко в век милость его* (ст. 2). *Господеви господей* (ст. 3). В предыдущем псалме он говорит, что Господь *над всеми боги;* а здесь говорит еще более – что Он Господь их и Владыка их, – идолов ли будешь разуметь, или бесов, потому что, хотя бесы прогневали Его и преданы позору, но и они рабы и подвластны Ему. Потому, говорит, *исповедайтеся,* что вы имеете Бога, Который выше всех, Которому нет подобного, Который есть Владыка всех, Господь всех. Впрочем, Он называется и Богом благоугодивших Ему; например, когда говорится: *аз есмь Бог Авраамов, и Бог Исааков, и Бог Иаковль* (Исх. III, 6). Почему же здесь Он называется Богом бесов? В ином смысле говорится то, и в ином – это. Там представляется близость и особенная любовь Его к ним; а здесь показывается Его превосходство.

Творящему *чудеса велия единому: яко в век милость его* (ст. 4). Сказав, что Он есть Господь и Владыка *богов,* пророк приводит теперь доказательство этой истины, подтверждает сказанное, указывая опять на силу Его. Не сказал: сотворившему, но: *творящему,* выражая, что Он непрестанно благодетельствует, творит чудеса, совершает дела дивные. Пророк представляет два особенные Его свойства: что Он *творит* и что творит *един*; или лучше сказать – три и даже четыре: что Он *творит,* и

творит *чудеса*, и *великие* чудеса, и творит *един*. Этими словами не опровергается Сын Божий, но только Бог противопоставляется бесам. Посмотрим же, какие это чудеса, великие чудеса, которые Он один творит. Впрочем в начале пророк говорил нам не о силе, но о человеколюбии и благости Божией: *исповедайтеся*, говорил он, *Господеви яко благ*. Почему же теперь Он перешел к силе? Потому, что эти чудеса суть действия не только силы, но и человеколюбия. Объясняя, какие это чудеса, он продолжает: *сотворшему небеса разумом. Утвердившему землю на водах* (ст. 5, 6). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *составившему землю в водах. Сотворшему светила велия единому. Солнце во областъ дне. Луну и звезды во областъ нощи* (ст. 7—9). Если все это показывает Его силу и премудрость, то вместе показывает и великое Его человеколюбие. То, что все это так величественно, прекрасно и прочно, возвещает о силе и премудрости; а то, что оно сделано для нас и для нашей пользы, возвещает о человеколюбии и постоянной благости Его. Видишь ли, как *в век милостъ его*? Не на десять и не на двадцать лет Он сотворил это, и не на сто, двести или тысячу лет, но продолжил на всю жизнь нашу. Выражая это самое, пророк и прибавляет в каждом стихе: *яко в век милостъ его*. Поразительно и то, что Он, сотворив это и предоставив нам в начале, не лишил и тогда, когда человек преступил заповедь, но что дал ему, когда еще он не согрешил, то оставил в наслаждение ему и после грехопадения, и не воспрепятствовал пользоваться этим после греха. Притом Он сотворил не одно только небо, но и другое, показав в самом начале, что Он не оставит нас на земле, но переселит туда. Если бы Он не хотел переселить нас туда, то для чего и создано было бы небо? Эта стихия для Него Самого не нужна, потому что Он ни в чем не имеет нужды; но желая нас с земли переселить туда, Он приготовил тамошние обители.

2. Вот почему и пророк, зная это, в каждом стихе прибавляет: *в век милость его,* удивляясь Его человеколюбию. *Утвердившему землю на водах.* Посмотри и здесь на человеколюбие Его. Когда мы сделались смертными и подверглись многим нуждам, Он и тогда не оставил нас, но дал нам здесь на время соответственное пристанище и наполнил землю столь многими знаками своего человеколюбия, что и словами выразить их невозможно. Погружаясь в бездну этих благодеяний и видя это беспредельное море, пророк в восторге возвысил свой голос и сказал: *яко возвеличишася дела твоя Господи: вся премудростию сотворил еси* (Пс. CIII, 24). Кто посмотрит на солнце, на луну, на порядок времен, тот и теперь увидит все Его человеколюбие. Действительно, эти стихии немало способствуют к благосостоянию нашей жизни и даже к самой жизни: они питают, дают зрелость плодам, так что без них и жить было бы невозможно, показывают нам времена года, означают часы дня, различают течение дня и ночи, руководят путешествующих по земле и морю, доставляют пользу и в других бесчисленных отношениях. Видишь ли, как *в век милость его,* и почему пророк в каждом стихе повторяет это? Другой (неизвестный) переводчик слова: *во область дне,* передает так: *владеть днем.* Третий (неизвестный) переводчик: *во область нощью. Поразившему Египта с первенцы их. И изведшему Исраиля от среды их. Рукою крепкою и мышцею высокою* (ст. 10, 12). Он часто обращается к чуду, бывшему в Египте, по причине великой неблагодарности иудеев, которые, постоянно слыша, забывали об этом. И в самом деле, это чудо — не малая милость; оно избавило их от плена, от рабства, и для потомков послужило поводом к богопознанию. Впрочем, здесь намекается и на нечто другое. На что? На то, что и после тех казней освобождение их от рабства зависело от силы Его, поразившего их страхом и потопившего егип-

тян в море. А это говорит он для того, чтобы кто-нибудь из неразумных не подумал, будто Бог, повелев им взять золото и серебряные сосуды, повелел по Своей слабости. Он сделал это, желая во всех отношениях быть страшным для врагов и показать, что Он может сделать все и силой и властью, и скрытно и незаметно для них. То, что сделал Он явно, сделал не потому, будто не мог устроить скрытно; и то, что устроил скрытно, сделал не потому, будто не мог взять явно; но в том и другом случае показал Свою силу. А что и это навело великий страх на иноплеменников, о том послушай, как впоследствии сказали волхвы азотские: сей грозный Бог *отягчи* Египет, *и егда поругася им* (фараон), тогда извел *их* (1 Цар. VI, 6). Видишь ли, как они страшились Его и поэтому – по причине похищения, скрытности, неизвестности для них?

Разделшему Чермное море в разделения (ст. 13). Другой (Симмах): *на отделения.* Третий (неизвестный переводчик): *на части.* Некоторые говорят, что был не один путь, но вода расступилась отдельно для каждого колена, так что было много проходов. Все это, если показывало великую Его силу и являло Его страшным и великим, то вместе было делом и великого человеколюбия не только к тем, которые удостоились этого, но и к врагам, если бы они хотели быть внимательными. В самом деле, Он не вдруг потопил их, но когда они, после такого множества чудес, решились броситься в воду. Хотя бы они были бесчувственнее всех, они должны были, представив прежние чудеса и настоящие, бывшие у них перед глазами, удивляться Его силе, поклоняться и оставить неуместное состязание. Но они, видя, как вся природа по Его воле изменяет свои свойства и восстает против них, даже и при этом не оставили своего безумия, но, и взирая на такое необычайное чудо, дерзко вступили на этот необычайный и новый путь.

Потому море и сделалось для них гробом, и это было делом не природы, а казнью, посланной от Бога. Потому в короткое время и совершились противоположные действия, и море разделилось не в одном месте, но по числу всех колен. При каждом из знамений пророк упоминает о милости, потому что она преимущественно была целью действий Божиих, и чудеса совершались на стихиях для того, чтобы они не были приписаны естественному порядку вещей, но высшему мановению, творившему чудеса. Так было и с морем. А что это произошло тогда не по случаю, видно из того, что после ничего такого уже не было; между тем все, происходящее естественно, часто повторяется и обыкновенно бывает в известное время. *И проведшему Исраиля посреде его: яко в век милость его* (ст. 14).

3. Видишь ли, как справедливо пророк в каждом стихе прибавляет: *в век милость его?* Все это показывает непрерывное Его попечение. Хотя самые события имели конец, но воспоминание о них служило для потомков великим побуждением к богопознанию; будучи передаваемы потомкам через воспоминание, они руководили их к великому любомудрию. Впрочем, не одни эти чудеса были совершаемы, после них не прекратилось промышление Божие, и на событиях египетских не остановилось Его человеколюбие, но всякое время и всякий век представляют обильные доказательства неизреченного Его человеколюбия. Удивляясь этому, пророк постоянно и прибавляет: *яко в век милость его.* Хорошо прибавил он: *проведшему Исраиля посреде его*, потому что и это — дело могущества Божия. Не довольно было только раздвинуть море и сделать для них переход удобным, — это самое еще более могло поразить их, устрашить и удержать от решимости, внушая своей необычайностью великую боязнь, — а сила Божия, и после отступления моря, произвела в них сме-

лость и внушала им идти этим новым и необыкновенным путем. Когда воды возвышались с той и другой стороны, нужно было иметь возвышенную и мужественную душу, чтобы не страшиться перехода и не опасаться, чтобы море, поднявшееся по ту и другую сторону, не низвергнулось на них и не потопило всего стана. *И истрясшему фараона и силу его в море Чермное* (ст. 15). Это выражение употребил он, желая показать, как легко совершилось потопление. Притом заметь, как вместе с могуществом и гневом Бог показал и долготерпение, не прежде погубив их, – хотя они и дошли до такого бесстыдства и сопротивления, – как когда они сами добровольно бросились в пропасть. Не напрасно наказывается и войско фараона; так как оно разделяло грех и участвовало в преследовании, то разделило и наказание и мучение.

Проведшему люди своя в пустыни: яко в век милость его (ст. 16). Это – не меньше того, как провести через море. В самом деле, хотя там земля была суха и можно было на ней поставить стан, но вместе с тем было много других неудобств. Там все могло погубить их и предать жесточайшей смерти: и голод, и засуха, и жажда, и лучи солнца, ударяющие более надлежащего, и множество диких зверей, и недостаток во всем необходимом. Ты знаешь, сколь во многом человек имеет нужду. Но они, будучи лишены всего этого, не имея ни крова, ни пищи, ни достаточной одежды, ни обуви, и ничего другого подобного, как бы ликуя среди городов, продолжали путь в таком положении через всю пустыню. Посмотри, сколь многих чудес, бывших в пустыне, и сколь многих лет руководительства народом пророк не исчисляет, а упоминает только о двух чудесах, совершившихся над тамошними царями. Проходя молчанием новую их пищу, чудный кров, светильник, который никогда не переставал являться, одеж-

ды, которые не ветшали, обувь, которая не изнашивалась, источники, которые истекали из камней, и другие необыкновенные и чудные явления, которые делали для них путь удобным, он упоминает только о двух, как Бог поразил царей иноплеменников, как воздвиг трофей и даровал им победу; а прочее представить обстоятельно предоставляет слушателю. Поэтому он говорит: *поразившему цари велия. И убившему цари крепкие. Сиона царя Аморрейска. И Ога царя Васанска* (ст. 17–20). И к каждому стиху прибавляет: *яко в век милость его*, показывая, что хотя одних врагов сменяли другие, но никто не победил их. Почему? Потому что они непрестанно удостаивались человеколюбия Божия. Это и выражает он, постоянно повторяя: *яко в век милость его. И давшему землю их достояние. Достояние Исраилю, рабу своему* (ст. 21–22). Два вида благодеяния: тот, что они победили врагов, и тот, что сделались господами их владений. Действительно, и то было делом великой силы, что они не только изгнали туземцев, но и были в состоянии занять и удержать чужую землю.

Далее, опять объясняя, что они сделались владетелями всего этого не по своим заслугам, а единственно по благости Божией, прибавляет: *яко во смирении нашем помяну ны Господь* (ст. 23), выражая, что не в добродетелях, не в счастье, а *во смирении нашем*. Смысл этих слов следующий: достаточно было бедствия и страдания нашего, чтобы преклонить Его на милость. Так и в начале, когда освободил их из Египта, Он не сказал: *видя видех* перемену их к лучшему, но: *видя видех озлобление людей моих, иже во Египте* (Исх. III, 7). *И избавил ны есть от врагов наших* (ст. 24). Чтобы не перечислять отдельно войн, нападений, побед, трофеев, он опять, одним словом коснувшись ряда их подвигов и оставив то, что происходило в частности с иудеями, обращается к всеобщему Его промышлению и говорит: *даяй*

пищу всякой плоти (ст. 25). Другой (Акила): *который дает хлеб.* Третий (Симмах): *дающий хлеб.* Итак, не земля, не вода, не воздух, не солнечный луч и не что-нибудь другое произрастает плоды, но все – от Него. Посмотри и здесь не только на могущество, но и на неизреченное человеколюбие Его. Как Христос сказал: *солнце свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя* (Мф. V, 45), так и пророк здесь выражает то же в словах: *даяй пищу всякой плоти,* то есть не праведным и добродетельным только, но и грешникам и нечестивым и всему роду человеческому, что в особенности и возвещает об Его владычестве. Видишь ли, что псалом составлен особенно для того, чтобы руководить к богопознанию? Потому и в начале он прежде всего указал на всеобщие явления и в конце ими же заключил речь: выше сказал о солнце и луне, о молниях и дождях, которые бывают не в одной только части вселенной, а в заключение указал на общую всех пищу. Затем, доказав промышление Божие о всем, прибавил: *исповедайтеся Богу небесному: яко в век милость его* (ст. 26), потому что из сказанных явлений открывается и то, что Он есть Господь всего, и горнего и дольнего, и на все простирается Его промышление и попечение. Будем же возносить Ему благодарность за все, за всеобщее и за частное, за благость, за человеколюбие, за могущество, за попечение, и будем делать это постоянно в продолжение всей жизни, как и псалмопевец говорит: *исповедайтеся Господеви, яко благ: яко в век милость его.* Это – жертва; это – приношение; это особенно преклоняет Его на милость к нам и привлекает Его благоволение, которого да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 136

На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона (ст. 1)

1. Велика любовь у этих людей к городу (Иерусалиму), великое желание — возвратиться туда. Пока они обладали благами, то постоянно были недовольны и дерзки; а когда лишились их, тогда стали желать их; для того Бог и лишил их, чтобы возбудить в них большее желание. Так и часто поступает Бог. Когда мы, наслаждаясь Его благами, не чувствуем этого, Он лишает нас их, чтобы мы вразумились лишением и опять старались приобрести их. Но почему они сидели при реках? Они были пленниками и находились в неприятельской стране; потому и жили вне стен и городов. *На вербиих посреде его обесихом органы наша* (ст. 2). Другой переводчик (Акила) говорит: *псалтири*. Третий (Симмах): *лиры*. Для чего они, отправляясь в плен, взяли с собой органы, которыми не могли пользоваться? Это устроено было Богом для того, чтобы и в чужой стране они имели памятники своего прежнего общественного устройства и тем более сокрушались, видя знаки тогдашнего богослужения. *Яко тамо вопросиша ны пленшии нас о словесех песней и ведшии нас: воспойте нам песнь от песней сионских* (ст. 3). Немало пользы получили они и от того, что иноплеменники приставали к ним и желали слышать их песни. Посмотри и здесь, какое получали они исправление от плена. Те, которые вышли из надлежащих пределов, отступили от своего богопочтения и всеми способами попирали закон, на чужой земле вели себя так строго, что даже тогда, когда иноплеменники приставали к ним, угрожали, со всех сторон окружали их и желали послушать, даже и тогда они не склонились на их желание, но предпочли закон и строго сохранили его. Вместо: *ведшии*, другой (неизвестный) переводчик сказал:

надменно поступавшие с нами, выражая как бы следующее: те, которые прежде нападали на нас и восставали, со временем сделались столь кроткими, тихими и смиренными, что даже желали послушать наших песней. Однако иудеи не согласились петь. Видишь ли, как скорбь делает людей сильными, как делает сокрушенными, как смиряет душу? Они и плакали, и сохраняли закон; те самые, которые смеялись над плакавшими пророками, забавлялись и издевались, теперь, когда им никто не напоминал о них, обращались к слезам и плакали. От этого и враги получали великую пользу; они видели, что иудеи тяготились не пленом, оплакивали не рабство и не пребывание в чужой земле, а лишение собственного богослужения. Поэтому псалмопевец и прибавляет: *внегда помянути нам Сиона*. И не просто плакали они, но делали из этого постоянное занятие. Поэтому и в начале он сказал: *седохом и плакахом*, то есть для того и садились, чтобы плакать и рыдать. Почему же не позволялось им петь в чужой земле? Потому, что нечистым ушам не следовало слышать этих таинственных песнопений. *Како воспоем песнь Господню на земли чуждей* (ст. 4)? То есть нам не позволительно петь; хотя мы и лишились отечества, однако продолжаем хранить закон и соблюдать его в точности; хотя вы и владеете нашими телами, но не преодолеете души. Видишь ли душу, которая от скорби сделалась любомудрой и стала выше бедствий? *Аще забуду тебе Иерусалиме, забвена буди десница моя. Прилпни язык мой гортани моему* (ст. 5, 6). Заметь и здесь великую перемену. Те, которые каждый день слышали, что они будут лишены города, и не обращали на это внимания, теперь сами на себя призывают проклятия, если забудут о нем. Что значит: *забвена буди десница моя?* Пусть, говорит, крепость моя, сила моя забудет меня, и пусть я буду безгласен от множества бедствий, *аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима*

яко в начале веселия моего. Что значит: *аще не предложу Иерусалима?* Не только, говорит, буду воспоминать о тебе при других делах, но и при пении, и в песнях. Слово *предложу* значит: поставлю в начале песни; оно выражает сильное желание, или, лучше, любовь и пламенное стремление к городу. Выслушаем это все мы и будем поучаться. Как они, когда лишены были города, тогда и стали искать его, так многие и из нас испытают то же, когда в тот день лишатся горнего Иерусалима. Но они после лишения имели надежду возвращения, а нам, когда мы лишимся, уже невозможно будет возвратиться. *Червъ их*, говорит Господь, не умрет *и огнь* их не угаснет (Мк. IX, 46). Поэтому нам нужно с особенной тщательностью наблюдать за самими собой и так устраивать настоящую жизнь, чтобы не сделаться пленниками, чуждыми и отлученными от того отечественного города. *Помяни Господи сыны Едомские в день Иерусалимль, глаголющия: истощайте, истощайте, до оснований его* (ст. 7). Другой (неизвестный переводчик): *сынам Едомским.* И это выражение свойственно людям, пламенно стремящимся к городу. Смысл слов их следующий: накажи тех, которые не хотели довольствоваться взятием города, не насытились его разрушением, но настаивают и говорят: разрушайте, пока есть у него основание. Они хотели бы, чтобы не осталось и самых оснований города, но чтобы и основания его были исторгнуты.

2. Вместе с вавилонянами тогда напали на иудеев и аравитяне, о которых пророк часто упоминает и которых сильно укоряет за то, что они, несмотря на свое родство с иудеями, поступали хуже врагов. *Дщи Вавилоня окаянная* (ст. 8). Другой (Акила): *опустошенная.* Третий (Феодотион): *которая будет расхищена.* Здесь он показывает силу Божию не в избавлении от бедствий, но и в ниспослании бедствий на самих победителей,

предсказывает несчастья, которые постигнут Вавилон, и, по причине имеющих постигнуть его бедствий, называет его несчастным. Этим он также научает иудеев, внушая, что сила Божия распростерта по всей земле. *Блажен, иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам.* Другой (неизвестный переводчик): *которое прежде ты сделала нам. Блажен, иже имет и разбиет младенцы твоя о камень* (ст. 9).

Эти слова, исполненные великого гнева и угрожающие великим наказанием и мучением, суть слова страсти пленных, которые требуют великого наказания, некоторой изумительной и необыкновенной казни. Пророки многое говорят не от себя, но изображая и выставляя на вид страсти других. Если же хочешь знать собственную мысль пророка, то послушай, что он говорит: *аще воздах воздающим ми зла* (Пс. VII, 5); он стоял выше даже той меры возмездия, которая была дозволена ему законом. А когда он изображает страсти других, то описывает гнев, негодование, как сделал и теперь, выставляя на вид страстное желание иудеев, которые простирали свой гнев даже на младенческий возраст. Но не так в Новом Завете; напротив, нам заповедано напоить и питать врагов и молиться за обижающих нас. Это мы делаем по установленному для нас закону. Какому? *Аще не избудет правда ваша,* сказал Господь, *паче книжник и фарисей, не внидете в царствие небесное* (Мф. V, 20). Покажем же великое усердие и будем в превосходстве хранить всю правду, живя еще на земле, как на небе, и ликуя вместе с ангелами. Таким образом мы достигнем и будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 137

Исповемся тебе, Господи, всем сердцем моим (ст. 1)

1. Об этом я часто беседовал с вами; потому, оставив это, перейдем к следующему. Что значит: *и пред ангелы воспою тебе?* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *с дерзновением, Боже, воспою тебя.* Третий (Акила): *пред богами воспою тебе.* Если он говорит об ангелах небесных, то слова его имеют такой смысл: постараюсь петь вместе с ангелами, буду соревновать им, ликовать вместе с горними силами; хотя я и отличен от них по природе, однако постараюсь усердием сравняться с ними. Если же примем эти слова по изъяснению других переводчиков, то, мне кажется, он говорит о священниках. Писание обыкновенно называет священника и ангелом и богом; то оно говорит: *богов да не злословиши, и князю людей твоих да не речеши зла* (Исх. XXII, 28), то: *устне иереовы сохранят суд и от уст его правды взыщут: яко ангел Господа Вседержителя есть* (Мал. II, 7). Таким образом, если принять последнее, то сказанное нужно понимать так: со священниками, в их присутствии, когда они будут начинать и предшествовать, и я с подобающим благочинием пойду, последую за ними и воспою Тебе. *Яко услышал еси вся глаголы уст моих.* Видишь ли великую благодарность? Видишь ли напряженное внимание? Не так, как некоторые из людей беспечных и рассеянных, которые до получения бывают ревностны, а после получения нерадивы, — он и до получения усердно приступает, и после получения непрестанно благодарит. А из того, что он был услышан Богом, видно, что он совершал молитву чистую и превосходную, потому что мы тогда особенно бываем услышаны, когда молитва наша благоугодна Ему.

Итак, от нас зависит и то, чтобы мы были услышаны. Когда мы просим того, что Бог достойно может

дать, когда просим с усердием; когда сами делаем себя достойными получения, тогда Он слышит моление и подает просимое. *Поклоняюся ко храму святому твоему* (ст. 2). Немалая и это добродетель, когда кто может входить в храм и, входя, поклоняться с чистой совестью. Не в том дело, чтобы преклонить колени, или войти в храм, но в том, чтобы войти с душой усердной и с умом внимательным, чтобы пребывать в нем не телом только, но и душой. Немалое достоинство – поклоняться Богу всех так, как должно поклоняться. Если перед царями это считается достоинством, то тем более перед Богом всех. *И исповемся имени твоему о милости твоей и истине твоей.* Что это значит? Буду благодарить, говорит, Тебя за то, что я испытал на себе великое Твое попечение, потому что я не за свои заслуги удостоился возвратиться в отечество и увидеть храм, но по милости Твоей и человеколюбию Твоему. За то буду поклоняться Тебе, за то *исповемся* Тебе, что меня, достойного казни и мучения и стоящего того, чтобы постоянно жить в чужой стране, Ты скоро возвратил оттуда. *Яко возвеличил еси над всем имя твое святое.* Смысл этих слов следующий: не за благодеяния только я буду благодарить, но и за самую славу Твою неизреченную, за величие беспредельное, за естество непостижимое. *Яко возвеличил еси,* говорит, *над всем имя твое святое,* то есть благодеяниями, стихиями, – тем, что на небе, тем, что на земле, делами в отношении к врагам, делами в отношении к Своим. Нет ни одной части создания, горнего и дольнего, которая не возвещала бы звучнее трубы величия имени Твоего. Представим ли ангелов, или архангелов, или бесов, или бесчувственные стихии, камни, семена, солнце, луну, землю, моря, или рыб и птиц, или озера, источники, реки, – во всем является великое имя Твое. Другой (неизвестный) переводчик вместо: *возвеличил еси над всем имя твое святое,* говорит:

потому что *ты возвеличил над всеми именами твоими слово твое.* Третий (неизвестный переводчик): *изречение твое. В оньже аще день призову тя, скоро услыши мя* (ст. 3). Другой (неизвестный переводчик): *в день, в который я призвал тебя, ты услышал меня.* Это и Бог обещал, сказав: в тот день, когда призовешь меня, услышу *тя* и скажу: *се, глаголющу ти, приидох* (Ис. LVIII, 9); этого и пророк просит. Таковы души, находящиеся в скорби: они хотят скоро видеть избавление от бедствий. *Умножиши мя в души моей силою твоею.* Другой (Симмах): *ты возбудил в душе моей силы,* как и прежде, вместо: *услыши мя,* другой переводчик сказал: *услышал меня.* Что же значат эти слова? Возвышенным называется все высокое, от глагола: αἴρεσθαι (подниматься вверх), и возвышениями моря называются его волны и поднятия, от αἴρεσθαι. Поэтому *умножиши* значит: вознесешь меня, возвысишь меня. То же он сказал и в другом месте: *по высоте твоей умножил еси сыны человеческия* (Пс. XI, 9), то есть вознес, возвысил. Так и здесь он говорит: *умножиши мя,* чтобы выразить: Ты исполнишь меня великой радости, сделаешь душу мою возвышенной и, что всего важнее, не допустишь, чтобы это возвышение мое, эта радость моя была скоротечна, но сделаешь ее крепкой, прочной, твердой и неподвижной. Вот что значит: *умножиши мя в души моей силою твоею.*

2. Смысл этих слов следующий: Ты возвысишь меня силой, вознесешь крепостью и поможешь мне. Потому и другой переводчик, выражая это самое, сказал: *ты возбудил в душе моей силы.* Хорошо сказал он: *в душе моей.* Это особенно свойственно Богу – ободрять души среди скорбей, как было и с апостолами. Их бичевали, а они возвращались с радостью (см.: Деян. V, 41): так возвышена была душа их! Это преимущественное дело силы Божией, это преимущественно являет могущество Его, – не допускать душу падать среди бедствий. *Да испове-*

дятся тебе, Господи, вси царие земстии, яко услышаша вся глаголы уст твоих (ст. 4). Посмотри на признательность его. Он не довольствуется тем, что сам благодарит, но и всех властителей призывает к участию в благодарности, и даже венценосцев. Хотя и велика, говорит, их власть и сила, но все они должны благодарить Тебя и за то, что сделано для других. Выражая это, он и присовокупляет: *услышаша вся глаголы уст твоих.* Если они будут благодарить, то получат отсюда великое приобретение и пользу. Дары Твои так открыты для всех, что, кто хочет, может участвовать в них и пользоваться ими. И царство не может доставить людям столько пользы, сколько слышание слов Твоих. Это для них – безопасность, это – сила, это – украшение, это – великолепие, это – царство, это – блеск и могущество власти. *И да воспоют в путех Господних* (ст. 5). Другой (неизвестный переводчик): *да воспоют пути Господни.* Если читать: *в путех* Твоих, то сказанное значит: в законах Твоих, в повелениях Твоих. Если же – *пути* Твои, то: пусть, говорит, повествуют, прославляют, возвещают славные дела Твои, – это именно значит слово: *да воспоют. Яко велия слава Господня,* то есть всем известна, всем ясна, всем очевидна, всем готова благодетельствовать, так что все обязаны ей благодарностью. *Яко высок Господь, и смиренным призирает* (ст. 6). Высок по естеству, высок по существу. Но здесь еще говорится применительно к служению иудейскому и не в строгом смысле; а далее он поясняет это и смиренному слушателю внушает глубокую мысль. Что же значит: *и высокая издалеча весть?* Здесь говорится о предвидении, которое особенно свойственно силе Божией. Потому и у пророков Бог часто этим опровергает заблуждение идолослужителей. Другой переводчик (Акила) говорит: *и вознесенное издалеча распознает.* Третий (неизвестный переводчик): *и возвышенное.* Так как он сказал: *высок Господь и смиренныя*

призирает, то прибавляет: *и высокая издалеча весть*, дабы показать, что Бог не просто знает высокое, но и на большом расстоянии, то есть прежде, нежели оно сбылось, прежде, нежели исполнилось, прежде, нежели осуществилось на деле. *Аще пойду посреде скорби, живиши мя* (ст. 7). Не сказал: отгонишь скорбь; но: среди самых скорбей оживишь меня, то есть можешь спасти среди самых опасностей. Это и удивительно и необыкновенно, чтобы в то самое время, когда окружают бедствия и враги, поставить в безопасности человека, окруженного ими. *На гнев враг моих простерл еси* руки твои. Другой (Симмах): *против дыхания врагов моих простреш*ь. Видишь ли величайшую силу, простирающуюся на ту и другую стороны? И меня, говорит, находящегося среди бедствий, Ты можешь спасти, и их, беснующихся, неистовствующих и дышащих огнем, смирить и укротить. *И спасе мя десница твоя*. Другой (Симмах): *и спасет меня десница твоя*, то есть сила Твоя, крепость Твоя. Подлинно у Бога есть все пути и все средства, и из отчаянного положения Он может привести ко спасению. *Господь воздаст за мя* (ст. 8). Другой (неизвестный переводчик): *отдаст*. Третий (неизвестный переводчик): *уплатит*, то есть отмстит врагам. Не сказал: отмстит, а: *воздаст*, дабы показать, что, хотя долг на мне, но Он удовлетворит и уплатит, потому что Он человеколюбив. Можно относить это и к тому, что сделано для нас Христом. Он воздал за нас. *Господи, милость твоя во век, дел руку твоею не презри*. Приводит два основания для получения милости: одно то, что Бог милосерд и благ, и милосерд постоянно, так что человеколюбие Его никогда не прерывается, не прекращается и не уменьшается; а другое то, что Он — Творец и Создатель.

Но если мы на этих основаниях испрашиваем себе спасения, то и со своей стороны должны являть что-нибудь достойное милости. *Помилую*, говорит Он, *его же*

аще помилую (Рим. IX, 15). Он милует не без разбора, но и Он также делает некоторое различие. Если бы Он миловал без разбора, то никто не подвергался бы наказанию. Итак, будем делать должное не только для того, чтобы получить милость, но и потому, что мы созданы Богом. Кто создан Богом, имеет такого Творца и Царя, тому должно вести жизнь, достойную Его попечения и такого промышления. Если мы будем так поступать, то получим будущие блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 138

В конец, победителю. Господи, искусил мя еси, и познал мя еси (ст. 1)

1. Что говоришь ты? После испытания Бог знает, а прежде испытания не знает? Отнюдь нет; как это может быть, когда Он знает все прежде бытия? Выражение: *искусил мя еси* значит: совершенно знаешь меня. Как апостол, когда говорит, что Бог испытает *сердца* (Рим. VIII, 27), означает не неведение, а совершенное знание, так точно и псалмопевец словами *искусил мя еси* означает яснейшее знание, то есть: Ты совершенно знаешь меня. Ты *познал еси седание мое и возстание мое.* Сидением и восстанием означает он всю жизнь, потому что в этом проходит наша жизнь — в делах, движениях, входах, выходах. Затем, так как он в начале сказал: *искусил мя еси,* то чтобы кто-нибудь из неразумных не подумал, что Он знает только по испытанию, или по опыту, на основании слов: *познал еси седание мое и возстание мое,* посмотри, как он предотвращает это последующим прибавлением: *ты разумел еси,* говорит, *помышления моя издалеча* (ст. 2), выражая этим, что Бог знает не вследствие

испытания и не имеет нужды в испытании, но знает все силой предведения. Тот, кто знает помышления, находящиеся в уме, не имеет нужды в испытании посредством дел. Притом Бог знает помышления не только появляющиеся в уме, но еще прежде, нежели они появились; и не просто прежде, нежели появились, но и задолго прежде. Желая выразить это, пророк и присовокупил: *ты разумел еси помышления моя издалеча.* Если же Бог знает самые помышления, то для чего Он употребляет испытание посредством дел? Не для того, чтобы Самому узнать, но чтобы испытываемых сделать опытными. Так и Иова Он знал прежде испытания, почему и свидетельствовал о нем так: *человек праведен, истинен, богочестив* (Иов. II, 3); однако употребил и испытание, чтобы и его сделать более твердым, и обличить коварство диавола, примером его сделать и других более ревностными. И удивительно ли, что Он поступил так с Иовом, когда и с грешниками Он делает то же самое? Так, Он совершенно знал, что ниневитяне не заслуживают погибели, но через покаяние исправятся; однако употребил и испытание самым делом; и везде Он представляет много доказательств Своего промышления и человеколюбия, не довольствуясь Своим знанием.

Вот почему и Единородный говорил: *аще не творю дела Отца моего, не имите ми веры: аще ли творю, аще и мне не веруете, делом веруйте* (Ин. X, 37, 38). Так как многие, грубые душой и бесчувственные, говорят многое подобным образом: такого-то Бог избрал, такого-то возлюбил, а такого-то возненавидел, и оттого один стал хорошим, а другой дурным, — то Он, желая исправить мысли каждого из подобных людей, убеждает их делами, представляя доказательство от дел, и, с одной стороны, еще прежде опытов объявляет, что такой-то добродетелен, чтобы они познали силу Его предведения, а с другой стороны удостоверяет и делами, чтобы кто-нибудь из не-

разумных не сказал, что такой-то сделался таким вследствие предсказания. И Павел, посмотри, как выражает это, когда говорит: *еще бо не рождшимся, ни сотворившим что благо или зло, да по избранию предложение Божие пребудет, не от дел, но от призывающаго речеся ей: яко болий поработает меншему* (Рим. IX, 11, 12). Бог не имеет нужды ожидать конца дел, но еще прежде Сам знает, кто будет дурным и кто — не таким. *Стезю мою и ужже мое ты еси изследовал, и вся пути моя провидел еси* (ст. 3). Как сидением и восстанием пророк называет действия, согласно с общим обычаем, — ведь и мы часто говорим: такой-то знает, как садятся и как встают, выражая точное его знание, — так *стезею* и *ужем* он называет здесь всю свою жизнь, почему и присовокупляет: *и вся пути моя провидел еси.* И выражение: *изследовал еси,* означает не искание и исследование, а точное знание; и здесь, желая выразить то же, он прибавил: *провидел еси,* то есть все действия худые и добрые Ты знаешь прежде, нежели они совершились. *Яко несть лсти в языце моем* (ст. 4). Другой переводчик (Симмах) говорит: *разноречия.* Это — величайший признак добродетели; это — главное из благ; этого особенно требует Христос, когда говорит: *аще не обратитеся и будете, яко дети, не внидете в царство небесное* (Мф. XVIII, 3), — разумея незлобие, бесхитростность, прямоту и простоту. Поэтому Он и избрал людей простых и говорил: *исповедаютися, Отче, яко утаил еси сия от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцем* (Мф. XI, 25). Заметь, пророк не сказал: я имел; и отверг лукавство, но: никогда его не было у меня, никогда эта болезнь не касалась языка моего, никогда этот порок не имел ко мне доступа. *Се, Господи, ты познал еси вся последняя и древняя* (ст. 5). Не помышление только, говорит, знаешь Ты, и не дела мои и пути мои только, но все, что было и будет. *Ты создал еси мя и положил еси на мне руку твою.* От силы предведения он переходит к силе

творческой, и от творческой опять к силе предведения. Бог не только создал нас не существовавших, но и созданных содержит.

2. То и другое и Павел приписывает Христу: *многочастне и многообразне,* говорит, *древле Бог глаголавый отцем во пророцех, в последок дний глагола нам в Сыне, его же положи наследника всем* (Евр. I, 1, 2). Затем, продолжая, говорит и о творчестве: *имже и веки сотвори.* Далее, упомянув о существе Его и сказав: *иже сый сияние славы и образ ипостаси его,* показывает и промыслительную Его силу: *нося же,* говорит, *всяческая глаголом силы своея* (ст. 3). И в послании к Колоссянам он говорит то же самое: *яко тем создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, аще престоли, аще господствия, аще начала, аще власти всяческая тем и о нем создашася: той есть прежде всех* (Кол. I, 16, 17). Это – о творчестве Его. Затем, указывая на промыслительную силу, прибавляет: *и всяческая в нем состоятся* (ст. 17). Также Иоанн, изображая то и другое, говорит: *вся тем быша, и без него ничтоже бысть* (Ин. I, 3). Этим он указывает на творчество. Затем говорит о промышлении: *живот бе, и живот бе свет человеком* (ст. 4). То же и пророк выражает здесь. *Ты создал еси мя:* это говорит он о творчестве. Далее говорит о промышлении: *и положил еси на мне руку твою.* Что значит: *положил еси?* Содержишь, соблюдаешь, носишь. На это и Павел указывает в словах: *о нем живем и движемся и есмы* (Деян. XVII, 28), потому что не только для получения бытия, но и для сохранения и продолжения бытия мы имеем нужду в Его силе. *Удивися разум твой от мене: утвердися, не возмогу к нему* (ст. 6). Другой (Симмах): *превышает меня;* и вместо слова: *утвердися,* другой (неизвестный переводчик) говорит: *превознесен.* Смысл слов его следующий: хотя и промышлением Твоим я пользуюсь и знаю, что Ты провидишь все и создал меня из небытия, однако не могу иметь о Тебе знания точного и

вполне ясного: оно *удивися*, то есть превышает, превосходит меня, так обширно, что не может быть обнято умом моим; так оно дивно, так велико! Но при всем том, что оно дивно и велико, не может ли оно быть обнято умом? Нет; поэтому, чтобы ты не утверждал этого, он и прибавил: *не возмогу к нему*. Рассуждая о знании, он не говорит: я не знаю Бога; но: я не имею о Нем знания совершенного и ясного. Так говорит и Павел; о том, что Он *есть*, мы знаем, а того, *что* Он есть по существу, не знаем: *веровати подобает пріходящему к Богу, яко есть* (Евр. XI, 6). Не сказал, *что* Он есть по существу, потому что это никому неведомо. О том, что Бог человеколюбив, что Он милосерд, что Он благ, мы знаем, а в какой степени – не знаем. Но пророк, оставив все это, указывает на нечто другое, что кажется более доступным, и сознается, что не знает и этого. Не говорю уже о том, продолжает он, *что* есть Бог по существу, и о том, в какой степени Он благ, – известно, что это непостижимо, – но я не могу сказать и того, как Он существует везде; и это выше нашего разумения. Поэтому, сказав: *удивися разум твой от мене*, он продолжает: *камо пойду от духа твоего, и от лица твоего камо бежу? Аще взыду на небо, ты тамо еси: аще сниду во ад, тамо еси: аще возму криле мои рано, и вселюся в последних моря* (Симмах: *останусь*), *и тамо бо* (Симмах: *еще и там) рука твоя наставит мя, и удержит мя десница твоя* (ст. 7–10). *Духом* и *лицем* называет он Самого Бога; то есть куда пойду я от Тебя? Ты все наполняешь, везде присутствуешь, не частью, но везде вдруг, всецело. Исчисляя места горние и дольние, широту и долготу, глубину и высоту, он показывает, что Бог присутствует везде. И не сказал: куда я ни пойду, Ты последуешь за мной и удержишь меня, но: куда я ни пойду, Ты – там, то есть там нахожу тебя существующим прежде меня. Поэтому-то он и говорит: *удивися разум твой от мене*. Но, если ты не знаешь Его

совершенно, то почему знаешь, что Он дивен? Потому, что Он превышает мое разумение, побеждает мой разум. И солнечного луча мы не можем знать ясно, и однако по этому самому особенно удивляемся ему; так точно и в отношении к познанию Бога. Мы не знаем Его совершенно; мы знаем, что Он человеколюбив, благ, милосерд, снисходителен, и существует везде; но *что* Он по существу, или *в какой степени* названные свойства принадлежат Ему, или *как* Он существует везде, этого не знаем. Сказав таким образом, почему *удивися разум твой,* возвестив о Божием предвидении, творчестве, промышлении, непостижимости и неизъяснимости существа Его, пророк потом говорит о другой силе Его, которая также внушает великое удивление, если исследовать ее разумом, потому что и она непостижима. Какая же это сила? *И тамо бо рука твоя наставит мя, и удержит мя десница твоя,* то есть Ты можешь сделать, чтобы люди, подвергшиеся бедствиям, находясь среди самых бедствий, не были изнурены бедствиями.

3. Чтобы объяснить это, пророк прибавляет: *и рех: еда тма поперет мя, и нощь просвещение в сладости моей. Яко тма не помрачится от тебе, и нощь яко день просветится: яко тма ея, тако и свет ея* (ст. 11, 12). Сказав выше о том, что я перечислил, и вместе о том, что Бог не только везде присутствует, но и руководит, охраняет и ограждает, теперь он показывает и в этом прибавлении нечто необыкновенное, то есть что Бог не только ограждает и охраняет, но и совершает это сверхъестественно. Сказав: *удержит мя десница твоя, и наставит мя,* он присовокупляет: *и рех: еда тма поперет мя.* Другой (Симмах): *если скажу: может быть тьма прикроет меня.* Третий (неизвестный переводчик): *сокроет меня.*

Тьма здесь означает скорбь. Смысл слов его следующий: я был окружен бедствиями и сказал в самом себе: одолеют меня бедствия; таков смысл слов: *тма поперет*

мя; а другой говорит: *тьма сокроет меня. И нощь просвещение в сладости моей.* Другой (Симмах): *ночь светла вокруг меня.* Что же это значит? Я, говорит, сказал это, соображая по обыкновенному порядку вещей; но внезапно зло обратилось в добро, или, лучше, не зло обратилось в добро, а, тогда как зло оставалось, я наслаждался великим спокойствием. Он не сказал: ночь исчезла, но: ночь была светлой. Это значит: ночь, оставаясь ночью, то есть бедствия и несчастья, – потому что их он разумеет под именем ночи, – не могли попрать меня, но во время ночи был свет, то есть защита для меня. Действительно, когда хочет Бог, тогда и противоположное бывает и является в противоположном. Не видел ли ты и печь горящую, и росу прохлаждающую, и первую неугасающей, и последнюю не высыхающей, и прохладу, и пламень вместе? Как же, скажи мне, это было? Хочу знать: как это было? Или нет, я не хочу и знать, как было, – потому что невозможно; но верую событию и поклоняюсь Виновнику его: *множайша бо дел его в сокровенных* (Сир. XVI, 21). Разве не знаешь, что египтяне днем ходили ощупью, как бы во мраке, а израильтяне видели, и когда мрак все покрывал, – что и в начале свет воссиял среди тьмы? Творец всегда владычествует над природой вещей, не в том только смысле, что производит несуществующее, но и в том, что и существующему в природе может дать иной вид. *Яко тма не помрачится от тебе.* Другой (неизвестный переводчик): *у тебя. И нощь яко день просветится.* Другой (Симмах): *но и ночь как день явится. Яко тма ея, тако и свет ея.* Другой (неизвестный переводчик): *подобны, тьма и свет* ея. Хорошо сказал он: *от тебе,* то есть у Тебя, выражая следующее: если Ты захочешь, то и тьма не будет тьмой, но покажет свойства света. Поэтому и присовокупляет: *и нощь яко день просветится,* чем еще более объясняет прежде сказанное и выражает, что ночь покажет свой-

ства дня, как бы свои собственные. Когда хочет Бог, то стихии изменяют свои действия на противоположные так точно, как будто бы они от начала были их собственные. Если Ты захочешь, то и ночь будет такова, и ей так будет свойствен свет, как тьма. Это и выражает он, присовокупляя: *яко тма ея, тако и свет ея.* Это сказано в смысле собственном о стихиях, а в переносном — о делах. Отсюда видно, что Бог может доставить людям, впавшим в скорби, столько же отрады, облегчая их скорби, сколько имеют ее люди, пользующиеся счастьем. Чудно это и удивительно, — так например, было и с Иосифом. Не столько наслаждался он счастьем и честью, живя в отеческом доме, сколько будучи продан и содержим в доме иноплеменников. Сами враги сплетали ему диадему и приготовляли порфиру, и самое бесчестие послужило для него поводом к чести и царствованию. Видишь ли, как объясняются слова: *нощъ яко день просветится?* И касательно слов: *яко тма ея, тако и свет ея,* нужно сказать то же самое: как то, так и другое будет принадлежать ей, не по-видимому только, но потому, что Ты, Господи, изменяешь порядок вещей. *Яко ты стяжал еси утробы моя, Господи, восприял мя еси из чрева матере моея* (ст. 13). Какая связь этих слов с вышесказанными? Близкая и весьма тесная. Сказав о столь великой силе Божией, пророк теперь показывает, что эту силу Он употребляет на пользу людям и на благодеяния.

Чтобы кто-нибудь из неразумных не сказал: что́ мне в том, что Он велик, силен и предведущ? — покажи, получаем ли мы отсюда какую-нибудь пользу, — он присовокупляет: *яко ты стяжал еси утробы моя,* разумея под частью целого человека. А это немало являет славу и промышление — быть стяжанием Божиим, потому что Кто *стяжал,* тот и печется, и промышляет. Объясняя это, он и присовокупляет дальнейшие слова: *восприял мя еси от чрева матере моея,* то есть всегда Ты ограждал

меня, промышлял о мне, охранял меня, с первого моего возраста, от самых пеленок, и все, о чем я сказал, Ты доказал делами. *Исповемся тебе, яко страшно удивился еси: чудна дела твоя, и душа моя знает зело* (ст. 14). Что это значит? Ты создал меня, говорит, но я не знаю, как создал; Ты промышляешь, но я не могу обнять умом всего Твоего промышления; Ты везде присутствуешь, но я не постигаю и этого; Ты знаешь будущее, и прошедшее, и тайны души человеческой, но я и этого не могу понять умом своим, так как Ты изменяешь природу вещей и устраиваешь, что они, сохраняя свою природу, являют действия противоестественные и притом как бы свои собственные и свойственные им по природе.

4. Соединив все это вместе, вдохновенный пророк громко воскликнул: *исповемся тебе, яко страшно удивился еси,* то есть Ты явился дивным, Ты – дивен. *Чудна дела твоя, и душа моя знает зело.* Что я говорю, продолжает он, о Тебе, когда и совершаемое Тобой заключает в себе много дивного? Затем, не перечисляя всего и ограничиваясь собственным знанием, говорит: *и душа моя знает зело;* не просто знает, но сильно, крепко. Если знает, то как же он прежде говорил: *удивися разум твой от мене, утвердися, не возмогу к нему?* Это сказано о Самом Боге, а то – о делах Его; если же и то сказано о Нем, то мы так можем понимать: он знает, что Бог дивен, велик, высок, но того, *что* Он по существу, – я опять повторю то же, – каково Его величие и как принадлежит Ему все упомянутое, не знает. Между тем такое незнание есть доказательство знания, хотя и странны слова мои. Так и моря мы не знаем, как оно пространно, и однако по тому самому особенно и знаем море, что не знаем меры его. Если же кто скажет, что он знает, как велико море, тот именно и не знает его. Таким образом бывает объявление знания, которым обличается незнание, и бывает незнание, которое свидетельствует нам о знании. *Не утаися кость моя*

от тебе, юже сотворил еси в тайне, и состав мой в преисподних земли (ст. 15). Опять говорит о знании Божием и показывает, что Он знает все это. Итак, он говорит или о том, что Бог знает все тайное или указывает на нечто другое, на создание и образование человека: даже и тогда, когда я образовался. Ты не знал чего-нибудь, но знал все; хотя природа составляла меня мало-помалу, хотя она действовала втайне и как бы в преисподних земли, для Тебя, говорит, все обнаженно и открыто. Другой переводчик (Акила)сказал так: *не сокрылись кости мои от тебя, с которыми я создан втайне.* Третий (Симмах): *не утаилась от тебя крепость моя, с которою я создан втайне,* (Акила) *разнообразно составлен, как бы в преисподних земли.* Четвертый (неизвестный переводчик): *не утаилась от тебя сила моя, или кости мои от тебя, хотя я создан втайне, образован в преисподних земли.* Все они говорят одно и то же, то есть Ты совершенно знал меня и тогда, когда я составлялся по частям; Ты знаешь даже каждый член и приращение его. Так и Христос говорит: *и власи главы вашея изочтени суть* (Лк. XII, 7). Эти слова указывают вместе и на промышление и на знание Божие. *Несоделанное мое видесте очи твои* (ст. 16). Или опять говорит то же самое, то есть Ты знал меня, когда я еще не был образован, — потому что другой переводчик (Симмах) сказал так: *необразованнаго меня видели очи твои,* — или говорит о самых делах, то есть еще не сделанное видели очи твои. *И в книзе твоей еси напишутся: во днех созиждутся, и никто же в них.* Не ясны эти слова, но до смысла их надобно доходить по связи речи и по другому переводу. Смысл их, согласно с предыдущим, следующий. А что сказано было прежде? *Необразованнаго меня видели очи твои,* то есть когда я еще не получил образа, когда еще создавался, когда еще составлялся, и тогда они видели меня так ясно, как того, кто образован, как того, кто составлен, как того, кто совершенно устроен и уже не нуждается ни в одном дне

для своего окончательного устройства. А дабы ты убедился, что это так, послушай другого переводчика (Симмах): *необразованнаго меня,* говорит он, *провидели очи твои, вместе со всеми, которые написаны в книге твоей, не нуждаясь ни в каком дне для своего образования.* Наравне с ними, говорит, Ты видел меня, наравне с теми видел меня, которые созидаются в дни свои, в дни, при которых нет недостатка ни в одном дне. Он говорит это не потому, будто на небе есть книга, и не потому, будто кто-нибудь вписывается в нее, но *книгою* означает точное знание, подобно тому, как говорится: *услыша Господь и написа в* книге (Мал. III, 16); и еще: *книзи отверзошася* (Дан. VII, 10). *Мне же зело честни быша друзи твои, Боже* (ст. 17). Другой (неизвестный переводчик): *досточтимыми стали други твои.* И это немалая добродетель – иметь в великой чести друзей Божиих. Ты промышлял о мне, говорит, произвел меня из небытия, содержишь меня; а я воздаю Тебе тем, что почитаю друзей Твоих. *Зело утвердишася владычествия их,* то есть они утвердились. Другой (Симмах) говорит: *как многочисленны главы* их. Это яснее, потому что далее он прибавляет: *изочту их и паче песка умножатся* (ст. 18). Я почитаю их, а Ты умножаешь и делаешь многочисленнее песка, и не только делаешь их многочисленными, но и сильными; это именно означает выражение: *утвердишася.* Он говорит о двояком благополучии, о возрастании и по числу, и по силе. *Востах, и еще есмь с тобою.* Другой (неизвестный переводчик): *проснусь и навсегда буду у тебя.*

5. Немалый знак добродетели, когда кто в счастье остается добродетельным. Многие, достигнув благоденствия, забывались; а я – нет, говорит, но и восстав, то есть избавившись от бедствий, всегда буду с Тобой. *Аще избиеши грешники, Боже* (ст. 19). Не то говорит он: если убьешь, тогда я буду; то он обещал и без этого; и просит сделать это не с тем, чтобы уничтожить самое существо

людей, но с тем, чтобы обратить их от греха к праведности. Он не сказал: *аще избиеши люди,* но: *грешники.* Другой переводчик (Симмах) вместо: *грешники,* говорит: *преступника,* разумея врагов, поклоняющихся идолам.

Мужие кровей, уклонитеся от мене. Мужами кровей он называет убийц, людей, находящих удовольствие в убийствах. Немаловажен и этот путь к преуспеванию в добродетели — убегать и уклоняться от сообщества с такими людьми. Затем следует и причина: *яко ревниви есте в помышлениих* (ст. 20). Другой (Симмах): *которые выразили против тебя помышление.* Третий (неизвестный переводчик): *потому что огорчили тебя злоумышленно.* Смотри, как он не ищет своего, но за оскорбление Бога удаляется и избегает общения с ними. Для иудеев и то было причиной погибели, что они сообщались с людьми порочными. Потому они и получили закон, были отделены законом от таких людей, получили заповедь избегать браков с ними и, вышедши из Египта, сорок лет воспитывались отдельно в пустыне. Потому закон и назывался ограждением, как ограждавший их со всех сторон и удерживавший от общения с порочными людьми, потому что они по нраву своему легко обольщались, увлекались и изменялись. *Приимут в суету грады твоя.* Другой (Акила): *вознеслись тщетно противники твои.* Третий (неизвестный переводчик): *враги твои.* Он потому избегает и уклоняется их, что они вознеслись против славы Божией, что поступали беззаконно, что произносили слова богохульные. *Не ненавидящия ли тя, Господи, возненавидех, и о вразех твоих истаях? Совершенною ненавистию возненавидех я: во враги быша ми* (ст. 21, 22). Так и Бог обещал быть врагом врагам и противником противникам их; это особенный знак дружбы; и он воздает Богу тем и другим. Выше сказал: *мне же зело честни быша друзи твои, Боже;* а здесь: *ненавидящия тя возненавидех;* и там с чрезвычайной силой, и здесь с чрезвычай-

ной силой, потому что не только *возненавидех*, говорит, но и *истаях. Искуси мя, Боже, и увеждь сердце мое; истяжи мя и разумей стези моя. И виждь, аще путь беззакония во мне, и настави мя на путь вечен* (ст. 23, 24). Но в начале он говорил: *искусил мя еси, и познал мя еси; Ты познал еси седание мое и возстание мое; Ты разумел еси помышления моя издалеча; стезю мою и уже мое Ты, еси изследовал и вся пути моя провидел еси; Ты познал еси вся последняя и древняя.* Почему же здесь опять он, как бы еще не искушенный, говорит: *искуси мя?* Видишь ли, что он употребляет человеческие выражения не для того, чтобы мы оставались при низких понятиях, но чтобы, составив из всего этого богоприличную мысль, восходили к высоким понятиям. Он просит, чтобы Бог испытал и исследовал его, не для того, чтобы узнал сердце его Тот, Кто наперед знает все, еще прежде бытия, но чтобы узнали мы, приобретающие познания по окончании дел. Это и значит здесь выражение: *искуси мя. И виждь, аще путь беззакония во мне, и настави мя на путь вечен.*

Какой же это вечный путь, как не путь духовный, ведущий к небу и не имеющий конца? Все прочее временно и оканчивается с настоящей жизнью. Поэтому, оставив все, он ищет этого пути, бессмертного, беспредельного, не имеющего конца. Как же человек может быть приведен на этот путь? Если получит помощь Божию, если будет делать должное и со своей стороны, упражняться в добродетели, предаваться любомудрию, становиться выше всего житейского, потому что на этом пути нет ничего скоропреходящего и временного. Такова добродетель. Она доставляет плоды всегда цветущие и никогда неувядающие, блага бессмертные, нетленные и бесконечные, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 139

Изми мя, Господи, от человека лукава, от мужа праведна избави мя (ст. 1)

1. Где теперь те, которые говорят: для чего дикие звери, для чего скорпионы, для чего ехидны? Вот находится животное, которое обнаруживает большую злобу, не по природе своей, а по воле — человек. Поэтому и пророк, не упоминая о всех других, просит избавить от него. Скажи же мне: если человек таков, то неужели не следовало и существовать людям? Говорить это крайне безумно, потому что нет ничего вредного в человеке, кроме одного только греха, и когда уничтожен грех, тогда все легко, удобно, мирно, а когда он существует, тогда во всем подводные камни, бури, кораблекрушения. Пусть никто не осуждает нас, что мы назвали человека порочного худшим дикого зверя. Зверь, хотя не имеет кротости от природы, но легко может быть обманут и проявить себя тем, что он есть; а от человека, замышляющего зло и принимающего на себя различные виды, остеречься гораздо труднее, нежели от дикого зверя; часто он одевается шкурой овцы, а внутри скрывает волка; поэтому многие неосторожные и впадают в его сети. Так как трудно уловить подобных зверей, то пророк обращается к молитве и призывает помощь Божию для избавления от такой напасти. Через подобных людей часто и диавол действует и таким образом поражает. Итак, напастей много со всех сторон: и порочный человек нападает, и злой бес враждует, и невыносимое искушение беспокоит. Потому нам и заповедано говорить в молитве: *не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго* (Мф. VI, 13). Разнообразна борьба, многоразличны нападения, ко всему надобно быть готовым. Как тот, кто намеревается выйти в море, должен предвидеть и стремление беспорядочных вод, и

напор буйных ветров, и скопление облаков, и подводные камни, и скалы, и встречи с дикими зверями, и нападения морских разбойников, и голод, и жажду, и опасности моря, и неудобства пристани, и сопротивление мореплавателей, и недостаток съестных припасов, и все подобное, и ко всему быть готовым, — так точно и вступивший в водоворот настоящей жизни должен быть готовым и к страданиям тела, и к болезням души, и к козням людей, и к нападениям врагов, и к обманам мнимых друзей, и к бедности, и к искушениям, и к клеветам, и к полчищам бесов, и к ярости диавола, если он хочет достигнуть царственного города и войти в пристань с полным грузом.

Итак, здесь пророк называет *человека лукава;* а когда говорится о диаволе, то он называется просто лукавым. Почему же? Потому, что диавол сам есть отец лукавства; поэтому он по преимуществу и называется лукавым, и вместо собственного достаточно ему этого прилагательного имени, по причине чрезмерной злобы его, которая, впрочем, не врождена ему, но произошла после. Если хочешь знать, откуда произошло и самое название *лукавства,* то можешь и отсюда получить для себя великую пользу. *Лукавством* оно называется потому, что причиняет муку и изнурение тому, кто предан ему. Вот почему и Премудрый, указывая на это, говорит: *аще зол будеши, един почерпнеши злая, аще же* добр, *себе и искренним* (Притч. IX, 12). Как же злой один почерпает злое, когда он многим делает зло? Но он не вредит никому из тех, которые сами не беспечны и не нерадивы. Если хочешь, то мы, оставив злого человека, представим самого злого беса. Скажи мне: не излил ли он всю свою злобу, а повредил ли сколько-нибудь Иову? Напротив, не сделал ли его более славным, а себе не причинил ли тягчайшее падение? Также Каин не один ли исчерпал зло? Нет, скажешь, но вместе и Авель. Как

и каким образом? Он скоро был препровожден в безмятежную пристань; но это было для него величайшим благодеянием, что он окончил жизнь с добрым подвигом, что общий долг природы он совершил с пользой. То, что бывает со всеми вообще и совершается по необходимости, для него совершилось с пользой; и потому это значило – не потерпеть зло, а украситься светлейшим венцом. И Иосифу какой вред причинили братья? Не сами ли они одни исчерпали зло? Но, скажешь, Иосиф сделался рабом. Что же? Я прибавлю, что и узником; но не о том идет речь, был ли он рабом и узником, а о том, потерпел ли отсюда какой-нибудь вред. Напротив, мы находим, что он получил величайшую пользу, приобрел большее дерзновение перед Богом и через то самое, что казалось бедственным, достиг настоящего благоденствия.

Не будем же бояться людей злых, но жалеть о них. Тогда действительно они были страшны, когда не был еще открыт высокий путь, ведущий к любомудрию; а теперь, когда нам открыты небеса и люди делаются ангелами, они уже не страшны. Так зверь, с великой стремительностью бросающийся на острие копья, повидимому, угрожает опасностью тому, кто держит копье, но наносит самому себе тягчайшую рану; и тот, кто *прет против рожна* (Деян. IX, 5), также обагряет кровью свои ноги.

2. Такова добродетель – рожен и меч изощренный; а все злые люди хуже и безумнее диких зверей. Когда они нападают на добрых, то гораздо больше причиняют зла себе; добрым они причиняют убыток в деньгах, или здоровье, а сами наносят существенный вред душе своей. Если бы потеря имущества причиняла вред нашей собственной добродетели, то Павел не заповедал бы терпеть обиды, а не обижать (см.: 1 Кор. VI, 7). Если бы терпение обид было злом, то Законоположник доб-

ра не заповедал бы зла. Впрочем, хотя это действительно так, не следует предавать себя людям злым и иметь общение с ними, но убегать и уклоняться от их общества; а когда они нападают, то мужественно встречать их. Потому нам и заповедано молиться, чтобы не впасть в искушение. Потому и пророк, сказав: *изми мя, Господи, от человека лукава*, прибавляет: *от мужа неправедна избави мя*, разумея опять порок вообще, потому что он говорит здесь о неправде не только в отношении к имуществу, но ко всему. Пророк просит избавить его, чтобы не пасть, или чтобы самому не сделаться таким же. Притом просит не просто, но сделав должное и со своей стороны. Вот почему в конце предыдущего псалма он сказал, что избегает их и общества их, а здесь просит помощи Божией; там он оказал должное со своей стороны, сказав: *мужие кровей, уклонитеся от мене: яко ревниви есте в помышлениих*, а здесь просит Бога избавить его от их нечестия. Действительно, удаляться от подобных обществ и как можно дальше держать себя от сношения со злыми — это не только способствует благоденствию, безопасности, свободе и всякому удовольствию, но и есть величайшее счастье. Поэтому, описывая злобу их, пророк продолжает: *иже помыслиша неправду в сердце, весь день ополчаху брани* (ст. 2). Видишь ли, как трудно остеречься от этих зверей, в мыслях своих скрывающих зло и в тайне строящих козни? Они *помыслиша*, говорит, *в сердце*, то есть пока не обнаруживали злобы, но скрывали и питали ее внутри, и, что всего хуже, не по увлечению, не с поспешностью, но тщательно делали свое дело; это именно и значит: *помыслиша*, то есть со старанием, со всяким тщанием. *Весь день ополчаху брани*; этим означает он всю жизнь; а под именем *браней* разумеет здесь не те, которые бывают в боевом строе и посредством оружия, но те, которые бывают посредством коварных замыслов, которые люди ведут на торжищах и

в домах, не надевая лат и не ограждаясь щитом, но вместо всякого оружия употребляя злобу и бросая слова язвительнее стрел. Величайшая степень злобы их состоит не в том только, что они коварны, враждебны, всегда готовы на брани и битвы, но и в том, что они таковы во всю жизнь и никогда не прекращают своего злобного нападения. Между тем, если бы они хотели вести войну, то имели бы другой справедливый повод. Им следовало бы вооружиться против грехов, ратовать против диавола, подвизаться против болезней души, изощрять мечи против бесов; но они не обнаруживают даже и наклонности в такой борьбе, а друг в друга бросают стрелы. *Изостриша язык свой яко змиин: яд аспидов под устнами их всегда* (ст. 3). Видишь ли низость порока? Людей он делает зверями, аспидами и змиями, и разумный язык превращает в зверский. В чем он обвинял их выше, в том опять обвиняет и здесь. В чем же именно? *Яд аспидов под устнами их*, говорит, *всегда,* постоянно. Как выше он сказал: *весь день ополчаху брани*, так и здесь: *изостриша язык свой яко змиин: яд аспидов под устнами их постоянно*; именно это везде означает διάψλμα, которое по-еврейски называется: *сел*, то есть постоянно*. Если кратковременный порок есть тяжкое зло, то какое прощение, какое оправдание могут иметь те, которые постоянно упражняются в нем и никогда не насыщаются? *Сохрани мя, Господи, из руки грешничи, от человек неправедных изми мя. Иже помыслиша запяти стопы моя. Скрыша гордии сеть мне и ужы препяша сеть ногама моима: при стези соблазны положиша ми* (ст. 4, 5). Нет никого неправеднее людей, которые, упражняясь во зле, прежде всех других причиняют вред собственной своей душе. В самом деле, если они бывают виновниками соблазна, если они по-

---

* *Сел* или *села́* значит: *перемена тона.* В славянском переводе нет этого слова.

дают повод неразумным поносить славу Божию, если они не исполняют должного, но, получив душу и тело от человеколюбивого Бога, не оказывают признательности и, наслаждаясь такими благами такого мира, воздают Благодетелю делами противными, то что может быть неправеднее этого, что неблагодарнее? Притом они, — что делает зло еще более тяжким и крайне великим, — стараются причинить вред и другим. *Помыслиша,* говорит, *запяти стопы моя.* Если же замыслы их не исполнились, то это было делом человеколюбия Божия. Он разрушил коварные замыслы их.

3. Посмотри, как старательно было коварство их, с какой тщательностью строились козни их. Они скрывали и расширяли сети, и притом *при стези,* чтобы и протяжением их, и скрытностью, и близостью уловить и захватить в свои руки. Они были художниками зла, везде расставляли сети, считая единственным своим делом погубить его. Хочешь ли знать, как и диавол расставляет подобные сети? Посмотри опять на случившееся с Иовом. Что шире, что длиннее, что ближе сетей, которые расставил он не только в ближних, в друзьях, в жене, но и в самом теле его? *Рех Господеви: Бог мой еси ты: внуши Господи, глас моления моего. Господи, Господи, сило спасения моего* (ст. 7, 8). Другой (неизвестный переводчик): *держава спасения моего.* Сказав о войне и замыслах и указав на невыносимые бедствия, пророк прибегает к непреоборимой помощи, призывая с неба Помощника, Который может уничтожить их.

Вот признак благородной души, вот свойство любомудрого ума — при таких обстоятельствах, окружающих со всех сторон, не прибегать к человеческой помощи и не искать ее в смертных суждениях, но обращать взоры к небу, призывать вездесущего Бога и не предаваться унынию, смущению и беспокойству. Смотри, с каким достоинством он излагает речь свою. Не сказал: я хоро-

шо исполнил то и то, справедливо поступил в том и в том, но что? *Бог мой,* говорит, *еси ты,* представляя важнейшее право на помощь в том, что он прибегает к своему Владыке, Творцу и Царю. *Внуши, Господи, глас моления моего: Господи, Господи, сило спасения моего.* Говорит: *сило спасения,* выражая, что есть и сила мучения и наказания; мне, говорит, Ты подавал силу спасения; Ты можешь и карать и умерщвлять, – но всегда употреблял силу Свою к моему спасению. Посмотри на любовь говорящего: повторением слова *Господи* и прибавлением слов *спасения моего* он выражает великую привязанность. *Осенил еси над главою моею в день брани.* Видишь ли благородную душу? Он припоминает и прежнее, как Бог доставил ему безопасность, – потому что таков смысл слова: *осенил.* Посмотри, как он показывает и легкость этого дела для Бога. Не сказал просто: *прежде*; но в самый тот *день,* когда угрожали бедствия, когда была борьба, когда я находился в крайней опасности, тогда Ты и поставил меня в безопасности. Не имеет нужды в приготовлении или в предуведомлении Бог, видящий все, и настоящее, и будущее, и прошедшее, могущий сделать все и всегда присущий с готовой помощью. Далее, желая выразить превосходство победы и безопасности, он не сказал: *спас меня,* но что? – *осенил еси,* то есть Ты не допустил мне потерпеть и малейшей скорби, даже такой, какая происходит от зноя, но поставил меня в такой безопасности и вместе с безопасностью доставил мне такое удовольствие и спокойствие, что я не чувствовал даже никакого неприятного жара, но наслаждался *тению,* то есть избавлением и свободой от бедствий. Вот почему он и прибавил: *осенил еси,* показывая это самое и вместе означая легкость помощи для Бога названием *тени,* как бы так выражаясь: Тебе достаточно только присутствовать, и все совершается. *Не предаждь мене, Господи, от желания моего грешнику* (ст. 9). Другой (Симмах и

Феодотион): *не дай, Господи, по желаниям беззаконнаго.* Смысл слов его следующий: не дай по желанию против меня, то есть чего желает он против меня, того не дай ему исполнить. Не сказал: чего желает, но: *от желания моего*, выражая как бы следующее: не дай исполниться ни малейшей части того, чего он желает. Таковы люди нечестивые; они с великим старанием строят козни ближним, подобно диаволу, о котором говорится: *яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити* (Пет. V, 8). Так старательно он напал на Иова; так хотел низложить Петра, почему и сказал Господь: сколько раз *сатана* просил, *дабы сеял* тебя, *яко пшеницу* (Лк. XXII, 31). Видишь ли, какое имел он желание? Есть и люди, которые по зависти и ненависти соревнуют ему в злобе, радуясь бедствиям других. Таких людей Писание называет несчастными: увы, говорит оно, *веселящиися о злых и радующиися о развращении* злых (Притч. II, 14); и весьма справедливо, потому что это — знак развращенной души. Если о погибающих должно скорбеть, сетовать и плакать, то какое прощение, какое оправдание могут иметь те, которые не только не сострадают, но еще радуются? Не видишь ли, как и Сам Христос, приступая к казни, плачет о погибели Иерусалима? Не видишь ли, как и Павел скорбит, сетует и плачет о погибели других? Но есть люди столь развратные, что чужие несчастья считают для себя утешением в своих бедствиях. *Помыслиша на мя, не остави мене, да не когда вознесутся, постоянно;* это значит: διάψλμα. Другой (Симмах и неизвестный переводчик): *чтобы они никогда не возносились.*

Вот знак нечестивой и развратной души, — когда прилагают старание, совещание и усилия к совершению зла. Для тебя недостаточно того, что случается нечаянно, недостаточно губить нас по неосторожности, но нужно еще совещание, время и размышление для совершения зла.

4. Какое же оправдание можешь иметь ты, обращающий коварство в занятие, делающий совещания для совершения зла и призывающий сообщников? Но посмотри на смирение пророка. Он не сказал: не оставь меня, потому что я достоин того, не оставь меня за добродетели моей жизни; но что? — *да некогда вознесутся,* чтобы они не сделались более надменными и не предались большей гордости от моей беспомощности. *Глава окружения их, труд устен их покрыет я* (ст. 10). Другой (Симмах): *горечь окружающих меня, зараза уст их да обратится на них. Окружением* он называет здесь собрание, синедрион, нечестивое общество, развратные советы. Смысл слов его следующий: самые советы нечестивые, самая совокупность коварных и развратных намерений пусть сокрушит и погубит их. *Труд устен их. Трудом* он называет здесь коварство. Таково коварство: оно обращается в погибель тому, кто предается ему, и ввергает его в пропасть. Так было с Давидом. Враги надеялись подвергнуть его бесчисленным бедствиям, но он сделался более славным. Так, скажешь, но я не этого желаю; покажи, как замышлявшие зло поражались собственными своими замыслами и погибали; скажи, где это случалось? С братьями Иосифа; они, желая сделать его рабом и погубить, сами подверглись крайней опасности, хотя он, насколько это зависело от них, подвергся и рабству, и смерти. И Авессалом, желая насилием погубить отца, погиб сам от насилия. *Падут на них углия огненная, в огне низложиши я* (ст. 11). Смысл слов его следующий: достаточно и самого порока, чтобы погубить упражняющихся в нем, но вместе с тем они подвергнутся и наказанию от Бога. Здесь *углями огненными* и *огнем* он называет наказание, посылаемое свыше. Часто оно совершалось и посредством самого огня, как, например, над Дафаном, Кореем и Авироном и над окружавшими печь вавилонскую. *В страстех, и не посто-*

ят. Другой (неизвестный переводчик): *впадут в пропасти, чтобы не возстали.* Третий (неизвестный переводчик): *скоро и не возстанут.* По одному переводчику эти слова значат: погуби их так, чтобы они уже не восстали; по другому: с великой скоростью, таково значение слова: ἐσπευσμένως.

Муж язычен не исправится на земли (ст. 12). Сказав о гневе Божием, он опять показывает, что порок и сам по себе достаточен, чтобы погубить имеющих его. Немаловажен и этот вид нечестия — быть дерзким и не удерживать языка своего. *Язычным* здесь он называет поносителя, болтливого, злословящего, постоянно лающего и поступающего нисколько не лучше пса. Какие же, скажи, последствия этого? *Не исправится,* говорит, *на земли.* Другой (неизвестный переводчик): *не укрепится,* то есть низвергнется, низвратится, погибнет. Таков плод злословия; такой человек всем враждебен, всем неприятен, для всех отвратителен и несносен. Как человек долготерпеливый, скромный и умеющий молчать безопасен, постоянен и всем приятен, так этот человек ведет жизнь опасную, навлекая на себя бесчисленных врагов со всех сторон, а прежде всего возмущая собственную душу и не попуская ей быть в покое, но и тогда, когда никто посторонний не беспокоит, возбуждая внутри ее бесчисленные войны и смятения. *Мужа неправедна злая уловят во истление.* Так и другой мудрый (Симмах) говорит: *беззаконния уловляют мужа.* Смотри опять, как достаточно порока для погубления того, кто предается ему. Но для чего он употребил выражение: *уловят?* Для того, чтобы ты видел неизбежность наказания, чтобы ты, поступая несправедливо и не тотчас подвергаясь наказанию, не слишком надеялся. Такова ловитва; она удается не всегда и не тотчас; однако ж уловляемые дикие звери, хотя не пойманы и еще не попали в сети, не находятся в безопасности. Так и душа,

поступая несправедливо, не должна слишком надеяться, хотя она еще и не уловлена, потому что когда-нибудь она будет уловлена. Поэтому, если хочешь быть в безопасности, перестань делать зло и будешь наслаждаться великим спокойствием. Почему он сказал: *во истление*? Потому, что многие уловлялись и во спасение, как, например, через апостолов, через святых мужей. Но неправедные, уловляемые пороком, не так, а — в погибель и истление. Почему же за пороком не тотчас следует наказание? По человеколюбию Господа; если бы Он захотел каждого из грешников тотчас подвергать наказанию, то большая часть рода человеческого давно была бы истреблена. *Познах, яко сотворит Господь суд нищим и месть убогим. Обаче праведнии исповедятся имени твоему, и вселятся правии с лицем твоим* (ст. 13, 14). Другой (Симмах): *пред лицем твоим.* Вместо: *вселятся,* другой (Симмах) говорит: *останутся*; третий (Акила): *будут сидеть,* а вместо (неизвестный переводчик): *познах — знаю.* Так как он сказал, что они *уловятся и погибнут,* и выразил, что наказание не тотчас следует за преступлением, то, чтобы кто-нибудь из людей грубых не сделался от этого более беспечным, он прибавляет: *знаю,* внушая, что это непременно будет; обижаемые не останутся не отомщенными. *Нищими* он здесь называет не просто бедных, но самых смиренных, сокрушенных; а говоря это, он и обижаемых утешает, и обижающих вразумляет, чтобы одни от ожидания не отчаялись, а другие от замедления не сделались более беспечными. Замедление ведет к покаянию, а упорных Бог наказывает строже и весьма справедливо. Почему? Потому, что они, пользуясь такой благостью, не сделались лучшими. Представь же, каково человеколюбие Божие, когда и преданным Ему Он попускает терпеть зло и не мстит за них, желая исправить тебя через покаяние.

Обаче праведнии исповедятся имени твоему. Что говорит Он? Что бы ни случилось, говорит, они будут благодарить; хотя они будут видеть смиренных притесняемыми, а неправедных возвышающимися, они не станут требовать отчета в событиях. Это особенно свойственно праведным – всегда и за все благодарить. *И вселятся правии с лицем твоим,* то есть получив помощь Твою, помышляя о Тебе, всегда пребывая с Тобой, они никогда не отступят от Тебя; что бы ни случилось, они никогда не будут огорчаться, никогда не станут роптать на совершающееся. Душе твердой и уму непреклонному свойственно – не спрашивать отчета у Господа. Поэтому и Павел говорил: *темже убо, о человече, ты кто еси против отвещаяй Богови, еда речет здание создавшему е: почто мя сотворил еси тако* (Рим. IX, 20)? Будем же и мы постоянно соблюдать эту признательность и за все благодарить Бога, Которому слава и благодарение и поклонение, ныне и присно, и в нескончаемые веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 140

Господи, воззвах к тебе, услыши мя: вонми гласу моления моего (ст. 1)

1. Слова этого псалма, можно сказать, все знают и во всяком возрасте постоянно поют, но смысла их не разумеют. Это немалого заслуживает осуждения – каждый день петь и устами произносить слова, а не стараться вникнуть в силу мыслей, заключающихся в словах. Кто видит чистую и прозрачную воду, тот не может удержаться, чтобы не приблизиться, не взять и не испить ее, и кто часто ходит на луг, тот не может уходить оттуда, не собравши несколько цветов; а вы, с раннего возраста до глубокой старости продолжая повторять этот псалом, знаете только слова его, сидите у закрыто-

го сокровища, носите с собой замкнутый кошелек, и даже из любопытства никто из вас не старался узнать, что значат эти слова, никто не исследовал, не вникал. Между тем нельзя сказать и того, чтобы этот псалом был ясен и всех клонил ко сну, чтобы в нем не оставалось исследовать ничего, так как все находится на виду. Нет, он неясен и в состоянии разбудить того, кто засыпает, и даже того, кто уже крепко спит. Что значит, например: *не уклони сердце мое в словеса лукавствия*? Что значит: *накажет мя праведник милостию и обличит мя?* А следующее затем, скажи мне, не темнее ли всякого мрака? *Яко еще и молитва моя во благоволениих их. Пожерты быша при камени судии их* (ст. 4–6). Но несмотря на то, что в этом псалме столько неясного, многие пробегают его без внимания, как бы какую-нибудь песню. Впрочем, чтобы, слишком распространяясь в укоризнах, не сделать слова своего тяжким, приступим к объяснению сказанного. Слушайте со вниманием, потому что, я думаю, отцы установили читать этот псалом каждый вечер не напрасно и не для одного, находящегося в нем, выражения: *воздеяние руку моею, жертва вечерняя*. То же самое выражение встречается и в других псалмах, как, например: *вечер, и заутра и полудне повем, и возвещу* (Пс. LIV, 18); и еще: *твой есть день, и твоя есть нощь* (Пс. LXXIII, 16); и еще: *вечер водворится плач, и заутра радость* (Пс. XXIX, 6); и много можно найти псалмов, приличествующих вечернему времени. Следовательно, не поэтому отцы избрали этот псалом, но заповедали читать его, как некоторое спасительное врачевство и средство для очищения грехов, чтобы все, чем бы ни осквернились мы в продолжение дня, находясь на площади, или дома, или в другом каком-нибудь месте, мы очистили при наступлении вечера посредством этой духовной песни. Она есть врачевство, которое истребляет все подобное. Таков и утренний псалом, — ничто не

препятствует нам кратко упомянуть и о нем, – он воспламеняет любовь к Богу, возбуждает душу и, сильно воспламенив ее и исполнив великой благости и любви, в таком расположении позволяет приступать к делу. Посмотрим же, чем он начинается и чему научает нас. *Боже, Боже мой, к тебе утреннюю: возжада тебе душа моя* (Пс. LXII, 2). Видишь ли, как он высказывает слова воспламененной души? А где любовь к Богу, оттуда убегает всякое зло; где память о Боге, там забвение грехов и прекращение зла. *Тако во святем явихся тебе, видети силу твою и славу твою* (ст. 3). Что значит: *тако*? С такой, говорит, преданностью, с такой любовью, чтобы видеть славу Твою, которую можно видеть везде на земле. Но чтобы нам, оставив находящееся под руками, не заняться посторонним, отсылаем слушателя к тому, что сказано об этом псалме, а сами обратимся к предложенному теперь.

Что же говорит пророк? *Господи, воззвах к тебе, услыши мя.* Что, скажи мне, говоришь ты? Потому ли, что ты воззвал, требуешь быть услышанным и представляешь эту причину, как достаточную, чтобы тебе быть услышанным? Следовательно, теперь нужны люди с громким и сильным голосом? Но это было бы неосновательно. Чем согрешил тот, у кого голос слабый и тихий и язык медленный? Не таков ли был Моисей, и однако он был услышан скорее всех? Не больше ли всех взывали иудеи, и однако Бог не внял молитвам их? Сильный и слабый голос – это совершенство и недостаток природы; но это не служит основанием ни быть услышанным, ни быть неуслышанным, потому что не заслуживает ни похвалы, ни порицания. Бывает много природных совершенств и у порочных людей. Не был ли благообразен и прекрасен Авессалом, и даже до кудрей волос не простиралась ли красота тела его? И что же? Не был ли плешив Елисей, так что дети смеялись над ним? Но ни первому красота не принесла никакой

пользы, ни последнему неблагообразие не причинило вреда. Что я говорю о слабом голосе, или медленном языке, когда и молчавший Моисей и не говорившая Анна были услышаны? А обращаясь к иудеям, Бог сказал: *аще умножите моление, не услышу вас* (Ис. I, 15). Что же выражает псалмопевец словами: *воззвах к тебе, услыши мя?* Он разумеет здесь внутреннее воззвание, которое произносит сердце воспламененное и дух сокрушенный, которое произнося и Моисей был услышан. Как человек, взывающий голосом, напрягает всю свою силу, так и взывающий сердцем напрягает весь ум свой.

2. Такого воззвания требует Бог, воззвания, которое происходит от сердца и не дозволяет поющему зевать и развлекаться. Впрочем, не только Он требует такого воззвания, но и молитвы к Нему. Есть много людей, которые стоят и не взывают к Богу; уста их взывают к Богу и произносят имя Божие, а ум не разумеет ни одного слова. Такой человек не взывает, хотя и громко произносит слова, и не молится Богу, хотя и кажется молящимся Ему. Не так — Моисей; он взывал и был услышан; потому и Бог сказал ему: *что вопиеши ко мне* (Исх. XVI, 15)? И не только когда взывал, но и когда молчал, он получал желаемое, потому что оказывался достойным того, чтобы быть услышанным. Если хочешь видеть и грешников, усердно молившихся, громко взывавших и получавших просимое, то посмотри на блудницу, молившуюся молча; посмотри на мытаря, получившего оправдание одной молитвой. Так взывает и псалмопевец, почему и говорит: *Господи, воззвах к тебе, услыши мя*; поэтому и просит быть услышанным.

Внегда воззвати ми к тебе. Посмотри и на другое достоинство его молитвы. Не потому он просит быть услышанным, что молится усердно, но и потому, что приносит молитву, достойную недремлющих очей Божиих. Какая же это молитва? Та, когда кто молится не против

врагов, не о богатстве и прибытке, не о власти и славе, и ни о чем-нибудь из благ тленных, но о благах нетленных и вечных. *Ищите,* говорит Господь, *царствия Божия, и сия вся приложатся вам* (Мф. VI, 33). *Внегда воззвати ми к тебе.* Видишь ли, как он желает, чтобы и мы взывали с усердием, с ревностью? Ведь в это особенно время диавол строит нам козни. Он знает, что молитва есть величайшее оружие и что, хотя бы мы были грешниками и достойными осуждения, мы можем совершить многое, если молимся с ревностью и согласно с законами Божиими; потому он тогда и старается вселить в нас беспечность и внушить порочные помыслы, чтобы сделать для нас молитву бесплодной.

Зная это, мы должны охранять от него наше усердие и никогда не молиться против врагов, но подражать апостолам. Они, претерпевши тысячи бедствий, находясь в узах, подвергаясь крайней опасности, прибегали к молитве и говорили: *призри на прещения их.* А затем что? Не говорили: сокруши или умертви их, как многие часто говорят с проклятиями; нет, а что? *Даждь рабом твоим со дерзновением глаголами слово твое.* Как и каким образом? Не умерщвлением ли противников? Не уничтожением ли и погублением их? Нет, а как? *Внегда* творить знамения и чудеса через святого *отрока твоего Иисуса* (Деян. IV, 29, 30). Видишь ли молитву, исполненную любомудрия, в которой и после таких бедствий не испрашивается никакого наказания врагам? Но так молились они, находясь еще в живых и имея дыхание; а Стефан, уже оставляя настоящую жизнь, не только не просил зла врагам, но и старался бросавших в него камни и убивавших его спасти молитвой своей от гнева Божия за такое их беззаконие и взывал: *не постави им греха сего* (Деян. VII, 59). Какое же может быть прощение, какое оправдание тем, которые молятся против врагов? Как может быть услышана такая молитва, когда

она возносится вопреки заповедям Божиим? Не будем же говорить ничего подобного. Нам не только не должно молиться против врагов, но даже должно истреблять в себе гнев против них; потому и говорит апостол: *хощу да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (1 Тим. II, 8); то есть, если ты имеешь врага, то истреби гнев, и таким образом приступай к Господу, и не только устами не говори ничего против него, но и душу очисти от этого яда. Если такова будет молитва твоя и если ты будешь усердно призывать Бога, то прежде, нежели окончишь молитву, будешь услышан. Этого и просит псалмопевец, когда говорит: *внемли гласу моления моего, внегда воззвати ми к тебе.* И Сам Бог обещал это: *еще глаголющу ти,* говорит Он, *реку: се приидох* (Ис. LVIII, 9). *Да исправится молитва моя, яко кадило пред тобою.* Другой (неизвестный переводчик): *да поставится молитва моя, как кадило пред тобою.* Третий (неизвестный переводчик): *да уготовится. Воздеяние руку моею, жертва вечерняя.* Другой (неизвестный переводчик): *дар вечерний.* Третий (неизвестный переводчик): *приношение вечернее.*

Чему хочет научить нас пророк, говоря о жертве вечерней? В древности было два жертвенника: один сделанный из меди, другой – золотой; первый был всенародный, назначенный почти для всех жертв народа; а последний находился в святилище, за завесой. Но, чтобы сказанное нами было яснее, постараемся изложить этот предмет с начала. У иудеев в древности был храм, длиной в сорок локтей, а шириной в двадцать. Десять локтей этой длины отделялись внутри завесой, и отделенная часть называлась: *святое святых;* а находившаяся вне завесы – просто: *святое.* И все сияло золотом.

3. Некоторые говорят, что и верхняя доска (того жертвенника) была скована из золота. Туда один первосвященник входил однажды в год; там находился и ки-

вот, и херувимы; там и стоял золотой жертвенник, на котором приносился фимиам и который не для чего иного был устроен, как только для фимиама. Это происходило однажды в год. Во внешнем же храме находился жертвенник медный; на нем каждый вечер был приносим и сожигаем агнец. Это называлось жертвой вечерней, потому что была и утренняя жертва, и дважды в день надлежало зажигать жертвенник в храме, кроме других жертв, приносимых от народа. Священникам было поведено и постановлено законом, когда никто не приносил, собственно от себя приносить и сожигать одного агнца утром и одного вечером; первая жертва называлась утренней, а последняя вечерней. Так делать было заповедано Богом, Который этим внушал, что должно служить Ему непрестанно, и при начале и при конце дня.

Такая жертва и такой фимиам были всегда благоприятны Богу; а жертва за грехи была иногда благоприятна, иногда и неблагоприятна, смотря по тому, к добродетели или к пороку расположены были приносившие ее; напротив, то, что приносилось не за грехи других, но как узаконенное священнодействие и обычное служение, всегда было благоприятно. Итак, псалмопевец просит, чтобы молитва его была такова, как эта жертва, не оскверняемая никакой нечистотой приносящего, как этот фимиам чистый и святой. Таким прошением он научает и нас приносить молитвы чистые и благовонные. Такова правда; напротив, грех зловонен. Вот почему, показывая зловоние греха, он же говорит: *яко беззакония моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне. Возсмердеша и согниша раны моя* (Пс. XXXVII, 5).

Как фимиам и сам по себе хорош и благовонен, но особенно издает благоухание тогда, когда бывает положен на огонь, так и молитва и сама по себе хороша, но бывает лучше и благовоннее тогда, когда приносится

от души пламенеющей ревностью, когда душа становится кадильницей и возжигает в себе сильный огонь. Фимиам не был полагаем прежде, нежели был разложен огонь или разгорались угли; то же и ты делай с душой: сначала воспламеняй ее ревностью, и тогда полагай в нее молитву. Пророк просит, чтобы молитва его была как кадило, а воздеяние рук как жертва вечерняя, потому что то и другое благоприятно Богу. Как? Если то и другое будет чисто, если то и другое будет непорочно, – и язык, и руки, – эти чисты от любостяжания и хищения, а тот свободен от злословия. Как в кадильнице не должно быть ничего нечистого, а только огонь и фимиам, так и уста не должны произносить ни одного скверного слова, но слова исполненные святости и хвалы; также и руки должны быть кадильницей. Пусть же будут уста твои кадильницей, и смотри, чтобы не наполнять их навозом. Так поступают те, которые произносят срамные и нечистые слова. Почему же псалмопевец не сказал: жертва утренняя, но: *вечерняя*? Мне кажется, это сказано безразлично. Если бы он сказал: *утренняя*, то любопытный спросил бы: почему он не сказал: *вечерняя?* Если же кто хочет слышать не из одного любопытства, то скажу, что утренняя жертва еще ожидает вечерней, а вечерняя довершает собой священнодействие, и по совершении ее дневное служение не остается как бы незаконченным, но уже совершилось и получило конец. А что значит воздеяние рук во время молитвы? Так как руки служат орудием при совершении многих злых дел, как то: побоев, убийств, хищения, любостяжания, по этому самому нам и повелевается воздевать их, чтобы служение в молитве было для них препятствием ко злу и воздержанием от порока, чтобы ты, намереваясь похитить или присвоить что-нибудь, или убить другого, и вспомнив, что ты будешь простирать свои руки, как бы ходатаев перед Богом, и

ими приносить духовную жертву, не посрамлял их и не делал их безответными от служения порочным делам. Итак, очищай их милостыней, человеколюбием, помощью нуждающимся, и потом простирай их на молитву. Если ты не позволяешь себе приступать к молитве с неумытыми руками, то тем более не должен осквернять их грехами. Если ты боишься меньшего, то тем более страшись большего. Молиться с неумытыми руками не так непристойно; а простирать руки, оскверненные множеством грехов, — это навлекает великий гнев Божий.

4. Так же мы должны рассуждать и касательно уст и языка, и их должны соблюдать недоступными для порока и такими употреблять на молитву. Если тот, кто имеет золотой сосуд, не решится обратить его на низкое употребление по причине драгоценности вещества его, то тем более мы, имея уста драгоценнее золота и жемчуга, не должны осквернять их бесстыдными, гнусными, поносительными и бранными словами. Не на медном и не на золотом жертвеннике ты приносишь фимиам, но на гораздо драгоценнейшем, — в храме духовном. Там бездушное вещество; а в тебе обитает Бог, ты — член и тело Христа. *Положи, Господи, хранение устом моим* (ст. 3). Испросив у Господа, чтобы молитва его была услышана и благоприятна, посмотри, какое первое приносит пророк прошение, какое моление. Он не сказал: дай мне богатство, дай мне почéсти от людей, дай мне победу над врагами, дай мне детей; ничего такого он не просит, но, оставив все это лежать на земле, просит того, чего должно просить у Бога. Как, скажешь, разве не нужно просить благ телесных? Нужно, но умеренно, как говорил Иаков: *аще даст ми Господь хлеб ясти и* ризу *облещися* (Быт. XXVIII, 20), и как Христос заповедал нам молиться: *хлеб наш насущный даждь нам днесь* (Мф. VI, 11). А прежде всего должно просить благ духовных. Так по-

ступает псалмопевец: *положи,* говорит, *Господи, хранение устом моим.*

Видишь ли его мудрость? Видишь ли его любомудрие? С чего он начинает прошение? С величайшего из добрых дел, которое, будучи пренебрегаемо, становится причиной всех зол, а будучи ревностно исполняемо – причиной благ. Действительно, много зла причиняет болтливость языка, и напротив, воздержание его – много добра. Как нет никакой пользы от дома, города, стен, дверей, ворот, если нет при них стражей и людей знающих, когда надобно запирать их и когда отворять, так не будет пользы и от языка и уст, если разум не будет приставлен открывать и закрывать их с точностью и великой осмотрительностью, и знать, что нужно произносить и что держать внутри. Не столь многие, говорит Премудрый, *пали от меча,* сколько от *языка* (Сир. XXVIII, 21); и Христос говорит: *не входящее во уста сквернит человека, но исходящее из уст* (Мф. XV, 11); и еще другой: *устам твоим сотвори дверь и завору* (Сир. XXVIII, 29). Псалмопевец же, зная, что это дело весьма трудное, присовокупляет молитву и призывает Бога на помощь. Впрочем, и Премудрый выражает то же самое, когда говорит: *кто даст на устне мои печать разумну* (Сир. XXII, 33)? И нам надобно исполнять должное со своей стороны; потому он и говорит об этом в виде заповеди: *сотвори дверь и завору;* надобно просить и помощи Божией, чтобы наше усердие исполнилось на деле. Будем же постоянно хранить свои уста, приставив разум, как запор, не с тем, чтобы они были заключены постоянно, но чтобы открывались в надлежащее время. Иногда молчание полезнее слов, а иногда слова лучше молчания. Поэтому Премудрый и говорит: *время молчати, и время глаголати* (Еккл. III, 7). Если бы устам надлежало постоянно быть открытыми, то не нужно было бы для них двери; а если бы им надлежало быть постоянно

закрытыми, то не нужно было бы хранения. Для чего хранить то, что заперто? Для того дверь и хранение, чтобы мы делали все в надлежащее время. А другой говорит: *языку твоему сотвори вес и меру* (Сир. XXVIII, 20), требуя еще большей точности, – чтобы мы не только произносили слова, какие должно, но с надлежащей тщательностью, так сказать, взвешивали и обсуживали их. Если мы поступаем так с золотом и веществом тленным, то тем более надобно делать это со словами, так чтобы в них не было ни недостатка, ни излишества. Вот почему и говорит Премудрый: *не возбрани словесе во время спасения* (Сир. IV, 27). Видишь ли время произнесения слов? А в другом месте, указывая на время молчания, говорит: *аще есть в тебе разум, отвещай (искреннему): аще же ни, то буди рука твоя на устех твоих* (Сир, V, 14). Еще: *умножаяй словеса, мерзок будет* (XX, 8). *Лучше человек скрываяй буйство свое, нежели человек скрываяй премудрость свою* (XX, 31). *Слышал ли еси слово, да умрет с тобою: не убойся не расторгнет тебе* (XIX, 10). Еще: *от лица словесе поболит буй, якоже раждающая от лица младенца* (XIX, 11). Далее и о мере слов говорит: *глаголи, юноше, аще тебе есть потреба, едва дващи аще вопрошен будеши: сократи (слово), малыми многая (изглаголи)* (XXXII, 9, 10). Подлинно, много нужно осмотрительности, чтобы, владея языком, употреблять его совершенно безопасно. Потому он и говорит еще: *есть обличение,* и *несть красно, и есть молчай и обретаяйся премудр* (Сир. XIX, 28; XX, 5). Нужно не только молчать и говорить благовременно, но и с великой благодатью, почему Павел и говорит: *слово ваше (да бывает) всегда во благодати, солию растворено, ведети, како подобает вам единому комуждо отвещавати* (Кол. IV, 6).

Подумай, что это – член, которым мы беседуем с Богом, которым возносим Ему хвалу; это – член, которым мы принимаем страшную Жертву. Верные знают, о чем я говорю. Поэтому нужно, чтобы он был чистым

от всякого осуждения, порицания, сквернословия, клеветы. Если в нас рождается какой-нибудь скверный помысел, то надобно подавить его внутри и не допускать ему переходить в слова. Если малодушие заставляет тебя роптать, то нужно истребить и этот корень, содержать дверь крепко и хранить строго. И порочным пожеланиям не нужно дозволять рождаться, а зарождающиеся подавлять внутри и иссушать в самом корне.

5. Такое хранение языка имел Иов, почему он и не произнес ни одного непристойного слова, но большей частью молчал, а когда следовало отвечать жене, то произносил слова, исполненные любомудрия. Тогда только следует говорить, когда слова полезнее молчания. Потому и Христос сказал: *всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово* (Мф. XII, 36). И Павел: *слово гнило да не исходит из уст ваших* (Еф. IV, 29). А как можно содержать эту дверь в безопасности и хранить строго, об этом послушай другого, который говорит: *буди вся повесть твоя в законе Вышняго* (Сир. IX, 20). Если ты научишься не говорить ничего лишнего, но постоянно ограждать и мысль и уста свои беседой из Божественных Писаний, то хранение твое будет крепче адаманта. Есть много путей погибели через уста, например когда кто сквернословит, когда насмехается, когда пустословит, когда тщеславится, как фарисей, который, не имея ограждения при устах своих, в немногих словах излил все, что находилось у него внутри, и потому, как дом без двери, не имея возможности удержать находившегося в нем сокровища, вдруг сделался бедным. Другой, посмотри, погиб через тщеславие, когда сказал: *выше звезд небесных поставлю престол мой* (Ис. XIV, 13). А иудеи иногда за то, что радовались несчастьям ближнего, слышат: *зане ресте: благо же, бысть якоже прочии языцы Исраиль*; иногда укоряются за то, что роптали и говорили: *всяк творяй зло, добр перед Господем, и в них сам благоволи. И мы блажим чуж-*

дих и созидаются творящии беззаконная. Так написано в книге (Мал. II, 17; III, 15). Другие погибли через ропот, как говорит Павел: не будем роптать, *якоже нецыи из них ропташа и погибоша от всегубителя* (1 Кор. X, 10). Когда же они роптали? Когда говорили: *извел еси нас умертвити в пустыни за еже не быти гробом во Египте* (Исх. XIV, 11). Иные через насмешки: ели и пили, *и восташа играти* (Исх. XXXII, 6). Иные через злословие: *всякий, говорящий брату своему: рака, повинен* будет суду (Мф. V, 22). И другие, гораздо в большем числе, погибли другими способами, не сохранив уст своих.

Если ты хочешь слышать, как некоторые погибали и через неблаговременное молчание, я покажу тебе. *Аще не возвестиши народу,* говорил Господь, он во грехе *своем умрет, крове же его от руки твоея взыщу* (Иез. III, 18). А иной – через то, что говорит всякому без разбора и бросает вверенное ему: *не дадите,* сказал Господь, *святая псом: ни пометайте бисер ваших пред свиниями* (Мф. VII, 6). Иной – через смех, почему и сказано: *горе вам* смеющиеся, *яко возрыдаете* (Лк. VI, 25). Видишь ли, как губят уста? Посмотри, как, напротив, и спасают уста. Видел ли ты фарисея, погибшего через них? Посмотри на мытаря, спасшегося через них. Видел ли иноплеменника, потерпевшего наказание за тщеславие? Посмотри на праведника смиренного и сказавшего: *аз есмь земля и пепел* (Быт. XVIII, 27). Видел ли радующегося чужим бедствиям и за то осужденного и наказанного? Посмотри на сострадательного, получившего спасение, – сказано: *даждь* знамение *на лица стенящих и болезнующих* (Иез. IX, 4). Потому и Павел говорит: *радоватися с радующимися и плакати с плачущими* (Рим. XII, 15); если ты, говорит, не можешь сделать ничего другого, то немалое доставишь утешение сетующему своим соболезнованием. Видел ли смеющегося и за то преданного плачу? Посмотри на скорбящего и получающего утешение.

Блажени плачущии, сказал Господь, *яко тии утешатся* (Мф. V, 4). Видел ли ропщущих и за то наказанных? Посмотри на благодарных — спасающихся. *Благословен еси Господи,* говорит пророк, *и хвально имя твое: яко праведен еси о всех, яже сотворил еси нам,* и немного далее: *судьбы истинны сотворил еси по всем, яже навел еси на ны* (Дан. III, 28). Те говорили: *всяк творяй зло, добр пред Господем;* а эти, напротив: *чисто око твое, еже не видети зла* (Авв. I, 13). Те ублажали чуждых, *яко созидаются творящии беззаконная;* а этот ублажает получающих помощь от Бога: *блажени,* говорит, *людие, имже Господь Бог их* (Пс. CXLIII, 15); и еще: *не ревнуй лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие* (Пс. XXXVI, 1). Видел ли, как святые и других увещевают пребывать, и сами пребывают твердыми в искушениях? Послушай Иакова, который говорит: *аще даст ми Господь хлеб ясти, и* ризу *облещися* (Быт. XXVIII, 20), и Авраама, который говорит: *не возму от* тебя *от нити до ременя сапожнаго* (Быт. XIV, 23), и когда целомудрие жены его было в опасности, когда угрожал ему голод, он не произнес ни одного непристойного слова; также, когда сын сказал ему: *отче, се дрова и огнь, где овча?* — посмотри, с какой кротостью и любомудрием он говорит в ответ: *Бог узрит себе овча, чадо* (Быт. XXII, 7, 8). Ни природа, ни сострадание не заставили его изменить намерение при этих словах, которые сказал сын его, один на один, когда любовь особенно должна была воспламениться с большей силой. Чтобы кто-нибудь не сказал, что он не плакал, стыдясь других, он, отделившись от всех и находясь наедине, показал столь великое любомудрие.

6. Видел ли наказываемых за смех? Посмотри на спасающихся слезами и постом, вспомнив о ниневитянах. Видел ли наказываемых за злословие? Посмотри на получающих награду за благословение. Благословящий *тя,* благословен, и проклинающий *тя,* проклят

(Чис. XXIV, 9). *Благословите изгонящия вы, молитеся за творящих вам напасть, да будете подобни Отцу вашему, иже есть на небесех* (Мф. V, 44, 45). Видишь ли, что не должно ни совершенно заключать уста, ни всегда открывать их, но знать время для того и другого? Зная это, и пророк сказал: *положи, Господи, хранение устом моим, и дверь ограждения о устнах моих.* Какое же это ограждение, как не мысль, которая грозно стоит и держит в руках огонь, готовый сжечь употребляющих уста безрассудно? Ее поставь привратником и стражем, угрожающим совести, и она никогда не отворит двери безвременно, но во время, на пользу и на неисчислимые блага. Потому и сказал некто: *всегда поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши* (Сир. VII, 39). Видишь ли, как и этот предлагает ту же мысль? А я сделал ее более грозной, сказав, что она держит в руках не только то, что происходит при смерти, но и после смерти. Если будет так, то никакое зло не родится в душе.

Сравни с этим и другое изречение, – что за всякое праздное слово дашь ответ в день судный (см.: Мф. XII, 36). Вспомни, что отсюда и смерть произошла. Если бы жена не говорила со змием о том, о чем говорила, если бы не приняла слов его, то и сама не получила бы вреда, и мужу не дала бы плода, и он не вкусил бы. Говорю это не для того, чтобы винить язык и уста, – нет, – но неблаговременное их употребление, которое происходит от небрежности ума. Есть и другой путь погибели через уста, когда бывают лобзания постыдные и нечистые, или коварные и льстивые. И на них положи хранение. Таково было лобзание Иуды, исполненное коварства. Но не таково лобзание Павла, которым он заповедует лобзать друг друга: *целуйте*, говорит, *друг друга лобзанием святым* (2 Кор. XIII, 12). Не таково было лобзание Давида с Ионафаном, но святое, честное, исполненное искренней любви (см.: 1 Цар. XX, 41). Таково

же было лобзание тех, которые пали *на выю Павлову* и облобызали его (Деян. XX, 37). Потому и говорит пророк: *положи Господи хранение устом моим и дверь*, не просто дверь, но прибавляет: *ограждения*, чтобы она все обнимала и сохраняла в безопасности. Есть и иной род погибели через язык, когда говорят: почему это так, для чего это так сделано? Укоряя тех, которые предлагают такие безрассудные вопросы, Павел говорит: *о человече, ты кто еси против отвещаяй Богови* (Рим. IX, 20)? Впрочем, надобно охранять не только уста, но и мысль еще прежде уст. Потому и сказал некто: *кто возложит на помышление мое раны, да о неразумиях моих не пощадят* (Сир. XXIII, 2)? Потому и Христос истребляет самые внутренние порочные помыслы, когда говорит: *иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею* (Мф. V, 28). Видишь ли, как Он не позволяет произрастать и даже получать начала ни похоти, ни гневу? *Гневаяйся на брата*, говорит Он, *повинен будет геенне огненней* (Мф. V, 22) Немало служит к безопасности и то, чтобы не говорить много, почему и сказано: *от многословия не избежиши греха: щадяй же устне, разумен будеши* (Притч. X, 19). *Не уклони сердце мое, в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех* (ст. 4). Другой (Симмах): *не отврати сердца моего в слова лукавыя помышлять мысли беззаконныя.* Почему пророк изменил порядок речи и сказал сначала об устах, а потом перешел к сердцу? Он сделал это не напрасно и не случайно. Как имеющие надзор за узниками, замышляющими бегство, поставляют первым делом держать крепко двери темницы, и об этом все заботятся, и когда это сделано, то остальное сделать легко, так точно поступает здесь и псалмопевец и в своей молитве как бы так говорит: пусть будут заключены двери, и порочные помыслы скоро будут укрощены. Поэтому он как останавливает извне входящие помыслы в самом начале, так истребляет и злой корень их: *не*

уклони, говорит, *сердце мое в словеса лукавствия,* говорит не потому, будто Бог уклоняет, — да не будет, — но в таком смысле: не попусти уклониться, не попусти обратиться к порочным помыслам.

Действительно, там — в сердце — источник добродетели и порока. А какие бывают *словеса лукавствия?* Многие и различные. Таковы словеса тех, которые строят козни, хулят Бога, отвращаются от добродетели, гоняются за пороком, с охотой слушают о развращенных учениях и греховной жизни, слова, происходящие от великого нечестия. Но как есть слова и помыслы *лукавствия,* так есть и слова *жизни.* Поэтому ученики и говорили Христу: *глаголы живота вечнаго имаши и к кому идем* (Ин. VI, 68). Словами жизни называются такие, которые доставляют жизнь, называются словами спасения те, которые доставляют спасение. Потому и говорит один Премудрый: *не возбрани словесе во время спасения* (Сих. IV, 27). А *словеса лукавствия* делают лукавыми и тех, которые произносят их.

7. Как воздух бывает вредным и заразительным, так и слова. Что производит воздух в теле, то же и слова в душе, которая принимает их. Поэтому пророк, продолжая речь, молится и говорит: не попусти уклоняться туда. Видишь ли, как он указывает на свободное произволение души, на то, что природа сама в себе не заключает порока, но принимает его, увлекаясь беспечностью? *Непщевати вины о гресех.* Это в особенности служит путем к погибели, когда или сама согрешающая душа, отвергнув страх, вымышляет предлоги к беспечности, или когда другой, желая у кого-нибудь, совершившего прелюбодеяние, исторгнуть чувство сокрушения, говорит: «разве ты виноват? — Виновата похоть». Грешить — зло; но еще тягчайшее зло — отпираться по совершении греха. Это в особенности и есть оружие диавола. Так было и с первозданными людьми. Тогда

как Адаму следовало признаться в грехе, он слагает вину на жену, а она потом на диавола. Тогда как следовало бы говорить: *согрешихом, беззаконновахом*, иные не только не признаются, но еще составляют оправдание. Диавол, зная, что исповедание греха есть избавление от греха, склоняет душу к бесстыдному упорству. Но ты, возлюбленный, когда согрешишь, говори: я согрешил. Нет ничего справедливее такого оправдания. Таким образом ты умилостивишь Бога; таким образом и сам себя сделаешь более медленным на те же грехи. А если станешь отыскивать пустые предлоги и освобождать душу от страха, то усилишь в ней расположение снова предаваться тем же грехам и много прогневаешь Бога. Ни у кого из согрешивших не бывает недостатка в бесстыдных оправданиях. Человекоубийца может ссылаться на свою раздражительность, вор на бедность, прелюбодей на похоть, иной на власть; но все это — предлоги неосновательные, непредставляющие никакого уважительного оправдания. Не от них происходят грехи, но от воли согрешающих. А что это действительно так, я объясню близкими к делу примерами. Если встречается иной человек, который проводит жизнь в бедности, имеет похоть, подлежит всем потребностям природы, и однако не впадает в такие грехи, то какое они могут иметь оправдание? Хорошо сказал один Премудрый: *кто возложит на помышление мое раны, да о неразумиях моих не пощадят* (Сир. XXIII, 2)? Посмотри: Давид, согрешив, не оправдывается, но говорит: *согрешил ко Господу* (2 Цар. XII, 13). Хотя он мог бы сказать: для чего эта женщина обнажалась, для чего мылась перед моими глазами? — но он знал, что это был бы неосновательный предлог, и потому прибегает к прямому оправданию и говорит: *согрешил*. Не так поступил Саул, но будучи укоряем за то, что прибег к волшебнице, сказал: *скорблю и иноплеменницы воюют на мя* (Цар. XXVIII, 15); потому и был

строго наказан. Тогда как следовало сказать: согрешил, сделал беззаконие, он этого не сказал, но старался уклониться, представляя пустые предлоги. *С человеки делающими беззаконие.* Присовокупляя это, пророк показывает, что таким людям особенно свойственно искать предлогов и бесстыдствовать. Вот почему Давид часто представляет добродетелью — избегать таких обществ, и даже этим начинает самую книгу: *блажен муж*, говорит, *иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалища губителей не седе* (Пс. I, 1). Поэтому самому ты видишь его всегда исповедующим грехи свои.

Так, когда он перечислил народ, то сказал: *аз* согрешил и *аз пастырь зло* сотворил (2 Цар. XXIV, 17). Не сказал: что в том, что я сделал перечисление? — но осудил сам себя, и за то получил прощение. Подлинно, ничто так не умилостивляет Бога, как исповедание грехов. А это бывает тогда, когда избегают обществ, заглушающих страх ко грехам и располагающих к беспечности. Потому и Павел, и Иеремия много говорят об этом и оба заповедуют избегать общения с людьми порочными и столь беспечными. Иов также полагает это в числе добродетелей, когда говорит: *аще ходих с посмеятели* (Иов. XXXI 5). А этот свидетельствует о себе, что он даже не сидел вместе с ними: *не седох*, говорит, *с сонмом суетным* (Пс. XXV, 4). Потому и Павел запрещает даже вкушать пищу с порочными и иметь какое-нибудь общение с ними: *аще же кто не послушает словесе нашего посланием, сего назнаменуйте, и не примешайтеся ему* (2 Сол. III, 14). *И не сочтуся со избранными их.* Другой (Симмах): *и не буду вкушать с ними сладостей их.* Третий (неизвестный переводчик): *не буду участвовать в удовольствиях их.* Здесь он согласно с апостолом выражает, что должно избегать удовольствий и пиршеств людей, где особенно возрастает грех, где бывает много бесстыдства.

8. Немаловажный признак добродетели, немаловажное средство к исправлению – избегать таких пиршеств и обществ, не поддерживать дружбы с ними, не ослаблять крепости души и не терять силы любомудрия раболепством чреву. Многие, уважая такую дружбу, потонули в пучине пьянства, впали в прелюбодеяние, воспламенили в себе огонь сладострастия, бегая по пиршествам и зрелищам, исполненным великого нечестия. А псалмопевец свидетельствует о себе, что он удалялся от подобных обществ, что не участвовал и в трапезе их. *Накажет мя праведник милостию и обличит мя, елей же грешнаго да не намастит главы моея* (ст. 5). Другой (неизвестный переводчик): *да поразит меня праведник по милости и да обличит.* И это вместе с предыдущим немаловажный вид добродетели – не избегать обличений и укоризн от людей праведных. Смысл слов его следующий: в тех обществах, в которых приятно говорят ко вреду, я не хочу участвовать, но лучше желаю быть с теми, которые обуздывают, исправляют, обличают, обнажают грехи, наказывают. Это особенно и свойственно милосердию и человеколюбию – врачевать раны. *Елей же грешнаго да не намастит главы моея.* Видишь ли душу, сроднившуюся с добродетелью? Она с удовольствием переносит и укоризны праведных, а от нечестивых не принимает и приятных слов. Почему? Потому, что последние, оказывая благосклонность, часто губят, а первые, обличая и укоряя, исправляют, с укоризной первых соединена милость, а с милостью последних – смерть. Поэтому и сказал некто: *достовернее язвы* друзей, *нежели вольная лобзания* врагов (Причт. XXVII, 6). Заметь притом, как здесь выражается апостольская заповедь, *обличи, запрети, умоли* (2 Тим. IV, 2). Таково обличение святых, так поступают и врачи, – не только отсекают, но и обвязывают. Вот почему и Христос, желая сделать обличение удобоприемлемым, не позволяет в самом

начале укорять всенародно и говорит: *иди, обличи его между тобою и тем единем* (Мф. XVIII, 15). Так и Павел поступал, соединяя обличение с милостью и выражаясь то: *о, несмысленнии Галате*, то: *чадца моя, ими же паки болезную* (Гал. III, 1; IV, 18). Обличающий должен много обдумывать, чтобы обличение было принято охотно; нужно много благоразумия тому, кто прилагает это врачевство; лучше сказать — обличающий должен иметь больше мудрости, нежели режущий тело. Почему? Потому, что там одно режется, а другое терпит боль; здесь сама (душа) и поражается, и чувствует боль. *Елей же грешнаго да не намастит главы моея.* Что это значит? Этот, говорит, ищет не пользы слушателя, а своей собственной, чтобы показаться приятным, дружественным; а тот имеет в виду пользу другого прежде собственного удовольствия; так и в этом отношении они весьма разнятся между собой. Если же надобно удаляться от нечестивых людей и тогда, когда они оказывают милость, то когда же должно допускать их к себе? Никогда. Хотя бы нечестивый предлагал деньги, хотя бы обещал удовольствия и почести, отвергай его и убегай; а за праведником следуй, хотя бы он уязвлял тебя словами и укорял, потому что он и есть любящий тебя. *Яко еще и молитва моя во благоволениих их.* Другой (Симмах): *так как еще и молитва моя между злодеяниями их.* Третий (Акила): *так как еще и молитва моя при нечестии их.*

Пророк одного просил у Бога, а другое представляет от себя и тем показывает, что люди не должны полагаться на одну молитву, предаваясь сами беспечности и сну, но приносить должное и со своей стороны. Что же он приносит от себя? Не овец, не волов, не деньги, но кротость нравов и крайнее отвращение к нечестию беззаконников. Я не только, говорит, буду избегать пагубной благосклонности, не только охотно приму обличение праведных, но и восстану против похотей безза-

конников; я так далек от желания их милости, что даже молюсь против их похотей. Это означают слова: *во благоволениих их. Пожерты быша при камени судии их* (ст. 6) Другой (Симмах): *разсыплются в руке камня.* Здесь пророк показывает, как порок легко побеждается, как стремительно падает нечестие. Сами, говорит, властители, которые всем распоряжались, погибли. И не сказал: погибли, но: *пожерты быша*, выражая, что они погибли так, что не видно и следа их, как он говорит еще о нечестивом: *мимо идох, и се не бе, и взысках его, и не обретеся место его* (Пс. XXXVI, 36). Что значит: *при* камне? Вблизи. Смысл слов его следующий: как камень, брошенный в море, не может быть виден, так и их благоденствие, исчезая, делается наконец невидным и совершенно погибает. Или это он выражает, то есть неизвестность, совершенную погибель, или силу, могущество, крепость. Вот что означают слова: *разсыплются в руке камня. Услышатся глаголи мои, яко усладишася.* Другой (Акила): *потому что они ограждены стражей.* Третий (Симмах): *потому что они благообразны.* То есть они на опыте узнают приятность моего увещания и совета. Как? Обличение от праведных приносит этот плод и наставление их доставляет великое удовольствие.

9. Такова добродетель: она требует кратковременного труда, а доставляет вечную радость. *Яко толща земли проседеся на земли, расточишася кости* наши *при аде* (ст. 7). Другой (Симмах): *как земледелец, когда разрывает землю, так разсыпаны кости наши в устах адовых.* Третий (Акила): *подобно рубящему и разрывающему землю, разсыпаны кости наши во аде.* Четвертый (неизвестный переводчик): *как возделывающий и копающий на земле, разсыпаны кости наши при аде.* Сказав, что слова его заключают в себе много приятности, пророк говорит и о прежних бедствиях. Хотя, говорит, мы терпели крайние бедствия и подобно тому, как земля рассекается и раскапывает-

ся, или разбрасывается плугом, так и мы все были рассеяны, погибали и приблизились к самым вратам смерти, — но и в таком состоянии мы хотели бы лучше принять вразумление и обличение от праведников, нежели милость от грешников; и что ни случилось бы, мы пребудем в надежде на Тебя и никогда не перестанем взирать на Тебя.

Вот почему пророк и присовокупляет: *яко к тебе Господи, Господи, очи мои: на тя уповах, не отъими душу мою* (ст. 8). Хотя бы, говорит, постигли нас бесчисленные бедствия, войны, битвы, смерти, врата адовы, мы не отступим от священного якоря, но будем держаться надежды на Твою помощь и, оставив оружие и ополчения, отсюда будем ожидать избавления, — от Твоей помощи. *На тя уповах, не отъими душу мою.* Другой (Акила): *не истощи,* то есть не попусти мне отойти без всякого доброго дела. *Сохрани мя от сети, юже составиша ми, и от соблазн делающих беззаконие* (ст. 9). Он говорит здесь не просто о кознях, но о кознях тайных, скрытых, которых трудно остеречься и заметить и против которых особенно нужна высшая помощь. Поэтому он и заключает речь молитвой, оканчивая ее тем же, чем и начал. Он показывает, что с его стороны приносится надежда на Бога, постоянное обращение к Богу, удаление от нечестивых обществ, ненависть к их порочным пожеланиям; а от Бога подается помощь, содействие, сила — стать выше самых трудных обстоятельств. Так совершается добродетель, — то есть когда привносится и наше старание, и помощь Божия содействует. *Падут во мрежу его грешницы: един есмь аз, дондеже прейду* (ст. 10)*. В чью мрежу впадут они? Во мрежу Самого Бога, то есть будут уловлены, побеждены. Праведных бедствия постигают для их исправления и возбуждения их любомудрия; а

---

* В славянском: *во мрежу свою*; святитель читал: *его.*

грешных, как неисцелимо больных, для наказаний и мучения. *Един есмь аз, дондеже прейду.* Другой (Феодотион и неизвестный переводчик): *вместе я есмь, пока пройдут.* Третий: *при одном и том* же. То есть уединен, сосредоточен, нерассеян, или, по переводу семидесяти толковников, отделен от нечестивых, чужд их общества и как бы проводя жизнь один, что и составляет величайший вид добродетели; и притом не один, два или три дня, говорит, я так веду себя, но во всю свою жизнь. Вот чем ограждается, укрепляется и возрастает добродетель, — тем, чтобы удаляться от нечестивых, быть собранным и сосредоточенным в самом себе во всю жизнь и жить в уединении от людей развращающих. Не пустыня делает уединенным, но любомудрая воля. Таким образом и живущие в городах, среди шума и торжищ могут быть уединенными, если будут избегать развратных обществ и прилепляться к собраниям праведников. Это — путь безопасный. Итак, кто способен исправлять и других, тот пусть обращается с теми, которые расположены принять врачевство, и делает их лучшими; а кто слаб, тот пусть избегает людей нечестивых, чтобы не заразиться от них. Таким образом он и настоящую жизнь проживет безопасно, и получит будущие блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 141

Гласом моим ко Господу воззвах, гласом моим ко Господу помолихся (ст. 2)

1. Видишь ли, как пророк часто делает это, — начинает речь таким образом, и дважды повторяет здесь: *гласом* и *гласом?* Он делает это не напрасно, но чтобы

посредством двукратного повторения внушить нам два действия, живое усердие и напряженное внимание, и кроме того, чтобы мы взывали собственным голосом. Не все ведь взывают *гласом,* не все – к Богу, не все – собственным. А нужно, чтобы все это было вместе. Кто взывает против врагов, тот произносит голос не человека, а дикого зверя и змия. Кто беспечен и невнимателен к тому, что говорит, тот взывает не к Богу, но говорит тщетно и напрасно. Кто не возбуждает своей души, тот, хотя бы громко кричал, также не взывает. *Глас,* как я и прежде часто говорил, означает не силу дыхания, а напряженное внимание. Но не так поступает пророк; он соединяет эти три обстоятельства и выражает, что он и взывает *гласом,* и к Богу, и собственным голосом; потому и говорит дважды: *гласом моим* и *гласом моим. Пролию пред ним моление мое: печаль мою пред ним возвещу* (ст. 3). Видишь ли душу, свободную от всего житейского? Не к людям прибегал он, не от них искал помощи, но – к помощи непреоборимой, содействию высшему. Далее, желая выразить напряженное внимание и пламенное усердие, какое он имел, употребляет выражение: *пролию,* то есть с великим обилием.

Отсюда мы научаемся, что скорби немало способствуют любомудрию. Таков плод скорби. Поэтому пусть никто не избегает ее. Она приносит двоякую пользу: во-первых, делает нас более ревностными и внимательными; во-вторых, дает нам немалое право на то, чтобы быть услышанными. Потому и пророк не сказал: правду мою или добрые дела мои, но: *печаль мою,* так как и она служила немалой защитой для него. Потому и Исаия говорит: *утешайте люди моя, священницы. Глаголите в сердце Иерусалиму, яко прият от руки Господни сугубы грехи своя* (Ис. XL, 1, 2). И Павел: предайте *таковаго сатане во измождение плоти, да дух спасется* (1 Кор. V, 5). И еще в послании к Коринфянам говорит: *сего ради в вас мнози*

немощни и недужливи, и усыпают доволни. Аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были. Судими же, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся (1 Кор. XI, 30–32). И Авраам сказал богатому: *восприял еси благая твоя в животе твоем, и Лазарь его злая: и ныне он утешается, ты же страждеши* (Лк. XVI, 25). И Давид, когда Семей проклинал его, сказал: оставь *его проклинати мя, яко Господь ему повелел, дабы* призрел *Господь на смирение мое* (2 Цар. XVI, 11). И везде в Писаниях мы находим, что те люди, которые с благодарностью переносят скорби, не только изглаждают множество грехов своих, но и приобретают через это немалое дерзновение перед Богом. *Внегда изчезати от мене духу моему, и ты познал еси стези моя* (ст. 4). Когда малодушные люди особенно падают, а многие и произносят богохульные слова, тогда он особенно любомудрствует, научаясь такому расположению духа от скорби.

Поэтому, когда ты видишь, что кто-нибудь отчаивается во время скорби или произносит какие-нибудь непристойные слова, то причиной этого считай не скорбь, а малодушие говорящего, потому что скорбь по существу своему обыкновенно производит противное: внимание, душевное сокрушение, глубокое размышление, преуспевание в благочестии. Потому Павел и говорит: *скорбь терпение соделовает: терпение же искусство.* (Рим. V, 3, 4). Если же иудеи во время скорбей роптали, то этот ропот происходил не от скорби, но от их безумия; святые, подвергаясь скорбям, делались более славными и любомудрыми. Потому и сам пророк говорил: *благо мне,* Господи, *яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием твоим* (Пс. CXVIII, 71). И Павел: *и за премногая откровения, да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти, аггел сатанин, да ми пакости деет. О сем трикраты Господа молих. И рече ми: довлеет ти благодать моя: сила бо моя в немощи совершается. Темже благоволю* в скорбях, *в немо-*

щех, во изгнаниих, егда бо немоществую, тогда силен есмь (2 Кор. XII, 9, 10). Видишь ли, как и пророк во время скорби более ободряется, прибегает к Богу, прилепляется к Нему с большой силой и в самой глубине зол (это означают слова: *внегда изчезати от мене духу моему*), тогда-то и делается особенно ревностным? Слова: *ты познал еси стези моя* другой переводчик (Симмах) передал так: *потому что ты знаешь. На пути сем, по немуже хождах, скрыша сеть мне. Смотрях одесную и возглядах, и не бе знаяй мене* (ст. 5). Здесь он показывает великое несчастье, множество бедствий и козни врагов, как они приступали и приближались, желая низвергнуть его, и, что особенно тяжело, у него не только не было помощников или сотрудников, но даже *и не бе знаяй.*

2. Этим выражается совершенная пустыня, крайнее отчуждение всех. И подлинно, немногие решаются присутствовать и помогать в несчастьях, особенно когда несчастья угрожают опасностями. Однако это не только не повредило пророку, но еще более принесло ему пользы, приблизив его к Богу. Так и ты, возлюбленный, когда видишь умножающиеся бедствия, не унывай, но еще более ободряйся. Бог попускает им быть для того, чтобы прогнать твою беспечность, чтобы пробудить тебя от сна. Тогда все лишнее отсекается, тогда все житейское забывается, тогда человек делается более ревностным в молитве, более усердным к милостыне и к презрению чрева, и всякая страсть легче побеждается, обращаясь в бегство от скорби. Так и в начале Бог подверг нас трудам и скорбям, желая не наказать нас, хотя изрек приговор в виде наказания, но вразумить нас и сделать лучшими. Если и теперь, когда окружают нас скорби и жизнь исполнена трудов, господствует такое нечестие, то до чего не дошло бы зло, если бы их не было? И удивительно ли, что скорбь служит благом для души, если она – благо и для тела? Пресыщать тело

наслаждениями – вредно. Так и бедствия, когда окружают нас со всех сторон, заставляют быть бдительными; и если мы внимательны, то не терпим от них никакого вреда. Потому и говорит некто: *познавай, яко посреде* сетей *минуеши и по забралом* городов *ходиши* (Сир. IX, 18). И псалмопевец говорит: *на пути сем, по немуже хождах, скрыша сеть мне.* Если кто примет эти слова в переносном смысле, то уразумеет, что так поступает диавол, не издали строя козни, но скрывая их близко.

Вот почему с нашей стороны и требуется великая бдительность. Он скрывает свою сеть, в милостыне – тщеславие, в посте – гордость, скрывает не на других путях, но на тех самых, по которым мы ходим, что особенно тяжело. *Погибе бегство от мене.* Посмотри на новое приращение бедствий. Пророк показывает, что не только на путях его расставлены были сети, не только не было помогающего и даже знающего об этом, но и оставшееся средство к избавлению, – искать спасения в бегстве, – не было для него легко и удобно. Так он был ввержен в глубину бедствий, находился в неизбежном несчастье, – и однако не отчаивался. *И несть взыскаяй душу мою,* то есть не было защитника, помощника. Что же он? Среди таких бедствий и затруднений отчаялся ли в спасении? Нет. Он тотчас прибегает к Богу и говорит: *воззвах к тебе Господи, рех: ты еси упование мое, часть моя еси на земли живых* (ст. 6). Видишь ли бодрость души? Бедствия не подавили его, но еще более окрылили; и находясь в трудных обстоятельствах, он нашел непобедимую десницу, всемогущую силу и облегчение затруднений. *Рех: ты еси упование мое.* Все человеческое, говорит, оказывается тщетным, буря так превышает всякую помощь, что никаким искусством невозможно избежать кораблекрушения; но, хотя нет никакой надежды на людей и все мы в отчаянном положении, для Тебя легко все, и потому мы не ослабеваем в надежде на Тебя.

Часть моя еси на земли живых, то есть Сам Ты — мой жребий, мое сокровище, мое богатство, мое все. *На земле живых. Землею живых* он называет здесь свое отечество; напротив, плен вавилонский он часто называет адом и смертью. Так как на земле чужой не совершалось обычного богослужения, а здесь исполнялись священнодействия, то он говорит: *часть моя еси на земли живых.* Ты всегда, говорит, присущ мне, усвоил меня Себе на земле живых, и велика была моя близость к Тебе.

Вонми молению моему, яко смирихся зело (ст. 7). Видишь ли, как он и здесь представляет в свою защиту то, что говорил выше, то есть что он *смирился,* получил наказание за грехи с избытком. Выражение: *зело* означает не жалобу на события, но скорбь и изнурение страждущего. Если смотреть на важность грехов, то это *смирение* не будет *зело;* а если — на слабость страждущего, то оно *зело,* чрезмерно. Бог никогда не требует наказания, равняющегося важности грехов; если же для страждущих оно кажется невыносимым, то это зависит не от существа дела, но от слабости переносящих. *Избави мя от гонящих мя, яко укрепишася паче мене.* Вот и другая причина избавления — неправедные козни нападающих, тогда как он в великом изнурении. *Изведи из темницы душу мою, исповедатися имени твоему* (ст. 8). *Исповедатися* здесь сказано вместо: *благодарить.* Смысл слов его следующий: избавь меня от бедствий. *Темницею* он называет здесь крайние несчастья.

3. *Исповедатися имени твоему.* Немаловажное дело и то, чтобы, находясь в счастье, не доходит до забвения о полученных благодеяниях. Многие из людей во время скорбей бывают усердными, а в счастье беспечными; другие в счастье бывают беспечными, а во время скорбей отчаиваются и падают духом. Но пророк при тех и других обстоятельствах неизменно сохранял благочестие; скорбь не доводила его до падения, но еще более

располагала к прошению и молитве; и счастье не расслабляло его, но и тогда готовился благодарить. *Мене ждут праведницы, дондеже воздаси мне.* Другой (Симмах): *увенчаны будут праведники, когда окажешь мне благодеяние.* Что это значит? И праведникам, говорит, это принесет пользу; они будут радоваться, веселиться, ликовать, видя мое избавление от бедствий. Души святых таковы, что они и страждущим сочувствуют и счастливым не завидуют, но радуются, веселятся, утешаются, видя получающих благодеяния, как и Павел заповедал: *радоватися с радующимися, и плакати с плачущими* (Рим. XII, 15). Это – немалая добродетель. Многие радуются, когда другие падают, и завидуют, когда они восстают, предаваясь той и другой страсти от жестокости и бесчеловечия. Но не таковы праведники; свободные от той и другой страсти, милостивые и человеколюбивые, они приобретают противоположные тому добродетели; как первые от жестокости своей впадают в ту и другую страсть, так последние по человеколюбию состраждут страждущим и сорадуются радующимся.

А почему он сказал: *воздаси мне?* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *когда окажешь мне благодеяние.* Еще иные: *воздашь и вознаградишь меня.* Между тем выше он указал на скорбь и смирение, а не на добрые дела свои, не на дерзновение, происходящее от дел. За что же он испрашивает себе воздаяния? За дни смирения. И это немаловажное дело – переносить скорбь с благодарностью. Потому он и называет награду за это *воздаянием.* Так и мы не будем унывать во время скорбей, но молиться, чтобы не впасть в искушение; а когда оно постигло нас, то будем принимать его; через это мы избавляемся от присущих нам грехов, а если имеем какую-нибудь добродетель, то и ее делаем более светлой. Так показал на себе Иов, который тогда особенно и просиял. Это полезно и для тела, полезно не только людям, но и бес-

словесным животным, и не только животным, но и растениям. И земледельцы не позволяют винограднику и другим деревьям чрезмерно разрастаться ветвями, но препятствуют дальнейшему их росту и, обрезывая ножом, обращают всю силу их к корню, чтобы они, истощив всю силу на листья, не производили негодных плодов. Так бывает и с людьми. Когда ревность тратится на дела излишние, тогда душа делается бессильной к произведению зрелого и совершенного плода благочестия. То же можно видеть и на воде. Стоячая и неподвижная вода бывает вредна; а движущаяся, вычерпываемая и проточная не только здорова, но ее приятно и видеть, и касаться, и пить. Стеснение нередко побеждает и природу. Так вода, стремящаяся и текущая вниз, будучи стесняема, поднимается вверх. Так точно бывает и с людьми. Те, которые великодушно переносят скорби, становятся более высокими, хотя бы они были весьма низкими, самыми земными и уничиженными, и приобретают отсюда великую пользу. Зная это, будем с благодарностью переносить постигающие нас бедствия, дабы и они сделались для нас более легкими, и нам достигнуть будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 142

Господи, услыши молитву мою (ст. 1)

1. Молитва бывает и словесным прошением, бывает и обетом. Поэтому один премудрый и предлагает такое увещание: *не повтори слова в молитве твоей* (Сир. VII, 14). Не то внушает и советует он, чтобы мы, прося и моля Бога, не повторяли дважды одного и того же, — нет, нам заповедано даже непрестанно молиться, — но что-

бы мы не откладывали обетов, данных нами Богу, а спешили исполнить их. Потому и в другом месте говорится: *не умедли отдати обет* (Еккл. V, 3). Будущее неизвестно; или болезнь, или какие-нибудь неожиданно случившиеся занятия могут воспрепятствовать исполнению обета; также если придет смерть и воспрепятствует, ты не получишь прощения. Но здесь псалмопевец говорит о прошении и молении, почему, объясняя это, он и продолжает: *внуши моление мое во истине твоей.* Другой переводчик (Симмах) говорит: *в вере твоей.* Третий (Акила): *в крепости твоей.* То есть услышь прошение и приведи его в исполнение, утверждая истиной Твоей; употреби силу к исполнению того, о чем я прошу. Посмотрим же, в чем состоит его прошение. У людей, когда кто-нибудь приносит прошение, принимающие рассматривают его и, если оно справедливо и законно, выслушивают.

Но у людей просьбы бывают о почестях, о деньгах, иногда о защите от несправедливости; некоторые просят и того, что превышает власть судей. Но мы просим о прощении грехов и приступаем к прошению тогда, когда внутренний наш судья, то есть находящаяся в нас совесть, не прощает нам, потому что не имеет власти прощать. И как к царю никто не смеет приступить с просьбой о разодранной одежде или о десяти отнятых волах, так и ты еще более опасайся, чтобы не приступить к Богу с просьбой о предметах маловажных и ничтожных, например, если бы кто обидел тебя в деньгах или оскорбил те́бя. Когда же нападает на тебя диавол, тогда особенно нужна высшая помощь. Но ты не имеешь никого, кто бы ходатайствовал за тебя и представил твое прошение? Взывай сам, когда проходит Царь; избери благоприятное время. Когда же проходит Царь? Всегда, во всякое время. Когда ты хочешь, когда ты сделаешь себя достойным того. Иудеям, когда они являлись перед лицо Божие, заповедано было стоять под

горой, иметь белые одежды и не входить к женам; а ты, вместо одежды, очищай душу, и потом иди и приступай к Царю с целомудрием, кротостью и великим спокойствием, если хочешь получить просимое. Это путешествие не требует больших издержек; возьми на дорогу добродетель. А где живет этот Царь? Близ сокрушенных сердцем. Иди этим путем. *Близ Господь всем*, говорит пророк, *призывающим его во истине* (Пс. CXLIV, 18). Там найдешь Его, там встретишь Его. Он – близ тех, которые раздробляют хлеб алчущим и творят милостыню. Если пойдешь этим путем, то найдешь Его готовым услышать твое прошение, – *еще глаголющу ти реку: се приидох* (Ис. LVIII, 9), – и не будешь иметь нужды в посреднике, но сам предложишь Ему прошение. *Услыши мя в правде твоей*. Что говоришь ты? Далее ты намереваешься сказать: *не вниди в суд с рабом твоим, яко не оправдится пред тобою всяк живый* (ст. 2); а здесь просишь быть услышанным по правде? Что же означают эти слова?

Правдою он называет здесь человеколюбие; и во многих местах Писания *правда* употребляется в этом значении – и весьма справедливо. У людей правда не соединяется с милостью; а у Бога не так, но с правдой соединяется и милость, и притом такая, что и самая правда называется человеколюбием. Посмотри, например, на потоп: сколько тогда оказано было милости и сколько правды! Хотя тогдашние грешники и получили наказание, но не такое, какого заслуживали. Не указывай на глубину вод, на множество дней, в которые продолжалось наводнение, на вселенную, сделавшуюся бездной. Что значило это для погибших? Все это могло внушать сначала величайший страх, но для умерших уже не составляло никакого наказания. Как могли нести наказание те, которые не чувствовали происходившего, которые погибли в краткое мгновение времени, подверглись смерти самой скорой и легкой, гораздо скорейшей

и легчайшей, нежели смерть от огня, меча, петли и пыток? Это событие, так сказать, составляло для них более зрелище наказания, нежели наказание на самом деле. Те, которые совершали такие преступления в течение всей жизни до глубокой старости, получили наказание в краткое мгновение времени, если только можно назвать наказанием неизбежный долг природе.

2. Видишь ли, как велико человеколюбие Божие? Хочешь ли видеть его еще с другой стороны? Бог не вдруг навел потоп, но предсказал о нем однажды, и дважды, и многократно; и посредством ковчега Он возвещал людям, но они и тогда не послушались, хотя беззакония их не заслуживали и предсказания. Самая природа не научила их, но как свиньи, или даже хуже всяких свиней, они растлевали друг друга, ниспровергали законы природы с самого основания, не слушали никакого ни убеждения, ни совета, не получали пользы и от соседства праведника, и между тем только в краткое мгновение времени потерпели наказание, или, лучше сказать, избавились от растления и освободились от наказания, потому что делать такие дела гораздо хуже, нежели утонуть. Скажи мне, в самом деле, наказание ли это — людей, растлевающих себя пороками, беззаконно смешивающихся друг с другом, оскверняющих и оскверняемых, освободить от такой заразы? О враче, который отсекает гнилые члены, мы не скажем, что он терзает тело, но назовем его человеколюбивым; не гораздо ли более должны мы удивляться премудрости и человеколюбию Бога, Который наказывает Своих таким образом? Итак, должно непрестанно удивляться Ему и прославлять Его. По этой причине не перестанем удивляться промышлению Его, но будем непрестанно прославлять Его и за то, что Он сделал кратковременное отсечение, остановил распространение зла и употребил безболезненное врачевство. Не смущайся тем, что

все и вдруг были потоплены. Чем отличается это от смерти, постигающей мало-помалу? Какая польза умершему от того, что он умер один, или какой вред от того, что — вместе со всеми? *Услыши мя в правде твоей*, то есть в человеколюбии. А чтобы видеть, что именно это он выражает, пророк присовокупляет: *и не вниди в суд с рабом твоим*. Того же просил и Иов, который был *истинен, праведен, богочестив, удаляяйся от всякия лукавыя вещи* (Иов. I, 1). О *дабы*, говорил он, *был* судящий *и обличаяй между обема* (Иов. IX, 33); а когда Бог явился, то он сказал: *руку положу на устех моих* (XXXIX, 34), хотя Бог взывал к нему: *ни, но препояши, яко муж, чресла твоя* (XL, 2). Также Бог обличал и иудеев, когда говорил: *кое обретоша отцы ваши во мне погрешение, яко* начальники ваши согрешили против Меня (Иер. II, 5).

Он поступает так не для того, чтобы сделать приговор Свой более тяжким, но чтобы пробудить в людях чувство и сознание грехов, и тогда уже даровать им прощение, дабы таким образом они видели величие благодеяния. Потому Он и говорит: *глаголи ты беззакония твоя прежде*, не для того, чтобы тебе быть осужденным, но *да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Вот, почему Он не Сам высказывает беззакония, но располагает к тому грешника. Если бы Он хотел наказать, то прямо произнес бы обвинение; а теперь, так как Он хочет помиловать, то предоставляет это самому грешнику, чтобы он получил венец за признание и исповеданием приобрел помилование. Что может сравниться с таким человеколюбием? Ничто. Скажи, говорит, и больше ничего я не ищу; признайся, и этого для Меня довольно; скажи, и от всего Я удержусь. *Не вниди в суд с рабом твоим*. Многие исправились от того, что Бог будет судить их. Люди благочестивые наперед знают это; а неразумные научаются этому от частого повторения пророками: *суд Господень к людем его и со Исраилем претися имать*. И еще: *слы-*

шите дебри и основания земли (Мих. VI, 2); *слыши небо и внуши земле* (Ис. I, 1). Таким образом, от частого повторения, что Бог будет судить, исправлялись и бесчувственные. Некоторые из иудеев говорили: *что яко постихомся, и не увидел еси* (Ис. LVIII, 3); и еще: *всяк, творяй лукавое, добр пред Господем, созидаются творящии беззаконная, и блажим чуждих* (Мал. II, 17; III, 15); и еще: не прав *путь Господень* (Иез. XXXIII, 17). И блаженный Иов, подвергшись искушению, не с такой мыслью, как иудеи, и не тоже — да не будет, — однако говорил: *о дабы ходатай был* судящий *и обличаяй между обема, да отъмет от мене жезл* свой и *страх его да не смущает мене* (Иов. IX, 33, 34). Потому Бог говорит ему: *вопрошу же тя, ты же ми отвещай* (XXXVIII, 3). Потом, когда Иов в изумлении сказал: *почто еще аз суждуся, наказуем,* и обличаю Господа; и еще: *слухом убо уха слышах тя первее, ныне же* очи мои видели тя: *темже укорих себе сам, и истаях; мню же себе землю и пепел, руку положу на устех моих* (Иов. XXXIX, 34; XLII, 5, 6), — тогда Бог говорит ему: *ни, но препояши, яко муж, чресла твоя* (XL, 2); как бы припоминает слова его и говорит: так как ты хотел судиться со Мной, то вот я предстою, желая судиться. Видишь ли неизреченное человеколюбие, видишь ли беспредельную благость Божию? Потому и три отрока говорили: *согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом* (Дан. III, 29). Так как многие из людей бесчувственных, по внушению диавола, слагают грехи свои на Бога, то Бог, желая истребить эту привычку в самом корне, часто говорит, что Он будет судиться с ними.

3. Подобным образом согрешил и первозданный. Он говорил: *жена, юже дал еси со мною, та ми даде, и ядох* (Быт. III, 12). Подобным образом многократно грешили и иудеи. *Яко не оправдится пред тобою всяк живый.* Что, продолжает пророк, говорю я о себе, о таком-то и таком-то? Нет на земле человека, который, судясь в Твоих заповедях, мог бы оправдаться; так сильна победа с Твоей

стороны. *Яко погна враг душу мою* (ст. 3). Можно думать, что это сказано о Сауле, который был врагом ему и тогда преследовал его. Можно, в переносном смысле, разуметь и врага — диавола, потому что он непрестанно преследует людей Божиих. Как же мы можем избавиться от его преследования? Если найдем такое место, куда он не может войти. А какое, скажешь, это место? Какое же другое, кроме неба? А как можно взойти на небо? Послушай Павла, который говорит и объясняет, что мы еще облеченные плотью можем обитать там: *горняя мудрствуйте,* говорит он, *идеже есть Христос одесную Бога седя* (Кол. III, 1); и еще: *наше бо житие на небесех есть* (Флп. III, 20). *Смирил есть в землю живот мой.*

Слово *смирение* имеет много значений. Есть смирение добродетели, например, когда говорится: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. L, 19). Бывает смирение от несчастий; бывает и от грехов. Здесь пророк говорит о смирении от несчастий. Это выражает он, продолжая: *смирил есть в землю живот мой.* Бывает смирение от гордости, например, когда говорится: *возносяйся смирится* (Лк. XVIII, 14). Бывает и другого рода смирение — от ненасытимости. Что презреннее тех, которые погребают себя в богатстве, власти и славе? Такие люди низки в двояком отношении: во-первых, потому, что пресмыкаются по земле; во-вторых, потому, что почитают важными такие вещи, подобно малым детям, которые считают важными бабки, мячики и другие игрушки. Это — знак не того, что самые вещи важны, но того, что занимающиеся ими имеют ум несовершенный и низменный. Впрочем, у детей это — недостаток возраста и природы, а у тех — вина воли. Человек, ставший мужем и пришедший в полный возраст, считает важным делом пиршества, блудодейства и роскошь; что может быть презреннее этого? Многие называют таких даже людьми великой души, но сами они еще го-

раздо презреннее их. Будем же знать, в чем состоит истинное величие и от чего происходит низость. Ничто не делает столь высоким, как презрение к упомянутым вещам. Псалмопевец говорит затем о смирении — от несчастий. *Посадил мя есть в темных, яко мертвыя века.* Он говорит о двояком несчастье: о том, что — *в темных* и, что — *яко мертвыя века,* означая тем и другим тогдашний плен. Как и находясь во тьме, можно делать что-нибудь при зажженном светильнике, то он, желая сильнее выразить крайность бедствий, названием *мертвых* увеличивает печальную картину. Таковы и те, которые живут во грехах: они подобны мертвым, находящимся во тьме. Хотя они бывают окружены бесчисленными светильниками, хотя являются светлыми от одежд и других украшений, но они нисколько не лучше уже умерших и находящихся во тьме, даже гораздо хуже их, потому что та тьма естественная, а эта зависит от преступной воли. Есть тьма будущая, о которой говорит Господь: *возмите его и ввnpзите во тму кромешную* (Мф. XXII, 13); есть и тьма греховная: *седящии,* говорит евангелист, *во тме и сени смертней* (Лк. I, 79). Также Павел: *несмы сынове тмы* (1 Сол. V, 5); и еще: *осуетишася помышлении своими, и омрачися неразумное их сердце* (Рим. I, 21).

Подобно тому как находящиеся во тьме не знают свойства вещей, так и живущие во грехах бывают слепы, не различают являющихся предметов, гоняются за тенями, как за истинными вещами, гоняются за богатством, удовольствиями и властью, не узнают врагов, не узнают и друзей, доверяясь врагам как друзьям и враждуя против друзей как против врагов. Не видишь ли ты ежедневно бедных, которые взывают, плачут, и никто не слушает их? Почему же другие не слушают? Потому, что диавол *посадил* их *в темных яко мертвыя века.* Что для тех — тьма и смерть, то для них — бесчеловечие. Сидящим в тьме свойственно не видеть угрожающих бед-

ствий; то же испытывают и они, не видя предстоящих бедствий, стремясь в бездны и пропасти. Сидящим во тьме свойственно со всей смелостью решаться на дела постыдные; так поступают и живущие в нечестии, подобно сидящим во тьме и как будто нет ни одного человека, который видел бы дела их, они дерзко решаются на все преступления, среди городов, как будто в пустыне.

4. Сидящие во тьме находятся в постоянном страхе; таковы и нечестивые. Ни один корыстолюбец и хищник не свободен от страха, хотя бы он безмерно превозносился и по внешности казался веселым. Таково свойство совести. Подобные люди и прежде были неизвинительны, а тем более теперь, когда воссияло Солнце правды, а они еще продолжают сидеть во тьме. Почему же они еще сидят во тьме, когда воссияло Солнце? По слабости своего зрения. Погрузившись в рытвины, пещеры и пропасти нечестия, они не могут взирать на лучи Его, по слабости своего зрения. *И уны во мне дух мой, во мне смятеся сердце мое* (ст. 4). Другой (Симмах): *и смущалась во мне душа моя.* Смущением души пророк выражает крайне великую скорбь. Что значит: *во мне?* Я не мог, говорит, высказать скорбь свою другим и получить какое-нибудь утешение. Так, души людей порочных постоянно возмущаются не только от настоящих, но и от ожидаемых бедствий. У них никогда не бывает спокойствия, никогда не бывает душевного мира, но они волнуются сильнее всякого моря; ни ночью, ни днем они не находят покоя от бури, но тревожатся везде, хотя никто не беспокоит их, нося в самих себе внутреннюю борьбу; они не наслаждаются тем, что уже получили, терзаясь и мучась мыслями о том, что еще не получено, заботясь о делах всех людей, разведывая об имуществе других и обдумывая, как бы одного убедить, другого устрашить, того обольстить словами, этого принудить, иного обмануть услужливостью, составляя клеветы,

покупки, продажи, обязательства, доверенности, собирая себе проценты, капиталы и весь сор подобных зол; и когда дела их идут благополучно, тогда особенно они и беспокоятся. Посмотри на богача, как он беспокоился, когда было плодородие на его ниве, как он затруднялся, недоумевал и говорил: *что сотворю? Разорю житницы моя, и болшия созижду* (Лк. XII, 18). А бедный ничего подобного не испытывает. *Помянух дни древния, поучихся во всех делех твоих* (ст. 5). Немалое утешение – знать и прошедшее, и настоящее. Так как Бог, можно сказать, по одним и тем же законам управляет и настоящим, и прошедшим, то величайшее утешение в настоящем – воспоминать о прошедшем. Потому и в другом псалме он говорит: *еда во веки отринет Господь, или до конца милость свою отсечет* (Пс. LXXVI, 8, 9)? То же и другой говорит: *воззрите на древния роды, и видите, кто* надеялся на Господа, *и постыдеся* (Сир. II, 10)? И Павел: *сия же вся образы прилучахуся онем: писана же быша в научение наше, в нихже концы век достигоша* (1 Кор. X, 11). И не только о чужих, но и о своих обстоятельствах часто воспоминая, мы получаем пользу. Это выражает и апостол, когда говорит: *воспоминайте первыя дни, в нихже просветившеся, мног подвиг подъясте страданий* (Евр. X, 32); приводит и противное: *кий убо тогда имеете плод, о нихже ныне стыдитеся* (Рим. VI, 21)? И другой премудрый говорит: *поминай последняя твоя, и во век не согрешиши* (Сир. VII, 39); хотя это – будущее, но общая смерть получила начало в прошедшем. Так поступает и Павел: когда нужно утешить кого-нибудь или вразумить, он заимствует доказательства и от прошедшего, и от будущего. *Не хощу вас*, говорит, *не ведети, братие, яко отцы наши еси под облаком быша и вси сквозе море проидоша, и вси тожде брашно духовное ядоша: но не во множайших их благоволи Бог* (1 Кор. X, 1–5). А иногда от будущего: *иже муку приимут, погибель вечную от лица Господня и от славы кре-*

пости Его (2 Сол. I, 9) и еще: *постиже на них гнев до конца* (1 Сол. II, 16); *день бо явит, зане огнем открыется* (1 Кор. III, 13); и еще: *сих бо ради грядет гнев Божий на сыны непокоривыя* (Еф. V, 6). Так он говорит, когда нужно вразумить; также, когда нужно утешить, он заимствует утешение от того и другого, например: от прошедшего, *благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Бог щедрот и Отец всякия утехи, утешаяй нас о всякой скорби утешением, имже утешаемся сами от Бога* (2 Кор. I, 3, 4), и от будущего: *не достойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. VIII, 18). Потому-то и псалмопевец говорит: *помянух дни древния, поучихся во всех делех твоих,* не просто: *помянух,* но: *поучихся,* то есть сделал для себя занятием и тщательно старался размышлять в самом себе о том, что случилось в древности. Действительно, великое утешение и назидание получаем мы от событий, повествуемых в Писаниях. Потому Павел и говорит: *терпением и утешением писаний упование имами* (Рим. XV, 4); и еще: *всяко писание богодухновенно и полезно есть ко учению, ко обличению, ко исправлению* (2 Тим. III, 16).

5. Так и псалмопевец, находясь в скорби и смущении, отсюда заимствовал утешение, от размышления о древних событиях, от воспоминания о различных действиях промышления Божия. Другой переводчик (Акила) говорит: *и изучал все деянии твои. В творениях руку твоею поучахся.* Другой (Симмах): *дела рук твоих я изучал.* Этим он выражает, что, поступая таким образом, он получал великое утешение и становился ближе к Богу. То же объясняет он и в дальнейших словах: *воздех к тебе руце мои* (ст. 6). Не сказал: *простер,* но: *воздех,* желая выразить сильное расположение сердца, стремившегося как бы вырваться из тела и удалиться к Богу. Воодушевившись, говорит, воспоминанием великих событий, размыслив о человеколюбии, о вразумлении посредством несчастий и спокойствий, доставляемом по избавлении от

них, я прибегнул к тебе. *Душа моя яко земля безводная тебе.* Другой (Симмах, Акила): *как земля, жаждущая к тебе всегда:* это и означает: *перемена тона**. И в несчастье, говорит, и в счастье, и во всякое время я показывал одинаковую ревность. Что значит: *яко земля безводная тебе?* Как земля иссохшая жаждет дождя, так и я желаю быть постоянно с Тобой. Такое желание особенно усиливалось в нем от тяжести бедствий; потому Бог и попускал им умножаться, показывая великое Свое промышление. Он не только создал твари, но и промышляет о созданном, как о людях, так и о всем прочем. Зная это, Павел говорит: *о нем бо живем и движемся и есмы* (Деян. XVII, 28); и еще: *всяческая в нем состоятся* (Кол. I, 17). И Давид: *вся к тебе чают, дати пищу им во благо время: давшу тебе им соберут: отверзшу тебе руку, всяческая исполнятся благости: отвращшу же тебе лице, возмятутся* (Пс. CIII, 27–29); и еще: *призираяй на землю, и творяй ю трястися* (Пс. CIII, 32). И Исаия: *содержай круг земли* (Ис. XL, 22). Также о добродетели: *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии* его (Пс. CXXVI, 1); и еще: *вселяя неплодов в дом, матерь о чадех веселящуся* (Пс. CXII, 9). Для того Он потрясает землю, и прикасаясь к горам, воспламеняет их, чтобы явить Свое владычество (см.: Пс. CIII, 32). Для того Он помрачает солнце и производит затмение, чтобы возвестить о творческой силе Своей.

Ты видишь в Писаниях, что солнце обращалось назад и луна останавливалась вместе с ним, и много других чудес. Так было тогда, когда познания о Боге еще не были распространены; а теперь нет нужды в таком наставлении, потому что самые события возвещают и являют Господа. Видишь ли бывшие в Египте тьму и изменение стихий? Если некоторые скажут, что это затмение произошло естественно, а не по повелению

* Этого слова нет в славянском переводе.

Божию, то пусть они скажут, как произошло затмение во время распятия Христова? Оно случилось не в определенное время, но тогда, когда, по законам природы, ему особенно не следовало быть, именно: в четырнадцатый день месяца, в полнолуние, когда затмения не бывают. Но сказать они не могут. Отсюда очевидно, что как все прочее, так и все затмения происходят по повелению Творца. *Скоро услыши мя, Господи: изчезе дух мой* (ст. 7). Что говоришь ты? Побуждаешь врача спешить к уврачеванию тебя? Нет; но страждущие души, равно как и больные люди, обыкновенно призывают врачей, хотя еще не пришло время, и требуют скорее доставить исцеление. Так и он просит и привосокупляет причину: *изчезе дух мой.* Бог может и из мертвых воскресить, а тем более избавить прежде смерти; но, как я сказал, здесь обнаруживается слабость природы. Псалмопевец знал, что для Бога все легко, но не мог переносить удара бедствий. *Не отврати лица твоего от мене, и уподоблюся нисходящим в ров.* Другой (неизвестный переводчик): *не скрой лица твоего от меня.* А отчего бывает это отвращение? Сам Бог говорит через Исаию: *еда не* имеет силы *рука* моя: *но греси ваши разлучают между мною и вами* (Ис. LIX, 1–2). Итак, когда мы сделаем что-нибудь греховное, то Он отвращается от нас. *Чисто око твое,* говорит пророк, чтобы не *видети зла;* и Ты не возможешь *взирати на труды болезненныя* (Авв. I, 13). Потому Он отвращается и от людей надменных: *на кого воззрю,* говорит, *токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес моих* (Ис. LXVI, 2)? Итак, будем приобретать эту добродетель, чтобы обратить к себе лицо Его, чтобы нам не впасть в бездну зла среди великой тьмы. Можно и упавши восстать; и потому падающие не должны оставаться лежащими.

Грех по свойству своему есть ров, содержащий в себе свирепых зверей и исполненный мрака. Поэтому спустим туда цепь Писаний, приложим старание, и мы ско-

ро восстанем, если упали. Но как мы можем начать путь? Если, упавши, не будем беспечными и не станем отчаиваться, но будем воспевать пророческие слова: *еда падаяй не возстает* (Иер. VIII, 4); и еще: *днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших, яко в прогневании* (Пс. XCIV, 7), и препоясав себя такими мыслями, выйдем вон. *Слышану сотвори мне заутра милость твою, яко на тя уповах* (ст. 8). Другой (неизвестный переводчик): *услышанною сотвори мне с утра милость твою,* то есть скоро.

6. Видишь ли душу, находящуюся в скорби и смущении? Она хочет быть услышанной прежде испытания, чтобы укрепиться надеждами и испытанием. Смысл этих слов следующий: воставь меня по Своему обещанию. Затем присовокупляет и основание прошения: *яко на тя,* говорит, *уповах.* Бог ничего так не требует, как постоянного обращения к Нему. *Скажи мне, Господи, путь, в онь же пойду, яко к тебе взях душу мою.* Что говоришь ты? Когда и природа имеет закон, в самом начале внедренный в нее Богом, и Моисеевы писания обновляют его, ты опять просишь: *скажи мне, Господи, путь, в онь же пойду?* Это можно понимать или так: совесть моя заглушена грехом, и потому я прошу обновить ее; или под именем *пути* здесь разумеется многое, неизвестное людям, на что указывает и Павел, когда говорит: *о чесом бо помолимся, яко же подобает, не вемы* (Рим. VIII, 26). Если же Павел, при таком ведении, не знал этого, то можно ли удивляться словам псалмопевца? Впрочем, посмотри, он не желает здесь ничего чувственного, но ищет пути, ведущего к Богу, и сам от себя полагает тому начало. Он не просто сказал: *скажи мне, Господи, путь,* ведущий к Тебе, но что? *Яко к тебе взях душу мою,* то есть к Тебе стремлюсь, к Тебе обращаю взоры. Таким людям особенно Бог указывает путь. Вот потому-то об иудеях Господь, на вопрос, почему Он говорит им в притчах, сказал: *яко видяще не видят, и слышаще не слышат*

(Мф. XIII, 13). А слово *взях* значит: я перенес, или передал Тебе душу мою. *Изми мя от враг моих, Господи, к тебе прибегох* (ст. 9). Смотри, как молящийся везде прибавляет и причины: *не отврати,* говорит, *лица твоего от мене, яко на тя уповах, скажи мне путь, яко к тебе взях душу мою: изми мя от враг моих,* потому что *к тебе прибегох: научи мя творити волю твою, яко ты еси Бог мой* (ст. 10). Не сказал просто: научи меня воле Твоей, но: *творити волю твою,* то есть руководи к самым делам, — потому что необходима высшая помощь и высшее наставление, чтобы идти путем, ведущим к добродетели, впрочем, не так, чтобы мы могли бездействовать, но чтобы и сами привносили должное с нашей стороны. *Яко ты еси Бог мой.* Видишь ли, как духовны его прошения? Он возносит прошение не о богатстве, власти и славе, но об исполнении воли Божией: это — сокровище всех благ, неиссякаемое богатство, начало и корень, середина и конец благоденствия. *Дух твой благий наставит мя на землю праву.* Видишь ли, как он внушает нам, как научает нас совершать путь Духом Святым? Потому и Павел говорит: *нам же Бог открыл есть Духом своим* (1 Кор. II, 10). *На землю праву.* В буквальном смысле он говорит здесь о своем отечестве; а в переносном — о пути, ведущем к добродетели. Другой переводчик (Акила) говорит: *по земле ровной.* Действительно, нет ничего ровнее добродетели, свободной от шума и смятения. *Имене твоего ради, Господи, живиши мя* (ст. 11). Видишь ли, как он опять прибегает к Богу, а не на свою жизнь возлагает надежду?

Правдою твоею изведете от печали душу мою. Другой (Симмах): *милостию твоею.* Видишь ли, как справедливо то, о чем я выше сказал, то есть что *правдою* он часто называет человеколюбие Божие? *Изведеши от печали душу мою,* — потому что *молитеся,* сказал Господь, *да не внидете в напасть* (Мк. XIV, 38). *И милостию твоею потребиши враги моя* (ст. 12). Не потому, говорит, чтобы я был до-

стоин, но по человеколюбию Твоему избавь меня от восстающих на меня, освободи от строящих мне козни, дай немного перевести дух от скорби. *И погубиши вся стужающия души моей, яко аз раб твой есмь.* Смотри, как опять приводится причина. Иначе нам невозможно получить просимое, но необходимо всегда делать самих себя достойными получения того, чего просим; нужно привносить должное и с нашей стороны, и тогда уже приступать к Богу. Одна молитва сама по себе недостаточна. Молились и иудеи, но услышали: *аще умножите моление, не услышу вас* (Ис. I, 15). Впрочем удивительно ли, что иудеи не были услышаны, когда и Иеремия, просивший за них, получал запрещение и слышал не однократно: *не молися о людех сих, яко не услышу тя* (Иер. VII, 16)? И удивительно ли, что не был услышан Иеремия? *Аще* станут, говорил Бог, *Ное и Даниил и Иов,* ни сынов, ни дочерей их не спасут (Иез. XIV, 14, 16). Итак, зная это, будем не только молиться, но вместе с молитвами делать и самих себя достойными получения, чтобы достигнуть и настоящих, и будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 143

Благословен Господь Бог мой, научаяй руце мои на ополчение, персты моя на брань (ст. 1)

1. Что говоришь ты? Неужели Бог есть учитель войны, брани, ополчения? Да, не погрешит тот, кто припишет Ему и победу при этом. Таков смысл слов: *научаяй руце мои,* то есть дающий силу преодолевать врагов, побеждать, воздвигать трофеи. Так, когда Давид низложил Голиафа, виновником победы был Бог; когда он

вел многие войны, воздвигал трофеи, брал неприятельские города вместе с жителями, то Бог доставлял ему победу. Потому он и воспевал: *Господь крепок и силен, Господь силен в брани* (Пс. XXIII, 8). И при Моисее Бог совершал много подобного.

Впрочем, есть и другая война, которая гораздо тяжелее этой, в которой нам особенно нужна высшая помощь, — наша борьба с враждебными силами. А что у нас борьба с ними, о том послушай Павла, который говорит: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего* (Еф. VI, 12). Эта борьба тяжелее потому, что полчища этих неприятелей не одной с нами природы и невидимы для нас, и потому, что борьба происходит не за что-нибудь маловажное, а за спасение или погибель. Здесь невозможно видеть убиваемых, невозможно наперед знать ни времени, ни препятствий, ни места и ничего подобного. Эти полчища нападают и на площади, и в доме, и во время игр, и во время бездействия, так что мы должны постоянно быть осторожными. Война с ними не знает перемирия, не имеет ни вестников, ни переговорщиков и ничего подобного, но бывает без объявления. Поэтому здесь особенно нужно со всех сторон ограждать себя и подкрепляться пищей. А пища для такой войны и оружие для таких воинов есть слушание Божественных Писаний. Кто не вкушает этой пищи, тот мучится голодом: дам им, сказал Господь, *не глад хлеба, ни жажду воды, но глад слышания слова Господня* (Ам. VIII, 11). Здесь, как и в обыкновенной войне, необходима высшая помощь. *Не спасается*, говорит пророк, *царь многою силою, и исполин не спасется множеством крепости своея; ложь конь во спасение, во множестве же силы своея не спасется* (Пс. XXXI, 16, 17). Так, многие обращали в бегство врагов, когда предшествовали тому молитвы, которые и ниспровергали неприятельские полчища. *Милость моя и прибежище мое, за-*

ступник мой и избавитель мой (ст. 2). Видишь ли, как он опять ожидает спасения от человеколюбия Божия? Вместе с тем он указывает здесь и на нечто другое. Этими словами он выражает: я не был бы и достоин Его милости, если бы Сам Он не оказал ее; Он Сам – *милость моя,* а не я снискал ее своими делами. В самом деле, хотя Бог и милостив, однако не всем оказывает милость без разбора. *Помилую,* говорит Он, *егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю* (Рим. IX, 15). Поэтому, если мы хотим быть помилованными, то должны со своей стороны заслуживать такую милость. А пророк и самое помилование приписывает Богу. Видишь ли сокрушенную душу? Видишь ли признательное сердце, которое приписывает все человеколюбивому Богу? *Заступник мой и избавитель мой, защититель мой, и на него уповах.* Он непрестанно выражает надежду на Бога, научая всех не унывать во время бедствий, но и среди несчастий обращаться к Богу, не отчаиваясь и не падая духом. Он есть *заступник мой и избавитель мой.* Если Он не защитит и не избавит в самом начале бедствий, то и тогда должно надеяться. Если Он Сам есть Заступник, то непременно избавит от бедствий. Надежда особенно и бывает тогда, когда видимые обстоятельства повергают в отчаяние, а она внушает бодрость в отношении к будущему. *Повинуяй люди моя под мя.* Хорошо сказал пророк. Действительно, нужна и для этого высшая помощь, чтобы удерживать подданных в повиновении, чтобы они не восставали и не возмущались. Таким образом не только для покорения неприятелей и врагов, но и для подчинения домашних нам нужна великая помощь свыше. Великое дело – хорошо управлять своим народом, не меньшее, чем побеждать врагов. Нередко многие на войнах воздвигали трофеи, а во время мира падали, не умея держать бразды управления подчиненными. Следовательно, не от силы царствования зависит покорность войска, но

от помощи Божией; от нее — как победы над врагами, так и подчинение своих. *Господи, что есть человек, яко познался еси ему, или сын человечь, яко вменяеши его* (ст. 3)? Другой переводчик (Акила) говорит: *что есть человек, и ты знаешь его.* Третий (Симмах): *что ты обращаешь внимание на него.* Следовательно, велик должен быть тот, кто познает Бога, или — лучше — будет познан от Него; и не только этот, но и тот, кому Бог откроет Себя. Поэтому весьма хорошо сказали семьдесят толковников: *познался еси ему,* — выражая, что не мы открыли Его, но Он Сам открыл Себя нам; не сказал пророк: *что есть человек, познавший Тебя,* но: *что есть человек, яко познался еси ему?*

2. И Павел непрестанно выражает ту же мысль, — например, когда говорит: *тогда же познаю, якоже и познан бых* (1 Кор. XIII, 12). И Сам Христос: *не вы мене избрасте, но аз избрах вас* (Ин. XV, 16). И еще в другом месте Павел: *аще же кто любит Бога, сей познан бысть от него* (1 Кор. VIII, 3). Потому же он непрестанно называет себя *званным,* показывая, что не сам он прибег, но наперед был призван. Так и в другом месте он говорит: *гоню же, аще и постигну, о немже и постижен бых* (Флп. III, 12). Не сказал: я постиг, но: *постижен бых.* Как же пророк говорит: *что есть человек?* Между тем другой говорит: *велика вещь человек, и драгая муж творяй милость* (Притч. XX, 6). И еще иной: *по образу Божию сотвори его* (Быт. I, 27). И действительно, он поставлен господином над всеми тварями. Есть и такие люди, которых *недостоин весь мир* (Евр. XI, 38). Но все это сказано о добродетели, когда люди исполняют ее; а в словах *что есть человек* говорится о человеческой природе. Правда, велика и природа человеческая; велика, но если иметь в виду познание, какого она удостоилась, то в сравнении с ним она весьма несовершенна.

Пусть выслушают это последователи еретиков, которые так безумны, что выходят из своих пределов и стра-

дают крайним невежеством, утверждая, будто они знают то, что выше их. Так, и в незнании может быть знание, и в знании незнание. Если хотите, объясним это предметами чувственными. Скажи мне, если бы кто стал утверждать, что он может измерить море и узнать, сколько заключается в нем мерных сосудов, то не он ли именно и не знает, что такое море? Напротив, кто говорит, что он не знает, что число мер в море неисчислимо, тот особенно и знает, что такое море. Так и в отношении к Богу, кто будет утверждать: я видел Бога и достиг до Него собственным зрением, тот именно и не окажется ли незнающим Бога, называя невидимого видимым и преувеличением своего знания лишая себя и того, какое для него возможно? Напротив, кто скажет, что Бог невидим и что никто не может видеть Его, не тот ли особенно и знает Его? Также, если один назовет Бога непостижимым, а другой постижимым, то не будет ли последний незнающим Бога, а первый знающим? Посмотри, как Павел, идя тем же путем, говорит: *от части разумеваем и от части пророчествуем* (1 Кор. XIII, 9). Представь, сколько создано тварей, чтобы познать Бога, – не то, каков Он по существу, но то, что Он существует. Так и Павел говорит: *веровати же подобает приходящему к Богу, яко есть* (Евр. XI, 6). О Нем возвещают все твари, – *от величества бо и красоты созданий сравнительно рододелатель познавается* (Прем. XIII, 5), – самое устройство человека, честь, предоставленная ему Богом, наказания, благодеяния, распоряжения, предвозвещенные пророками, различные чудеса; а после всего этого пришел Сам Единородный и совершил дивное и страшное домостроительство нашего спасения. И между тем есть люди, которые еще не знают такой ясной истины; и ты еще говоришь, что можешь собственным разумом постичь, каков Бог по существу Своему? Итак, скажешь, ты не знаешь Бога? Нет, я знаю, что Он есть, что Он челове-

колюбив, что Он благ, что Он промышляет, и все прочее, о чем говорится в Писаниях; но каков Он по существу, этого я не знаю. Адам захотел знать больше, послушавшись диавола, и за излишнее желание лишился и того, что имел. То же бывает с людьми, которые руководятся человеческим разумом и не слушают, что *Господь дает премудрость, и от лица его познание и разум* (Притч. II, 6). Разве не слышат они Павла, который говорит: *нам (Бог) открыл есть Духом своим,* и отвергает человеческие умствования (1 Кор. II, 10)? *Помышления,* говорит он, *низлагающе и всяко возношение, взимающееся на разум Божий* (2 Кор. X, 5). И другой премудрый говорит: *помышления* человеков *боязлива и погрешительна умышления* их (Прем. IX, 14). *Что есть человек, яко познался еси ему?* Представь беспредельное Его величие. Впрочем, когда я говорю это, я еще не говорю достойно Бога и не знаю, как сказать. Приписывая Богу величие, мы употребляем не собственное выражение, но так как нет другого выражения, то и употребляем слова, какие можем. Так, называя Бога высочайшим, я не определяю Его места, но выражаю высоту и величие существа Его, которое превышает и превосходит все. Поэтому и говорит пророк: *что есть человек, яко познался еси ему?* Бог для того и сотворил человека уничиженным, и вместе даровал ему великие свойства, чтобы он не превозносился, чувствуя величайшую нужду в смирении по немощи своей природы. *Или сын человечь, яко вменяеши его?* Видишь ли, каково величие существа Божия? *Человек суете уподобися* (ст. 4). Другой переводчик (Симмах), вместо: *суете,* говорит: *дуновению.* Слово: *суета* означает не что иное, как тленность, смертность, кратковременность. Здесь пророк говорит о теле. Потому и Авраам говорит: *аз же есмь земля и пепел* (Быт. XVIII, 27); и Исаия: *всяка плоть сено, и всяка слава человеча, яко цвет травный* (Ис. XL, 6). Что же значит: *суете уподобися?* То есть нич-

тожеству; все человеческое непрочно и непостоянно, все проходит и исчезает. *Дни его яко сень преходят*, то есть и тогда, когда являются, не имеют никакой силы, и скоро пролетают.

3. И на самом опыте ты можешь видеть это, представив людей, которые украшены почестями, ездят на колесницах, облечены властью, заключают других в темницы и наказывают. Чем отличаются они от тени не только во время смерти, но еще прежде смерти? Как скоро они лишаются власти, то все это проходит и исчезает; а предметы истинные — за здешней жизнью; там и воздаяния, и наказания истинные, и блага, и неподкупный Судья. Между тем все здешнее подобно детским играм: сегодня — судья, завтра — подсудимый. Так часты перемены и неожиданны превращения! *Господи, преклони небеса* твои, *и сниди: коснися горам, и воздымятся* (ст. 5). Другой (неизвестный переводчик): *когда ты преклонил небеса и снисшел и коснулся гор, они воздымились*. Какая здесь связь речи? Великая и неразрывная с предыдущим. Начав говорить о человеческой слабости и показав ничтожество человеческой природы, пророк и здесь опять низлагает гордость людей надменных и, продолжая речь, выражает как бы следующее: надлежало бы им самим видеть слабость своей природы и не высокомудрствовать; но так как они не хотят этого, то Ты покажи Своими делами, до какой они дошли низости.

Господи, преклони небеса и сниди. Говорит так не потому, будто Бог действительно нисходит, — возможно ли сказать это о Вездесущем? — но выражается о Боге человекообразно для того, чтобы посредством человекообразных выражений тронуть грубых слушателей. И *прикосновение*, хотя представляется величественным, гораздо ниже достоинства Божия. Богу не нужно прикасаться к горам, чтобы они воздымились, даже не нужно и мановения; но довольно одной воли и хотения. Таким

образом, сказав о слабости человеческой, он говорит и о могуществе Божием, сколько человек может сказать, — потому что и это гораздо ниже величия Его. *Блесни молнию, и разженеши я: посли стрелы, твоя, и смятеши я* (ст. 6). Под именем молнии и стрел он разумеет не действительные молнию и стрелы, а называет так наказания, чтобы известными предметами привести гордого и беспечного в страх, трепет и сокрушение. Если иной не может выносить молнии, посылаемой не для наказания, то кто устоит, когда Бог захочет привести в движение карающую силу Свою? *Стрелы* же Божии суть язвы, голод, разрушения и другие различные наказания. *Посли руку твою с высоты, изми мя и избави мя от вод многих, из руки сынов чуждих* (ст. 7). Сила Божия готова не только наказывать, но и спасать. *Рукою* пророк называет здесь помощь, содействие; поэтому он не сказал: *простри,* но: *посли;* а если в иных местах говорит и: *простри,* то выражает то же самое. Под *водами* он разумеет беспорядочное, нестройное и стремительное нападение врагов. А что здесь говорится не о водах, видно из прибавленных слов: *из руки сынов чуждих. Чуждими сынами,* мне кажется, он называет людей, отчуждившихся от истины; как верных мы считаем своими ближними и братьями, так неверных — чуждыми; поэтому особенно мы отличаем своего от чужого. Мой ближний — не столько тот, кто близок ко мне по родству, сколько тот, кто признает со мной того же отца и имеет общение в той же трапезе; эта связь крепче родства, равно как и несходство нравов ведет к отчуждению гораздо более, нежели различие по происхождению. Не на то смотри, что мы живем под одним небом и в одной вселенной; я ищу другого общения, которое выше неба; там наше отечество и жизнь. *Живот наш,* говорит апостол, *сокровен есть со Христом в Бозе* (Кол. III, 3). Не на земле мы живем, но переселились в высшее жилище. У нас дру-

гой свет истинный, другое отечество, другие сограждане и сродники. Потому и Павел говорит: *несте странни и пришелцы, но сожителе святым* (Еф. II, 19). Как же, скажешь, Христос назвал ближним самарянина, хотя великое различие (между ним и истинно верующим)? Но и не по естественному родству. Так, когда нужно оказать благодеяние, то пусть всякий человек будет ближним твоим; а когда дело касается истины, то различай своего от чужого. Если бы даже твой брат, родной по отцу и матери, не имел с тобой общения в законе истины, то он должен быть для тебя более чужим, чем скиф; и напротив, если скиф или савромат содержит правые догматы и верует в то же, во что веруешь и ты, то он должен быть к тебе ближе и роднее единоутробного брата; и варвара от не-варвара мы отличаем не по языку, не по происхождению, но по мыслям и душе. Тот преимущественно и есть человек, кто содержит правое учение веры и ведет любомудрую жизнь.

4. Посмотрим теперь, как описал чуждых пророк. *Изми мя,* говорит он, *из руки сынов чуждих, ихже уста глаголаша суету, и десница их десница неправды* (ст. 8). Видишь ли, каких людей он называет чуждыми? Тех, которые живут порочно, любят неправду, произносят безумные речи, не говорят ничего полезного. Итак, чуждых узнавай по словам и делам их, как и Христос сказал: *от плод их познаете их* (Мф. VII, 16). Как воинам дается много условных выражений и знаков, чтобы, когда произойдет ночное сражение, или поднявшаяся пыль произведет темноту, подобную ночи, или случится какое-нибудь другое недоумение и замешательство, кто-нибудь не принял своего товарища за врага, или врага за товарища, — так и здесь пророк дает тебе признаки, по которым ты можешь отличить своего от чужого, именно слова и дела тех, о которых он говорит: *ихже уста*

глаголаша суету, и десница их десница неправды. Действительно, у нас и теперь идет война и жесточайшее ночное сражение с бесами, нападающими на нас, с похотями, восстающими против нас, с помыслами, возникающими в нас. Есть и у нас, посвященных в таинства, условные выражения и знаки, так что, если в случае сомнения мы пожелаем узнать, посвященный ли кто-нибудь или не посвященный, можем узнать, спросив у него условные знаки.

Десница их десница неправды. Что может быть хуже того, когда руку, данную нам для помощи, мы употребляем на неправду? Мы имеем руки для того, чтобы помогать себе и другим обижаемым, чтобы истреблять беззакония, быть пристанищем и защитой притесняемым. Какое же можем иметь мы оправдание, употребляя это оружие не для спасения других, а на собственную погибель? *Боже, песнь нову воспою тебе* (ст. 9). Какая здесь опять связь речи? Весьма близкая. Сказав: *посли руку твою, изми мя, разженеши я*, пророк обещает и со своей стороны принести воздаяние Богу за помощь, воздаяние, которое не прибавляет ничего Тому, Кому приносится, а приносящему доставляет пользу. Какое же это воздаяние? *Боже, песнь нову воспою тебе.* Хотя оно мало в сравнении с величием благодеяния, но он приносит то, что имеет. Так и мы от бедных и ничего не имеющих не требуем ничего, кроме благодарности и признательности. Впрочем, мы оказываем помощь для того, чтобы более прославиться; а Бог — не потому, чтобы имел нужду, но чтобы прославить самих воспевающих Его и тем оказать им новое благодеяние. *Во псалтири десятоструннем пою тебе*, то есть буду благодарить Тебя. В то время были музыкальные орудия, на которых воссылали Богу хвалебные песни; а теперь, вместо орудий, можно употреблять телесные члены. Мы можем петь не только языком, но и глазами, и руками, и

ногами, и слухом. Если каждый из этих членов делает то, что приносит Богу славу и хвалу, если, например, глаз не смотрит бесстыдно, если руки не простираются на хищение, а на подаяние милостыни, если слух открыт для слушания псалмов и духовных песнопений, если ноги стремятся в церковь, если сердце не строит козни, а наполнено любовью, то члены тела делаются псалтирью и гуслями и воспевают новую песнь не словами, а делами. *Дающему спасение царем* (ст. 10). Не войско, не множество воинов, не телохранители спасают, но помощь Божия. *Избавляющему Давида, раба своего.* Сказав о всех вообще, пророк говорит и о самом себе; и притом не сказал: *избавившему,* но: *избавляющему,* выражая непрестанное промышление Божие.

5. Далее он снова просит того, чего просил прежде, непрестанно припадая к Богу и умоляя об избавлении от людей нечестивых, и говорит: *от меча люта избави мя, и изми мя из руки сынов чуждих, ихже уста глаголаша суету, и десница их десница неправды.*

Ихже сынове яко новосаждения водруженная в юности своей (ст. 11, 12). Здесь он описывает мирское благополучие и богатство, и начинает с того, что считается главным — иметь детей добрых и цветущих здоровьем, и притом обоего пола; потому и прибавляет: *дщери их удобрены, преукрашены, яко подобие храма.* Вместе с юностью он изображает и роскошь в одежде, и головные уборы, и другие женские украшения, изобретаемые при всяком богатстве. Потом описывает такой вид богатства, который кажется второстепенным, а теперь, может быть, считается первостепенным: *хранилища их,* говорит, *исполнена, отрыгающая от сего в сие* (ст. 13). Что значит: *отрыгающая?* Стесненные. Не вмещается, говорит, в хранилищах богатство их. *Овцы их многоплодны, множащияся во исходищах своих: волове их толсти.* И это считалось немалым благополучием. У древних богат-

ство состояло в этом, — в стадах крупного и мелкого скота и в хлебных зернах, — пока не явилась нынешняя роскошь. *Несть падения оплоту, ниже прохода* (ст. 14), то есть и земледелие охраняется с великой заботливостью и с великим тщанием, плоды созревают, ограды стоят твердо, виноградники возделываются и ограждаются со всех сторон. *Ниже вопля в стогнах их.* Другой (неизвестный переводчик): *во дворах их.* Вот еще вид благоденствия, который не всегда бывает при богатстве, это — тишина, спокойствие, безопасность, — когда никто не строит козней, никто не нападает, когда нет ни шума, ни смятения. *Ублажиша люди, имже сия суть: блажени людие, имже Господь Бог их* (ст. 15). Видишь ли добродетель этого мужа? Указав на богатство всякого рода, изобразив его словом, присовокупив мнение о нем других людей, сам он не испытывает ничего человеческого и не считает завидными тех, которые обладают таким богатством, но, презирая все это, ублажает истинное сокровище. Другие, говорит, считают блаженными людей, имеющих это; а я ублажаю людей, *имже Господь Бог их,* полагая в этом одном все их довольство, благосостояние, богатство. Те блага проходят и исчезают; а это блаженство остается постоянно, и вместо овец, детей, волов, оград и виноградников, ублажение Бога будет и богатством, и безопасностью, и непреоборимой стеной. Итак, слыша это, не смущайтесь ничем подобным, но презирая тени, держитесь истины, потому что пророк выше сказал, что *человек суете уподобися: дние его яко сень преходят* (ст. 4). Поэтому, если ты увидишь людей, которые живут в таком изобилии, но ведут жизнь порочную, то, хотя бы вся вселенная считала их блаженными, ты считай их жалкими и несчастными; а людей, преданных Богу, признавай достойными подражания и блаженными. Будем же все мы постоянно искать этого богатства и этого блаженства, чтобы получить и насто-

ящие и будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 144

Вознесу тя, Боже мой, царю мой, и благословлю имя твое в век и в век века (ст. 1)

1. На этот псалом должно обратить особенное внимание. Он содержит в себе те выражения, которые посвященные в тайны часто припевают, как то: *очи всех на тя уповают, и ты даеши им пищу во благовремении* (ст. 15). Кто сделался сыном и вкушает духовную трапезу, тот должен прославлять Отца. *Сын славит отца,* говорит пророк, *и раб господина своего убоится* (Мал. I, 6). И ты сделался сыном, участвуешь в духовной трапезе, вкушаешь плоть и кровь Того, Кто возродил тебя; поэтому воздавай благодарностью за такое благодеяние, прославляй Даровавшего тебе такие блага и, повторяя эти слова, настраивай душу свою согласно с ними. Произнося: *вознесу тя, Боже мой, царю мой,* оказывай великую преданность Богу, чтобы и о тебе сказал Он, как об Аврааме, Исааке и Иакове: *аз (есмъ) Бог Авраамов, и Бог Исааков, и Бог Иаковль* (Исх. III, 6). Если ты будешь говорить: *Боже мой, царю мой,* и не только говорить, но и показывать великую любовь к Нему, то и Он скажет о тебе: *раб мой, слуга мой,* как сказано о Моисее. *И благословлю имя твое в век и в век века.* Видишь ли, как пророк открывает несколько и будущую жизнь? А благословение он разумеет не только совершаемое словами, но и делами. Так Бог и превозносится, и благословляется. Так и в молитве нам заповедано говорить: *да святится,* то есть да прославляется *имя твое* (Мф. VI, 9). *На всяк день благословлю тя и восхвалю имя твое в век и в век века*

(ст. 2). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *во век непрестанно.* Это особенно свойственно душе благочестивой — отрешаться от дел житейских и воспевать хвалебные песни Богу. Да и стыдно было бы человеку, существу разумному и превосходящему все видимое, в деле славословия быть ниже других тварей; и не только стыдно, но и безрассудно. Не безрассудно ли это, в самом деле, когда другие твари каждый день и час воссылают хвалу Господу? *Небеса,* говорит псалмопевец, *поведают славу Божию, творение же руку его возвещает твердь. День дни отрыгает глагол, и нощь нощи возвещает разум* (Пс. XVIII, 2, 3). И солнце, и луна, и разнообразный хор звезд, и стройный состав всего прочего проповедуют о Творце своем. Поэтому тот, кто превосходнее всех тварей и не делает этого, но даже ведет такую жизнь, что ею хулится сотворивший его Бог, может ли удостоиться прощения? Какое может иметь оправдание тот, кто сотворен для благоугождения человеколюбивому Богу и наслаждения благами будущего царствия, но нисколько не заботится об этом, а предается житейским делам и мирским заботам? Но не таков был пророк; он всю свою жизнь возносил хвалу Богу — и словами, и делами. Подлинно, мы обязаны Ему многим: Он сотворил нас не существовавших, сотворил нас такими, по сотворении сохраняет нас и каждый день промышляет о всех вообще и о каждом в частности, и тайно и явно, и заметно для нас и незаметно. Можно ли исчислить все видимое, что Он сотворил для нас: служение, которое видимые твари доставляют нам, устройство тела, благородство души, ежедневное попечение о нас посредством чудес, законов и наказаний, разнообразное и непостижимое Его промышление, главнейшее же из всех благодеяний, — что Он не пощадил для нас и Единородного Сына, блага уже дарованные нам через крещение и другие таинства, и те неизреченные блага,

которые будут дарованы — царствие, воскресение, жизнь, исполненная всякого блаженства? Кто стал бы исчислять все это порознь, тот погрузился бы в безмерное море благодеяний и увидел бы, сколь многим он обязан человеколюбивому Богу. И не только поэтому, но и по величию славы Его и неизменяемости существа Его подобает Ему от нас хвала, благословение, постоянная благодарность, служение и непрестанное поклонение. Это выражает и пророк, когда говорит: *велий Господь и хвален зело, и величию его несть конца* (ст. 3). Сказав: *благословлю и восхвалю,* он объясняет, что Бог не имеет нужды ни в похвалах наших, ни в благословениях, что к славе Его ничего не прибавляется от славословия служащих Ему, потому что существо Его неизменно, вседовольно и не имеет нужды ни в чем другом; но сами славословящие делаются от того более славными. Впрочем, и не для этого только мы должны славословить Его, но и за превосходство Его славы, на что указывает и пророк, когда говорит: *велий Господь и хвален зело,* то есть не имеющий ни в чем нужды. Что значит: *хвален?* Достоин хвалы, славословия, хвалебных песней; и не просто — *хвален,* но и *зело,* — это то же присовокупил пророк, — а в какой степени *хвален,* этого он не мог выразить словом, и потому прибавил: *и величию его несть конца,* или как другой (неизвестный) переводчик говорит: *изобретения.* Смысл этих слов следующий: имея великого Господа, будь и сам ты высок и отрешись от дел житейских; питай мысли выше ничтожества вещей настоящих, не для того, чтобы сделаться гордым и надменным, но великим по душе и высоким по уму. Иное — высокомерие, и иное — великодушие: высокомерен тот, кто хвалится маловажными вещами и презирает подобных себе рабов; а великодушный смирен по душе и все великолепие настоящей жизни считает за ничто.

2. Где теперь те, которые говорят, что они так знают Бога, как Он знает Сам Себя? Пусть выслушают они слова пророка: *величию его несть конца* – и устыдятся своего безумия.

Род и род восхвалят дела твоя (ст. 4). Как обыкновенно поступает пророк в других местах, так поступает и здесь. Выразив удивление величию и славе Божией, он переходит к раскрытию дел Его. То же самое он делает здесь: *род и род,* говорит, *восхвалят дела твоя,* доказывая величие Божие делами, то есть оно явилось не в одно только время и потом прошло, не в течение двух или трех лет, но продолжается во весь настоящий век, так что каждый род видит действия Его. Это означают слова: *род и род,* то есть род настоящий, и следующий за ним, и следующий за тем, и опять следующий и каждый из последующих, именно: твари, во все время продолжающие свое существование, – небо, земля, море, воздух, озера, источники, реки, семена, растения, травы и происходящие от них благодетельные следствия; течение природы, никогда не прерывающееся, дожди, времена года, постоянно повторяющиеся, ночь, день, солнце, луна, звезды и все прочее; кроме того, дела, совершающиеся в каждом поколении, и в частности и вообще к исправлению и ко благу всего человеческого рода, происходившие у иудеев непрестанно чудеса, знамения, промышление Божие, открывавшееся в изобилии плодов, в победах над врагами, и во всем прочем; также чудеса, бывшие во время пришествия Христова, при апостолах, во время гонений, чудеса многочисленнейшие и много превосходившие величием своим чудеса древние, или наконец дела, совершающиеся в наше время. Подлинно, нет времени, которое, кроме общих дел Божиих, не представляло бы знамений промысла Его. *И силу твою возвестят;* и посредством благодеяний, говорит, и посредством наказаний, потому что во вся-

кое время Бог не перестает всеми способами промышлять о нашей природе. *Великолепие славы, святыни твоея возглаголют, и чудеса твоя поведят* (ст. 5). Другой (неизвестный переводчик): *кросоту хвалы твоей и слова чудес твоих возвестят.* Сказав о *силе* Божией, пророк показывает, как она велика. Она совершала не простые и необыкновенные дела, но совершала так дивно и необыкновенно, так выше природы человеческой, что дела Его исполнены чудес и славы. Представь то, что происходило в Египте, в Палестине, при Аврааме, при Исааке, при Иосифе, опять в Египте при Моисее, в пустыне, по вступлении в обетованную землю, потом в плену вавилонском, при Навуходоносоре, в печи (вавилонской), во рве львином, при возвращении из плена, при пророках. Все это возвещает силу, славу и величие Творца и внушает великое удивление и изумление.

И силу страшных твоих рекут, и величие твое поведят (ст. 6). Этим пророк показывает, что сила Божия совершенно достаточна и для того и для другого, и для благотворения и для наказания, и что все исчисленное заключает в себе то и другое. Впрочем, не только в тогдашних событиях, но и в природе можно видеть много орудий для тех и других действий Его, — например, для страшных действий: громы, молнии, вихри, ураганы, моровые язвы, снега, грады, повальные болезни, морозы, засухи, наводнения; также между пресмыкающимися — драконы, скорпионы, змеи; между летающими — саранча; между низкими — песьи мухи, гусеницы. Все это — орудия промысла, которые исправляют людей, прогоняют леность, пробуждают от глубокого сна, приводят от беспечности к бодрствованию. И не только в этих действиях, но и в противоположных сила Его совершенна. Поэтому, желая внушить нам и это, пророк, сказав: *силу страшных твоих рекут, и величие твое поведят,* присовокупляет: *память множества благости твоея отрыг-*

нут (ст. 7). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *доброты твоей. И правдою твоею возрадуются.* Другой (Симмах): *и милости твои восхвалят.* И мы, после того, как исчислили страшные дела Божии, должны сказать и о противоположных им; таковы из вещей видимых и окружающих нас – перемены времен года и дня, сады, луга, различные цветы, вода, годная для питья и приятная, благотворные дожди, плодородие земли, различные плоды, разные деревья, благоприятные ветры, солнечный луч, лунный свет, разнообразный хор звезд, тишина ночи; из бессловесных – овцы, волы, козы; из диких – серны, олени, зайцы и многие другие; из пернатых – индийские птицы; вообще в делах Его можно видеть не только наказания, но и благодеяния, и благодеяния гораздо больше, нежели наказания. Притом наказаниями Он внушает страх, а если иногда и на самом деле приводит их в исполнение, то по великой бесчувственности тех, которые не исправляются страхом; благодеяния же Он посылает с любовью, хвалится ими и на самом деле простирает их не только на достойных, но и на недостойных.

3. Так, устраивая различным образом наше спасение, Бог посылает то благодеяния, то наказания, и первые чаще, нежели последние, потому что первых только и желает. И геенной Он угрожает не для того, чтобы ввергнуть нас в нее, но чтобы не ввергнуть; ее Он приготовил для диавола: *идите,* говорит, *в огнь, уготованный диаволу* (Мф. XXV, 41); а для людей приготовил царствие, внушая, что Он не хочет ввергать человека в геенну. *Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив: благ Господь всяческим, и щедроты его на всех делех его* (ст. 9). Видишь ли, как и пророк останавливается на благодеяниях Божиих и о них более распространяет речь? Он ясно знал, что в этом особенно состоит богатство Божие. Невозможно было бы нам и спастись, если бы не вели-

ко было человеколюбие Его; невозможно было бы нам существовать, не пользуясь великой Его благостью. Поэтому и Сам Он сказал: *Аз есмь заглаждаяй беззакония твоя и* во грехах твоих защищаю тебя (Ис. XLII, 25). *Щедр и милостив Господь.* Посмотри, как пророк показывает неизреченное Его человеколюбие. Бог не только милует согрешающих, но являет и другой немалый вид человеколюбия – *долготерпение,* чтобы грешники пришли в раскаяние и при человеколюбии Божием достигали спасения и собственным старанием, получая таким образом дерзновение перед Ним своими подвигами. Он не только *милостив,* но и *многомилостив,* говорит пророк, выражая, что великое милосердие Его не может быть измерено, но превосходит всякое слово. Далее, сколько возможно, он объясняет это, прибавляя: *благ Господь всяческим, и щедроты его на всех делех его.*

Что значит: *всяческим?* И к грешникам, говорит, и к живущим в беззакониях. Не одни праведные, делающие добрые дела, или кающиеся, но все тем самым, чему они подвергаются, возвещают милость и благость Его. Если кто спросит меня: кому Бог оказал благость? – то я скажу: не Авелю только, но и Каину, не Ною только и детям его, но и погибшим от потопа; Он все дает по человеколюбию. А чтобы ты убедился, что Он благ ко всем, рассмотри вот эти события. Не делом ли великой благости, скажи мне, было то, что братоубийцу, дерзнувшего на такое убийство, осквернившего руку кровью и поправшего божественные законы, Он предал такому наказанию, которое составляет больше вразумление, нежели наказание, дабы и самого грешника продолжительностью времени очистить от сделанного греха, и других научить тем, чему он подвергся? Не делом ли великой благости, скажи мне, было то, что современников потопа, бывших неисцелимо больными и не исправлявшихся ни угрозами, ни внушениями и ничем

другим, Он удержал от зла, употребив общий долг природы вместо врачевства, и наведши на них легчайшую смерть посредством воды? Впрочем, выражение *всяческим* можно относить не только к людям, но и ко всему видимому и к животным бессловесным; даже если бы кто вознесся к ангелам и архангелам, то и там увидел бы великую благость Божию, великое милосердие. На всякое творение простирается великое человеколюбие Его. Это сознавал и пророк и потому присовокупил: *да исповедятся тебе, Господи, вся дела твоя, и преподобнии твои да благословят тя* (ст. 10), то есть пусть благодарят Тебя, пусть воссылают Тебе хвалы и те, которые получили дар слова, и те, которые не имеют голоса. Каждое из безгласных существ сотворено так, что, несмотря на свое безгласие, может славословить Бога собственной своей природой, через видящих его и пользующихся им людей. Эти существа прославляют Творца своей природой, а люди – и поведением и делами, на что указывает и пророк, прибавляя: *преподобнии твои да благословят тя. Преподобными* он называет здесь людей святых, исполняющих заповеди Божии, недоступных для грехов и нечестия. *Славу царствия твоего рекут* (ст. 11). Что значит: *славу рекут?* То есть совершенство, человеколюбие, попечение, неимение нужды в подвластных Ему, столь великое промышление о них, неприступность света, неизреченность существа, непостижимость Его. *И силу твою возглаголют,* то есть воспоют непобедимую и непреодолимую силу Твою – не потому, чтобы Ты нуждался в этих песнопениях и хвалах, но как для блага самих воспевающих, так и для того, чтобы научить других и сделать их общниками словословия. Потому он и продолжает: *сказати сыновом человеческим силу твою и славу великолепия царствия твоего* (ст. 12). Этим он показывает, что Бог допускает славословия для того, чтобы другие познали могущество Его. Так, велика сила Его, ве-

лика слава, велико благолепие, велико и неизреченно, превосходит всякое слово и побеждает всякий ум; но самая великость и неизреченность Его требует, чтобы кто-нибудь научал людей, по причине безумия многих. И солнце есть самая светлая звезда, — однако больные глазами не видят света его; так точно и промысл Божий яснее всякого солнца, — но люди с превратными мыслями и закрытым слухом имеют нужду в великом попечении, чтобы раскрылся ум их.

4. Итак, нужно постоянно повторять им и внушать учение об этом. Далее, так как пророк, сказав о славе царствия Божия и великолепии, оставил это без объяснения, он опять возвращается к тому же и по возможности объясняет, какова эта слава, и говорит: *царство твое царство всех веков* (ст. 13), — не настоящих только, но и грядущих; оно бесконечно, беспредельно, и одно только вечно. *И владычество твое во всяком роде и роде.* Смотри, как и здесь выражается бесконечность царства Божия; оно простирается на всю вселенную, на все века, на все времена. *Верен Господь во всех словесех своих и преподобен во всех делех своих.* Сказав о бесконечности царства Божия, об его крепости, твердости, непоколебимости, он говорит и о непреложности изречений Его. Слово *верен* значит: тверд, истинен. Если же Бог верен, то сказанное Им непременно сбудется. Как царство Его неразрушимо и беспредельно, так и слова Его тверды и непоколебимы; первое никогда не прекращается, и последние никогда не остаются без действия. Если же они не остаются без действия, то непременно должны сопровождаться делами. Даже, если когда Бог сказал что-нибудь, и не исполнилось, то и это служит доказательством истинности Его. *Наконец возглаголю*, говорил Он, *на* народы *и на царство, разорю и искореню (их). И аще* раскаются в пороке *и я раскаюся о том, яже сказал сотворити им* (Иер. XVIII, 7–8). Подобным образом и о благоде-

яниях говорит: благое скажу, и если изменятся, то и я изменю сказанное о них (см.: Иер. XVIII, 10). *И преподобен во всех делех своих.* Что значит: *преподобен?* Безукоризненный, правый, чистый, непорочный, неподающий никому никакого повода к осуждению Его. *Утверждает Господь вся низпадающия, и возставляет вся низверженныя* (ст. 14). Сказав о царстве Божием, что оно беспредельно, об изречениях Его, что они истинны, о делах Его, что они безукоризненны, о славе и великолепии, псалмопевец говорит опять о человеколюбии Его, так как и то самое составляет величайшую славу Его царствия, что Он не только поддерживает стоящих, но бодрствует и над готовыми упасть, чтобы этого не случилось с ними, и поднимает лежащих, и притом, – что особенно удивительно, – поднимает всех, не одного кого-нибудь, а всех, хотя бы то были рабы, хотя бы бедные, хотя бы незнатные, хотя бы происходящие от незнатных. Он – Господь всех; Он не проходит мимо лежащих и не презирает колеблющихся. Так поступает Он со всей природой, так и с каждым порознь. Если же некоторые из лежащих не восстают, то не по вине Его, желающего восстановить всех, но по вине самих нехотящих встать. Так Господь хотел восстановить и падшего Иуду и для того сделал все со Своей стороны, но он сам не хотел этого. Так Он восстановил падшего Давида и сделал его крепким; восстановил и Петра, готового пасть; а как, послушай. *Симоне, Симоне,* говорил Он, *се сатана* просил сеять *вас, яко пшеницу. Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя* (Лк. XXII, 31, 32). Далее псалмопевец говорит о другом виде благодеяния, потому что разнообразно и многоразлично попечение Божие. *Очи всех на тя уповают и ты даеши им пищу во благовремении* (ст. 15). Видишь ли, как он показал, что *благ Господь всяческим и щедроты его на всех делех его?* Как в Евангелии сказано: *яко солнце свое сияет на злыя и благия и дождит на праведныя и на*

неправедныя (Мф. V, 45), так и здесь он выражает то же словами: *и ты даеши им пищу во благовремении.* Действительно, не дожди, земля и воздух, но повеление Божие всегда произрастает плоды.

Слова: *во благовремении* означают, что все распределено по временам и производится в разные сроки. И это много доказывает премудрость Его, что Он производит не все вместе и вдруг, но разделяет пищу по временам целого года, так, чтобы и земледелец имел отдых, и произведения земли не портились. Итак, слова *во благовремении* означают или то, что мы сказали выше, то есть что все распределено по временам, или то, что Бог дает пищу нуждающимся и имеющим недостаток. Но, скажешь, как он говорит: *очи всех на тя уповают,* когда есть много людей, живущих в нечестии, которые утверждают, что все существует само по себе? Он говорит здесь о сущности дела, подобно тому, как и в другом месте говорит: *птенцем врановым призывающим его,* хотя эти птенцы – животные бессловесные (Пс. CXLVI, 9); и еще: *скимни рыкающии восхитити и взыскати от Бога пищу себе,* хотя и эти также бессловесны и сами просить не могут (Пс. CIII, 21). Здесь он говорит о сущности дела; так надобно сказать, имея в виду не желание их, а сущность дела. *Отверзаеши ты руку твою и исполняеши всякое животно благоволения* (ст. 16). *Рукою* он называет деятельность и силу подающую, всеми способами внушая тебе, что произрастание плодов зависит не от стихий, а от промысла Божия; и вместе с тем показывает, как это легко для Бога: *отверзаеши ти,* говорит, *руку твою.* Так как тогдашние люди, оставив Виновника всего, поклонялись воздуху и солнцу и думали, что от этого происходят плоды, то псалмопевец, желая возвести их к верховному началу, Виновнику и Владыке всего этого, часто говорит так, внушая, что все зависит от Его десницы, что все блага происходят от Его промысла.

5. *Ты исполняеши*, говорит здесь пророк, *благоволения,* то есть благоугождения, так что каждое животное удовлетворяется, по желанию своему, потребным ему. Бог не просто дает пищу, но сколько полезно каждому, сколько каждое желает, сколько нужно для удовлетворения. Смысл этих слов следующий: Ты даешь и бессловесным, и людям, и всем так, как приятно каждому, как угодно каждому, и удовлетворяешь так, что ни в чем не бывает недостатка. Поэтому он и говорит: *исполняеши всякое животно благоволения. Праведен Господь во всех путех своих, и преподобен во всех делех своих* (ст. 18). *Путями* он называет здесь распоряжения Божии, промышление, попечение, с каким Он благоустроил все. Все дела Его, говорит, достохвальны, исполнены чудес, не подают никому никакого повода к осуждению, хотя иные и беснуются и безумствуют. Дела Его в сущности своей таковы, что они сияют, блестят, проповедуют Создателя, Его промысл, попечение, человеколюбие, правду, святость. *Близ Господь всем призывающим его, всем призывающим его во истине* (ст. 18). Вот и другой вид промышления, главное из благ. Сказав о благах общих, подаваемых и неверным, о пище, о дождях, пророк говорит теперь о благах, подаваемых особенно верным. Какие же это блага? То, что Господь находится *близ* их, то есть охраняет их, печется о них и промышляет гораздо больше, нежели о других, благоволит к ним, милостив и благосклонен к ним, открывает им блага по преимуществу.

Волю боящихся его сотворит, и молитву их услышит, и спасет я (ст. 19). Но, скажешь, Павел хотел, чтобы отступил от него ангел сатанин, то есть искушения, скорби, гонения, и однако Бог не сделал этого. Нет, сделал, потому что когда Павел узнал, что он просил не полезного для себя, то по действию Божию стал снова желать и сильно желать скорбей, и потому говорил: *благоволю в немощех,* в скорбях, *во изгнаниих* (2 Кор. XII, 10).

Если же прежде он желал противного, то желал по неведению; а когда узнал, что этого хочет Бог, то и сам стал находить в том удовольствие. Не иного желает воля Божия, и иного воля боящихся Его; если же иногда они сами, как люди, желают чего-нибудь несогласного с волей Божией, то после исправляются. *Хранит Господь вся любящия его, и вся грешники потребит* (ст. 20). И то не малое дело промысла — охранять, доставлять безопасность, проявлять Свое промышление. *Грешниками* пророк называет людей неизлечимо больных, не желающих исправиться. Если же кому-нибудь и из любящих Его Он попускает подвергаться смерти, то и это для сохранения их, как случилось с Авелем, потому что хотя тела их разрушаются, но по душе они делаются более светлыми, а после получат и тела нетленные. Таким образом, изобразив разные виды промышления Божия, сколько можно было изобразить словом, общие, частные и особенные о святых, попечение о колеблющихся, промышление о лежащих, долготерпение, исправление грешников, хранение святых, псалмопевец заключает свою речь опять славословием, призывает всю вселенную к общению в славословии и говорит: *хвалу Господню возглаголют уста моя: и да благословит всяка плоть имя святое его в век и в век века* (ст. 21). Видишь, как он, движимый благоговейным расположением, призывает не только получающих благодеяния, но и подвергающихся наказаниям, — ведь и это знак промышления, — не только людей, но и бессловесных животных, и стихии, и все бездушные твари, — потому что все исполнено благости Божией. Не перестанем же и мы словами и делами постоянно прославлять Бога столь благого, столь человеколюбивого, везде распространяющего Свои благодеяния, чтобы нам получить и настоящие, и будущие блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 145

Хвали душе моя Господа: восхвалю Господа в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь (ст. 1, 2)

1. Пророк начинает этот псалом тем, чем кончил предыдущий, – хвалой и славословием. Это немало способствует очищению души. *Хвалою* же, как я неоднократно говорил, он называет прославление посредством дел, как и Христос говорит: *да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16); также и Павел: *прославите убо Бога в* теле вашем, и в душе вашей (1 Кор. VI, 20). И как в предыдущем псалме пророк говорил: *на всяк день благословлю тя* (Пс. CXLIV, 2), так и здесь: *пою Богу моему, дондеже есмь.* Потом, опять желая сделать других людей участниками в славословии, он начинает повествовать о человеколюбии Божием, горя и пламенея любовью, обозревая всю вселенную, приглашая всех в хор свой. Действительно, и это составляет великую хвалу и величайшую славу для Бога, когда Он призывает многих быть участниками Его спасения. *Не надейтеся на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения* (ст. 3). Другой (неизвестный) переводчик говорит: *на того, кто не может спасти.* Пусть выслушают это увещание и совет те, которые надеются на человеческое покровительство, непрочное и неверное. Что значит: *в нихже несть спасения?* Они, говорит, не властны в своем собственном спасении, не могут покровительствовать даже самим себе; когда придет кончина, они будут лежать безгласнее камней. Это означают последующие слова: *изыдет дух его и возвратится в землю свою: в той день погибнут вся помышления его* (ст. 4). Другой (неизвестный переводчик): *предположения его.* Смысл этих слов следующий: кто не может защитить самого себя, тот, как может спасать других? Нет ничего слабее и ненадежнее такой надежды. Это

показывают самые дела. Павел, беседуя о надежде на Бога, сказал: *упование же не посрамит* (Рим. V, 3).

Не таковы дела человеческие, они слабее тени. Не говори мне, что такой-то человек — начальник. И начальник в этом отношении не имеет никакого преимущества перед обыкновенным человеком; он подлежит такой же неизвестности. Даже, если можно сказать нечто удивительное, потому особенно и не должно надеяться на него, что он — начальник. Такая власть весьма непрочна. Если он не падает, то бывает склонен к гневу и пользуется своей властью неблагонамеренно, как будто он не должен будет отдать отчет тому, кто принимал от него обет; если же он будет благонамеренный, то тем скорее в сравнении с частными людьми может подвергаться падениям, чем большими и многочисленнейшими бывает окружен кознями; и тем легче он может быть уловлен, чем больше людей, строящих ему козни. Что значат телохранители? Что значат многочисленные стражи? Итак, кто в благоустроенном городе не может поручиться даже за собственное тело, но находится в таком тревожном состоянии, как будто находится среди неприятелей, тот как может спасать других? Кто во время мира боится больше находящихся на войне, тот как может других утверждать в безопасности и избавлять от опасностей? Многие сами по себе могли бы жить в безопасности, но погибли именно оттого, что надеялись на таких людей; когда эти последние падали, то они низвергались вместе с ними; для других самые стражи делались предателями. Впрочем, пророк, оставив все это, — потому что многие избегали подобных случаев, — указывает на то, что не подлежит сомнению, на смерть. Если даже, говорит, все будет у тебя идти благополучно, если он будет доброжелателен к тебе, благосклонен и готов на воздаяния, то, окончив жизнь среди обещаний, он оставляет тебя с пустыми

надеждами, потому что ему недостало жизни для исполнения обещания. Если же он даже не имеет достаточно жизни для исполнения обещания, но жизнь его прерывается прежде исполнения, то ты прибегаешь к ненадежной помощи. Или вы не знаете, что так случилось со многими, и когда падал покровитель их, они, лишившись помощника, терпели от этого большее падение? Но что я говорю о непрочности и неисполнении обещаний, когда недолго остается и сам виновник их? *И возвратится*, говорит пророк, *в землю свою*. Если он погибает, то тем более обещания его. Потому пророк и прибавляет: *в той день погибнут вся помышления его*, выражая, что не только обещания его не достигнут исполнения, но погибнет и сам обещающий. Что же затем он делает? Отклонив надежды человеческие, он указывает безопасную пристань и несокрушимую крепость и предлагает совет. Это и есть превосходнейший способ увещания – отклонять от слабого и приводить к твердому, уничтожать ложное и представлять истинное, обличать вредное и показывать полезное. *Блажен, емуже Бог Иаковль помощник его, упование его на Господа Бога своего* (ст. 5). Видишь ли важность совета и увещания? Под именем блаженства он разумеет все блага и показывает безопасность этой надежды. Назвав блаженным надеющегося на Бога, он говорит потом о силе Помощника, объясняя, каков человек и каков Бог; тот погибает, а Этот пребывает, и не только Сам пребывает, но и дела Его. Потому он и присовокупляет: *сотворшаго небо и землю, море, и вся, яже в них* (ст. 6).

2. Если же дела Его постоянны, то тем более Сам Он неизменяем и всемогущ; самые дела Его доказывают Его силу и то, что Он таков. Но если Он, при неизменяемости и всемогуществе, не желает? Многие неразумные говорят это. Но, смотри, как пророк уничтожает такое сомнение. Сказав: *сотворшаго небо и землю, море, и*

вся, яже в них, он присовокупляет: *хранящаго истину в век, творящаго суд обидимым* (ст. 7). Смысл слов его следующий: в том и состоит дело Божие, обыкновенное и особенно Ему свойственное, чтобы не оставлять без внимания обижаемых, не проходить мимо притесняемых, подавать руку помощи тем, кому строятся козни; и это постоянно. Поэтому он говорит: *в век*, указывая на это, и не только на это, но и на то, что следует далее. *Дающаго пищу алчущим. Господь решит окованныя, Господь умудряет слепцы*. Другой (неизвестный переводчик): *просвещает. Господь возводит низверженныя, Господь любит праведники. Господь хранит пришелцы: сира и вдову приемлет, и путь грешников погубит* (ст. 8, 9). Видишь ли, как он всяким образом доказывает, что промышление Божие простирается на все, что Его дело – избавлять от бедствий, утолять голод, освобождать от уз? Впрочем, это отчасти могут делать и люди; но следующее – нет. Он исцеляет, говорит, слепоту, восстановляет падших, прославляет сияющих добродетелью, спасает беззащитных, утешает и ободряет скорбящих и бедствующих от сиротства и вдовства. Потом, сказав: *любит праведники*, показывает, что Бог многим помогает даже за одно только несчастье. Так, алчущих Он питает потому, что они алчут, хотя в этом нет добродетели; связанных разрешает потому, что они связаны, хотя и это не добродетель, а несчастье; слепым дает зрение по причине слепоты, хотя и это не заслуга, а несчастье, – равно как и расслабление, и странничество, и сиротство, и вдовство. Если же Он помогает находящимся в несчастьях, то тем более подвизающимся в добродетели. Итак, если Он и может и хочет, и все дела Его постоянны, если Он и принимает добродетель и милует за несчастья, то почему ты не оставляешь защитника ненадежного, слабого, тленного, и не прибегаешь к сильному и непобедимому, Который не укоряет за несчастья, но избавляет от

них, и может сделать все, чего хочет? Посмотри, с какой точностью выразился пророк и в последних словах. Он не сказал: *грешников погубит*, но *путь* их, то есть дела их. Бог не отвращается от существа, но ненавидит пороки. *Воцарится Господь во век, Бог твой, Сионе, в род и род* (ст. 10). Если же Он царствует постоянно и пребывает вечно, то не должно сомневаться; но если Он не сделал воздаяния здесь, то отлагает его до большего воздаяния. Итак, не будем смущаться и беспокоиться в искушениях, если мы не тотчас получаем избавление от них, но предоставим время избавления Самому Господу; и когда совершим что-нибудь доброе, не будем тотчас же требовать воздаяния, но также будем полагаться на Его волю, потому что, если Он откладывает, то после делает большее воздаяние. Будем же благодарить Его за все и постоянно воссылать Ему хвалу. Таким образом и настоящую жизнь мы проведем в великой безопасности, и достигнем неизреченных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, со безначальным Его Отцом и животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 146

Хвалите Господа, яко благ псалом (ст. 1)

1. Выше, в сто сорок четвертом псалме, пророк говорил: *велий Господь и хвален зело* (Пс. CXLIV, 3), и много беседовал о славе Его, а здесь показывает, что и самое славословие есть *благо*, и самое псалмопение бывает источником бесчисленных благ. Оно отрешает ум от земли, окрыляет душу, облегчает и возвышает нас. Поэтому и Павел говорит: *воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви* (Еф. V, 19). *Богови нашему да усладится хваление.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *алли-*

луиа, потому что благо — песнь Богу. Что значит: *Богови нашему да усладится хваление?* Да будет, говорит, благоприятно. Для того, чтобы хвала была приятна Богу, недостаточно только петь, а нужны и добрая жизнь, и молитва, и внимание поющего. Мне кажется, что этот псалом относится к возвращению из плена вавилонского, как видно из дальнейших слов. Псалмопевец продолжает: *зиждай Иерусалима Господь: разсеяния Исраилева соберет* (ст. 2). Хотя отпустил их Кир, но все это совершилось не по его рассуждению, а по мановению Божию. Другой переводчик (Симмах), вместо: *зиждай,* сказал: *созиждет,* а вместо: *разсеяния — изгнанных.* Почему же пророк говорит так? Потому, что они не все вдруг возвратились, но собирались после отпуска мало-помалу.

Исцеляяй сокрушенныя сердцем, и обязуяй сокрушения их (ст. 3). Другой (неизвестный переводчик): *повреждения их.* Так как он не мог с дерзновением указать на жизнь свою, то опять указывает на несчастье и на свойственные Богу действия. Богу свойственно — утешать угнетенных; это — собственно Его дело. Как Павел говорит, *животворяй мертвыя, и нарицаяй несущая яко сущая* (Рим. IV, 7), указывая на дело, собственно принадлежащее Богу, так и пророк здесь говорит: *исцеляяй сокрушенныя сердцем,* выражая, что, хотя бы мы были недостойны, но так как мы — Его творение, то Он не оставит Своего создания, не отступит от свойственного Ему дела. Так и Павел говорит: *но утешаяй смиренныя утеши нас* (2 Кор. VIII, 6); и другой: *малодушным даяй долготерпение* (Ис. LVII, 15); и этот самый пророк в другом месте: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. L, 19). Итак, когда ты захочешь получить утешение, то смири себя, предай сокрушению душу свою. Это сказано о благоволении Божием, о благости и человеколюбии Его, о том, что Его дело — утешать находящихся в несчастьях; а дальше говорится о могуществе Его. *Исчисляяй множество звезд* (ст. 4), то есть

знающий. Так как здесь шла речь о народе рассеянном и нигде не видном, то пророк справедливо привел этот пример, выражая, что Бог может собрать и рассеянных. Он обыкновенно ободряет и утешает сокрушенных, и бесчисленное множество звезд знает в точности; следовательно, и нас, которых Он обещал умножить подобно звездам, соберет в точности. *И всем им имена нарицаяй.* Другой (неизвестный переводчик): *всем имена нарицающий.* Третий (неизвестный переводчик): *всех их по именам назовет.* Я думаю, что это сказано об израильтянах; пророк говорит то же, что после говорил Исаия: *не бойся Исраилю, от конец земли призвах тя и рекох ти: раб мой еси* (Ис. XLI, 9). Что же значит: *всех их по именам назовет?* Никто из них, говорит, не погибнет; но как называющие по именам, так и Он соберет всех в точности. *Велий Господь наш, и велия крепость его* (ст. 5). Так как он сказал о величайшем деле, о том, что Бог соберет столько тысяч людей, рассеянных по всей вселенной, то говорит теперь о могуществе Его, располагая самых колеблющихся из иудеев к вере. *И разума его несть числа.* Поэтому не исследуй, как и каким способом; величие его беспредельно. Потому он и сказал: *величию его несть конца* (Пс. CXLIV, 3). Как беспредельно Его величие, так беспредельна и мудрость. Потому сказав: *велий Господь наш,* он и присовокупил: *и разума его несть числа.* И знание Его удивительно, почему пророк и говорит: *удивися разум твой от мене: утвердися, не возмогу к нему* (Пс. CXXXVIII, 6), и судьбы Его неисследимы, почему он и говорит: *судьбы твоя бездна многа* (Пс. XXXV, 6).

2. Итак, если Бог и велик, и силен, и премудр, то не исследуй, как это будет. *Приемляй кроткия Господь, смиряяй же грешники до земли* (ст. 6). Дабы кто-нибудь из безумных не сказал: что нам до того, что Он в точности знает звезды? — пророк излагает и попечение Его о людях, являемое таким образом; и не сказал: *помогающий*

кротким Господь, но гораздо более: *приемляй;* выразился так, как бы о любвеобильном отце. Что же значит: *приемляй?* Успокаивающий, поддерживающий, руководящий. Видишь ли совершенную силу Его в том и в другом случае – и в возвышении смиренных и в низложении гордых? Он не просто смиряет, но до крайности, это именно значит: *до земли. Начните Господеви во исповедании* (ст. 7). Другой (Симмах): *исчислите.* Сказав о делах Его, пророк опять призывает людей к славословию: *начните,* говорит, *Господеви во исповедании,* то есть в благодарении, с великим усердием. *Пойте Богови нашему в гуслех.* Другой (Симмах): *на лире. Одевающему небо облаки, уготовляющему земли дождь* (ст. 8). Чтобы кто-нибудь из бесчувственных не сказал: что мне до небесного? – пророк тотчас присовокупляет и пользу для людей, показывая этим прибавлением и то, для чего Бог покрывает небо облаками. Для тебя, говорит, для того, чтобы приготовить тебе дождь; и для тебя, чтобы он произвел траву. Посмотри на мудрость пророка: он говорит о благах всеобщих, которые Бог даровал всем, и таким образом заграждает уста безумным с особенной силой. В самом деле, если Бог так щедр для неверных, что и собирает облака, и низводит дождь, и оживляет землю, то тем более сделает добро вам, которые называетесь собственным его народом.

Прозябающему на горах траву. Смотри, как щедродательно Его промышление: не только на возделанной земле, но и на горах Он предлагает обильную Свою трапезу, приготовляет пищу для скотов, которые сотворены на служение людям. Потому пророк и продолжает: *дающему скотом пищу их, и птенцем врановым, призывающим его* (ст. 9). Здесь он указывает на другой вид попечения Божия, – на то, что Бог дает пищу не только скотам, служащим человеку, но и другим бессловесным животным: *и птенцем,* говорит, *врановым, призывающим его.* Если же Он так печется о бессловесных животных,

и притом диких и не служащих людям, — то гораздо более промышляет о людях, особенно о тех людях, которые прославляют Его песнопениями, которых Он назвал даже собственным Своим народом и наследием. Далее, так как они были слабы, не имели оружия и нуждались во всем, то, чтобы они не смущались этим, смотри, как он исправляет такой недостаток. *Не в силе,* говорит, *констей восхощет, ниже в лыстех мужеских благоволит: благоволит Господь в боящихся его, и во уповающих на милость его* (ст. 10, 11). Другой (неизвестный переводчик): *в ожидающих милости его.* Если, говорит, вы будете иметь страх и совершенную надежду на Него, то приобретете Его благоволение; а приобретши Его благоволение, будете могущественнее всех, кто имеет коней и оружия. Нужно только одно: не унывать и не смущаться, но ожидать Его милости, потому что в том и состоит надежда, чтобы не отчаиваться и не падать духом, не тотчас получая ожидаемое. И хорошо сказал он: *на милость его,* потому что они не имели дерзновения по делам своим. Хотя, говорит, ваши дела изменяют вам, но надейтесь на Его милость, и вы удостоитесь Его попечения и помощи, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 147

Похвали, Иерусалиме, Господа, хвали Бога твоего, Сионе (ст. 1)

1. Не к городу пророк обращает речь, а к жителям его. Как поступает он во всей книге, так поступает и здесь. Он часто увещевает и советует благодарить Бога за благодеяния и надеяться не на здание и не на крепость стен, а на Его промышление. Положив это в

основание, он продолжает: *яко укрепи вереи врат твоих, благослови сыны твоя в тебе* (ст. 2). Что значит: *укрепи вереи?* Поставил, говорит, тебя в безопасности, сделал непобедимым. *Благослови сыни твоя,* то есть весьма умножил их. Это — один вид благодеяния; а другой выражен словом: *в тебе.* Смысл слов его следующий: Он умножил их не в рассеянии, не в разделении, но собрав их *в тебе.* Далее показывает еще другой вид промышления и говорит: *полагаяй пределы твоя мир* (ст. 3). Можно быть и безопасным, и многочисленным, и вместе с тем вести войну. Но здесь он таким выражением показывает, что они были свободны и от этой опасности, что не только город был свободен от нападения, но и самые отдаленные пределы их. Видишь ли, сколько исчисляет он благодеяний? Первое и важнейшее из всех выражено словами: *Бога твоего.* Этими словами он выразил следующее: Он приблизил тебя к Себе, сделал тебя Своим наследником и, будучи общим Владыкой всех, стал твоим по преимуществу; это — первое и главное из всех благ. Второе благодеяние состоит в том, что Он поставил город в безопасности. Третье — в том, что Он умножил их. Четвертое — в том, что Он избавил от войн и смятений не один только город, но и весь народ, и притом не однажды, не дважды, и не трижды делал это, но делает постоянно, так как не сказал: *положивший,* но: *полагаяй.* Если же и случались войны, то не потому, чтобы Бог оставлял их, но потому, что они сами отступали от Него; а Его постоянным делом было — ограждать, доставлять безопасность, избавлять от всякого смятения и войны.

Вместе с этим благодеянием пророк указывает затем и на другие — на плодородие и обилие земных плодов, научая опять и здесь приписывать все не земле и не свойству воздуха, но промышлению Божию. Каким образом? Следующими словами: *и тука пшенична насыщаяй тя.* Смотри: не сказал просто: *пшеницею,* но: *туком*

пшеничным, выражая великое плодородие; тук пшеничный означает сочность плодов. Таковы дары Божии: зрелы и прекрасны. Таким образом, говорит он здесь, Бог щедро насыщает тебя самой лучшей пшеницей; это самое желая выразить, он не сказал: *дающий,* но: *насыщаяй тя. Посылаяй слово свое земли* (ст. 4). Как обыкновенно пророк делает, то есть переносит речь от частных предметов к общим и от общих опять к частным, так поступает и здесь. Так как он сказал: *похвали Бога твоего,* то, чтобы кто-нибудь из безумных не подумал, будто Бог есть Бог только иудеев, показывает, что Он есть Бог всей вообще вселенной, и что промышление Его простирается по всей земле, перенося речь от частного к общему и к промышлению Божию, действующему везде. Вот почему, сказав: *посылаяй слово свое земли,* прибавляет: *до скорости течет слово его.* Этими словами он показывает, что Бог печется не только о нашей стране, но о всей вселенной. Под *словом* он разумеет здесь повеление, промыслительную деятельность. Притом, желая выразить легкость действий, означает это как названием *слова,* так и *течением;* не довольствуясь и этим, прибавляет еще: *до скорости.* Смысл слов его следующий: все, что Бог ни повелевает, совершается с великой скоростью; Он дает повеления по всей вселенной. Какие же дает Он повеления? Касающиеся того, что поддерживает нашу жизнь, – движения воздуха, времен года и других перемен. Потому и присовокупляет: *дающаго снег свой яко волну, мглу яко пепел посыпающаго* (ст. 5). Другой переводчик (Симмах) говорит: *росу сгущенную.* В еврейском: хефор хаефир. *Метающаго голоть свой яко хлебы: противу лица мраза его кто постоит* (ст. 6)? Другой (Симмах): *пред лицем зноя его кто устоит? Послет слово свое, и истает я: дхнет Дух его, и потекут воды* (ст. 7). Здесь он представляет непобедимое и беспредельное могущество Божие в том, что Он производит вещи несуществовав-

шие и изменяет существующие, и преобразует их так, как хочет.

2. То же выражает и другой пророк, когда говорит: *творяй вся и претворяяй* (Ам. V, 8). Хотя все подчинено непреложным законам природы, но и эти законы изменяются, когда Ему бывает угодно. Ему все уступает и повинуется. Иногда Он изменяет самое существо вещей, а иногда, оставляя существо, дает им другую деятельность; собственную и природную их деятельность оставляет без действия, а производит в них другую противоположную, как, например, Он сделал с печью вавилонской. Там был огонь, но не сожигал; напротив вверженные туда наслаждались приятнейшей росой. Море было перед иудеями, но вода не потопила их, и они прошли безопаснее, нежели по камню. Земля была под Дафаном и Авироном, но она не удержала тел их, а поглотила скорее моря. Сухим деревом был жезл Ааронов, но произрастил плод, прекраснее растущих на земле. Самым глупым животным была ослица Валаамова и между тем не хуже разумного человека говорила в свою защиту бившему ее. Львы были при Данииле и между тем обнаружили кротость овец, не потому, чтобы уничтожилась природа их, но потому, что изменилась их деятельность. Много и других подобных чудес можно видеть и теперь в творениях. Не считай их маловажным чудом на том основании, что они совершаются каждый год и происходят перед нашими глазами. Представь, как важно то, что влага иногда является снегом, а иногда водой, и такие перемены происходят в краткое мгновение времени. Чтобы кто-нибудь из неразумных не приписал этого естественному действию стихий и не считал одни стихии причинами таких явлений, но знал, Кто повелевает ими, пророк относит все это к Его повелению и говорит: *послет слово свое, и истает я,* то есть даст повеление. Не сила ветров преимущественно

производит это, но Бог, сотворивший ветры. Он стал говорить о стихиях и о переменах, совершающихся в стихиях, для того, чтобы явлениями, происходящими каждый год, научить грубого и бесчувственного иудея познанию силы Божией и внушить ему, что и дела, его касающиеся, Бог легко может устроить, как захочет, и неблагоприятные обстоятельства обратить в противоположные. Как во время дурной погоды и нестерпимого холода Он легко может произвести тишину и смягчить все, так и им, находящимся в плену и изнуренным войнами, Он легко может возвратить мир и отечество и восстановить их прежнее благоденствие. И не это одно выражает пророк, но прикровенно внушает и нечто другое. Что же такое? То, что как неприятные перемены часто бывают полезны и благотворны, так и случившееся с иудеями было полезно и весьма благотворно. Но чтобы не слишком огорчить их, пророк опять обращает речь к переменам более благоприятным. А что означают приведенные им сравнения? Он не сказал просто: *дающаго снег,* но прибавил: *яко волну;* не сказал: *посыпающаго мглу,* но прибавил: *яко пепел;* не сказал: *метающаго голоть*, но прибавил: *яко хлебы.* Мне кажется, этим он хотел показать легкость и удобность исполнения для Бога. *Возвещаяй слово свое Иакову.* Другой (Акила): *уставы.* Третий (Симмах): *повеления. Оправдания и судбы своя Исраилеви: не сотвори тако всякому языку.* Другой (неизвестный переводчик): *подобнаго. И судбы своя не яви им* (ст. 8, 9). Смотри, как он опять переходит от общего к частному и к тому, что преимущественно относится к иудеям, желая возбудить в них большую ревность. В начале псалма он говорит о предметах чувственных и полезных для тела, как то: о безопасности, о плодородии, о мире; а здесь обращает речь к предметам более высоким, говорит о законодательстве, которое составляет важный вид благодеяния, отклоняя от

порока, руководя к добродетели, просвещая душу. Так и Моисей часто повторяет это, например, когда говорит: кий *бо (язык),* как этот народ? Язык великий, *ему же есть бог, приближаяйся ему, яко Господь Бог наш во всех, в нихже аще призовем его* (Втор. IV, 7)? И Давид еще говорит: *творяй милостыни Господь, и судбу всем обидимым. Сказа пути своя Моисееви, сыновом Исраилевым хотения своя* (Пс. CII, 6). Также Иеремия: *сей Бог наш, не вменится ин к нему. Изобрете всяк путь хитрости и даде ю Иакову отроку своему, и Исраилю возлюбленному от него* (Вар. III, 36, 37).

Но, может быть, кто-нибудь скажет: если Он не открыл воли Своей прочим людям, то почему Он наказывает их? А что Он наказывает и живших прежде закона, и находящихся во всей вселенной грешников, это видно из слов, сказанных Христом: *царица южская востанет и осудит* род сей. И еще: *мужии Ниневитстии востанут и осудят* род сей (Мф. XII, 41, 42). Это сказано, конечно, потому, что и они отдадут отчет, и одни из них удостоятся похвалы, другие получат наказание. Но если им не объявлено, что должно делать, то как они будут судить других? И опять, почему сказал Господь: кровь отмстится, *от крове Авеля праведнаго, до крове Захарии* (Мф. XXIII, 35)? И еще: *отраднее будет земли Содомстей и Гоморрстей* (Мф. XI, 24)? Словом *отраднее* Он выражает не совершенное освобождение от наказания, но то, что они за свои грехи получат более легкое наказание. Если же те, которые уже были наказаны, снова подвергнутся столь тяжкому наказанию, то кто из других людей избежит этого?

3. Мы видим, что были наказаны жившие во время потопа, и многие другие, и сам Каин. Однако Павел, выражая вышесказанную мысль, говорит: *открывается гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду человеков, содержащих истину в неправде: зане разумное Божие яве есть*

в них: Бог бо явил есть им. Невидимая бо его от создания мира творенми помышляема видима суть и присносущная сила его и Божество, во еже быти им безответным (Рим. I, 18–20). Потом, рассуждая о жизни, он и в этом отношении не освобождает их от ответственности и говорит: *нецыи оправдание Божие разумеете, яко таковая творящии достойни смерти суть, не точию* то же *творят, но и соизволяют творящим. Помышляеши ли же сие, о человече, судяй таковая творящим и творя (сам) таяжде, яко ты избежиши ли суда Божия. Или о богатстве благости его и кротости и долготерпении не радиши, не ведый, яко благость Божия на покаяние тя ведет? По жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираеши себе гнев в день гнева и откровения праведнаго суда Божия. Иже воздаст коемуждо по делом его: овым убо по терпению дела благаго, славы и чести и нетления ищущим, живот вечный: а иже по рвению противляются убо истине, повинуются же неправде, ярость и гнев, и скорбь, и теснота на всяку душу человека, творящаго злое, Иудеа же прежде и Эллина* (Рим. I, 32; II, 3–9).

Видишь ли из всего сказанного, что все грешники, жившие прежде закона, подвергаются наказанию, а все, упражнявшиеся в добродетели и удалявшиеся нечестия, наслаждаются благами? Как же может случиться то или другое, если они не знали, что должны были делать? Но скажешь, если они знали, что должно делать, то почему пророк говорит: *не сотвори тако всякому языку, и судбы своя не яви им?* Итак, что означают эти слова и что хочет сказать пророк? Послушай. Писаного закона Бог не дал никому из других народов, но они все имели внутри естественный закон, который внушает, что — добро и что — зло. Вместе с сотворением человека Бог вложил в него неумолимого судью — находящийся в каждом закон совести. Для иудеев же Он сделал нечто особенное, именно: объявил им требования закона письменно. Потому и пророк не сказал: *не сотвори всяко-*

му языку, но: *не сотвори тако,* – то есть не дал им ни скрижалей, ни писаний, ни законодателя Моисея и ничего прочего, что было при горе Синае; но все это получили исключительно иудеи, тогда как природа человеческая у всех людей заключала в себе достаточный закон совести. Это выразил и Павел, когда сказал: *егда бо языцы не имуще закона естеством законная творят, сии закона не имуще, сами себе суть закон* (Рим. II, 14). Потому иудеи и заслуживают большего осуждения, что они, получив кроме естественного еще писаный закон, вели себя так беззаконно. Таким образом великое благодеяние Божие послужило им к большему осуждению по их нерадению. Впрочем, сказанного довольно для буквального изъяснения псалма. Если же кто хочет принимать этот псалом в переносном смысле, то мы не откажемся вступить и на этот путь, не искажая истории, – да не будет, – но вместе с ней желая раскрыть и этот смысл для любознательнейших, сколько возможно. *Похвали, Иерусалиме, Господа, хвали Бога твоего, Сионе.* Павел знал вышний Иерусалим, о котором говорит: *а вышний Иерусалим свободь есть, иже есть мати всем нам* (Гал. IV, 26); также и Сионом признавал он Церковь, когда говорил: *не приступисте бо к горе осязаемей и разгоревшемуся огню, и облаку и сумраку и буре: но приступисте к* Сиону городу *и церкви первородных, на небесех написанных* (Евр. XII, 18). Поэтому можно в переносном смысле и к ней относить слова: *похвали, Иерусалиме, Господа, хвали Бога твоего, Сионе, яко укрепи вереи врат твоих, благослови сыны твоя в тебе.* Действительно, Бог оградил ее гораздо безопаснее Иерусалима, не вереями и вратами, но крестом и знамениями Своей силы, которой Он везде устроил ее ограду, сказав: *врата адова не одолеют ей* (Мф. XVI, 18).

4. Так, вначале и все цари, и народы, и города, и полчища бесов, и вся сила диавола, и другие бесчисленные противники нападали на Церковь; но все это рас-

сеялось и погибло, а она, умножаясь, достигла такой высоты, что стала выше самых небес. *Благослови сыны твоя в тебе.* Как вначале Бог сказал: *раститеся и множитеся, и наполните землю* (Быт. IX, 1), и это слово распространилось по всей земле, так и впоследствии Он сказал: *шедше научите вся языки* (Мф. XXVIII, 19), и: *проповедано будет евангелие сие во всем мире* (Мф. XXVI, 13), и это повеление в краткое время достигло самых пределов вселенной. Потому Он и говорил: *аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод* приносит (Ин. XII, 24); и еще: *егда вознесен буду, вся привлеку к себе* (Ин. XII, 32). При начале мира от одного человека произошли многие, размножаясь по закону природы, и потому дело шло медленнее; а при апостолах общество умножалось не по закону природы, но по благодати, и потому вдруг в один день три тысячи, затем пять тысяч, потом бесчисленное множество, и наконец вся вселенная родилась славным возрождением, Церковь возросла, умножилась и самым делом доказала благословение, которое она получила, потому что *не от крове, ни от похоти плотския,* но от благодати Божией *родишася* (Ин. I, 13). *Полагаяй пределы твоя мир.* Это преимущественно и в собственном смысле можно сказать о Церкви; и притом, что особенно удивительно, она наслаждалась миром в то время, как боролась с врагами, и наслаждалась безопасностью тогда, когда все строили ей козни. Потому и сказал Господь: *мир мой оставляю вам, мир мой даю вам* (Ин. XIV, 27). *И тука пшенична насыщаяй тя.* И это можно в переносном смысле относить к Церкви и разуметь о духовной пище, о том хлебе жизни, который Он даровал нам. *Посылаяй слово свое земли, до скорости течет слово его.* Какое, скажи мне, слово? Слово, проповеданное апостолами и обтекшее всю вселенную быстрее птицы. Так и Давид, выражая то же в другом месте, говорит: *Господь даст глагол*

благовествующим силою многою (Пс. LXVII, 12). Если же кто из безумных сомневается в этом, то пусть научится из перемен, происходящих со стихиями, посмотрит, как снег падает вдруг и в одно мгновение времени обнимает всю землю, не продолжительно покрывая лицо ее, но вдруг одевая ее. Так как псалмопевец был пророком, и ему свойственно было, предсказывая будущее, говорить неясно и в переносном смысле, то он справедливо распространяется о стихиях. Смысл слов его следующий: вся земля будет оглашена словом Божиим, и притом с великой скоростью и в краткое время. Потом, чтобы кто-нибудь не усомнился и не сказал: если один иудейский народ, пользовавшийся столь долгое время таким попечением, не сделался лучшим, то как возможно в короткое время исправиться жителям целой вселенной? — пророк в подтверждение своих слов приводит примеры стихий, как то: снег, иней, град, которые происходят в одно мгновение. Поэтому не сомневайся и в том, что расположения людей легко могут измениться. Но почему же многие противятся? И они уступят и покорятся. Если небольшого холода, когда он усиливается, никто не может переносить, но все уступают ему и преодолеваются им, то тем более слову и повелению Божию покорится все противящееся. Он имеет силу изменять существа, давать бытие несуществующим, сообщать им такую силу, что они становятся для всех невыносимыми. *Возвещаяй слово свое Иакову, оправдания и судбы своя Исраилеви.* И здесь без погрешности можно разуметь духовного Иакова и Израиля, которого знал Павел и говорил: *мир вам и на Исраили* Бога (Гал. VI, 16), Которому слава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 148

Хвалите Господа с небес, хвалите его в вышних. Хвалите его вси ангели его (ст. 1, 2)

1. Так обыкновенно поступают святые по великому своему благоговению: когда они намереваются благодарить Бога, то призывают многих к участию в славословии и приглашают присоединиться к ним для этого доброго служения. Так поступили три отрока, которые, находясь в печи, приглашали все твари к прославлению оказанного им благодеяния и к славословию Бога. Так поступает и здесь пророк, призывая тот и другой мир, горний и дольний, чувственный и духовный. То же делает пророк Исаия, когда говорит: *радуйтеся небеса, и веселися земле, яко помилова Господь люди своя* (Ис. XLIX, 13). И тот же псалмопевец, когда говорит: *во исходе Исраилеве от Египта, дому Иаковля из людей варвар: горы взыграшася яко овни, и холмы яко агнцы овчии* (Пс. CXIII, 1, 4). И еще Исаия в другом месте: *облацы да кропят правду* (Ис. XLV, 8). Как бы находя себя одних недостаточными для прославления Владыки, они стараются сделать всех участниками славословия. Особенно часто делает это псалмопевец, – например, когда говорит: *и да поклонятся ему вси ангели* Божии (Пс. XCVI, 7); и еще: *силнии крепостию, творящии слово его* (Пс. CII, 20).

Этим он внушает еще нечто другое. Что же такое? То, чтобы никто из безумных не думал, будто существуют два Создателя. Так как твари различны, отличаются друг от друга по существу своему, именно: одни чувственные, другие духовные, одни видимые, другие невидимые, одни облеченные телами, другие бестелесные, то, чтобы кто-нибудь из различия созданий не стал заключать о двух Создателях, пророк учреждает один хор, воссылая Богу от всех одно песнопение и внушая, что одного и того же Бога должны славословить и гор-

ние и дольние твари, и тем научая, что один Создатель тех и других. Он начинает с высших тварей и говорит: *хвалите его вси ангели его, хвалите его вся силы его.* Другой переводчик (Симмах) говорит: *все воинства его.* Он разумеет здесь херувимов, серафимов, господства, начала, власти. Это — знак пламенной души, это — свойство горячей любви: побуждать всех к славословию возлюбленного; это — знак души, постоянно услаждающейся мыслью о Боге, изумляющейся и удивляющейся Его славе, преданной Ему. *Хвалите его солнце и луна: хвалите его вся звезды и свет.* Другой (Симмах): *звезды света. Хвалите его небеса небес, и вода, яже превыше небес. Да восхвалят имя Господне: яко той рече, и быша: той повеле, и создашася. Постави я в век, и в век века* (ст. 3—5). Другой (неизвестный переводчик): *поставил их пребывать вечно. Повеление положи, и не мимо идет* (ст. 3—6). Почему пророк, сказав немного о небесных силах, тотчас оставил их и, обратившись к видимым предметам, говорит о них пространно, перечисляя все порознь, находящиеся и вверху, и внизу? Потому, что эти предметы для тогдашних слушателей были понятнее, как видимые и находящиеся перед глазами. Потому и Моисей, в повествовании о сотворении мира, не сказав ничего — ни малого, ни многого — о существах горних, начинает речь с неба и земли, потом переходит к солнцу, луне, растениям, плавающим, четвероногим, и оканчивает человеком. Словами *небеса небес* пророк не означает здесь множества их, но выражает одно и то же *небо небесе.* На еврейском языке небо обыкновенно называется небесами. Подобным образом в другом месте он говорит: *небо небесе Господеви, землю же даде сыновом человеческим* (Пс. CXIII, 24). *И вода, яже превыше небес.* Ты слышал Моисея, который говорит, что Бог одни воды поместил внизу, другие утвердил выше свода небесного, когда основал твердь среди бездны и повелел водам пребывать выше тверди.

Но, может быть, кто-нибудь скажет: как могут все эти творения хвалить Бога, не имея ни голоса, ни языка, ни души, ни смысла, ни разума, ни органа голоса, ни мысли? Есть два способа славословия: один посредством слов, другой посредством созерцания и, кроме того, третий – посредством жизни и дел. Так и люди не только словами, но и молча могут возносить славу Богу, как говорит Христос: *да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16). И еще: *прославляющия мя прославлю* (1 Цар. II, 20). Бывает славословие посредством языка, как славословил Бога Моисей с Мариамной, когда говорил: *поим Господеви: славно бо прославися* (Исх. XV, 1). Бывает славословие и посредством самой твари, как говорит тот же псалмопевец: *небеса поведают славу Божию, творение же руку его возвещает твердь* (Пс. XVIII, 1). Так и здесь тварь прославляет Его своей красотой, расположением, величием, свойствами, употреблением, служением, постоянством, пользой, происходящей от нее. Итак, когда пророк говорит: *хвалите Господа ангели, силы, небеса, луна, солнце, звезды, вода, яже превыше небес,* то выражает, что каждая из тварей достойна премудрости Создателя и исполнена великих чудес. То же и Моисей в начале выразил кратко в словах: *и виде Бог вся, елика сотвори, и се добра зело* (Быт. I, 31), – прекрасно так, что прославляет Творца и располагает зрителя к славословию Художника.

2. Таким образом *хвалою* пророк называет красоту тварей, которая доставляет хвалу Создателю. То же и Павел говорит: *невидимая бо от создания мира твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила и Божество* (Рим. I, 20). И псалмопевец, сказав о тварях и предоставив созерцающим их изучать их красоту, величие и пользу, сам указывает на Виновника всего этого и говорит: *той рече, и быша: той повеле, и создашася. Постави я в век, и в век века. Повеление положи, и не мимо идет.*

Что творения прекрасны и удивительны, это видно при самом взгляде на них; а что они имеют Творца, не существуют сами собой и безначальны, это достаточно видно из самых слов его. Если же кто сомневается, то пусть научится от меня, что они имеют Творца, Художника, промыслителя и Хранителя. Пророк внушает здесь две мысли, или, лучше сказать, три, а если внимательнее исследовать, то и четыре; именно говорит, что Бог сотворил все, сотворил из ничего, сотворил легко и поддерживает сотворенное. Выражение *той рече* означает легкость действия, как и Павел, изъясняя то же, говорит: *животворящему мертвыя, и нарицающему не сущая яко сущая* (Рим. IV, 17), словом — *нарицающему* указывая на легкость. А что Бог и поддерживает сотворенное, это показывает сам пророк, прибавляя: *постави я в век, и в век века. Повеление положи, и не мимо идет.* Смотри, как и здесь он опять выражает власть, могущество Божие, не только словом: *постави*, но и словом: *повеление*, означая Его деятельность человеческими выражениями. Как для тебя легко — сказать, и не трудно — дать приказание, так для Бога — создать несуществующее и поддерживать сотворенное; или даже не так, но гораздо легче. Невозможно и представить чрезвычайную легкость, с какой Он сотворил все. И удивительно не только то, что Он поддерживает все и что законы природы остаются непреложными, но и то, что они остаются бесконечно долгое время. Представь, сколько прошло веков и ничто из существующего не разрушалось: ни море не затопило земли, ни солнце не сожгло вещей видимых, ни небо не поколебалось, ни пределы дня и ночи не смешались, равно ни перемена времен года, ни что-нибудь другое подобное, но каждую из тварей низших и высших Он устроил так, что она во всей точности соблюдает однажды назначенные ей в начале пределы. Сказав о тварях высших и небесных, пророк нисходит

потом на землю. Как поступил он в отношении к высшим тварям, именно: начав с превыше небесных, перешел к небесным, так и здесь от небесных переходит к земным. Есть люди, которые говорят, что находящиеся на небе твари достойны творчества Божия, а земных порицают, указывая на то, что здесь есть скорпионы, ехидны, драконы и прочие роды диких зверей, также и деревья бесплодные; поэтому пророк, как бы опровергая их, раскрывает свой предмет с другой стороны. И посмотри, как он поступает: опустив тех животных, которые несомненно признаются добрыми и которых польза доказывается опытом, как то: овец, волов, ослов, верблюдов и прочих животных, служащих нам к перевозке тяжестей, он обращается к животным, которые кажутся бесполезными, указывая на драконов, на непроходимую часть моря, и на то, что кажется вредным, как то: огонь, град, снег, иней; потом на бесплодные деревья, горы; оставив поля и равнины, удобные для земледелия и произращения добрых плодов, он переходит к горам, холмам, к местам пустынным и упоминает о животных пресмыкающихся. Впрочем, чтобы яснее видеть это, нужно выслушать самые слова его. Сказав: *повеление положи, и не мимо идет,* он продолжает: *хвалите Господа от земли, змиеве и вся бездны: огнь, град, снег, голоть, дух бурен, творящая слово его.* Другой (неизвестный) переводчик говорит: *ветер тифона. Горы и вси холми, древа плодоносна, и вси кедри: зверие и вси скоти, гади и птицы пернаты* (ст. 7–10). Для чего он так составил свою речь? Для того чтобы сильнее доказать промышление Божие. Если и те твари, которые кажутся бесполезными и враждебными роду человеческому, так прекрасны и так полезны, что возносят хвалу и славословие Богу своим составом, то представь, каковы прочие. Если угодно, рассмотрим каждую из названных тварей. *Змиеве,* говорит, *и вся бездны. Змиями* он называет здесь китов, как и

в другом месте говорит: *змий сей, егоже создал еси ругатися ему* (Пс. CIII, 26). И во многих местах это животное так называется.

3. Но как, скажешь, это животное прославляет Творца? А как оно не прославляет? Когда ты посмотришь на его величину и состав тела, о котором с большой подробностью Писание говорит в книге Иова (см.: XL, 11), то можешь ли не удивляться Создателю, произведшему такое животное? И не только по своей величине оно достойно удивления, но и потому, что для жилища ему назначена непроходимая часть моря. Удивительно и то, как это дикое и огромнейшее животное не преступает своих пределов, но остается в назначенных ему для жительства местах, и не только не выходит на землю, или на обитаемые страны, но не вредит и той части моря, которая удобна для мореплавания, и не истребляет разных родов рыб, но живет в своем месте. И не только это заслуживает удивления, но и самая глубина бездны. Что сказано об этом звере, то же можно заметить и о море. И оно, бывая неудержимым во время сильных ветров и имея такое множество воды, не выходит из своих пределов, не затопляет соседней земли, но также связано неразрывными узами, хотя вода по природе своей беспокойна. Если же оно имеет столь огромную величину и возмущается такими ветрами, то представь, как велико чудо, что оно не выступает из своего места, несмотря ни на беспокойную свою природу, ни на огромность, ни на силу ветров, но при таком беспорядке соблюдает совершенный порядок. Размышляя об этом, ты можешь и отсюда составить хвалу Богу, и удивляться Его могуществу, премудрости, силе, власти. Есть и другие неизъяснимые причины этих явлений, которые знает только Сам Создатель. Потому и сказал некто: не говори: почему *сие, на что сие? Вся бо на потребу* его *создана быша* (Сир. XXXIX, 22). *Огнь, град,*

снег, голоть, дух бурен, творящая слово его. Здесь пророк прибавляет к вышесказанному нечто новое. В предыдущем псалме он удивлялся тому, как снег, иней в короткое время покрывает всю землю, как он отвердевает, изменяется, превращается в противоположное состояние; а здесь он удивляется тому, как вещи, произшедши из небытия, продолжают бытие и, продолжая бытие, совершают дело служения Богу, хотя сами неразумны, и приводят повеление Его в исполнение с великой покорностью. Даже одна и та же вещь по повелению Его часто производила действия, по свойству своему противоположные, — как, например, в вавилонской печи огонь и сожигал, и орошал, совершая в одно время то и другое. Но, скажешь, разве это заслуживает благодарности? И великой. Бога должно прославлять одинаково как тогда, когда Он наказывает, так и тогда, когда избавляет от наказания. То и другое свидетельствует об Его попечении; то и другое есть дело Его благости. Люди одно делают по доброте, а другое по злобе и гневу; но Бог делает то и другое по человеколюбию. Так, одинаково должно прославлять Его и за то, что Он поселил Адама в раю, и за то, что изгнал его, и благодарить не только за царство, но и за геенну, потому что и ее Он приготовил и ею угрожает для того, чтобы отклонить нас от зла. Как врача мы уважаем не только тогда, когда он питает, но и тогда, когда изнуряет голодом, не только когда выводит на улицу, но и когда заключает дома, не только когда намащает, но и когда жжет и отсекает, — потому что, хотя эти действия противоположны, но имеют в виду одну цель, — так и Бога должно прославлять за все, и тем более, что там человек, а здесь Бог, и что те действия часто имеют противоположный исход, а дела Божии совершаются с величайшей премудростью и промышлением. Град и огонь не только служат наказанием, но и они иногда избавляли от нака-

зания, прекращали войны, прогоняли нападавших неприятелей. Или ты не знаешь, сколько чудес сотворено посредством этих стихий в Египте, у иудеев и при нашем поколении? Сила Повелевающего такова, что Он часто и посредством стихий совершал такие же чудеса, какие совершал посредством ангелов, этих разумных и верховных сил, для того, чтобы, когда совершает их ангел, кто-нибудь из безумных не приписал их ему самому, но приписывал бы Повелевшему. Так, прекратил ли ангел войну? И град также прекращал ее. Истребил ли ангел первородных? И морская буря истребляла целый народ. Потому за все благодари человеколюбивого Бога. *Горы и вси холми, древа плодоносна, и вси кедри. Зверие и вси скоти, гади и птицы пернаты.* Посмотри, как пророк останавливается более на предметах не столь полезных, на горах, оврагах, холмах, диких зверях, пресмыкающихся и деревьях бесплодных. Деревья плодородные сами собой представляют очевидную пользу, равно как ровные поля и кроткие животные; а дикие звери, пресмыкающиеся, горы и бесплодные деревья какую, скажешь, приносят пользу? Великую и много способствующую к поддержанию нашей жизни. Так, горы, и холмы, и бесплодные деревья весьма нужны нам для строения, так что, если бы их не было у нас, то ничто не защищало бы рода нашего от истребления. Как ровные поля нужны нам для питания, так бесплодные деревья и камни нужны для построения домов и для приготовления из них бесчисленного множества других изделий.

4. А змеи, скажешь, скорпионы, драконы, львы какую приносят выгоду для жизни? Какая от них польза? Великая и неизреченная, не меньше, чем от кротких животных. Те полезны для телесных потребностей, а эти внушают тебе страх, делают тебя благоразумным, приучают к борьбе, приводят тебе на память грех прародителя в раю и показывают, каких зол бывает причи-

ной непослушание. Прежде звери не были такими, не были страшными и опасными для человека, но были кроткими и ручными. Бог привел их к Адаму, и он нарек им имена. Змей говорит с Евой, и Ева не убегает от него. Но когда заповедь была нарушена и оказано было непослушание Богу, тогда уменьшилась честь человека. Поэтому, когда ты увидишь льва или змея, то вспомни об этих событиях и они послужат тебе немалым поводом к любомудрию. Вспомни также о Данииле, как страшные звери сделались для него нестрашными, когда он возвратился к древнему образу (Божию), равно как и ехидна для Павла, и ты приобретешь отсюда немалую ревность и попечение о душе. Вместе с тем и по другой причине нужно дивиться устроению и распоряжению о них Божию. Почему? Потому, что Он назначил им для жительства места, удаленные от городов, пустыни; будучи страшными, они не обитают в городах и не нападают на живущих в них, но любят и предпочитают пустыню, так как Бог издревле назначил им ее, чтобы они там имели удобное и свойственное себе место жизни. Когда ты спишь, они ходят по пустыне. Так и пророк в другом месте говорит: *положил еси тму, и бысть нощь, в ней же пройдут вси зверие дубравнии* (Пс. CIII, 20). Видишь ли, как и теперь еще остаются следы твоей власти, хотя и сокращенные, однако свидетельствующие о прежней чести? Дикие звери, как беглые рабы, отделены от тебя и временем, и местом; и если ты сам не пойдешь к ним, то и они не нападут на тебя, но будут жить в пустынях. Когда ты огорчаешься и недоумеваешь, для чего сотворены дикие звери, то поступаешь весьма безрассудно, — потому что, если ты сам будешь хорошо вести себя, то не потерпишь от них никакого вреда; если же потерпишь вред от зверей, то вспомни, что и от людей ты часто терпишь вред гораздо тягчайший. Человек бывает хуже зверя. Тот прямо

обнаруживает свое зверство; а этот скрывает свою злобу под видом кротости и потому часто бывает трудно остеречься его. Впрочем, если ты будешь благоразумен, то ни зверь, ни человек не только не причинят тебе никакого вреда, но еще принесут весьма великую пользу. Но что я говорю о звере и человеке, когда и сам диавол не только не причинил никакого вреда Иову, но и послужил для него поводом к получению бесчисленных венцов? И что я говорю: зверь и человек, когда и от заключающихся в тебе веществ, если будешь нерадив, можешь потерпеть гораздо больший вред, как например, от желчи или мокроты, если какой-нибудь неумеренностью дозволишь им слишком умножиться? Так во всем нужно внимательное благоразумие. Как при нерадении ты получаешь от них величайший вред, так при благоразумии и внимательности приобретешь от них же немаловажную пользу. Все зависит от твоей воли. Так, к чему во всей природе служит снег, огонь и буря, к тому же в теле служат мокрота, кровь и желчь. Поэтому нужно умерять их с величайшим благоразумием, чтобы получить от них какую-нибудь пользу, а не вред. Но что я говорю о теле, когда и душа имеет такие принадлежности, которые делаются болезнями, если допустишь их дойти до неумеренности, а когда умеряются, то служат в пользу? Так, гнев, если будешь пользоваться им, как должно, служит спасительным врачевством, а если неумеренно, то бывает причиной погибели. И похоть, управляемая с умеренностью, делает тебя отцом, так как она бывает полезной для рождения детей; а если не умеряется, то часто ввергает тебя в блуд и прелюбодеяние. Итак, не слагай вины на посторонние предметы, но всегда обвиняй свою волю. Если ты будешь оставлять ее в пренебрежении, то потерпишь вред и от себя самого, погибнешь и от собственного тела; а если будешь благоустраивать ее, то не испытаешь ниче-

го худого и неприятного ни от бесов, ни от диавола, а не только от зверей.

Царие земстии и вси людии. Другой (неизвестный) переводчик говорит: *все племена. Князи и все судии земстии: юношы и девы.* Другой (неизвестный переводчик): *избранные. Старцы с юношами.* Другой (неизвестный переводчик): *с юными. Да восхвалят имя Господне* (ст. 11, 12). Здесь пророк говорит о другом виде промышления Божия – о начальниках. Так и Павел в послании к Римлянам весьма мудро доказывает, что разделение всех людей на начальников и подчиненных есть дело премудрости Божией: *Божий бо слуга есть,* говорит, *тебе во благое* (Рим. XIII, 4). Если ты уничтожишь этот порядок, то все погибнет. Если и теперь, когда между начальниками есть много дурных, самое дело это так нужно, что и при дурных качествах начальников бывает от них великая польза, то представь, каким благоденствием наслаждался бы род человеческий, если бы имеющие в руках своих власть хорошо распоряжались ею. Впрочем, учреждение власти есть дело Божие; а то, что к ней допускаются люди порочные и пользуются ею не так, как должно, зависит от испорченности людей.

5. Итак, пророк говорит, что должно возносить великую благодарность Богу и за то, что есть цари, и за то, что есть судьи. Имея попечение о благоустройстве людей, чтобы многие из них не жили бессмысленнее зверей, Бог учредил власть начальников и царей, как бы бразды для управления колесницей или кормило для управления кораблем. Поэтому, если ты начальник, то благодари человеколюбивого Бога за то, что ты удостоился участвовать в таком попечении; если ты подчиненный, то опять благодари Его за то, что имеешь начальника, который печется о тебе и не дозволяет злым людям строить тебе козни. Достиг ли ты старости, или еще молод, благодари Бога. Весь этот псалом особенно

научает тому, что должно за все прославлять Бога, хотя бы ты был начальником, хотя бы принадлежал к простому народу. Выражая это, пророк и сказал: *вси людие.* Юноша ли ты, говорит, или старец, жена ли или муж. *Яко вознесеся имя того единаго.* Другой (неизвестный переводчик): *потому что оно превосходно. Исповедание его на земли и на небеси.* Другой (неизвестный переводчик): *и песнопение его. И вознесет рог людей своих: песнь всем преподобным его, сыновом Исраилевым, людем приближающимся ему* (ст. 13, 14). Смысл слов его следующий: из всего видимого я показал его промышление, славу, величие; но должно славить Его не только за это, но и без этого. Действительно, и прежде этого и без этого Богу принадлежит величие, слава и благодарность от всех. Выражение *того единаго* здесь употреблено в противоположность мнимым богам. Потом, возводя слушателя к высшим понятиям, пророк опять переносит его от земли на небо. Как в начале псалма он нисходил с неба на землю, так теперь от всего видимого возводит слушателя выше неба и говорит: *исповедание его на земли и на небеси,* то есть, хотя и высшие силы, невидимые и духовные, не перестают благодарить и славословить Бога, но столь великий и столь благий Бог удостоил и нас назвать Своим народом, и не только назвать, но и возвысить и возвеличить. Поэтому он и присовокупляет: *и вознесет рог людей своих,* опять побуждая их этим к усерднейшему служению Богу и внушая, что Он не имеет нужды в их служении (как может нуждаться в нем Тот, Кому по естеству Его принадлежит слава и подчинено столько тварей?), но по одной благости приблизил их к Себе, прославил и возвеличил по всей вселенной. Это и выражает пророк словами: *песнь всем преподобным его, сыновом Исраилевым, людем приближающимся ему.* Чтобы выражение *людей своих* не подало слушателям повода сделаться беспечными и надменными и чтобы они, надеясь на одно это название,

не стали нерадеть о душевных добродетелях, пророк, после слов: *песнь всем,* не сказал просто: *людем,* но: *преподобным его,* и далее, после слов: *сыновом Исраилевым,* присовокупил: *людем приближающимся ему.* Другой (неизвестный) переводчик, вместо: *песнь,* сказал: *хвала.* Смысл слов его следующий: если вы будете праведными, если станете приближаться к Нему, то удостоитесь великой славы. Все, принадлежащее Ему, постоянно, потому что Он так богат и так славен; но мы должны делать должное с нашей стороны; тогда и мы достигнем великого прославления, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 149

Воспойте Господеви песнь нову (ст. 1)

1. В переносном смысле *новою* названа здесь песнь Нового Завета, потому что тогда обновилось все — и завет: *завещаю вам,* говорил Бог, *завет нов* (Иер. XXXI, 31), и тварь: *аще кто,* говорит апостол, *во Христе, нова тварь* (2 Кор. V, 17), и человек: *совлекшеся,* говорит он же, *ветхаго человека, и облекшеся в новаго, обновляемаго в разум, по образу создавшаго его* (Кол. III, 9, 10). Итак, по причине новой жизни и по всему прочему настоящий Завет называется Новым, и петь ныне пророк заповедует новую песнь этого Завета. А в историческом смысле здесь разумеется славная и торжественная песнь, которую иудеи должны были петь за победы, за успешные деяния, за трофеи. *Хваление его в церкви преподобных.*

Видишь ли, как пророк прежде словесной благодарности требует благодарности посредством жизни и дел и таких людей призывает в хор поющих? Недостаточно благодарить только словами, если они не будут сопро-

вождаться и добродетельной жизнью. *Хваление его в церкви преподобных.* И нечто другое он внушает здесь, именно, показывает, что должно возносить славословия с совершенным согласием, потому что *церковью* называется соединение, собрание. *Да возвеселится Исраиль о сотворшем его* (ст. 2). Прежде частных благодеяний он указывает на общее и далее приведенными словами внушает как бы следующее: благодари Бога за то, что Он произвел тебя не существовавшего и вдохнул в тебя душу. Подлинно, немаловажен и этот вид благодеяния. Но здесь он внушает и еще нечто большее. Таким выражением он указывает не просто на сотворение, но на близость Израиля к Богу, и заповедует благодарить не только за то, что Бог сотворил его, но и за то, что сделал его Своим народом. Видишь ли, как он приближает и прилепляет народ к Богу, желая, чтобы он не просто благодарил, но с радостью, с весельем и пламенной душой? Все это он выразил словом: *да возвеселится.* Он требует от благодарящего такого расположения, чтобы он воспламенялся любовью, чтобы возбуждался усердием, чтобы весь предавался прославляемому Богу. То же выражает он и в другом месте, когда говорит: *имже образом желает елень на источники водныя: сице желает душа моя к тебе, Боже.* И еще: *возжада душа моя к Богу крепкому, живому* (Пс. XLI, 2, 3). И еще: *возжада тебе душа моя, коль множицею тебе плоть моя, в земли пусте и непроходне и безводне* (Пс. LXII, 2), или, как говорит другой переводчик (Симмах): *в земле жаждущей.* Желая выразить расположение и стремление души своей, он сравнивает ее с жаждущей землей, с жаждущей ланью. И в другом месте, высказывая словами это стремление, он говорит: *когда прииду и явлюся лицу Божию* (Пс. XLI, 3)? Таковы души святых, как, например, душа Павла, которая воздыхала о том, что замедлялся исход ее отсюда. *И сынове Сиони возрадуются о царе своем.* Видишь ли, что пророк,

как я выше сказал, указывает здесь на близость, на то, что они были избранным народом Божиим? Потому он и прибавляет: о *царе своем.* Бог был царем их не только по сотворению, но и по усвоению. *Да восхвалят имя его в лице* (ст. 3). Посмотри, как и здесь видно согласие. *Лики* составляются для того, чтобы все вместе и единогласно возносили славословия. То же внушает и Павел, когда говорит: *не оставляюще собрания своего* (Евр. X, 25). То же означает и самая молитва, которая возносится всеми вместе: *Отче наш, иже еси на небесех: и остави нам долги наша: и не введи нас во искушение: но избави нас от лукаваго* (Мф. VI, 9; Лк. XI, 4), и в которой употребляется множественное число. Так и в древности люди были научаемы петь и славить Бога согласно, чтобы всеми способами они располагались к любви и единодушию. *В тимпане и псалтири да поют ему.*

2. Некоторые, принимая названия этих орудий в переносном смысле, говорят, что тимпан требует умерщвления нашей плоти, а псалтирь обращения к небу, потому что это последнее орудие приводится в движение сверху, а не снизу, как гусли. Но я сказал бы, что древние были руководимы этими орудиями по причине грубости души их и потому, что они недавно отстали от идолов. Подобно тому, как жертвоприношения, так и это Бог дозволил им из снисхождения к их немощи. Итак, пророк заповедует здесь петь с радостью. Это означают слова: *да восхвалят имя его в лице,* — с согласием, с чистой жизнью. Далее, желая возбудить в них еще большее усердие, пророк говорит и о благоволении к ним Того, Кого воспевают. *Яко благоволит,* продолжает он, *Господь в людех своих* (ст. 4). Что может сравниться с таким благополучием, когда кому благоволит Бог? *И вознесет кроткия во спасение.* Посмотри опять, как он представляет и то, что принадлежит Богу, и то, что — людям. Как выше, требуя от них благодарности, он указал и на то, что принадле-

жит Богу, сказав: *яко благоволит Господь в людех своих,* так и здесь, возвещая то, что принадлежит Богу, требует и того, что зависит от людей: *и вознесет,* говорит, *кроткия во спасение.* Возносить – дело Божие; а быть кроткими – дело людей; Божие не является, если наперед не будет человеческого. И посмотри на величие дара. Он не сказал просто: *спасет,* но: *вознесет во спасение,* то есть не только избавит от бедствий, но и сделает известными и знаменитыми, доставит им вместе со спасением и славу. Объясняя это, пророк продолжает: *восхвалятся преподобнии во славе* (ст. 5). Как там он призывает *кротких,* так здесь – *преподобных.* Бог всегда являет все дела Свои чудесно. Так Он освободил евреев из Египта, так вывел их из Вавилона, сделав их славными не только избавлением от бедствий, но и чудесами, бывшими при этом. *И возрадуются на ложах своих.* Таким прибавлением пророк выражает великую безопасность, великое спокойствие, великую радость, великое удовольствие. Это говорит он для того, чтобы они знали, что все сделано было не их собственным оружием, не их собственной силой, но содействием Божиим, которое нужно приобретать смирением и кротостью. *Возношения Божия в гортани их, и мечи обоюду остры в руках их. Сотворити отмщение во языцех, обличения в людех* (ст. 6, 7). Здесь он описывает войну с ликованием и говорит, что, если они будут петь и славословить Бога, то одержат победу. *Возношениями* называет он славословия, песнопения, благодарения. Поэтому другой (неизвестный) переводчик, вместо *возношения,* сказал: *славословия. Сотворити отмщение во языцех, обличения в людех.* Что это значит? Так как враги, победившие иудеев, во все время (плена) оскорбляли их, то он обещает обличить врагов делами и показать посредством дел, что не недостаток силы в Боге, но грехи иудеев доставляли победу врагам их. Когда они достаточно были наказаны, то человеколюбивый Бог

одним мановением произвел в обстоятельствах их чудную перемену. И посмотри на превосходство победы. Пророк продолжает: *связати цари их путы, и славныя их ручными оковы железными* (ст. 8). Видишь ли величие силы? Они не только прогнали и разбили врагов, но и возвратились с пленниками, являя всем могущество Божие. *Сотворити в них суд написан* (ст. 9). Что значит: *суд написан?* Явный, всеми признаваемый, такой, который не может быть предан забвению. Таковы дела Божии: и по величию событий, и по чрезвычайности чудес они простираются на все (будущее) время. Такая, говорит, будет победа, такой трофей, будет всем столь известен и столь очевиден, как будто бы он был начертан на столбе и никогда не изгладится. *Слава сия будет всем преподобным его.* Какая слава? Слава победы, или – лучше – не просто победы, но такой победы, при содействии Божием, при помощи свыше. Смотри, как пророк опять упоминает о *преподобных,* возбуждая в слушателях ревность к добродетели и святой жизни. Впрочем, мне кажется, под именем славы он разумеет не только победу, но и хвалу, песнопения, славословия, научая всем этим, что прославляющие Бога приобретут и себе великую славу, явятся более светлыми, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

НА ПСАЛОМ 150

Хвалите Бога во святых его. Другой переводчик (Симмах) говорит: во святилище его. Третий (Акила): во святыне его (ст. 1)

1. Здесь пророк говорит или о народе, или о святой жизни и святых мужах. Смотри, как он оканчивает книгу благодарностью, научая нас, что это должно быть и

началом, и концом наших действий и бесед. Так и Павел говорит: *все еже аще что творите словом или делом, всегда* благодарите *Бога и Отца тем* (Кол. III, 17). Так же начинается и наша молитва. Говорить: *Отче наш* свойственно тем, которые благодарят за полученные дары, означая все дары одним этим названием. Кто назвал Бога *Отцем*, тот исповедал усыновление; а кто исповедал усыновление, тот возвестил оправдание, освящение, искупление, отпущение грехов, дарование Духа. Все это наперед должно быть, чтобы мы имели усыновление и удостоились назвать Бога Отцом. Впрочем, мне кажется, пророк указывает здесь еще на нечто другое: *во святых его,* говорит он, то есть через святых Его. Благодарите Его за то, что Он так устроил жизнь, или: что сделал людей ангелами. Потому, сказав наперед: *во святых,* пророк прибавляет: *хвалите его во утверждении силы его,* выражая то, что я сказал, так как этого Бог желает более, нежели того, и небо сотворено для человека, а не человек для неба. Другой переводчик (Симмах), вместо: *во утверждении,* говорит: *в неистребимом.* Третий (Акила): *во утверждении державы его.* Мне кажется, что пророк указывает и еще на нечто другое, как и в предыдущем псалме. Как там он сказал: *хвалите его ангели его,* так и здесь: *хвалите его во утверждении его*, то есть находящиеся на тверди Его. Он непрестанно призывает горние силы к участию в славословии. *Хвалите его на силах его* (ст. 2). Другой (неизвестный переводчик): *чрез силы его.* В еврейском: вегевурофав. Смысл слов его следующий: хвалите Его за силы Его, за могущество Его, за чудеса Его, за могущество, которое Он являет во всем, горнем и дольнем, общем и частном, над каждым и непрестанно. *Хвалите его по множеству величествия его.* Но возможно ли вознести хвалу, соответствующую множеству величия Его? Пророк не говорит: соответствующую, но такую, какую ты можешь возносить, представляя множество

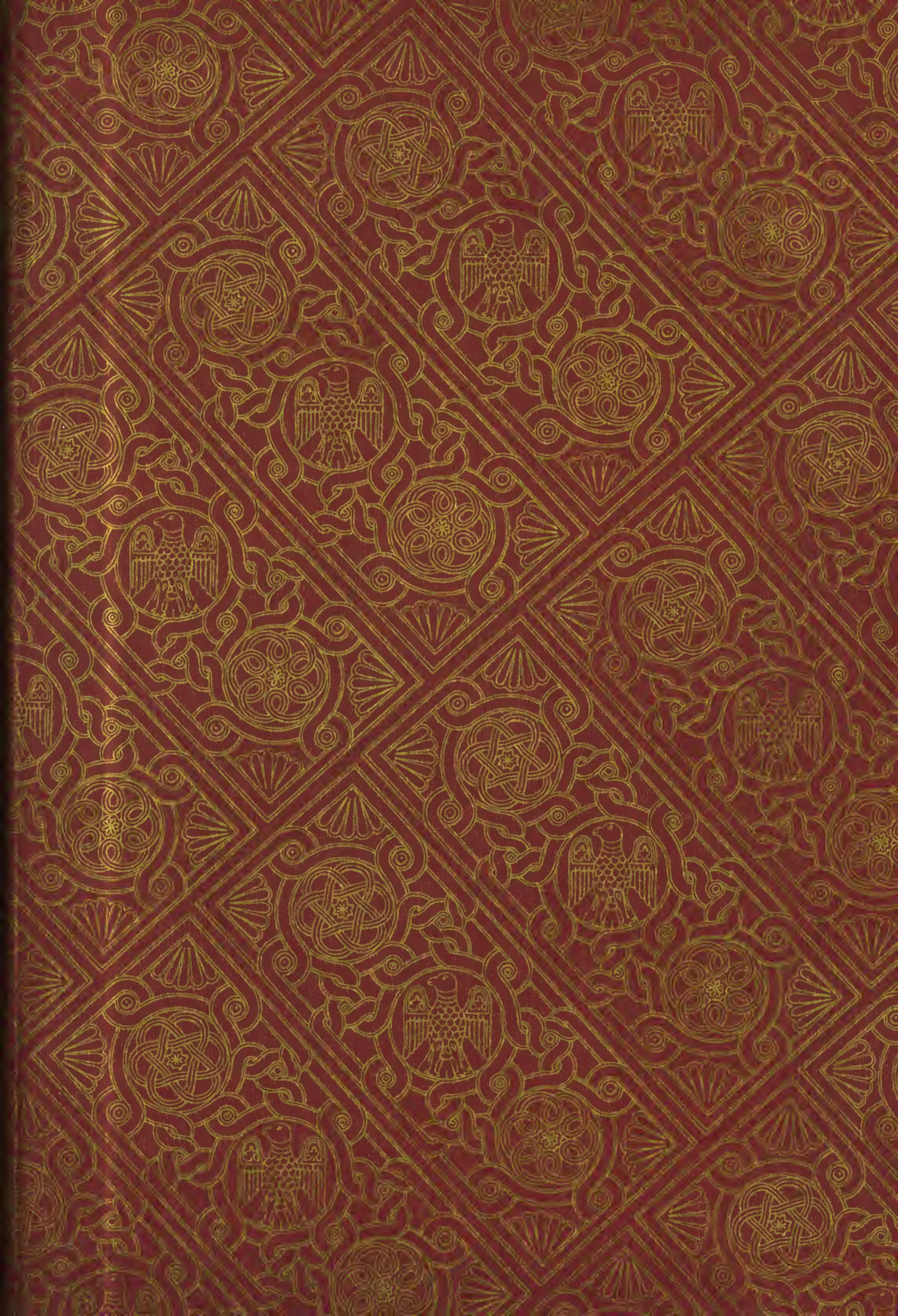
величия Его; возноси такую хвалу, какая возможна для тебя, какую человек должен возносить великому и безмерно великому Богу; а хвалу, достойную Его, никто вознести не может. Видишь ли стремление души? Видишь ли душу пламенную, стремящуюся и усиливающуся преодолеть собственную немощь и возлететь наконец к самому небу, душу, соединившуюся с Богом и преданную Ему с великой любовью? *Хвалите его во гласе трубнем.* Другой (Симмах): *звуком рога. Хвалите его во псалтири и гуслех.* Другой (неизвестный переводчик): *цевницею и лирою. Хвалите его в тимпане и лице, хвалите его во струнах и органе.* Другой (неизвестный переводчик): *струнами и гуслями. Хвалите его в кимвалех доброгласных, хвалите его в кимвалех восклицания.* Другой (неизвестный переводчик): *в кимвалах знамения. Всякое дыхание да хвалит Господа.* Другой (неизвестный переводчик): *вздох* (ст. 3–6). Пророк приводит в движение все музыкальные орудия и заповедует на всех их возносить стройную песнь, воспламеняя и возбуждая душу слушателей.

Как иудеям заповедано было славить Бога всеми музыкальными орудиями, так и нам повелевается славословить Его всеми членами: глазами, языком, слухом и руками. Это выражает Павел, когда говорит: *представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше* (Рим. XII, 1). Славит Его глаз, когда не смотрит бесстыдно; и язык, когда поет; и слух, когда не внимает срамным песням и клеветам на ближнего; и сердце, когда не строит козней, но источает любовь; и ноги, когда бегут не на совершение зла, а на исполнение добрых дел; и руки, когда простираются не на хищение, любостяжение и побои, а на милостыню, и защиту обижаемых. Тогда человек делается благозвучной псалтирью, вознося Богу самую стройную и духовную песнь. Те орудия были дозволены тогда иудеям, как по их немощи, так и для того, чтобы располагать их к

любви и согласию, побуждать ум их исполнять с радостью то, что доставляет пользу, и таким услаждением души руководить их к большему усердию. Бог, зная их грубость, леность и беспечность, хотел таким мудрым распоряжением пробудить их от усыпления, облегчая труд продолжительной молитвы приятностью музыкального пения. Что же значит: *в кимвалах знамения?* Так называет пророк псалмы. Иудеи не просто ударяли в кимвалы, не просто играли на гуслях, но, сколько возможно, и посредством кимвалов, и посредством труб, и посредством гуслей выражали значение псалмов; к этому они прилагали усердие и старание, которое приносило великую пользу. *Всякое дыхание да хвалит Господа.* Призвав жителей небесных, пробудив народ, приведши в движение все музыкальные орудия, пророк наконец простирает речь ко всей природе, приглашая к песнопению всякий возраст, старцев, мужей, юношей, отроков, жен, вообще всех жителей вселенной, и таким образом наперед рассеивает семена Нового Завета для людей, распространенных по всей земле. Итак, будем постоянно хвалить Бога и непрестанно благодарить Его за все и словами, и делами. Это – наша жертва и приношение; это – служение, самое лучшее и достойное ангельской жизни. Если мы будем постоянно славить Его таким образом, то и настоящую жизнь проведем без всякого преткновения и достигнем будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СВТ. ИОАНН
ЗЛАТОУСТ
II